

W 49/159 3

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калачовымъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

С.-Петербургъ.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Марта 17 дня 1862 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.
Исправл. должн. Цензора С. Загибенинъ.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ.

1860—1861.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

С.-Петербургъ.

1862.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Борьба Славянъ съ Нѣмцами на Балтійскомъ поморьѣ въ средніе вѣка . . А. Ѳ. ГИЛЬФЕРДИНГА.

II. Обозрѣніе постепеннаго образованія разныхъ классахъ сельскихъ обывателей . . . . П. Д. КАЛМЫКОВА.

III. Отъ Костромы до Соль-Галича . . . И. П. КОРНИЛОВА.

IV. Замѣтки о бытѣ Якутовъ Колымскаго уѣзда . . . . Г. СТЕПАНОВА.

V. Дополнительныя розысканія о судьбѣ книги «Lettres Moscovites» . . . . КН. М. А. ОБОЛЕНСКАГО.

VI. Приказъ помѣщика А. М. Черемисинова старостѣ деревень Елоховой и Михѣевской.

VII. Запись, данная Новгородскимъ княземъ Симеономъ Ольгердовичемъ Лугвеніемъ королю польскому Владиславу. СООБЩ. А. П. ЗЕРНИНЫМЪ.

VIII. Челобитная Вологжанъ архіепископу Маркелу, 1653 г. . . . . СООБЩ. Н. И. СУВОРОВЫМЪ.

IX. Русскіе законы о союзѣ семейственномъ (по поводу статьи г. Филиппова «Взглядъ на русскіе гражданскіе законы») . . . . П. А. МУЛЛОВА.

X. Нѣсколько словъ о мѣрахъ противъ уклоненій отъ слѣдствія и суда . . Н. И. ЛАНГЕ.

XI. Замѣтка по поводу Наказа импер. Екатерины II кн. М. Н. Волконскому (1771 г.) . . . . А. А. КОНОНОВА.

XII. Нѣчто о древнемъ Стромынскомъ монастырѣ . . . . С. СМИРНОВА.

XIII. О хлѣбной четверти въ древней Россіи. Л. ОПТУХИНА.

XIV. О значеніи письменныхъ головъ . . Д. ЛИСОВСКАГО.

Монографія: Основныя начала законодательства, л. 1—4. . . . . ПЕРЕВОДЪ А. А. КОНОНОВА.

БОРЬБА СЛАВЯНЪ СЪ НѢМЦАМИ НА БАЛТІЙСКОМЪ ПОМОРЬѢ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Вступленіе.

Въ 1855 году я издалъ первую часть историческаго труда о Славянахъ, обитавшихъ въ средніе вѣка на Балтійскомъ поморьѣ, между Эльбою и Вислою.

Приступая къ продолженію этого труда, именно къ исторіи борьбы этихъ Славянъ съ Германскою имперіею и ихъ истребленія, считаю нужнымъ представить въ краткихъ словахъ главныя положенія, къ какимъ привела меня первая часть моихъ изысканій о Балтійскихъ Славянахъ.

Славяне жили искони на южномъ берегу Балтійскаго моря, тамъ же, гдѣ они являются осѣдлыми послѣ такъ называемаго великаго переселенія народовъ, разрушившаго Римскую имперію. Еще до Рождества Христова были тамъ Славяне, какъ видно изъ сказаній греческихъ и римскихъ писателей. Писатели эти, получая свѣдѣнія о нихъ черезъ посредство Нѣмцевъ, обозначали Прибалтійскихъ Славянъ, какъ и разныя другія вѣтви славянскаго племени, подъ именемъ *Вендовъ*, *Виндовъ* или *Венедовъ*, постоянно употреблявшимся самими Нѣмцами какъ названіе Славянъ.

Съ весьма древнихъ временъ (т. е. при Юліи Цезарѣ и, вѣроятно, еще до него), Нѣмцы, вслѣдствіе особенностей своего быта, безпрестанно высылали на чужбину воинственныя дружины, подъ предводительствомъ знатныхъ людей своихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дружинъ, отправляясь на востокъ, покорили Славянъ Балтійскихъ и основали между Эльбой и Вислой нѣмецкія владѣнія. Подобныя дружины выходили также изъ Скандинавіи.

Когда Римляне завоевали землю между Дунаемъ и Карпатскими горами (въ началѣ II вѣка по Р. Х.), то удары, нанесенные ими тамошнимъ племенамъ, изъ которыхъ многія, безъ всякаго сомнѣнія, были славянскія, привели въ движеніе и значительную часть

Славянъ, жившихъ внѣ покоренной Римлянами области, особливо между Карпатами и Балтійскимъ моремъ. Съ тѣхъ поръ началось освобожденіе ихъ отъ нѣмецкихъ дружинъ, которыя стали уходить изъ ихъ земель, частью назадъ въ Германію и далѣе на западъ и югъ въ римскіе предѣлы, частью въ восточныя страны Европы. Одна изъ такихъ дружинъ, именно Готы, владѣвшіе еще во II вѣкѣ славянскими землями на Балтійскомъ поморьѣ, удалились въ предѣлы нынѣшней Россіи и образовали тутъ, въ IV вѣкѣ, обширное государство между Славянами и Финнами.

Гунны разрушили это Готское государство въ восточной Европѣ, и Аттила, передъ которымъ бѣжали нѣмецкія дружины на западъ и югъ, способствовалъ окончательному очищенію отъ нихъ славянской земли на южномъ берегу Балтійскаго моря. Сѣверо-западные Славяне, какъ и другіе ихъ соплеменники, вѣроятно, признавали надъ собою власть гуннскаго царя. Когда его держава распалась (послѣ смерти его, въ 451 году) и Гунны оттѣснены были въ Черноморскія степи, Славяне остались въ полномъ обладаніи землями на восточной сторонѣ рѣки Эльбы; рѣка эта съ тѣхъ поръ раздѣляла Нѣмцевъ и Славянъ.

Славяне, жившіе между Эльбою (которую намъ слѣдовало бы называть славянскимъ именемъ Лаба) и Вислою, дѣлились, подобно всѣмъ прочимъ Славянамъ въ началѣ ихъ исторіи, на нѣсколько племенъ. Имена и мѣсто жительства этихъ племенъ мы знаемъ опредѣленно изъ историческихъ свидѣтельствъ VIII и послѣдующихъ столѣтій; не можетъ быть сомнѣнія, что они были почти такими же издавна, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ удаленіе нѣмецкихъ дружинъ позволило Славянамъ установиться и окрѣпнуть въ этомъ краѣ, т. е. съ V вѣка.

Главнѣйшія племена, на которыя дѣлились Балтійскіе Славяне, были:

Вагры, на крайнемъ сѣверо-западѣ, въ восточной половинѣ нынѣшней Голштиніи и на островѣ Фембрѣ или Фемернѣ;

Полабцы, на югъ отъ нихъ по берегу Эльбы, въ нынѣшнемъ Лауенбургскомъ герцогствѣ;

Глиняне и *Смольняне*, южнѣе Полабцевъ, близъ Эльбы, послѣдніе кажется, на берегу ея, въ юго-западной части нынѣшней Мекленбургіи и сѣверо-западномъ углу Бранденбургіи;

Рароги, иначе *Бодричи*, по берегу Балтійскаго моря, на востокъ отъ исчисленныхъ племенъ, отъ рѣки Травны (Trave) до Висмарскаго залива, въ западной, приморской половинѣ нынѣшней Мекленбургіи;

Варны, тоже на берегу моря, у рѣки Варновы (Warnow), въ восточной части Мекленбургъ-Шверинскаго владѣнія.

Всѣ эти племена составляли обыкновенно союзъ и являлись въ исторіи подъ общимъ наименованіемъ *Бодричей*.

Другой союзъ племенъ, жившихъ на востокъ отъ Бодричей, отъ р. Рокитницы (Reckenitz) до Одры, обозначался общимъ именемъ *Велетовъ* или *Лютичей*; къ нимъ принадлежали:

Кичане, около рѣки Рокитницы, въ сѣверо-восточной, приморской части Мекленбургъ-Шверинскаго великаго герцогства;

Черезпѣняне, на востокъ отъ Кичанъ, между морскимъ берегомъ и теченіемъ р. Пѣны (Peene): это сѣверо-западный уголъ нынѣшней Помераніи;

Доленчане, на югъ отъ р. Пѣны, до р. Доленицы (Tollense), въ части Мекленбургіи и Помераніи;

Ратаре или *Радгощане*, на югъ отъ р. Пѣны, за Доленицею, въ нынѣшнемъ Мекленбургъ-Стрѣлицкомъ владѣніи;

Моричане, на югъ отъ Доленчанъ и западъ отъ Ратарей, около озера Морьца (Müritz-see), въ юго-западномъ краю Мекленбургъ-Шверинскаго владѣнія;

Укряне и *Рѣчане*, на востокъ отъ Ратарей, по р. Укрѣ (Ucker) и до Одры.

На сѣверъ отъ земли Лютичей лежалъ островъ *Руя* (Рюгенъ), населенный также Славянами: они составляли особое племя, называвшееся *Руянами* или *Ранами*.

За Одрой примыкало къ Лютичамъ большое племя *Поморянъ* (въ нынѣшней Помераніи и части Западной Пруссіи). Они простирались по берегу Балтійскаго моря до низовьевъ Вислы; къ югу они граничили, по чертѣ рѣки Нотеци (Netze), съ Польскими Славянами. Къ Поморянамъ принадлежали также *Волынцы*, жители острова *Волыня* (Wollin), лежащаго насупротивъ устья р. Одры; восточная же часть Поморянъ, ближайшая къ р. Вислѣ, носила въ послѣдствіи особое имя *Кашубовъ*.

*

Мы прослѣдили такимъ образомъ всѣ вѣтви Балтiйскихъ Славянъ, ближайшiя къ морю: за Вислою начиналась уже чужая земля, земля литовскаго поколѣнiя: непосредственными сосѣдями Балтiйскихъ Славянъ были тутъ Прусы, западная вѣтвь Литвы.

По къ югу отъ Бодричей и Лютичей находился союзъ славянскихъ племенъ, хотя отдаленныхъ отъ морскаго берега, однако состоявшихъ по языку, быту и историческимъ судьбамъ, въ нераздѣльной связи съ племенами прибалтiйскими. Эти племена извѣстны были подъ общимъ именемъ *Гаволянъ* или *Стодорянъ* и занимали нынѣшнюю Бранденбургiю (кромѣ той части ея, которая лежитъ на западъ отъ Эльбы). Между ними важнѣйшiя были:

Брежане, на берегу Эльбы, южнѣе Глинянъ; къ сѣверу отъ впаденiя Солявы (Saale), Эльба, текущая съ юга на сѣверъ, отдѣляла ихъ отъ Нѣмцевъ; а до устья Солявы, Эльба, въ своемъ теченiи съ востока на западъ, составляла границу между Стодорскою землею и землею Полабскихъ *Сербовъ*, которые утвердились по обѣимъ сторонамъ Эльбы, на сѣверъ отъ горъ, ограждающихъ Чехiю и занимали весь уголъ между Солявою и Лабою (Салою и Эльбою) (*).

Гаволяне или *Стодоряне* въ собственномъ смыслѣ жили по теченiю р. Гаволы (Havel), въ срединѣ нынѣшней Бранденбургiи.

Спревяне занимали нижнее теченiе *Спревы* (Spree), близъ впаденiя ея въ Гаволу; наконецъ

Любушане жили восточнѣе Спревянъ, простираясь до р. Одры (гдѣ теперь городъ Лебусъ).

Южные сосѣди этихъ Славянъ были, какъ я сказалъ, Полабскiе Сербы, которые, съ своей стороны, распадались на нѣсколько племенъ (**). Сербы эти составляли, какъ видно по многимъ призна-

---

(*) Имя *Брежанъ* было, кажется, общимъ для обозначенiя всѣхъ прибрежныхъ къ Лабѣ вѣтвей стодорскихъ: оно, по-видимому, обнимало нѣсколько мелкихъ племенъ, именно (перечисляю отъ сѣвера къ югу) Нелѣтичей, Лѣшичей, Земчичей и Морачанъ.

(**) Важнѣйшiя были: собственные *Сербы* между Солявою и Лабою; *Гламочи* (или Далеминцы) въ позднѣйшей Мисiи (Meissen):—это средняя часть нынѣшняго королевства Саксонiи; *Мильчане* въ нынѣшней Верхней Лузацiи и *Лужичане* въ Нижней Лузацiи.

камъ, особую вѣтвь славянскую, отдѣльную отъ Балтійскихъ Славянъ и находившуюся въ ближайшемъ родствѣ съ Чехами (*).

Балтійскіе же Славяне принадлежали къ той вѣтви славянскаго поколѣнія, которая носила древнее имя *Ляховъ*; ближайшіе соплеменники ихъ были Славяне, соединившіеся въ послѣдствіи подъ общимъ именемъ Польскаго народа, или вѣрнѣе, Поляки и Балтійскіе Славяне составляли двѣ части одного и того же славянскаго народа. Но, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, Балтійскіе Славяне никогда не могли, ни слиться съ Поляками въ одно цѣлое, ни образовать особое народное единство, а остались при племенной раздѣльности: потому они и не получили народнаго названія, а назывались только общимъ именемъ всего поколѣнія—Славянами. Все то, чего они достигли относительно политическаго единства, были союзы (федераціи) мелкихъ племенъ въ извѣстной мѣстности: именно у нихъ составились, какъ я сказалъ, союзъ *Бодричей* между низовьями Эльбы и противоположнымъ берегомъ Балтійскаго моря, союзъ *Велетовъ* или *Лютичей* между Балтійскимъ моремъ и низовьемъ Одры и союзъ *Стодорянъ* около Гаволы и средней Эльбы.

Утвердившись на правомъ берегу Эльбы, Славяне однакожо не успѣли занять всего ея теченія до того мѣста, гдѣ она впадаетъ въ Нѣмецкое море: устье Эльбы и западная половина нынѣшней Голштиніи находилась въ рукахъ Нѣмцевъ, именно вѣтви Англовъ и полабскихъ Саксовъ. Черта, шедшая отъ верхняго теченія р. Эгидоры (Eider) къ р. Бѣлинѣ (Bille), составляла, по-видимому, границу между этою отдаленнѣйшею къ востоку вѣтвью Нѣмцевъ и отдаленнѣйшею къ западу вѣтвью Славянъ, Ваграми. Къ сѣверу Вагры соприкасались съ Датчанами. Между Ваграми, съ одной стороны, и Нѣмцами и Датчанами, съ другой, кипѣлъ безпрерывный пограничный бой. Вслѣдствіе этого Вагры сдѣлались самыми воинственными между Балтійскими Славянами; они прославились также,

(*) Это видно изъ признаковъ языка (носовые звуки не существовали уже у Полабскихъ Сербовъ въ весьма древнее время, а у Балтійскихъ Славянъ сохранились до конца), изъ имени *Сербовъ* (сами Чехи помнили долго, что они происходили отъ Сербовъ) и, наконецъ, изъ проявлявшагося неоднократно въ исторіи, съ самыхъ древнихъ временъ, стремленія Полабскихъ Сербовъ составить съ Чехами политическое единство.

какъ отважнѣйшіе мореходцы и морскіе разбойники. Они получили первенство между своими соплеменниками и имъ повиновались не только Бодричи и Кичане, но и болѣе отдаленныя племена: это первое историческое извѣстіе о самостоятельной дѣятельности Балтійскихъ Славянъ. Время преобладанія Вагровъ на поморьѣ въ точности неизвѣстно и должно быть отнесено къ VI—VIII вѣку; въ концѣ VIII вѣка Вагры потеряли уже свое значеніе и примыкали къ Бодричамъ, какъ второстепенная вѣтвь.

Бодричи и Лютичи были тоже отважными бойцами и мореплавателями, и древнѣйшія саги Датчанъ говорятъ много о столкновеніяхъ съ ними. Датскіе витязи часто проникали къ Славянамъ и подчиняли ихъ себѣ; существуетъ въ сагахъ сказаніе, относящееся, по-видимому, къ VII вѣку, о какомъ-то королевствѣ *Рейдго-тія*, основанномъ датскими завоевателями на Балтійскомъ морѣ; должно полагать, что этимъ именемъ означается *Радигощъ*, главный городъ Лютичей, гдѣ такимъ образомъ Датчане сосредоточили свою державу между Славянами.

Другое сказаніе говоритъ о пораженіи Датчанъ и о страшномъ нашествіи Славянъ на датскія земли: это сказаніе свидѣтельствуетъ о бывшей между Славянами реакціи противъ владычества датскихъ витязей и объ освобожденіи отъ нихъ славянскаго поморья; извѣстіе о нашествіи Славянъ на Ютландію подтверждается, по-видимому, существованіемъ тамъ древнихъ поселеній славянскихъ.

Отвага на морѣ увлекала Балтійскихъ Славянъ еще далѣе: они основали колоніи въ Нидерландахъ, и значительное число Велетовъ водворилось въ Англіи.

Торговая дѣятельность сопровождала морскіе походы: въ землѣ Бодричей находился славный торговый городъ *Рарогъ* (у Висмарскаго залива): процвѣтаніе его предшествовало IX-му вѣку; позднѣе упоминаются, какъ особенно важные торговые центры, Волынъ или Юлинъ на островѣ Волынѣ (Wollin), торговое предмѣстье у крѣпости Арконы на островѣ Руѣ, Щетинъ (Stettin), Колобрегъ (Colberg), Гданскъ (Danzig) въ землѣ Поморянъ; начало этихъ городовъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, весьма древней эпохѣ.

Вообще, военная и торговая дѣятельность и постоянныя столкновенія съ Нѣмцами и Скандинавами ускорили развитіе Балтій-

скихъ Славянъ, такъ что общественный бытъ ихъ достигъ полной опредѣленности въ ту пору, когда у другихъ Славянъ только зарождалась историческая жизнь. Основаніемъ этого быта составляла племенная раздѣльность, которая такъ утвердилась у Балтійскихъ Славянъ, такъ срослась со всѣми стихіями ихъ жизни, что имъ уже недостало силы освободиться отъ нея и образовать единство народное и государственное.

Бытъ Балтійскихъ Славянъ, какимъ онъ является съ IX вѣка, болѣе похожъ, можно сказать, на древнѣйшій бытъ Германцевъ, нежели Славянъ: что̀ объясняется какъ продолжительнымъ господствомъ нѣмецкихъ дружинъ на славянскомъ поморьѣ, такъ и сильнымъ вліяніемъ германской стихіи во все послѣдующее время.

Каждое племя имѣло своего князя и свою аристократію; но независимо отъ князя, власть котораго была, кажется, весьма слаба и преимущественно проявлялась только въ военное время, и отъ знатныхъ людей, имѣвшихъ большую силу у Балтійскихъ Славянъ, голосъ въ дѣлахъ общественныхъ принадлежалъ и народу: на народной сходкѣ, кажется, требовалось, по старому славянскому обычаю, единогласіе (*).

Племена (кромѣ, можетъ быть, самыхъ мелкихъ) дѣлились на волости или *жупы*, какъ ихъ называли эти Славяне: въ каждой *жупѣ* былъ *градъ*, т. е. огороженное, укрѣпленное мѣсто, служившее для обороны окрестнаго населенія въ случаѣ опасности, для общественныхъ сходокъ, суда, торга и общественнаго жертвоприношенія въ мирное время. Начальникомъ *града* и *жупы* былъ *жупанъ*; въ какихъ отношеніяхъ онъ стоялъ къ князю, имъ ли назначался или народомъ, не извѣстно, но нѣтъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что жупаны выбирались изъ числа знатныхъ людей и что они главнымъ образомъ ограничивали власть князей.

Кромѣ *градовъ*, служившихъ для сбора народа изъ околотка, а все прочее время стоявшихъ пустыми, у Балтійскихъ Славянъ находились издавна, какъ я сказалъ, настоящіе торговые города, съ постояннымъ городскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ, Бал-

(*) Историческія свидѣтельства, подтверждающія все, что говорится въ этомъ введеніи, приведены и разобраны въ первой части «Исторіи Балтійскихъ Славянъ».

тійскіе Славяне не были, какъ другіе славянскіе народы, въ началѣ ихъ историческаго существованія, исключительно земледѣльцами и, въ случаѣ нужды, временно воинами. Хотя земледѣліе осталось и у нихъ главнымъ занятіемъ народа, однако у нихъ существовалъ издревле, отдѣльный отъ остальнаго народа, *торговый классъ* и, кромѣ того (по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ племенъ) *классъ военный;* къ этому классу должно отнести съ одной стороны тѣхъ, немалочисленныхъ людей, для которыхъ морской разбой былъ если не единственнымъ, то главнымъ промысломъ, а съ другой стороны дружинниковъ, служившихъ князьямъ и, вѣроятно также, жупанамъ. Третье, отдѣльное отъ народа, сословіе составляли у Балтійскихъ Славянъ *жрецы,* тогда какъ у другихъ Славянъ-язычниковъ не было особенныхъ жрецовъ, и богослужебные обряды совершались самимъ народомъ, преимущественно отцами семействъ и старшинами. Наконецъ, для полноты исчисленія сословій, должно прибавить, что Балтійскіе Славяне имѣли многочисленныхъ рабовъ: въ рабство обращались военноплѣнные, взятые какъ у чужихъ народовъ, такъ и у своихъ же братій Славянъ, въ безпрестанныхъ междоусобныхъ войнахъ.

Таковы главныя черты общественнаго быта Балтійскихъ Славянъ, засвидѣтельствованныя показаніями древнихъ лѣтописцевъ. Въ ихъ личномъ характерѣ мы замѣчаемъ также, кромѣ общихъ свойствъ славянскаго поколѣнія, вліяніе тѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя ихъ окружали съ самаго начала ихъ историческаго бытія. Хотя, съ одной стороны, иностранцы хвалятъ ихъ добродушіе и гостепріимство, чистоту ихъ нравовъ, ихъ сносливость во всякихъ невзгодахъ, приводятъ въ нихъ черты высокаго человѣколюбія, и выставляютъ ихъ людьми необыкновенно честными, вѣрными данному слову, не знающими воровства; однако, съ другой стороны, воинственность и храбрость, которою они особенно отличались, сопровождалась неслыханною у другихъ Славянъ суровостью (*), свирѣпствомъ противъ непріятеля, жестокостью въ обращеніи съ невольниками и необыкновеннымъ упорствомъ. Вообще, ихъ характеръ носитъ на себѣ явный отпечатокъ ожесточе-

(*) Даже въ семьѣ: родитель часто убивалъ новорожденнаго младенца, особливо дочь.

нія, произведеннаго боевою жизнію, въ которой эти племена начали и совершили свое историческое поприще.

Но еще важнѣе было другое послѣдствіе искони́ннаго общенія Балтійскихъ Славянъ съ Германцами и ускореннаго развитія этой славянской вѣтви въ первую пору ея исторической жизни: именно, установленіе вполнѣ опредѣленной миѳологической системы и сліяніе ея со всѣми стихіями общественной и частной жизни народа.

У всѣхъ другихъ Славянъ языческая религія оставалась на степени неопредѣленнаго обожанія силъ природы (*), не достигшаго до антропоморфизма, не связаннаго съ храмами и особою кастою жрецовъ и заключавшаго въ себѣ смутное представленіе объ единомъ высшемъ Богѣ. Вотъ что и сдѣлало возможнымъ легкое и безкровное распространеніе христіанства между этими народами. Не то было у Славянъ Балтійскихъ: въ землѣ ихъ, между нѣмецкими завоевателями, мы видимъ уже въ I вѣкѣ по Р. Х. вполнѣ развитымъ богослуженіе, сопровождаемое таинственными обрядами и человѣческими жертвоприношеніями и предоставленное особымъ жрецамъ; у Нѣмцевъ и еще несравненно болѣе у Скандинавовъ находимъ мы въ древнѣйшую эпоху опредѣленную систему антропоморфической миѳологіи, а мы знаемъ, что Балтійскіе Славяне постоянно сообщались съ этими народами; наконецъ, и религія сосѣднихъ Прусовъ, съ ея опредѣленными образами, должна была имѣть на нихъ вліяніе.

Примѣръ Скандинавовъ, Нѣмцевъ, Прусовъ, соединенный съ общимъ развитіемъ жизненной дѣятельности въ самую раннюю историческую пору, былъ несомнѣнною причиною того, что Балтійскіе Славяне выработали себѣ въ язычествѣ цѣлую религіозную систему, съ храмами и человѣкообразными кумирами, съ человѣческими жертвоприношеніями, съ кастою жрецовъ и съ установленнымъ бого-

(*) Такъ было и у Русскихъ Славянъ: сооруженіе кумировъ Владиміромъ въ Кіевѣ и Добрынею въ Новѣгородѣ было *нововведеніемъ*, которое сдѣлано было, можетъ быть, подъ вліяніемъ Варяговъ (вспомнимъ развитую антропоморфическую религію скандинавскую), и ни въ какомъ случаѣ не успѣло укорениться въ народѣ: народъ только сѣтовалъ, разставаясь съ знакомымъ идоломъ Перуна, чтобы принять вѣру еще мало знакомую, но не показалъ никакихъ признаковъ усердія къ нему, а въ Новѣгородѣ такой идолъ былъ даже противенъ жителямъ (разсказъ о Пидьблянинѣ въ Софійской лѣтописи).

служеніемъ. Эту религію выработали они изъ собственныхъ начал, не принимая самыхъ божествъ изъ чужбины; прежнее общеславянское поклоненіе силамъ природы осталось у нихъ, но съ второстепеннымъ значеніемъ, а собственную свою миѳологію они, такъ сказать, надстроили надъ нимъ. Въ основаніи ихъ религіозной системы лежало представленіе о единомъ высшемъ Богѣ (котораго они, кажется, называли и Сварогомъ): но этотъ Богъ, по ихъ понятіямъ, жилъ въ недоступной вышинѣ, заботясь только о небесномъ и не обращая вниманія на родъ человѣческій, судьбу котораго онъ предоставилъ низшимъ божествамъ, своимъ потомкамъ; потому люди и не воздавали ему поклоненія. Высшее же божество земное, человѣческое былъ Сварожичъ Святовитъ (онъ же, по-видимому, назывался и Бѣлбогомъ), богъ свѣта и добра, богъ благоволящій къ людямъ, дающій своимъ поклонникамъ обиліе плодовъ земныхъ и побѣду надъ врагами, которыхъ онъ поражалъ, носясь на священномъ конѣ, нарочно содержавшемся жрецами при храмахъ. Его изображали въ кумирахъ, свыше человѣческаго роста, иногда о четырехъ или о трехъ головахъ (оттого названіе этого божества «*Триглавъ*» въ Поморскомъ городѣ Щетинѣ); въ его честь совершалось торжественное служеніе. Святовиту-Бѣлбогу противополагался Чернобогъ, божество злое и враждебное человѣку. Понятіе Балтійскихъ Славянъ объ его происхожденіи намъ не извѣстно; мы знаемъ только, что они объясняли себѣ совмѣстное существованіе на землѣ всемогущаго и благаго божества и злаго начала тѣмъ представленіемъ, будто добрый богъ не хочетъ видѣть зла и молчитъ о немъ, т. е. какъ бы игнорируетъ зло, не признаетъ его. Независимо отъ Святовита, у Балтійскихъ Славянъ было множество другихъ божествъ, благопріятныхъ человѣку и представлявшихся также въ антропоморфическихъ образахъ, какъ-то Жива, богиня плодородія, Радигость (какъ кажется, богъ веселія и мира), Яровитъ, божество воинственное, и мн. др.; къ сожалѣнію, свѣдѣнія о нихъ чрезвычайно скудны. Наконецъ, уцѣлѣли въ ихъ религіи остатки первобытнаго поклоненія силамъ природы: такъ въ землѣ Вагровъ обожали Перуна, въ темномъ лѣсу, гдѣ не было ни храма ни кумира; поклонялись священнымъ рощамъ, деревьямъ, камнямъ, морю, и т. д.

Вообще, языческая религія достигла у Балтійскихъ Славянъ

огромнаго развитія и до такой степени овладѣла духомъ народа, что легла въ основаніе всей его жизни, какъ частной, такъ въ особенности общественной; весь общественный строй у Балтійскихъ Славянъ слился съ ихъ религіозными понятіями такъ, что люди, отвергавшіе ихъ боговъ, не пользовались въ ихъ землѣ общественнымъ правомъ. Понятно при этомъ, что жрецы составили у нихъ самостоятельную касту и пользовались великимъ значеніемъ общественнымъ; понятно, что они всѣми силами поддерживали въ народѣ преданность языческимъ богамъ.

Каждый Балтійскій Славянинъ имѣлъ своего домашняго, семейнаго божка; въ каждомъ *градѣ*, средоточіи волости *(жупы)*, былъ храмъ бога, покровителя волости и при немъ жрецъ; каждое племя имѣло свое общее божество, свою общую святыню и своего жреца; два племени Лютичей, Ратаре и Долечане имѣли свой общій храмъ въ *градѣ* Радигощѣ; храмъ этотъ сдѣлался потомъ общею святынею Лютичей и, съ усиленіемъ ихъ значенія между сосѣдними Славянами, служилъ и для нихъ общественнымъ средоточіемъ. Наконецъ, на островѣ Руѣ (Рюгенѣ), независимо отъ племеннаго храма для Ранскаго племени въ Коренцѣ, находилась, въ неприступной твердынѣ Арконѣ, общая святыня всего Славянскаго поморья,— храмъ Святовита Арконскаго. Поклоненіе Арконскому Святовиту и воля истолкователя его повелѣній, верховнаго жреца, составляли связь между разрозненными племенами Балтійскихъ Славянъ. Сами Ране, какъ хранители арконской святыни, осѣненные особенною близостью и любовью Святовита, совершенно посвятили себя его служенію; жрецъ Святовитовъ, именемъ своего бога, располагалъ этимъ племенемъ какъ хотѣлъ, князь (который имѣлъ у Ранъ какое-то особенное, священное значеніе, вѣроятно какъ главный слуга Святовитовъ) исполнялъ во время мира и на войнѣ только то, что жрецъ приказывалъ. Ране платили Святовиту (т. е. его жрецу) опредѣленную дань, налагали такую дань на иностранцевъ, пріѣзжавшихъ къ нимъ для торговли, предоставили ему особыя земли, посвящали ему значительную часть военной добычи и содержали для него особую священную дружину, находившуюся въ распоряженіи жреца. Но Ране были только ближайшими хранителями арконской святыни, а святыня эта была всенародная: всѣ племена Балтійскихъ Славянъ посылали въ Аркону ежегодную дань и,

сверхъ того, Святовитъ Арконскій получалъ изо всѣхъ краевъ поморья богатые дары, какъ отъ частныхъ людей, такъ и отъ общинъ и племенъ по особеннымъ случаямъ. Молельщики стекались въ арконскій храмъ для поклоненія и узнанія воли верховнаго божества; каждое племя, при общественныхъ предпріятіяхъ, предварительно спрашивало въ арконскомъ храмѣ рѣшенія у Святовита, и по указанію жреца начинало или отлагало задуманное дѣло.

Такимъ образомъ поклоненіе арконскому богу сдѣлалось для Балтійскихъ Славянъ общею связью и власть верховнаго жреца Святовитова замѣнила у нихъ общую государственную власть. Образовалась у нихъ ѳеократическая ѳедерація и заступила мѣсто единства народнаго. Первенство въ этой ѳедераціи принадлежало, естественно, племени Ранскому, а во главѣ ея стоялъ жрецъ Арконскаго Святовита.

Нельзя опредѣлить, была ли эта ѳеократическая ѳедерація у Балтійскихъ Славянъ вполнѣ выработана и установлена въ ту эпоху, съ которой мы начнемъ теперь нашъ историческій разсказъ. Мы знаемъ о религіозной власти Ранскаго племени и арконскаго жреца на Славянскомъ поморьѣ изъ свидѣтельствъ XI и XII вѣка; извѣстія древнѣйшихъ западныхъ лѣтописцевъ (собственныхъ памятниковъ Балтійскіе Славяне намъ не оставили) не даютъ никакихъ указаній, по которымъ можно бы было отвѣчать на этотъ вопросъ положительно или отрицательно; но тѣ писатели, которые въ XI и XII вѣкѣ изображаютъ религіозное первенство Ранъ и общее поклоненіе Балтійскихъ Славянъ Святовиту, говорятъ объ этомъ, какъ о чемъ-то давнишнемъ и арконскій истуканъ Святовита называютъ чрезвычайно древнимъ. Вотъ почему должно полагать, что религіозное развитіе, которое увѣнчалось у Балтійскихъ Славянъ ѳеократическою ѳедераціею, сосредоточенной въ Арконскомъ Святовитѣ и въ рукахъ его жреца, было если не вполнѣ завершено при вступленіи ихъ въ борьбу съ новосозданною Германскою имперіею (около 800 года), то по крайней мѣрѣ уже близко къ завершенію.

Между тѣмъ какъ у Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ языческая религія охватывала весь бытъ народа, остановившійся на ступени племенной раздробленности и въ существенныхъ чертахъ уподо-

бившійся древнѣйшему племенному быту германскому, между тѣмъ какъ у нихъ развивалась ѳеократія, замѣнившая собою единство народное и государственное, сосѣдній и враждебный имъ германскій міръ шелъ также къ ѳеократіи, но она выработывалась у него изъ другихъ началъ, прямо противоположныхъ началамъ ѳеократіи у Балтійскихъ Славянъ. Тутъ, ѳеократія возрасла на почвѣ язычества, тамъ, въ германскомъ мірѣ, на почвѣ христіанства; у Балтійскихъ Славянъ она была вызвана раздробленностью племеннаго быта, нуждавшагося въ ней какъ въ соединительной силѣ, и укрепила этотъ бытъ въ народѣ; въ германскомъ мірѣ вызвана она была идеею римскаго государственнаго единства, нуждавшеюся въ ѳеократіи для того, чтобы побороть строптивость стараго племеннаго быта, и способствовала къ утвержденію стихіи государственной въ германскихъ народахъ. Столкновеніе этихъ двухъ ѳеократій, столь враждебныхъ по своимъ жизненнымъ началамъ, было неизбѣжно, и неизбѣжна была побѣда той, которая опиралась на высшихъ началахъ: христіанство должно было одержать верхъ надъ язычествомъ, государственное устройство надъ устройствомъ племеннымъ.

Припомнимъ здѣсь въ общихъ чертахъ историческій ходъ германскаго міра въ ту эпоху, когда онъ еще не начиналъ борьбы съ сосѣдними Славянами за Эльбой и только иногда, случайно, сталкивался съ ними на границахъ и когда у этихъ Славянъ могъ безпрепятственно развиваться ихъ общественный и религіозный бытъ, т. е. съ половины V-го до конца VIII-го столѣтія.

Въ V-мъ вѣкѣ Германцы разрушили Римскую имперію. Въ этомъ великомъ подвигѣ, «величайшемъ и обильнѣйшемъ послѣдствіями подвигѣ Нѣмцевъ въ исторіи» (какъ выражается замѣчательный историкъ средневѣковой Германіи (*)), участвовали преимущественно тѣ завоевательныя дружины, которыя прежде расположились на Славянскомъ поморьѣ и въ другихъ мѣстахъ Восточной Европы; безсвязно, безсознательно, въ какомъ-то слѣпомъ порывѣ разнесли они по клочкамъ римскій міръ: ихъ толкала, одну за другою, на западъ пробудившаяся сила Славянъ (gentes, quae *a superioribus barbaris pulsae fugerant*, говоритъ Юлій Капитолинъ о Нѣмцахъ, вторгавшихся въ Римскую имперію), а потомъ оконча-

(*) Гизебрехтъ, Geschichte der deutschen Kaiserzeit.

тельно смела съ востока и перекинула на западъ эта сила, поддержанная и сосредоточенная Гуннами. Между тѣмъ зерно нѣмецкаго народа, осѣдлыя общины на коренныхъ нѣмецкихъ земляхъ не трогались; онѣ оставались въ старинномъ своемъ племенномъ бытѣ, котораго не въ состоянiи была поколебать и повести къ единству народному и государственному мимолетная опасность отъ легiоновъ Августа и Тиберiя; въ старомъ племенномъ бытѣ пережили Нѣмцы на своихъ коренныхъ земляхъ эпоху разрушенiя соплеменными имъ дружинами Римской имперiи и воспользовались этимъ разрушенiемъ только для того, чтобы нѣсколько распространиться на лѣвомъ берегу Рейна и на южной сторонѣ верхняго Дуная. А дружины, завоевавшiя Италiю, Испанiю, Африку, южную Галлiю, подчинились понятiямъ и потребностямъ римскаго государственнаго устройства; монархическая власть усилилась тамъ до размѣровъ, чуждыхъ племенному быту Нѣмцевъ въ собственной Германiи; но вѣра мѣшала органическому слiянiю завоевателей и завоеванныхъ (германскiя дружины приняли арiанство, романское населенiе принадлежало ко вселенской церкви) и ни одно изъ этихъ новообразовавшихся германскихъ государствъ не утвердилось: правовѣрные епископы, а не арiанскiе короли сдѣлались настоящими правителями романскихъ народовъ. Вслѣдствiе этого германскiя государства, основавшiяся на развалинахъ Римской имперiи, не могли воздѣйствовать своими новыми общественными началами на собственную Германiю. Такое воздѣйствiе было тѣмъ менѣе возможно, что нѣмецкiе завоеватели Италiи, по малочисленности своей, терялись въ массѣ покоренныхъ римскихъ гражданъ, а въ Испанiи и Африкѣ должны были, естественно, прервать всякiя сношенiя съ своимъ первоначальнымъ отечествомъ.

Только въ сѣверозападной Галлiи дѣла приняли другой оборотъ. Завоеватель Хлодовигъ, съ своею дружиною Франковъ, принялъ крещенiе изъ рукъ романскаго епископа. При этомъ крещенiи произнесены были знаменательныя слова, которыя должны были потомъ, въ теченiи многихъ столѣтiй, отзываться на судьбѣ Балтiйскихъ Славянъ. «Преклони шею, Сикамбръ,—сказалъ Хлодовигу епископъ Ремигiй,—чти то, что ты преслѣдовалъ, *преслѣдуй* то, что ты чтилъ!» А когда онъ разсказалъ Хлодовигу о страданiяхъ Спасителя, франкскiй король воскликнулъ: «О, если бъ я тамъ былъ съ мо-

ими Франками, я отомстилъ бы за него!» Такъ романская церковь призывала франкскихъ завоевателей къ ея возвеличенію силою, и франкскіе завоеватели вызывались служить мечемъ имени Спасителя.—Поддержанный сочувствіемъ романскаго населенія, Хлодовигъ скоро разрушилъ аріанскія державы въ Галліи и соединилъ ее всю подъ своею властью.

Франкское завоеваніе опиралось съ одной стороны на церковь. Съ другой стороны оно находило опору, постоянно обновляющуюся, въ сплошной массѣ нѣмецкаго народа, который населялъ почти треть Галліи на лѣвой сторонѣ Рейна (отчасти водворенный тамъ Римлянами, отчасти перешедшій туда во время распаденія имперіи). Церковь соединила обѣ народности, и римское государственное начало проникло въ духъ этихъ Германцевъ. Сліяніе этихъ стихій произошло органически. Германскій духъ не утратилъ своей жизни и самобытно принялъ въ себя римское начало. Держава Франковъ основывалась на германскомъ правѣ, на германскомъ военномъ устройствѣ, на германскомъ отношеніи сословій, и все это было связано и одушевлено римскими понятіями о государствѣ и правительствѣ. Такимъ образомъ германское поколѣніе вступило самостоятельно на поприще римской государственной жизни, и это произошло не въ южной и западной Галліи, гдѣ германскій элементъ мало по малу исчезъ среди романскаго, а въ восточной, прирейнской, нѣмецкой или обнѣмечившейся части ея. Здѣсь-то коренилась и дѣятельность того могущественнаго рода, которому дано было наложить государственную жизнь на всю Германію и опредѣлить дальнѣйшее развитіе европейскаго запада. Каролинги стали истинными преемниками и исполнителями той идеи, которую предначерталъ уже первый франкскій завоеватель, Хлодовигъ. Владѣя Романскою Галліею помощью своихъ прирейнскихъ Нѣмцевъ, а изъ Романской Галліи черпая начала государственности, они умѣли исполнить то, что предпринималъ уже Хлодовигъ и первые его наслѣдники: они мало по малу покорили германскія вѣтви въ ихъ коренныхъ жилищахъ за Рейномъ и насильно наложили на ихъ племенной бытъ правительственную власть. Христіанство помогло оружію Франковъ.

Первоначальное обращеніе Нѣмцевъ въ христіанство (въ VI, VII и первой половинѣ VIII вѣка) было дѣломъ кельтской церкви со-

бенно ирландской). Проповѣдники ея дѣйствовали совершенно самостоятельно, не признавая авторитета Рима, въ духѣ свободнаго вселенскаго единства вѣры, который господствовалъ въ ту пору въ кельтской церкви. Даже сама христіанская Галлія не признавала тогда еще папской власти, епископы почитали себя равными по духовному значенію съ римскимъ патріархомъ и для рѣшенія церковныхъ дѣлъ прибѣгали безпрестанно къ мѣстнымъ соборамъ. Первый толчекъ къ повороту въ духовной жизни Западной Европы данъ былъ папою Григоріемъ Великимъ. Онъ послалъ отъ себя лично миссію въ Англію, и Англо-Саксы, принявъ крещеніе (664), вступили въ непосредственное подчиненіе «престолу св. Петра» (быть можетъ для того, чтобы и въ христіанствѣ сохранить привилегированное положеніе относительно ненавистныхъ Кельтовъ). Вскорѣ изъ среды новообращеннаго народа англо-саксонскаго стали отправляться, одушевленные юношескимъ пыломъ, проповѣдники къ родственнымъ племенамъ Германіи. Связанные съ Нѣмцами языкомъ и бытомъ, они имѣли больщій успѣхъ, чѣмъ кельтскіе миссіонеры и пожали плоды, посѣянные кельтскою церковью. Знаменитѣйшій изъ англо-саксонскихъ проповѣдниковъ, св. Бонифацій, могъ уже установить въ Германіи полную іерархію, и онъ связалъ ее непосредственно съ Римомъ. По его настоянію, соборъ епископовъ Германіи рѣшилъ (742) сохранять съ римскою церковью единство и повиноваться ей, быть подчиненными св. Петру и его преемникамъ, просить для митрополитовъ утвержденія отъ престола Петрова и во всемъ руководствоваться его предписаніями. «Такимъ образомъ,—говоритъ нѣмецкій историкъ (*),—римское епископство возвысилось и достигло признанія въ обширныхъ земляхъ въ то самое время, когда франкская держава обновлялась подъ владычествомъ Каролинговъ, и именно тѣ нѣмецкія племена, которыя сохранили въ наибольшей чистотѣ свой бытъ, доставили обѣимъ этимъ новымъ возрастающимъ силамъ основаніе и средства къ своему многозначительному развитію».

Скоро эти двѣ силы сблизились. Пипинъ Короткій, вождь Франковъ, лишилъ престола послѣдняго преемника Хлодовигова, и папа благословилъ это дѣло и помазалъ Пипина королемъ Франковъ;

(*) Giesebrecht, тамъ же, 103.

Пипинъ же спасъ папу отъ притѣсненій Лонгобардовъ и недоброжелательства Грековъ и даровалъ ему свѣтское владѣніе. Вся Галлія подчинилась авторитету Рима. При наслѣдникѣ Пипина, великомъ Карлѣ, совершилось полное совоплощеніе церкви и государства на Западѣ: Германія приняла, какъ свое наслѣдіе, міродержавную идею и исключительность Римскаго государства, но основала ее на религіи (*).

Носитель этой, обновленной церковною и германскою стихіею, идеи, Карлъ Великій долженъ былъ прежде всего сломить остатки нѣмецкой племенной независимости, упорно хранившіеся Саксами, единственнымъ племенемъ въ Германіи, которое не вступило еще въ область Франкской монархіи и римской церкви. Борьба съ Саксами была главною задачею первой половины царствованія Карла. Онъ крестилъ ихъ огнемъ и мечемъ, но, какъ скоро они поддались и крестились, принялъ ихъ, какъ полноправныхъ гражданъ, въ свою державу.

Покореніе Саксовъ заключило этотъ фазисъ развитія въ западной Европѣ. Всѣ нѣмецкія вѣтви были соединены подъ началомъ римской государственности, но соединены не какъ слуги римскаго міра, а какъ его граждане и обладатели его наслѣдія. Вѣнчаніе Карла короною римскихъ императоровъ (въ праздникъ Рождества 800 года) довершило воздвигавшееся германскимъ народомъ на христіанской почвѣ зданіе ѳеократической монархіи. «Имперія Карла,—прекрасно говоритъ историкъ Гизебрехтъ,—была не только тѣмъ политическимъ идеаломъ, къ которому уже цѣлые вѣка стремились нѣмецкіе владѣтели (т. е. возстановленіемъ древняго Римскаго государства); религія овладѣла идеею имперіи, приняла ее въ себя, переработала и выработала особеннымъ образомъ. Убѣжденіе древнихъ Римлянъ, что ихъ республика предназначена подчинить *единому* закону всѣ народы до концовъ земли, не угасло во время христіанства, а, напротивъ, почерпнуло новую жизнь въ томъ вѣрованіи, что всѣ исповѣдники Спасителя должны собраться въ единое стадо и составить единое великое общество;

(*) Такимъ образомъ римское понятіе *orbis terrarum*, весь міръ, которое однако исключало земли, не подвластныя Риму, перешло въ средне-вѣковое западное понятіе *tota christianitas*, которое точно также исключало земли, хотя христіанскія, но не подчиненныя римскому авторитету.

христіанскій Римъ воспитывалъ вѣру не только въ единую христіанскую церковь, но и въ единое христіанское государство, и передавалъ эту вѣру всѣмъ послѣдователямъ католическаго исповѣданія . . . . Не та была цѣль Карла, какъ римскаго императора, чтобы возстановить тираннію языческаго Рима надъ вселенной, оживить забытыя права древнихъ императоровъ и основать такимъ образомъ для себя неограниченное господство; напротивъ, его представленіе о той новой власти, которая подобала ему, какъ императору, опиралось вполнѣ на религіозно-политической идеѣ имперіи, какъ эта идея выработалась въ западной церкви. Скорѣе въ ветхозавѣтной ѳеократіи, чѣмъ въ деспотизмѣ древняго Рима, искалъ онъ себѣ руководящихъ началъ. Такимъ образомъ, новая имперія основывалась существенно на церковной почвѣ: ея идеаломъ было не что иное, какъ царство Божіе на землѣ, въ которомъ императоръ поставленъ отъ самого Бога его намѣстникомъ, дабы онъ правилъ, согласно Божіимъ предначертаніямъ, всѣмъ родомъ человѣческимъ, распредѣленнымъ по порядку на народы, сословія и чиноначалія».

Трудно вѣрнѣе изобразить характеръ и смыслъ той монархіи, въ которой германскій міръ впервые слился органически съ романскимъ и которая ознаменовала его вступленіе въ государственную жизнь.

Передъ греческимъ, православнымъ міромъ церковно-государственная монархія Германо-Романская остановилась, какъ бы въ недоумѣніи передъ загадкою: что это за міръ, христіанскій, не еретическій, а напротивъ правовѣрный, а все-таки не нашъ? какъ это: единовѣрцы наши (*), а не члены нашего государства, не подданные нашего императора? Недоумѣніе передъ явленіемъ, которое такъ очевидно противорѣчило всѣмъ политическо-религіознымъ понятіямъ тогдашняго Запада, вотъ что опредѣляетъ странныя и для теперешнихъ западныхъ писателей непонятныя отношенія новосоздавшейся Германской имперіи къ міру греческому: есть, конечно, вражда, бываютъ и столкновенія, хотя слабыя, ибо Германская

(*) Я говорю о той эпохѣ, когда раздвоеніе церквей не опредѣлилось еще догматическимъ нововведеніемъ Запада, а существовало уже въ области политической и нравственной: послѣднее предшествовало первому болѣе, чѣмъ столѣтіемъ.

имперія еще живо чувствуетъ свое призваніе—быть хранительницей церкви, а Греки суть вѣрные члены церкви, и какіе заслуженные! Мечъ, столько разъ поднимаемый Германской имперіею противъ греческаго міра, падаетъ у нея изъ рукъ, не отъ страха передъ Византіею, а отъ страха передъ христіанской идеей. Но все болѣе и болѣе ощущаетъ романо-германскій міръ, какая страшная помѣха для него Греція, помѣха не матеріальная, а нравственная: пока онъ съ нею въ общеніи, пока онъ признаетъ ее правовѣрною, невозможно ему утвердить въ принципѣ свое совоплощеніе съ христіанскою церковью, свою идею о себѣ самомъ, какъ о «царствѣ Божіемъ на землѣ»; и вотъ, скоро романо-германскій міръ захочетъ вполнѣ обособиться: онъ оттолкнетъ отъ себя Грецію, разорветъ съ нею общеніе вѣры, рѣшится ея не знать и не вѣдать, и присвоитъ онъ себѣ званіе вселенской церкви, дабы оно соотвѣтствовало званію вселенской христіанской монархіи, которое германскій міръ принялъ, какъ законное наслѣдіе римскихъ идей.

Эта «вселенская» христіанская монархія, какъ она опредѣлилась при Карлѣ Великомъ, должна была имѣть своихъ гражданъ и своихъ подданныхъ. Гражданами, полноправными членами церковно-государственной семьи, были всѣ племена и народы германской крови, какъ основатели и главные носители этой монархіи, и народы романскіе, какъ старшіе братья Германцевъ въ вѣрѣ, какъ ихъ учители и природные преемники Рима, призваніе котораго Германцы считали себя предназначенными обновить и осуществить. Подданными или, гдѣ прямое подданство было еще невозможно, данниками ѳеократической имперіи должны были сдѣлаться «варвары», т. е. по тогдашнимъ понятіямъ Славяне и Авары; покорить ихъ единой христіанской державѣ и подчинить христіанской религіи почиталось долгомъ германскаго народа и государя. Вслѣдствіе римскихъ понятій, такъ легко привившихся на почвѣ народной исключительности нѣмецкой, эти «варвары», хотя бы и обратились въ христіанство, не становились равноправными членами христіанскаго братства, ибо оно ограничивалось міромъ романо-германскимъ: «варвары» должны были оставаться его слугами.

Прослѣдивъ такимъ образомъ, до перваго ихъ столкновенія, развитіе двухъ силъ, которыя раздѣляло теченіе Эльбы, христіанско-ѳеократической имперіи Романо-Германской, и языческо-ѳеократи-

*

ческаго племеннаго союза Балтійскихъ Славянъ, мы можемъ приступить къ разсказу объ ихъ многовѣковой борьбѣ. Тотъ человѣкъ, который довелъ западный міръ до цѣли его тогдашнихъ стремленій—до его самоопредѣленія, какъ вселенскаго христіанскаго государства,—Карлъ Великій началъ эту борьбу.

БОРЬБА СЛАВЯНЪ СЪ НѢМЦАМИ НА БАЛТІЙСКОМЪ ПОМОРЬѢ.

ЭПОХА КАРОЛИНГОВЪ.

I.

Первоначальныя отношенія Франковъ къ Балтійскимъ Славянамъ. 748—789.

Мы знаемъ о постоянной пограничной войнѣ, которая велась на неопредѣленной чертѣ, отдѣлявшей сѣверо-западную часть Славянскаго поморья отъ владѣній Саксовъ на правой сторонѣ низовьевъ Эльбы, въ нынѣшней Голштиніи или, какъ она тогда называлась, Нордалбингіи (т. е. странѣ на сѣверъ отъ Эльбы). Вся тяжесть этой пограничной войны лежала, разумѣется, на непосредственныхъ сосѣдяхъ Нордалбингскихъ Саксовъ—Ваграхъ, жителяхъ восточной части Голштиніи. Но въ VIII вѣкѣ имя Вагровъ уже не является въ историческихъ извѣстіяхъ, замѣняясь, какъ было уже замѣчено мною, именемъ Бодричей, обширнѣйшаго племени, которое жило на востокъ отъ Вагровъ, въ нынѣшней Мекленбургіи. Какъ видно, Бодричи успѣли пріобрѣсти первенство надъ Ваграми и включить ихъ въ союзъ племенъ, который они образовали около себя на сѣверо-западномъ краю Славянскаго поморья. Время и способъ образованія этого союза неизвѣстно; впрочемъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что онъ составился главнымъ образомъ вслѣдствіе необходимости противодѣйствовать общими силами сосѣдямъ—Нѣмцамъ, т. е. Саксамъ. Союзъ этотъ существовалъ уже во второй половинѣ VIII столѣтія, какъ видно изъ тогдашнихъ западныхъ лѣтописей. Племена, входившія въ его составъ (именно Бодричи въ собственномъ смыслѣ или Рароги, Вагры, Полабцы, Смольняне и Глиняне, и вѣроятно, также Варны) вообще обозначаются въ этихъ лѣтописяхъ именемъ первенствующаго племени, Бодричей (¹).

(¹) Бодричи являлись Саксамъ какъ бы представителями всего пограничнаго, враждебнаго имъ, Славянства; см. Translatio s. Alexandri (auct. Ruodolfo: писалъ около 860 г., M. G. II, 673 seqq.) с. 1 (*Примѣчаніе.* Когда я цитирую томы M. G., т. е. Monumenta Germaniae, изд. Пертца, то разумѣю отдѣлъ Scriptores; при отдѣлѣ Leges выставляю это специальное обозначеніе).

Ненависть къ Саксамъ сдѣлала изъ Бодричей естественныхъ союзниковъ всякаго, кто нападалъ на это нѣмецкое племя; въ томъ же отношеніи къ Саксамъ находились, безъ сомнѣнія, и Стодоряне [1], тоже непосредственные сосѣди ихъ (къ югу отъ Бодричей), хотя Стодорянъ отдѣляла отъ Саксовъ опредѣленная граница, Эльба, и столкновенія не могли быть тутъ такъ часты и значительны.

Съ другой стороны, отдаленные отъ Саксовъ и жившіе на востокъ отъ Бодричей, Велеты или Лютичи, враждуя съ своими непосредственными сосѣдями, Бодричами, готовы были, для удовлетворенія этой ближайшей вражды, забывать общую ненависть къ нѣмецкому народу и дружиться съ Саксами противъ своей славянской братьи.

Таковы были политическія отношенія этихъ племенъ, когда къ нимъ приблизилась завоевательная сила Франковъ.

Пипинъ Короткій началъ войну противъ Саксовъ, послѣднихъ защитниковъ язычества и племеннаго быта въ Германіи: Бодричи и Стодоряне вооружились за Франковъ (въ 748 г.) и сильно помогли имъ противъ Саксовъ [2].

Съ этихъ поръ, кажется, начался твердый союзъ Бодричей съ Франками: они также вѣрно, какъ Пипину, содѣйствовали и Карлу Великому въ его кровопролитной и долговременной борьбѣ съ Саксами [3].

Въ 780 году, Карлъ, покоривъ всѣ волости Саксовъ за Везеромъ, дошелъ, наконецъ, побѣдителемъ до Эльбы и расположился станомъ на ея берегу, у впаденія въ нее Оры [4] (нѣсколько сѣвернѣе позднѣйшаго г. Магдебурга), насупротивъ земли Стодорянъ. Къ нему пришли многія тысячи Славянъ съ противоположнаго берега (тутъ были, вѣроятно, посланцы и отъ разныхъ племенъ бодрицкихъ). Могущественный завоеватель принялъ въ отношеніи къ нимъ роль

---

(1) О сосѣдяхъ Стодорянъ, Остфалахъ, т. е. восточной вѣтви Саксовъ, Poëta Saxo (Mon. Germ. I. 228) говоритъ (подъ 772 годомъ, въ общемъ описаніи Саксонской земли): Osterliudi, quos nomine quidam—Ostvalos alios vocitant, confinia quorum—Infestat conjuncta suis gens perfida Sclavi.

(2) См. подробности объ этомъ въ I-мъ томѣ Исторіи Балтійскихъ Славянъ, стр. 321.

(3) Эингардъ, annal. (Mon. Germ. I, 185) подъ 798 г.: Abodriti auxiliatores Francorum semper fuerunt ex quo semel ab eis in societatem recepti sunt.

(4) Ohre: Славяне называли эту рѣку Ура или Юра, см. Thietmar. VI, 33.

верховнаго распорядителя. Ему нужно было помирить ихъ съ своими новыми подданными, Саксами; нѣтъ сомнѣнія, что онъ также воспользовался этимъ съѣздомъ, чтобы еще болѣе скрѣпить союзъ прилабскихъ Славянъ (Бодричей и Стодорянъ) съ Франкскою державою, союзъ, отъ котораго вскорѣ произошли такія важныя послѣдствія для Славянскаго поморья ([1]). Онъ *пріобрѣлъ* ихъ себѣ, говоритъ современный лѣтописецъ ([2]). Другой лѣтописецъ увѣряетъ, что многіе изъ этихъ Славянъ приняли тогда же крещеніе ([3]). Быть можетъ, показаніе его и справедливо; но крещеніе это не принесло плодовъ.

II.

Походъ Карла В. на Славянское поморье. 789.

Нѣсколько лѣтъ еще Саксы бились противъ Франкской монархіи; послѣднія усилія сохранить свободу племеннаго быта обнаруживались въ мѣстныхъ вспышкахъ и возстаніяхъ. Наконецъ, Карлъ могъ считать дѣло конченнымъ и всѣ народы Германіи соединенными подъ своею властію. Тогда онъ рѣшился обратить союзъ съ поморскими Славянами въ полное ихъ подчиненіе. Это не было случайное, отдѣльное предпріятіе. Мысль о покореніи Славянскаго поморья входила въ составъ обширнаго плана, задуманнаго Карломъ и къ исполненію котораго онъ, тотчасъ послѣ завоеванія Саксовъ, приступилъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Онъ замышлялъ подчинить своей имперіи всѣ народы, граничившіе къ востоку съ Германіею ([4]). Балтійскіе Славяне стояли тутъ наряду съ Полабскими

([1]) Тамъ же, 161, подъ 780 г.: Profectus inde ad Albiam, castrisque in eo loco, ubi Ora et Albia confluunt, ad habenda stativa conlocatis, tam ad res Saxonum, qui citeriorem, quam et Sclavorum, qui ulteriorem fluminis ripam incolunt, componendas operam intendit. Quibus... dispositis... reversus est. (Сравни Poëta Saxo, M. G. I, 236; Annal. Fuldenses тамъ же 349).

([2]) Annal. Petaviani, тамъ же, 16 (780 г.): et venerunt ad domnum regem multa milia gentilium Winethorum hominum; ipse autem adquisivit una cum Dei auxilio.

([3]) Annal. Laureshamenses, тамъ же, 31 (780 г.): nec non et Winidorum seu (*seu* въ тогдашней Латыни значило: и) Fresorum paganorum magna multitudo credidit.

([4]) Что этотъ планъ, относительно Балтійскихъ Славянъ, созрѣвалъ въ мы-

Сербами, съ Чехами, съ Аварами, съ Альпійскими Словенцами, съ Хорватами.

Для покоренія Славянскаго поморья не слѣдовало начать съ непосредственныхъ сосѣдей Германскаго государства, съ старыхъ союзниковъ франкскаго оружія, Бодричей: ударъ, на нихъ направленный, былъ бы слишкомъ явнымъ вѣроломствомъ и заставилъ бы ихъ искать опоры въ своихъ соплеменникахъ и отложить междоусобную вражду съ ними. Вѣрнѣе было воспользоваться этою враждою и сперва подчинить Славянъ, жившихъ дальше, за Бодричами: тогда и Бодричи не долго могли бы сохранить свою независимость. Карлъ такъ и разсчиталъ.

За Бодричами, въ восточной части нынѣшней Мекленбургіи и западномъ углу Помераніи, жили, какъ мы знаемъ, племена Велетовъ (1) (иначе называвшихся Лютичами), составляя союзъ, подобно союзу бодрицкихъ племенъ.

сли Карла уже за нѣсколько лѣтъ до его исполненія, видно изъ грамоты, данной имъ въ 786 году новоучрежденному въ землѣ восточныхъ Саксовъ Верденскому епископству. Въ предѣлы этой епархіи включена была земля Вагровъ, ограниченная рѣками Бѣлиной и Травной, и, кромѣ того, прибавлена еще, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, страна по берегу Балтійскаго моря (mare barbarum) до рѣки Пѣны, т. е. весь край Бодричей и часть Велетской земли. Самая неопредѣленность этихъ выраженій показываетъ, какъ темны еще были въ то время свѣдѣнія франкскаго государя объ отдаленной части Славянскаго поморья. Вотъ слова грамоты (Codex Pomeraniae diplomaticus, herausg. von Hasselbach, Kosegarten und Medem, стр. 3): Terminos autem eius (diocesis)... circumscribi precepimus, id est . . . . Liam fluvium (теперь Lühe), qui absorbetur ab Albia fluvio, dehinc trans Albiam, ubi Bilena mergitur in Albiam, dehinc in ortum Bilene (теперь Bille), inde ubi Travena absorbetur a mari, deinde usque duo perveniatur ubi Pene fluvius currit in mare barbarum. Inde in ortum eiusdem fluminis. Hinc in Eldam. Dehinc in Albiam. Inde in rivum Alend (теперь Aland, впадающая въ Эльбу съ лѣвой стороны, близь ганноверскаго города Шнакенбурга), и т. д.

(1) Эингардъ (M. G. I, 175) подъ 789 годомъ: Natio quaedam Sclavenorum est in Germania, sedens super litus Oceani, quae propria lingua Weletabi (т. е. *Велетове*, форма множественнаго числа), francica autem Wiltzi vocatur. Ea Francis semper inimica et vicinos suos qui Francis vel subiecti vel foederati erant, odiis insectari belloque premere aclacessere solebat. Cuius insolentiam rex longius non ferendam ratus, и проч.—Poëta Saxo (тамъ же, 245); (gens Wiltorum)...Francis inimica nimis cum tempore multo—Esset, eis vel subiectos vel foedere iunctos—

Карлъ прислушивался къ извѣстіямъ о «преступленіяхъ» этого народа: Велеты издавна ненавидѣли Франковъ и ихъ союзниковъ; вражда къ Бодричамъ повела ихъ, безъ сомнѣнія, не только къ дружбѣ съ Саксами, но и съ Датчанами, у которыхъ тѣ изъ Саксовъ, кто не хотѣлъ покориться Карлу, находили защиту и вѣрное убѣжище. На самихъ Бодричей Велеты безпрестанно нападали вооруженной рукою, и Бодричи, конечно, неоднократно жаловались на нихъ могущественному королю Запада. Карлъ посылалъ требовать, чтобы они прекратили эти нападенія, но Велеты не хотѣли слушаться нѣмецкаго государя.

Въ 789 году, когда вся земля Саксовъ казалась спокойною, Карлъ объявилъ, что пойдетъ наказать высокомѣріе Велетовъ.

Онъ созвалъ огромное войско (¹), и перешелъ въ Кёльнѣ черезъ Рейнъ съ своими Франками; Фризы прибыли къ нему изъ своихъ низменностей, поднявшись на судахъ вверхъ по одному изъ рукавовъ Рейна (²). Черезъ землю Саксовъ Карлъ направился къ Эльбѣ, собирая подъ свои знамена отряды, которые Саксы обязаны были выставить. Съ юга пришли къ нему на помощь Полабскіе Сербы (изъ нынѣшней Саксоніи).

Дошедши до Эльбы, онъ сталъ устроивать переправу. Для соединенія береговъ рѣки, раздѣлявшей народы, которые теперь, какъ бы послѣ долгаго отдыха, готовились возобновить давнишнюю свою борьбу, Карлъ построилъ на Эльбѣ два моста: вѣроятно, войско шло на Славянъ двумя дорогами. Одинъ изъ этихъ мостовъ онъ укрѣпилъ на обоихъ концахъ валомъ и срубомъ, и оставилъ тамъ охранительный отрядъ. Какъ видно, походъ въ Славянскую землю

Sclavorum populos sibimet regione propinquos—Insectans odiis, bello quoque saepe premebat, и проч.

(¹) Эингардъ, тамъ же: comparatoque ingenti exercitu.

(²) Annal. Laurissenses (M. G. I, 174) подъ 789 г.: Frisiones autem navigio per Habola fluvium cum quibusdam Francis ad eum coniunxerunt (сравни Annal. Fuldenses, тамъ же, 350). Имя рѣки, *Habola*, по которой пріѣхали Фризы съ частью франкскаго ополченія (собраннаго въ старой, приморской Франціи, родинѣ Хлодовига), затрудняло историковъ, такъ какъ рѣка Габола (Havel) въ землѣ Стодорянъ (нынѣшней Брандебургіи) находится въ далекомъ разстояніи какъ отъ жилищъ Фризовъ, такъ отъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя проходило войско Карла; но ученый Ледебуръ (Kritische Beleuchtung einiger Punkte in den Feldzügen Karls des Grossen gegen die Sachsen und Slaven, 1829 ст. 115), доказалъ, что подъ этимъ именемъ лѣтописцы разумѣли правый рукавъ Рейна, Иссель, который является въ другихъ памятникахъ IX вѣка подъ названіемъ HaLedol. Фризы и сосѣдніе съ ними Франки въѣхали по этому рукаву въ Рейнъ и, вѣроятно, присоединились къ Карлу въ сборномъ мѣстѣ у Кельна.

возбуждалъ немало опасеній, тѣмъ болѣе, что Велеты почитались могущественнѣйшимъ народомъ на Балтійскомъ поморьѣ ([1]), и казалось нужнымъ имѣть, на всякій случай, обезпеченную переправу для возвратнаго пути. Мѣсто переправы въ точности не обозначено лѣтописцами; но нѣтъ сомнѣнія, что оно находилось гдѣ-нибудь у низовьевъ Эльбы, у земли Бодричей, надежнѣйшихъ союзниковъ и проводниковъ Карла; притомъ же, черезъ ихъ край пролегалъ прямой путь къ Велетамъ.

Наконецъ, въ первый разъ послѣ многихъ столѣтій, можетъ быть, въ первый разъ со времени Аттилы, нѣмецкій завоеватель перешелъ Эльбу и ступилъ на Славянское поморье. Бодричи, подъ начальствомъ своего князя Вилчана ([2]), присоединились къ Карлу. Силы, которыя нѣмецкій государь велъ на Велетовъ, были очень велики: Славянское поморье казалось ему не легкою добычею.

Велеты противостали Нѣмцамъ и ихъ славянскимъ союзникамъ съ мужествомъ, которому воздаетъ похвалу симъ жизнеописатель Карла ([3]); ихъ войска были многочисленны ([4]): произошли значительныя сраженія ([5]). Передъ превосходною силою Карла Велеты, какъ видно, отступали въ глубь своей земли, къ сѣверовостоку([6]): Карлъ, «предавая все огню и мечу», достигъ до р. Пѣны ([7]),

---

([1]) Эингардъ, Vita Karoli Magni (M. G. II, 449): Sclavis qui nostra consuetudine Wilzi, proprie vero, id est sua locutione Weletabi dicuntur, bellum inlatum est . . Causa belli erat, quod Abodritos, qui cum Francis olim foederati erant, assidua incursione lacescebant, nec iussionibus coërceri poterant. Sinus quidam ab occidentali oceano orientem versus perrigitur longitudinis quidem incompertae, latitudinis vero quae nusquam centum milli passuum excedat, cum in multis locis contractior inveniatur. Hunc multae circumsedent nationes; Dani siquidem ac Sueones quos Nortmannos vocamus, et septentrionale litus et omnes in eo insulas tenent. At litus australe Sclavi et Aisti et aliae diversae incolunt nationes; inter quos vel praecipui sunt, quibus tunc a rege bellum inferebatur, Weletabi.

([2]) Wiltzan; почти всѣ западные лѣтописцы пишутъ Wilzan, Wizan, Wizzin (даже въ одномъ мѣстѣ Widin: Chron. Moissiacense, M. G. I, 302); чтеніе Вилчанъ, предложенное Шафарикомъ (отъ *вилкъ*, т. е. волкъ) кажется самымъ вѣроятнымъ; сравни имя *Волканъ* у Сербовъ.—Вилчанъ былъ, по-видимому, первенствующимъ княземъ у Бодричей, т. е. княземъ главнаго племени, Бодричей въ собственномъ смыслѣ.

([3]) Эингардъ, тамъ же.

([4]) Тамъ же.

([5]) Annal. Fuldenses (M. G. I, 350): magnis eos proeliis domuit.

([6]) Эингардъ, тамъ же.

([7]) Fragm. annal. Chesnii (M. G. I, 34): et fuit usque ad Pana fluvium. Пѣна—те-

которая, какъ мы знаемъ, протекала по срединѣ земли Велетской. Онъ подошелъ къ городу главнаго князя Велетовъ, Драговита. Этотъ князь, по выраженію лѣтописца (¹), далеко превышалъ всѣхъ прочихъ князей велетскихъ и знатностью рода и уваженіемъ, какое внушала его старость. Драговитъ отказался отъ продолженія войны: онъ явился къ Карлу съ своимъ сыномъ и со всѣми своими людьми, далъ заложниковъ и присягнулъ въ вѣрности нѣмецкому государю и Франкамъ. Было ли это измѣною общему дѣлу или послѣдствіемъ общаго приговора, нельзя сказать; но во всякомъ случаѣ, поступокъ Драговита рѣшилъ надолго судьбу Славянскаго поморья: всѣ прочіе князья и жупаны (²) просили мира, представили заложниковъ и поддались иноземному завоевателю. Карлъ утвердилъ Драговита верховнымъ княземъ земли Велетской; а самъ Драговитъ сдѣлался его вассаломъ (³). Такимъ образомъ, власть Западной имперіи (хотя еще номинальная) распространилась по всей землѣ Велетской, до берега Балтійскаго моря (⁴).

Карлъ побѣдителемъ возвратился въ Германію тою же дорогою, какою пришелъ на Славянское поморье (⁵).

перь Рецне, верховья въ Мекленбургіи, все остальное теченіе въ западной Померапіи; впадаетъ у Вольгаста въ Балтійское море.

(¹) Эйнгардъ, тамъ же: is ceteris Wiltzorum regulis et nobilitate generis et auctoritate senectutis longe prominebat.

(²) Эйнгардъ, тамъ же: quem ceteri Sclavorum primores ac reguli omnes secuti.

(³) Annal. Nazarienses (M. G. I, 44): Carolus . . . . regem . . . Dragoidum adprehendit et iterum ipsi iam praefato regi illam patriam commendavit.

(⁴) Annal. Guelferbyt. (тамъ же): William conquesivit in partibus aquilonis usque ad mare. Сравни Annal. Lauresham. Fragm. Annal. Chesnii. Einhardi Annal., все подъ 789 годомъ.

(⁵) Смутный отголосокъ этого похода Карла Великаго на Славянское поморье и послѣдующихъ его столкновеній съ Балтійскими Славянами находимъ мы въ польскомъ преданіи, записанномъ Длугошемъ (liber I, стр. 65, по франкфуртскому изданію): Nonnulli asserunt, hunc Leszkonem (Лешекъ II) in proelio cum Caesare Carolo Magno inito victum et occisum esse: ita enim reperi Martinum Gallum de eo scripsisse. Anno 805 imperator Carolus misit Carolum filium suum in Poloniam, qui depopulatis omnibus, ducem terrae illius Leszkonem occidit, indeque reversus ad patrem, eum in silva Woszego, venatui studentem invenit. Ex quo quidem constat, Polonos et tunc et antea bella cum imperatoribus et regibus finitimis gessisse, sed quo tempore, quove ordine et fortuna, quibusve ducibus, propter literarum et scriptorum, quibus tunc Poloni velut gentiles caruere, penuriam, parum constat. Съ Поляками, въ собственномъ смыслѣ, Карлъ В., какъ извѣстно, не имѣлъ никакого столкновенія; но всѣ польскіе лѣтописцы знали о ближайшемъ племенномъ сродствѣ Балтійскихъ Славянъ съ Поляками и причисляли ихъ непосред-

Такъ возобновилась великая борьба Нѣмцевъ съ Славянами въ Балтійскомъ краѣ. Славянамъ она добра не предвѣщала: ибо при Аттилѣ, почти триста пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, оба народа, оставивъ между собою теченіе Эльбы, разошлись почти равносильными, а когда они сошлись опять, при Карлѣ Великомъ, то нѣмецкій народъ явился на поле битвы вдохновенный христіанствомъ, обогащенный наслѣдіемъ римской государственности, направляемый единою волею къ общей цѣли; а Балтійскіе Славяне противоставили ему свои языческія вѣрованія, свой старый племенной бытъ, свои внутреннія несогласія и междоусобія.

Дѣйствіе, происходившее на Балтійскомъ поморьѣ въ 789 году, повторялось съ тѣхъ поръ постоянно, до совершеннаго искорененія тамъ славянской независимости: постоянно находились въ этомъ злополучномъ краѣ племена, готовыя помочь Нѣмцамъ противъ своихъ братій, какъ Бодричи помогли тогда Карлу; постоянно находились князья, готовые отстать отъ общей обороны и мириться отдѣльно съ завоевателемъ, какъ сдѣлалъ тогда старый князь Драговитъ.

III.

Плоды союза Бодричей съ Франкскою державою. Уступка Бодричамъ западной Голштиніи. 790—804.

Неизвѣстно, чѣмъ Карлъ наградилъ Бодричей за ихъ усердныя услуги; но естественно, что какъ скоро Велеты признали надъ собою верховное владычество Западной державы, то Бодричи, поставленные между ними и Нѣмцами, вошли въ гораздо бо́льшую зависимость отъ Германіи; зависимость сдѣлалась такою, что она могла скоро превратиться въ прямое подданство.

Саксы, хотя столько разъ побѣжденные франкскимъ завоевателемъ, хотя помогавшіе ему противъ Славянъ, не были еще укрощены вполнѣ. Ближайшія къ Эльбѣ волости ихъ безпрестанно

ственно къ польскому народу. Что же касается до похода 805 года и убіенія польскаго князя Лешка, то это есть не что иное, какъ неудачно приложенная къ преданію о войнахъ Карла съ Ляхами (Балтійскими Славянами) передѣлка извѣстія Эингарда о вторженіи въ этомъ году сына великаго императора въ Чехію, гдѣ погибъ какой-то князь чешскій, по имени «Becho».

волновались, а Залабскіе Саксы, такъ называемые *Нордлюды* или Нордалбинги (жители западной половины Голштиніи, непосредственные сосѣди Славянъ) и слышать еще не хотѣли о покорности Франкамъ.

Въ 795 году Карлъ рѣшился наказать упрямое племя и съ большими силами вошелъ въ землю Саксовъ, опустошая ее жестокимъ образомъ. Онъ расположился въ Бардской волости (Bardengau, въ восточной части нынѣшняго Ганноверскаго королевства) у селенія Бардовика (близъ Люнебурга), гдѣ вскорѣ потомъ возникъ большой торговый городъ. Здѣсь поджидалъ онъ прихода Славянъ-Бодричей, которые должны были снова помогать ему въ покореніи Саксовъ. Франки называли тогда бодричкаго князя уже прямо вассаломъ своего короля (1). Дѣйствительно, Вилчанъ поспѣшилъ явиться на зовъ своего владыки; но при переправѣ черезъ Эльбу онъ попалъ въ засаду, приготовленную *Нордлюдами*, и былъ убитъ (2). Что сталось съ его войскомъ, воротилось-ли оно домой, потерявъ вождя, или присоединилось къ Франкамъ, неизвѣстно. Княземъ бодрицкимъ сдѣлался Дражко; мы тоже не знаемъ, былъ-ли онъ прямой наслѣдникъ Вилчана, или по другому случаю выбранъ былъ народомъ.

Умерщвленіе Вилчана, въ которомъ Карлъ потерялъ своего надежнѣйшаго союзника противъ Саксовъ, раздражило его въ высшей степени: по выраженію лѣтописца, это прибавило ему новой ярости для отмщенія вѣроломному племени. Но настоящихъ виновниковъ убійства, Нордлюдовъ, онъ еще не могъ наказать: походъ въ ихъ отдаленный край былъ слишкомъ опасенъ, пока земля между Везеромъ и Эльбою еще не была совсѣмъ усмирена. Отложивъ завоеваніе Нордалбингіи (нѣмецкой части Голштиніи) до другаго времени, Карлъ бросился на тѣ волости Саксовъ, которыя лежали на морскомъ берегу, между низовьями Везера и устьями Эльбы: жители ихъ были въ союзѣ съ убійцами Вилчана и одни

---

(1) Annal. Laurcsham. (M. G. I, 36): vassum domni regis Wizzin regem Abotridarum.

(2) Эингардъ, тамъ же, 181, подъ 795 годомъ.—Annal. Fuldenses (тамъ же, 331) разсказываютъ, что убійство совершилось за Эльбою, близко отъ Бардовика, гдѣ стоялъ король, in loco quem vocant Hliuni: это мѣсто есть нынѣшнее Lüne, въ восточной части ганноверскихъ владѣній.

между предлабскими Саксами не явились въ Бардовикъ съ покорностью. Три года сряду (1) ходилъ франкскій государь на эти волости, жегъ, грабилъ, казнилъ и, наконецъ, принудилъ къ повиновенію. Часть тамошнихъ Саксовъ онъ выселилъ во франкскія земли и водворилъ на мѣсто ихъ колоніи Франковъ.

Утвердивши свою власть въ этихъ краяхъ, Карлъ отправилъ пословъ въ Нордалбингію, надѣясь склонить Нордлюдовъ теперь къ добровольной покорности. Но Нордлюды схватили этихъ пословъ и убили однихъ, а другихъ задержали въ плѣну для выкупа; также убили они королевскаго посла, возвращавшагося изъ Даніи. Карлъ тотчасъ собралъ большое войско (798), но все еще не рѣшался ступить за Эльбу, въ болота Голштиніи. Онъ только опустошилъ, хуже прежняго, землю Саксовъ между Везеромъ и Эльбою (гдѣ, вѣроятно, находились еще соумышленники залабскихъ Саксовъ); наказаніе же самихъ Нордлюдовъ предоставилъ онъ своимъ неизмѣннымъ друзьямъ, Бодричамъ. Побывавъ у славянской границы на Эльбѣ и рѣшивъ своимъ судомъ внутренніе споры славянскихъ племенъ (2), онъ отправилъ къ Бодричамъ одного изъ своихъ полководцевъ, Эбервина, съ другими послами, и поручилъ имъ поднять на Нордлюдовъ славянскую силу (3). Бодричи, которыхъ франкскіе лѣтописцы называютъ весьма выразительно *нашими Славянами* (Sclavi nostri), вступили въ нѣмецкую часть Нордалбингіи и стали раззорять и выжигать ее. Саксы собрали свои войска, и обѣ рати встрѣтились въ мѣстности, называвшейся Свентана (въ срединѣ Голштиніи, гдѣ теперь мѣстечко Bornhövde, на юго-западъ

(1) 795 796 797.

(2) Annal. Guelferbytani (M. G. I, 45) подъ 798 годомъ: . . . perrexit in antea in Saxonia usque in Partunwich, inde in finem Winidis, et ibi plaidavit sicut ipse voluit, et tulit obsides multos de Saxones et pervenit ad Aquas.

(3) Annal. Lauresham. (M. G. I, 37) подъ 798 г.: et interim congregati sunt Sclavi nostri qui dicuntur Abotridi cum missos domni regis ad illos Saxones qui in aquilones parte Albie erant, et vastaverunt terram illam et incenderunt; et illi Saxones congregaverunt se in unum, et commissum est forte proelium inter eis, и проч. Это извѣстіе гораздо лучше рисуетъ ходъ дѣла, нежели извѣстіе Эингарда, будто бы Нордлюды сами бросились на Бодричей: при ежедневной опасности видѣть Франковъ въ своей землѣ, это было бы съ ихъ стороны слишкомъ безразсудно; и притомъ, откуда бы взялся франкскій полководецъ въ войскѣ Бодричей, если бы война произошла отъ неожиданнаго на нихъ нападенія, и не была подготовлена самими Франками?

отъ Плунскаго озера (1), на границѣ нѣмецкой и славянской земли). Произошла кровопролитная сѣча, какихъ въ то время видали мало (2). Бодричей велъ Дражко; а надъ правымъ ихъ крыломъ начальствовалъ Карловъ посланецъ Эберwинъ. Славяне одержали полную побѣду. Эберwинъ, воротившись назадъ къ своему государю, разсказывалъ, что Саксовъ при первой схваткѣ пало до 4000 (3), что они обратились въ бѣгство и при преслѣдованіи потеряли еще множество народу и что остатки ихъ разошлись по домамъ.

Побѣдитель Дражко, съ другими Бодричами, явился, послѣ этого подвига, на поклонъ къ Карлу въ Турингію и принятъ былъ королемъ съ необыкновенными почестями.

Зависимость Бодричей отъ Франкской державы утверждалась все болѣе и болѣе. На другой годъ послѣ ихъ побѣды у Свентаны, Карлъ, стараясь объ утвержденіи своей власти и христіанской церкви между покоренными, наконецъ, Саксами, отправилъ одного изъ своихъ сыновей съ отрядомъ войска къ Эльбѣ. Когда молодой королевичъ (по имени тоже Карлъ) приблизился къ ихъ границѣ, залабскіе Славяне, Бодричи и Велеты явились къ нему, какъ къ судьѣ, и онъ разобралъ и порѣшилъ ихъ взаимные споры и жалобы. Независимо отъ этого, онъ исполнилъ другое порученіе своего отца; онъ вошелъ въ сношенія съ Нордалбингскими Саксами. Не оправившись еще отъ пораженія, нанесеннаго имъ Бодричами, эти Саксы предстали въ его станъ съ повинною и дали ему заложниковъ (799 годъ) (4).

Около четырехъ лѣтъ все въ этой сторонѣ было спокойно, пока въ Римѣ (въ 800 году) совершался союзъ главы романо-германскихъ народовъ съ главою западной церкви и возобновлялась, подъ сѣнію папства, древняя идея Римской имперіи. Ничего не было слышно въ западной Европѣ о Славянскомъ поморьѣ; только коекогда спорили и враждовали между собою мелкіе князья Балтійскихъ Славянъ—дѣло обычное. Наконецъ, въ 804 году, новый

(1) См. Ledebur, Kritische Beleuchtung, и проч. стр. 124.

(2) Эингардъ: ingens caedes.

(3) Эингардъ, M. G. I, 185.– Annales Laureshamenses говорятъ, что Саксовъ пало 2901 человѣкъ, Chronicon Moissiac. (M. G. I, 303)—2800.

(4) Эингардъ подъ 799 г., M. G. I, 187.

императоръ захотѣлъ посѣтить свои сѣверо-восточныя области, и съ большимъ войскомъ прошедши всю землю Саксовъ, расположился станомъ близъ устья Эльбы. Сюда явились къ нему, съ множествомъ подарковъ, князь Дражко и другіе князья славянскіе. Они изложили Карлу свои распри. Въ чемъ состояли онѣ, догадаться не трудно, хотя лѣтописецъ прямо не объясняетъ ихъ; Бодричи, конечно, продолжали враждовать съ Велетами, а князья мелкихъ племенъ бодрицкихъ, вѣрно, не хотѣли подчиняться Дражкѣ, какъ старшему князю. Императоръ выслушалъ ихъ и произнесъ свое рѣшеніе; Дражка онъ велѣлъ признавать старшимъ княземъ надъ всѣми племенами Бодричей или, какъ мы можемъ назвать его, великимъ княземъ бодрицкимъ, онъ провозгласилъ его, по выраженію лѣтописца, «королемъ» славянскимъ ([1]).

Мало того, что германскій императоръ велъ такимъ образомъ Балтійскихъ Славянъ къ единодержавію и этимъ, казалось, приготовлялъ имъ своими руками спасеніе отъ Германіи; необходимость опереться на сосѣднія славянскія племена, для окончательнаго подчиненія Саксовъ, побудила Карла Великаго къ новому дѣлу въ пользу этихъ племенъ, къ такому дѣлу, послѣдствія котораго могли быть неизмѣримо важны. Когда Карлъ посѣтилъ низовья Эльбы, въ 804 году, Нордальбингскіе Саксы, ослабленные побѣдою Бодричей и не находя уже союзниковъ между соплеменниками своими на западной сторонѣ рѣки, отдались совершенно на произволъ завоевателя. Карлъ велѣлъ переселять ихъ съ семействами вовнутрь Германіи и во Францію, а Нордальбингію, т. е. западную часть Голштиніи до устья Эльбы и берега Нѣмецкаго моря, отдалъ Славянамъ-Бодричамъ ([2]).

([1]) Эингардъ подъ 804 г. (M. G. I, 191): in quibus castris etiam Sclavorum principes adfuerunt; quorum causis discussis et secundum arbitrium dispositis, regem illis Trasiconem constituit.

([2]) Annal. Lauriss. подъ 804 г. (M. G. I, 191): Missisque inde exercitibus suis per diversas partes Saxoniae, tam perfidos illos ad quos ultra Albiam transierat, quam illos qui in Wigmoti (такъ называлась волость Саксовъ между устьями Везера и Эльбы) manebant et frequentibus maleficiis populum Saxonum a via veritatis averterant, cum mulieribus et infantibus, Deo auxiliante, sapientissima dispositione de Saxonia per diversas vias dirigens, funditus exterminavit, et per Gallias caeterasque regiones regni sui sine ulla laesione exercitus sui dispersit. Pagos transalbianos Abodritis dedit.—Annal. Fuldenses (тамъ же, 353): Saxones transalbianos cum mulieribus et natis transtulit in Franciam et pagos transalbianos Abodritis dedit.

Конечно, нельзя подозрѣвать въ Карлѣ особеннаго желанія покровительствовать Славянамъ и способствовать ихъ политической самостоятельности. Но легко понять, почему онъ принялъ тогда эту мѣру. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Бодричи ему не измѣнятъ: въ этомъ ручались ихъ отношенія къ сосѣдямъ, Саксамъ съ одной стороны, Велетамъ съ другой. Отдать имъ всю Голштинію казалось Карлу не только выгоднымъ, но и необходимымъ, чтобы обезпечить себя со стороны третьихъ, сѣверныхъ, сосѣдей бодрицкой земли, Датчанъ. Датчане прежде уже находились во враждебномъ отношеніи къ Франкамъ и всѣми силами поддерживали Саксовъ въ борьбѣ съ Карломъ. Предводитель Саксовъ, Видукиндъ, былъ зятемъ датскаго короля Сигфрида; Видукиндъ и всѣ вообще недовольные франкскою властію Саксы находили въ Даніи всегда готовое убѣжище; преемникъ Сигфрида Годофридъ все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе выступалъ противъ франкской имперіи. Именно въ этомъ самомъ 804 году, онъ собралъ на своей границѣ, въ Шлесторнѣ (теперешнемъ Шлезвигѣ) всѣ свои корабли и войска, и не смотря на обѣщаніе, имъ данное Карлу, вступить съ нимъ въ переговоры и пріѣхать къ нему на свиданіе, вдругъ отказался отъ сношеній съ франкскою имперіею. Что же могло быть выгоднѣе для Карла, какъ уступкою Бодричамъ западной Голштиніи пресѣчь непосредственное соприкосновеніе Датчанъ съ ихъ давнишними друзьями Саксами и отдѣлить Данію отъ имперіи славянскимъ племенемъ, искони враждебнымъ Датчанамъ?

Но тѣмъ самымъ Бодричи достигали безъ труда (хотя, правда, по чужой милости) той цѣли, къ которой они стремились столько вѣковъ и для которой ихъ мужественные собратья, Вагры, проливали столько крови: они достигали полнаго обладанія правымъ берегомъ Эльбы. Этимъ утверждалось окончательно господство Славянъ надъ прибалтійскими странами, и Нѣмцамъ уже не было прямаго къ нимъ доступа; между Балтійскими Славянами и Нѣмцами, по всему протяженію ихъ границы, ложилась, какъ крѣпкій рубежъ, широкая рѣка, и поводъ къ народной войнѣ между ними исчезалъ

Рудольфъ, въ сказаніи о перенесеніи мощей св. Александра въ Фульдскій монастырь (M. G. II, 673 seqq. c. 3), говоритъ, что Карлъ переселилъ съ обѣихъ сторонъ Эльбы 10,000 человѣкъ Саксовъ съ женами и дѣтьми и разсѣялъ ихъ по Германіи и Галліи.

самъ собою. Наконецъ, Славяне получали, съ устьемъ Эльбы, великолѣпное для торговли мѣсто, гдѣ потомъ построился Гамбургъ. Владѣя имъ, такой предпріимчивый и отважный на морѣ народъ, какимъ были Балтійскіе Славяне, могъ тотчасъ выйти изъ тѣснаго круга сношеній, въ которомъ его заключали Нѣмцы и Скандинавы, и вступить въ общеніе съ остальными землями Запада. Германская имперія приносила къ Славянамъ, мы знаемъ, христіанство, не какъ чистое ученіе вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ залогъ свѣтскаго подчиненія ихъ нѣмецкому государству и народу; но отъ устья Эльбы близко было до Англіи, до Англіи Виллиброда и Альфреда Великаго, которая такъ ревностно сѣяла христіанство въ Европѣ; а въ Англію путь былъ уже знакомъ Балтійскимъ Славянамъ. Кто знаетъ, не пришло ли бы къ нимъ оттуда просвѣтительное начало христіанства, которое ихъ отталкивало въ томъ видѣ, въ какомъ оно предлагалось имъ эгоистической Германіей?

Вотъ какую будущность Карлъ, слѣдуя своимъ собственнымъ политическимъ разсчетамъ, открывалъ Бодричамъ и ихъ соплеменникамъ: установленіе единовластія, прекращеніе народной войны съ Саксами на правомъ берегу Эльбы, сообщеніе черезъ Нѣмецкое море съ Западомъ, наконецъ, мирное и свободное обращеніе въ христіанство.

IV.

Ударъ Датчанъ и Франковъ на Бодричей. Основаніе нѣмецкой крѣпости на правомъ берегу Эльбы. 804—810.

Даръ западнаго государя не пошелъ Бодричамъ въ прокъ. Скоро отвѣдали они горькихъ плодовъ союза съ Германіею.

Три года прошли мирно; неизвѣстно, насколько Бодричи успѣли утвердиться въ это время въ отданной имъ Карломъ землѣ, но видно, что на устьѣ Эльбы начиналъ уже водворяться торговый обмѣнъ Германіи съ Славянскимъ поморьемъ. Когда императоръ Карлъ, въ 805 году, постановлялъ законъ о торговыхъ сношеніяхъ своихъ подданныхъ съ заграничными землями, то изъ трехъ мѣстъ, гдѣ допущена была мѣна съ Балтійскими Славянами и учреждено нѣчто въ родѣ таможень, два пункта назначены были близъ устья Эльбы (въ сѣверовосточномъ углу нынѣшняго Ганноверскаго ко-

ролевства), въ весьма близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, именно въ Бардовикѣ и Шезлѣ, и только одинъ на всемъ протяженіи средней Эльбы, въ Магдебургѣ, гдѣ Нѣмцы могли торговать съ Стодорскою землею [1]. Мѣры, принятыя Карломъ для устройства торговли съ Славянами на нѣмецкой сторонѣ устья Эльбы, показываютъ, какъ важно было для Славянъ пріобрѣтеніе мѣста, гдѣ теперь стоитъ Гамбургъ. Замѣтимъ кстати, какъ признакъ политики Карла въ отношеніи къ Славянамъ, даже къ вѣрнымъ союзникамъ его, Бодричамъ, что онъ строго запретилъ продавать имъ оружіе и брони; онъ постановилъ правила, по-видимому весьма дѣйствительныя для прекращенія запрещеннаго торга: у того, кто везъ оружіе къ Славянамъ, весь товаръ отбирался и половина раздѣлялась поровну между сыщикомъ и смотрителемъ торговаго пункта; только другая половина поступала въ казну.

Еще пока Бодричи пользовались милостью западнаго императора, они могли предвидѣть участь, которая ихъ ожидала: 806 годъ прошелъ въ кровавой войнѣ Германіи съ ближайшими сосѣдями Балтійскихъ Славянъ, Полабскими Сербами. Война эта, въ которой погибъ сербскій князь Милодухъ, окончилась тѣмъ, что для удержанія въ покорности подчинившихся Карлу западныхъ племенъ сербскихъ между Солявою и Лабою (Салою и Эльбою), построена была нѣмецкая крѣпость (Галла, Halle) на восточномъ, славянскомъ берегу Салы [2] и основана на границѣ Сербовъ нѣмецкая *марка* (или мархія), т. е. рядъ военныхъ поселеній. Жители *марки*, поставленные подъ начальство военнаго начальника, *маркграфа*, обязаны были постоянно быть наготовѣ для сраженія съ пограничными племенами [3]. Эти учрежденія коснулись и юж-

---

(1) Capitulare Caroli Magni 805 года (M. G. Leges I, 133). De negotiatoribus, qui partibus Sclavorum et Avarorum pergent, qua usque procedere cum suis negotiis debeant, id est in partibus Saxonie usque ad Bardaenowic, ubi praevideat Hredi; et ad Schezla, ubi Madalgaudus praevideat; et ad Magadoburg, praevideat Aito . . . Et ut arma et brunias (т. е. loricas, см. словарь Граффа: это древне-нѣмецкое слово, не имѣющее корня въ германскихъ нарѣчіяхъ, очевидно славянское: *броня*) non ducant ad venundandum. Quod si inventi fuerint portantes, ut omnis substantia eorum auferatur ab eis, dimidia quidem pars partibus palatii, alia vero medietas inter missum et inventorem dividatur.

(2) Chron. Moissiac. (M. G. I, 308) подъ 806 годомъ.

(3) Capitulare Caroli Magni (M. G. Leges I, 149) 807 года: Si vero circa Surabis patria defendenda necessitas fuerit, tunc omnes generaliter veniant.

ной части Балтійскихъ Славянъ: Карлъ занялъ, въ томъ же 806 году, нѣмецкимъ укрѣпленнымъ поселеніемъ участокъ на правомъ же берегу Эльбы, насупротивъ Магдебурга (¹), въ землѣ Стодорскаго племени Морачанъ, которое, вѣроятно, помогало своимъ сосѣдямъ Сербамъ въ войнѣ съ Нѣмцами и этимъ дало поводъ къ такому распоряженію. Это было первымъ шагомъ Германіи къ водворенію своего непосредственнаго владычества на правомъ берегу Эльбы, на славянской землѣ.

Скоро очередь дошла и до Бодричей, и тутъ Германской имперіи помогли враги ея, Датчане.

Датчанамъ и ихъ смѣлому вождю, королю Годофриду, конечно, горько было видѣть, какъ франкскій завоеватель выводилъ изъ Нордалбингіи ихъ вѣрныхъ друзей, Саксовъ, и какъ въ этой пограничной съ Даніею землѣ утверждались всегдашніе непріятели Датчанъ, Славяне. Послѣ переговоровъ съ Карломъ, которые, какъ видно, не привели ни къ чему, Годофридъ вдругъ рѣшился— однимъ ударомъ сломить силу Бодричей въ своемъ сосѣдствѣ.

Онъ снесся съ Велетами, которые были друзьями Датчанъ, потому что ненавидѣли Бодричей; онъ сговорился съ двумя племенами Бодричей, Глинянами и Смольнянами, которымъ не по сердцу была власть, дарованная Карломъ князю Дражкѣ надъ всею землею Бодрицкою, и поплылъ съ своими кораблями къ славянскому берегу (808 г.). Велеты, съ своей стороны, вторглись въ землю Бодричей. Годофридъ соединился съ ними. Закипѣла война въ прибрежныхъ мѣстахъ. Нѣсколько бодрицкихъ *градовъ* (т. е. укрѣпленій, castella) взяты были Велетами и Датчанами; Годофридъ овладѣлъ и главною торговою пристанью Бодричей, которая находилась, кажется, близъ нынѣшняго Висмара и которую Датчане называли *Рерикъ* (²) (по видимому, славянское имя ея было Рарогъ) (³). Драж-

---

(¹) Chron. Moissiac, тамъ же. Einhardi Annal. M. G, I, 193. Annal. Tilian. тамъ же 221.

(²) Эингардъ, M. G. I, 195: emporium, quod in oceani litore constitutum, lingua Danorum Reric dicebatur.

(³) Это имя темно. Подлинность его подтверждается тѣмъ, что сами Бодричи, по словамъ двухъ вѣрнѣйшихъ свидѣтелей касательно славянскаго поморья, Адама Бременскаго и Гельмольда, назывались другимъ именемъ Reregi (тоже говоритъ и Annalista Saxo подъ 952 г.). Шафарикъ, читающій это имя *Рарогъ*, *Рарожане*, производитъ его отъ слова *рарогъ*, существующаго до сихъ поръ въ польскомъ

ко оставилъ свою родину, гдѣ велико-княжеская власть, освященная приговоромъ Западнаго императора, окружила его врагами: онъ бѣжалъ, безъ сомнѣнія, въ Германію. Другой бодрицкій князь, Годолюбъ [1], попался измѣною въ руки датскаго короля и былъ имъ повѣшенъ. Но и лишившись одного князя, покинутый другимъ, Бодрицкій народъ продолжалъ защищаться храбро. Годофридъ потерялъ значительную часть своего войска; лучшіе и отважнѣйшіе витязи датскіе пали; племянникъ короля, Регинальдъ, занимавшій послѣ Годофрида первое мѣсто въ войскѣ, былъ убитъ при осадѣ какого-то бодрицкаго укрѣпленія, вмѣстѣ съ многими другими вождями. Тѣмъ не менѣе, сила Бодричей была сломлена въ неровной борьбѣ, и большая часть Бодрицкой земли (двѣ трети ея, по словамъ нѣмецкаго лѣтописца) обязалась платить дань датскому государю. Этому условію, вѣроятно, принуждены были подчиниться именно ближайшія къ Даніи бодрицкія волости въ Голштиніи и около Висмарскаго залива.

Вѣсть о нападеніи Датчанъ и Велетовъ на Бодричей принесена была императору Карлу въ Ахенъ, вскорѣ послѣ Пасхи. Онъ тотчасъ отправилъ къ Эльбѣ своего сына Карла, съ сильнымъ войскомъ Франковъ и Саксовъ. За Бодричей, за своихъ вѣрныхъ союзниковъ и слугъ на Славянскомъ поморьѣ, онъ ему не велѣлъ заступаться (а прежде, какъ усердно бралъ онъ сторону Бодричей противъ другихъ Славянъ, Велетовъ!); онъ приказалъ ему только стать на берегу Эльбы и дѣйствовать противъ датскаго ко-

---

языкѣ, въ значеніи особой породы соколовъ, и сравниваетъ его съ именемъ деревни въ Польшѣ, въ Плоцкомъ краѣ, Рарогъ, и съ подобными именами другихъ славянскихъ городовъ и замковъ, Орелъ, Соколъ, Ястребъ. Это объясненіе мы должны признать несомнѣнно вѣрнымъ, если примемъ, что имя города *Reric* и второе имя племени Бодричей, *Reregi*, были имена дѣйствительно славянскія, а не данныя имъ иностранцами, и если мы, такимъ образомъ, не придадимъ особеннаго вѣса выраженію лѣтописца Эингарда: emporium quod. . . *lingua Danorum* Reric vocabatur. Вопросъ затрудняется еще датскимъ лѣтописцемъ Гамсфортомъ (у Лангебека I, 45): «Dani Gotorici auspiciis (Готрикомъ Скандинавы называли Годофрида, см. Saxo Gr. I, 435) Rethrum emporium Henetum nobile capiunt». Смѣшалъ ли Гамсфортъ бодрицкій городъ, взятый Датчанами, съ знаменитымъ городомъ Лютичей Радигощемъ, который Нѣмцы и Скандинавы называли Ретрою, — хотя Ретра лежала далеко отъ Даніи и отъ моря? Сохранила ли намъ датская лѣтопись, напротивъ, болѣе вѣрную форму имени города?

[1] Godelaibus: Эингардъ, тамъ же.

роля въ томъ случаѣ, если бы Годофридъ вздумалъ напасть на земли Саксовъ.

Годофридъ, вслѣдствіе ли потерь въ своемъ войскѣ и приближающихся осеннихъ непогодъ, или изъ опасенія передъ Франками, рѣшился оставить Славянское поморье. Предварительно онъ захотѣлъ нанести еще ударъ Бодрицкой землѣ—уничтоженіемъ ея торговли. Онъ разрушилъ Рарогъ, не смотря на то, что торговля этого города была чрезвычайно прибыльна для датской казны, въ которую поступало отъ нея много пошлинъ (1). Тамошнихъ купцовъ онъ взялъ на свои корабли и отплылъ съ своимъ войскомъ обратно въ Шлезторпъ: тутъ, какъ видно, Годофридъ поселилъ захваченныхъ въ Рарогѣ купцовъ, чтобы сосредоточить въ своихъ владѣніяхъ торговлю южнаго берега Балтійскаго поморья, отбивъ ее у Славянъ (2). Вскорѣ *Шлейская деревня* (Шлезторпъ) стала именоваться *Шлейскимъ городомъ* (Шлезвикъ) (3). Славянская стихія способствовала, такимъ образомъ, къ водворенію торговаго мореплаванія на датскихъ берегахъ, которые высылали въ эти вѣка столько судовъ на войну и разбой,

По отплытіи Датчанъ изъ Бодрицкой земли, Велеты тоже удалились изъ нея съ захваченною добычею. А затѣмъ въ Бодрицкую землю вступило войско Франковъ, подъ предводительствомъ Карла младшаго. За чѣмъ оно до тѣхъ поръ стояло за Эльбою и не поспѣшило на выручку Бодричамъ? И съ какою цѣлью вступало оно къ нимъ теперь, когда опасность для нихъ миновалась? Чтобы возстановить ихъ, освободить отъ дани, наложенной Датчанами, утвердить власть изгнаннаго великаго князя? Нѣтъ: политика нѣмецкаго государя въ отношеніи къ Бодричамъ была теперь уже совсѣмъ другаго рода. Войско Франковъ и Саксовъ, построивъ мостъ на Эльбѣ, вторглось въ волости Глинянъ и Смольнянъ, которые жили по правому берегу этой рѣки, въ юго-западной части нынѣшней Мекленбургіи: подъ предлогомъ наказать ихъ за измѣну ве-

---

(1) Эингардъ, тамъ же: magnam regno illius (т. е. Godofridi) commoditatem vectigalium persolutione praestabat.

(2) Эингардъ прямо не называетъ мѣста, куда Годофридъ перевелъ купцовъ изъ разрушеннаго славянскаго торговаго города; но таковъ несомнѣнно смыслъ его словъ: destructo emporio . . . Reric . . . translatisque inde negotiatoribus, soluta classe ad portum qui Sliesthorp dicitur, cum universo exercitu venit.

(3) Шлезвигъ значитъ Шлейскій городъ: имя происходитъ отъ рѣки Шлеи.

ликому князю Дражкѣ и союзъ съ Датчанами, молодой Карлъ принялся разорять ихъ землю. Весьма вѣроятно (какъ показываютъ событія, наступившія вскорѣ затѣмъ), что уже тогда намѣреніе императора было утвердиться военной силой въ странѣ недавнихъ союзниковъ своихъ Бодричей. Но походъ его сына не удался; молодой Карлъ потерялъ много людей, и возвратился въ Германію. Объ этой неудачѣ разсказываетъ, правда, только одна лѣтопись ([1]), а императорскій исторіографъ и панегиристъ Эингардъ пишетъ, что походъ Франковъ въ землю Глинянъ и Смольнянъ кончился благополучнымъ возвращеніемъ Карла и всего его войска за Эльбу; но, разумѣется, первое показаніе, въ особенности когда дѣло идетъ о войнѣ съ варварами-Славянами, заслуживаетъ большаго довѣрія ([2]).

Мы сказали, что политика Западнаго императора въ отношеніи къ Балтійскимъ Славянамъ была уже совсѣмъ не та, какъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ то время, когда онъ нуждался въ ихъ содѣйствіи для покоренія Саксовъ. Теперь земля Саксовъ окончательно вошла въ составъ Германской имперіи и начинала жить общею жизнію германо-романскаго міра. Упрочивъ за имперіею границу по лѣвому берегу Эльбы, Карлъ естественно захотѣлъ, вслѣдствіе самой идеи, руководившей имъ, какъ представителемъ тогдашняго Запада, подчинить имперіи сосѣднія славянскія племена на Балтійскомъ поморьѣ, точно также какъ онъ пытался, и отчасти успѣлъ, сдѣлать это на берегу Адріатики, на среднемъ Дунаѣ, въ Чехіи и у Полабскихъ Сербовъ.

Пользуясь ослабленіемъ Бодричей, онъ тотчасъ взялъ назадъ

([1]) Annal. Lauriss. (M. G. I, 121) подъ 808 годомъ: Carlus filius imperatoris Carli perrexit cum exercitu Francorum in Winidos ultra flumen Albia, sed tamen eo tempore non prosperatus est transitus eius, sed de plurimi Francorum occisi sunt.

([2]) Эингардъ, Annal. (M. G. I, 195) подъ 808 годомъ: Filius autem imperatoris Karlus Albiam ponte iunxit et exercitum cui praeerat in Linones et Smeldingos, qui et ipsi ad Godofridum regem de fecerant, quanta potuit celeritate transposuit (это было однако же по удаленіи Годофрида изъ земли Бодричей, какъ видно изъ предъидущихъ словъ лѣтописца), populatisque circumquaque eorum agris, transito iterum flumine cum incolumi exercitu in Saxoniam se recepit.—Всѣ остальныя извѣстія этого года разсказаны нами по Эингарду, съ которымъ согласны прочія современныя лѣтописи, опускающія только тѣ или другія подробности. См. Chron. Moissiac. (M. G. I, 308), Annal. Fuldens., тамъ же 354, Chron. Reginonis, тамъ же 564.

у нихъ свой прежній даръ, землю Нордалбингскихъ Саксовъ за устьемъ Эльбы (западную Голштинію), и приступилъ къ основанію военной линіи на низовьяхъ этой рѣки, на подобіе тѣхъ, которыя устроивались и по остальной границѣ имперіи, для подчиненія славянскихъ народовъ. Еще въ концѣ того же 808 года началось первое учрежденіе постоянной военной силы нѣмецкой, направленной противъ Славянскаго поморья ([1]). Военная украина или *марка* въ этой сторонѣ дѣлилась на двѣ части. Одна шла по лѣвому берегу Эльбы, насупротивъ земли Глинянъ и Смольйянъ, или Полабцевъ (прибрежныхъ къ Эльбѣ вѣтвей Бодрицкаго племени) и сдѣлалась основаніемъ позднѣйшей, такъ называемой *Старой марки* (Altmark), изъ которой развилось въ послѣдствіи завоевательное государство Бранденбургское. Въ этой маркѣ построена была у берега Эльбы крѣпость Hochbuoki (близь нын. ганноверскаго мѣстечка Gartow, насупротивъ города славянскаго племени Смольнянъ, Лончина, теперешняго Lenzen) ([2]). Другую марку Карлъ основалъ на правомъ берегу Эльбы, въ землѣ Нордалбингскихъ Саксовъ, возвращенной отъ Бодричей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не смотря на мѣры, принятыя недавно, чтобы вывести отсюда строптивое саксонское населеніе, значительная часть его укрылась въ своихъ жилищахъ и уцѣлѣла подъ мимолетнымъ владычествомъ Бодричей. Теперь эти Саксы изъ враговъ имперіи сдѣлались ея оплотомъ и, какъ видно изъ событій вскорѣ послѣдовавшихъ, горячо приняли къ сердцу общее дѣло Германіи противъ враговъ-Славянъ. Вѣроятно, императоръ, отличавшійся удивительнымъ духомъ организаціи, умѣлъ дать имъ правильное военное устройство и усилилъ ихъ военными поселенцами, набранными въ другихъ волостяхъ Саксовъ: по крайней мѣрѣ, мы положительно знаемъ о водвореніи такихъ колоній въ другой маркѣ, учрежденной противъ Балтійскихъ Славянъ, о которой мы только что упомянули ([3]). Въ Нордалбингской маркѣ тоже построена была

([1]) Эингардъ подъ 808 годомъ (тамъ же): Imperator, aedificatis per legatos suos super Albim . . . . duobus castellis, praesidioque in eis contra Sclavorum incursiones disposito, Aquisgrani hiemavit.

([2]) См. объ этомъ статью Ведекинда (Noten zu einigen Geschichtschreibern des eutschen Mittelalters. VI, 152): въ указанномъ мѣстѣ близь Гартова находится пригорокъ, весьма годный для военнаго поста и называемый до сихъ поръ Hobeck.

([3]) Эингардъ подъ 810 г. (M. G. I, 197): castellum. . . .Hohbuoki, in quo Odo legatus imperatoris et Saxonum orientalium erat praesidium.

крѣпость: современный лѣтописецъ не называетъ ея по имени; но не можетъ быть сомнѣнія, что она стояла на мѣстѣ нынѣшняго Гамбурга. На это указываютъ событія и документы ближайшаго времени и преданіе, записанное въ XI вѣкѣ. Карлъ не могъ не понять важности этого мѣста, какъ лучшей точки опоры для наступательныхъ дѣйствій на сѣверъ и востокъ отъ Эльбы, и хотѣлъ сдѣлать изъ Гамбурга основную точку для преобладанія Германіи надъ прибалтійскими Славянами и Скандинавами: тутъ должна была, по его предначертанію, возникнуть нѣмецкая митрополія для сѣверныхъ народовъ. Потому онъ, при раздѣленіи земли Саксовъ на епархіи, нарочно не причислилъ Нордальбингіи ни къ одной изъ новоучрежденныхъ епископскихъ каѳедръ на лѣвомъ берегу Эльбы. Въ Гамбургѣ онъ заложилъ (кажется, около 810 года) церковь и для посвященія ея вызвалъ изъ-за Рейна епископа Трирскаго, чтобы не дать сосѣднимъ саксонскимъ епископамъ предлога къ притязаніямъ на Залабскій край. Церковь эту онъ поручилъ какому-то священнику Геридагу, котораго и предназначалъ къ занятію будущей епископской каѳедры въ Гамбургѣ; на случай непріятельскаго нападенія, онъ пожаловалъ ему во Фландріи монастырь, гдѣ онъ могъ укрываться на время опасности. Но Геридагъ вскорѣ умеръ, и военныя тревоги въ Нордальбингіи помѣшали Карлу приступить къ учрежденію гамбургской митрополіи (¹). Его мысль осуществилась въ царствованіе его сына. Покуда нужно было думать еще только о военномъ утвержденіи въ Нордальбингіи. Неразуміе Бодричей помогло въ этомъ Германіи.

Предшествовавшія событія еще недостаточно убѣдили ихъ въ опасности со стороны Запада. Они не обратили вниманія на то, что Карлъ, которому они оказали столько услугъ, не только не поддержалъ ихъ во время опасности, но тотчасъ послѣ нападенія на

(¹) Rimberti vita S. Anskarii, 12.—Адамъ Бременск. I, 15. Quo tempore quum Sclavorum quoque gentes Francorum imperio subicerentur, fertur Karolus Hammaburg civitatem Nordalbingorum, extructa ibidem ecclesia, Heridago cuidam sancto viro, quem loci episcopum designavit, ad regendum commendasse. Cui etiam propter infestationem barbaricam, ubi interdum posset consistere, cellam Rodnach (Renaix in Flandria orientali: vide diplom. Hludovici 834, Maii 15, ecclesiae Hammaburgensi: примѣчаніе издателя въ Mon. Germ.) donavit, disponens eandem Hammaburgensem ecclesiam cunctis Sclavorum Danorumque gentibus metropolim statuere. In qua re ad perfectum ducenda et mors Heridagi presbyteri et occupatio regni Karolum imperatorem . . . . impedivit.

нихъ Датчанъ, вступилъ въ мирные переговоры съ королемъ Годофридомъ. Весь гнѣвъ ихъ былъ направленъ на ихъ же братій, Велетовъ. Какъ скоро великій князь Дражко, воспользовавшись тишиною, наставшею послѣ отплытія датскаго короля, возвратился въ свое княжество, онъ сталъ готовить месть этимъ домашнимъ врагамъ бодрицкаго племени. Для того онъ поспѣшилъ помириться съ главнымъ виновникомъ бѣды, постигшей его и Бодрицкую землю, съ датскимъ государемъ, и даже далъ ему въ заложники своего сына, лишь бы Годофридъ отказался отъ содѣйствія Велетамъ. Затѣмъ, онъ заключилъ союзъ съ другимъ исконнымъ врагомъ своего народа, Саксами, содержавшими военную линію на Эльбѣ, и Саксы, дѣйствуя уже какъ подданные императора Карла, обѣщали бодрицкому князю вспомогательный отрядъ противъ прежнихъ друзей своихъ, Велетовъ (809 годъ). Замѣчательная перемѣна отношеній, свидѣтельствующая о томъ, что Саксы уже забыли свои прежнія племенныя вражды и связи, и сдѣлались представителями интересовъ Германской имперіи въ славянскихъ дѣлахъ. Саксы въ 809 году играютъ ту же роль на Славянскомъ поморьѣ, какую въ 789-мъ играли Франки, подъ предводительствомъ Карла, въ противность Саксамъ: они теперь поддерживаютъ ближайшую и слабѣйшую славянскую вѣтвь, противъ которой вели такъ долго пограничную войну, пока стояли на одинаковой съ нею ступени племеннаго быта, и пользуются союзомъ съ нею для нанесенія ударовъ отдаленнѣйшей и сильнѣйшей вѣтви, главной хранительницѣ славянской независимости на поморьѣ.

Походъ Дражка съ отрядомъ Саксовъ противъ Велетовъ былъ весьма удаченъ. Они опустошили огнемъ и мечемъ Велетскую землю и возвратились оттуда съ огромною добычею.

За тѣмъ, Дражко выпросилъ себѣ еще бо́льшее подкрѣпленіе изъ саксонской *марки* и пошелъ войною на Смольнянъ, которые, какъ мы знаемъ, отпали отъ союза бодрицкихъ племенъ, и заключивъ дружбу съ врагами Нѣмцевъ, Велетами и Датчанами, нанесли въ предъидущемъ году значительный уронъ войску Карла Великаго. Бодричи и Саксы взяли и разрушили главный городъ Смольнянъ, который нѣмецкая лѣтопись называетъ Connoburg (¹): предполага-

(¹) Chron. Moissiac. (M. G. I, 308) подъ 809 годомъ: Karolus . . . in illa aestate misit scaras suas ad marchias. Et aliquie d—llis Saxones venerunt ultra Albiam et

ютъ, что онъ лежалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ село Konow, близъ городка Dömitz, въ южной оконечности Мекленбургіи [1]. Нѣмецкое названіе *Connoburg*, вѣроятно, передѣлано изъ славянскаго Конёва.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта война велась не противъ однихъ только Смольнянъ, племени слабаго, занимавшаго, какъ видно, малое пространство земли. Конечно, Смольнянамъ помогали ихъ сосѣди и всегдашніе союзники Глиняне и другія вѣтви Бодричей, не хотѣвшія повиноваться велико-княжеской власти Дражка: иначе трудно бы было понять, почему бы Дражко, для борьбы съ Смольнянами, потребовалъ у Германіи бóльшихъ вспомогательныхъ силъ, нежели для похода противъ могущественныхъ Велетовъ. Важное значеніе войны, которая велась тогда въ краѣ Смольнянъ, видно изъ того, что взятіе главнаго ихъ города повлекло за собою усмиреніе всѣхъ бодрицкихъ племенъ: всѣ онѣ снова покорились Дражкѣ, какъ своему общему князю.

Но это ни къ чему уже не вело. Уже не воротить было Бодричамъ устья Эльбы и прежняго своего могущества. Германія болѣе и болѣе утверждалась въ Нордалбингіи и умножала тутъ свои военныя силы, на порогѣ Балтійскаго поморья. Еще въ томъ же 809 году императоръ Карлъ велѣлъ собрать во Франціи и Германіи людей годныхъ къ военному ремеслу, снабдилъ ихъ оружіемъ и всѣмъ нужнымъ для переселенія и отправилъ ихъ моремъ изъ Фрисландіи въ устье Эльбы. Кажется, ихъ водвореніе возложено было на вѣрнаго слугу Нѣмцевъ, бодрицкаго князя Дражка. Но судьба избавила его отъ тяжелой обязанности—готовить Германіи новую силу къ завоеванію его собственной родины. Онъ былъ убитъ въ Рарогѣ (извѣстной намъ торговой пристани Бодричей) людьми, подосланными датскимъ королемъ Годофридомъ. Императоръ Карлъ

---

fregerunt ibi unam civitatem cum nostris Hwinidis qui appellantur Semeldinc, Connoburg. Эпгардъ (тамъ же, 196): Thrasco vero dux Abodritorum, postquam filium suum postulanti Godofrido obsidem dederat, collecta popularium manu et auxilio a Saxonibus accepto, vicinos suos Wiltzos aggressus, agros eorum ferro et igni vastat, regressusque domum cum ingenti praeda, accepto iterum a Saxonibus validiori auxilio, Smeldingorum maximam civitatem expugnat, atque his successibus omnes, qui ab eo defecerant, ad suam societatem reverti cogit. Сравни также Annal. Fuldens. тамъ же 351, Chron. Reginonis, тамъ же 563.

[1] См. Ledebur, Feldzüge и проч. стр. 185 и слѣд. Что въ этомъ именно краѣ находилась земля Смольнянъ, подтверждается существованіемъ тамъ мѣстностей Gross—Schmölen и Klein—Schmölen (Schmölen—Смольно).

поручилъ устройство переселенія одному изъ своихъ графовъ, Эгберту. На рѣкѣ Стыри (Sturia, Stör), впадающей въ Эльбу у самаго ея устья, выбрано было средоточіе для военныхъ силъ въ Нордалбингіи. Мѣсто это называлось Эзесфельдъ. Эгбертъ и другіе графы (волостные начальники) Саксовъ привели сюда вооруженныхъ колонистовъ, и въ мартѣ 810 года приступили къ постройкѣ крѣпости Эзесфельдобургъ, которая теперь называется Jlzehoe (въ западной Голштиніи, на сѣверъ отъ Глюкштадта). Этимъ Залабская марка получила окончательное утвержденіе. Она въ предположеніяхъ Карла основана была столько же противъ Датчанъ, сколько противъ Славянъ, и кажется даже, что желаніе имѣть пограничную точку опоры противъ Датчанъ, которые начинали сильно тревожить Германію и Францію своими нападеніями съ моря, болѣе всего побудило тогда Карла къ военному занятію Нордалбингіи (¹). Но въ своихъ послѣдствіяхъ эта мѣра оказалась направленною почти исключительно противъ Славянъ. Съ Датчанами Германія мало-помалу ужилась: голосъ кровнаго родства былъ сильнѣе политическаго соперничества; и Данія вступила въ братство западныхъ народовъ. Съ Балтійскими Славянами Германія ужиться не могла, и братства между ними никогда не настало. Для Балтійскихъ Славянъ военное занятіе Нордалбингіи Германіею было роковымъ событіемъ. Нѣмецкій народъ, который въ 804 году совершенно удалился - было за Эльбу, теперь переступилъ снова эту природную грань и опять основался на порогѣ Славянскаго поморья, въ сосѣдствѣ Бодричей; но то не были уже независимые Саксы, раздѣленные на мелкія племена и волости, а правильно устроенное военное поселеніе, сторожевой отрядъ

(¹) Эингардъ (M. G. I, 196) подъ 809 годомъ: Imperator .... cum ei multa de iactantia et superbia regis Danorum nuntiarentur, statuit trans Albiam flumen civitatem aedificare, Francorumque in ea ponere praesidium. Cumque ad hoc per Galliam atque Germaniam homines congregasset armisque ac caeteris ad usum necessariis rebus instructos per Frisiam ad locum destinatum ducere iussisset, Thrasco dux Abodritarum in emporio Reric ab hominibus Godofridi per dolum interfectus est. Sed imperator, postquam locus civitati constituendae fuerat exploratus, Egbertum comitem huic negotio exsequendo praeficiens, Albim traicere et locum iussit occupare. Est autem locus super ripam Sturiae fluminis, vocabulo Esesfelth, et occupatus est ab Egberto et comitibus Saxonicis circa idus Martis et muniri coeptus.

сильнаго, завоевательнаго государства. И съ тѣхъ поръ Нѣмцы уже не возвращались за Эльбу, а шли впередъ шагъ за шагомъ, захватывая земли сосѣдей своихъ, пока не овладѣли, наконецъ, всѣмъ славянскимъ берегомъ Балтійскаго моря. И тутъ не остановились они, и шли все дальше и дальше, и успокоились и отдохнули только, когда знамя, водруженное Карломъ Великимъ въ Гамбургѣ и на Эзесскомъ полѣ, развѣвалось въ Ревелѣ и Нарвѣ. Нельзя сочувствовать этому подвигу, какъ всякому насилію и истребленію народностей; но нельзя отказать въ справедливой дани удивленія желѣзной твердости и настойчивости средне-вѣковой Германіи: въ IX и X вѣкѣ ни слова не говорилось по-нѣмецки на всемъ берегу Балтійскаго моря, а въ XIV-мъ нѣмецкій языкъ былъ господствующимъ отъ Голштиніи до Финскаго залива.

V.

Послѣднія войны Карла Великаго съ Балтійскими Славянами. Нѣмецкая военная линія на правомъ берегу Эльбы. 810—814.

Бодричи не противились утвержденію нѣмецкаго владычества въ отнятой у нихъ Нордалбингіи. Они благоговѣли еще передъ Западнымъ императоромъ. Въ 810 году Карлъ пришелъ съ войскомъ въ землю Саксовъ, чтобы открыть военныя дѣйствія противъ Датчанъ, раззорявшихъ берега Германіи; тогда Бодричи послали въ его станъ, расположенный у города Вердена на Везерѣ, своихъ старшинъ, чтобы просить императора объ утвержденіи у нихъ великаго князя, на мѣсто убитаго Дражка (1). Въ этотъ санъ возведенъ былъ какой-то Славоміръ (2). Вслѣдствіе чего Бодричи выбрали его, неизвѣстно; мы знаемъ только, что онъ получилъ велико-княжеское достоинство не по наслѣдству, помимо правъ Дражкова сына, Чедрага. Утверждая у Бодричей великаго князя, Карлъ, конечно, требовалъ отъ нихъ помощи для похода въ Данію; но война

---

(1) Annal. Fuldens. подъ 810 г. Carolus imperator cum exercitu Francorum perrexit in Saxonia, et ibi placitum habuit in Fereda, et ibi Wenedi venerunt, et dedit illis regem.

(2) Эингардъ подъ 817 г. (M. G. I, 204): regiam potestatem, quam Sclaomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat.

не состоялась. Предпріимчивый Годофридъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ слугъ, а наслѣдникъ его заключилъ миръ съ императоромъ.

Между тѣмъ Велеты, всегдашніе враги Нѣмцевъ, напали на марку, основанную Карломъ на границѣ ихъ друзей и союзниковъ, Глинянъ и Смольнянъ. Перебравшись черезъ Эльбу, они, безъ сомнѣнія съ помощію этихъ племенъ, осадили крѣпость *Hochbuoki* (насупротивъ Ленцена), охраняемую гарнизономъ Саксовъ, взяли и разрушили ее (¹).

Первымъ дѣломъ Карла, послѣ примиренія съ новымъ королемъ датскимъ Геммингомъ, было отомстить Славянамъ за этотъ уронъ и возстановить Полабскую украйну. Онъ послалъ войско въ землю бодрицкихъ племенъ, жившихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ маркою, именно Глинянъ, о которыхъ мы не разъ встрѣчали извѣстіе, и какихъ-то Бытенцевъ, если мы только правильно читаемъ это имя, которое въ современныхъ нѣмецкихъ памятникахъ пишется *Bethenzr*, *Bethenici*. Племя это было незначительно, и вскорѣ исчезло, вмѣстѣ съ Смольнянами, въ болѣе общемъ имени Полабцевъ, которое придавалось Славянамъ, жившимъ на берегу нижней Эльбы, въ нынѣшнемъ Лауенбургскомъ краѣ и близлежащей части Мекленбургіи (²). Земля Глинянъ и Бытенцевъ была опусто-

---

(¹) Эингардъ (тамъ же, 197) подъ 810 годомъ; Annal Fuldens., тамъ же, 355.

(²) Въ IX и X вѣкѣ имя Полабцевъ вовсе не встрѣчается; въ XI напротивъ, имена Смольнянъ и Бытенцевъ не упоминаются въ исчисленіи славянскихъ племенъ на Эльбѣ, а Полабцы являются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы во время Карла В. находимъ эти племена. Вѣроятно Смольняне, Бытенцы и, можетъ быть, еще другія мелкія вѣтви, имена которыхъ не дошли до насъ, слились, съ теченіемъ времени, въ одно племя и приняли тогда названіе Полабцевъ. О Бытенцахъ упоминаетъ безъименный баварскій географъ, писавшій въ концѣ IX вѣка (Шафарикъ, Слав. Древн. Прилож. ко второму тому, 69): Linaa (Глиняне) est populus, qui habet civitates VII. Prope illis resident, quos vocant Bethenici et Smeldingon et Morizani, qui habent civitates XI.—Chron. Moissiac. (M. G. I, 309): Misit Karlus imperator exercitum Francorum et Saxonorum ultra Albiam ad illos Sclavos qui nominantur Linai et Bethenzr; et vastaverunt regiones illas et aedificaverunt iterum castellum in loco qui dicitur Abochi (во второй редакціи той же хроники, M. G. II, 259, очевидно по ошибкѣ, написано Bechelenzi). Шафарикъ (Слав. Древн. II, 3, 151) читаетъ это имя *Bethenici*, *Bethenzr*—Вѣтники, и прибавляетъ: «Дитмаръ подъ именемъ Вѣтниковъ приводитъ особый родъ вооруженной городской стражи, именно: In ea parte (Misnae urbis), qua satellites habitant, dicti sclavonice vethenici, Cukesburgienses (Kukesburger, иначе по-нѣмецки Burgwachter). Названіе *вѣтникъ*, множеств. *вѣтники*, вѣрнѣе всего можно производить отъ корня *вѣтъ*, откуда *вѣта* (habitaculum), *повѣтъ* (pagus), *витати* (habitare), или отъ *вѣтити*, *завѣтити*, нѣмец-

шена, и послѣ того нѣмецкое войско занялось возстановленіемъ крѣпости *Hochbuoki* (811).

Въ слѣдующемъ году Карлъ снарядилъ походъ противъ главныхъ соперниковъ Германіи на поморьѣ, Велетовъ. Три войска были одновременно направлены противъ нихъ: одно пошло черезъ землю Бодричей, вѣроятно изъ Нордалбингіи, и конечно получило отъ Бодричей подкрѣпленіе; два другихъ войска двинулись изъ Полабской марки на сѣверъ, на встрѣчу первому отряду, шедшему съ запада. Велеты просили мира, дали Нѣмцамъ заложниковъ и обѣщали покорность императору (1).

Усмиривъ такимъ образомъ ближайшія племена славянскія, не опасаясь Датчанъ, которые заняты были въ то время внутренними раздорами, и опираясь на укрѣпленія, уже устроенныя, Карлъ довершилъ начатое дѣло: распространилъ и утвердилъ Залабскую марку. «Семь лѣтъ земля Нордалбингская была въ плѣну», писалъ потомъ въ одной грамотѣ его сынъ, императоръ Людовикъ: плѣнъ этотъ былъ славянскій; но (въ 811 году) Карлъ поручилъ извѣст-

кое hagen, какъ бы охранители, защитники. Слѣдовательно, неизвѣстно, что такое были эти *вѣтники*, особенная ли вѣтвь народа, или же только отдѣльное сословіе обитателей. Жилищъ ихъ по сю пору нельзя надлежаще опредѣлить». Можно согласиться, что Мышненскіе (Мейссенскіе) *вѣтники* были сословіемъ служилыхъ людей, какъ и говоритъ Титмаръ, и что имя ихъ происходило отъ указаннаго Шафарикомъ корня. Но что̀ есть общаго между ими и племенемъ Bethenici, Bethenzr, съ которымъ Карлъ Великій велъ войну на нижней Эльбѣ, кромѣ сходства именъ, и то отличающихся начальными буквами *б* и *в*, которыя у Нѣмцевъ рѣдко смѣшивались. Я сказалъ, что племя Bethenici является въ мѣстахъ, гдѣ въ послѣдствіи мы встрѣчаемъ Полабцевъ: именно тамъ была цѣлая волость, называвшаяся terra Boitin (въ принадлежащемъ Ольденбургу Любекскомъ герцогствѣ на сѣверо-востокъ отъ Ратцебурга: см. подробности у Шрёдера, Papistisches Mecklenburg, 304 и 1654) и кромѣ того южнѣе, въ томъ же краѣ Полабцевъ, у самой Лабы, находится старинный городъ Бойценбургъ, имя котораго имѣетъ очевидно не нѣмецкое начало, не смотря на приставку *бургъ*. Boitin, Boitzen-burg по всей вѣроятности звучали по-славянски *Бытно* или *Бытенъ* (подобныя имена распространены въ Ляшскихъ земляхъ, напр. Бытонь, Бытынь въ Польшѣ, Бытомъ въ Силезіи, Бытовъ въ Помераніи) и отсюда племя называлось *Бытенцы*, у Нѣмцевъ Bethenzr, Bethenici.

(1) Chron. Moissiac. подъ 812 г. (M. G. I, 309). Misit Karolus imperator tres scaras ad illos Sclavos qui dicuntur Willi. Unus exercitus eius venit cum eis (т. е. ad eos) super Abodritos, et duo venerunt obviam ei ad (чит. ab) illa marchia. Sed et illi Willi dextras dederunt et obsides obtulerunt, et promiserunt se dare partibus imperatoris Karoli; et postea sic reversus est populus ad propria. Einhardi Ann., тамъ же, 200. Chron. Regin., тамъ ж , 566.

ному намъ уже графу Эгберту устроить въ ней защиту противъ язычниковъ. Такимъ образомъ основана была военная линія Сѣверно-саксонская, отдѣлявшая нѣмецкій и славянскій край въ Нордалбингіи. Сюда мало-по-малу возвращались люди, недавно выселенные франкскимъ завоевателемъ, и христіанство начинало водворяться въ этой странѣ. Я уже упомянулъ объ основаніи церкви въ Гамбургѣ и о предначертаніяхъ Карла касательно учрежденія тамъ митрополіи (¹).

Нѣмецкая военная линія въ Нордалбингіи соотвѣтствовала той цѣпи рвовъ и укрѣпленій, которую датскій король Годофридъ еще въ 808 году началъ строить отъ Нѣмецкаго до Балтійскаго моря

(¹) Современные лѣтописцы не упоминаютъ объ этихъ распоряженіяхъ Карла; но на нихъ ясно указываетъ грамота императора Людовика гамбургской митрополіи отъ 15 мая 834 года; съ свидѣтельствомъ этой грамоты сходно преданіе, записанное Адамомъ Бременскимъ (жившимъ во второй половинѣ XI вѣка) о началѣ христіанства въ Нордалбингіи. Ни Адамъ Бременскій, ни грамота императора Людовика не опредѣляютъ года основанія нордалбингской военной линіи и гамбургской церкви. Въ грамотѣ сказано только, что до того времени Нордалбингія семь лѣтъ находилась въ рукахъ варваровъ: стало быть, учрежденія эти относились бы къ 811 году, такъ какъ въ 804 эта земля отдана была Карломъ Славянамъ. Къ 811 году мы и относимъ *окончательное* въ ней устройство военной украины нѣмецкой; но изъ другихъ обстоятельствъ видно, что постепенное водвореніе тамъ власти германскаго императора началось уже съ войны 808 года.—Вотъ слова грамоты, на которыя мы ссылались (Cod. Pomer. 3): Genitor etenim noster gloriose memorie Karolus omnem Saxoniam ecclesiastice religioni subdidit, iugumque Christi adusque terminos Danorum atque Sclavorum, corda ferocia ferro perdomans, ferre docuit. Ubi inter has utrasque gentes Danorum sive Winedorum ultimam Saxonie partem sitam et diversis periculis, temporalibus videlicet ac spiritualibus, interiacentem prospiciens, pontificalem ibidem sedem fieri decrevit trans Albiam. Unde postquam terram Nordalbingorum laxata captivitate, quam ob multam perfidiam in ipsis christianitatis initiis patratam per septennium passi sunt, ne locus ille a barbaris invaderetur, Ecberto comiti restituere preceperat, non iam vicinis episcopis locum illum committere voluit, sed ne quisquam eorum hanc sibi deinceps parrochiam vindicaret, ex remotis Gallie partibus quendam episcopum, Amalarium nomine direxit, qui primitivam ecclesiam ibidem consecraret. Sed et eidem ecclesiae sacras reliquias ac plura ecclesiastica munera pia largitate specialiter destinare curavit. Postmodum vero captivis optatam ad patriam undique confluentibus, eandem parrochiam cuidam presbitero Heridac nomine specialiter commendavit, quem universe Nordalbingorum ecclesiae . . . . . . disposuerat consecrari episcopum . . . . . . Delegavit etiam eidem presbitero quandam cellam Hrodnace (вѣроятно Renaix въ восточной Фландріи) vocatam, quatinus eidem loco periculis undique circumdato fieret supplementum. Sed quia consecrationem iam dicti viri velox ex hac luce transitus pii genitoris nostri in diebus eius fieri prohibuit, и проч. Сравни Адама Бременск. I, 15.

по рѣкѣ Эгидорѣ (Eyder), для огражденія съ юга своихъ владѣній, и которая охранялась тоже сторожевыми отрядами (¹). Нѣмецкая линія, какъ ее, по словамъ Адама Бременскаго, установилъ Карлъ и его преемники, начиналась у нижней Эльбы, именно отъ мѣстности Мезерѣчье (Mescenreiza) (²), т. е. Междурѣчье, нѣсколько южнѣе нынѣшняго Лауенбурга, и шла на сѣверъ къ рѣкѣ Delvunda (нынѣ Delvenau или Stecknitz) (³), потомъ къ источникамъ р. Бѣлины (у Нѣмцевъ Bilena, теперь Bille), прямо на сѣверъ къ Виспирку (теперь Везенбергъ, на Травнѣ, верстахъ въ 10 на западъ отъ Любека), потомъ на сѣверо-западъ, съ нѣкоторыми изгибами по рѣчкѣ Борзнику или Борзницѣ (Birznig, теперь Bissenitz) и далѣе къ Боле-лонкамъ (Bulilunkin, теперь Blunk) и наконецъ по теченію рѣки Свентины къ Кильскому заливу (⁴). При Карлѣ линія эта шла нѣсколько западнѣе; мы знаемъ, что она подвинута

(¹) Эингардъ подъ 817 г. (M. G. I, 204): Gluomi custos Nordmannici limitis (съ датской стороны).

(²) Трудно опредѣлить въ точности, какъ звучали у Славянъ эти имена, обезображенныя нѣмецко-латинскимъ правописаніемъ. Адамъ Бременскій говоритъ: ab Albiae ripa orientali usque ad rivulum quem Slavi Mescenreiza vocant. Что Mescenreiza значитъ Междурѣчье—не можетъ быть сомнѣнія; я предполагаю, что первую часть слова (mescen) т. е. *между*, слѣдуетъ читать *мезен* (съ носовымъ *н*), ибо старо-славянскому *жд*, польскому *dz* въ рѣчи Балтійскихъ Славянъ, какъ видно изъ другихъ примѣровъ и изъ теперешняго языка Померанскихъ Словинцевъ, соотвѣтствовало *з*, а присутствіе носоваго звука *(мезен)* законно при существованіи въ старо-слав. формы межджь, въ польск. między (гдѣ носовая перешла неорганически изъ втораго слога въ первый). По убѣдившись въ томъ, что Mescenreiza есть Мезерѣчье, мы спросимъ: какимъ образомъ ручей (rivulus) могъ называться Междурѣчьемъ? По всей вѣроятности, Адамъ Бременскій ошибся и принялъ за славянское названіе пограничнаго ручья имя мѣстности, въ которой протекалъ этотъ ручей. Мѣстность эта, какъ видно изъ дальнѣйшаго направленія границы, была, вѣроятно, островокъ ниже Лауенбурга, образуемый Эльбою и рѣкою Delvenau, впадающею въ нее тутъ двумя, довольно широко расходящимися, рукавами, дѣйствительное *междурѣчье*.—Въ имени *Bulilunkin*, очевидно, вторая половина есть то же слово, что польск. łąka (лугъ), очень часто встрѣчаемое въ мѣстныхъ названіяхъ на Славянскомъ поморьѣ; первая часть, *buli*, всего лучше подходитъ къ слав. *боле*, хотя такое сочетаніе довольно необычно.

(³) Рѣка Delvunda, у Эингарда Delbende, теперь Delvenau, впадаетъ, какъ замѣчено, у Лауенбурга въ Эльбу и составляетъ нынѣ границу между Голштейнъ-Лауенбургскимъ владѣніемъ датскаго короля и Мекленбургіею. Она соединена каналомъ съ р. Stecknitz, впадающею въ Траве у Любека, вслѣдствіе чего и на нее переносится теперь названіе Stecknitz.

(⁴) Адамъ Брем. II, 15. Географическія данныя, имъ приведенныя, подробно разобраны въ статьѣ Ведекинда: «limes Saxoniae» (Noten zu einigen Geschichts-

была до Стекницы въ 822 году; прежде, вѣроятно, р. Бѣлина, впадающая въ Эльбу близъ Гамбурга, составляла границу. Точно также и на сѣверной сторонѣ линію, кажется, подвинули отъ верхняго теченія Эгидоры или Эйдера къ параллельной съ нимъ Свентинѣ. На западъ отъ Бѣлины, верхняго теченія Эгидоры и черты, между ними проведенной, нѣтъ ни одного славянскаго мѣстнаго названія; очевидно, что тамъ была искони земля нѣмецкая и что Славяне, получивъ этотъ край на короткое время отъ Карла В., не успѣли основаться въ немъ. Въ полосѣ (верстъ отъ 5 до 15 шириною) между этою предполагаемою первоначальною границею Нѣмцевъ и военною линіею, описанною Адамомъ Бременскимъ, мы находимъ нѣсколько славянскихъ именъ среди множества нѣмецкихъ. Славянскія имена расположены тамъ, можно сказать, тремя кучками: на югѣ, близъ Эльбы, между Бѣлиной и Стекницей, въ серединѣ, близъ р. Травны, и на сѣверѣ близъ Кильскаго залива, между Эгидорой и Свентиной (¹). Очевидно, что тутъ Нѣмцы захва-

---

schreibern, I, 1). Вотъ полный текстъ описанія Адама Бременскаго и объясненіе именъ, которыя читатель легко отыщетъ на подробной картѣ Голштиніи: Invenimus quoque limitem Saxoniae quae trans Albiam est, praescriptum a Karolo et imperatoribus ceteris, ita se continentem. Hoc est ab Albiae ripa orientali usque ad rivulum quem Sclavi Mescenréiza vocant, a quo sursum limes currit per silvam Delvunder usque in fluvium Delvundum (теперь Delvenau) sicque pervenit in Horchenbici (теперь Hornbeck) et Bilenispring (источникъ рѣки Bille); inde ad Liudwinestein (неизв.) et Wispircon (теп. Wesenberg) et Birznig (рѣчка Bissenitz, у села Pronsdorf) progreditur. Tunc in Horbinstenon (неизв.) vadit usque Travena silvam (Travenhorst) sursumque per ipsam in Bulilunkin (Blunk), mox in Agrimeshov (теп. Tansebeck, см. Helmold. I, 57, 63) et recto ad vadum quod dicitur Agrimeswidil (Stocksee) ascendit. Ubi et Burwido fecit duellum contra campionem Sclavorum interfecitque eum, et lapis in eodem loco positus est in memoriam. Ab eadem igitur aqua sursum procurrens terminus in stagnum Colse (вѣроятно Plöner—see, см. Ведекинда, тамъ же, стр. 13) vadit, sicque ad orientalem campum venit Zuentifeld (Bornhöved, см. Helmold. I, 94) usque in ipsum flumen Zuentinam (Schwentine), per quem limes Saxoniae usque in pelagus Scythicum (Балтійское море) et mare quod vocant orientale delabitur.

(¹) Вотъ эти имена, которыя мы нашли на подробной картѣ Голштиніи: на сѣверѣ, между нижнимъ Эйдеромъ и Свентиной: Preetz (Порѣчье), Barkau (Борково), Warnau (Варново), Loptin (Лопатино), Stolpe (Столпъ); въ серединѣ, по обѣимъ сторонамъ Травы: Wensin; Rönnau; Rissen; Mozen; Bühlau (по-славянски мы этихъ именъ не пишемъ, потому-что трудно опредѣлить въ точности ихъ славянскую форму, хотя происхожденіе изъ славянскаго языка кажется несомнѣннымъ); Leezen (Лѣшно?); Tralau; Nütschau; Vinzier; Grabau (Грабово); Barnitz (Барница); Politz (Полица);—на югѣ, между Бѣлиной и Стекницей: Trittau; Lanken (Лайки

тили въ свою украйну ближайшіе участки славянской земли. Это произошло вскорѣ послѣ основанія Подалбингской линіи Карломъ Великимъ, какъ видно изъ словъ лѣтописца, который говоритъ: «Въ 822 году Саксы, по приказанію императора (Людовика), построили за Эльбою крѣпость на мѣстѣ, называемомъ *Delbende* (Delbende, у Адама Бременскаго Delvunde, теперь Delvenau), выгнавъ оттуда Славянъ, которые прежде занимали это мѣсто, и поставили тамъ, противъ ихъ набѣговъ, сторожевой отрядъ (praesidium) Саксовъ» (¹).

Послѣдніе два года царствованія Карла (813—814) прошли мирно въ этой сторонѣ. Славяне ничего не предпринимали. Біографъ великаго императора, Эингардъ, писалъ, съ самодовольствомъ, что всѣ варварскіе народы отъ Дуная до Вислы и Балтійскаго моря, «почти сходные по языку, но весьма разнообразные нравами и образомъ жизни», были «до такой степени укрощены Карломъ, что признали себя его данниками; что кромѣ Велетовъ, (Лабскихъ) Сербовъ, Бодричей и Чеховъ, съ которыми онъ воевалъ, всѣ прочіе, гораздо многочисленнѣйшіе, добровольно поддались ему». Въ этихъ хвастливыхъ словахъ мы слышимъ отголосокъ мнѣній, господствовавшихъ при дворѣ Западнаго императора. Успѣхъ нѣмецкаго оружія у пограничныхъ племенъ славянскихъ, которыхъ не поддержали ихъ восточные братья, Ляхи на Одрѣ и Вислѣ, казался ручательствомъ въ покорности остальнаго славянскаго міра; въ Римѣ и Ахенѣ видѣли уже осуществленіе идеальной задачи новосозданной имперіи, видѣли уже на дѣлѣ владычество римско-германскаго христіанства надъ славянскимъ варварствомъ.

Но въ послѣдніе годы своей жизни, непобѣдимый Карлъ чуялъ что-то недоброе впереди. Не со стороны миролюбивыхъ и разъединенныхъ, хотя несмѣтныхъ числомъ, Славянъ грозила опасность Западу; а со стороны немногочисленныхъ, но предпріимчивыхъ, вѣчно искавшихъ боя и добычи, Скандинавовъ. Съ первыхъ лѣтъ

т. е. Лѫки, луга), Kankelow (Кѫколево), Pampau (Пѫпово), Grabau (Грабово), Nüssau, Pötrau, Witzetze (Высѣцы: это же имя встрѣчается и въ Древанской землѣ), Wangelau (Вѫглево или Вѫглово), Collow, Gülzow, Krukow (Круково), Lütau (Лютово), Basedow, и быть можетъ нѣкоторыя другія.

(¹) Эингардъ, M. G. I, 209.

IX-го столѣтія какой-то таинственный порывъ овладѣлъ жителями Даніи, Швеціи, Норвегіи, какъ будто бы имъ стало вдругъ тѣсно дома, или они хотѣли выместить на всемъ родѣ человѣческомъ обиду Одина и Тора, покинутыхъ всѣми остальными германскими племенами для поклоненія кресту Спасителя. Замѣчательно, что первымъ признакомъ приближающейся бури открывается IX-е столѣтіе въ лѣтописяхъ Запада. Вотъ слова Эингарда (1): «800 годъ. Когда настала весна, около половины марта, король (Карлъ Великій), отправившись изъ Ахена, осмотрѣлъ берега Галльскаго океана (Ламаншскаго пролива и Атлантики), построилъ флотъ на этомъ морѣ, которое въ то время было тревожимо разбойниками-Норманнами, и распредѣлилъ сторожевые отряды». Какое впечатлѣніе должна была произвести на монархію западнаго христіанства, только что сознавшую себя преемницею міродержавнаго и непобѣдимаго Рима, гордыня датскаго короля Годофрида, этого перваго представителя норманской дѣятельности въ Европѣ, который, низложивъ Бодричей, возвышенныхъ Карломъ, считалъ уже землю Саксовъ и Фризовъ своею областію и объявлялъ, что скоро явится съ войскомъ въ Ахенъ, столицу грознаго императора (2)! Какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на поколѣніе, исполненное вѣры въ примѣты, тотъ случай (записанный самимъ придворнымъ біографомъ, Эингардомъ), что когда императоръ шелъ войною (810) на этого отважнаго вождя Норманновъ, и однажды выступилъ въ челѣ войска, передъ восхожденіемъ солнца, изъ своего стана, вдругъ передъ нимъ пронесся по небу, съ права на лѣво, какъ бы свѣточъ, и въ ту минуту, какъ всѣ смотрѣли на диво, лошадь подъ государемъ споткнулась на переднія ноги и сбросила его съ себя (3)! Въ народѣ ходила смутная молва. Одинъ святой мужъ (4), какъ разсказывали также въ то время, видѣлъ во снѣ, что солнце взошло какъ бы съ сѣвера и понеслось по небу, гонимое тучами, и скрылось, и тучи заволокли все небо.

Что сдѣлаютъ Балтійскіе Славяне среди грозы, которая подымалась на Германію и весь западъ Европы?

---

(1) M. G. I. 187.
(2) Einh. vita Karoli M. (M. G. II, 450).
(3) Тамъ же, 460.
(4) Св. Людгеръ, первый епископъ мюнстерскій: см. Гизебрехта, wendische schichten I, 10.

VI.

Послѣдніе годы мирной зависимости Балтійскихъ Славянъ отъ Каролингской имперіи. Славомиръ и Чедрагъ. 814—826.

Послѣ смерти Карла Великаго нѣсколько лѣтъ протекло довольно мирно. Нужно было время, чтобы расшатать огромное зданіе, имъ воздвигнутое и въ которомъ семья романо-германская достигла своего давнишняго церковно-политическаго идеала. Преемникъ Карла, Людовикъ Благочестивый, не искалъ расширить это зданіе: силъ уже не доставало. Оно держалось еще въ томъ видѣ, какъ было, и только набѣги Датчанъ и другихъ Скандинавовъ, которыхъ западная Европа привыкала называть общимъ именемъ Норманновъ, тревожили спокойствіе нѣмецкихъ и французскихъ береговъ. Пограничные Славяне продолжали повиноваться Западному государю, одни по доброй волѣ и старой привычкѣ, какъ Бодричи, другіе изъ страха передъ державою, надъ которою царила еще великая тѣнь Карла.

Въ 815 году императоръ Людовикъ отправилъ войско въ Данію, чтобы усмирить Датчанъ и посадить на датскій престолъ союзника Германіи, Гаральда. Въ то время Данію оспаривали другъ у друга двѣ вѣтви королевскаго рода: дѣти Альфдена и дѣти Годофрида. Первые склонялись къ дружбѣ съ Западною имперіею и къ принятію христіанства, вторые были представителями язычества и необузданной отваги *викинговъ*. Послѣ убіенія Годофрида (810), сначала восторжествовали миролюбивые сыновья Альфдена. Старшій, Гемингъ, какъ мы уже сказали, поспѣшилъ прекратить войну съ Нѣмцами. Онъ скоро умеръ. Тогда (813) сыновьямъ Годофрида, Олаву и Эрику, удалось выгнать изъ Даніи братьевъ Геминга, изъ которыхъ старшій былъ Гаральдъ. Они бѣжали сначала къ Бодричамъ (¹), а потомъ явились ко двору германскаго императора. Людовикъ возложилъ походъ въ Данію на Саксовъ и Бодричей; начальникомъ императоръ назначилъ своего легата Балдрика. Два раза въ продолженіи зимы, войско

(¹) Chron. Moissiac. (M. G. II, 259): venerunt filii Godofredi cum exercitu, expuleruntque Herioldum et Reganfredum et Amingum de regno ipsorum; et illi fugerunt usque ad abdita: (по другому списку: usque ad Aberiti,: нѣтъ никакого сомнѣнія (какъ и предполагаетъ издатель Mon. Germ.), что эти слова *Aberiti* и *Abdita* суть испорченное переписчиками имя Abodriti.

Саксовъ пыталось перейти черезъ Эльбу, но переправа казалась слишкомъ опасною вслѣдствіе оттепелей. Только въ половинѣ мая мѣсяца выступили наконецъ въ походъ. Всѣ графы (волостные начальники) Саксонской земли и всѣ войска Бодричей участвовали въ немъ, по словамъ лѣтописца. Перешли черезъ Эгидору (Эйдеръ), пограничную рѣку Даніи, вступили въ Синландію (такъ называлась южная часть Ютландіи) и оттуда, послѣ семидневнаго перехода, достигли берега Балтійскаго моря. Славяно-нѣмецкое войско расположилось тутъ станомъ. Датскіе вожди стали насупротивъ его съ флотомъ 200 кораблей, у какого-то острова близъ берега (вѣроятно, у острова Альзена). Такъ они стояли другъ противъ друга, Датчане владѣя моремъ, Саксы и Бодричи господствуя на материкѣ: Датчане напасть не хотѣли, Нѣмцы и Славяне не могли, и удовольствовались опустошеніемъ окрестныхъ деревень. Жители дали имъ 40 человѣкъ заложниковъ, обѣщавъ, вѣроятно, признать королемъ Людовикова союзника, Гаральда. Съ этимъ ничтожнымъ успѣхомъ Саксы и Бодричи возвратились назадъ. Гаральдъ не могъ даже остаться въ Даніи. Онъ явился къ императору, который находился тогда въ Падерборнѣ (въ землѣ западныхъ Саксовъ) и держалъ тамъ общій сеймъ своего государства; явились также въ Падерборнъ и Славяне. Императоръ, котораго призывали въ Италію возникшія тамъ неожиданныя замѣшательства, поспѣшилъ рѣшить дѣла, предложенныя ему славянскими посланцами, оставилъ Гаральда въ Саксоніи и уѣхалъ (¹).

Въ слѣдующемъ году (816) императоръ Людовикъ вновь принималъ, въ своемъ Компьенскомъ дворцѣ недалеко отъ Парижа, пословъ отъ Бодричей (²). По какому дѣлу они пріѣзжали, объ этомъ лѣтопись не упоминаетъ; но скоро за тѣмъ послѣдовало распоряженіе, которое взволновало всю Бодрицкую землю. Людовикъ приказалъ Славоміру, великому князю или «королю» Бодричей, какъ его называли Нѣмцы, раздѣлить свою власть съ Чедрагомъ, сыномъ прежняго князя Дражка. Никогда еще Германія не позволяла себѣ такого прямаго вмѣшательства во внутреннее управленіе сосѣдняго и дружественнаго славянскаго племени. Императоръ Людовикъ об-

(¹) Эингардъ подъ 815 годомъ. (M. G. I, 202) Annal. Fuldens. тамъ же 356. Thegani, Vita Hludowici (M. G. II, 593). Vita Hludowici тамъ же, 620.
(²) Эингардъ (M. G. I, 203).

ращался тутъ съ бодрицкимъ княземъ точно также, какъ его отецъ бывало обращался съ своими нѣмецкими или французскими герцогами и графами. Впрочемъ, Людовикъ, слабый и чуждый какихъ-либо новыхъ политическихъ замысловъ, едва-ли сдѣлалъ это съ обдуманною цѣлью усилить вліяніе имперіи въ славянскихъ земляхъ: его, вѣроятно, подбили домашніе враги Славоміра, и мы къ этому дѣлу относимъ посольство Бодричей, пріѣхавшее въ Компьенъ. Какъ бы то ни было, императоръ далъ приказаніе. Славоміръ былъ въ страшномъ гнѣвѣ. Какъ! онъ, который восемь лѣтъ спокойно правилъ, какъ верховный князь, всею землею Бодрицкою, онъ, котораго утвердилъ самъ великій Карлъ и который столько разъ помогалъ Нѣмцамъ въ челѣ славянской рати (1), вдругъ, безъ причины, будетъ лишенъ власти, по прихоти чужаго государя. « Никогда больше не переѣду я черезъ Лабу, воскликнулъ онъ: нѣтъ, меня уже не увидятъ опять при дворѣ нѣмецкаго цесаря!» (2). Тотчасъ отправилъ онъ посольство за море, къ датскимъ правителямъ Олаву и Эрику, которые, конечно, были рады случаю пособить новому врагу нѣмецкаго императора и отомстить Людовику за помощь, оказанную ихъ совмѣстнику Гаральду. Славоміръ легко уговорилъ ихъ послать войско въ Нордалбингію. Въ скоромъ времени датскіе корабли вошли въ устье Эльбы и поднялись вверхъ по Стыри (Stör); разоривъ ея берега, они явились подъ новою нѣмецкою крѣпостью Эзесфельдобургомъ (Itzehoe). Въ тоже время подступила къ ней пѣшая рать Датчанъ изъ ихъ пограничной военной линіи; къ этому войску присоединились Бодричи, которые должны были, такимъ образомъ, прорвать сторожевую цѣпь Нѣмцевъ, отдѣлявшую сѣверную марку отъ Славянъ, и пройти всю Нордалбингію. Это свидѣтельствуетъ о значительности силъ, съ какими Бодричи

---

(1) Нѣмецкіе лѣтописцы не упоминаютъ о томъ, кто предводительствовалъ Бодричами въ послѣднихъ ихъ войнахъ въ пользу Германіи; но нѣтъ сомнѣнія, что это былъ старшій князь, т. е. Славоміръ, власть котораго до 817 года имѣла у Бодричей общее признаніе, по свидѣтельству самаго Эингарда (M. G. I, 204).

(2) Эингардъ подъ 817 г. (M. G. I, 204): Causa defectionis erat, quod regiam potestatem, quam Sclaomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat cum Ceadrago filio Thrasconis partiri jubebatur, quae res illum tam graviter exacerbavit, ut adfirmaret, se numquam posthac Albim flumen transiturum neque ad palatium venturum. Что Балтійскіе Славяне называли нѣмецкаго императора цесаремъ, подобно другимъ соплеменникамъ своимъ, видно изъ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ городовъ, напр. Ziesar въ землѣ Морачанъ, и др.

выступили въ походъ, и о недостаточности средствъ защиты, которыми Германія располагала тогда въ этой сторонѣ. Но крѣпостей ни Славяне, ни Датчане въ это время брать не умѣли. Нѣмцы отстояли Эзесфельдобургъ, такъ что Датчане и Бодричи сняли осаду и разошлись по домамъ (1).

Годъ прошелъ. Наконецъ собралось нѣмецкое войско въ походъ противъ Славоміра. Къ силамъ, выставленнымъ Саксами и ихъ военною украйною, пришло подкрѣпленіе изъ Франконіи. У Славоміра были враги и завистники между самими Бодричами. Они воспользовались нашествіемъ Нѣмцевъ для его низложенія; онъ самъ попался въ руки нѣмецкихъ начальниковъ, и его привезли плѣнникомъ въ Ахенъ. Съ нимъ же ко двору императора явились, по приказанію Нѣмцевъ, и старшины Бодрицкаго народа (вѣроятно князья мелкихъ племенъ и жупаны), и явились они обвинителями того человѣка, который рѣшился ослушаться воли нѣмецкаго государя и мечталъ о единодержавіи и независимости земли своей. Надъ Славоміромъ былъ наряженъ судъ въ Ахенѣ: онъ долженъ былъ отвѣчать на обвиненіе въ измѣнѣ противъ нѣмецкаго императора, предложенное его соотечественниками,—и западный лѣтописецъ наивно прибавляетъ, что онъ не былъ въ состояніи оправдаться «разумными доводами». Его сослали въ одну изъ областей имперіи, а великимъ княземъ или «королемъ» бодрицкимъ провозгласили Дражкова сына Чедрага (2).

По и Чедрагу не долго пришлось властвовать спокойно. Занявъ мѣсто несчастнаго Славоміра, онъ по необходимости вступалъ въ тѣ же политическія отношенія, какія обусловливали дѣятельность его недавняго совмѣстника. Съ того дня, какъ Саксы вошли въ составъ Франкской монархіи и сдѣлались на границѣ Славянскаго поморья представителями ея стремленій къ преобладанію, союзъ Бодричей съ этою монархіею,— нужный и естественный, пока ихъ

---

(1) Эингардъ; тамъ же.

(2) Эингардъ подъ 819 г. (M. G. I, 205): Sclaomir, ... ob cuius perfidiam ulciscendam exercitus Saxonum et orientalium Francorum eodem anno trans Albiam missus fuerat, per praefectos Saxonici limitis et legatos imperatoris qui exercitui praeerant, Aquasgrani adductus est. Quem cum primores populi sui, qui simul iussi venerant, multis criminibus accusarent, et ille rationabili defensione obiecta sibi refellere non valeret, exilio condemnatus est, et regnum Ceadrago, Thrasconis filio datum.—Vita Hludowici, тамъ же, II, 624.

раздѣляли независимые и обоимъ одинаково враждебные Саксы,— становился совершенно невозможнымъ: ибо этотъ союзъ, по понятіямъ тогдашняго Запада, требовалъ подданства бодрицкаго князя, какъ вассала, нѣмецкому императору, а такое подчиненіе влекло за собою подчиненіе Бодричей пограничнымъ начальникамъ Саксовъ, какъ намѣстникамъ императорскимъ въ этомъ краѣ. Понятно, что Чедрагъ тотчасъ же послѣдовалъ примѣру Славоміра: онъ завелъ сношенія съ Датчанами (¹), чтобы найти опору противъ Германіи. Донесли объ его измѣнѣ императору. Людовикъ рѣшился низложить Чедрага, и для этого велѣлъ отпустить Славоміра на родину (821). Но Славоміръ заболѣлъ дорогою, въ Саксоніи; на смертномъ одрѣ онъ принялъ—первый изъ Балтійскихъ Славянъ— крещеніе, и скончался. Мы назвали Славоміра первымъ христіаниномъ изъ Балтійскихъ Славянъ, не смотря на извѣстіе, записанное одною германскою лѣтописью, о крещеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 780 году. Но если даже это извѣстіе не выдумка, то крещеніе, принятое тогда нѣкоторыми Бодричами, союзниками Карла, не имѣло, очевидно, никакого дѣйствительнаго значенія, и было не болѣе, какъ обрядомъ, которому они подчинились, чтобы угодить могущественному союзнику, нужному для нихъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и христіанство рѣшительно оставалось чуждымъ Балтійскимъ Славянамъ. Если бы хоть нѣсколько человѣкъ между ними исповѣдывали его, то Германія не преминула бы позаботиться объ учрежденіи въ ихъ землѣ іерархической власти, содѣйствіе которой было бы ей такъ полезно для ея политическаго господства надъ этими племенами. Итакъ, повторяемъ, Славоміръ былъ первый Балтійскій Славянинъ, увѣровавшій во Христа: его предсмертное обращеніе было, очевидно, не вынужденнымъ, а добровольнымъ дѣломъ.

Смерть Славоміра избавила Чедрага отъ опаснаго соперника. Онъ остался правителемъ Бодричей. Но, вѣроятно, опасенія, которыя онъ внушалъ Нѣмцамъ, дали поводъ къ распространенію ихъ военной украйны за Эльбою. Мы уже упомянули, что они южную часть этой украйны подвинули, въ 822 году, до рѣки *Delvenau*, впадающей въ Эльбу у Лауенбурга, и выгнали Славянъ изъ занятаго края. Славяне эти принадлежали къ Бодрицкому племени.

(¹) Эингардъ подъ 821 г. (M. G. I 208).

Войны не произошло однако; напротивъ, Бодричи тогда же отправили къ императору пословъ на сеймъ, который онъ созвалъ въ концѣ года во Франкфуртъ. Кромѣ бодрицкихъ пословъ пріѣхали туда послы и отъ Велетовъ и прочихъ пограничныхъ славянскихъ народовъ, также какъ отъ обѣихъ партій, оспаривавшихъ другъ у друга датскій престолъ (¹).

Послы Бодричей и Велетовъ явились къ императору, вѣроятно, съ обоюдными жалобами, и просили его посредничества, какъ бывало при Карлѣ Великомъ. Между обоими племенами произошла война, въ это-ли именно время, или нѣсколько прежде—неизвѣстно. Лѣтописецъ, по-видимому, указываетъ на то, что въ ней участвовали преимущественно восточныя вѣтви Бодричей, непосредственные сосѣди Велетовъ. Впрочемъ, объ этой войнѣ мы знаемъ только, что въ ней погибъ въ битвѣ великій князь велетскій, Любъ. Этотъ Любъ, по словамъ лѣтописца, владѣлъ Велетскою землею вмѣстѣ съ своими братьями; но какъ онъ былъ старшій, то верховная власть принадлежала ему. Онъ оставилъ двухъ сыновей, Милогостя и Цѣлодрага. Народъ Велетскій поставилъ великимъ княземъ «или королемъ» Милогостя, какъ старшаго сына. Замѣчательно, что верховная власть не перешла, какъ бывало въ древнее время у другихъ Славянъ, къ старшему въ родѣ, то есть къ брату убитаго князя: это избраніе совершилось, по замѣчанію нашего лѣтописца, согласно народному обычаю. Но затѣмъ Велеты увидѣли, что Милогость былъ недостоинъ своего сана; тогда они низложили его, и провозгласили великимъ княземъ младшаго брата. Оба, и Милогость и Цѣлодрагъ, явились въ маѣ мѣсяцѣ 823 года къ императору, который въ то время снова держалъ сеймъ во Франкфуртѣ, и предложили свой споръ на его рѣшеніе. Таково было уже тогда нравственное вліяніе Западной монархіи на мелкія и вѣчно разъединенныя племена Балтійскихъ Славянъ! Людовикъ велѣлъ узнать, на чьей сторонѣ дѣйствительно воля Велетскаго народа. Иначе онъ поступить не могъ; рѣшеніе, противное желанію народному, надобно бы было привести въ исполненіе войною, къ которой императоръ не имѣлъ охоты, а освященіе, данное имъ народному выбору, составляло для Германіи важное нравственное

(¹) Эйнгардъ подъ 822 г. (M. G. I. 209).

завоеваніе. Когда Людовикъ получилъ удостовѣреніе, что народъ Велетскій дѣйствительно стоитъ на сторонѣ младшаго брата, то онъ утвердилъ его великимъ княземъ, но отпуская обоихъ совмѣстниковъ, одарилъ также и отставленнаго князя, и заставилъ и того и другаго дать присягу въ вѣрности и въ дружбѣ между собою (¹).

На томъ же франкфуртскомъ сеймѣ возобновились обвиненія противъ Чедрага, великаго князя Бодричей, вѣроятно со стороны начальниковъ саксонской украйны. Опять стали твердить императору, что онъ невѣренъ Германіи, и подкрѣпляли подозрѣнія въ измѣнѣ тѣмъ, что онъ долго, подъ разными предлогами, не являлся ко двору императорскому. Людовикъ отправилъ къ нему посольство (823). Бодрицкій князь старался сохранить мирныя отношенія къ Нѣмцамъ, и когда это посольство поѣхало обратно, онъ далъ ему въ спутники нѣсколькихъ почетныхъ людей изъ своего народа, которые его именемъ обѣщали императору, что онъ скоро явится къ нему лично. Дѣйствительно, онъ еще въ концѣ того же года, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ старшинъ (*primores*, т. е., вѣроятно, князей и жупановъ) земли Бодрицкой, пріѣхалъ во Францію, въ Компьень, гдѣ императоръ Людовикъ имѣлъ любимое свое пребываніе. Западный государь призналъ уважительными извиненія, какія онъ представилъ въ своей долгой неявкѣ; «въ разныхъ другихъ отношеніяхъ,—прибавляетъ германскій лѣтописецъ,—Чедрагъ казался виновнымъ», (мы знаемъ, какого рода были вины его)» но все это было ему прощено во вниманіе къ заслугамъ его предковъ, и императоръ щедро одарилъ его передъ отъѣздомъ» (²). Германская имперія, очевидно, уже не въ состояніи

(¹) Эингардъ подъ 823 г. (M. G. I, 210): inter caeteras barbarorum legationes, quae vel iussae vel sua sponte venerunt, duo fratres, reges videlicet Wiltzorum, controversiam inter se de regno habentes, ad praesentiam imperatoris venerunt, quorum nomina sunt Milegastus et Cealadragus. Erant idem filii Liubi regis Wiltzorum, qui licet cum fratribus suis regnum divisum teneret, tamen propterea quod maior natu erat, ad eum totius regni summa pertinebat. Qui cum, commisso cum orientalibus Abodritis praelio, interisset, populus Wiltzorum filium eius Milegastum, quia maior natu erat, regem sibi constituit; sed cum is secundum ritum gentis commissum sibi regnum parum digne administraret, illo abiecto, iuniori fratri regium honorem deferunt; quam ob causam ambo ad praesentiam imperatoris venerunt. Quos cum audisset et gentis voluntatem proniorem in iunioris fratris honorem agnovisset, statuit ut is delatam sibi a populo suo potestatem haberet, ambos tamen muneribus donatos et sacramento firmatos in patriam remisit.—Vita Hludowici (M. G. II, 627).

(²) Эингардъ подъ 822 годомъ (M. G. I, 210, 211).

была удерживать силою своего преобладанія надъ Славянскимъ поморьемъ. Въ это время по всей восточной границѣ Карловой державы племена славянскія мало-по-малу свергали съ себя нѣмецкое иго. Первые показали примѣръ возстанія Хорваты, къ которымъ скоро присоединились и Альпійскіе Словенцы; Чехи перестали быть данниками имперіи; Лабскіе Сербы уже въ 816 году пытались освободиться отъ Нѣмцевъ. Наконецъ, у Бодричей власть Германіи стала теперь, очевидно, только номинальною, съ тѣхъ поръ какъ она *простила* бодрицкому князю его сношенія съ заклятыми врагами имперіи, Норманнами, и удовольствовалась наружнымъ выраженіемъ покорности со стороны Чедрага.

Великій князь Бодричей продолжалъ свой прежній образъ дѣйствія, враждебный Германіи; но опять въ самой землѣ Бодричей возникли распри, и завистники Чедрага снова вызвали Нѣмцевъ на вмѣшательство въ дѣла Славянъ. Лѣтомъ 826 года пріѣхали къ императору Людовику въ Ингельгеймъ (во Франконіи на Рейнѣ) нѣкоторые старшины (primores) Бодричей, съ доносомъ на своего верховнаго князя. Они обвиняли его въ неповиновеніи Германіи. Императоръ велѣлъ объявить Чедрагу, чтобы онъ явился для отвѣта на общій имперскій сеймъ, созванный въ этотъ же городъ къ октябрю мѣсяцу; иначе его признаютъ за измѣнника. Чедрагъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Ингельгеймъ къ назначенному сроку. Людовикъ былъ въ недоумѣніи, въ чью пользу рѣшить, за великаго-ли князя, сына многозаслуженнаго Дражка, или за его противниковъ. Какъ и въ недавнемъ спорѣ между сыновьями велетскаго князя Люба, онъ боялся нарушить значеніе своего императорскаго сана приговоромъ, который былъ бы отвергнутъ Бодрицкимъ народомъ. Поэтому онъ задержалъ Чедрага при своемъ дворѣ и отправилъ къ Бодричамъ посольство, чтобы узнать тамъ настоящее расположеніе народа. Воротясь, послы донесли, что нашли у Бодричей разногласіе мнѣній касательно признанія своего «короля», но что лучшіе и знатнѣйшіе люди между ними всѣ желаютъ возвращенія Чедрага. Тогда императоръ взялъ у него заложниковъ и отпустилъ его, подтвердивъ его велико-княжеское достоинство (¹).

(¹) Einh. a. 826 M. G. I, 214, 215.

«Между Бодричами существуетъ разногласіе мнѣній касательно признанія своего *короля*»: эти слова нѣмецкихъ пословъ, пріѣхавшихъ съ Славянскаго поморья въ 826 году, служатъ какъ бы опредѣленіемъ всей политической исторіи Балтійскихъ Славянъ. Закоренѣлые язычники, удерживаемые своими вѣрованіями въ старинномъ племенномъ бытѣ, они никакъ не могли возвыситься до понятія единства народнаго и государственнаго. Стоя на самой границѣ завоевательной имперіи, наслѣдницы идей древняго Рима, они ей противопоставляли свою племенную раздробленность, свои внутренніе раздоры и свои *станицы*, какъ они называли священныя знамена языческихъ боговъ своихъ. Другой пограничный съ Западною имперіею славянскій народъ, Чехи, рано сознавъ свое единство, рано промѣнялъ племенной бытъ на государственный, рано принялъ христіанское просвѣщеніе: но и Чехамъ какъ трудно было устоять противъ Германіи! Какая же судьба ожидала Балтійскихъ Славянъ?

VII.

Освобожденіе Балтійскихъ Славянъ отъ имперіи Каролинговъ. Первая попытка христіанской проповѣди на Балтійскомъ поморьѣ. 826—839.

Десять лѣтъ слишкомъ ничего не слышно о Балтійскихъ Славянахъ. Западная имперія была уже такъ слаба, такъ истощена раздорами, такъ изнурена нападеніями Норманновъ, что ничего не хотѣла предпринимать противъ Балтійскихъ Славянъ. А Балтійскіе Славяне, по недостатку единства и общей народной идеи, не пользовались распаденіемъ Германіи. Вотъ почему западныя лѣтописи въ это время совершенно умалчиваютъ объ нихъ, и мы, имѣя единственнымъ источникомъ западныя лѣтописи, не можемъ сказать ни слова объ этой любопытной эпохѣ въ жизни Балтійскихъ Славянъ.

Мы догадываемся только по позднѣйшимъ событіямъ, что въ эти десять лѣтъ не стало Чедрага, «короля» Бодричей, и что съ нимъ вмѣстѣ исчезли въ Бодрицкомъ народѣ и слабые зачатки единодержавной власти, возникшіе подъ вліяніемъ Франкской монархіи.

Бодричи и Велеты были снова возбуждены къ дѣятельности примѣромъ и вліяніемъ Скандинавовъ.

Держава Карла Великаго была уже легкою добычею отважныхъ «морскихъ королей» норманнскихъ; но сами Норманны начинали испытывать на себѣ нравственное воздѣйствіе христіанскихъ народовъ. Въ 822 году сдѣлана была первая попытка христіанской проповѣди между Скандинавами реймскимъ архіепископомъ Эббономъ: онъ ѣздилъ въ Данію и обратилъ тамъ много народу (¹). Императоръ Людовикъ подарилъ ему въ Нордалбингіи помѣстье (Вельна или Вельнау, теперь Münsterdorf) близъ крѣпости Эзесфельдобурга, для того чтобы онъ могъ завести связи съ залабскими народами, и укрываться въ этомъ помѣстьѣ въ случаѣ преслѣдованій (²). Датскій король Гаральдъ, искавшій, какъ мы знаемъ, покровительства Германіи, склонился, наконецъ, на убѣжденія императора Людовика, и въ 826 году торжественно принялъ крещеніе въ Майнцѣ, вмѣстѣ съ своими людьми. Вскорѣ обстоятельства устроились въ Даніи такъ, что Гаральдъ могъ туда возвратиться, и императоръ отправилъ съ нимъ ревностнаго корбейскаго монаха Анскара, уроженца Фландріи (³), чтобы наставлять въ вѣрѣ новообращенныхъ Датчанъ и распространять христіанство между сѣверными народами. Этотъ Анскаръ былъ необыкновеннымъ явленіемъ среди тогдашняго Запада, впавшаго въ полнѣйшее равнодушіе къ успѣхамъ христіанства между язычниками; такое равнодушіе, впрочемъ, весьма понятно при неурядицѣ и страданіяхъ самаго Запада въ то время; оно доходило до того, что Анскаръ, хотя богато снабженный благочестивымъ императоромъ деньгами и всѣмъ нужнымъ для его подвига, принужденъ былъ ѣхать въ Данію съ однимъ только товарищемъ-монахомъ, и не могъ найти себѣ другихъ спутниковъ и прислуги. Не смотря на такой недостатокъ поддержки въ самихъ западныхъ народахъ, Анскаръ не совсѣмъ безплодно проповѣдывалъ. Онъ встрѣтилъ сочувствіе не столько въ Даніи, слишкомъ враждебно расположенной къ сосѣдней Нѣмецкой имперіи, сколько въ Швеціи. Тамъ многіе увѣровали

(¹) Эингардъ подъ 822 г. (M. G. I, 208).

(²) Rimberti vita Anskarii, 13, 14.

(³) Онъ поступилъ сначала въ старый Корбейскій монастырь (Corbie на р. Соммѣ, близъ Аміена, въ сѣверо-восточной Франціи), а потомъ переведенъ былъ въ основанный императоромъ Людовикомъ ново-Корбейскій монастырь въ землѣ Саксовъ, на р. Везерѣ.

и приняли крещеніе. Въ награду за свои подвиги, тридцатилѣтній Анскаръ получилъ (831) отъ императора и папы архіепископскій жезлъ и санъ митрополита всѣхъ Сѣверныхъ народовъ. Мѣстопребываніе новому архіепископу назначено было, по предначертанію Карла, на нѣмецкой землѣ, на границѣ скандинавскаго міра и Славянскаго поморья, въ Гамбургѣ. Въ папской буллѣ (834 года) архіепископу гамбургскому давалось полномочіе для обращенія «Датчанъ, Шведовъ, Норвежцевъ, Фарейцевъ, Гренландцевъ, Исландцевъ, Финновъ и Славянъ» [1] (т. е. Балтійскихъ) [2]; онъ назначался примасомъ всѣхъ сѣверныхъ и восточныхъ народовъ. Дѣло замѣчательное и характеристическое,—въ этомъ перечнѣ сѣверныхъ народовъ, предназначаемыхъ Западомъ къ призванію въ христіанство, Балтійскіе Славяне занимали послѣднее мѣсто: ближайшіе сосѣди Германіи, они поставлены были послѣ отдаленной и темной Исландіи, Гренландіи, послѣ Финновъ. Анскаръ такъ и понялъ свою обязанность. Его вниманіе обращено было исключительно на скандинавскія земли; къ Балтійскимъ Славянамъ онъ не ѣздилъ и даже, какъ видно изъ его жизнеописанія, весьма подробнаго, не вошелъ съ ними ни въ какія сношенія [3]. Все, сдѣланное имъ для Славянъ, состояло въ томъ, что Анскаръ покупалъ иногда нѣсколькихъ славянскихъ мальчиковъ, вмѣстѣ съ датскими, а другихъ выкупалъ изъ плѣна, и отдавалъ ихъ для воспитанія въ христіанскомъ законѣ, въ монастырь Тургольтъ во Фландріи, дарованный гамбургской митрополіи для усиленія ея доходовъ. Иныхъ онъ оставлялъ при себѣ; но ему не удалось образовать ни одного проповѣдника Евангелія для Славянскаго поморья; а когда Тургольтскій монастырь отошелъ отъ него, то тамошній аббатъ обратилъ

(1) Грамота папы Григорія IV (по-видимому отъ 835 года) объ учрежденіи гамбургскаго архіепископства (Codex Pomer. diplom. 9): Ipsumque filium nostrum iam dictum Ansgarium et successores eius legatos in omnibus circumquaque gentibus Danorum, Sueonum, Noruehorum, Farrie, Gronlondan, Halsingalondan, Islandan, Scridevindun, Slauorum, nec non omnium septentrionalium et orientalium nationum, quocunque modo nominatorum, delegamus. Имя *Scrideuindun* относится къ Финнамъ, которыхъ Скандинавы называли Scridefinni, Scredefenni и т. под.

(2) Прочіе пограничные съ Германіею Славяне, Лабскіе Сербы, Чехи, Хорутане, Хорваты и др., были уже распредѣлены между другими нѣмецкими епархіями.

(3) Въ жалованной грамотѣ императора Людовика Анскару, при его возведеніи въ архіепископскій санъ (Cod. Pomer. 5), вовсе не упомянуто объ обращеніи имъ Славянъ.

нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ въ своихъ крѣпостныхъ людей (1).

Тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе нѣмецкой митрополіи въ землѣ, недавно еще находившейся въ рукахъ Балтійскихъ Славянъ, могло испугать этотъ народъ, у котораго славянское язычество достигло такой же, если не большей степени развитія и крѣпости, какъ германское у Скандинавовъ. Балтійскіе Славяне должны были почувствовать близость опасности, предстоявшей ихъ богамъ и вооружиться для ея отраженія. Подобное явленіе представлялъ въ то время и скандинавскій міръ. Крещеніе Гаральда и проповѣдь Анскара въ Даніи и Швеціи разожгли тамъ повсюду страшный фанатизмъ язычниковъ. Раздраженные опасностью, которая угрожала Одину и Валгаллѣ, Скандинавы, съ яростью людей отчаянныхъ, обрекавшихъ себя добровольно на смерть, стали бросаться на христіанскія земли и вымещали на нихъ оскорбленіе своихъ боговъ (2). Надобно прочесть современныя лѣтописи и саги, чтобы имѣть понятіе объ ужасахъ, которыми они наполняли въ то время береговыя страны Германіи, Франціи и Англіи.

Противъ Славянъ-язычниковъ Скандинавы не имѣли такой вражды, хотя воинственная удаль попрежнему иногда увлекала ихъ

---

(1) Vita S. Anskarii 15 (M. G. II, 700): (Anskarius) in diocesi sibi commissa et in partibus Danorum strenue suum implebat officium, et exemplo bonae conversationis multos ad fidei gratiam provocabat. Coepit quoque ex gente Danorum atque Slavorum nonnullos emere pueros, aliquos etiam ex captivitate redimere, quos ad servitium Dei educaret (это записано наряду съ событіями 835 и 836 годовъ).

(2) Мнѣ кажется, что историки, писавшіе о дѣятельности Норманновъ въ Европѣ въ IX, X и XI вѣкахъ, слишкомъ мало обращали вниманія на религіозное побужденіе ихъ походовъ. Обыкновенно говорятъ, что имъ стало тѣсно дома, и что ихъ влекла на чужбину жажда добычи и власти. Что имъ было тѣсно дома, кажется весьма сомнительнымъ: отчего же вдругъ перестало быть тѣсно, въ продолженіе многихъ столѣтій, со времени принятія христіанской вѣры этими народами? Жаждою добычи и власти вовсе не объясняется *furor Normannorum*, направленный преимущественно противъ христіанскихъ церквей и священниковъ, а еще менѣе ярость такъ называемыхъ *берсеркеровъ*, искавшихъ смерти во славу Одина. Но, разумѣется, легкіе успѣхи Норманновъ на берегахъ Германіи, Англіи, Франціи и Испаніи тотчасъ же внушили имъ мысль объ обогащеніи и завоеваніяхъ, и они вскорѣ не стали разбирать, кто ихъ враги, христіане или язычники, тѣмъ болѣе, что самая ихъ вѣра дѣлала изъ воинственной отваги главную добродѣтель человѣческую.

къ нападеніямъ на ихъ богатыя торговыя пристани. Сохранилось извѣстіе ([1]), что одинъ изъ королей, раздѣлявшихъ между собою Швецію, Амундъ, проживъ нѣсколько времени изгнанникомъ въ Даніи, собралъ тамъ дружину *викинговъ*, чтобы напасть на шведскій торговый городъ Бирку, гдѣ стараніями св. Анскара насаждено было христіанство и построена церковь. Снарядили 21 корабль; 11 кораблей принадлежали самому Амунду и товарищамъ его изгнанія; остальные—датскимъ удальцамъ, добровольно присоединившимся къ предпріятію. Переплывъ Балтійское море, они явились подъ стѣнами Бирки; жители, призывая имя Христово, приготовились къ упорной защитѣ. Тогда дружина Амунда обратилась къ языческимъ гаданіямъ, которыя сказали ей, что тутъ не будетъ удачи, и что слѣдуетъ направиться на какой-то отдаленный городъ въ землѣ Славянъ. Вокинги раздѣлились: Датчане послушались жребія и поплыли прямо, куда имъ было указано; Амундъ заключилъ договоръ съ своими соотечественниками и остался въ Швеціи. Нежданно напали Датчане на мирный славянскій городъ, не помышлявшій о военной тревогѣ, захватили тамъ богатую добычу и возвратились домой ([2]). Какой это былъ городъ, мы не знаемъ: если позволено сдѣлать предположеніе, то мы назвали бы Волынъ (Wollin) на устьѣ Одры, столь извѣстный въ послѣдствіи, какъ средоточіе торговли Славянскаго поморья и какъ постоянная цѣль Норманнскихъ грабителей.—Но систематической вражды скандинавскіе *викинги* противъ Балтійскихъ Славянъ не имѣли въ то время; это видно изъ тогдашнихъ сагъ. Напротивъ, вслѣдствіе извѣстныхъ намъ уже обстоятельствъ, между тѣми и другими образовалась дружба и согласіе. Славяне перестали держать, какъ въ недавнее время, сторону Германской имперіи противъ Скандинавовъ. Имъ выгоднѣе казалось грабить вмѣстѣ съ Норманнами Нѣмцевъ, за одно съ ними отразить христіанство, одинаково враждебное Одину и Святовиту, и съ помощью ихъ свергнуть съ себя зависимость отъ Западнаго императора.

---

(1) Rimberti vita Anskarii, 19.

(2) Время этого предпріятія не указано въ житіи Анскара; оно помѣщено тамъ вслѣдъ за разсказомъ о разрушеніи Гамбурга и современномъ этому разрушенію гоненіи на христіанъ въ Швеціи, т. е. послѣ 841 года; но по другимъ данным, свидѣтельствующимъ о пребываніи Амунда въ Даніи, скорѣе можно заключить что это случилось въ 837 или 838 году.

Въ 836 или 837 году Бодричи и Велеты отказались отъ послушанія Нѣмцамъ. Въ первый разъ эти два славянскихъ племени, всегда противоборствовавшія другъ другу, являются дѣйствующими вмѣстѣ противъ общаго врага, Германіи. Императоръ Людовикъ отправилъ противъ нихъ войско (1). Освободившіеся Славяне, какъ видно, прибѣгли тотчасъ къ союзу и покровительству Датчанъ-язычниковъ. Датскій король Эрикъ (Горихъ) отправилъ къ Людовику посольство, требовать, чтобы Германія отказалась отъ верховной власти надъ землею Бодричей и передала ее Даніи, вмѣстѣ съ землею Фризовъ, которая въ то время почти завоевана была скандинавскими *викингами* (2) Людовикъ отвергъ это предложеніе, которое показалось ему верхомъ наглости со стороны Норманновъ, —и война Нѣмцевъ съ Балтійскими Славянами продолжалась. Успѣхъ Людовикова войска былъ весьма сомнителенъ: правда, военачальники его возвратились къ императорскому двору съ заложниками и объявили, что Славяне усмирены *(838)*; но на другой годъ тѣ же Славяне, вмѣстѣ съ датскими викингами, грабили нѣмецкіе предѣлы. Бодричи и Велеты тутъ снова дѣйствовали за одно; Глиняне, недавно еще и не разъ отпадавшіе отъ общаго союза бодрицкихъ племенъ, тоже участвовали въ войнѣ. Къ Бодричамъ, Глинянамъ, Велетамъ приступили Лабскіе Сербы. Войска Славянъ вторгались въ *марки*, устроенныя Карломъ, и выжигали въ нихъ нѣмецкія селенія. Императоръ послалъ противъ нихъ, въ концѣ лѣта 839 года, ополченіе Саксовъ, Турингов и Аустразійцевъ *(*жителей Лотарингіи) (3); но германскій лѣтописецъ не упомянулъ объ успѣхѣ ихъ противъ Славянъ: видно исходъ войны не былъ благопріятенъ для имперіи; только въ землѣ Лабскихъ Сербовъ Нѣмцы одержали побѣду.

---

(1) Подъ начальствомъ графовъ Адальгара и Эгилона. Annal. Bertiniani подъ 838 г. (M. G. I, 432). Adalgarius et Egilo comes ad Abodritos et Wilzos a fide deficientes dudum directi, reversi sunt, adductis secum obsidibus imperatori deinceps subditos fore nunciantes.

(2) Тамъ же. Missi Horich . . . . piratarum in nostros fines dudum irruentium maximos a se ob imperatoris fidelitatem captos atque interfici iussos retulerunt, petentes insuper sibi dari Frisianos atque Abodritos. Cuius petitio, quanto imperatori indecens sive incongrua visa est, tanto vilius spreta et pro nihilo ducta est.

(3) Тамъ же. 435, 438.

VIII.

Дѣйствія Балтійскихъ Славянъ въ союзѣ съ Норманнами. 839—858.

Нуженъ былъ пятидесятилѣтній опытъ, чтобы убѣдить Балтійскихъ Славянъ въ томъ, что ихъ природный и главный врагъ — Германія, что для отпора ей слѣдовало забывать междоусобную неприязнь. Осуществившійся въ 838 и 839 годахъ союзъ Бодричей, Глинянъ и Велетовъ, для общихъ дѣйствій противъ Нѣмцевъ, представляетъ первый шагъ, сдѣланный на Славянскомъ поморьѣ къ образованію изъ раздробленныхъ племенъ народа и государства; но дальше этого Балтійскіе Славяне, для своей гибели, не пошли. Союзы между ними оставались случайностью, которую вызывала иногда настоятельная нужда самосохраненія, раздробленность же племенъ и вслѣдствіе того слабость, нерѣшительность и безсвязность дѣйствій продолжали составлять постоянную принадлежность исторической жизни у этихъ Славянъ.

Они не воспользовались полнымъ безсиліемъ Западной имперіи въ послѣдніе годы царствованія Людовика Благочестиваго и при его сыновьяхъ, для того, чтобы обезпечить себя со стороны Германіи и овладѣть недавно потерянною ими Нордалбингіею, которая стояла передъ ними открытою.

Держава Карла Великаго представляла около 840 года безотраднѣйшій хаосъ. Всѣ многоразличныя стихіи Западной Европы, собранной имъ во едино, находились въ полномъ разложеніи. Вражда и мракъ царили повсюду. Власть императора сдѣлалась призракомъ; сыновья Людовика безпрестанно вооружались другъ противъ друга и бились между собою; не оставалось никакого права, кромѣ кулачнаго; Норманны безнаказанно раззоряли и выжигали города, къ которымъ только могли подъѣхать ихъ плоскодонныя ладьи. Послѣ смерти императора Людовика (840), между его сыновьями возгорѣлась упорная война. Старшій изъ нихъ, Лотарь, разбитый на голову въ кровопролитной битвѣ двумя младшими братьями, прибѣгнулъ къ отчаянному средству. Онъ призвалъ къ оружію нижнія сословія народа Саксовъ, обѣщая имъ имущество благородныхъ, свободу возвратиться къ язычеству и возстановленіе стараго быта. Большими толпами стекались возмутившіеся Саксы, которые приняли названіе *стеллинговъ*, подъ знамена старшаго потомка

Карла Великаго; люди знатнаго сословія (эделинги) бѣжали или гибли; свободные земледѣльцы (фрилинги) и люди жившіе на чужой землѣ (лассы) сдѣлались на время господами на ихъ мѣстѣ. Лотаръ пригласилъ на помощь и Датчанъ, обѣщая имъ уступку какого-то края (вѣроятно Нордальбингіи); ожидали также, что Славяне, которыхъ связывало съ *стеллингами* естественное сродство бытовыхъ понятій и интересовъ, соединятъ съ ними свои силы и помогутъ разрушить окончательно и завоевательную церковь и завоевательный государственный порядокъ, наложенные рукою Франковъ на сосѣднія съ ними нѣмецкія земли. Опасность эта ясно сознавалась младшими сыновьями Людовика (1). Но Славяне ничего не предприняли, а подобное стеченіе выгодныхъ обстоятельствъ никогда уже не повторилось для нихъ.

Братъ Лотара, Людовикъ, которому при раздѣленіи Карловой монархіи предназначалась Германія, поспѣшилъ явиться въ землю Саксовъ, и ему удалось мало-по-малу усмирить тамъ возстаніе, тѣмъ болѣе, что Лотаръ ничего не дѣлалъ для поддержки призваннаго имъ къ оружію народа. Норманны продолжали нападать на нѣмецкія земли; Славяне иногда выступали вмѣстѣ съ ними въ походъ, но самостоятельно они не дѣйствовали. Въ то самое время, когда возстаніе Саксовъ было въ полномъ разгарѣ (841—842), морскіе разбойники вдругъ явились подъ Гамбургомъ. Нападеніе было такъ внезапно, что жители окрестныхъ мѣстъ не успѣли собраться къ защитѣ; притомъ же военный начальникъ Нордальбингской марки, Бернаръ, былъ въ отлучкѣ. Архіепископъ, Анскаръ, хотѣлъ выдержать осаду съ одними горожанами и жителями подгородной слободы, называвшейся Гамвикомъ (2); но напоръ язычниковъ былъ такъ силенъ, что противостоять имъ съ этими малыми силами было невозможно. Анскаръ съ своими священниками покинулъ новосозданную митрополію Сѣвера, унося съ собою мощи святыхъ; они бѣжали въ разныя стороны; непріятель былъ такъ близокъ, что архіепископъ, по словамъ его жизнеописателя, не успѣлъ захватить своего плаща. Большая часть гамбургскихъ жителей были умерщвлены. Язычники заняли городъ и слободу и

(1) Nithardi historia (M. G. II, 668).
(2) Теперь предмѣстье св. Николая.

принялись грабить; на другой день продолжалось разграбленіе Гамбурга; наконецъ, они зажгли городъ и удалились съ добычею. Недавно выстроенная стараніями Анскара «дивной работы» церковь и принадлежавшій къ ней монастырь были истреблены огнемъ, также какъ многія книги, собранныя архіепископомъ (1).

Кто были эти морскіе разбойники, уничтожившіе новоучрежденную христіанскую митрополію въ Залабьѣ, не сказано писателемъ, который передалъ намъ это извѣстіе. Другой современникъ, писавшій во Франціи, упоминаетъ вскользь о разрушеніи Гамбурга Норманнами (2). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ дѣйствовали и Норманны (3); но всѣ позднѣйшія легенды, изображающія съ разными прикрасами нападеніе язычниковъ на духовную столицу сѣверной Европы, приписываютъ его Славянамъ. Онѣ называютъ виновникомъ гоненія, постигшаго тогда христіанъ въ Нордалбингіи, какого-то славянскаго князя Борута, который владѣлъ страною у нѣмецкой границы. Подробности этой легенды баснословны и спутаны съ событіями гораздо позднѣйшаго времени (4); но участіе Славянъ въ разрушеніи Гамбурга кажется вполнѣ достовѣрнымъ, такъ какъ они въ то время вообще дѣйствовали за одно съ Скандинавами противъ ближайшихъ нѣмецкихъ поселеній.

Дѣйствія ихъ не привели однако ни къ чему, кромѣ временной независимости отъ Нѣмцевъ. Обезпечить эту независимость прочнымъ утвержденіемъ на устьѣ Эльбы они не съумѣли; они про-

---

(1) Rimberti vita S. Anskarii, 16. Adam Brem. I. 23. Житіе Анскара, достовѣрнѣйшій источникъ для этихъ событій, не говоритъ, въ какое время случилось нападеніе язычниковъ на Гамбургъ; Адамъ Бременскій приводитъ, «на основаніи исторіи Франковъ и папскихъ грамотъ», послѣдній годъ царствованія императора Людовика (840); Нитгардъ упоминаетъ вскользь о разрушеніи Гамвика (т. е. Гамбурга) между событіями 842 года. Послѣднее вѣроятнѣе, по соображенію съ другими хронологическими данными. См. Гизебрехта, wend. Geschichten, I, 162.

(2) Nithardi historia (M. G. II, 669) подъ 842 годомъ: Per idem tempus Nortmanni Contwig depraedati sunt inibique mare traiecto *Hamwig* et Novdhumwig similiter depopulati sunt. Что Гамбургъ назывался вначалѣ тоже Гамвикомъ (т. е. Гамскимъ посадомъ), доказывается свидѣтельствомъ житія св. Анскара о торговомъ селеніи, *викѣ*, существовавшемъ тамъ у города, *бурга*.

(3) Адамъ Бременскій I, 23, называетъ Норманновъ виновниками этого бѣдствія.

(4) См. Legenda de S. S. martyribus interfectis in Hamburgh: Leibnitz, scriptores rerum Brunsvicensium I, 184. Сравни также Lambecii, Origines Hamburgenses I, 13.

пустили время замѣшательства, когда государственная власть почти перестала существовать въ сѣверной Германіи; Нордальбингія осталась по-прежнему нѣмецкою землею, хотя страшно раззоренная и на время совершенно беззащитная. Славяне видѣли возлѣ себя развалины военной линіи, устроенной Карломъ Великимъ, и дождались, пока другой государь нѣмецкій принялся ее возстановлять несравненно крѣпче, чѣмъ она была прежде.

Въ 844 году, когда мятежъ Саксовъ былъ усмиренъ, Людовикъ, король нѣмецкій, рѣшился пойти войною на Балтійскихъ Славянъ, чтобы наказать ихъ за всѣ ихъ нападенія на Германію. Ударъ былъ направленъ на Бодричей, ближайшихъ ея сосѣдей. Старшій князь ихъ, Гостомыслъ, былъ убитъ; другіе князья и народъ изъявили покорность Нѣмцамъ, по увѣренію западнаго лѣтописца, но снова принялись за оружіе, какъ скоро Людовикъ выступилъ изъ ихъ земли (1). Въ 845 году Славяне опять нападали на Нѣмцевъ, вмѣстѣ съ Датчанами. Шестьсотъ датскихъ кораблей, снаряжен-

(1) Annal. Fuldens. (M. G. I, 364). Hludowicus Abodritos defectionem molientes bello perdomuit, occiso rege eorum Gotzomiuzli terramque illorum et populum sibi divinitus subiugatum per duces ordinavit. Annal. Berlin.(тамъ же, 441). Hludowicus rex Germanorum populos Sclavorum et terras aggressus, quosdam in deditionem cepit, quosdam interfecit, omnes pene illorum partium regulos sibi aut vi aut gratia subegit. Annal. Xantens. (тамъ же, II, 228). Ludewicus rex perrexit in Winithos cum exercitu. Ibique unus ex regibus eorum interiit, Gestimus nomine, reliqui vero fidem praebentes venerunt ad eum; quam illo absente statim mentientes. Къ этому извѣстію о походѣ противъ Бодричей и гибели ихъ князя Гостомысла позднѣе приплетено было сказаніе о томъ, будтобы король Людовикъ воевалъ противъ Ранъ (Славянъ, жителей острова Рюгена), убилъ тамошняго князя Гостомысла, принудилъ Ранъ къ принятію христіанской вѣры и даровалъ ихъ островъ Корбейскому монастырю. Притязанія Корбейскаго монастыря на владѣніе островомъ Раною, являющіяся уже въ XI вѣкѣ, возникли, кажется, изъ сходства имени ранскаго божества Святовита со Святымъ Витомъ, покровителемъ Корбейскаго монастыря. Монахи корбейскіе, желая извлечь изъ этого выгоду, пустили въ ходъ сказку, будто они, по порученію Людовика, водворили христіанство въ покоренномъ имъ славянскомъ островѣ, но что Славяне, возвратившись потомъ въ язычество, изъ христіанскаго святаго, Вита, сдѣлали себѣ божество Святовита (см. Гельмольда, I, 6); для подтвержденія своихъ мнимыхъ правъ они не только извратили свидѣтельство современныхъ Людовику лѣтописей, но изготовили поддѣльную грамоту этого короля, въ которой онъ говоритъ о своей войнѣ съ Ранскими Славянами, о смерти ихъ короля «Gestimulus» и о дарованіи всего острова Корбейскому монастырю (Cod. Pomer. 11). Странно, что между нѣмецкими учеными нѣкоторые, даже въ новѣйшее время, могли колебаться въ признаніи подложности этого акта и всѣхъ отношеній Корбейскаго монастыря къ острову Ранѣ.

ныхъ королемъ Эрикомъ, вошли въ устье Эльбы и снова разграбили Гамбургъ, гдѣ Саксы успѣли уже возстановить укрѣпленіе. Славяне, какъ кажется, помогали имъ. Король Людовикъ съ войскомъ Саксовъ пошелъ на встрѣчу непріятелю, и вступилъ въ бой съ Норманнами; онъ одержалъ надъ ними побѣду. Датчане удалились; на возвратномъ пути Саксы напали на Славянъ и взяли у нихъ какой-то городъ (вѣроятно близъ нижней Эльбы) (1).

Побѣда, одержанная Нѣмцами, а также другія обстоятельства, склонили короля датскаго Эрика къ миру съ Германіею. Онъ отправилъ посольство къ Людовику въ Падерборнъ, куда созванъ былъ нѣмецкій сеймъ. Туда же явились и посланцы отъ Славянъ, можетъ быть именно отъ тѣхъ прибалтійскихъ племенъ, которыя сражались вмѣстѣ съ Датчанами. Миръ, заключенный тогда (845) между Германіею и Даніею, былъ вскорѣ скрѣпленъ сближеніемъ датскаго государя съ христіанскимъ проповѣдникомъ. Со времени раззоренія Гамбурга Датчанами и Славянами, архіепископъ Анскаръ жилъ изгнанникомъ на лѣвомъ берегу Эльбы (2), посѣщая иногда Гамбургъ и Нордальбингію, для поддержанія тамъ христіанства. Въ Нордальбингіи, кромѣ Гамбурга, находились въ то время только три приходскія церкви (3), и то на западномъ краю ея, далеко отъ Славянской земли, которая такимъ образомъ оставалась внѣ христіанскаго вліянія. Король Людовикъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы пристроить скитальца-архіепископа. Возстановленіе гамбургской митрополіи казалось невозможнымъ, до такой степени власть Германіи упала въ этомъ краѣ; потому Людовикъ назначилъ Анскара епископомъ въ Бременъ, какъ скоро это мѣсто сдѣлалось свободнымъ (4) (847). Гамбургская ми-

---

(1) Annal. Fuld. подъ 845 г. (M. G. I, 364). (Nortmanni) castellum etiam in Saxonia quod vocatur Hammaburg, populati, nec inulti reversi sunt. Annal. Bertin. тамъ же, 442: Nortmannorum rex Oricus sexcentas naves per Albim fluvium in Germaniam adversus Hludowicum dirigit, quibus Saxones occurrentes, commisso proelio, domini nostri Iesu Christi auxilio victores efficiuntur: unde digressi Sclavorum quandam impetunt et capiunt civitatem. Ср. Annal. Xantens. подъ тѣмъ же годомъ (M. G. II, 228).

(2) Преимущественно въ подаренномъ ему одною благочестивою женщиною имѣніи Ramesloh.

(3) Въ Мельдорпѣ, Гейлигенштеттенѣ и Шенефельдѣ.

(4) За смертью епископа Леудериха.

трополія была соединена такимъ образомъ съ бременскою епархіею; Гамбургъ продолжалъ именоваться главнымъ городомъ, но епископъ «Сѣвера» жилъ съ тѣхъ поръ въ Бременѣ: миссіонерская дѣятельность Запада удалилась еще больше отъ Славянскаго поморья, и еще исключительнѣе устремлена была на Скандинавовъ, съ которыми Бременъ имѣлъ моремъ постоянныя сношенія. Получивъ новую точку опоры и новыя средства для своей дѣятельности, Анскаръ сталъ часто ѣздить въ Данію съ государственными порученіями отъ короля Людовика, пріобрѣлъ благоволеніе короля Эрика, построилъ церковь въ Шлезвигѣ и обратилъ многихъ Датчанъ (1). Затѣмъ онъ посѣтилъ также Швецію и возстановилъ тамъ христіанство, почти искорененное языческою реакціею въ то самое время, когда разрушена была гамбургская митрополія. Но на Славянъ онъ во все время своей дѣятельности въ санѣ бременскаго епископа (847—865), точно также какъ и преемникъ его Римбертъ (865—888), его ученикъ и жизнеописатель, не обращалъ никакого вниманія. Христіанство нисколько не проникало къ нимъ. Мало того: ихъ примѣръ, какъ нѣмецкій государь писалъ папѣ въ 850 году, потрясалъ христіанскую вѣру въ самихъ Саксахъ, ихъ сосѣдяхъ, изъ которыхъ многіе (по всей вѣроятности преимущественно въ Нордалбингіи) возвращались въ то время къ языческимъ богамъ (2).

Съ тѣхъ поръ, какъ Данія вошла въ мирныя сношенія съ Германіею, и Балтійскіе Славяне стали покойны: въ продолженіе тринадцати лѣтъ (845—858), не слышно ни о какомъ столкновеніи между ими и Нѣмцами. Этимъ подтверждаются наши слова, что Балтійскіе Славяне, вслѣдствіе внутреннихъ отношеній своихъ, не имѣли никакихъ самостоятельныхъ политическихъ замысловъ, и побуждаемы были въ то время къ дѣятельности только вліяніемъ Скандинавовъ. Безсильное государство нѣмецкое не помышляло тогда о нарушеніи ихъ независимости; тѣмъ они и довольствовались. Но какъ они пользовались этимъ временемъ внѣшней безопасности, продолжали ли свои внутренніе раздоры, мы рѣшитель-

(1) Vita Anskarii, 21. Adam. Brem. I, 27.

(2) Письмо короля Людовика къ папѣ Льву IV, помѣщенное въ Translatio S. Alexandri, (M. G. II).

но не знаемъ. Изъ послѣдующихъ событій видно только, что они остались чуждыми того стремленія къ внутреннему единству и сосредоточенію, которое именно въ эту эпоху (во второй половинѣ IX вѣка) проявлялось повсемѣстно у другихъ славянскихъ народовъ, подъ Карпатами, на Вислѣ и на Ильменѣ. Балтійскіе Славяне не тронулись изъ своего племеннаго быта.

IX.

События на Славянскомъ поморьѣ до совершеннаго уничтоженія власти Германіи надъ сѣверо-западными Славянами. 858 — 877. Начатки проповѣди Кирилла и Меѳодія у сѣверо-западныхъ Славянъ; ея пресѣченіе.

Не смотря на миръ, заключенный между датскимъ и нѣмецкимъ королями, норманскіе *викинги* продолжали нападать на имперію Каролинговъ. Удѣлы двухъ старшихъ братьевъ Людовика страдали отъ нихъ ужасно. Особенно отличался своими подвигами Рорикъ, племянникъ датскаго короля Гаральда. Съ дружиною своихъ Норманновъ онъ еще въ 850 г. завоевалъ часть Фрисландіи ([1]), въ области короля лотарингскаго Лотара II, который принужденъ былъ признать его владѣтелемъ этого края. Въ 857 году Рорикъ, сговорившись съ королемъ Лотаромъ, снарядилъ свои корабли и поплылъ въ Данію, гдѣ получилъ отъ короля Эрика удѣлъ для поселенія, между р. Эйдеромъ и морскимъ берегомъ, т. е., вѣроятно, западную часть нынѣшняго Шлезвига. Воинственный витязь норманскій водворился такимъ образомъ на самой границѣ Залабской *марки* и могъ войти въ сношенія съ своими близкими сосѣдями, Бодричами. Бодричи и Глиняне стали нападать на Германію. По всей вѣроятности, подстрекнулъ ихъ къ тому Рорикъ, который служилъ орудіемъ королю лотарингскому для противоборства Людовику Нѣмецкому. Вся восточная граница Германіи была въ опасности. Нѣсколько лѣтъ уже Нѣмцы вели постоянныя войны съ сосѣдними Славянами: Сербы на Салѣ и верхней Эльбѣ безпрестанно возставали противъ устроенной Карломъ Великимъ военной украины ([2]); Чехи

([1]) Съ городомъ Дорштадтомъ.—См. Annal Fuld. M. G. I, 366. Ann. Bertin., тамъ же 445.

([2]) Возстанія эти начали обращать на себя вниманіе западныхъ лѣтописцевъ съ 851 года. См. Ann. Bertin.

и Моравцы, слагавшіеся уже въ могущественное государство, наносили Германіи тяжелые удары; Словенцы и Хорваты враждовали противъ нея, и даже Болгаре приходили Словенцамъ и Хорватамъ на помощь, по наущенію Франціи (1). Вотъ наконецъ и Славяне на нижней Эльбѣ и у Балтійскаго моря присоединяются къ этому общему ополченію славянскихъ народовъ противъ Германіи, раздражившей ихъ завоевательными попытками Карла. Въ іюлѣ 858 года нѣмецкій король Людвикъ принужденъ былъ отправить три войска противъ Славянъ: одно противъ моравскаго князя Ростислава, другое противъ Лабскихъ Сербовъ, третье наконецъ, весьма значительное, подъ предводительствомъ своего меньшаго сына Людовика, противъ Бодричей и Глинянъ (2). Самъ король германскій въ то же время предпринялъ походъ противъ брата своего, Карла, короля французскаго. Пока онъ тамъ воевалъ, Норманны напали на землю Саксовъ (3); должно полагать, что это была дружина Рорикова, вторгшаяся въ Нордалбингію. Лѣтописецъ говоритъ, что Нѣмцы отбили ихъ; а про то, что̀ сдѣлано было противъ Бодричей, вовсе не упоминаетъ. Изъ этого мы заключаемъ, что результатъ похода былъ ничтожный, быть можетъ, онъ и не состоялся, и войска̀, назначенныя противъ Балтійскихъ Славянъ, обращены были на защиту границы отъ Норманновъ и ихъ союзниковъ Славянъ. На верхней же Эльбѣ, вооруженіе Сербовъ приняло такой угрожающій видъ, что нѣмецкій король бросилъ дѣла свои во Франціи и поспѣшно воротился въ Германію (въ началѣ 859 года) (4).

Средне-вѣковыя западныя лѣтописи, вообще столь скупыя на слова, когда дѣло идетъ о Славянахъ, а тѣмъ болѣе о Славянахъ-язычникахъ, становятся еще скуднѣе въ эту мрачную на Западѣ эпоху. А какъ свѣтла и радостна была она на всемъ пространствѣ славянскаго міра: повсюду независимость, на сѣверѣ и востокѣ заря жизни политической, начало государственной организаціи, на югѣ заря жизни духовной, начало просвѣщенія народнаго! У

---

(1) Ann. Bertin. 854.
(2) Ann. Fuld. Ann. Hildesheim. 858.
(3) Ann. Bertin. 858.
(4) Annal. Fuld. 858, 859.

Балтійскихъ Славянъ эпоха эта прошла безплодно, не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ внутренняго развитія.

Я упомянулъ о походѣ Нѣмцевъ въ 858 году противъ Бодричей и Глинянъ. Затѣмъ, на три года о Балтійскихъ Славянахъ снова прекращаются извѣстія. Въ 862 году Германія опять вооружается на нихъ. Ведетъ войска въ этотъ разъ самъ король Людовикъ; онъ идетъ ратью на бодрицкаго князя Добомысла, о которомъ ничего другаго мы, впрочемъ, не знаемъ. Лѣтопись, составлявшаяся въ нѣмецкомъ монастырѣ Фульдѣ, повѣствуетъ именно, что король, предпринявъ походъ противъ Бодричей, принудилъ ихъ мятежнаго князя Добомысла покориться ему и дать ему, въ числѣ другихъ заложниковъ, своего собственнаго сына (1). Но на этотъ разъ мы можемъ судить о правдивости германскаго лѣтописца, сравнивъ его свидѣтельство съ разсказомъ Гинкмара епископа реймскаго, который писалъ во Франціи и не считалъ нужнымъ льстить нѣмецкому королю и превозносить успѣхи его оружія. Онъ говоритъ, что король Людовикъ, готовясь къ походу противъ Славянъ (Бодричей и ихъ князя (Дабомысла), просилъ содѣйствія своего племянника Лотара, короля лотарингскаго; Лотаръ обѣщалъ, но потомъ не пріѣхалъ. Нѣмецкій король пошелъ однако войною на этихъ Славянъ съ однимъ изъ своихъ сыновей, Людовикомъ. Походъ ему не посчастливился: онъ потерялъ нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ лицъ своего войска, не имѣлъ никакого успѣха и возвратился въ Германію, удовольствовавшись тѣмъ, что ему дали какихъ-то заложниковъ (2). Свидѣтельство французскаго епископа Гинкмара

---

(1) Annal. Fuld. 862. Rex ducto in Abodritos exercitu, ducem eorum Tabomiuzlem rebellantem dicto obedire et filium suum cum aliis obsidibus dare cocgit.

(2) Annal. Bert. auct. Hincmaro Rem. a. 862 (M. G. I, 458). Hludowicus rex Germaniae Lotharium nepotem suum ad Moguntiam accersiens, petit ut cum eo contra Winidos qui appellantur . . . . . . advertus eorum regulum . . . . cum apparatu hostili pergat; qui se primum iturum promisit, post vero a promissione sua defecit. Hludowicus autem, relicto in patria filio suo Carolo Hludowicum filium suum secum ducens, aggreditur Winidos; unde amissis quibusdam primoribus et nihil prospere gestis, sub obtentu obsidum ad Francofurd revertitur. Въ рукописи гинкмаровой лѣтописи имена славянскаго племени и князя, противъ которыхъ велась война, оставлены пробѣломъ; видно, переписчикъ не могъ разобрать ихъ; но изъ сличенія годовъ и событій оказывается несомнѣннымъ, что это были Бодричи и ихъ князь Дабомыслъ.—Тоже событіе записано

важно для насъ, какъ доказательство, до какой степени средне-вѣковыя лѣтописи, сочинявшіяся въ Германіи, искажали истину событій въ отношеніи къ «варварамъ», язычникамъ, Славянамъ: мы видимъ, какъ подъ перомъ фульдскаго монаха война крайне неудачная преобразилась въ блистательный успѣхъ. Къ сожалѣнію, случаи, въ которыхъ мы можемъ повѣрять нѣмецкіе источники лѣтописцами другихъ странъ, менѣе враждебныхъ къ Славянамъ, чрезвычайно рѣдки, особенно когда дѣло идетъ о племени прибалтійскихъ Ляховъ: это отдаленное, языческое племя мало обращало на себя вниманіе Франціи, Англіи, Италіи; оно безпокоило только Германію и одна Германія писала о немъ. Такимъ образомъ, принужденные возстановлять его историческую жизнь почти единственно по сказаніямъ нѣмецкимъ, мы должны постоянно имѣть въ виду ту долю неправды, которая внесена нашими источниками во всѣ свѣдѣнія наши о четырехсотлѣтней борьбѣ этихъ Славянъ съ Германіей. Конечно, общій смыслъ ихъ исторіи отъ этого не измѣняется: все таки въ этой четырехсотлѣтней борьбѣ Нѣмецкій народъ остался побѣдителемъ, и такимъ побѣдителемъ, что онъ могъ безпрепятственно истребить все племя Балтійскихъ Ляховъ; но побѣдитель скрылъ многія частныя свои пораженія, и предалъ забвенію многіе доблестные подвиги своего несчастнаго противника.

Послѣ неудачнаго похода 862 года, Германія пять лѣтъ не тревожила Балтійскихъ Славянъ: по крайней мѣрѣ объ нихъ мы ничего въ лѣтописяхъ не читаемъ. Противъ другихъ Славянъ, устремляла тогда ослабѣвшая Германія все, что оставалось у нея силы. Славянская держава, которая возрастала на среднемъ Дунаѣ и уже грозила баварскимъ границамъ, была въ то время опаснѣйшимъ врагомъ нѣмецкой земли.—Но подъ 867 годомъ записано въ лѣтописяхъ, что норманнскій викингъ Рорикъ, о которомъ у насъ уже была рѣчь, снова сталъ грозить нидерландскимъ берегамъ и что противъ него долженъ былъ выступить лотарингскій король; а въ то же время король нѣмецкій выслалъ своего сына, Людовика младшаго, съ ополченіемъ Саксовъ и Турпнговъ противъ Бодричей,

---

вкратцѣ и въ Лотарингской (Ксантенской) лѣтописи, но поставлено подъ 863 г. (M. G. II, 230): Ludewicus rex primum conventum habuit Wangiona et post hac Magontia, ibique venit ad eum Lotharius, hostem machinantes in Sclavos; quod et postea fecerunt; sed non profuit.

и велѣлъ остальнымъ войскамъ Германіи держаться наготовѣ; онъ сбирался вести ихъ въ случаѣ нужды [1]. Снова видна связь между враждебными дѣйствіями Рориковой дружины противъ Каролингской державы и движеніемъ Балтійскихъ Славянъ, принудившимъ Германію вооружиться на нихъ. Мы не знаемъ только, произошло ли въ этотъ разъ столкновеніе; лѣтописецъ ничего больше не говоритъ объ этомъ походѣ противъ Бодричей.

Бодричи и все вообще Славянское поморье пользовалось уже полною независимостью и безопасностью со стороны Германіи. Только съ мелкихъ пограничныхъ племенъ, жившихъ вдоль Эльбы на самой чертѣ пограничныхъ военныхъ поселеній нѣмецкихъ, какъ-то съ Глинянъ, сосѣдей Саксонской *марки*, съ Суселцевъ, вѣтви Лабскихъ Сербовъ, жившихъ въ углу между Салою и Эльбою, подлѣ Турингской марки, и другихъ тамошнихъ племенъ, взымалась или по крайней мѣрѣ требовалась Нѣмцами дань. Въ 877 г. племена эти отказались платить ее. Лѣтопись расказываетъ, что нѣмецкій король Людовикъ (младшій) послалъ къ нимъ своихъ людей, которымъ удалось усмирить ихъ безъ боя. Они взяли съ нихъ нѣсколькихъ заложниковъ и большіе подарки и принесли своему государю извѣстіе, что эти Славяне «возвратились въ прежнее свое подданство» [2]. Вѣроятно, о дани уже рѣчи не было, и король удовольствовался посланными ему подарками: ибо въ слѣдъ затѣмъ мы видимъ уже эти мелкія пограничныя съ Нѣмцами племена въ такой же полной независимости, какою пользовались уже почти сорокъ лѣтъ болѣе сильные и отдаленные Бодричи.

Въ 871 году Германія, все болѣе и болѣе распадавшаяся внутри, напрягла остатокъ своихъ силъ для того, чтобы возстановить свое владычество надъ Славянами юго-западными, надъ державою Велико-моравскою. Усиліе это кончилось страшнымъ пораженіемъ,

---

(1) Ann. Bersin. 867.

(2) Ann. Fuldens. 877: Sclavi qui vocantur Linones et Siusli eorumque vicini defectionem molientes solitum dare censum rennuunt; quos Hludowicus rex, missis quibusdam fidelibus suis, circa mediam quadragesimam, sine bello compressit, acceptisque obsidibus nonnullis et muneribus non paucis, eos sub pristinum subegit servitium. Сосѣди Суселцевъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, не исчисляя ихъ именъ, были, безъ сомнѣнія, другія мелкія вѣтви Сербовъ, жившія около нихъ на западномъ берегу Эльбы, до р. Салы, именно Коледичи, Нелѣтичи, Нудичи и Жирмунты.

которое дало юго-западной державѣ славянской совершенно новое значеніе, дало ей первенство въ славянскомъ мірѣ, поставило ее въ равновѣсіе съ цѣлой Германіей. А черезъ шесть лѣтъ послѣ великой побѣды Славянъ подъ Велеградомъ Моравскимъ, въ 877 году, мы видѣли, что сѣверо-западныя племена славянскія, на берегу Салы и Эльбы, довершили свое освобожденіе отъ нѣмецкаго владычества. Теперь оставалось только, чтобы они вступили въ связь съ средоточіемъ славянской жизни, съ державою Славянъ прикарпатскихъ. Отъ Великой Маравіи сѣверо-западныя племена славянскія могли получить основанія порядка государственнаго, начатки котораго, приносимые изъ Германіи, къ нимъ не прививались (намъ извѣстно, какъ неудачны были попытки учредить у Бодричей единодержавіе подъ покровительствомъ Западныхъ императоровъ). Что еще важнѣе, отъ Великой Моравіи сѣверо-западныя племена славянскія могли получить зародыши христіанства, проповѣданнаго народными просвѣтителями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Изъ этихъ рукъ Балтійскіе Славяне не стали бы отвергать ученіе новой вѣры, какъ они отвергали его, когда оно являлось къ нимъ въ сопровожденіи латинскихъ молитвъ и политическаго подчиненія нѣмецкому государству, нѣмецкому народу.

Дѣйствительно, Велико-Моравская держава начала уже простирать свое связующее и просвѣтительное вліяніе на сѣверозападъ до Эльбы. Чехія добровольно подчинилась верховной власти славянскаго государя, царствовавшаго въ Моравскомъ Велеградѣ, славнаго до сихъ поръ въ народныхъ повѣріяхъ Святополка; она добровольно приняла крещеніе изъ рукъ славянскаго апостола Меѳодія (около 874 года). Въ слѣдъ за Чехіею и Лабскіе Сербы, ближайшіе сосѣди Балтійскихъ Славянъ и ихъ союзники въ послѣднихъ войнахъ съ Германіею, вошли въ составъ новаго славянскаго государства: они, которые такъ недавно еще платили дань нѣмецкимъ королямъ, стали платить ее теперь Святополку моравскому (1). До насъ не дошло извѣстій о томъ, какъ это произошло, хо-

(1) Титмаръ (VI, 60) говоритъ о краѣ, гдѣ онъ жилъ (въ концѣ X-го и началѣ XI-го столѣтія) и гдѣ сдѣланъ былъ епископомъ и о которомъ преимущественно писалъ,—о такъ называвшейся Турингской маркѣ, основанной въ землѣ Сербовъ между Салой и Эльбой: Boemii, regnante Zuetepulco duce, quondam fuere principes nostri. Huic a nostris parentibus quotannis solvitur census et episcopos in sua regione Marierun (нѣмецкая форма имени Моравія) dicta habuit.

тя мы можемъ предполагать, что Лабскіе Сербы, находясь, по самому положенію своему, въ постоянной опасности отъ Нѣмцевъ, добровольно искали защиты и покровительства единоплеменнаго имъ, могущественнаго соперника Германіи, государя моравскаго, по примѣру Чеховъ, своихъ сосѣдей. Мы не знаемъ также, проникла-ли къ Лабскимъ Сербамъ, вмѣстѣ съ политическимъ вліяніемъ Моравіи, проповѣдь Меѳодія; но если позволено сдѣлать предположеніе, при совершенномъ отсутствіи современныхъ данныхъ, то мы готовы утверждать, что и къ этому отдаленному племени принесены были, въ краткую эпоху господства православной славянской проповѣди въ Моравіи и Чехіи, начатки христіанскаго ученія. Этимъ и объясняется для насъ, что въ слѣдующее время, христіанство, даже какъ оно предлагалось нѣмецкими властями, духовными и свѣтскими, уже не встрѣчало у Лабскихъ Сербовъ особеннаго сопротивленія; они сдѣлались легко и охотно христіанами; борьба ихъ съ Нѣмцами, въ теченіе первой первой половины X-го столѣтія, велась за независимость, но не имѣла въ себѣ того ожесточеннаго фанатизма, съ какимъ сосѣди Сербовъ, Балтійскіе Славяне, защищали, вмѣстѣ съ свободою, языческихъ боговъ своихъ. Скорому и легкому принятію христіанства Лабскіе Сербы преимущественно обязаны были тѣмъ, что они избѣгли полнаго истребленія, какому подверглись племена прибалтійскія, и что хотя частица ихъ края, нѣкогда обширнаго, сохранила донынѣ славянскій языкъ и славянскую народность.

Если бы дано было время восточному христіанству, проповѣданному народными просвѣтителями славянскими, окрѣпнуть въ Моравіи и Чехіи и съ тѣмъ вмѣстѣ укорениться между Лабскими Сербами, то оно, безъ всякаго сомнѣнія, скоро подвинулось бы оттуда далѣе на сѣверъ и овладѣло бы племенами балтійскихъ Ляховъ, Стодорянами, Бодричами, Велетами, Поморянами, какъ оно начинало уже проникать къ восточнымъ Ляхамъ у Вислы. Исторія всѣхъ этихъ земель приняла бы другой оборотъ, южный берегъ Балтійскаго моря остался бы славянскою землею.—Общеніе между Чехами и Балтійскими Ляхами существовало. Сынъ и преемникъ перваго христіанскаго князя чешскаго Боривоя, Вратиславъ, женился (въ послѣднихъ годахъ IX-го вѣка) на Драгоміри, «родомъ изъ лютѣйшаго народа Лютицкаго, изъ земли, называвшейся Стодор-

скою» (¹). Она была матерью св. Вячеслава, знаменитаго исповѣдника и мученика чешскаго, и Болеслава I, при которомъ Чешское государство достигло небывалаго дотолѣ могущества. Правда, Драгоміръ не измѣнила характеру своего племени, сама была тверже камня, по выраженію лѣтописца, въ языческомъ упорствѣ; она погубила своего роднаго сына Вячеслава за его ревность къ христіанству. Но при другихъ условіяхъ, общеніе между Чехами и Балтійскими Ляхами могло бы продолжаться и принесло бы, рано или поздно, свои плоды; вліяніе Чеховъ-христіанъ преодолѣло бы фанатизмъ поклонниковъ Святовита; образъ свирѣпой Драгоміри вѣроятно смѣнился бы вскорѣ свѣтлымъ образомъ другой женщины, подобной той Дубравкѣ, которая изъ Чешской земли принесла христіанство въ Польшу.

Но вторженіе Венгровъ, уничтоженіе Велико-Моравской державы, истребленіе славянской народности и христіанства въ самомъ средоточіи дѣятельности Кирилла и Меѳодія, въ одно мгновеніе заглушили главный источникъ просвѣщенія для сѣверозападныхъ Славянъ. Племена прибалтійскія не успѣли еще услышать слова христіанской проповѣди на родномъ языкѣ, къ нимъ не успѣла дойти страница Евангелія въ славянскомъ переводѣ, когда ученики Кирилла и Меѳодія принуждены были удалиться за Дунай и сосредоточить свои дѣйствія исключительно между Болгарами и Сербами. Отдѣленные отъ южныхъ славянскихъ земель дикими язычниками Мадьярами, Чехи и Надвислянскіе Ляхи уже не въ состояніи были сохранить ученіе, переданное имъ первыми ихъ просвѣтителями; славянское богослуженіе уступило у нихъ мѣсто латинскому, общеніе съ православными землями Востока замѣнилось подчиненіемъ главенству папы и верховной власти нѣмецкой имперіи. Если преданіе Кирилла и Меѳодія долго еще жило между Чехами, то лишь въ постоянномъ гоненіи, скрываясь отъ бдительности латинскаго духовенства, и дѣйствовать на другіе славянскіе народы оно не было въ состояніи. Еще легче и скорѣе заглушены были слабые начатки православнаго славянскаго христіанства у Лабскихъ Сербовъ, если дѣйствительно оно

(¹) Cosm. Prag. (Mencken, scr. rer. German I, 1987): Wratislaus . . . . qui accepit uxorem nomine Dragomir de durissima gente Luticensi, et ipsam saxis duriorem ad redendum, ex provincia nomine Stodor.

успѣло проникнуть къ нимъ, какъ мы предполагаемъ. Снова сомкнулся, едва открывшись на нѣсколько лѣтъ, тотъ кругъ, который отдѣлялъ Балтійскихъ Славянъ отъ всѣхъ источниковъ свободнаго христіанскаго просвѣщенія и приковывалъ ихъ къ ѳеократической имперіи Нѣмецкой. Снова имъ представлялся единственный выборъ: принять христіанство отъ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться, въ силу тогдашнихъ понятій романо-германской Европы, подданными нѣмецкаго государства, или биться до послѣдней капли крови за свободу и язычество. Если Чехи и Поляки, вступая въ западную церковь, тѣмъ самымъ подчинялись нѣмецкому государству (у Чеховъ это подчиненіе осталось; Поляки освободились отъ него съ теченіемъ времени),—то тѣмъ менѣе могли избѣгнуть этихъ притязаній Запада ближайшія племена Балтійскихъ Ляховъ, обладаніе которыми составляло для Германіи существенную политическую выгоду. Для Чеховъ вслѣдствіе ихъ внутренней сосредоточенности и благопріятныхъ условій мѣстности, для Поляковъ вслѣдствіе ихъ отдаленности, подчиненіе Западной державѣ не было особенно тягостно и, ограничиваясь вассальными отношеніями ихъ правителей къ государямъ нѣмецкимъ, едва ощущалось самимъ народомъ. У Балтійскихъ Ляховъ, напротивъ, раздробленность и относительная слабость, близость къ Германіи и народная вражда съ нею, все это должно было обратить подчиненіе Западной державѣ въ непосредственное подданство, и въ подданство не только главѣ государства, императору, но и проводникамъ его воли, пограничнымъ саксонскимъ начальникамъ и самому племени Саксовъ, на которое падала обязанность держать императорскій мечь и римскій крестъ надъ сосѣдними *варварами*, Славянами. Что же оставалось дѣлать Балтійскимъ Ляхамъ? Выбрать между неровною борьбою или тяжкою неволею. Выборъ для нихъ не могъ быть сомнительнымъ, и черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ надъ западно-славянскимъ міромъ промелькнула народная проповѣдь восточнаго христіанства и, заглушенная въ самомъ началѣ, погасла тамъ, не коснувшись племенъ прибалтійскихъ, для которыхъ она была бы единственнымъ выходомъ, единственнымъ средствомъ спасенія,—черезъ сто лѣтъ, говорю я, послѣ этой эпохи, историкъ Саксовъ, Видукиндъ (1), могъ уже ясно сознать

(1) Онъ жилъ при Оттонѣ I (ум. 973) и, можетъ быть, при Оттонѣ II (ум. 983).

роковыя отношенія Балтійскихъ Славянъ къ своему народу и написалъ эти знаменательныя и въ его время еще пророческія слова: *Transeunt sane dies plurimi, his pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima servitute varie certantibus*: «много дней проходитъ, что они борются съ перемѣннымъ счастіемъ, Саксы для славы и обширнаго, пространнаго владычества, Балтійскіе Славяне, чтобы найти свободу или же крайнее рабство» (¹).

X.

Балтійскіе Славяне во время полнаго упадка Германіи въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка; ихъ вторженія и переселенія въ нѣмецкія земли. 877—919.

Не скоро еще однако могла Германія начать снова эту борьбу, завѣщанную ей Карломъ Великимъ и всѣми преданіями нѣмецкаго племени; и вотъ, въ пору самаго глубокаго ея упадка, когда она казалась легкою добычею Славянъ, напиравшихъ на нее отъ Голштиніи до Адріатическаго моря, судьба послала ей съ дальняго востока, изъ-за Волги и Дона, на помощь степную орду: Мадьяры, какъ мы сказали, задавили центръ западно-славянскаго міра; они раздробили западно-славянскій міръ и приготовили будущее его паденіе передъ нѣмецкимъ народомъ. Тяжело досталось на первыхъ порахъ и самой Германіи отъ этихъ дикарей. До Бремена, до Страсбурга и до Констанцскаго озера, черезо всѣ нѣмецкія земли, простирали Мадьяры свои жестокіе набѣги, и вопли подымались со всѣхъ концовъ земли нѣмецкой противъ свирѣпой орды. Но Германія должна признать, что эта орда спасла ее отъ опасности безконечно страшнѣйшей для нея: она ее предохранила отъ соединенія и развитія силъ у сосѣднихъ Славянъ, въ то именно время, когда самъ нѣмецкій народъ и весь западъ Европы, переходя черезъ хаотическое броженіе къ образованію органическихъ народностей и государствъ, были безоружны передъ юнымъ племенемъ славянскимъ, радостно ощутившимъ свое политическое бытіе. Дѣломъ Мадьяръ было то, что этой хаотической Германіи не противостала какая-нибудь стройная, цѣльная держава славянская, которая обняла бы всю ширину средне-европейскаго материка, что зародышъ такой

---

¹) Widukindi res gestae Saxonicae (Mon. Germ. III) II, 20.

державы уничтоженъ былъ въ самомъ зачаткѣ, и что, затѣмъ, подлѣ Германіи остались по прежнему, какъ было при Карлѣ Великомъ, безсвязныя племена славянскія, ждавшія спокойно, пока нѣмецкій народъ выйдетъ изъ своего хаотическаго броженія, установится, сосредоточится и бросится на нихъ.

Вся исторія Балтійскихъ Славянъ съ того времени, какъ Германія отказалась отъ владычества надъ ними, до той поры, когда она возобновила попытки покорить ихъ, въ продолженіи сорока слишкомъ лѣтъ (877—919) не представляетъ ни одного блестящаго, выдающагося факта. Славяне живутъ себѣ по-старому, пользуясь минутною независимостью, не помышляя о томъ, какъ бы упрочить ее въ будущемъ. Германія не тревожитъ ихъ, и этого съ нихъ довольно. Съ своей стороны, и они не тревожатъ Германіи, или тревожатъ такъ мало, что при большомъ протяженіи границы, открытой ихъ набѣгамъ, при слабости ея защиты и при множествѣ нанесенныхъ имъ въ прежнее время обидъ, эти нападенія кажутся совершенно ничтожными; только изрѣдка лѣтописецъ упоминаетъ о какомъ-нибудь частномъ набѣгѣ того или другаго славянскаго племени на пограничныя мѣста Германіи; а въ то же время какъ часты, какъ обширны, какъ безпощадны были нападенія на нее другихъ, отдаленнѣйшихъ отъ нея и несравненно слабѣйшихъ народовъ, Норманновъ и Мадьяръ!

Связнаго историческаго разсказа объ этой эпохѣ въ жизни Балтійскихъ Славянъ мы не можемъ представить. Намъ приходится здѣсь сохранить отрывочный способъ повѣствованія лѣтописцевъ того времени.

Въ 880 году Норманны устремились на Германію съ особенною яростью и ударили на нее въ двухъ мѣстахъ: на Шельдѣ и на Эльбѣ. На Шельдѣ, въ Нидерландахъ, они были отбиты; но въ землѣ Саксовъ (вѣроятно въ Нордалбингіи) удальцы сѣвера одержали одну изъ самыхъ славныхъ своихъ побѣдъ (2 февраля). Пораженіе Саксовъ было полное; нѣсколько столѣтій жило о немъ воспоминаніе. Оружіе Норманновъ и неожиданно выступившая изъ береговъ своихъ рѣка (безъ сомнѣнія, Эльба) уничтожили все войско Саксовъ: тутъ погибъ герцогъ саксонскій Брунъ, дядя знаменитаго въ послѣдствіи короля Генриха Птицелова; съ нимъ погибли 11 графовъ Саксонской земли съ своими полками и 18 служилыхъ

людей королевскихъ (satellites regis) вмѣстѣ съ ихъ дружинами; наконецъ, погибли два епископа, Тіотрихъ Минденскій и Марквартъ Гильдесгеймскій, которые, по возникавшему въ эту эпоху на западѣ обычаю, сражались въ рядахъ войска. Въ этой великой побѣдѣ участвовали и Славяне—безъ сомнѣнія ближайшіе къ Саксамъ и Датчанамъ, Бодричи и Лютичи. Объ епископѣ Маркwартѣ лѣтописецъ говоритъ именно, что онъ убитъ былъ Славянами (1); но главную роль въ битвѣ играли Норманны: Славяне составляли, какъ видно, только вспомогательную рать, которую Норманны вызвали итти на Нѣмцевъ. Оттого большая частъ лѣтописцевъ даже не упомянули объ ихъ участіи въ этой войнѣ (2).

Побѣда эта отозвалась далеко между Славянами: она подвигнула Лабскихъ Сербовъ и Чеховъ къ нападенію на Турингію (3). Тѣмъ болѣе замѣчательно, что ближайшія къ Норманнамъ и Саксамъ прибалтійскія племена, Бодричи и Лютичи, передъ глазами которыхъ произошло страшное пораженіе ихъ непримиримыхъ враговъ, не воспользовались имъ и не устремились на землю Саксовъ. Но послѣ всего, что мы сказали о политическомъ характерѣ этихъ племенъ, такое явленіе намъ совершенно понятно. Балтійскіе Славяне остались спокойными въ своихъ границахъ, и девять лѣтъ объ нихъ не упоминаютъ нѣмецкіе лѣтописцы.

Король нѣмецкій Арнульфъ, который успѣлъ на нѣсколько лѣтъ возстановить единство и силу Германіи и велъ непрестанную борьбу съ велико-моравскимъ королемъ Святополкомъ, въ 889 году, пользуясь краткимъ срокомъ мира съ Великою Моравіею, обратилъ свои взоры на Славянское поморье. Заключивъ миръ съ Норманнами и разными славянскими племенами, онъ созвалъ войско, чтобы итти на Бодричей. Войско было весьма большое, говоритъ лѣтописецъ, но походъ кончился несчастливо, и Арнульфъ скоро возвратился и распустилъ свою рать (4). Разрывъ съ Бодричами продолжался до 895 года, но, какъ видно, безъ особенно важныхъ предпріятій съ той или другой стороны. Наконецъ, въ 895

---

(1) Chron. Hildesheim. (M. G. IX, 851): Marcquardus episcopus . . . . . occisus est a Sclavis.

(2) Ann. Fuldens. 880. Widukind. I, 16. Thietmar. II, 15.

(3) Ann. Fuldens. 880.

(4) Ann. Fuld. 889 (M. G. I, 406).

году, Бодричи прислали къ Арнульфу посольство съ подарками и предложили ему миръ, на всѣ условія котораго онъ охотно согласился (1).

Императоръ Арнульфъ, кое-какъ сдерживавшій еще Германію, умеръ въ 899 году. «Со всѣхъ сторонъ, пишетъ нѣмецкій историкъ, опасность и гибель окружала государство, а все-таки на престолъ возвели дитя, сдѣлали его хранителемъ обуреваемой власти. И такъ, настало то, что должно было случиться: Германія распалась и сдѣлалась добычею внѣшнихъ враговъ. Наступило въ земляхъ нѣмецкихъ время глубочайшаго позора и самаго плачевнаго замѣшательства». Далѣе, тотъ же историкъ приводитъ картину тогдашняго внутренняго состоянія Германіи, какъ ее рисуетъ современникъ, констанцкій епископъ Соломонъ: «Повсюду распри, между графами и между вассалами, междоусобія раздираютъ волости и племена, въ городахъ свирѣпствуетъ мятежъ, законъ попирается ногами и именно тѣ, которые должны бы были защищать землю и народъ, подаютъ самый гибельный примѣръ. Вельможи, отцы которыхъ нѣкогда подавляли возстанія, теперь сами разжигаютъ междоусобную войну. Хворое дитя, носящее имя короля, лишаетъ насъ возможности имѣть настоящаго властителя. Его юность неспособна къ оружію, къ суду и расправѣ. Его хилое тѣло, его безсиліе и отсутствіе мужественнаго духа дѣлаютъ его презрѣннымъ для своихъ и внушаютъ врагамъ такую смѣлость, что они отваживаются на все . . . . » (2).

Между этими врагами появляются и Балтійскіе Славяне. Въ 902 году они опустошали Саксонію, но скудная лѣтопись ничего не прибавляетъ къ этимъ краткимъ словамъ: *Sclavi vastaverunt Saxoniam* (3). Самые страшные, самые разрушительные враги Германіи были однако въ то время Венгры. Вторженія ихъ въ предѣлы Германскаго государства начались еще въ 899 году. Но гораздо смѣлѣе, яростнѣе начали они терзать ее, когда окончили завоеваніе славянской державы, бывшей между Карпа-

(1) Тамъ же, 895 (M. G. I, 411) Legatos Obodritorum curte regia Salz munera secum deferentes, ad regem pacifica optantes pervenerunt, quos rex ut audivit, sine mora postulata annuens et abire permisit.

(2) Giesebrecht, Gesch. der deutschen Kaiserzeit, I, 169, 171.

(3) Ann. Hildesheim. 902 (M. G. III, 50).

тами и Дунаемъ, и тутъ себя обезпечили. На сѣверъ отъ Карпатовъ они, по-видимому, не хотѣли распространять своихъ завоеваній; потому тамошніе Славяне находили въ нихъ союзниковъ, которые готовы были за одно съ ними бросаться на Германію, какъ на свою добычу.

Между сѣверо-западными Славянами въ это время особенно часто подымали оружіе на Нѣмцевъ Лабскіе Сербы, гораздо чаще, нежели Балтійскіе Славяне; а изъ всѣхъ Лабскихъ Сербовъ, кажется, особенно воинственны были Гломачи (или Далеминцы, какъ ихъ называли Нѣмцы), жившіе на лѣвомъ берегу Эльбы, между этой рѣкой и рѣчкой Каменицей, теперь Chemnitz, въ нынѣшнемъ Саксонскомъ королевствѣ (1). Мы знаемъ, что они нападали на Турингію въ 880 году. Въ 892 году погибъ, съ цѣлымъ своимъ войскомъ, въ предѣлахъ сосѣдняго съ Гломачами небольшаго племени Хутичей, епископъ вирцбургскій Арндъ, и это пораженіе, которое произвело глубокое впечатлѣніе въ тогдашней Германіи, едва-ли обошлось безъ участія Гломачей, сдѣлавшихся, какъ видно, въ то время главою союза сосѣднихъ съ ними мелкихъ племенъ. Постоянно воевалъ съ Гломачами храбрый герцогъ саксонскій Оттонъ. Въ 906 г. онъ послалъ противъ нихъ съ войскомъ своего сына Генриха, въ послѣдствіи знаменитаго короля, возстановителя Германіи: этотъ походъ былъ его первымъ воинскимъ опытомъ. Гломачи испугались сильнаго войска нѣмецкаго и призвали на помощь Венгровъ. Мадьярская рать, проведенная ими въ землю Саксовъ, опустошила ее ужасно и возвратилась къ Гломачамъ съ громадною добычею. «Но тутъ, прибавляетъ лѣтописецъ, эти Венгры встрѣтили другую рать венгерскую, которая грозила поднять оружіе на ихъ союзниковъ, Славянъ, за то, что они пренебрегли ея помощью, а тѣмъ указали путь къ такой огромной добычѣ. Вслѣдствіе того, Саксонія подверглась вторичному нашествію Венгровъ; а между тѣмъ, первое войско, ожидая возвращенія втораго, стояло въ землѣ Гломачей, которая отъ этого, въ свою очередь, доведена была до такой нищеты, что жители въ тотъ годъ принуж-

(1) Thietm. I, 2, 3 . . . . provinciam quam nos teutonice Deleminci vocamus, Slavi autem Glomaci appellant.

доны были покинуть свою родину и итти заработывать хлѣбъ у другихъ народовъ» (¹).

Таковъ разсказъ саксонскаго лѣтописца о первомъ вторженіи Венгровъ въ сѣверные края Германіи. Мы имѣемъ право сомнѣваться въ точности этого разсказа, тамъ гдѣ говорится о двухъ войскахъ Венгерскихъ, поочередно отправившихся грабить Саксонію и изъ которыхъ первое дожидалось возвращенія втораго, живя на счетъ Лабскихъ Сербовъ. По всей вѣроятности, мы читаемъ тутъ у лѣтописца народное преданіе Саксовъ, смыслъ котораго былъ тотъ, что вторженіе Венгровъ въ ихъ землю, хотя совершившееся съ помощью Славянъ, а можетъ быть и вызванное ими, обошлось самимъ Славянамъ почти также дорого, какъ ихъ врагамъ.

Какъ бы то ни было, нашествія Венгровъ на самые отдаленные края сѣверной Германіи съ тѣхъ поръ не прекращались (²).

Вся Германія отдалась этимъ дикарямъ, какъ безпомощная жертва. Стоитъ прочесть современныя лѣтописи, чтобы понять тогдашнее оцѣпенѣніе земли нѣмецкой. Прочитаемъ подъ-рядъ *все*, что говоритъ объ этомъ времени относительно подробная лѣтопись германская, извѣстная подъ именемъ продолженія Регинона:

«907. *Баварцы, вступивъ въ бой съ Венграми, поражены были съ великимъ урономъ, и въ этой битвѣ погибъ герцогъ Ліутбальдъ*, которому наслѣдовалъ въ герцогствѣ его сынъ Арнульфъ.

«908. *Венгры, снова перешедши границы, опустошили Саксонію и Турингію.*

«909. *Венгры вступили въ Аламаннію* (Швабію).

«910. *Франки* (т. е. Франконцы), *вступивъ въ бой съ Венграми на границѣ Баваріи и Франціи* (т. е. Франконіи), *были частью побиты, частью обращены въ бѣгство плачевнымъ образомъ. Въ этой битвѣ погибъ графъ Годеардъ*, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Удона и Германна, которые въ послѣдствіи сдѣлались славными и знатными во Франціи (т. е. Франконіи).

«911. Король Хлудовигъ, сынъ императора Арнульфа, умеръ; ему наслѣдовалъ въ королевствѣ Куонрадъ, сынъ убитаго Адалбертомъ Куонрада.

(¹) Widuk. I, 17, 20.

(²) Adam Brem. I, 55. Ann. Quedlinb. 916 (M. G. III, 52). Cont. Reginonis. 915 (M. G. I, 614).

«912. *Венгры снова, не встрѣчая ни въ комъ сопротивленія, раззорили Францію* (Франконію) *и Турингію*. Архіепископъ Хатто умеръ, человѣкъ весьма сильный и мудрый, которому наслѣдовалъ Герпгеръ. Оттонъ, герцогъ Саксовъ, умеръ.

«913. Весьма жестокая зима. *Венгры опустошили часть Аламанніи* (Швабіи), *и побиты были у рѣки Инна Баварцами и Аламаннами*. Въ томъ же году, Эппгардъ, епископъ спирскій, ослѣпленъ былъ графами Бернгардомъ и Куонрадомъ.

«914. Отбертъ, епископъ страсбургскій, убитъ. Епископъ Саломонъ полоненъ.

«915. *Венгры опустошили всю Аламаннію огнемъ и мечемъ, а равно прошли по всей Турингіи и Саксоніи и достигли до монастыря Фульды*.

«916.—917. *Венгры чрезъ Аламаннію проникли въ Алзацію* (Эльзассъ) *и до предѣловъ Лотарингскаго королевства*. Эрхангеръ и Барахтольдъ казнены. Арнульфъ, герцогъ баварскій, взбунтовался противъ короля (1)».

Мы видимъ, почти ничего не записано въ тогдашней германской лѣтописи, кромѣ венгерскихъ набѣговъ, да внутреннихъ безпорядковъ.

Германія дошла до того, что она казалась безжизненнымъ трупомъ. Въ это время, наконецъ, и Балтійскіе Славяне покинули свое прежнее исключительно оборонительное положеніе и вышли вмѣстѣ съ другими народами на поживу, т. е. на раззореніе земли нѣмецкой. «Въ тѣ дни, говоритъ Адамъ Бременскій, ужаснѣйшая напасть обрушилась на землю Саксовъ, ибо съ одной стороны Датчане и Славяне, съ другой Чехи и Венгры опустошали тамъ церкви» (вмѣсто Чеховъ было бы правильнѣе и согласнѣе съ другими извѣстіями назвать Лабскихъ Сербовъ, ихъ сосѣдей). «Въ то время, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, гамбургская епархія была опустошена Славянами, бременская—Венграми» (2). Раззореніе Бремена Венграми случилось въ 916 году. Къ этому же времени слѣдуетъ, по всей вѣроятности, отнести и раззореніе гамбургской епархіи или Нордалбингіи Славянами (т. е. конечно, ближайшимъ славянскимъ племенемъ, Бодричами).

---

(1) Cont. Reginonis M. G. I, 614.
(2) Ad. Brem. I, 54.

Мы видѣли, какъ скудны извѣстія тогдашнихъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ; притомъ же лѣтописи составлялись въ то время еще только въ средней и южной Германіи, во Франконіи, Швабіи, Лотарингіи, и т. д. Въ землѣ Саксовъ стали вести лѣтописи только во второй половинѣ X-го вѣка, когда тяжелыя для Германіи событія первыхъ годовъ этого столѣтія частью изгладились изъ памяти, частью обратились въ общія, неопредѣленныя воспоминанія. Вотъ почему до насъ не дошло никакихъ подробностей о тогдашнихъ нашествіяхъ Балтійскихъ Славянъ на Германію. Мы знаемъ только, что Балтійскіе Славяне вторгались въ то время въ нѣмецкія земли, что они дѣйствовали тамъ за одно съ Датчанами и, вѣроятно даже, какъ прежде, были ими побуждаемы къ этимъ предпріятіямъ, наконецъ, что они, вмѣстѣ съ Датчанами, раззоривъ сперва Нордальбингію, стали потомъ переходить за Эльбу и, по словамъ лѣтописца, «наполнили землю Саксовъ великимъ ужасомъ»: обо всемъ этомъ сохранилъ намъ воспоминаніе Адамъ Бременскій ([1]). Самое сильное нападеніе Датчанъ на нѣмецкія области, сопровождаемое, какъ видно, и вторженіемъ Славянъ за Эльбу, произошло въ 919 году. А въ это самое время король нѣмецкій Конрадъ, слабый и безпомощный, на смертномъ одрѣ, завѣщевалъ престолъ своему сопернику и врагу, герцогу саксонскому Генриху и поручалъ его крѣпкой рукѣ спасеніе Германіи; и народъ нѣмецкій провозглашалъ своимъ королемъ этого мужественнаго, настойчиваго, могучаго душой и тѣломъ Саксонца. Началась новая эпоха, въ которую нѣмецкій народъ сдѣлался главнымъ двигателемъ и рѣшителемъ судебъ Европы; началась новая эпоха и для Балтійскихъ Славянъ, та эпоха, въ которую Германія возобновила и стала приводить въ исполненіе неудавшееся предпріятіе Карла Великаго—завоеваніе и порабощеніе славянскихъ племенъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. Племена же эти, какъ мы видѣли, въ пору отдыха, которую судьба имъ послала,—въ пору полной независимости и торжества надъ Нѣмцами,—ничего не сдѣлали для того, чтобы обезпечить себя отъ возобновленія и исполненія предпріятія Карла Великаго.

([1]) Ad. Brem. I, 57.

XI.

Дополненіе къ предъидущей главѣ: обзоръ поселеній Балтійскихъ Славянъ, образовавшихся, преимущественно въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка, на западномъ берегу Эльбы.

Одинъ только результатъ имѣла, кажется, для Балтійскихъ Славянъ пройденная нами эпоха; но этотъ результатъ былъ въ политическомъ смыслѣ ничтожный. Они воспользовались опустошеніемъ Саксонской земли и безсиліемъ Саксовъ, чтобы водвориться между ними, на лѣвомъ берегу Эльбы, мирными колоніями земледѣльцевъ. Таковъ былъ повсюду характеръ славянскихъ народовъ: опустошительные набѣги ихъ на земли враждебныхъ народовъ оставляли всегда послѣ себя осадокъ трудолюбивыхъ хлѣбопашцевъ. Вспомнимъ нашествія Славянъ на Греческія земли въ VI, VII и VIII вѣкѣ. Тоже самое явленіе повторилось, хотя въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, въ сѣверной Германіи въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка. Въ эпоху Каролинговъ мы не встрѣчаемъ ни въ современныхъ извѣстіяхъ, ни въ мѣстныхъ названіяхъ, никакого намека на существованіе славянскихъ поселеній на лѣвомъ, нѣмецкомъ берегу Эльбы (выше впаденія въ нее Салы): Эльба является во всѣхъ свидѣтельствахъ того времени рѣзкою гранью между Саксами и Славянами. Напротивъ, въ слѣдующій затѣмъ періодъ, т. е. при саксонскихъ императорахъ, мы находимъ несомнѣнные признаки поселеній славянскихъ, и даже довольно обширныхъ, на лѣвомъ, саксонскомъ берегу этой рѣки. Потому мы и заключаемъ, что поселенія эти образовались именно въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка, въ то время, когда Славяне, по свидѣтельству лѣтописцевъ, производили безъ сопротивленія нашествія въ землю Саксовъ.

Читатель помнитъ о великой побѣдѣ, одержанной въ 880 году Норманнами, вмѣстѣ съ Славянами, надъ войскомъ саксонскаго герцога Бруна, на низовьяхъ Эльбы. Одна современная лѣтопись прибавляетъ, что вѣсть объ этомъ пораженіи Саксовъ побудила племена Лабскихъ Сербовъ взяться за оружіе. Въ союзѣ съ Чехами и, можетъ быть, съ Стодорянами (жителями Бранденбургіи), они вознамѣрились вторгнуться въ Турингію, но встрѣтили неожиданное сопротивленіе въ ближайшихъ къ Нѣмцамъ сербскихъ вѣтвяхъ, которыя жили около рѣки Салы: тамошніе Славяне остались вѣрными

Германіи, и соплеменники ихъ принялись жечь и губить ихъ селенія. Наконецъ подоспѣлъ начальникъ (герцогъ) Сербо-Турингской *марки*, Поппо, разбилъ на голову Славянъ и истребилъ всю ихъ рать ([1]).—Это извѣстіе открываетъ намъ любопытное обстоятельство: отдаленнѣйшія къ западу поселенія Славянъ около рѣки Салы, не только не участвуютъ въ войнѣ противъ Нѣмцевъ, но даже стоятъ на ихъ сторонѣ въ такое время, когда Германія казалась легкою добычею всѣмъ ея врагамъ. Въ этихъ поселеніяхъ, три года передъ тѣмъ (877), было, какъ мы уже сказали, возмущеніе противъ Нѣмцевъ, и его усмирили не оружіемъ, а кроткими мѣрами и подарками. Потребность народной независимости не сказывалась въ этихъ отдаленныхъ поселеніяхъ Славянъ, въ этихъ послѣднихъ, слабыхъ волнахъ славянскаго моря, которыя захватили окраины нѣмецкаго материка: тутъ Славяне были только мирными и покорными земледѣльцами. Въ тѣхъ славянскихъ поселеніяхъ, которыя образовались на западной сторонѣ р. Салы, во Франконіи, въ окрестностяхъ Фульды, Бамберга и Вирцбурга, даже и рѣчи не могло быть о независимости отъ Нѣмцевъ. Ближайшія къ Салѣ сербскія вѣтви, мы видѣли какъ мало дорожили ею. То же самое должно сказать и о тѣхъ выходцахъ съ Славянскаго поморья, которые, какъ мы съ достовѣрностью можемъ предполагать, въ разсматриваемую нами эпоху, двинулись на лѣвый берегъ Эльбы и разселились по всей юговосточной части земли Саксовъ: они, подобно западнымъ отраслямъ Лабскихъ Сербовъ, разъ признавъ нѣмецкое владычество, уже не старались его свергнуть съ себя. Въ слѣдствіе этого Германія обошлась съ этими славянскими колоніями въ ея собственныхъ нѣдрахъ милостивѣе, нежели съ тѣми племенами, которыя жили въ ея сосѣдствѣ, за Салой и Эльбой. Сосѣднія племена, послѣ завоеванія, были преданы не-

---

([1]) Ann. Fuld. 880 (M. G. I, 393). Sclavi qui vocantur Dalmatii (это тѣ, которыхъ западные источники обыкновенно называютъ Далеминцами, и которые сами себя называли Гломачами,—вѣтвь Полабскихъ Сербовъ, жившая въ средней части нынѣшняго королевства Саксоніи на лѣвомъ берегу Эльбы, въ Мейсенскомъ краѣ) et Behemi atque Sorabi (Полабскіе Сербы) caeterique circumcirca vicini, audientes stragem Saxonum a Nordmannis factam, pariter conglobati Thuringios invadere nituntur, et in Sclavis circa Salam fluvium Thuringiis fidelibus praedas et incendia exercent. Quibus Poppo comes et dux Sorabici limitis occurrit et Dei auxilio fretus ita eos prostravit, ut nullus de tanta multitudine remaneret.

требленію, тогда какъ въ смиренныхъ колоніяхъ на нѣмецкой землѣ позволено было славянской народности спокойно доживать свой вѣкъ въ деревенской глуши. Когда отъ крѣпкихъ бойцевъ, отъ Бодричей и Лютичей, уже давно не оставалось слѣда, потомки Древлянъ и Глинянъ, поселившихся на западномъ берегу Эльбы, продолжали еще говорить по-славянски. Славянская рѣчь сохранилась у нихъ до конца прошлаго столѣтія, и до сихъ поръ, даже послѣ утраты языка своего, они отличаютъ себя отъ окружающихъ Нѣмцевъ, сами себя еще сознаютъ особымъ племенемъ, *Вендами*. То же самое видимъ мы у Сербовъ на р. Салѣ: хотя они раньше утратили свой языкъ, но и тамъ, въ Альтенбургскомъ герцогствѣ, сохранился уголокъ, гдѣ жители помнятъ о своемъ славянскомъ происхожденіи и до сихъ поръ не смѣшиваются съ нѣмецкимъ населеніемъ (это такъ называемые *Altenburger Wenden*).

Съ этими Славянскими поселеніями въ глубинѣ земель Нѣмецкихъ мы уже не будемъ имѣть случая встрѣчаться въ продолженіи нашего историческаго разсказа: ибо исторической дѣятельности эти слабыя, затерянныя славянскія поселенія не могли имѣть. Потому, чтобы не возвращаться болѣе къ нимъ, мы постараемся обозрѣть эти поселенія, поскольку онѣ принадлежатъ къ племени Балтійскихъ Ляховъ. Точное опредѣленіе славянской колонизаціи въ Германіи весьма возможно, даже при недостаткѣ историческихъ свѣдѣній: между мѣстными именами германскаго и славянскаго происхожденія существуетъ такое рѣзкое различіе, что можно почти безошибочно угадать, какія деревни, рѣки, ручьи получили свое названіе отъ Славянъ и какія отъ Нѣмцевъ.

Въ изслѣдованіи такого рода необходимо, за неимѣніемъ опредѣленныхъ историческихъ свидѣтельствъ, принять исходною точкою современность.

Въ настоящее время, на лѣвомъ, издревле нѣмецкомъ, берегу Эльбы *Вендландомъ*, землею Славянскою, называется край, почти совпадающій границами съ Люховскимъ округомъ (Amt Lüchow), въ восточномъ углу Ганноверскаго королевства. Городокъ Люховъ (такъ онъ, вѣроятно, и назывался первоначально по-славянски (¹);

(¹) Въ Польшѣ есть тоже Люховъ: Польскія мѣстныя имена служатъ вѣрнѣйшимъ руководствомъ для объясненія мѣстныхъ именъ Балтійскихъ и Залабскихъ Ляховъ, вслѣдствіе ближайшаго сродства этихъ Ляховъ съ Польскими Славянами.

въ XVII столѣтіи, когда рѣчь Залабскихъ Славянъ была уже крайне испорчена, они звали его Ljauchiw ([1]),—городокъ Люховъ лежитъ почти въ серединѣ этого края. Къ *Вендланду* причисляются, на сѣверѣ и востокѣ, ближайшія деревни ганноверскихъ округовъ Данненбергскаго и Гартовскаго.

Небольшой уголокъ этотъ, въ которомъ сохраняется донынѣ славянское преданіе, имѣетъ свои твердые естественные предѣлы. На западъ границею служитъ гряда каменистыхъ и глинистыхъ холмовъ, которые не слишкомъ высоки, но довольно неудобны для перехода и до сихъ поръ почти разобщаютъ жителей одной стороны отъ другой. Гряда эта начинается у прусской границы у рѣчки Дитте, близъ дер. Darsekau (т. е. по-славянски Даржковъ ([2])), отдѣляя ганноверскій приходъ Clenze (село это Славяне называли Клонска ([3])), причисляемый къ нынѣшнему *Вендланду*, отъ прихода Bergen (по-слав. Горска ([4])), теперь уже не призна-

---

Большая часть мѣстныхъ именъ славянскихъ, какія мы встрѣчаемъ въ Помераніи, Мекленбургіи, Бранденбургіи и въ колоніяхъ за Эльбою, повторяются въ Польшѣ. Къ сожалѣнію, матеріалъ, которымъ мы въ настоящее время могли пользоваться относительно польскихъ мѣстныхъ именъ, не полонъ, и касается только Царства Польскаго (это изданная въ 1827 г. въ Варшавѣ Правительственною Коммиссіею Внутреннихъ Дѣлъ и Полиціи Tabella miast, wsi, osad Królewstwa Polskiego) и Польской части Галиціи (Skorowidz wszystkich miejscowosci Galicyi i Lodomeryi Lwów 1855). Для Познани и польской части Силезіи и Пруссіи у насъ не было подъ рукою подобныхъ топографическихъ указателей, а на картахъ и въ географическихъ словаряхъ, намъ доступныхъ, тамошнія мѣстныя имена такъ искажены нѣмецкимъ произношеніемъ и правописаніемъ, что не годятся для нашей цѣли. Но и при такомъ недостаточномъ матеріалѣ, мы найдемъ поразительное сходство между мѣстными именами въ Польшѣ и въ самыхъ отдаленныхъ къ западу поселеніяхъ Балтійскихъ Славянъ: новое доказательство утверждаемаго нами тождества обоихъ народовъ, или вѣрнѣе сказать, обѣихъ вѣтвей Ляшскаго народа.

([1]) Рукоп. словарь Геннинга: онъ пишетъ Ljauchi, Ljeuchi.

([2]) Въ Польшѣ Dzierzkow.

([3]) Геннингъ: Clonzca.

([4]) Геннингъ пишетъ Tjörska, потому что въ XVII в. ганноверскіе Славяне постоянно передъ гласными смягчали гортанныя *г* и *к* въ *дь* и *ть*. Мы не считаемъ нужнымъ распространяться здѣсь о тѣхъ, довольно правильныхъ, измѣненіяхъ, которымъ подверглась ляшская рѣчь въ говорѣ Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ, какъ онъ намъ извѣстенъ изъ Геннингова словаря и разныхъ записокъ XVII и XVIII вѣка. Измѣненія эти указаны нами въ статьѣ: «Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ», напечатанной въ Прибавленіяхъ къ V-му тому «Извѣстій» II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Тамъ же приведены нами и тѣ, наиболѣе обыкновенныя, искаженія, которыя испытывали слова этого нарѣчія отъ нѣмецкаго слуха и правописанія.

ваемаго *вендскимъ*. Она идетъ на сѣверъ и потомъ на сѣверо-востокъ до дер. Witzetze im Drawehn (т. е. Осѣча (¹) въ Древянахъ). Отсюда граница *Вендской* земли идетъ на востокъ и потомъ на сѣверо-востокъ и у деревень Пресѣча (Pretzetze) и Лазъ (Laase) упирается въ Эльбу; по всей этой чертѣ тянется, ограждая *Вендскую* землю, непрерывная полоса болотъ, которыя въ старину считались непроходимыми, и отъ которыхъ теперь еще остаются, близъ Эльбы, глубокія топи, занимающія нѣсколько квадратныхъ миль. Граница современнаго Вендланда только въ одномъ означенномъ нами мѣстѣ (между дер. Pretzetze и Laase) примыкаетъ къ Эльбѣ, которая тутъ течетъ тоже прямо съ востока на западъ; отъ этой точки граница спускается съ сѣверо-запада къ юго-востоку, по широкой полосѣ лѣсовъ, отдѣляющей *вендскую* часть Гартовскаго округа отъ той, въ которой имя *Вендовъ* ужѐ изчезло. За ганноверскою деревнею Prezelle (Преселье) восточная граница *Вендланда* упирается подъ прямымъ угломъ въ границу Ганноверскаго королевства и принадлежащаго Пруссіи Зальцведельскаго округа. Южная граница *Вендланда*, по представленію самихъ ганноверскихъ *Вендовъ*, совпадаетъ съ прусскою границею, которая проведена вдоль болотистыхъ рѣчекъ и черезъ болотистые лѣса; въ дѣйствительности однако, сопредѣльныя съ Ганноверомъ Прусскія деревни въ этой сторонѣ, на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ г. Зальцведеля (который по-славянски назывался Лозди или Лоздѣй (²)) не только въ старину заселены были Славянами, но и донынѣ жители ихъ носятъ имя *Вендовъ*, хотя у нихъ преданіе о славянскомъ происхожденіи сохранилось гораздо слабѣе и менѣе ясно, нежели у ихъ ганноверскихъ сосѣдей.

Ганноверскій *Вендландъ* составляетъ, такимъ образомъ, островокъ рѣзко отдѣленный отъ окружающей страны своими топями, лѣсами и холмами. Эти природныя грани, безъ сомнѣнія, помогли славянской народности удержаться тутъ долѣе, чѣмъ въ окрестныхъ мѣстахъ. Притомъ же, вѣроятно, Славяне, когда двинулись за Эльбу

(¹) Польск. Osiecz, Osiecza. О правильности перехода имени Osiecza у Залабскихъ Славянъ въ Wisieca, которое нѣмцами передѣлано въ Witzetze, сравн. сказанное въ вышеупомянутой статьѣ.

(²) Losdy: см. Riedel, die Mark Brandenburg im Jahre 1250, I, 41. Не умѣю сказать, что значило это имя, но оно есть и въ Польшѣ, именно село Lozdzieje, Августовской губерніи, Сейненскаго уѣзда.

въ опустѣлыя земли Саксовъ, заняли этотъ уединенный и непривѣтливый край цѣликомъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ они разселились между нѣмецкими жителями. Въ настоящее время, послѣ девяти слишкомъ столѣтій нѣмецкаго владычества, мы находимъ въ Ганноверскомъ *Вендландѣ* только 17 или 18 селеній съ нѣмецкими именами, при огромномъ большинствѣ такихъ, которыя получили названія свои отъ Славянъ: это служитъ уже очевиднымъ свидѣтельствомъ, что этотъ уголокъ Саксонской земли нѣкогда занятъ былъ безсовмѣстно славянскими жителями.

При всей незначительности своего пространства (отъ 10 до 12 квадр. миль съ 25.000 жителей приблизительно; самое большое протяженіе съ запада на востокъ около 30 верстъ, съ сѣвера на югъ около 20), Ганноверскій *Вендландъ* дѣлится самимъ народомъ на три части, и дѣленіе это носитъ несомнѣнные признаки глубокой древности. Западная, плодороднѣйшая часть Вендланда, по рѣчку Ецe или Ецель (1), притокъ Эльбы, раздѣляющую Вендландъ на двѣ почти ровныя половины, называется теперь *der Drawehn*; въ древнихъ документахъ это имя пишется *Drevani* (2). Это, очевидно, *Древляне*, или, по произношенію западныхъ Славянъ, *Древяне* (3).

Въ восточной половинѣ Вендланда только юговосточной уголъ и сѣверная окраина имѣютъ особенныя названія. Первый именуется *der Lemgow;* это названіе есть искаженіе слова *Linegou*, какъ оно дѣйствительно пишется въ древнихъ актахъ (4), т. е. *волость* (нѣмецкое *gau*) *Линовъ;* а *Лины* или *Линоны*—нѣмецкая передѣлка славянскаго имени Глинянъ (5). Глинянъ мы часто встрѣчали въ

(1) Залабскіе Ляхи называли Ецель просто Рѣкою: словарь Геннинга: «grosse Jetze—willge reka» (чит. wiltja reka), «kleine Jetze—mola reka, faule Jetze, wo es morastig ist—ggnoala reza» (чит. gnoala reca, т. е. гнилорѣчье). Эльбу они называли Labi (у Геннинга Laby), т. е. Лабье (имя средняго рода, какъ и чешская форма Labe, древнѣе Labie, лужицкая Lòbjo).

(2) «Claniki (т. е. Clenze, по-слав. Клонска) in Drevani» въ грамотѣ Генриха II, 1004 г., см. Шафарика, Сл. Др. II, з. 153.

(3) Волость эта, въ свою очередь, дѣлится на верхнюю и нижнюю: *der untere Drawehn* на сѣверѣ, *der obere Drawehn* на югѣ. Мѣстность на югъ отъ села Bühlitz въ верхнихъ Древлянахъ называется теперь *der Gain*: это, вѣроятно, искаженное славянское названіе *гай*, т. е. роща: дѣйствительно, мѣстность эта до сихъ поръ особенно лѣсиста.

(4) См. Riedel, Mark Brandenb. I, 32.

(5) Это несомнѣнно доказано Шафарикомъ (Сл. Др. II, з. 150), и притомъ же подтверждается рукописями Эингарда, гдѣ вмѣсто *Linones* пишется *Hilinones*.

борьбѣ съ Нѣмцами въ эпоху Каролинговъ; они жили на восточномъ берегу Эльбы именно насупротивъ теперешняго *Lemgow*. Мы видимъ тутъ очевидный слѣдъ перехода части этого племени на нѣмецкую сторону рѣки. Племеннаго названія своего, принятаго отъ почвы, на какой они жили, Глиняне-переселенцы не имѣли нужды мѣнять, потому что юговосточный уголъ Вендланда дѣйствительно отличается обиліемъ глины, тогда какъ западная часть его, жилище Древлянъ, до сихъ поръ представляетъ слѣды лѣсистой мѣстности.

Наконецъ, сѣверовосточная, покрытая топями, часть Ганноверскаго Вендланда, называется теперь *die Lucie*. Этого имени мы въ древнихъ документахъ не встрѣчаемъ; но имѣя передъ собою Древлянъ и Глинянъ, прозванныхъ, очевидно, по свойству мѣстности, мы полагаемъ, что теперешнее *Lucie* есть остатокъ древняго славянскаго имени *Луки* или *Лучье*, т. е. луга, болота (¹), и что жители этой низменной части Вендланда назывались *Лучанами*, какъ жители лѣсистой стороны—*Древлянами*, жители глинистыхъ полей—*Глинянами*.

Такимъ образомъ, Славяне, переселившіеся, какъ видно, около 900 года, на лѣвый берегъ Эльбы, найдя себѣ уголокъ, въ которомъ могли сдѣлаться полными хозяевами, устроились тамъ мирными общинами (²) и, какъ говоритъ Несторъ про ихъ братій на

Замѣтимъ кстати, что городъ Люнебургъ назывался Залабскими Ляхами Glejn (Glein у Геннинга).

(¹) Единственное сомнѣніе въ этомъ объясненіи возбуждаетъ отсутствіе носоваго звука, который требуется этимологіею и характеромъ языка Балтійскихъ Ляховъ въ словѣ лукъ, лука; но, не говоря о томъ, что форма *Lucie* вмѣсто *Luncie*, которой слѣдовало бы ожидать, могла произойти отъ позднѣйшаго нѣмецкаго искаженія,—именно корень *лук* и *луг* теряетъ часто свой носовой звукъ въ самомъ языкѣ Ляшскаго племени, вообще такъ твердо хранящаго эти звуки. Въ Польшѣ, даже въ краяхъ отдаленныхъ отъ возможнаго вліянія русской рѣчи, мы находимъ множество мѣстностей Лугъ, Луги, Лукава, Лукомъ, Лукова, и т. под.

(²) Я говорю объ общинномъ характерѣ Славянъ-колонистовъ за Эльбой не по предвзятой теоріи. До сихъ поръ, не смотря на господство нѣмецкихъ гражданскихъ отношеній, люди, коротко знакомые съ бытомъ Ганноверскихъ *Вендовъ*, замѣчаютъ въ нихъ гораздо большую силу общиннаго элемента, нежели въ Германцахъ. Впрочемъ, самая наружность *Вендскихъ* селеній свидѣтельствуетъ объ ихъ общинномъ характерѣ: они всѣ построены кругомъ или, вѣрнѣе сказать, въ формѣ подковы, такъ что въ деревню остается только одинъ въѣздъ; избы, одна подлѣ другой, обращены всѣ лицомъ на круглую площадь посреди деревни; среди площади почти вездѣ возвышается старое, развѣсистое дерево, или нѣсколько

Руси, — *прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ.*

Въ Ганноверскомъ Вендландѣ мы находимъ слѣдующія мѣстности съ славянскими именами (¹):

1) Нижніе Древляне (der untere Drawehn):

Въ Данненбергскомъ округѣ:

Iameln—польск. Iamielna.

деревьевъ, подъ которыми народъ (въ силу теперешнихъ законовъ, одни хозяева собирается на совѣщаніе. Въ концѣ XVII вѣка, по свидѣтельству записокъ одного уроженца Вендланда, среди деревенской площади почти вездѣ стояла общественная изба (тоже, что говорятъ жизнеописатели Оттона Бамбергскаго о городахъ Поморянъ въ началѣ XII столѣтія); эти общественныя избы истреблены были въ Ганноверскомъ Вендландѣ около 1700 года.—Впрочемъ, мы предполагаемъ посвятить особую статью описанію быта и преданій этого славянскаго уголка въ Германіи, лично осмотрѣннаго нами во всей подробности.

(¹) Мы предлагаемъ здѣсь, на основаніи мѣстныхъ названій, опытъ топографіи славянскихъ поселеній на западномъ берегу Эльбы. Для приблизительнаго опредѣленія славянскихъ формъ этихъ, искаженныхъ нѣмецкимъ произношеніемъ, названій, мы прежде всего прибѣгаемъ къ названіямъ мѣстностей въ Польшѣ, заимствуя ихъ изъ упомянутыхъ выше «Tabella miast, wsi, osad Królewstwa Polskiego» и «Skorowidz miejscowości Galicyi i Lodomeryi. Читатель увидитъ, что по крайней мѣрѣ три четверти славянскихъ названій, встрѣчающихся за Эльбою, повторяются и въ Польскихъ земляхъ. При сравненіи ихъ, надобно имѣть въ виду, кромѣ случайныхъ искаженій отъ нѣмецкаго вліянія, и тѣ звуковыя измѣненія, которымъ рѣчь Залабскихъ Ляховъ подверглась съ теченіемъ времени и на которыя указано въ упомянутой выше статьѣ: «Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ»; надобно еще имѣть въ виду и то, что языкъ Прибалтійскихъ и Залабскихъ Ляховъ охранилъ, съ другой стороны, нѣкоторые звуки отъ измѣненій, которымъ они подверглись у Поляковъ въ позднее время, т. е. послѣ обособленія польскаго языка отъ языка западныхъ (теперь исчезнувшихъ) Ляховъ; такъ Балтійскіе и Залабскіе Ляхи не допустили превращенія звуковъ *r*, *d* и *t*, при смягченіи, въ *rz*, *dz* и *c*, какъ это случилось въ рѣчи Ляховъ восточныхъ (Поляковъ).—Тѣ названія, которымъ нѣтъ аналогіи въ доступныхъ намъ сборникахъ польскихъ мѣстныхъ именъ (къ сожалѣнію, повторяемъ, мы принуждены въ этомъ отношеніи ограничиться Царствомъ Польскимъ и западною Галиціею), —мы большею частію встрѣтимъ или въ Чехіи, или въ землѣ Лужичанъ. Нашъ матеріалъ въ этомъ отношеніи: «Popis Králowstwi Českého» Палацкаго; «Niederlausitzisch - wendisch—deutsches Handwörterbuch v. Zwahr;» «Serbski slownik od Dra Pfula».

При всей недостаточности своей и ограниченности разсматриваемаго пространства, мы надѣемся, что предлагаемый трудъ будетъ не безполезенъ, не только въ историческомъ отношеніи, чтобы показать распространеніе славянской колонизаціи на западномъ берегу Эльбы, но и какъ первый шагъ къ систематическому своду и объясненію того громаднаго количества топографическихъ названій, которыя остались памятникомъ минувшихъ поколѣній славянскихъ въ странахъ, отвоеванныхъ у Славянъ чужими народами.

Breselenz (село): (Брѣзя лѫка, березовый лугъ).
Breustian—польск. Brześciany.
Sareitz—польск. Zarzycz, Zarzyce, Zarzecze.
Maddau (Медово).

Въ Люховскомъ округѣ:

Grabow—польск. Grabów.
Boitau—польск. Bytów.
Carmitz—польск. Karnice.
Crummasel или Crumoisel (с)—Кромѣмышль, сравн. чешск. Кромѣрижъ.
Saggrian—польск. Zagorzany.
Tüschau—польск. Tuszów.
Witzetze (im Drawehn), Польск. Osiecza.
Sallahn—польск. Zielone.
Witfeitzen—польск. Witowice.
Dommatzen—польск. Domanice, Domaszno.
Kröte, сравн. чешск. Кротивъ.
Waddeweitz, сравн. чешск. Вадковице.
Dickfeitzen—чешск. Тыковице.
Gaddau—польск. Gadowo.
Zebbelin (с)—польск. Czepielin.
Marlin, сравн. польск. Mierzwin.
Tolstefanz—Толстоѫсы, чешск. Тлустоваусы.
Göttien, сравн. польск. Guty, Gutowo.
Belitz—польск. Bielice.
Reitze—польск. Rycze.

2) Верхніе Древляне (der obere Drawehn):

Lübeln—польск. Lublin.
Gühlitz—польск. Golice.
Satemin (с)—польск. Secemin.
Güstritz—польск. Ostrzyca.
Nauden—Нудно, сравн. чешск. Nauzow.
Luckau—польск. Łukowa.
Schreyahn, сравн. польск. Skrzany.
Lensian—польск. Łężyn.
Ganse—польск. Gąsne.

Iabel—польск. Iabłoń.
Serau (im Drawehn) — Жерава, ниж. луж. Жаровъ (Sorau), сравн. польск. Żerań, Żerocin, Żeromin, и друг.
Meuchefitz—Муховицы, сравн. польск. Muchnice.
Naulitz, срав. верх. луж. Новослице (Nausslitz).
Süthen—польск. Sycyna.
Küsten (c)—польск. Kościany.
Schwiepke.
Kremlin—польск. Krzemienin.
Köhlen—польск. Kolno.
Mamoisel (Мамышль).
Bühlitz (c)—польск. Bielice.
Beesem—польск. Biezeń, Biezun.
Dalitz—польск. Dalowice.
Cassau—польск. Kaszew.
Brüchau—польск. Brochów.
Iiggel, сравн. польск. Iigłówka.
Starrel, сравн. польск. Starzyny.
Bösen—польск. Biezeń.
Mützen—польск. Moczuny.
Clenze (мѣстечко), по-слав. Клонска.
Lefitz, сравн. польск. Lewiczyn.
Corvin, польск. Korwin.
Guhreitzen, чешск. Горице.
Sachau—польск. Sachów.
Zeetze—польск. Sieceń.
Bussau (c)—польск. Bosewo.
Priesseck—польск. Przysieka.
Reddereitz—польск. Radoryż.
Bausen, чешск. Боуснице, Боусовъ.

3) Средняя часть Вендланда:

Lüsen—польск. Łyziny, Łuszna.
Gollau—Голава, польск. Goławice.
Plate (c)—польск. Plato.
Lüchow (городъ), см выше.

Reetze—польск. Rycze.
Ieetzel—польск. Iaśnia (1).
Neritz, сравн. польск. Nierawy.
Klennow—польск. Kleniewo, Klonów.
Dolgow—Долгово, сравн. польск. Dlugoiów.
Wustrow (городъ)—польск. Ostrów.
Lübbau—польск. Lubów.
Bösel, ср. выше Bösen.
Saasse.
Reddebeitz—Радовицы, (у южн. Слав.), польск. Radomice.
Tarmitz—Търницы, сравн. польск. Tarnów.
Breese—польск. Brzezia, Brzezie.
Thurau—польск. Turowo.

Въ Гартовскомъ округѣ:

Crautse—польск. Krusze.
Vasentien—польск. Osięciny
Nemitz—польск. Niemiec.
Trebel (с)—польск. Trzebeń, Trzeblinka.
Clautze, —польск. Klucze.
Lanze (с), срав. польск. Łaczna.
Prezelle (с)—Преселье.

4) Такъ называемая Lucie.

Въ Данненбергскомъ округѣ:

Liepe—польск. Lipa, Lipie.
Soven—польск. Sowin, Sobiń.
Zadrau.
Siemen—польск. Zimna.
Pretzeeze—чешск. Присече.
Laase—польск. Łazy.

Въ Гартовскомъ округѣ:

Gedelitz—польск. Jedlica.

(1) Деревня эта носитъ тоже названіе, что рѣка Ieetzel, которая въ старинныхъ памятникахъ именуется Iesna; очевидно, что теперешняя форма есть искаженіе славянскаго *Яска*. Впрочемъ, какъ видно изъ словаря Геннинга (см. выше), рѣчка эта въ XVII в. называлась Древлянами просто: Reka.

Въ Люховскомъ округѣ:

Serau (in der Lucie), см. выше.
Ranzau, сравн. польск. Ręczaje, Ręczno.
Pannecke—польск. Panki.
Liepe см. выше.

5) Глиняне, такъ называемый Lemgow:

Въ Люховскомъ округѣ:

Puttball—Подвалъ или польск. Podbiel.
Schweskau.
Trabuhn—польск. Trzebuń.
Predohl (c)—чешск. Прйдоли
Criwitz,—польск. Krzywica.
Prezier—польск. Przyzorz.
Witzeetze im Lemgow—польск. Osiecze.
Simander.
Schletau—польск. Słotowo.
Schmarsau—польск. Smarzewo.

Въ Гартовскомъ округѣ:

Lomitz (c)—польск. Lomnica.

Нынѣшній Ганноверскій *Вендландъ* есть только небольшой остатокъ бывшихъ въ старину славянскихъ поселеній въ сѣверной Германіи, на лѣвомъ берегу Эльбы. Еще въ прошедшемъ столѣтіи помнили о томъ, что весь Данненбергскій, Гитцакерскій и Гартовскій округи были въ прежнее время населены Славянами, и часто распространяли имя Вендланда на весь край отъ большаго заповѣднаго лѣса *Göhrde* на югъ до прусской границы и на западъ до Эльбы, т. е. на весь треугольникъ, составляющій юговосточную оконечность Ганноверскаго королевства,

Въ эпоху Каролинговъ весь этотъ край принадлежалъ, судя по тогдашнимъ памятникамъ, къ землѣ (или волости) [1] Бардовъ—

---

[1] За неимѣніемъ лучшаго, мы передаемъ нѣмецкій терминъ *gau* словами волость или земля; *gau* (въ средне-вѣковыхъ латинскихъ памятникахъ *pagus*) было подраздѣленіемъ *племени* и имѣло свою внутреннюю самостоятельность, управля-

Bardengawe—сѣверовосточной части племени Саксовъ-Остфаловъ. Въ слѣдующую затѣмъ эпоху (X, XI и XII стол.) мы видимъ уже подраздѣленіе этой земли: бо́льшая, сѣверная часть ея сохраняетъ свое нѣмецкое названіе *Bardengow*, а южная превратилась въ двѣ славянскія волости, Drevani (Древляне) и Linegou (земля Глинянъ). По всей вѣроятности въ эту эпоху края Древлянъ и Глинянъ занимали не то малое пространство, за которымъ имена ихъ остались теперь; но мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній для точнаго опредѣленія ихъ древнихъ границъ. Во всякомъ случаѣ, славянская колонизація, которую мы застаемъ въ X вѣкѣ, не ограничивалась южною частью древней Бардской земли, получившею чистославянскій характеръ *жупы* Древлянской и Глинянской, а проникла и въ сѣверную ея часть, гдѣ нѣмецкая стихія сохранила свое господство. Мѣстныя названія служатъ вѣрнымъ признакомъ объема славянской колонизаціи и ея относительной густоты. Въ иныхъ мѣстахъ встрѣчается кое-гдѣ одинокое имя, напоминающее о Славянахъ, среди множества именъ нѣмецкихъ; въ другихъ, славянскія названія являются въ большинствѣ, цѣлыми группами, среди которыхъ одиноко выглядываетъ имя нѣмецкое.

Самый дальній на сѣверѣ въ этой странѣ, древнемъ Барденгау, слѣдъ славянства есть такъ называемое *Schlanen-Lohnfeld* (т. е. наемное поле Славянъ), мѣстность на сѣверъ отъ стариннаго торговаго города Бардовика, недалеко отъ устья рѣки Ильменау, отъ впаденія которой въ Эльбу до Гарбурга считается съ небольшимъ 2 мили. Рѣка Ильменау течетъ съ юговостока на сѣверозападъ, большею частію черезъ такъ называемую *Lüneburger Heide* (Люнебургскую пустошь), на протяженіи приблизительно 100 верстъ, и замѣчательно, что около нея сосредоточивается цѣлая группа рѣчекъ и ручьевъ, имена которыхъ звучатъ почти всѣ по славянски. Съ лѣвой стороны мы находимъ рѣчки *Bühna*, *Hardau*, *Gerdau* съ притокомъ *Schwienau*, *Roddau* и, наконенъ *Lopau* (¹) (притокъ Luhe, впадающей въ Ильменау); съ правой, рѣчки *Esterau* (иначе *Steterau*), *Wipperau*, *Neetze* (²) и наконецъ, рукавъ самой Ильменау, который называется *Ilau*. Между тѣмъ, нѣсколько далѣе на

лось своимъ графомъ: нѣмецкому *gau* соотвѣтствовала у западныхъ и южныхъ Славянъ *жупа*.

(¹) Сравн. Лопава (Lupow) въ восточной Помераніи.

(²) Сравн. Netze, по-польски Notec, въ Прусской Польшѣ.

западъ, рѣки и рѣчки, принадлежащія къ другому водостоку; къ системѣ Везера, имѣютъ названія, по звукамъ чисто нѣмецкія.

Имена Ильменовы, Лопавы и др. потому странны и загадочны, что ихъ окружаетъ масса селъ и деревень съ названіями нѣмецкими. На западной сторонѣ Ильменовы нѣтъ мѣстностей съ славянскими именами; только верстахъ въ 25 отъ г. Люнебурга (въ 10 верстахъ на сѣверъ отъ г. *Uelzen*) мы находимъ названія, которыя говорятъ о томъ, что тутъ нѣкогда славянскія поселенія встрѣчались съ нѣмецкими; именно, тутъ другъ подлѣ друга лежатъ *Vinstedt*, *Taetendorf*, *Sasendorf*, т. е. очевидно, *Wendstädt*, *Teutendorf*, *Sachsendorf*, вендское мѣсто, нѣмецкая деревня, деревня Саксовъ. Подобныя названія, т. е. деревня такого-то или другаго народа, могутъ существовать только тамъ, гдѣ нѣкогда сходились два племени, гдѣ народонаселеніе было смѣшанное.—На восточной сторонѣ р. Ильменау является больше слѣдовъ Славянства, но тоже разбросанные среди сплошной массы нѣмецкихъ именъ. Подъ самымъ Люнебургомъ, главнымъ городомъ всей этой страны, есть дер. *Wenhausen* (т. е. славянское жилье), есть *Wendisch-Evern* подлѣ *Deutsch-Evern*. Если мы отъ города Лауенбурга поднимемся верстъ 12 вверхъ противъ теченія Эльбы, то мы встрѣтимъ тамъ, насупротивъ края древнихъ Бытенцевъ и Смольнянъ, первыя на сѣверѣ имена славянскихъ селеній въ землѣ Саксовъ: с. Radegast (т. е. Радигощь), с. Gartze (т. е. Гардецъ, Градецъ); тутъ же, подъ городомъ *Bleckede* мы найдемъ славянскую деревню (*wendisch Bleckede*) и въ двухъ верстахъ оттуда *Alt Wendischthun* (¹). Отъ города *Bleckede* поднявшись еще верстъ 10 на юговостокъ вверхъ по Эльбѣ, начинаются славянскія имена цѣлыми группами, занимая восточный край Даленбургскаго и весь Гитцакерскій, Данненбергскій, и далѣе на югъ Гартовскій округъ и примыкая непосредственно къ теперешнему Вендланду, къ которому эта страна, какъ мы сказали, въ старину причислялась.

Въ Даленбургскомъ округѣ:

Catemin—Хотоминъ, срави. польск. Chotomów
Neu-Darchau (²)—польск. Drochów.

(¹) *Neu Wendischthun* лежитъ на противоположномъ берегу Эльбы.
(²) Alt-Darchau находится на противоположномъ берегу Эльбы,

Tosterglope.
Ventschau—польск. Wężewo.
Nüdelitz (Новодѣлицы, ср. польск. Nowodzice).
Kovahl—польск. Kowal.
Neestahl, сравн. польск. Niestanice, Nięstachów.
Tangsehl, сравн. польск. Tązowy.
Breese—польск. Brzezia и Brzezie.
Lüben—польск. Lubno.
Pommoissel—чешск. Помышль.
Nieperfitz.
Dübberkold—Добры хладъ (?).

Въ Гитцакерскомъ округѣ; по Эльбѣ:

Klein Kühren (¹)—Курно, сравн. польск. Kurniki.
Schutschur.
Glienitz—польск. Glinice.
Tiessau—Тисова, польск. Cisowa.
Meudelfitz—польск. Mydłowice.
г. Hitzacker, называвшійся по-славянски въ XVII стол. Лауцтивъ (²), искаженіемъ слова Лучковъ—польск. Łuczkowo.
Wussegel.
Grabau—польск. Grabowa.
Strachau—польск. Strachów.
Penckefitz—польск. Pankowce.

Внутри страны, на сѣверъ и западъ отъ большаго лѣса *Göhrde:*

Darzau—чешск. Држовъ.
Sammatz—польск. Samowicze.
Wietzetze, см. выше.
Im Radelitz (урочище)—Радлицы, польск. Radliczyce.
Govelien.
Pussade—Посады, польск. Posadów, чешск. Посада.
Seerau, см. выше.
Kähmen—польск. Kamień.

(¹) Gross-Kühren лежитъ на правомъ берегу Эльбы.
(²) Геннингъ пишетъ Lgautztgi.

Schmessau, сравн. чешск. Смечице, Смечно.
Schmardau—польск. Smardzów.
Wrechau—Ворѣхово, польск. Orzechowo.
Parpar—Прапоръ; сравн. чешск. Препере.
Ribrau с.—Рѣброво, сравн. польск. Żebry.
Breese, см. выше.
Wedderin—Ведрино.
Pudripp—Подрипъ (сравн. Рипъ, древнее названіе горы у Чеховъ).
Mehlfiel, сравн. ниже Mehlfien—Мѣловина.
Timmeitz—чешск. Тѣмице.
Zernien—чешск. Чернинъ.
Bellahn—польск. Bielany.
Fliessau.
Spranz.
Redemoissel—польск. Radomysl.
Middefeitz—Медовица.

Въ Данненбергскомъ округѣ, по Эльбѣ:

Barnitz—Барницы, польск. Bronice.
Damnatz (с), польск. Domanice, Domaniż.

Внутри страны:

Cacherien.
Splietau.
Breese, см. выше.
Sipnitz—Сыпница, сравн. польск. Sypniewo.
Predöhl—Придолъ, чешск. Прдолй.
Streetz,—польск. Strojec.
Lüggau—польск. Ługów.
г. Данненбергъ, называвшійся по-славянски въ XVII стол. Weidörs, т. е. Выдержъ, сравн. чешск. Выдржице (1).
Schmarsau, см. выше.
Bückau—польск. Buków, Bukowa, Bukowo.
Prisser—польск. Przyzorz.

---

(1) Это имя въ каталогѣ чешскихъ селеній, изданномъ Палацкимъ, написано Выджице, Виджице: и то и другое противно единственной возможной этимологіи, требующей формы Выдржице.

Thunpadel—польск. Tupadły (вмѣсто Tępadły).
Carwitz—польск. Karwice.
Lenzen, польск. Łęczno.
Nausen, сравн. чешск. Поузовъ.
Dragahn—польск. Draganic.
Gamehlen—польск. Gomolin.
Wibbese (c.)
Mehlfien—Мѣловина.
Volkfien—Волковина, сравн. польск. Wilkowizna.
Breese im Bruch (c.) сравн. выше.
Въ Гартовскомъ округѣ (насупротивъ земли древняго племени Глинянъ): по Эльбѣ:
Pölitz, польск. Police.
Meetschow, сравн. польск. Miecze, Mieczyn, чешск. Мечовъ.
Внутри страны:
Gummern, польск. Komarno.
Kapern.
г. Gartow, по-славянски въ XVII в. Gorsty, искаженіе формы Гордско—польск. Grodzisko.
Wirl, польск. Orle.
Gedelitz, см. выше.
г. Schnackenburg, по-славянски въ XVII в. Godegard, искаженіе формы Гадій-гардъ, т. е. Гадій-градъ, городъ гадовъ (змѣй), тоже, что значитъ и нѣмецкое названіе.

Мы обозрѣли всѣ славянскія поселенія на сѣверъ отъ теперешняго Ганноверскаго Вендланда. Селенія эти, какъ мы видѣли, начинаются группами въ трехъ съ небольшимъ миляхъ выше Лауенбурга, и ограничиваются къ западу чертою, которая была бы проведена отсюда прямо на югъ къ большому лѣсу *Göhrde*. Лѣсъ этотъ, который и теперь славится во всей странѣ своимъ пространствомъ и густотою, а въ древности былъ, конечно, несравненно значительнѣе, остановилъ, должно быть, движеніе славянской колонизаціи, шедшей за Эльбу на западъ. Дѣйствительно, за этимъ лѣсомъ мы находимъ только два одинокихъ селенія, напоминающія о Славянахъ: Vindorf (Вендская деревня) и Boitze. А если мы продолжимъ отъ лѣса Göhrde прежнюю черту прямо на югъ, до самой

прусской границы, то и тутъ получимъ предѣлъ славянскихъ поселенiй. Они простирались такимъ образомъ на западъ и сѣверо-западъ отъ 1½ до 2 миль далѣе нынѣшняго *Вендланда*, занимая восточную часть округовъ Ольденштадтскаго и Бодентейхскаго:

Въ Ольденштадтскомъ округѣ:

Boicke, сравн. польск. Boiska.
Schlankau—Слѧково.
Zieritz, сравн. чешск. Жирецъ, Жиречъ.
Stoitze—Стоицы.
Törwe—польск. Turowo.
Gross Malchau—польск. Malachów.
Glienitz—польск. Glinice.
Sellien—польск. Zieluń.
Reddien—польск. Radonia, Raduń.
Nievelitz—чешск. Неволице.
Schmölau—польск. Smolewo.
Bankevitz—польск. Bąkowiec.
Probien, сравн чешск. Пробыловъ.
Schwemlitz—чешск. Свѣмыслице.
Polau—Полево.
Katzien—польск. Kaczyn.
Prielip—Прилипъ (сербск.), чешск. Прилѣпы.
Klein Malchau, см. выше.
Iarlitz—польск. Iarnice.
Gansau—польск. Gąsewo.
Rassau—польск. Raszewo.
Schlieckau—чешск. Славиковъ.

Въ Бодентейхскомъ округѣ:

Dallahn—Даляны, сравн. польск. Dalanowo.
Sattkau—польск. Sadków, Sadkowo.
Meussliessen—польск. Mysliszowice.
Grabau—польск. Grabów.
Nestau, сравн. польск. Nieszków.
Prezier, см. выше.
Növenthien—Новѧтинъ.
Güstau, сравн. польск. Gostwica, Gostkowo, чешск. Гостовице.

Köhlau—польск. Kołowo.
Solkau—польск. Żolkiew.
Loitze—польск. Łoiowice.
Lütenthien, сравн. польск. Lutocin.
Proitze.
Göhrde, см. выше.
Schnega (с.)—Снѣгова, сравн. польск. Sniegula, чешск. Снѣговъ.
Varbitz—польск. Wierzbica.
Kakau—польск. Kakawa.
Kattien—польск. Katyny.
Thielitz—польск. Cielce.

Сюда же принадлежитъ западная оконечность Люховскаго округа, именно: мѣстечко Bergen, по-слав. Tjörska (1) т. е. Горско.

Bantzau, сравн. полск. Bęczków, Bęczkowo.
Belau—польск. Bielawa.
Luskau (урочище), польск. Łuszków.
Küblitz, сравн. польск. Kielce или Kolińce
Gielau—польск. Gilów.

Если мы продолжимъ еще дальше на югъ ту же черту, составлявшую западный предѣлъ славянскихъ поселеній за Эльбой, то черта эта будетъ совпадать съ границею, отдѣляющею нынѣ ганноверскія владѣнія отъ западной части Зальцведельскаго округа въ Пруссіи. На прусской сторонѣ мы найдемъ тутъ множество славянскихъ именъ, на ганноверской все одни нѣмецкія (2). Замѣчательно, что граница эта, образуемая почти на цѣломъ ея протяженіи рѣкою Ohre, пролегала тутъ съ самыхъ древнихъ временъ: въ X вѣкѣ она отдѣляла двѣ саксонскія волости, *Witinga* (въ тепер. Ганноверскихъ владѣніяхъ) и *Osterwaldi* (въ тепер. Пруссіи). Славянская колонизація наполнила вторую и почти не коснулась первой.

На югъ отъ древняго *Bardengau* или Люнебургскаго края и отъ Ганноверскаго Вендланда, лежитъ, примыкая непосредственно къ

(1) Геннингъ; правильнѣе было бы Djörska.

(2) За исключеніемъ нѣсколькихъ селеній у самой пограничной черты, какъ-то Lüben (польск. Łubno), Plastau (сравн. чешск. Пластовице), Behnitz (польск. Bieniec), Parsau (польск. Parszów) и одного нѣсколько дальше: Oerrel (польск. Orzoł, Orle, Orło).

послѣднему, страна, извѣстная подъ именемъ *Altmark* (Старая Марка) и называемая такъ въ противоположность Новой Маркѣ бранденбургской, образовавшейся на покоренной Нѣмцами славянской землѣ по ту сторону Эльбы. Теперь страна эта присоединена, оффиціально, къ прусской провинціи Саксоніи (Provinz Sachsen), но въ общежитіи сохраняетъ свое наименованіе *Altmark*.

Она была колыбелью прусскаго государства. Мы въ послѣдствіи увидимъ, какъ въ этомъ краѣ образовалась сильная военная украина и какъ отсюда пошло завоевательное движеніе Германіи на правый берегъ Эльбы.

Въ составъ Старой Марки вошли древнія нѣмецкія волости (gaue) Osterwaldi, Belxa (иначе Balsamia) и Mosidi.—Кромѣ того, тѣсно связаны съ нею исторически двѣ, лежащія на югъ отъ предъидущихъ, волости Nordthuringo и Nordsuevego; послѣдняя составляла южную окраину Саксонской земли и граничила съ Турингіею. Всѣ эти края получили весьма сильную славянскую колонизацію, и по всѣмъ признакамъ, именно въ ту же эпоху, какъ сосѣдняя Люнебургская страна, т. е. въ концѣ IX и началѣ X столѣтія. Получили они эту колонизацію, безъ сомнѣнія, отъ ближайшихъ славянскихъ племенъ, обитавшихъ на противоположномъ берегу Эльбы и на которыя распространялось общее названіе Брежанъ и Стодорянъ.

Волость Osterwaldi занимала сѣверовосточную часть нынѣшняго Остербургскаго округа съ городами *Seehausen* и *Arendsee*, примыкая на протяженіи нѣсколькихъ миль къ извилистому теченію Эльбы, и простиралась далеко на западъ и югозападъ, обнимая весь нынѣшній Зальцведельскій и западную половину Гарделенгенскаго округа.

Въ этой волости мы находимъ Славянскія мѣстныя имена въ изобиліи, а именно:

1) *Въ сѣверовосточной части Остербургскаго округа*, у Эльбы и близъ Ганноверскаго Lemgow, насупротивъ края древнихъ Глинянъ и Нелѣтичей:

Stresow—польск. Strzeżów.
Wanzer—польск. Wążerów.
Böhmenzien (вмѣсто Wöhmenzien)—польск. Omięcin.
Drösede—польск. Drozdy.
Der Zeilitz (роща), польск. Sielice.

Aulosen—польск. Ułęże.
Pollitz—польск. Police.
Pretzier—польск. Przyzor.
Gartz—Гардецъ, т. е. Градецъ.
Ieggel—польск. Ieglewo.
Crüden, въ стар. Kruysen,—польск. Kruszyna.
Beuster—польск. Bystro.
Zehren—польск. Żerań, Żerzeń.
Leppin—польск. Lipiny.
Genzin—польск. Gężyn.
Gestien—польск. Gostynie.
Ziessau, въ старину Szissow, чешск. Жижовъ.
г. Seehausen, по-славянски Wungörjunty (¹), т. е. Вѫгърaты, сравн. польск. Węgrzce, чешск. Угретище.

2) *Въ югозападной части Остербургскаго округа*, между ганноверскою границею и р. *Biese*:

Drüsedau—польск. Drozdów.
Polkern.
Krevese (¹)—польск. Krzywice.
Bretsch—Брѣще, польск. Brzeszcze.
Priemern—Премѣрно, сравн. польск. Przemiarowo.
Dewitz—чешск. Девице.
Kossebau—польск. Koziobudy (?).
Gladigau—Гладиховъ, сравн. польск. Gładyszów.
Kleinau—польск. Klinowo.
Dessau, сравн. серб. Дежево.
Lohne—польск. Łony.
Kerkau или Karkow—польск. Karkowo.
Velgau—польск. Wielkowo.
Bukow—польск. Buków.
Kallehne—польск. Kalino.
Kassuhn—польск. Kazuń.

(¹) У Геннинга Wunggörjungty.

(¹) Ридель (die Mark Brandenb. I, 109) отождествляетъ эту деревню съ древнимъ Zerwest; но такой фонетическій переходъ кажется невозможнымъ. Древнее Zerwest есть, очевидно, *Сербище*, имя встрѣчающееся и въ другихъ мѣстахъ у сѣверо-западныхъ Славянъ; съ *Krevese*, т. е. Кривицы, Кривичи, оно едва-ли можетъ имѣть что-нибудь общее. Древнее *Zerwest*, вѣроятно, исчезло.

Schernichau—польск. Czernichów.
Kerkuhn, сравн. польск. Karkowo, Karkosy.
Zühlen—польск. Sulina.
Kladen—польск. Kłodna.
Kraatz, сравн. польск. Kraczów.
Mechau—польск. Miechów.
Kaulitz (древн. Kovlitz)—польск. Kowalewice.
г. Arendsee, по-славянски Wlasdeiske ([1]), т. е. Властѣй-ско или правильнѣе Властѣевско — чешск. Властѣйовско.

Въ этомъ же краѣ были, исчезнувшія нынѣ, деревни:
Noyden.
Szatun—польск. Szatunie.
Baudissin: Будышинъ у Лужичанъ, польск. Budzieszyn.
Grindel, сравн. польск. Grędzice.

3) *Въ Зальцведельскомъ округѣ:*

Rademien—польск. Radzymin.
Lübbars, сравн. польск. Lubierz.
Brunau—польск. Bronów.
Mehrin—польск. Mierzyn.
Vinau—польск. Winiawa.
Dolchau—польск. Dalechowy.
Molitz—польск. Malice.
Störpke,—польск. Stropkowo.
Thuritz—польск. Turzec, чешск. Турице.
Ieggeleben—польск. Jeglewo.
Zierau—польск. Siarzewo.
Mösenthien, сравн. чешск. Мужетице.
Cheinitz—чешск. Хынице, Хейнице.
Baars—польск. Barszcze.
Buchwitz—польск. Bukowice.
Liesten—Листно, польск. Lisno.
Gartz—Гардецъ, польск. Grodziec.
Deutsch-Pretzier, см. выше.
Riebau—польск. Grzybów.

([1]) По словарю языка Ганноверскихъ Славянъ, Геннинга.

Chüden, сравн. чешск. Худенице.
Jahrsau—польск. Jaroszewo.
Jebel—польск. Jabłon.
Perwer—польск. Przywory.
Chüttlitz—польск. Kotlice.
г. Salzwedel, по-слав. Losdy, т. е. Лоздіи (см. выше).
Brietz—польск. Brześć.
Cheine—чешск. Хыновъ, Хынице, Хынинъ.
Seeben, сравн. чешск. Жебнице.
Darsekau—польск. Dzierżków.
Wiebelitz—польск. Obelica.
Kemnitz—польск. Kamienica.
Ziethnitz—чешск. Житенице.
Gieseritz—польск. Iezierzec.
Sienau, сравн. чешск. Жиняны, Жинице.
Brewitz—чешск. Бревнице.
Wöpel—польск. Opole.
Valfitz—польск. Walewice.
Gischau—польск. Jeżewo.
Kaeckelitz, сравн. чешск. Каковице.
Poppau—польск. Popów.
Bandau, сравн. польск. Bądków, Bądzyn.
Peertz, сравн. польск. Piersk.
Nesenitz—Нѣженица, сравн. чешск. Нѣжовице.
Dönitz, сравн. чешск. Донинъ, Доньовъ.
Köbbelitz—польск. Kobielice.
Ferchau—чешск. Врховѣ.
Reppin—польск. Rzepin.
Cunrau—польск. Konarzewo.
Germenau—польск. Ierzmanowo.
Mellin—польск. Melno.
Netgau.
Jübar—польск. Jawór.

Въ сѣверо-западной части этого округа, за рѣкою Dumme, на границѣ древняго края Witinga, слѣды Славянъ малочисленнѣе; тутъ мы находимъ только:

Kleistau—польск. Chełstowo.

Schmölau—польск. Smolewo
и Wendisch—Horst.

4) *Въ западной части Гарделегенскаго округа:*

Weteritz—польск. Wiatrowice.
Wustrewe—польск. Ostrów.
Brüchau—польск. Brochów.
Iemmeritz—польск. Iamirzewice.
Pansau—польск. Panoszew.
Zichtau, сравн. польск. Żychcice.
Schwiesau—польск. Swieżawy.
Döllnitz—польск. Dolnica.
Zartau—польск. Czartowo.
Łupitz, сравн. польск. Łupki, Łupicha.
Ieggau, сравн. польск. Ieglewo.
Tarnewitz—польск. Tarnowiec.
Sichau—польск. Żychów.
Solpke, Слупки, сравн. польск. Słupiec, Słupica.
Peckwitz—чешск. Пековице.
Röwitz—польск. Rowce.
Wernitz—польск. Wierznica.
Sachow—польск. Zachowo.

Югозападная часть этого округа, составлявшая южную оконечность края Osterwaldi, покрытая болотами и лѣсами и называвшаяся въ древности *Thrimmining*, теперь *Drömling*, вовсе не получила славянской колонизаціи; всѣ имена въ этой мѣстности нѣмецкія.

Переходимъ къ волости *Belxa*, имя которой пишется въ древнихъ памятникахъ также *Belinesheim* (можетъ быть, это и коренная форма), *Belkesheim*, *Belesem*, *Balsamia*. Она граничила къ сѣверу и западу съ волостью *Osterwalde*, къ востоку съ Эльбою, къ югу съ рѣкою *Ohre*, отдѣлявшею ее отъ края *Nordthuringo*. Сѣверовосточная оконечность ея носила особое названіе — *Mintga*, южная часть—*Mosidi*. Въ обширномъ смыслѣ, край *Belxa* обнималъ юговосточную часть нынѣшняго Остербургскаго, весь Стендальскій, восточную часть Гарделегенскаго и сѣверную (большую) половину Воллымирштедтскаго округа. Онъ примыкалъ къ славянскимъ племенамъ Пелѣтичамъ, Лѣшичамъ и Морачанамъ, жившимъ на про-

тивоположномъ берегу Эльбы и принадлежавшимъ къ союзу Стодорянъ.

Слѣды славянства въ немъ также многочисленны, какъ въ волости Osterwalde:

1) *Въ юговосточной части Остербургскаго округа, въ древности Mintga:*

г. Werben, въ древн. Wirbene, Wirbena — польск. Wierzbno; подлѣ этого города дер. Wendenmark.
Räbel—польск. Wróbel.
Käcklitz, сравн. польск. Kukle, Kuklin, Kuklowka.
Görne—польск. Górna.
Dalchau—польск. Dalechowy.
Ferchlipp—Връхлипы.
Dobbrun—польск. Dobryń.
Polkritz.
Bertkau—польск. Bartków.
Dusedau—Дъждево, польск. Tszewo.
Mockern—польск. Mokrany.
Polkau—польск. Polków.
Flessau.
Zedau—польск. Cadów.
Rossau, см. выше.
Schmersau, см. выше.

2) *Въ Стендальскомъ округѣ:*

Beelitz—польск. Bielice.
Baaben—польск. Babin, Babino.
Iarchau—польск. Iarochów.
Storkau—чешск. Старковъ.
Rochau—польск. Rochów.
Schartau—польск. Czartowo.
Grassau—польск. Krasów, Kraszewo.
Grävenitz—польск. Grabienice.
Dobberkau—польск. Dobraków.
Dölnitz—польск. Dolnica.
Poritz—польск. Porzyca.
Karritz—польск. Karwice.

Kremkau, сравн. польск. Krzemianka.
Berkau—польск. Barchów.
Garlipp—польск. Charlupia.
Bülitz—польск. Bielice.
Schäpliz—польск. Czaplice.
Kläden—польск. Kłodno.
Schernikau—польск. Czernichów.
Tornau—польск. Tarnawa, Tarnów.
Döbbeln—польск. Doblin.
Dahlen—польск. Dalanowo.
Hüselitz.

3) *Въ восточной части Гарделегенскаго округа.*

Börgitz, сравн. польск. Brogowo.
Seethen—польск. Siłno.
Kassiek, польск. Koziki.
Geskau—чешск. Єшковъ.
Pollwitz—Полевица.
Potzehne—Почииъ, Почины.
Clüden—польск. Kłodna.
Iävenitz, сравн. чешск. Євапы, Івно, Івовице.
Salchau—польск. Żelechów,
Zöbbenitz (пограничная съ Пруссіею брауншвейгска деревня), чешск. Собѣнице.

4) *На южномъ краю Стендальскаго округа, принадлежавшемъ къ древней волости Mosidi:*

Steglitz—чешск. Стегловице.
Köckle—польск. Kukle.
Ierchel.
Grieben—польск. Grzebień.
Bittkau—польск. Bitkowice.
Briest—польск. Brześć.

5) *Въ сѣверной половинѣ Вольмирштедтскаго округа (древняя волость Mosidi):*

Cobbel—польск. Kobiel.

Wenddorf (1).
Rogätz—польск. Rogaczów.
Döbritzer-see (озеро) польск. Dobrzyce.
Zielitz—польск. Sielice.
Kolbitz—польск. Kobielice.
Lübberitz (2), сравн. польск. Lubierz.

Волость *Nordthuringo* простиралась по Эльбѣ, на югъ отъ *Mosidi*, и лежала насупротивъ славянскаго племени Морачанъ. Она обнимала южную часть Вольмиритедтскаго округа, округъ города Магдебурга и почти весь Ванцлебенскій округъ; на западѣ въ составъ ея входила часть Нейгальденслебенскаго округа.

Въ сѣверной части этого края, до самаго города Магдебурга, также какъ въ западной его части (нын. Нейгальденслебенскомъ округѣ), мы не замѣчаемъ ни одного славянскаго мѣстнаго названія. Тутъ какъ будто бы лежитъ полоса (впрочемъ весьма не широкая: отъ 2 до 3 миль въ ширину), которой не тронула славянская колонизація. Можно бы предполагать, что колонизація эта шла двумя потоками, одинъ, съ сѣвера, собственно отъ Балтійскихъ Славянъ, другой, черезъ среднюю Эльбу, отъ южныхъ Стодорянъ и Полабскихъ Сербовъ, и что между этими двумя потоками остался, такимъ образомъ, промежутокъ. Въ такомъ случаѣ Славяне, разселившіеся въ южной половинѣ волости *Nordthuringo*, также какъ въ *Suevego* и въ Турингіи, принадлежали бы къ послѣднимъ, поименованнымъ нами, племенамъ.

Въ *Nordthuringo* славянскія мѣстныя имена начинаются подъ самымъ городомъ Магдебургомъ: тутъ мы находимъ Buckau—польск. Buków; далѣе на югъ, между Магдебургомъ и рѣкою *Bude* (въ средніе вѣка *Boda*), притокомъ Салы съ лѣвой стороны, составлявшимъ границу Nordthuringo и Suevego, мы находимъ:

Schleibnitz—чешск. Сливонице.
Salbke—польск. Żłobek.
Frose—польск. Wrzos.
Glinde.

---

(1) Возлѣ находится дер. Angern, получившая названіе, вѣроятно, отъ вѣтви саксонскаго племени, Энгровъ.

(2) Въ сѣверной окраинѣ Нейгальденслебенскаго округа.

Pömmelte—Помлаты.
Zeitz—чешск. Житче,
Tornitz—Тършица.
Werkleitz—польск. Wierzchlesie.
Wendische Mark.
Zens.
Glöthe.
Uelnitz—польск. Uleniec.
Löbnitz—польск. Lubnica.

Suevego (иначе *Nordswavia*) составлялъ южную оконечность древней саксонской земли между Бодою, Салою и Турингіею, а на западъ граничилъ съ Гарцскою волостью (*Hardego*); теперь это южная оконечность прусской Магдебургской и сѣверная оконечность Мерзебургской области, со включеніемъ разбросанныхъ между ними кусочковъ разныхъ ангальтскихъ владѣній. На противоположномъ берегу Салы находились сербскія *жупы* (волости) Сербище, Жиромунты и Нудичи. Славянскія имена въ *Suevego*:

Waldau, на Салѣ, насупротивъ г. Бернбурга, польск. Włodawa.
г. Plötzkau—польск. Plocochowo.
Zeitz—чешск. Житче.
Gnölbzig—Конопельскъ.
Nelben—Нелюбно, сравн. польск. Nielubańce.
Zellewitz—чешск. Желевице.
Zickeritz—чешск. Секерице.
Ihlewitz—польск. Iłowiec.
Lochewitz—чешск. Луховице.
Reidewitz—Радовицы, польск. Radomice
Zabitz—польск. Żabiec.
г. Güsten—польск. Gostynie.
Börnicke—польск. Bronik.
Frosa—польск. Wrzos.
Tarthun, сравн. чешск. Тротень.
Hübitz—чешск. Губце (¹).

(¹) Здѣсь уже обнаруживается по признакамъ языка, что эти мѣстности получили названія свои не отъ Балтійскихъ Ляховъ, а отъ Полабскихъ Сербовъ. сѣвернѣе, эта же мѣстность называлась бы теперь, по всей вѣроятности, не Hübitz, а Gambitz—польск. Gębice.

Biskabern—Боскопарня, сравн. польск. Biskupionka.
Gorenzen—чешск. Горенице.

Всѣ эти имена сосредоточены въ восточной (бо́льшей) половинѣ Свевской волости. Славяне не проникли въ отроги Гарца; только подъ городомъ Гарцгероде мы находимъ «Славянское поле», *das Wendfeld*.

Въ настоящее время память о славянскомъ населеніи въ Старой Маркѣ сохранилась только въ сѣверной ея части, на границѣ Гановерскаго *Ведиланда*. Но источники X-го, XI-го и XII-го вѣка подтверждаютъ свидѣтельство мѣстныхъ названій, указывающихъ на повсемѣстное почти распространеніе славянской колонизаціи въ этомъ краѣ. Извѣстія о славянскомъ его населеніи являются тотчасъ послѣ того времени, къ которому мы отнесли славянскую колонизацію за Эльбою. Такъ саксонскій лѣтописецъ Видукиндъ пишетъ, подъ 938 годомъ, что какой-то Славянинъ служилъ проводникомъ Венграмъ, вторгшимся въ южную часть Саксонской земли, и завелъ ихъ въ непроходимыя топи Тримининга (нынѣшняго *Drömling*, о которомъ см. выше) (¹). Въ одной грамотѣ папы Бенедикта VII, писанной около 980 г., говорится о Славянскомъ краѣ, принадлежавшемъ къ городу Арнебургу въ волости *Belxa* (²) и приводятся въ немъ, исчезнувшія теперь, деревни *Clenobie* (т. е. Кленове, польск. *Klonovo*), Centonie (вѣроятно слѣдуетъ читать Sventonie, сравн. польск. Święnie), Seuerowinful (вѣроятно слѣдуетъ читать Severovingul, т. е. сѣверный уголъ): въ этихъ именахъ, не смотря на то, что они такъ обезображены переписчиками, нельзя не узнать славянскихъ звуковъ.—Въ началѣ XI вѣка, когда писалъ лѣтописецъ Титмаръ, городъ Вольмирштедтъ (въ волости *Mosidi*) носилъ, по его словамъ, два имени: нѣмецкое *Walmerstidi* и славянское *Ustiure*, «потому, прибавляетъ Титмаръ, что здѣсь сливаются Ара (теперь Ohre) и Эльба» (³). И такъ это названіе было Усть-Юра, а рѣка Ohre, дѣлившая волость

(¹) Widuk. II, 14.

(²) Riedel, Mark. Brandenb. I, 135: civitatis Arneburch et totius praedii ad ipsam respicientis dimidia parte, et addito totius proprietatis suae iure *in locis Slavoniae* Clenobie, Centonie, Seuerowinful nuncupatis, и проч.

(³) Thietm. VI, 33.

Belxa отъ *Nordthuringo*, вѣроятно, именовались Славянами Ура или Юра.—Въ 1135 году, подлѣ монастыря *Hildesleue* (теперь Hillersleben), на этой рѣкѣ *Ohre*, упоминаются, несуществующія уже, деревни Polgorizi (Подгорицы) и Bolizi (сравн. Польск. Bolcie) и подать, которая съ нихъ взымалась, именуется *wozop* (читай *восопъ*, древн. польск. *osep*, натуральная повинность зерномъ, отъ глагола *сыпать*) ([1]). Подъ 1161 годомъ мы читаемъ любопытное свидѣтельство о краѣ, гдѣ въ настоящее время славянскія мѣстныя названія такъ рѣдки, что трудно бы было подозрѣвать тамъ значительный приливъ славянскихъ поселенцевъ, именно о сѣверо-западной части Остервальдской волости (т. е. теперешняго Зальцведельскаго округа): свидѣтельство это показываетъ, что во время основанія тамъ Диедорфскаго монастыря въ 1161 г.), восемь дарованныхъ монастырю деревень, носившія *нѣмецкія* имена, имѣли жителей Славянъ ([2]).—Подъ 1184 г. деревни около озера Arendsee (въ той же волости) были славянскія и только деревня *Kaulitz*, хотя и носившая славянское названіе, уже населена была въ то время Нѣмцами ([3]).—Въ 1247 г. маркграфы бранденбургскіе Іоаннъ I и Оттонъ III передали городу Новому Зальцведелю право суда надъ приходившими туда поселянами, *какъ Нѣмцами, такъ Славянами* (rustici theutonici sive slavi) ([4]).—Мы могли бы умножить число этихъ показаній; но при неопровержимомъ свидѣтельствѣ мѣстныхъ названій, это было бы излишнимъ. Въ заключеніе приведемъ только слова Гельмольда, писавшаго около 1170 года. Онъ говоритъ о побѣдахъ маркграфа Альбрехта Медвѣдя (умеръ 1170) надъ Славянами и разсказываетъ, что Альбрехтъ призвалъ изъ Голлан-

---

([1]) Gercken, Codex diplom. Brandenb. I, 6: . . . contuli . . . . fratribus eiusdem loci reditum annualem qui vocatur Wozop super duas villulas ipsis prope adiacentes quorum nomina sunt polgorizi et bolizi: грамота императора Лотара 1135 года.

([2]) Buchholz, Gesch. der Churmark Brandenburg, IV, Anhang. 7: грамота верденскаго епископа Германна: octo villas, videlicet Bergmere, Abbandorp, Verenthorp, Pychenusen, Ellenberke, Wadencoten, Budenstede, *quorum incolae adhuc Slavi erant*, eidem ecclesiae contradidimus. Эти деревни теперь называются Bergmoor, Abbendorf, Fahrendorf, Peckensen, Ellenberg, Waddekath (на самой границѣ древняго Witinga), Böddenstedt. Имя восьмой деревни пропущено.

([3]) Тамъ же, стр. 29: грамота Оттона, I маркграфа бранденбургскаго. 1184 г.: ad utilitatem . . . . ecclesiae in Arnsee, villam teutonicam quae dicitur Kaulitz, *et slavicas villas eidem stagno adiacentes* . . . . contradidi.

([4]) Riedel, Mark Brandenb. I, 49.

діи и Фландріи колонистовъ, для водворенія ихъ въ покоренной имъ землѣ Стодорской (Бранденбургіи); «кромѣ того, прибавляетъ Гельмольдъ, также и южный берегъ Эльбы (т. е. лѣвый берегъ: для Гельмольда, писавшаго въ Вагріи (¹) онъ казался дѣйствительно южнымъ берегомъ), стали заселять въ то время пришельцы изъ Голландіи, всю болотистую и полевую страну, начиная отъ Зальцведеля, страну, которая называется *Balsemerlande* и *Marscinerlande*, съ многочисленными городами и мѣстечками, вплоть до Богемскаго лѣса: весь этотъ край заняли Голландцы. Земли эти, какъ говорятъ, нѣкогда населены были Саксами, а именно во время (императоровъ) Оттоновъ, какъ видно изъ древнихъ валовъ, насыпанныхъ на берегу Эльбы, въ болотистой землѣ Балзамской; но со временемъ превозмогли Славяне, Саксы были ими истреблены и страна эта находилась въ ихъ владѣніи до нашихъ временъ. Нынѣ же, какъ Богъ щедро даровалъ благополучіе и побѣду нашему государю герцогу (саксонскому, Генриху Льву) и прочимъ князьямъ,—Славяне повсемѣстно поражены и изгнаны» (²) и проч.

Эти слова Гельмольда весьма любопытны и важны, но нѣсколько неопредѣлительны. Гельмольдъ прожилъ весь вѣкъ въ Голштиніи и Вагріи, и не имѣлъ такихъ точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на средней Эльбѣ, какія онъ представляетъ о своемъ родномъ краѣ. Потому онъ, съ одной стороны, невѣрно опредѣлилъ время переселенія Славянъ на лѣвый берегъ Эльбы, а съ другой—преувеличилъ какъ значеніе, пріобрѣтенное славянскою стихіею въ Старой Маркѣ и Турингіи, такъ и важность переворота, произведеннаго тутъ голландскими колонистами, которыхъ призвалъ Альбрехтъ Медвѣдь. Въ странѣ, гдѣ жилъ Гельмольдъ, еще памятна была въ то время кровавая реакція, произведенная тамъ Славянами-язычниками противъ нѣмецкаго владычества въ началѣ XI вѣка, послѣ смерти императора Оттона III. Потому-то Гельмольдъ къ этой

(¹) Восточной части Голштиніи.

(²) Helm. I, 88. Sed et australe litus Albiae ipso tempore incolere coeperunt Hollandienses advenae, ab urbe Soltuedele omnem terram palustrem atque campestrem, terram quae dicitur Balsemerlande et Marscinerlande, civitates et oppida multa valde, usque ad saltum Bojemicum possederunt Hollandri. Siquidem has terras Sxones olim inhabitasse feruntur, tempore scilicet Ottonum, ut videri potest in antiquis aggeribus, qui congesti fuerant super ripas Albiae in terra palustri Balsamorum, sed praevalentibus postmodum Slavis Saxones occisi, et terra a Slavis usque adnostra tempora possessa, и проч.

именно эпохѣ отнесъ и разливъ славянской стихіи на лѣвомъ берегу Эльбы, «въ землѣ Балзамской и Марскинской и до Богемскаго лѣса», какъ онъ выражается. Положеніе Балзамской земли намъ уже извѣстно: она составляла значительную часть Старой Марки. Подъ именемъ Марскинской или Маршинской земли Гельмольдъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ прилегающій къ Балзамской волости край *Mosidi*; оба эти названія одинаково значатъ «болотистая страна» (¹). Наконецъ, распространяя славянскую стихію на лѣвомъ берегу Эльбы до «Богемскаго лѣса», т. е. до лѣсистыхъ горъ, ограничивающихъ Чехію, Гельмольдъ обозначилъ то, что славянская колонизація простиралась, сверхъ двухъ поименованныхъ волостей, и на южную часть Старой Марки и на всю Турингію: что совершенно вѣрно, по крайней мѣрѣ относительно всей ближайшей къ Эльбѣ и Салѣ полосы. Но какъ мы имѣемъ очевидныя свидѣтельства о существованіи въ этихъ мѣстахъ славянскихъ поселеній и въ эпоху саксонскихъ императоровъ, то мы должны, согласно доводамъ, представленнымъ нами выше, отодвинуть назадъ на столѣтіе эпоху образованія этихъ колоній и отнести ихъ не къ той славянской реакціи противъ Германіи, которая наступила послѣ смерти Оттона III, а къ той, гораздо значительнѣйшей реакціи славянской, какую мы видѣли при распаденіи державы Каролинговъ.—Весьма важны слова Гельмольда о томъ, какъ славянское населеніе вытѣснило Саксовъ съ побережья Эльбы; но опять-таки нельзя принять его свидѣтельства безъ оговорки: онъ вообразилъ, что побережье это (мы говоримъ, разумѣется, о лѣвой, западной сторонѣ Эльбы) получило сплошное, исключительное славянское населеніе, какое было на правомъ берегу, и что нужна была совершенно новая нѣмецкая колонизація, чтобы возстановить тамъ германскую народность. Этому противорѣчатъ всѣ, дошедшіе

(¹) Первое отъ нѣмецкаго слова *Marsch* (англо-сакс. *mersc*), второе отъ древне-нѣмецкаго *mos*, нын. *Moor*, оба въ значеніи «болото». Верзебе и въ слѣдъ за нимъ многіе нѣмецкіе комментаторы, объясняя изъ корня *Marsch* гельмольдовское «Marscinerland», относятъ это имя къ небольшой болотистой мѣстности въ сѣверномъ углу древней Балзамской волости, между городами Вербеномъ и Арнебургомъ, нынѣ называемой *die Wische*. По намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы Гельмольдъ могъ сопоставить съ Балзамскою землею такой маловажный и крошечный край, всегда къ ней принадлежавшій и который никогда не имѣлъ особеннаго значенія, такъ что ни въ какомъ памятникѣ нѣтъ объ немъ рѣчи, какъ объ отдѣльной волости.

до насъ документы, которые между X и XIII вѣкомъ постоянно свидѣтельствуютъ о совмѣстномъ существованіи тамъ славянскаго и нѣмецкаго населенія, при чемъ, впрочемъ, на сторонѣ перваго было большинство (какъ видно изъ того, что тамъ до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ гораздо больше славянскихъ именъ деревень и селъ, чѣмъ нѣмецкихъ, хотя число первыхъ съ XIV вѣка донынѣ постоянно убывало, а послѣднихъ прибавлялось; а кромѣ того мы знаемъ, что въ Старой Маркѣ жители нѣкоторыхъ деревень, носившихъ нѣмецкія названія, были еще въ XIII вѣкѣ Славяне). При томъ же Славяне на лѣвомъ берегу Эльбы не только не имѣли никогда политической самостоятельности, но нѣтъ даже никакого признака, чтобы они когда-либо пытались пріобрѣсти ее, а это произошло бы неминуемо, если бы они были тамъ сплошнымъ населеніемъ, а не колонистами, разселившимися среди чуждаго имъ туземнаго племени.

Наконецъ, чтобы покончить съ критическимъ разборомъ приведенныхъ нами словъ Гельмольда, мы замѣтимъ, что колонизація западнаго побережья Эльбы Голландцами и другими германскими пришельцами не была такъ значительна, какъ представлялъ ее себѣ нашъ лѣтописецъ и какъ она дѣйствительно была въ земляхъ Балтійскихъ Славянъ на правомъ берегу этой рѣки, въ странѣ чисто Славянской, гдѣ нужно было завоевателямъ создавать совершенно новое нѣмецкое населеніе (¹).

Но при всемъ томъ слова Гельмольда весьма важны для насъ, какъ свидѣтельство Нѣмца, жившаго въ XII столѣтіи, который не только подтверждаетъ все нами сказанное о славянской колонизаціи западнаго побережья Эльбы, но даже придаетъ ей такіе размѣры, что мы должны признать ихъ преувеличенными.

Если отстранить неточности и возстановить въ словахъ Гельмольда смыслъ, вполнѣ согласный съ историческою истиною, то мы прочитаемъ ихъ слѣдующимъ образомъ . . . «Вся болотистая и полевая страна (на лѣвомъ берегу Эльбы), начиная отъ Зальцведеля, страна, которая называется Balsemerlande и Marscinerlande (т. е. Mosidi),—а также Osterwalde, Nordthuringo, Suevego

---

(¹) См. объ этой колонизаціи всѣ подробности въ книгѣ Верзебе: über die Niederländischen Colonien welche im nördlichen Teutschlande im zwölften Jahrhunderte gestiftet worden, (2 тома) Hannover, 1815—1816.

и такъ далѣе, до границъ Богеміи, нѣкогда заселена была Саксами, а именно во время императоровъ Каролинговъ; . . но со временемъ превозмогли Славяне, Саксы были ими отчасти истреблены, отчасти вытѣснены, и страна эта наполнилась славянскими поселеніями, которыя существовали тамъ до конца XII вѣка. А въ это время, когда Славяне были поражены и завоеваны на восточномъ берегу Эльбы, въ своей коренной землѣ, то и здѣсь славянскія поселенія стали мало-по-малу исчезать, сливаясь съ нѣмецкою стихіею». . . . .

Много разъ обращалъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что нѣмецкое племя образовало значительныя государственныя тѣла только на завоеванной землѣ, и преимущественно на славянской: таковы Пруссія и Австрія, въ противоположность всѣмъ другимъ мелкимъ нѣмецкимъ владѣніямъ, на которыя раздроблены коренныя земли Германіи. Этотъ фактъ получитъ еще большее значеніе, когда мы свяжемъ съ нимъ результатъ предъидущаго нашего изслѣдованія (результатъ, который вознаградитъ насъ за всю утомительную мелочность данныхъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію), именно, что самое зерно, изъ котораго составилось съ теченіемъ времени Бранденбургское государство и потомъ Прусская монархія,—такъ называемая Старая Марка въ обширнѣйшемъ ея значеніи,—не была, какъ обыкновенно полагаютъ, землею чисто-нѣмецкою, а болѣе чѣмъ на половину имѣла славянское населеніе. Здѣсь, въ средѣ, смѣшанной изъ Славянъ и Нѣмцевъ, образовалась та завоевательная и германизирующая сила, которой славнѣйшимъ представителемъ въ древнее время былъ Альбрехтъ Медвѣдь и которая, покоривъ и онѣмечивъ значительную часть земли Балтійскихъ Славянъ, потомъ стала тяготѣть надъ самою Германіею и распространять въ ней свое владычество. Доказано уже другими изслѣдованіями, что и зерно Австрійскаго государства, Австрія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (такъ называвшаяся въ старину Восточная Марка), была тоже не вполнѣ нѣмецкая земля, а имѣла весьма значительную долю славянскаго населенія еще въ то время, когда она также сильно служила интересамъ Германіи на юговостокѣ, какъ «Старая Марка», колыбель Бранденбургіи, на сѣверовостокѣ. Очевидно, что такая аналогія не есть дѣло случая, а что тутъ господствовалъ общій физіолого-историческій законъ. Вдать-

ся въ обсужденіе его было бы не совмѣстнымъ съ предметомъ настоящаго сочиненія, и мы въ заключеніе только повторимъ добытый нами фактъ: Во время политическаго упадка Германіи при послѣднихъ Каролингахъ и до воцаренія саксонской династіи (т. е. между 875 и 919 годами) Балтійскіе Славяне переселились значительными колоніями на лѣвый берегъ Эльбы, отъ ея низовьевъ до Турингіи, гдѣ Полабскіе Сербы, съ своей стороны, образовали такія же колоніи. Все западное побережье Эльбы въ X, XI и XII вѣкѣ представляетъ славянское населеніе, смѣшанное съ нѣмецкимъ и подвластное нѣмецкимъ правителямъ. Въ этой нѣмецко-славянской полосѣ на западномъ побережьѣ Эльбы находился и тотъ край, который сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Старой Марки (Altmark) и изъ котораго развилось завоевательное государство Бранденбургское. Слѣды славянскаго населенія сохранились въ живой памяти народа донынѣ, какъ въ Старой Маркѣ, такъ и въ сопредѣльной съ нею части Ганноверскаго королевства.

А. Гильфердингъ.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ПОСТЕПЕННАГО ОБРАЗОВАНІЯ РАЗНЫХЪ КЛАССОВЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ ВЪ РОССІИ.

Предисловіе.

Постепенное образованіе разныхъ классовъ сельскихъ обывателей въ Россіи есть предметъ весьма многосложный: для обозрѣнія его, даже самаго поверхностнаго, потребовалось бы времени несравненно болѣе, нежели сколько дано было мнѣ на составленіе письменныхъ отвѣтовъ, необходимыхъ при экзаменѣ докторскомъ (*). Посему, получивъ сію тему по жребію для сочиненія подобнаго отвѣта, я принужденъ былъ положить себѣ извѣстные предѣлы, дабы имѣть возможнымъ написать что-нибудь достойное вниманія, въ теченіи даннаго краткаго времени. Я ограничился: 1) Разсмотрѣніемъ постепеннаго образованія селянъ со времени Уложенія до кончины императора Александра I. На древнее состояніе ихъ, весьма важное, потому что оно служитъ основаніемъ и объясненіемъ свѣдѣній, заключающихся въ изложеніи, я, при обозрѣніи сихъ послѣднихъ, сдѣлалъ только краткіе намеки; 2) изложеніемъ однихъ тѣхъ классовъ крестьянъ, которые существовали и теперь существуютъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, и 3) обозрѣніемъ только ихъ *постепеннаго образованія*, въ строгомъ смыслѣ сего слова, не касаясь историческаго раскрытія ихъ различныхъ правъ и обязанностей.

Ограничивъ такимъ образомъ объемъ моей темы, я еще имѣлъ предъ собою огромный богатый запасъ матеріаловъ; приступить къ ихъ изученію, въ краткое время обозрѣть, изслѣдовать и привести ихъ въ систему значило бы взять на себя бремя неудобоноси-

---

(*) Вопросы эти были предложены П. Д. Калмыкову, вмѣстѣ съ другими его товарищами, при экзаменѣ ихъ на степень доктора правъ, который они держали во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Отвѣтъ по вопросу о постепенномъ образованіи разныхъ классовъ сельскихъ обывателей въ Россіи былъ представленъ П. Д. Калмыковымъ 30 мая 1835 года; почему самому многія данныя и выводы, сообщаемые авторомъ, имѣютъ въ настоящее время лишь историческое значеніе. *Редакторъ.*

мое. Всякій въ этомъ убѣдится, заглянувъ въ статью Алфавитнаго реестра Полнаго Собранія Законовъ *о крестьянахъ* и въ иныя, съ ней соприкосновенныя. Я бы совершенно потерялся въ семъ лабиринтѣ, еслибы не дана была мнѣ нить аріаднина: я имѣлъ счастіе получить позволеніе высшаго начальства пользоваться рукописнымъ историческимъ Сводомъ, хранящимся во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи. Руководствуясь достовѣрными свѣдѣніями, въ немъ заключающимися и указаніями Алфавитнаго реестра, я успѣлъ почерпнуть въ Полномъ Собраніи Законовъ самые важные и необходимые для меня матеріалы. Извлекши изъ нихъ тѣ начала, которыя мнѣ казались болѣе существенными, я придалъ имъ систематическую форму, и такимъ образомъ произошло предлагаемое здѣсь краткое и скудное обозрѣніе обширнаго и богатаго предмета. Надѣюсь на снисходительность моихъ ученыхъ судей къ недостаткамъ, неизбѣжнымъ въ такомъ быстро составленномъ очеркѣ, который можетъ назваться только программою будущаго разсужденія.

Введеніе.

Названіе *сельскіе обыватели* въ смыслѣ юридическомъ, который приданъ ему въ Сводѣ Законовъ, означаетъ людей, составляющихъ низшій классъ народа, которые живутъ въ уѣздахъ городовъ и непосредственно занимаются земледѣліемъ и прочими вѣтвями сельской промышленности. Они водворены или на собственныхъ земляхъ (свободные хлѣбопашцы, нѣкоторые колонисты) или на земляхъ, которыя имъ не принадлежатъ, а составляютъ частію собственность *казны* или владѣльцевъ; частію особенно назначены для содержанія императорской фамиліи—*удѣльныя земли*. Живущіе на земляхъ казенныхъ и удѣльныхъ (государственные и удѣльные) наслаждаются личною свободою, но могутъ быть названы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, *крѣпкими казенной* или *удѣльной землѣ*, во владѣніи общества находящейся, потому что они, по своему произволу, не могутъ, въ качествѣ крестьянъ, перемѣнять мѣсто жительства, хотя имъ дозволенъ переходъ въ иное званіе, напр. въ духовное или городское. Напротивъ того, колонисты, водворенные на зем-

ляхъ казенныхъ, не крѣпки землѣ, ибо могутъ переселяться изъ одной губерніи въ другую (¹).

Живущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ: 1) одни подвержены полному *крѣпостному состоянію*, состоящему въ томъ, что они не только крѣпки землѣ, но и господину (крѣпостные, помѣщичьи крестьяне); 2) другіе крѣпки не владѣльцу, а самой недвижимой собственности—это есть особенный классъ неполныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, приписанныхъ или купленныхъ къ заведеніямъ на правѣ поссессіонномъ; 3) наконецъ, третьи лично свободны, но находятся въ опредѣленной зависимости отъ владѣльцевъ, по добровольно съ ними заключеннымъ договорамъ.

Это обозрѣніе различныхъ классовъ сельскихъ обывателей представляетъ, такъ сказать, основу, на которой должно утверждаться историческое изложеніе ихъ постепеннаго образованія въ теченіи 176 лѣтъ. Мы будемъ имѣть всегда въ виду тѣ классы, которые находятся въ Уложеніи и могутъ назваться главными корнями: изъ нихъ постепенно произрастутъ новыя вѣтви—новые роды селянъ. Эти основные разряды мы станемъ разсматривать въ порядкѣ опредѣленномъ, а именно во-первыхъ, многочисленное и весьма важное сословіе сельскихъ обывателей, находящихся въ крѣпостномъ состояніи. Такъ какъ установленіе, а особенно прекращеніе сего состоянія можетъ намъ дать понятіе о направленіи законодательства, ободряющаго или преграждающаго оное и стремящагося къ совершенному уничтоженію онаго: то мы коснемся и разныхъ способовъ установленія и прекращенія крѣпостнаго состоянія, въ разныя времена существовавшихъ;

во-вторыхъ, классъ государственныхъ крестьянъ, составляющихъ переходъ къ полному свободному состоянію сельскихъ обывателей;

въ-третьихъ, классъ крестьянъ, имѣющихъ полную свободу личную.

Дабы облегчить обозрѣніе постепеннаго произхожденія сихъ классовъ, можно раздѣлить все пространство времени на три періода:

(¹) Изд. 1832 г. Св. Зак. т. XII Уст. Колон. ст. 955.
(²) Тамъ же, т. XI Уст. о фабр. и рем. ст. 67.

Первый періодъ простирается отъ Уложенія до 1-й ревизіи.

Второй—отъ 1-й ревизіи до межевой инструкціи 1766 г.

Третій—отъ сей межевой инструкціи до вступленія на престолъ императора Николая I.

Первая ревизія и межевая инструкція приняты въ основаніе раздѣленія потому, что онѣ имѣли важное вліяніе на всѣ классы сельскихъ обывателей. Вслѣдствіе первой ревизіи разные классы селянъ подверглись многимъ значительнымъ перемѣнамъ; а вслѣдствіе межевой инструкціи они были укрѣплены и точнѣе установлены въ томъ видѣ, какой данъ былъ имъ тѣми перемѣнами.

Каждый изъ сихъ періодовъ имѣетъ свой особенный характеръ. Состояніе, которое можно назвать основнымъ въ государственномъ быту русскихъ селянъ, состояніе крѣпостное, въ первомъ періодѣ только *образовывалось* мало-по-малу, во второмъ было *довершено*, а въ третьемъ, благодѣтельными мѣрами законодательства, *преграждено* въ своемъ распространеніи.

ПЕРІОДЪ I.

ОТЪ УЛОЖЕНІЯ ДО ПЕРВОЙ РЕВИЗІИ,

(съ 1649 г. по 1719 годъ).

Сообразивъ свѣдѣнія, заключающіяся въ Уложеніи и послѣдующихъ узаконеніяхъ, можно представить разные классы сельскихъ обывателей, въ семъ періодѣ существовавшихъ, въ слѣдующемъ видѣ:

1) Крестьяне и бобыли, приписанные *къ помѣстьямъ и вотчинамъ* (помѣщиковы и вотчинниковы).

2) Государевы крестьяне и бобыли, равно какъ и приписанные къ землямъ *дворцовыхъ селъ* и *черныхъ волостей* и къ ямскимъ слободамъ *(ямщики)*.

3) Свободные крестьяне, водворенные на владѣльческихъ земляхъ—*половники*,

I. Крестьяне и бобыли, приписанные къ помѣстьямъ и вотчинамъ.

Названіе *бобыли* въ семъ періодѣ и въ началѣ слѣдующаго постоянно употребляется въ законахъ какъ различное отъ названія

крестьянъ. Основываясь на нынѣшнемъ значеніи его, можно предположить, что бобыли были безземельные крестьяне, которые продавались безъ земли, въ противоположность собственно такъ называемымъ крестьянамъ (³). Таковые бобыли извѣстны въ Германіи подъ именемъ Kothsassen. Сіи Kothsassen или Köcler суть такіе люди, которые владѣютъ только дворомъ (Koti, Kati), съ садомъ, а иногда съ небольшимъ участкомъ земли, и по большей части не принадлежатъ къ первобытнымъ жителямъ селенія, а водворились въ немъ въ послѣдствіи времени (⁴).

Различіе между селянами вотчинниковыми и помѣщиковыми сохранялось въ теченіи большей части сего періода; но постепенно изглаживалось по причинѣ переворота въ воинскомъ устройствѣ, начавшагося при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и довершеннаго Петромъ Великимъ. Такимъ образомъ, само собою приготовилось уничтоженіе сего различія, произшедшее вслѣдствіе закона 1714 г. марта 23, который соединилъ помѣстья съ вотчинами въ одно нераздѣльное имущество.

Классъ помѣщиковыхъ крестьянъ получилъ настоящее бытіе свое во времена Іоанна Грознаго, вмѣстѣ съ точнѣйшимъ образованіемъ *помѣстнаго права*, основаннаго на тогдашнемъ устройствѣ главной части войска, въ походъ выступавшаго. Уже издревле существовалъ обычай надѣлять дворянство помѣстьями; но въ половинѣ XVI столѣтія образовались твердыя, постоянныя, въ систему приведенныя правила, по которымъ Государь давалъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ въ помѣстье опредѣленныя для того земли *дворцовыя* и *государевы*. Для сего дворянство раздѣлялось на статьи и сообразно съ ними получало опредѣленное число *четвертей*. Со ста четвертей таковой удобной земли первоначально выставляемъ былъ въ походъ конный въ полномъ вооруженіи. Право давать дворянству помѣстья было сперва державнымъ правомъ Государя, но впослѣдствіи пріобрѣлъ оное и патріархъ, который *помѣщалъ* (belehnte) своими *домовыми землями* дѣтей боярскихъ, служившихъ у него въ дворѣ (⁵).

(³) Улож. XI, 7.—(⁴) Hagemann: Handbuch des Landwirthschaftsrechtes. Hannover. 1807, s. 85.—(⁵) Улож. XVI, ст. 66.—Тамъ же, XX, 64,69, 84.

Крестьяне и бобыли, какъ помѣщиковы, такъ и вотчинниковы, существенно различались отъ инаго состоянія людей, которое въ Уложеніи называется *холопствомъ* и противополагается всегда *крестьянству*. Существенное различіе крестьянства и холопства, какъ полнаго и вѣчнаго, такъ и преемнаго (кабальнаго) заключалось въ слѣдующемъ:

1) Крестьяне были крѣпки болѣе землѣ (glebae adscripti), холопы ихъ боярину (⁶);

2) Въ послѣдствіе сего крестьяне не могли быть переводимы въ холопство (⁷).

До конца XVI столѣтія, крестьяне пользовались личною свободою и имѣли право переходить отъ одного владѣльца къ другому, съ соблюденіемъ особенныхъ правилъ и по исполненіи условій, которыя, вѣроятно, основаны были преимущественно на обычаяхъ народныхъ. Это подтверждается постановленіемъ Судебниковъ Іоанна III-го и внука его Іоанна IV, гдѣ сіе право (хрестьянскій отказъ) является уже существующимъ и опредѣляется только точнѣе въ отношеніи къ *сроку*, когда крестьяне (хрестіане) могли отказываться изъ волости въ волость и съ села въ село, и въ отношеніи къ выполненію условій, касавшихся крестьянскихъ повинностей и обязанностей (⁸). По открытіи Судебника Іоанна III въ 1817 г., само собою рушилось мнѣніе Эверса, который, въ своей краткой Исторіи Русскихъ, придалъ особенное значеніе постановленію Судебника Іоанна IV о крестьянскомъ отказѣ. Онъ приписываетъ Іоанну Грозному великую перемѣну въ судьбѣ простаго народа, будто бы угнетеннаго дотолѣ подъ игомъ ненавистныхъ царю бояръ, а теперь, вслѣдствіе сего закона, получившаго свободу (стр. 308, 309). Такое толкованіе весьма содѣйствовало главной цѣли сочинителя—явить въ новомъ блестящемъ свѣтѣ величественный, но ужасный обликъ историческій Іоанна Грознаго.

Любопытный и важный вопросъ, предложенный, но не рѣшенный Карамзинымъ — имѣли ли крестьяне въ древнія времена, предшествовавшія ихъ укрѣпленію, собственность поземельную? требуетъ, для рѣшенія своего, особенныхъ изысканій въ источникахъ

(⁷) Улож. XX, 113.—(⁸) Судебн., изд. Строев. и Калайд., Іоанна III, стр. 20, Іоанна IV, § 88.

древней нашей исторіи. Здѣсь я ограничусь только замѣчаніемъ (9), что не только нѣтъ ни одного закона, который бы воспрещалъ свободнымъ людямъ владѣніе недвижимымъ имуществомъ, но и есть положительное и ясное указаніе въ Судебникѣ на нѣкоторыхъ сельскихъ обывателей, кои водворены были на собственныхъ земляхъ. Въ статьѣ Судебника Іоанна III, принятой и въ Судебникъ Іоанна Грознаго и надписанной: о земляхъ судъ (10), въ числѣ владѣльцевъ земель, на ряду съ в. княземъ, монастырями, боярами и помѣщиками упоминаются *черные* или *сельскіе* (въ Судебн. Іоанна IV черные сельскіе). Они вчинаютъ искъ о принадлежащихъ имъ въ собственность земляхъ и между собою и противъ иныхъ владѣльцевъ. Это, безъ всякаго сомнѣнія, были люди низшаго класса народа; но, можетъ быть, они не назывались именемъ *христіянъ* или *крестьянъ*, которое относилось только къ селянамъ, жившимъ на чужихъ земляхъ, но не лишеннымъ права пріобрѣтать поземельную собственность.

Сіе право поземельной собственности, безъ сомнѣнія, уничтожилось вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ или приписскою крестьянъ къ землѣ, въ концѣ XVI столѣтія. Эту важную перемѣну произвелъ въ 1592—1597 г. человѣкъ, одаренный умомъ великимъ, но, къ сожалѣнію, порабощенный мелкимъ расчетомъ своекорыстнаго властолюбія, могущественный министръ слабаго тѣломъ и душею сына Іоанна Грознаго. Что Годуновъ сдѣлалъ это для своихъ выгодъ, а не для одной пользы государства, можно заключать изъ того, что, достигнувъ желаннаго престола, онъ, чрезъ четыре года послѣ той перемѣны, счелъ нужнымъ возвратить народу прежнюю свободу, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями. Но единожды данный примѣръ нашелъ подражателей: Дума боярская, воспользовавшись смутами

---

(9) Reutz: Versuch ueber die geschichtliche Ausbildung d. russ. Staats und Rechsverf: 1829, стр. 157 п. 1 и 210.—(10) Суд. Іоанна III, стр. 22 (изд. Стр. и Кал.), Іоанна IV стр. 84: «А взыщетъ бояринъ на бояринѣ, или монастырь на монастырѣ или монастырской на бояринѣ, ино судити за три годы и дале трехъ годовъ не судити. А взыщетъ *черной* на *черномъ* или помѣстникъ на помѣсчикѣ, за которымъ земля в. князя, или *черной* или *сельской* (Суд. Іоанна IV: черной сельской) на помѣсчикѣ, или помѣсчикъ на *черномъ* и на *сельскомъ* (на черномъ на сельскомъ), ино судити потомужъ за три годы, а дале трехъ годовъ не судити. А взыщутъ на бояринѣ или на монастыри в. князя земли, ино судити за шесть лѣтъ, а дале не судитъ».

*

отечества, легко получила отъ Лжедимитрія утвержденіе своего приговора о возобновленіи укрѣпленія крестьянъ, 1606 г. февраля 1; наконецъ, Василій Шуйскій, указомъ 1607 марта 9, окончательно постановилъ, чтобы *«которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году* (1592) *положены, тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны»*.

Но это, сначала простое, укрѣпленіе землѣ въ послѣдствіи стало сближаться съ холопствомъ: въ Уложеніи уже нѣкоторыя правила, относившіяся къ холопамъ, примѣняются, въ извѣстной степени, къ крестьянамъ:

1) Древнее правило, въ Судебникѣ заключающееся ([10]): *«по робѣ холопъ, по холопѣ роба»*—перенесено и на крестьянъ въ Улож. XI, 12, гдѣ предписано: «бѣжавшую крестьянскую дѣвку и вышедшую замужъ за чьего кабальнаго человѣка или за крестьянина, или подговоренную къ тому, возвращать съ мужемъ и съ дѣтьми, отъ него прижитыми, но безъ его животовъ».

2) Правило, что холопы сами не могутъ отвѣтствовать за себя въ судѣ, перенесено на крестьянъ въ Улож. XIII, 7, гдѣ сказано: «за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ дворяне и дѣти боярскіе во всякихъ бѣгахъ, кромѣ татьбы и разбою, и поличного и смертныхъ убійствъ».

Сіе сближеніе крестьянства съ холопствомъ составляетъ естественный и постепенный переходъ къ важной перемѣнѣ во второмъ періодѣ—слiянію совершенному этихъ двухъ состояній.

Остается упомянуть въ семъ разрядѣ объ особенномъ видѣ вотчинниковыхъ крестьянъ и бобылей, именно водворенныхъ на земляхъ патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, и монастырскихъ.

Патріаршія волости, села и деревни отличались отъ прочихъ владѣній духовнаго вѣдомства и подходили болѣе подъ категорію государевыхъ крестьянъ. Жалованныя грамоты, подтвержденныя многими царями ([11]), даровали патріарху, въ его земляхъ, нѣкоторыя права державныя, какъ то:

([10]) Суд. Іоанн. III, стр. 23.—([11]) 1657 г. февр. 23. Жалованная грамота царя Бориса Өеодоровича патріаршему престолу 7107 (1599), подтвержденная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.—Того же года и мѣсяца 25 дня: подтвержденіе жалованной царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ грамоты патріаршему престолу 7133 (1625).

1) Судъ надъ жителями его вотчинъ и вообще надъ духовенствомъ и надъ всякими людьми монастырскими и церковными.

2) Власть налагать святительскую дань и оброкъ на жильцевъ пустошныхъ церковныхъ земель, и пустую землю; всѣ кресьяне его были освобождены отъ земскихъ повинностей.

3) Власть помѣщать своими землями своихъ домовыхъ дворянъ (¹²).

Эти права уничтожились въ царствованіе Петра Великаго, который, во второй половинѣ сего періода, сдѣлалъ важный шагъ къ превращенію постепенному духовныхъ вотчинъ во владѣнія казенныя и общественныя слѣдующими мѣрами:

1) Онъ повелѣлъ графу Мусину-Пушкину, боярину возстановленнаго Монастырскаго Приказа, взять *имущества духовнаго вѣдомства подъ свое вѣдѣніе* и распорядить доходы съ оныхъ на благодѣянія Церкви, на достаточное и незазорное содержаніе алтаря, а остатки изъ доходовъ посвятить на учрежденіе духовныхъ училищъ, на пропитаніе и призрѣніе престарѣлыхъ служителей отечества (¹³).

2) Онъ запретилъ покупать помѣстныя и вотчинныя земли къ домовымъ патріаршимъ вотчинамъ, и въ монастыряхъ властямъ мѣняться жилыми и пустыми землями съ помѣщиками и вотчинниками (¹⁴). Замѣчательно, что запрещеніе духовнымъ властямъ и монастырямъ вновь пріобрѣтать земли находится уже въ Уложеніи (¹⁵): подобное же запрещеніе сдѣлано было въ 1557 г. Іоанномъ Грознымъ, по совѣщаніи съ духовенствомъ и боярами.

2. *Крестьяне и бобыли государевы, дворцовые, черныхъ волостей и ямщики.*

Всѣ эти виды крестьянъ могутъ быть названы общимъ именемъ *государевыхъ*: въ Судебникѣ говорится просто о *земляхъ великаго князя*, не смотря на то, что тогда уже существовали подобныя раздѣленія крестьянъ, на нихъ водворенныхъ (¹⁶). Всѣ они были крѣпки землѣ (¹⁷) и ко всѣмъ имъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть отнесено все сказанное выше о постепенномъ сліяніи поземельной крѣпости съ холопствомъ: для нихъ Государь былъ то, чѣмъ были помѣ-

(¹²) Улож. XVI, 66.—(¹³) 1701 г., генв. 24 и 31.—(¹⁴) 1701 г. мар. 11.—(¹⁵) Улож. XVII, 42.—(¹⁶) Суд. Іоанна III, стр. 22.—(¹⁷) Улож. XI, § 1.

щики и вотчинники въ отношеніи къ ихъ крестьянамъ. Но въ концѣ этого періода Петръ Великій перемѣнилъ названіе государевыхъ крестьянъ въ названіе *государственныхъ;* оно начинаетъ встрѣчаться въ его законахъ, безъ объясненія однакожъ причины такого переименованія. Одно это имя, и понятіе, которое опымъ выражается, исключило сей классъ сельскихъ обывателей изъ разряда крѣпостныхъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, и поставило его въ разрядъ, посредствующій между полными крѣпостными и полными свободными.

Скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи разныхъ видовъ сего разряда крестьянъ.

а) *Дворцовые*, вѣроятно, произошли большею частію изъ владѣній древнихъ удѣльныхъ князей, постепенно присоединенныхъ къ Государству Московскому ([18]).

в) *Крестьяне черныхъ волостей* суть тѣ же, которые упоминаются до Уложенія, водворенными на черныхъ, оброчныхъ селахъ. Названіе *черныхъ* носили они потому, что обложены были оброкомъ и податями. Имъ противополагаются *обѣленные*, т. е. освобожденные отъ этихъ сборовъ. Такую свободу имѣли, еще до Уложенія происшедшіе и донынѣ существующіе «обѣльные вотчинники» въ олонецкой губерніи и «бѣлопашцы» въ костромской, на основаніи жалованныхъ грамотъ, подтвержденныхъ Петромъ Великимъ ([19]).

Черныхъ волостей крестьяне послѣ извѣстны стали подъ именемъ *черносошныхъ*. Замѣчательно, что узаконенія послѣдующаго періода говорятъ о черносошныхъ, какъ объ особенномъ классѣ селянъ, состоящихъ только въ вятской и велико-устюжской провинціяхъ и въ прочихъ поморскихъ городахъ и уѣздахъ ([20]). Въ началѣ сего періода упоминаются въ той же странѣ *волостные крестьяне*, въ рядъ съ которыми должны были нести повинности и службы половники и крестьяне великоустюжскихъ посадскихъ людей ([21]). Можетъ быть эти крестьяне волостные, т. е. черныхъ волостей, черносошные различались отъ государевыхъ и дворцовыхъ не

([18]) Reutz Rechtsgesch. S. 290.—([19]) Свод. Зак. т. V Уст. Подат. ст. 7, гдѣ упоминаются подтвердительныя грамоты, непомѣщенныя въ Полномъ Собраніи Законовъ.—([20]) 1734 г. мая 13, Меж. Инструкція, гл. XXIX, п. 1; ср. 1723 г. окт. 23, п. 4.—([21]) 1652 г. іюня 18.

только именемъ, но и нѣкоторыми правами своего состоянія, намъ неизвѣстными.

c) *Ямщики* получили бытіе свое, какъ отдѣльное сословіе, во времена Іоанна III, который уставилъ *ямы и подводы на дорогахъ* (22).

Послику оба сіи разряда крестьянъ—помѣщиковы, вотчинниковы и дворцовые, государевы, въ продолженіи всего почти періода, подвержены одному и тому же крѣпостному состоянію, то мы, въ отношеніи къ нимъ обоимъ, разсмотримъ, какіе существовали въ это время способы установленія и прекращенія сего состоянія.

Оно установлялось чрезъ сообщеніе посредствомъ *рожденія* и *брака*. Такъ крѣпостной сообщалъ свое состояніе посадской вдовѣ или дѣвкѣ (слѣд. вольной).

Исключеніе было только для посадской, вступившей въ бракъ съ крѣпостнымъ въ бѣгахъ или по подговору владѣльца: она возвращалась въ посадъ съ своимъ мужемъ, слѣдовательно сообщала ему свое состояніе (23).

Крѣпостное состояніе прекращалось въ теченіи этого періода:

1) Отпущеніемъ на волю по государеву указу крѣпостнаго измѣнника, бѣжавшаго въ иную державу (24).

2) Взятіемъ въ плѣнъ въ иную землю (25).

3) Принятіемъ греко-россійской вѣры иновѣрцами, находившимися во владѣніи некрещеныхъ (26).

4) Бракомъ крѣпостной дѣвки и вдовы съ людьми свободными, хотя бы и безъ воли владѣльца заключеннымъ (27).

5) *Вступленіемъ въ вольницу*, т. е. добровольною запискою въ военную службу, даже безъ воли владѣльца (28), съ единственнымъ ограниченіемъ: не велѣно было въ службу *принимать крестьянъ и ихъ дѣтей съ ихъ жеребьевъ* (29).

3. *Свободные крестьяне, водворенные на владѣльческихъ земляхъ—половники.*

Этотъ классъ селянъ, донынѣ существующій, упоминается въ указѣ Алексѣя Михайловича 1652 г. іюня 18, приведенномъ

---

(22) Дух. грам. 1504 г. въ Собр. гос. гр. и дог.—(23) Ул. XIX, 38.—(24) Тамъ же XX, 33.—(25) Тамъ же 34.—(26) Тамъ же 71, подтв. 1692 г. апр. 20.—(27) Ул. XX, 27.—(28) 1700 г. б. ч. 1700 г. мая 2.—(29) 1702 г. апр. 29, и 1712 г. дек. 2.

(см. выше стр. 134) въ статьѣ о черносошныхъ крестьянахъ. Изъ него видно, что они водворены были на земляхъ *великоустюжскихъ посадскихъ людей*, но не составляли единственнаго населенія этихъ земель: они именно противополагаются крестьянамъ оныхъ владѣльцевъ. Подобное свѣдѣніе находится и въ новѣйшемъ законѣ о половникахъ 1827 г. дек. 31, изъ котораго явствуетъ, что они жили въ вологодской губерніи на земляхъ, принадлежащихъ купцамъ, мѣщанамъ и даже крестьянамъ.

Объ отношеніяхъ половниковъ къ владѣльцамъ ничего не сказано въ вышеприведенномъ указѣ Алексѣя Михайловича: только говорится о податяхъ, повинностяхъ и службамъ, которыя они должны были нести вмѣстѣ съ крестьянами владѣльцевъ, *въ рядъ съ волостными* (черносошными) *крестьянами*, повытно и по очередямъ, по выбору мірскихъ тяглыхъ людей.—Особенныя же ихъ права и обязанности въ отношеніи къ владѣльцамъ земли опредѣлялись договорами, заключенными на основаніи туземныхъ *обычаевъ*, *кои были весьма разнообразны* (30).

Что касается до ихъ происхожденія, то оно отнесено въ рукописномъ Историческомъ Сводѣ къ XVII столѣтію. Въ немъ сказано, на основаніи грамоты 7207 г. (1699), не помѣщенной въ Полномъ Собраніи Законовъ, что они образовались въ устюжской области, входящей нынѣ въ составъ вологодской губерніи, *изъ черносошныхъ крестьянъ*, которые селились по добровольнымъ условіямъ съ владѣльцами на частныхъ земляхъ, для обработыванія оныхъ и *получали за то* половину изъ всѣхъ произведеній, съ обязанностію владѣльцевъ платить за нихъ и подушныя подати.

Что въ половничество вступали *крестьяне изъ черносошныхъ волостей*, потомъ снова возвращались въ тѣже волости въ крестьяне, это подтверждается въ слѣдующемъ періодѣ закономъ, который постановилъ о нихъ нѣкоторыя правила въ 1725 г. (31).

Но что происхожденіе ихъ гораздо древнѣе XVII столѣтія, это доказать можно извѣстіями о половникахъ, встрѣчающимися въ грамотахъ XIV столѣтія; при соображеніи этихъ извѣстій, невольно раждается предположеніе, что половники великоустюжскіе и

(30) Это сказано и въ указѣ 1827 г. дек. 31.—(31) 1725 г. февр. 22.

поморскіе ([32]) суть остатки древнихъ классовъ селянъ, имѣвшихъ свое особенное устройство въ обширной нѣкогда народной державѣ Великаго Новгорода.

ПЕРІОДЪ II.

Отъ первой ревизіи въ 1719 г. до межевой инструкціи 1766 г.

Введеніе поголовной переписи имѣло важное вліяніе на образованіе низшаго класса народа, особенно крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ. Разсмотримъ сіи перемѣны по главнымъ разрядамъ, изложеннымъ въ предъидущемъ періодѣ.

1. *Крестьяне и бобыли помѣщиковы и вотчинниковы.*

Мы уже видѣли, что въ концѣ перваго періода существенное различіе помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ изгладилось отъ уравненія помѣстьевъ съ вотчинами, но различіе въ названіи оставалось до уничтоженія онаго императрицею Анною, въ 1731 г.

Мы видѣли также, какъ крестьянство постепенно сближалось съ *холопствомъ*. Сіе сближеніе пріуготовило и сдѣлало необходимую важнѣйшую перемѣну, совершившуюся въ этомъ періодѣ— окончательное сліяніе сихъ двухъ состояній. Оно произведено было переписью поголовною, которая подвергнула холопей и крестьянъ одинакому подушному окладу.

Но и здѣсь видна извѣстная постепенность: въ первой ревизіи заключалась уже эта перемѣна въ существѣ своемъ, но еще не совсѣмъ явственно и положительно была выражена, что предоставлено было второй переписи.

Главною цѣлью первой ревизіи было ([33]) *расположеніе полковъ армейскихъ на крестьянъ всего государства.* Вслѣдствіе этой цѣли записаны въ оную только крестьяне, бобыли, задворные и дѣловые люди, которые имѣли свои пашни. Холопей въ собственномъ смыслѣ, т. е. *дворовыхъ людей* (безъ пашни), *слугъ и слу-*

([32]) Въ ук. 1723 г. окт. 23, п. 5, сказано, что половники обрѣтаются въ поморскихъ и въ другихъ городахъ.—([33]) 1719 г. генв. 22.

жебниковъ ([34]) велѣно было переписать особо, *только для извѣстія.*

Вторая ревизія ([35]) имѣла уже главнѣйшею цѣлію *умноженіе государственныхъ доходовъ.* Посему въ нее записаны были *всѣ люди* низшаго класса безъ изъятія. Это есть положительное, въ самомъ законѣ выраженное, уравненіе крестьянъ и холопей.

Весьма замѣчательно, что не смотря на совершенное уничтоженіе кабальнаго холопства въ семъ періодѣ ([36]), *добровольное вступленіе въ крѣпостное состояніе* осталось во всей своей силѣ. Сначала первая ревизія положила было нѣкоторую преграду: приказано было принимать въ крѣпостные только *негодныхъ въ службу* ([37]); но при второй ревизіи и въ послѣдствіи не было полагаемо уже никакого ограниченія. Существовали только нѣкоторыя исключенія: не могли записываться въ крѣпостное состояніе:

1) Люди духовнаго происхожденія.

2) Городскіе обыватели.

3) Крестьяне, приписанные къ государственнымъ и дворцовымъ землямъ.

4) Воспиноплѣнные христiане, также иноземцы иновѣрные, принявшіе грекороссійскую вѣру; но если они вступали въ бракъ съ крѣпостною, то обращались въ крѣпость ея владѣльцу.

Этотъ послѣдній способъ установленія крѣпостнаго состоянія обязанъ бытіемъ своимъ законодательству сего періода ([38]), которое введеніемъ онаго уничтожило правила, въ Уложеніи заключающіяся, что крѣпостная женщина не сообщаетъ чрезъ бракъ своего состоянія свободному человѣку, а напротивъ того получаетъ чрезъ оный свободу ([39]).

Изъ всего этого явствуетъ, что въ семъ періодѣ законодательство не только не ставило преградъ распространенію крѣпостнаго состоянія, но еще одобряло оное.

Тоже самое видно и въ способахъ прекращенія сего состоянія, которые остались тѣже самые, съ присоединеніемъ новыхъ, весьма немногихъ и незначительныхъ. Хотя вступленіе въ вольницу было

([34]) 1722 г. мая 10, о переписке дворовыхъ людей безъ раскладки на полки.—([35]) Инструкція о ревизіи 1743 г. дек. 16, п. 3 и 7.—([36]) 1718 г. генв. 15, 1721 г. мар. 4, 1743 г. сент. 28, п. 2.—([37]) 1724 г. авг. 28; 1741 г. сент. 21; 1744 г. іюля 10.—([38]) 1721 г. март. 7; 1722 г. іюня 1.—([39]) См. выше. на стр. 135.

запрещено ([40]), но вмѣсто онаго произошелъ подобный способъ отъ введенія рекрутскихъ наборовъ; ибо отставнымъ солдатамъ предоставлено право избирать родъ жизни, какой сами пожелаютъ ([41]).

Совершенно новые способы суть:

1) Бѣглые выходили изъ крѣпостнаго состоянія въ одномъ только случаѣ: если не сказывались чьи были напредъ бѣговъ, и не имѣлось въ виду никакихъ доказательствъ; они поселялись на дворцовыхъ земляхъ ([42]).

2) Добровольный письменный отказъ владѣльца отъ припятія бѣглыхъ людей его, сысканныхъ мѣрами правительства, прекращалъ ихъ крѣпостное состояніе: таковые, годные, писались въ службу, прочіе отсылались въ казенныя работы ([43]).

Обращеніе крестьянъ духовныхъ властей и монастырскихъ, начатое Петромъ Великимъ въ концѣ предыдущаго періода, въ сословіе крестьянъ государственныхъ, замедлено было въ настоящемъ періодѣ колебаніемъ законодательства, которое возвращало ихъ попеременно то въ духовное, то въ свѣтское вѣдомство, доколѣ Екатерина В., въ 1764 г., окончательно включила ихъ въ число государственныхъ селянъ. Такъ какъ сіи крестьяне уже въ началѣ сего періода вышли изъ категоріи крѣпостныхъ, то разсмотрѣніе перемѣнъ, съ ними происшедшихъ, отнесено нами ко второму разряду сельскихъ обывателей.

Въ семъ періодѣ, въ царствованіе императрицы Анны, произошелъ особенный родъ крѣпостныхъ крестьянъ—*приписныхъ сперва къ фабрикамъ* (1736), а потомъ къ *заводамъ* (1739).

Для пользы государственной и чтобъ фабрики отъ разобранія мастеровыхъ и работныхъ людей не пришли въ упадокъ и раззореніе, повелѣно всѣмъ, кои дотолѣ обрѣтались при фабрикахъ и мануфактурахъ не въ простыхъ работахъ, а обучились какому-нибудь мастерству, относящемуся къ симъ заведеніямъ, *быть вѣчно при фабрикахъ*, и подтверждено фабрикантамъ право *покупать впредь*

([40]) 1726 г. мар. 5; 1727 г. сент. 20; 1742 г. іюля 2.—([41]) Многіе указы съ 1722 по 1736 г.—([42]) 1722 г. апр. 6; 1723 г. апр. 25.—([43]) 1736 г. іюля 26.

къ своимъ мануфактурамъ и фабрикамъ людей и крестьянъ, только безъ земли и не цѣлыми деревнями (44).

Вскорѣ, по силѣ нововведеннаго Бергрегламента (45), казенные рудокопные заводы сданы разнымъ компаніямъ или партикулярнымъ людямъ, при чемъ положено приписывать къ нимъ крестьянъ, на основаніи предыдущаго закона, не цѣлыми волостями, но по нѣскольку дворовъ. При императрицѣ Елисаветѣ законы начали преграждать распространеніе этого рода крестьянъ. Такъ ограниченъ оный опредѣленнымъ числомъ (46) и въ ук. 1760 г. (іюля 27) даже выражено замѣчательное правило, противное ихъ первоначальному учрежденію, что къ партикулярнымъ заводамъ деревни приписываются на время, а не вѣчно (47).

2. *Крестьяне дворцовые и государственные.*

Переименованіе государственными, о которомъ упомянуто во второмъ періодѣ, относилось сперва только къ *государевымъ* въ смыслѣ Уложенія (49), но теперь распространено и на *черносошныхъ* (50), и на *ямщиковъ*.

Прим. Сообразно съ планомъ моимъ, не упоминаю о Татарахъ и ясашныхъ, потому что они не принадлежатъ къ великороссійскимъ сельскимъ обывателямъ.

Дворцовые крестьяне составляли отдѣльный родъ; ибо на нихъ собственно не распространено названіе государственныхъ. Они подходили болѣе подъ категорію крѣпостныхъ (51).

Къ нимъ присоединились въ семъ періодѣ:

1) Крестьяне, приписные къ комнатамъ волостей и собственныхъ отчинъ императорскаго дома (52).

2) Крестьяне отписныхъ (конфискованныхъ) волостей и селъ (53).

Разрядъ государственныхъ крестьянъ въ собственномъ смыслѣ

---

(44) 1736 г. генв. 7.—(45) 1739 г. мар. 3, Бергрегламентъ.—(46) 1752 г. март. 12; 1753 г. авг. 12.—(47) 1760 г. іюля 27.—(48) 1762 г. март. 21. На *этотъ указъ ссылается* ук. 1763 г. апр. 9.—(49) См. выше на стр. 133.—(50) 1723 г. окт. 23, п. 4. Плакатъ 1724 г. іюня 26.—(51) Это видно изъ ук. 1722 г. мая 7 гдѣ сіи крестьяне, въ отношеніи къ платежу оброка, упоминаются на ряду съ вотчинниковыми.—(52) Упомин. въ ук. 1719 г. дек. 24. Инструкція полевыхъ и гарнизонныхъ командъ офицерамъ, п. 2.—(53) Упом. (1754 мая 13) въ пунктахъ о бѣглыхъ, п. 10.—

увеличенъ былъ въ семъ періодѣ присоединеніемъ къ нему новыхъ родовъ сельскихъ обывателей, а именно:

1) Однодворцевъ, вслѣдствіе первой ревизіи.

2) *Крестьянъ* приписныхъ къ разнымъ казеннымъ заводамъ и вѣдомствамъ, происшедшихъ въ семъ періодѣ. Начиная съ приписныхъ крестьянъ къ заводамъ олонецкимъ (54), число ихъ постепенно увеличилось (55).

3) Крестьянъ духовнаго вѣдомства.

Пространство сего обозрѣнія не позволяетъ мнѣ разсмотрѣть происхожденіе разныхъ родовъ приписныхъ крестьянъ къ заводамъ казеннымъ. Посему упомяну только объ однодворцахъ и крестьянахъ духовнаго вѣдомства.

1. *Однодворцы.*

Они приписаны къ низшему классу народа въ первую ревизію (56) и положены въ 1724 г. въ одинъ подушный окладъ съ государственными крестьянами (57).

Но кто были эти однодворцы? Въ первой ревизіи о нихъ говорится, какъ о существующемъ уже классѣ податныхъ людей. Слѣдовательно, названіе *однодворцевъ* было и прежде въ употребленіи въ народѣ, но въ законахъ оно упоминается теперь только въ первый разъ.

Что они различались *отъ служилыхъ людей* прежнихъ службъ, это явствуетъ изъ того, что законы сего періода постоянно упоминаютъ объ нихъ, хотя наряду съ оными людьми, но никогда не смѣшивая ихъ между собою. Съ другой стороны, это же самое обстоятельство свидѣтельствуетъ, что было большое сходство между ними: отъ сего они такъ легко вошли въ одно сословіе и послѣ слились совершенно.

Сообразивъ это различіе и сходство, мы можемъ предположить, что однодворцы принадлежали въ первомъ періодѣ къ низшему классу дворянъ, а именно къ *дѣтямъ боярскимъ*, изъ коихъ многіе за неимѣніемъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дачъ, были испомѣщаемы въ городахъ и уѣздахъ, различнымъ числомъ *дворовъ* крестьянскихъ и бобыльскихъ, отъ 10 до 2, съ обязанностію служить въ рей-

(54) 1725 мая 3.—(55) 1726 г. март. 5, и многіе иные.—(56) 1719 г. генв. 22.—(57) 1724 г. іюня 26. Плакатъ о полковникѣ и офицерѣ, п. 13.

тарахъ ([58]). Сіи рейтары были почетнѣе всѣхъ прочихъ служилыхъ: въ иныхъ полкахъ они получали жалованье наравнѣ съ дворянами и дѣтьми боярскими ([59]). Иные же дѣти боярскіе, вѣроятно, вступали въ прочіе низшіе разряды служилыхъ людей, и получали въ помѣстье по одному двору, или и сами, обѣднѣвъ отъ раздѣловъ вотчиннаго имѣнія, имѣли отъ онаго не болѣе одного двора. Съ распространеніемъ регулярнаго войска, сей классъ мелкопомѣстныхъ дѣтей боярскихъ болѣе и болѣе размножался и потому далъ происхожденіе общему ихъ наименованію—*однодворцевъ*.—Служилые люди не изъ дѣтей боярскихъ получали также помѣстные участки по ихъ окладамъ; но, не принадлежа къ дворянству, по происхожденію своему, всегда отдѣлялись отъ нихъ, составляя родъ средняго сословія. Когда воинское устройство совершенно было преобразовано Петромъ Великимъ, то личная служба тѣхъ и другихъ сдѣлалась излишнею, и потому какъ однодворцы, такъ и служилые люди, водворенные на своихъ земляныхъ участкахъ, по существу своему, превратились въ сельскихъ обывателей, занимающихся однимъ хлѣбопашествомъ. Наконецъ, они въ самомъ дѣлѣ были причислены къ сему классу, какъ выше нами показано. Нѣкоторые, жившіе въ пограничныхъ губерніяхъ, особенно въ Украйнѣ, въ замѣну прежней личной службы, положены были на содержаніе и укомплектованіе опредѣленнаго числа *ландмилицскихъ полковъ*, что продолжалось до совершеннаго сравненія сихъ полковъ съ прочими армейскими, при Екатеринѣ II.

Таковое объясненіе происхожденія однодворцевъ подтверждается свѣдѣніями, которыя заключаются въ краткой исторіи ихъ, помѣщенной въ высочайше конфирмованномъ докладѣ Сената 1798 г. (сент. 24). Въ числѣ служилыхъ людей, которые въ оной исторіи смѣшиваются съ однодворцами, помѣщены и *боярскіе дѣти*. Всѣ эти служилые, сказано тамъ, получали земляные участки на каждаго особо, какъ видно изъ строельныхъ книгъ 155 (1647) и 156 (1648), и селились на нихъ особливыми дворами; отъ чего и названы однодворцами. Но это, кажется, есть только догадка того, кто помѣстилъ сіи свѣдѣнія въ упомянутой исторіи.

Сверхъ показанныхъ составныхъ частей однодворцевъ, вошли

([58]) 1659 г. февр. 21; 1670 г. б. ч.; 1682 г. окт. 25.—([59]) 1659 г. окт. 9

въ сей классъ еще до 1-й ревизіи нѣкоторые изъ высшаго дворянства, имѣвшіе за собою 100 и 200 дворовъ: отбывая отъ службы, наистрожайше вмѣненной Петромъ В. въ обязанность дворянству, они записались добровольно въ однодворцы; но послѣ, вмѣстѣ съ ними, приписаны къ низшему сословію; отъ присоединенія сихъ дворянъ къ однодворцамъ *произошли крестьяне однодворческіе*. Это свѣдѣніе, сообщаемое въ той же исторіи, подтверждается многими мѣстами въ законахъ сего періода, гдѣ въ числѣ однодворцевъ упоминаются именно такіе, которые, записавшись въ это сословіе изъ дворянъ, въ однодворческомъ званіи «продолжали владѣть своими дѣдовскими и отцовскими помѣстьями» (60). Отъ этого проистекли особенныя права, которыми однодворцы отличаются отъ прочихъ государственныхъ крестьянъ, будучи съ ними сравнены во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ; но разсмотрѣніе постепеннаго образованія этихъ правъ заставило бы насъ переступить границы, сему обозрѣнію предначертанныя.

2. *Крестьяне духовнаго вѣдомства.*

Сіи крестьяне, прежде окончательнаго присоединенія ихъ къ числу государственныхъ, въ концѣ сего періода, подвергались различнымъ перемѣнамъ, отъ мѣръ законодательства, часто одна другой вовсе противоположныхъ.

По учрежденіи Святѣйшаго Синода, его вѣдомству подчинены были прежде бывшія патріаршія (теперь синодальныя), архіерейскія и монастырскія вотчины (61). Доходы съ архіерейскихъ вотчинъ подвергнулись отчетности, а съ монастырскихъ должны были обращаться въ общую казну, для употребленія на общественныя потребности (62). Духовныя власти не имѣли права отчуждать крестьянъ, на земляхъ ихъ поселенныхъ (63).

Намѣреніе Петра В. подчинить по прежнему сіи вотчины свѣтскому управленію пресѣклось съ его кончиною. По при Екатеринѣ I сіе исполнено было учрежденіемъ *Коллегіи Экономіи* синодальнаго правленія (64), подтвержденнымъ императрицею Анною (65). Отсюда произошло названіе *экономическихъ крестьянъ* (66).

(60) 1729 г. генв. 10; 1744 г. іюля 24.—(61) 1721 г. февр. 14.—(62) 1721 г. генв. 25, дух. регл.—(63) 1721 г. мая 20, п. 11.—(64) 1726 г. іюля 12 и сент. 26.—(65) 1738 г. окт. 30.—(66) Такъ они названы въ инструкціи члену

Въ правленіе принцесы Анны Браупшвейгъ-Люнебургской (67) Синодъ испросилъ возвращеніе ихъ снова подъ вѣдомство духовныхъ властей, съ платежемъ дохода въ Коллегію Экономіи, которая вскорѣ, при императрицѣ Елисаветѣ, упразднена по его же прошенію (68). Злоупотребленія, отъ того произшедшія, возбуждавшія иногда строптивость и непослушаніе крестьянъ, заставили Императрицу помыслить о преобразованіи, которое, по кончинѣ ея, исполнено было Петромъ III (69). Согласно съ ея предположеніями, крестьяне ввѣрены управленію возстановленной Коллегіи Экономіи, подвѣдомственной Сенату, и обложены оброкомъ, наравнѣ съ прочими государственными.

Однако въ томъ же году (1762) Екатерина II, назвавъ это преобразованіе «однимъ изъ нововведенныхъ въ бывшее предъ симъ правленіе непорядковъ и неполезныхъ установленій», совершенно отмѣнила оное, и, уничтоживъ Коллегію Экономіи, возвратила духовенству въ управленіе всѣ движимыя и недвижимыя имущества, впредь до будущаго о нихъ лучшаго учрежденія (70). Для сей послѣдней цѣли, поручено особенной Коммиссіи разсмотрѣть сіи имѣнія и составить планъ о употребленіи доходовъ, на основаніе духовныхъ училищъ и инвалидныхъ домовъ, согласно съ опредѣленіемъ духовнаго регламента (71). Наконецъ, черезъ два года, эта важная перемѣна совершилась—учреждена Коллегія Экономіи, которой повелѣно принять подъ свое вѣдѣніе и управленіе всѣхъ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ (1764 г. февр. 26) (72).

3. *Свободные крестьяне.*

Сверхъ половниковъ, образовался въ семъ періодѣ новый классъ свободныхъ селянъ, подъ названіемъ *отставныхъ и поселенныхъ солдатъ*, въ царствованіе императрицы Анны, въ 1736 г.

Въ постановленіи (73) о ихъ учрежденіи повелѣно по примѣру, какъ въ древности раздавались помѣстныя земли служилымъ лю-

---

Коллегія Экономіи, 1740 г. март. 6.—(67) 1741 г. іюня 26.—(68) 1744 г., на него ссыл. ук. 1764 г. февр. 26.—(69) 1762 г. февр. 16 и март. 21.—(70) 1762 г. авг. 12.—(71) 1762 г. ноябр. 29.—(72) 1763 г. мая 12, 1764 г. февр. 26.—(73) 1736 г. дек. 27.

дямъ прежнихъ службъ, селить *отставныхъ за ранами и болѣзнями и старостію* унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и нестроевыхъ, не имѣющихъ своихъ собственныхъ деревень и пропитанія, близь границъ, на пустыхъ земляхъ, а именно *по р. Волгѣ и по впадающимъ въ оную рѣкамъ* и въ *казанской губерніи*, и отводить имъ земли на каждую семью отъ 20 до 30 четвертей, въ ограниченную собственность; ибо хотя и дано имъ, а по нихъ женамъ ихъ и дѣтямъ, право вѣчнаго владѣнія этими землями, но запрещено продавать и всякимъ образомъ отчуждать оныя не только посторонним, но и между собою (74).

ПЕРІОДЪ III.

Отъ межевой инструкціи 1766 до кончины Александра въ 1825 г.

Въ семъ періодѣ взору законовѣдца представляется зрѣлище утѣшительное. Правительство, благодѣтельными постановленіями, не только полагаетъ непреодолимую препону дальнѣйшему распространенію крѣпостнаго состоянія, которое въ предыдущемъ періодѣ достигло своего полнаго образованія, но и дѣлаетъ важный шагъ къ уничтоженію его чрезъ введеніе новаго способа его прекращенія отпущеніемъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями.

1. *Крестьяне крѣпостные.*

Въ способахъ установленія сего состоянія произошло важное измѣненіе чрезъ *совершенное запрещеніе укрѣплять вольныхъ людей*; но это сдѣлалось не вдругъ, а въ слѣдующей постепенности.

Сперва эта перемѣна является только въ видѣ особенной привилегіи для Воспитательнаго дома и Академіи Художествъ, коихъ воспитанники не могли никѣмъ быть укрѣпляемы, инже по добровольному съ ихъ стороны уговору (75); потомъ въ видѣ дозволенія отпущеннымъ отъ помѣщиковъ на волю людямъ впредь ни за кого не записываться, а избирать всякій другой родъ жизни (76); нако-

---

(74) Подтверждено имп. Елисаветою 1753 г. нояб. 22.—(75) 1763 г. сент. 14, гл. VI, п. 4 и 1764 г. нояб. 4.—(76) Ман. 1775 г. мар. 17 п. 46.

нецъ, въ видѣ прямаго запрещенія, которое послѣдовало не прежде четвертой ревизіи ([77]). Но и сіе положительное запрещеніе не было еще выражено во всей полнотѣ и безусловности: ибо законодательство принуждено было весьма часто распространять оное и прилагать къ отдѣльнымъ частнымъ случаямъ, представлявшимъ еще причины сомнѣнія.

Оно тогда только утвердилось на незыблемомъ основаніи, когда выражено было въ видѣ общаго правила, выведеннаго изъ прежнихъ узаконеній, въ высочайше конфирмованномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 1812 г. марта 12. Оно слѣдующаго содержанія:

«*Люди, воспользовавшіеся единожды свободою по отпускной ли помѣщика или по распоряженію правительства, никогда не могутъ быть возвращены въ крѣпостное состояніе*». Это правило столь строго, что прилагается во всей силѣ даже къ тѣмъ крѣпостнымъ людямъ, которые записались въ какое-либо свободное состояніе по подлогу; ибо они подвергаются только уголовному наказанію за подлогъ ([78]), а не возвращаются владѣльцу.

Установленіе крѣпостнаго состоянія чрезъ бракъ также было уничтожено: 1) сперва въ отношеніи къ военноплѣннымъ и иноземнымъ иновѣрцамъ, принявшимъ греко-россійскую вѣру, которые, по силѣ нововведенія въ предыдущемъ періодѣ ([79]), вступали въ крѣпостное состояніе чрезъ бракъ съ крѣпостною женщиною. Это само собою прекратилось чрезъ распространеніе на сихъ людей вышеупомянутаго запрещенія укрѣплять свободныхъ; 2) потомъ въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ женскаго пола, которыя чрезъ бракъ съ крѣпостными не стали болѣе терять своего свободнаго права, вслѣдствіе особеннаго по сему предмету постановленія ([80]).

Нѣкоторыя постановленія, явно благопріятствующія прекращенію крѣпостнаго состоянія, достойны вниманія:

1) Иски о свободѣ изъяты отъ десятилѣтней давности ([81]).

2) Запрещено допускать въ отпускныхъ такія условія, которыя могли бы быть стѣснительны для даруемой свободы ([82]), между

([77]) 1780 г. окт. 5; 1781 г. нояб. 16, п. 11; 1782 г. дек. 13; 1785 г. апр. 21 ст. 79; іюня 2, п. 1 и 2 и окт. 31.—([78]) 1810 г. нояб. 20.—([79]) См. на стр. 138.—([80]) 1808 г. февр. 18, п. 1 и 2; 1815 г. сент. 21, п. 7; 1817 г. іюн. 16.—([81]) 1806 г. генв. 11; 1807 г. сент. 3; 1815 г. сент. 21, п. 1.—([82]) 1816 г. февр. 28.

тѣмъ какъ сперва право дѣлать подобныя условія предоставлено было владѣльцу, который могъ даже уничтожить отпускную по своему произволу ([83]).

Таковое благопріятствованіе еще болѣе видно въ слѣдующихъ новыхъ способахъ прекращенія крѣпостнаго состоянія:

1) Доносъ въ судебномъ мѣстѣ объ утайкѣ душъ въ ревизіи даетъ свободу доносителю съ семействомъ ([84]).

2) Обращеніе въ казну дворовыхъ людей и беззмельныхъ крестьянъ по казеннымъ взысканіямъ съ помѣщиковъ, не имѣющихъ никакихъ другихъ крѣпостныхъ: узаконенія не предписываютъ возвращать ихъ по очисткѣ долга ([85]).

3) Пропускъ владѣльцемъ срока, опредѣленнаго законами на удержаніе рѣшенія нижняго судебнаго мѣста, коимъ присуждена свобода ([86]).

4) Но самый важный для блага государства способъ есть отпущеніе цѣлыхъ селеній на волю, т. е. крѣпостныхъ крестьянъ съ землею ([87]). Такъ какъ онъ далъ существованіе новому классу сельскихъ обывателей—свободныхъ хлѣбопашцевъ, то мы скажемъ о немъ нѣсколько словъ въ третьемъ разрядѣ.

2. *Крестьяне дворцовые и государственные.*

Въ семъ періодѣ они еще болѣе отдѣлились отъ разряда крѣпостныхъ и приближались къ свободному состоянію, особенно вслѣдствіе закона (1801 г.), которымъ дозволена имъ поземельная собственность наравнѣ съ прочими свободными людьми ([88]).

Въ разныхъ классахъ сихъ крестьянъ произошли слѣдующія перемѣны:

Дворцовые крестьяне отошли въ составъ государственныхъ по открытіи губерній, на основаніи учрежденія ([89]). Но при императорѣ Павлѣ они были замѣнены *удѣльными*. Для обезпеченія состоянія фамиліи императорской и облегченія государственныхъ

([83]) 1812 г. мар. 12; 1813 г. іюня 23.—([84]) 1763 г. февр. 13 п. 3 (3-я рев.). Сіе правило возобновлено при 7-й рев. 1811 г. мая 18, п. 16, отд. 4; мая. 1815 г. іюня 20, п. 17 отд. 4.—([85]) 1798 г. генв. 27; 1803 г. окт. 27; 1823 г. іюня 30.—([86]) 1824 г. март. 12, п. 1.—([87]) 1803 г. февр. 20.—([88]) 1801 г. дек. 12.—([89]) 1783 г. мая 3; 1786 г. ноябр. 2.

расходовъ составлены удѣлы, и для сего назначены имѣнія, подъ именемъ дворцовыхъ, въ государственномъ исчисленіи (?) состоящіе ([90]).

Число приписныхъ было увеличено постепенно; такимъ образомъ упоминаются деревни, приписанныя къ *конскимъ заводамъ* ([91]), къ *госпиталю* ([92]), и *сокольи помытчики*, состоящіе въ разныхъ губерніяхъ и сравненные съ казенными крестьянами, исключая помыкающихъ кречеты въ казанской губерніи, кои оставлены на прежнемъ основаніи ([93]).

Въ составъ государственныхъ крестьянъ вошелъ образовавшійся во второмъ періодѣ классъ свободныхъ селянъ—*отставныхъ и поселенныхъ солдатъ*. Сперва они были свободны отъ общей рекрутской повинности, употреблялись на укомплектованіе войскъ такимъ образомъ, что отъ каждаго отца, имѣвшаго 2, 3 и болѣе сыновей, всѣ приходившіе въ 20-лѣтній возрастъ брались въ службу, исключая одного сына, который навсегда оставался при отцѣ. Срокъ для ихъ выслуги назначенъ былъ 15-лѣтній. По возвращеніи въ селеніе, имъ отводились земли, а для обзаведенія всѣмъ нужнымъ они получали вспоможеніе отъ своихъ родственниковъ, на которое они имѣли право, какъ служившіе за нихъ ([94]). Потомъ (1816) они и въ отношеніи къ рекрутской повинности сравнены съ прочими казенными крестьянами ([95]). Подобный классъ селянъ произошелъ въ 1818 году—*военные поселяне*: предположено было каждому полку дать осѣдлость въ извѣстномъ округѣ земли и опредѣлить на укомплектованіе онаго единственно самихъ жителей сего округа ([96]).

Позволеніе, дарованное императрицею Екатериною ([97]), всѣмъ иностранцамъ селиться, гдѣ кто пожелаетъ, дало начало новому классу свободныхъ крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ казенныхъ—*колонистамъ*. Они могли селиться не только цѣлыми селеніями, но и отдѣльными семействами ([98]) и получали опредѣленныя привилегіи. Сперва сіе позволеніе простиралось на иностранцевъ всякаго званія и состоянія; но поелику это произвело много

([90]) 1797 г. апр. 5, Учр. имп. фам., отд. 1, § 1 и 2.—([91]) 1786 г. март. 14.—([92]) 1786 г. іюля 21.—([93]) 1800 г. март. 9.—([94]) 1789 г. генв. 23.—([95]) 1816 г. іюля 28.—([96]) 1818 г. февр. 13.—([97]) 1763 г. іюня 22.—([98]) 1785 г. іюля 14 и многіе иные указы.

дурныхъ хозяевъ и большею частію самыхъ бѣдныхъ, то въ царствованіе императора Александра ([99]) принятіе поселенцевъ *ограничено по самой необходимости и единственно на хорошихъ* и *достаточныхъ хозяевахъ*, кои для края могутъ быть полезны, какъ то: на земледѣльцахъ, винодѣлахъ, и пр. и мастеровыхъ сельскихъ: таковые люди, желающіе переселиться, должны предъявить россійскимъ министрамъ и другимъ агентамъ, находящимся въ ихъ отечествѣ, свидѣтельство и вѣрные поруки, что имѣютъ и везутъ съ собою имѣніе или въ наличномъ капиталѣ или въ товарахъ, не менѣе какъ на 30 гульденовъ; сверхъ того, они непремѣнно должны быть семьянистые: одинокихъ запрещено принимать, развѣ бы кто захотѣлъ взять ихъ въ свое семейство.

3. *Свободные крестьяне.*

Этотъ классъ селянъ, ограничивавшійся одними половниками (поселенные солдаты отошли въ составъ казенныхъ крестьянъ), значительно размножился въ семъ періодѣ чрезъ образованіе не только вольныхъ сельскихъ обывателей, водворенныхъ на земляхъ владѣльческихъ, но и такихъ, которые занимаются сельскимъ хозяйствомъ на собственныхъ земляхъ.

Перваго рода свободные селяне произошли вслѣдствіе позволенія, даннаго Екатериною II ([100]), дворянамъ, купцамъ и свободнымъ иностраннымъ людямъ водворять на своихъ земляхъ иностранныхъ колонистовъ, на основаніи добровольныхъ контрактовъ, утвержденныхъ начальствомъ. При императорѣ Александрѣ предоставлено это право всѣмъ, кои, по силѣ закона 1801 г. дек. 12, могутъ покупкою или другимъ законнымъ образомъ пріобрѣтать земли себѣ въ собственность ([101]); равномѣрно, постановлены правила, коими отмѣнены прежніе *земскіе обряды*, весьма обременительные для переселявшихся колонистовъ ([102]).

Втораго рода классъ селянъ, коего существованіе сопрягается тѣсно съ благосостояніемъ государства, — классъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, имѣющихъ не только свободу личную, но и собственность поземельную, образовался отъ введенія новаго, выше-

---

([99]) 1804 г. февр. 20.—([100]) 1765 г. нояб. 1.—([101]) 1817 г. авг. 23.—([102]) 1802 г. мая 9.

упомянутаго способа отпущенія крѣпостныхъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями.

Поводомъ къ сей благодѣтельной мѣрѣ правительства былъ великодушный поступокъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Сергѣя Румянцова, который, имѣя желаніе нѣкоторымъ изъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ, при увольненіи ихъ, утвердить въ собственность продажею или на другихъ добровольныхъ условіяхъ участки изъ принадлежащихъ ему земель, испрашивалъ отъ высочайшей власти законнаго утвержденія таковаго распоряженія. Сіе утвержденіе даровано было 1803 г. февр. 20, какъ для него, такъ и для помѣщиковъ, кои впредь пожелаютъ послѣдовать его примѣру. Въ семъ достопамятномъ законѣ именно сказано, что таковое утвержденіе земель въ собственность можетъ во многихъ случаяхъ представить помѣщикамъ разныя выгоды и имѣть полезное дѣйствіе на ободреніе земледѣлія и другихъ частей государственнаго хозяйства.

Вмѣстѣ съ симъ постановлены были правила, по коимъ должны быть составляемы условія обоюдныя между увольняемыми крестьянами и ихъ помѣщикомъ[103]. Сіи условія подведены подъ три категоріи:

1) Утвержденіе земли въ собственность за извѣстную сумму, вносимую при совершеніи отпускной. Это есть собственно чистая продажа.

2) Разсрочка платежа въ годы или опредѣленіе извѣстнаго числа лѣтъ, въ теченіи коихъ крестьяне остаются въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ повинностяхъ въ отношеніи къ помѣщику.

3) Крестьяне остаются крѣпкими землѣ помѣщика и, владѣя сю, обязуются на извѣстное число лѣтъ, по жизнь его или навсегда исправлять извѣстныя повинности, либо платить подать деньгами или продуктами.

Въ первыхъ двухъ случаяхъ только происходятъ свободные крестьяне, имѣющіе собственность поземельную; напротивъ того, по условіямъ втораго рода образуется такое временное или вѣчное состояніе крестьянъ, которое имѣетъ всѣ свойства *крестьянства*, какъ оно является въ Уложеніи, прежде смѣшенія своего съ холопствомъ.

---

(103) 1803 г. февр. 21.

Послѣдовавшее вскорѣ запрещеніе увольнять крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы по духовнымъ завѣщаніямъ изъ родовыхъ имѣній основано на общемъ правилѣ о сихъ послѣднихъ имуществахъ (104); но въ послѣдствіи это запрещеніе распространено и на благопріобрѣтенныхъ крестьянъ (105). Если это можетъ назваться нѣкотораго рода ограниченіемъ способовъ установленія званія свободныхъ хлѣбопашцевъ, то, съ другой стороны, мы видимъ распространеніе позволенія вступать въ это званіе даже на людей, отпущенныхъ на волю лично, или отсуждаемыхъ отъ помѣщичьяго владѣнія, если только они пріобрѣтутъ себѣ земли въ собственность (106).

Такимъ образомъ, благодѣтельное законодательство императора Александра I проложило надежный путь къ постепенному, безмятежному водворенію инаго лучшаго устройства многочисленнѣйшей части народа русскаго.

П. Калмыковъ.

---

(104) 1804 г. дек. 19.—(105) 1817 г. авг. 17.—(106) 1803 г. фев. 20.

ОТЪ КОСТРОМЫ ДО СОЛЬ-ГАЛИЧА.

(Изъ воспоминаній о зимней поѣздкѣ по Костромской губерніи въ 1857 г.)

Первая станція отъ Костромы по галицкой дорогѣ—деревня Калинки, 22½ версты. На этомъ разстояніи только одна господская усадьба: Зиновьево, въ 17-ти верстахъ отъ города, и, вслѣдъ за нею, деревня Дровники. До Калинокъ я проѣхалъ въ легонькой кибиткѣ тройкою въ рядъ. Но отсюда къ Галичу и Кологриву проѣзжающихъ и обозовъ менѣе; отчего дорога у́же, съ безчисленнымъ множествомъ раскатовъ и ухабовъ или шибней. По обѣ стороны торной дорожки глубокій снѣгъ, въ которомъ вязнутъ возы, лошади и люди. Просто бѣда, если на встрѣчу попадется проѣзжающій, а еще хуже обозъ. Кому нибудь да надо своротить. Куда какъ неохотно обозники уступаютъ дорогу почтовому ямщику. Иная лошаденка совсѣмъ уйдетъ въ снѣгъ вмѣстѣ съ возомъ; побарахтается немного да и пристанетъ: только и видны, что спина да голова.

Отъ Калинокъ до заштатнаго города Судиславля 28 верстъ. Мы ѣхали эту станцію *пара́тцемъ*, т. е. одна лошадь въ корню, а пара впереди. Далѣе дорога становится еще у́же, такъ что даже паратная ѣзда затруднительна и можно ѣхать только гусемъ. По дорогѣ къ Судиславлю попадаются восемь селеній или по тамошнему *жилъ*, въ томъ числѣ село Болотово съ каменною церковію, и господская усадьба. Въ Судиславль пріѣхали мы въ потемкахъ; я едва могъ различить церковь, противъ самой станціи, на высокомъ берегу рѣчки Корбы. Въ городѣ четыре кожевенныхъ завода съ 40 и 60 рабочихъ въ каждомъ, и папковая фабрика съ 30 рабочими.

Судиславль былъ сначала приписнымъ городомъ костромской провинціи и управлялся воеводою, а въ 1778 году, при открытіи костромскаго намѣстничества, сдѣланъ посадомъ и приписанъ къ Буевскому уѣзду. Въ 1791 году въ немъ было домовъ 81 и жителей: купцовъ муж. п. 114, жен. 117 и мѣщанъ муж. п. 134, жен. 141. Раскольниковъ во всемъ Буевскомъ уѣздѣ было немного и они отъ церкви себя не отчуждали. Въ Судиславлѣ не было тогда ни фабрикъ, ни заводовъ; только по понедѣльникамъ происходили торги,

на которые съѣзжалось до 300 подводъ съ крестьянскимъ товаромъ и сбиралось до 1000 человѣкъ простаго народа. Судиславльскіе торговцы ѣздили по деревнямъ, вымѣнивая всякіе крестьянскіе товары: холстъ, сало, масло и бѣлые сухіе грибы на московскіе шелковые платки и красную пряжу. Грибовъ отправлялось въ Москву и Петербургъ не менѣе какъ на 20,000 р. по тогдашнему курсу; льняная пряжа отсылалась также какъ и теперь въ Кострому и Кинешму на тамошнія фабрики.

Такова была населенность и торговая дѣятельность Судиславля 70 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ цифра населенія, какъ видно по свѣдѣніямъ, изданнымъ въ 1858 году статистическимъ отдѣломъ центральнаго статистическаго комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, измѣнилась довольно страннымъ образомъ, именно: въ 1856 году въ Судиславлѣ показано жителей 289 мужеск. п., 894 женскаго пола, т. е. женщинъ втрое болѣе противъ мужчинъ. Вѣрно ли однако свѣдѣніе, что въ Судиславлѣ такое царство женщинъ,—за это отвѣтствуетъ центральный статистическій комитетъ.

Жители города, въ которомъ до 30 капиталовъ 2-й и 3-й гильдіи, занимаются какъ и въ старину торговлею всякимъ сельскимъ товаромъ. Разъѣзжая и разсылая прикащиковъ по деревнямъ, они скупаютъ холсты, коровье масло и сырыя кожи, впрочемъ, кожи привозятся въ Судиславль преимущественно изъ Казанской губерніи и изъ слободы Кукарки Вятской губерніи. Всѣ эти товары идутъ изъ Судиславля въ Петербургъ, Нижній, Москву и Архангельскъ. Нѣкоторые купцы, напр. Захаровы, Третьяковъ и другіе, закупаютъ въ Москвѣ и Петербургѣ шелковыя, шерстяныя матеріи и галантерейныя вещи, развозятъ свой товаръ по ярмонкамъ и торжкамъ и отправляютъ его въ Архангельскую, Вологодскую и Сибирскія губерніи. Они держатъ для этой цѣли возовъ по 15 и по 20. Главная торговля, составляющая спеціальность Судиславля, по которой онъ извѣстенъ всюду въ торговомъ мірѣ, есть торговля грибами. Судиславль въ полномъ смыслѣ—центръ грибной торговли. Мало того, что окрестные крестьяне привозятъ сюда свѣжіе, соленые и сушеные грибы для продажи оптовымъ торговцамъ,—здѣшніе купцы и прикащики, зная въ какихъ мѣстахъ какіе водятся грибы и какого качества, сами ѣздятъ по деревнямъ и скупаютъ грибы даже въ Ярославской губерніи. Въ Судиславлѣ ихъ сорти-

руютъ, разумѣется, не безъ снаровокъ: сухіе нанизываютъ, соленые укладываютъ въ кадушки и боченки и отправляютъ въ Москву, Петербургъ, Казань и Нижній. Лучшіе грибы доставляются изъ Кологрива и въ особенности изъ посада Парфентьева, который такъ же славится своими бѣлыми грибами, какъ напр. Царицынъ арбузами или Кизляръ виноградомъ. Какъ Судиславль—центръ грибной торговли, такъ Парфентьевъ можетъ быть названъ центромъ грибной промышленности: онъ окруженъ обширными боровыми лѣсами на сухомъ, песчаномъ грунтѣ; а извѣстно, что на сухой почвѣ грибы бываютъ плотные и твердые, между тѣмъ какъ въ мшарныхъ и болотныхъ лѣсахъ они дряблы и ноздреваты. Нѣкоторые Судиславльскіе купцы имѣютъ изъ мѣстныхъ жителей коммисіонеровъ для закупа грибовъ, другіе купцы выдаютъ задатки Парфентьевскимъ и прочимъ крестьянамъ и заранѣе заказываютъ, чтобы они готовили имъ грибные запасы. Многіе крестьяне оплачиваютъ грибами подати и оброки. Къ сожалѣнію, по недостатку времени, мнѣ не удалось собрать болѣе подробныхъ свѣдѣній о здѣшней грибной торговлѣ и промышленности.

Судиславль считается гнѣздомъ костромскихъ раскольниковъ поморскаго толка. Число ихъ въ послѣдніе годы уменьшилось; они посѣщаютъ православные храмы, но не пріобщаются св. таинъ. Нѣкогда жилъ здѣсь богатый раскольникъ и ересеучитель Папулинъ, сосланный по суду за то, что совращалъ въ расколъ. Домъ Папулина проданъ съ публичнаго торга и новымъ владѣльцемъ своимъ разобранъ до основанія, такъ что и слѣдовъ его теперь почти не осталось. Папулинъ велъ самую строгую, безбрачную жизнь. Въ его домѣ укрывались раскольники и бродяги и будто бы дѣлали фальшивую монету. Онъ выходилъ иногда, какъ разсказываютъ городскіе жители, на улицу съ кошелькомъ, наполненнымъ деньгами, и раздавалъ нищей братіи по 5 и по 10 р. ас. на человѣка, безъ разбора, кто бы ни были нищіе, православные или раскольники. Послѣ ссылки Папулина, посадъ Судиславль обращенъ въ заштатный городъ; съ тѣмъ вмѣстѣ учреждена въ немъ градская полиція и открыто приходское училище.

Въ городѣ до 15 каменныхъ домовъ; строенія вообще хорошія и содержатся опрятно. Противъ большаго гостинаго двора, на площади, бываетъ ежегодно, 24 іюня, въ Ивановъ день, многолюдная

и оживленная ярмонка. На выѣздѣ къ г. Галичу, по продолженію главной улицы, тянется длинный рядъ закоптѣлыхъ кузницъ, а отъѣхавъ съ версту, надо подниматься въ гору, съ которой весь городъ и его двѣ каменныя церкви видны какъ на ладони.

Въ окрестностяхъ Судиславля много барскихъ усадьбъ; всѣ крестьяне господскіе и по большой части издѣльные; обыкновенный въ здѣшнихъ мѣстахъ оброкъ въ господскихъ имѣніяхъ, отъ 15 до 25 р. с. съ тягла; сверхъ того крестьяне отправляютъ нѣсколько рабочихъ дней въ году и подаютъ извѣстное число аршинъ новины (узкаго холста).

Отъ Судиславля до слѣдующей станціи въ большомъ торговомъ селѣ Вороньѣ—21 верста. По дорогѣ, извивающейся малолѣсными мѣстами, только три жила; кое гдѣ подходитъ къ самой дорогѣ молодыя поросли, да по окраинамъ и межникамъ полей, глубоко занесенныхъ снѣгомъ, тянутся *зауеси*, т. е. длинныя и узкія полоски кустовъ и деревьевъ, которыя служатъ живою изгородью между полями. Обыкновенно, снѣгъ, сдуваемый съ полей, ложится наносами къ зауесямъ, вслѣдствіе чего весною, на этихъ мѣстахъ, онъ долѣе держится, чѣмъ на мѣстахъ открытыхъ, и замедляетъ всходъ хлѣбовъ, которые иногда и пропадаютъ здѣсь отъ чрезмѣрной и продолжительной сырости.

Въ селѣ Вороньѣ, принадлежащемъ 17-ти помѣщикамъ, считаютъ до 1000 душъ. Крестьяне очень зажиточны. Они ведутъ большой торгъ холстомъ, полотнами, коровьимъ масломъ, но въ особенности хлѣбомъ, скупаемымъ по усадьбамъ. Одинъ крестьянинъ помѣщика Дмитріева имѣетъ въ селѣ заводъ сальныхъ свѣчей и торгуетъ болѣе чѣмъ на 10,000 р. с., но еще богаче его братъ, по ремеслу обручникъ, имѣющій въ Москвѣ большое заведеніе и занимающійся подрядами. Здѣшнія бабы извѣстны какъ хорошія, неутомимыя пряхи: онѣ ходятъ осенью по деревнямъ и усадьбамъ для обдѣлки льна и называются въ народѣ *Воронками*. Вознагражденіе за работу онѣ получаютъ деньгами и льномъ.

Въ описаніи Костромскаго намѣстничества, составленномъ, въ 1792 году, Костромскимъ директоромъ домоводства полковникомъ Васьковымъ (*), сказано, что село Воронье, состоявшее вмѣстѣ

(*) Это описаніе, въ рукописи, за подписью г. Васькова, представлено мною въ Императорское Географическое общество.

съ Судиславлемъ въ Буевскомъ уѣздѣ, отличалось и въ то время торговою дѣятельностію: на двухдневную ярмонку 12 и 13 іюня съѣзжалось тогда отъ 2 до 3 тысячъ народа, пріѣзжали купцы и мѣщане изъ Галича, Буя и Судиславля съ шелковыми, бумажными, набойчатыми и гарусными матеріями и другимъ краснымъ товаромъ, а крестьяне привозили сюда для мѣны и продажи свои рукодѣлья: холсты, узкія сукна, шапки (изъ села Молвитина), мелкую деревянную и глиняную посуду, лапти, желѣзныя подѣлки, съѣстные припасы, и проч. Всего товару привозилось примѣрно на 10,000 р. ас. На еженедѣльные торги, по субботамъ, крестьяне пригоняли скотину, доставляли лѣсныя произведенія и пр. Въ настоящее время торговая дѣятельность не измѣнила своей спеціальности, но сдѣлалась обширнѣе. По субботамъ сюда пріѣзжаютъ отвсюду купцы и торговые крестьяне. Въ селахъ Молвитинѣ Буевскаго уѣзда, Колшевѣ Кинешемскаго уѣзда, но преимущественно въ Вороньѣ, лежащемъ на коммерческомъ трактѣ, соединяющемъ означенныя два селенія, на осеннихъ торгахъ бываетъ значительный пригонъ гуртовъ рогатаго скота, который скупается даже Ярославскими мясниками. До Крымской войны четверть овса стоила здѣсь 3 р. 50 к. и 5 р. ас. (*), а въ 1857 г. цѣна поднялась до 6 р. 50 к. ас. (**). Скупщики - кулаки возятъ отсюда хлѣбъ на волжскія пристани, именно въ Плесъ и Кинешму, а также на фабрики въ шуйскій и вязниковскій уѣзды. Сюда пріѣзжаютъ купцы и прикащики даже изъ Петербурга и Москвы и скупаютъ холсты, полотна и коровье масло. Въ селѣ есть постоянныя лавки съ фарфоромъ, виноградными винами, краснымъ и даже шелковымъ товаромъ, словомъ, что въ Судиславлѣ, то и въ Вороньѣ. Жаль только, что народъ здѣшній, противъ сосѣдей, озорниковатъ и грубъ. Теперь въ Вороньѣ стало смирнѣе, а прежде, говорятъ, зачастую случались разбои. Къ ночи, проѣзжіе или не доѣзжали или проѣзжали Воронье, а въ немъ на ночлегъ боялись останавливаться. Бывало, подъ окномъ кричатъ: рѣжутъ!, а никто на крикъ и не выглянетъ. Воронцы и теперь ни за что другъ друга не выдадутъ и

(*) Въ народѣ, какъ извѣстно, не только по деревнямъ, но и въ уѣздныхъ городахъ, и по сіе время продолжаютъ вести счетъ на ассигнаціи.

(**) Теперь она возвысилась до 2 р. 25 к. и даже до 2 р. 50 к. серебр.

скорѣе готовы идти на ложную присягу, лишь бы выручить своего брата изъ бѣды.

На всемъ пространствѣ отъ Костромы до Судиславля и Кинешмы лѣса значительно изведены; оттого хлѣбныя поля здѣсь, по большой части, не загораживаются и крестьяне нанимаютъ пастуховъ для своихъ стадъ. Въ сѣверныхъ и восточныхъ лѣсистыхъ уѣздахъ, напротивъ того, поля непремѣнно загораживаются, а стада и табуны пасутся безъ всякаго надзора.

Отъ Воронья слѣдующая станція деревни Жарки, 23¼ версты. На первыхъ четырехъ верстахъ два жила; дорога безлѣсная и мѣста ровныя; потомъ тянется лѣсъ до господской деревни Папиной, вслѣдъ за которою и станокъ, куда мы прибыли уже въ сумерки. Почти у самой *поскотины* (околицы) передовая лошадь испугалась двухъ волковъ и круто шарахнула въ сторону; за нею повернула вся запряжка; кибитка кувыркнулась чуть не вверхъ полозьями и завязла въ глубокій снѣгъ, такъ что ее съ трудомъ вытащили вмѣстѣ съ лошадьми на дорогу. Едва проѣхали мы нѣсколько саженъ, — опять таже исторія; волки не испугались криковъ, которыми мы хотѣли отогнать ихъ. Изъ предосторожности ямщикъ сѣлъ верхомъ на передовую лошадь; мой слуга взялъ возжи, и такъ мы доѣхали до станціи.

Здѣшній смотритель былъ прежде на Ивановской станціи, между Парфентьевымъ и Кологривомъ. Тамошній народъ, по его разсказамъ, сѣрый, лѣсной, лѣнивый, впрочемъ уступчивый и покорный; бабы до того дики, что прячутся отъ проѣзжающихъ. Вся работа лежитъ на бабѣ, а мужикъ зимою будто бы грѣется только на печи; особенно кто работалъ въ городѣ да пришолъ домой на побывку, тотъ и не притронется за дѣло. Мужикамъ лѣнь даже обмолотить разомъ весь хлѣбъ, а какъ понадобится хлѣбъ на ѣду или на пиво, то и обмолотятъ овинъ или два, потомъ опять на бокъ, а тамъ, чрезъ нѣсколько времени, помолотятъ еще и опять на бокъ. Не только мужики, бабы, но даже мальчишки большіе охотники до хмельнаго пива, которое варятъ въ глиняныхъ двухведерныхъ корчагахъ и пьютъ въ большихъ деревянныхъ или мѣдныхъ *братынях*ъ (ендовахъ, ковшахъ). Они до того напиваются, что все тѣло раздуетъ, даже пальцы распухнутъ и одеревенѣютъ. Опьяненіе отъ пива гораздо тяжелѣе, чѣмъ отъ вина. Впрочемъ теперь, какъ гово-

рять, пиво уже не въ прежней чести и ему стали предпочитать кабацкое вино. Самое любезное для нихъ дѣло—ѣздить на праздники изъ деревни въ другую и по очереди угощать другъ друга. Каждая деревня имѣетъ свой праздникъ, кромѣ храмоваго или приходскаго, и праздничанье продолжается три-четыре дня сряду. Кромѣ деревенскихъ и приходскихъ праздниковъ, празднуются 17-го августа, въ день Св. Фрола и Лавра, такъ называемыя лошадиныя имянины, а въ день Св. Власія коровьи имянины. На эти дни поселяне сводятъ лошадей и коровъ въ приходскія села и въ тѣ деревни, гдѣ есть часовни для окропленія ихъ св. водою. Въ тамошнихъ лѣсахъ много медвѣдей, на которыхъ, заключилъ станціонный смотритель, смахиваютъ и жители.

Жарки, деревенька изъ 30-ти дворовъ, стоитъ на берегу рѣчки Тебзы, впадающей въ р. Кострому. Въ Тебзѣ много рыбы, но ее не ловятъ, потому что дно рѣчки наполнено коряжникомъ и берега обрывисты. Деревня построена на низкомъ мѣстѣ и окружена топкимъ кочкарникомъ и кустами. Въ весеннюю водополь сюда налетаетъ много птицы: журавли, гуси, утки и всякая мелкая болотная дичь проводятъ здѣсь лѣто и имѣютъ *взводы* (выводки). Есть также и лебеди; но эта птица здѣсь не остается, а посидитъ недѣлю, другую, да и потянется къ Тотьмѣ.

Въ Жаркахъ самое волчье мѣсто. Зимою волки смѣло бродятъ около дворовъ, но людей не трогаютъ, а выжидаютъ собакъ: стоитъ показаться на улицѣ какой нибудь жучкѣ, чтобъ бѣдняжка попала на волчій зубъ. Лѣтъ пять назадъ, на самый новый годъ, чрезъ деревню пробѣжала такъ называемая волчья свадьба изъ 12-ти волковъ. Мужики приняли это за дурное предзнаменованіе, но, къ счастію, годъ прошелъ благополучно. Они твердо увѣрены, будто въ здѣшнихъ болотахъ и лѣсахъ водятся лѣшіе, которые кричатъ особеннымъ голосомъ, такъ что крикъ лѣшаго тотчасъ можно отличить. У филина, говорятъ крестьяне, совсѣмъ другой крикъ: онъ укаетъ и кричитъ глуше, а лѣшій кричитъ часто и звонко: «ау, увязъ!», то крикнетъ подъ самымъ ухомъ, а никого не видать, то вдругъ голосъ его отдается будто верстъ за пять. Лѣшіе кричатъ больше въ водополь. Они охотнѣе водятся тамъ, гдѣ есть колдуны, потому что нечистому пріятнѣе быть поближе къ своему человѣку. Въ Воровьѣ спокойно тѣмъ, что совсѣмъ нѣтъ

колдуновъ; а гдѣ они на бѣду завелись, тамъ на свадьбахъ имъ всегда первое мѣсто, передній уголъ: гдѣ отецъ посаженый, тамъ и колдунъ, а не то разсердится,—тогда берегись.

— Да проучить бы вамъ колдуна, замѣтилъ я разскащику.

«Какъ бы не такъ, попробуйка дотронуться до него, такъ не радъ будешь и жизни. Колдунъ и подъ наказанье подставитъ за себя другаго; съ виду будто и онъ, будто человѣкъ, а выходитъ, что это только такъ видится».

Строенія въ Жаркахъ хорошія, но на жилыя избы лѣсъ идетъ далеко не такой крупный, какой употребляется въ деревняхъ Кологривскаго уѣзда. Въ здѣшнихъ мѣстахъ и за деньги не найти матераго лѣсу; что здѣсь идетъ на избу, говорятъ мужики, то въ Кологривскихъ деревняхъ идетъ на анбарушки, да на всякія другія холостыя строенія. Отъ Костромы вплоть до Жарковъ главные крестьянскіе промыслы извозъ и пряжа, которою занимаются не только женщины, но и мужики; бородатые старики сидятъ за прялками; только пряжа ихъ погрубѣе женской. Въ Жаркахъ, а также въ селѣ Холмѣ, въ Пронинѣ, Черняевѣ, Колѣ, и другихъ сосѣднихъ одновотчинныхъ деревняхъ помѣщиковъ Горяинова и Чагина, крестьяне живутъ гусашничествомъ. Изъ 600 душъ, составляющихъ эту вотчину, половина живетъ въ Петербургѣ въ малярахъ, но болѣе въ гусашникахъ.

—Что это за гусашники спросилъ я; никогда о такомъ промыслѣ не слыхивалъ.

«Чай видали вы въ Питерѣ у купцовъ, въ лавкахъ и въ кладовыхъ, котовъ большущихъ, откормленныхъ; для этихъ то самыхъ котовъ мы покупаемъ на бойняхъ бычачьи гусаки и кормимъ ихъ этими гусаками, оттого и зовемся гусашниками, а въ Питерѣ насъ зовутъ кошачьими мясниками. Это дѣло, сударь, важное, продолжалъ разскащикъ, старичокъ, давно уже жившій на покоѣ въ деревнѣ и долгополымъ сюртукомъ своимъ на крючкахъ, учтивою рѣчью и пріемами напоминавшій городскихъ лавочниковъ;—этимъ дѣломъ вся наша волость кормится. Нашъ братъ, даромъ что въ такомъ захолустьѣ, а всѣ мы народъ бывалый, живемъ Петербургомъ. Тамъ, всякій мелочной лавочникъ насъ знаетъ. Извѣстное дѣло, что купцу, гдѣ бы тамъ ни было, на Апраксиномъ ли, на Щукиномъ ли, въ Милютиныхъ, въ Гостинномъ ли дворѣ, въ

молочной ли лавкѣ нельзя безъ кота; котъ бережетъ товаръ отъ мышей да отъ крысъ; за то купецъ бережетъ и холитъ своего кота; вотъ отъ этого самаго и завелся нашъ промыселъ. У каждаго гусашника есть свои мѣста, которыя онъ всякій день съ самаго утра и обходитъ. Если парень смышленый да расторопный, то столько у него мѣстъ и столько надо ему кормить котовъ, что иной держитъ себѣ въ подмогу по два да по три мальчика изъ нашей же волости. Лѣтомъ, гусашникъ таскаетъ провизію на головѣ, на легонькомъ лоткѣ, а самъ въ фартукѣ съ поварскимъ ножомъ за поясомъ; зимою онъ возитъ ее на салазочкахъ. На лоткѣ разложены на бумажкахъ, порціями, сырые гусаки, искрошенные на мелкіе кусочки; порціи бываютъ разныя: есть въ 1½, 3 и 5 к. с. У гусашника въ запасѣ и вѣски, на случай если прикажутъ взвѣсить порцію. Придетъ гусашникъ въ лавку или на домъ къ купцу, оставитъ порцію, какую гдѣ слѣдуетъ по уговору съ хозяиномъ, и идетъ далѣе; каждое утро надо ему обойти всѣ мѣста, а получаетъ онъ разомъ за недѣлю или за мѣсяцъ. Это дѣлое такое, что съ однимъ лоткомъ можно выручить бѣдно по цѣлковому, а не то и по 2 р. и больше въ день, смотря по тому, у кого сколько котовъ, да еще какая цѣна гусакамъ. Была имъ цѣна 25 к. с., а теперь, говорятъ, не купить гусака и за трехрублевый (75 к. с); лѣтомъ гусаки завсегда дороже, чѣмъ въ зимнюю пору. Какъ ни мѣняется цѣна на гусаки, а порціи все въ одной цѣнѣ, такъ что когда цѣна гусакамъ поднимается, тогда въ потерѣ только нашъ братъ гусашникъ. Когда гусашнику понадобится въ деревню на мѣсяцъ или побольше, то онъ прежде обойдетъ свои мѣста и скажетъ хозяевамъ: «вотъ такъ и такъ, я ухожу въ деревню, а для вашей милости поставлю за себя вѣрнаго человѣка, только вы напредки, какъ приду обратно, меня не оставьте.» Купцамъ какая надобность задерживать мужика: они, само собою, соглашаются, а гусашникъ передаетъ дѣло земляку и получаетъ съ него за это рублей до 30 ассигн. въ мѣсяцъ. А какъ вернется гусашникъ въ Питеръ, такъ и беретъ назадъ свои мѣста безъ всякаго спора, потому что такъ издавна между ними ведется. Прежде чѣмъ быть хозяиномъ, надо пробыть въ работникахъ годика три, пожалуй и четыре, безъ всякой платы, служи да угождай хозяину, чтобъ онъ потомъ

тебя наградилъ, да высматривай мѣста и привыкай ко всякимъ обычаямъ; а потомъ, у своего ли хозяина у другаго ли гусатника, можно скупить мѣста, коли своихъ на примѣтѣ мало, только за 30-ть цѣлковыхъ не купить большаго дѣла. Сдаютъ гусатники мѣста по болѣзни, или по какому другому случаю, бываетъ и такъ что иной и хорошо бы повелъ дѣло, да отъ своей дури опонкрутится, то есть значитъ—запьетъ, али въ деревню вытребуютъ парня за то, что оброку да податей не платитъ; али придетъ кому очередь въ рекруты. Иной продаетъ свои мѣста рублей за 500 ассиги.

Отъ Жарковъ до г. Галича 24¼ версты. На этомъ разстояніи двѣ деревни и одно село. Отъ Жарковъ дорога идетъ сначала гатью, по болоту, на 3½ версты; потомъ по ровнымъ и отлогимъ мѣстамъ до деревни Черняевой; отсюда до самаго Галича, въ виду дороги, непрерывный лѣсъ, подступающій мѣстами къ самой дорогѣ. Почва глинистая.

Въ глухую полночь пріѣхалъ я въ старинный Галичь, о которомъ есть поговорка: «Костромицы въ куцу, Галицане врознь». Полковникъ Васьковъ сообщаетъ о Галичѣ слѣдующія свѣдѣнія: городъ расположенъ на юговосточномъ берегу Галицкаго озера, представляющаго водную площадь въ 50 квадратныхъ верстъ и имѣющаго 14 верстъ въ длину и 4½ версты въ ширину. Городъ стоитъ на покатомъ къ озеру берегу и окруженъ холмами; противъ него, чрезъ озеро, виднѣется высокій сѣверный берегъ и блестятъ кресты Новозаозерскаго монастыря, основаннаго преподобнымъ Авраамiемъ въ XIV столѣтіи. Въ Галичѣ, въ 1792-мъ году, числилось жителей (между которыми, также какъ и теперь, много раскольниковъ) 1824 д. муж. и 1928 жен. п.; храмовъ приходскихъ 10, кромѣ того соборъ и монастырь Николаевскій Староторжскій; домовъ считалось 873, лавокъ 278, заводовъ кожевенныхъ 4, скорняжныхъ 5, кирпичныхъ 5, гончарный 1, солодовень 4. На сѣверовосточной окраинѣ города замѣчателенъ высокій холмъ, окруженный стариннымъ землянымъ валомъ; на этомъ холму, говорятъ, стоялъ княжескій теремъ. Видны еще слѣды другаго земляннаго вала, окружающаго соборный храмъ Преображенія Господня и находящагося на югозападномъ концѣ города, на лѣвомъ берегу оврага, по дну котораго пробѣгаетъ рѣчка Кишма, пересѣкающая городъ и впадающая въ озеро, которое славится снѣт-

ками и, въ особенности, чрезвычайно крупными ершами. Когда въ Костромѣ подуетъ сѣверовосточный холодный вѣтеръ, сопровождаемый по большей части дождемъ, то говорятъ: «потянулъ вѣтеръ отъ ершей», т. е. отъ Галицкаго озера.

Въ торговые дни, по понедѣльникамъ и по четвергамъ, крестьяне привозили въ городъ хлѣбъ, мясо и другіе съѣстные припасы, дрова, лѣсной товаръ, кожи и пр. Городскіе жители торговали въ городѣ и возили въ Москву, Ярославль, Кострому, на Макарьевскую, Кинешемскую и другія ярмонки мягкую рухлядь, мѣха, сало, сырыя кожи, рыбу здѣшняго озера, сухую, свѣжую и мороженую, крашенину и кожи, выдѣланныя изъ сырыхъ шкуръ, закупаемыхъ въ уѣздѣ и привозимыхъ изъ вятской и казанской губерній. Главные предметы торговли были мягкая рухлядь и озерная рыба. Галичь былъ извѣстенъ искусными серебренниками и мѣдниками, занимавшимися выдѣлкою пуговицъ, ожерельевъ, серегъ и другихъ мелкихъ женскихъ украшеній. Виноградное вино доставлялось сюда изъ Архангельска, а галантерейныя вещи и шелковыя матеріи изъ Москвы и Макарьевской ярмонки. Товару привозилось въ городъ на 300,000 р., а вывозилось, по свидѣтельству г. Васькова, на 100,000 р. ас.

Сравнительно съ тогдашнимъ положеніемъ города, въ настоящее время только населеніе увеличилось одною третью, а все остальное почти не измѣнилось: неподвижное старовѣрство и невѣжество не даютъ ничему хода. По свѣдѣніямъ, изданнымъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, видно, что въ 1856 году числилось въ городѣ: церквей вмѣстѣ съ соборомъ 18, домовъ 872, лавокъ 108, жителей 2801 д. муж. п. и 3064 жен. Въ соборѣ Преображенія Господня есть чудотворная икона Богоматери; изъ 17-ти приходскихъ церквей самая древняя—церковь Богоявленія, на торговой площади, съ чудотворнымъ образомъ Богоматери Іерусалимской. Монастырей въ городѣ два: мужской—Св. Паисія и на берегу озера женскій, Николаевскій, съ чудотворною иконою Св. Николая. Въ городѣ есть нѣсколько кожевенныхъ заводовъ и прекрасная замшевая фабрика съ мастерскою замшевыхъ перчатокъ. Купецъ, основавшій эту мастерскую, выписалъ изъ Франціи отличнаго перчаточнаго мастера, который занимается кройкою и наблюдаетъ за шитьемъ мастерицъ и работниковъ; словомъ, перчаточное заведеніе

держится исключительно искусствомъ и распорядительностію иностраннаго мастера, а купецъ—какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ Россіи,—участвуетъ въ предпріятіи только своими капиталами, а вовсе не знаніемъ. Говорили, будто иностранецъ, которымъ держится все дѣло, намѣренъ съ нимъ разсчитаться. Если это случится, то заведеніе непремѣнно разстроится, а можетъ быть и вовсе будетъ закрыто. Скоро ли наступитъ то время, когда купцы и фабриканты убѣдятся, что для торговаго и промышленнаго дѣла не довольно удачи, сноровки и капитала, но что необходимо, сверхъ того, и знаніе, безъ котораго мы будемъ всегда какъ бы недоросли, въ чужихъ рукахъ, и всегда будемъ зависѣть отъ иностранцевъ.

Кожевенные и салотопенные заводы въ городѣ и окрестныхъ селеніяхъ истребляютъ здѣшніе лѣса, а потому лѣсной матеріалъ въ 1857 году стоилъ въ Галичѣ дороже, чѣмъ въ Костромѣ; такъ на пр. сажень березовыхъ дровъ, стоившая въ Костромѣ 90 к. с., продавалась въ Галичѣ по 1 р. и даже по 1 р. 15 к. с.—Таковы были цѣны на дрова въ Костромѣ и Галичѣ въ 1857 году; но съ 1859 года, въ слѣдствіе быстраго распространенія въ Костромѣ и окрестныхъ мѣстахъ заводской дѣятельности,—дрова и здѣсь значительно поднялись въ цѣнѣ: въ 1860 году сажень березовыхъ дровъ стоила 2 р. 25 к. с.

Изъ Галича до станціи Кокорюкиной, 25½ верстъ, я ѣхалъ первыя 12 верстъ зимнею дорогою, по гладкой, ледяной поверхности Галицкаго озера. Здѣсь мнѣ безпрестанно попадались на встрѣчу возы съ корьёмъ и дровами, слѣдовавшіе въ село Шокшу близь Галича. Многіе жители этого села, которое, говорятъ, богаче города, торгуютъ въ Петербургѣ. Въ селѣ 5 или 6 кожевенныхъ заводовъ; на малыхъ заводахъ выдѣлывается до 20,000, а на большихъ до 100,000 пудовъ кожевеннаго товара, который отправляется въ Петербургъ на казенныя поставки.

Кокорюкино, деревня изъ 15 дворовъ, помѣщика Лермонтова, окружена лѣсами, обилующими дичью. Крестьяне промышляютъ ружейною охотою, но болѣе ловлею на силки тетеревей, рябковъ и другой лѣсной птицы. У иного крестьянина настороженно по деревьямъ 1000 и 1500 силковъ; раза три въ недѣлю, хозяинъ обходитъ силки и снимаетъ удавленную въ силкахъ птицу. Пара рябчиковъ стоитъ здѣсь отъ 6 до 7 к. с. Крестьяне, живущіе по на-

правленію къ Чухломѣ, мало промышляютъ силками, но предпочитаютъ ружейную охоту; они стрѣляютъ рябчиковъ на овсѣ. Убитая птица всегда дороже удавленной.

Здѣсь водится много всякаго звѣря, особенно волковъ. Однажды, сказывалъ ямщикъ мой, онъ возвращался съ двумя товарищами, послѣ обѣдни, изъ сосѣдняго села, домой; надо было имъ проходить мимо лошадиной падали, лежавшей возлѣ самой дороги. Каково было положеніе нашихъ парней, у которыхъ не было въ рукахъ ни дубинки, когда они увидѣли на падали десятокъ волковъ. Къ счастію, волки, завидѣвъ съ своей стороны мужиковъ, тотчасъ отошли отъ падали и сѣли вдоль по дорогѣ рядкомъ, и ребята, какъ ни въ чемъ не бывало, миновали благополучно кровожадныхъ животныхъ.

Кокоринскіе крестьяне проживаютъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ въ каменьщикахъ, плотникахъ и малярахъ; нѣкоторые занимаются даже подрядами или живутъ въ прикащикахъ. Кокоринскія бабы, замѣтилъ мой ямщикъ, не уступятъ мужикамъ ни въ какой полевой работѣ; онѣ и пашутъ и сѣютъ и молотятъ.

Отсюда, до станціи Сидоровой, 29½ верстъ, и на этомъ разстояніи я сосчиталъ 12 придорожныхъ деревень и одно село Бушнево. Это село почти на полдорогѣ и въ 25 верстахъ отъ Чухломы. Оно издавна славится торговою дѣятельностію: еще во времена г. Васькова, сюда съѣзжалось по пятницамъ, на еженедѣльные торги, отъ 1500 до 3000 торговаго народа изъ Чухломы, Парфентьева, Галича и пр.; купцы, торговавшіе съ Архангельскимъ портомъ, особенно прикащики братьевъ Юдиныхъ, привозили сюда не только красный крестьянскій товаръ, но даже шелковыя заграничныя матеріи и мѣняли ихъ на ветлужскія рогожи, хлѣбъ, сырыя кожи и пр.

Бушнево состоитъ изъ 14 двухъ-ярусныхъ, отлично выстроенныхъ изъ крупнаго лѣса избъ, крытыхъ скалою, и двухъ большихъ рядомъ стоящихъ каменныхъ церквей, обнесенныхъ, вмѣсто ограды, рядами лавокъ, составляющихъ правильный четвероугольникъ, по угламъ котораго возвышаются кирпичныя островерхія башенки. Эти ряды открываются только по пятницамъ въ торговые дни.

«Эво, какіе повыстроили себѣ купеческіе дома!» сказалъ ямщикъ, приударивъ лошадей, чтобъ пронестись вихремъ по улицѣ и указывая кнутомъ на огромныя избы съ пестрорасписанными ставнями и широкими, на городской ладъ, крыльцами. «Въ Бушневѣ,

продолжалъ онъ, крестьянъ мало, всего три избы, а въ остальныхъ живутъ кутьичи: вотъ эти три дома поповскіе, эти—дьяконскіе, а въ другихъ, которые поменьше, причетники. Здѣсь три священника, два дьякона и всѣмъ имъ хорошо, сыто. По пятницамъ собирается здѣсь много народа, торговля идетъ живо и веселье большое бываетъ: вотъ и качели на площади».

Это замѣчательное село, обитаемое, какъ выразился ямщикъ, кутьичами,—расположено на возвышеніи. При выѣздѣ изъ села, дорога спускается подъ гору, къ рѣкѣ, на другомъ берегу которой видна богатая, новая деревня Спирдова. Крестьяне этой деревни жили прежде въ Бушневѣ; но потомъ, для удобства, перенесли строенія ближе къ рѣкѣ. Спирдово, превосходное, по наружному довольству крестьянъ, селеніе, еще недавно принадлежало помѣщику Т***: оно выкуплено у него бывшимъ его бурмистромъ, которому по сіе время крестьяне выплачиваютъ выкупную сумму. Домъ этого бурмистра стоитъ на берегу рѣки, отдѣльно отъ прочихъ крестьянскихъ строеній, и отличается щегольскою постройкою на купеческій ладъ; наружныя стѣны выкрашены зеленою масляною краскою, а крыша красною.

За Спирдовымъ оканчивается чухломскій уѣздъ и начинается сѣверовосточный, малонаселенный и лѣсистый уѣздъ — Кологривскій.

Большія дороги костромской губерніи обсажены широкими аллеями изъ старыхъ вѣтвистыхъ березъ. Эти безконечныя аллеи тянутся почти непрерывно; въ лѣтнюю пору онѣ служатъ защитою для пѣшеходовъ, но для проѣзжающихъ совершенно безполезны и занимаютъ много мѣста. Явно, что земля ни во что не цѣнилась въ то время, когда проводились почтовые тракты. Зимою, по аллеямъ набиваются сумёты снѣга, а въ осеннюю ненастную пору дождевая вода держится между деревьями и всасывается въ почву, мѣстами песчаную, мѣстами глинистую и суглинистую. Дорога, разумѣется, нигдѣ не укатана, не усыпана щебнемъ, изрыта во всѣхъ направленіяхъ глубокими колеями, наполненными жидкою грязью, и покрыта кое гдѣ огромными лужами, которыя иногда не высыхаютъ въ продолженіи цѣлаго лѣта и въ которыя колеса уходятъ, мѣстами, выше ступицъ. Очень часто ямщики съѣзжаютъ съ мучительной дороги и ѣдутъ стороной, цѣликомъ, нерѣдко по вспаханнымъ

полямъ. Въ 1854 или 1855 году, исправникъ М***, въ ожиданіи проѣзда начальника губерніи, согналъ крестьянъ на дорогу, въ самую рабочую лѣтнюю пору, когда, какъ говорится, «день за мѣсяцъ отвѣчаетъ,» и заставилъ народъ сдирать съ дороги дернъ, очищать канавки и подравнивать дорогу, засыпая ее глинистою землею. «Такъ поправили дорогу, замѣтилъ мнѣ ямщикъ, что съ тѣхъ поръ, осенью и проѣзда нѣтъ по чухломскому уѣзду. Какая же это поправка, только грязи понакидали. Дернъ еще кое-какъ попридерживалъ землю; а теперь вся она расползлась. А еще баринъ, исправникъ; сколько народа даромъ перемучилъ. Вотъ въ галицкомъ и кологривскомъ уѣздахъ, гдѣ дорогу не поправляли, тамъ все посноснѣе: ѣхать можно; трава ростетъ, такъ она и связываетъ землю; а здѣсь, осенью, просто лошадиная смерть.»

На сидоровскую станцію я прибылъ подъ вечеръ. На встрѣчу мнѣ вышелъ на крыльцо, съ фонаремъ въ рукѣ, красивый стройный парень, лѣтъ 17. Въ сѣняхъ стоялъ большой самоваръ съ длинной трубой изъ листоваго желѣза и гудѣлъ тоненькимъ, жалобнымъ голоскомъ.

«Не угодно ли чаю», спросилъ услужливый провожатый, отворяя дверь въ свѣтлую, чистую горницу. Изъ-за перегородки вышелъ содержатель станціи, здоровый, высокій крестьянинъ, съ чертами лица чрезвычайно умными, красивыми и серьезными. По осторожному его разговору видно было, что онъ знаетъ гораздо болѣе того, что позволяетъ себѣ высказывать. Парень, вышедшій на встрѣчу, былъ старшій его сынъ и весь въ отца. Трое бѣлокурыхъ, румяныхъ и вострoглазыхъ мальчиковъ забрались на полати и, подпираясь локтями, поглядывали то на меня, то другъ на друга; хотѣлось бы имъ похохотать и порѣзвиться, да боялись отца; посмотрятъ другъ на друга, начнутъ смѣяться и вдругъ притихнутъ.

Начиная отъ Сидорова къ Кологриву и далѣе, до большаго Вятскаго тракта, почтовыхъ лошадей держатъ только по одной парѣ на каждой станціи, исключительно для почты; а проѣзжающіе, хотя бы съ казенными подорожными, ѣздятъ на обывательскихъ. Здѣшніе крестьяне, лѣтъ шесть тому назадъ, сняли станціи и обязались возить земскую полицію и проѣзжающихъ по подорожнымъ, за обыкновенные прогоны, т. е. по $1\frac{1}{2}$ к. с. съ лошади за версту;

но съ вольныхъ проѣзжающихъ они берутъ дороже, напр. по 2 коп., а съ богатыхъ купчиковъ или съ тѣхъ кто не торгуется съ ними, по 2½ к. (*).

«Бывало, сказывалъ хозяинъ, по нашему вятскому тракту было больше ѣзды и на станціяхъ держали по нѣскольку троекъ, а съ тѣхъ поръ, какъ оставили по парѣ лошадей—совсѣмъ мало проѣзжающихъ. Прежде, въ недѣлю, все два, три помѣщика непремѣнно проѣдутъ. Господа живали въ своихъ усадьбахъ, оттого и ѣзды было довольно. А вотъ, съ той самой поры, какъ началась крымская война, во весь мѣсяцъ проѣдетъ, пожалуй, только одинъ проѣзжающій по подорожной. Нонче многіе помѣщики поразбрелись изъ своихъ усадьбъ въ разныя мѣста, теперь ѣдетъ въ имѣніе не помѣщикъ, а управляющій; оттого и гону меньше; мы смѣкаемъ, что, видно, господъ вызвали на службу.»

Сидорово принадлежитъ графу Дмитріеву-Мамонову, который безвыѣздно живетъ въ Москвѣ.

Въ Кологривскомъ уѣздѣ крестьянскія строенія большія, изъ краснаго 7 и 8 вершковаго лѣса 4-хъ-саженной длины. Жилая изба, очень часто съ шестью и даже семью большими окнами на улицу,—покрывается высокою тесовою на березовой скалѣ крышею; въ подпольѣ, съ волоковыми окнами, содержатся овцы, а надъ подпольемъ жилыя горницы. Иногда, и въ нижнемъ ярусѣ, вмѣсто подполья, устроиваются чистыя жилыя горницы съ большими окнами, и тогда изба называется двужильною. Въ верхній ярусъ ведутъ двѣ лѣстницы: одна наружная, съ улицы или съ двора, а другая внутренняя, соединяющая подполье или нижнее жилье съ верхнимъ ярусомъ. Если жилая изба имѣетъ на улицу только одинъ срубъ въ три или четыре окна, то въ одной связи съ нею и одихъ съ нею размѣровъ, а иногда и шире и выше, пристраивается по главному, выходящему на улицу фасаду, вплоть къ жилой избѣ, крытый дворъ, подъ особою высокою крышею и съ широкими на улицу воротами, надъ которыми вырублено иногда оконце, принадлежащее холодной немшоной свѣтелкѣ, служащей для хозяевъ ночлегомъ въ лѣтнюю пору, когда въ горницѣ жарко или много мухъ. Эта прохладная свѣтелка съ единственнымъ надъ

(*) Въ 1860 году поверстная плата, по всѣмъ безъ исключенія трактамъ, назначена по 2½ к. с.

воротами окошечкомъ, устраивается обыкновенно на повѣти, на бревенчатомъ или жердяномъ стлапникѣ. Нѣкоторые крестьяне не дѣлаютъ свѣтелки, а держатъ на повѣти сѣно и солому. Избы строятся и такимъ образомъ, что на улицу выходятъ два сруба, такъ что передній фасадъ, нерѣдко двужильный, состоитъ изъ 6 или 7 оконъ въ каждомъ ярусѣ. Эта изба, обращенная на улицу широкою стороною, отличается высочайшею односкатною крышею; на фронтонѣ, надъ окнами верхняго этажа, вырубается дверь и выводится балкончикъ. При такихъ избахъ, дворъ пристроивается не съ боку, а сзади, и крыша двора подводится подъ крышу избы. Если мужикъ самъ *выронитъ*, т. е. вырубитъ и самъ вывозитъ лѣсъ, то одна только плотничная и печная работа такого жилья стоитъ дороже 100 руб. сер.

Не доѣзжая 7 верстъ до дер. Сидоровой, начинается дремучій Парфентьевскій боръ. Онъ тянется непрерывно 35 верстъ и кончается въ 10 верстахъ за посадомъ Парфентьевымъ. По этому бору, который называется Парфентьевскимъ волокомъ, пролегаетъ торговый и почтовый трактъ.

Отъ д. Сидоровой до г. Кологрива 90 верстъ и изъ нихъ болѣе чѣмъ на 70 верстъ дорога идетъ густыми, темными лѣсами, отдѣляемыми небольшими открытыми пространствами. За Парфентьевскимъ волокомъ слѣдуютъ волокъ Ивановскій и Костылиха, на 16 верстъ, и волокъ Кологривскій на 27 верстъ. Въ этихъ обширныхъ лѣсахъ водятся медвѣди, олени, куницы, лисы и другіе звѣри. Въ лѣсной глуши, изрѣдка, попадаются по дорогѣ деревни. Между Сидоровымъ и Парфентьевымъ, на 18 верстахъ, въ самомъ волокѣ, есть три маленькія деревни; но далѣе къ Кологриву придорожныхъ деревень, построенныхъ въ лѣсу, если не ошибаюсь, только двѣ; остальныя селенія расположены на открытыхъ мѣстностяхъ, въ промежуткахъ между волоками. Однообразіе темнаго бора невольно располагаетъ къ тоскѣ; ѣдешь, и какъ будто конца нѣтъ дремучему бору; земля покрыта глубокимъ снѣгомъ; тишина мертвая, только гудитъ колокольчикъ да скрыпятъ полозья.

Изъ всѣхъ названныхъ мною лѣсовъ, Парфентьевскій боръ славится плотнымъ качествомъ сосны и отличными грибами, для закупа которыхъ пріѣзжаютъ сюда купцы изъ Судиславля и другихъ городовъ. Такъ какъ боръ стоитъ на пескѣ, а моховыхъ мѣстъ

и ельника почти нѣтъ, то здѣшніе бѣлые грибы и рыжики отличаются своимъ превосходнымъ качествомъ: лучше ихъ нѣтъ въ торговлѣ. Цѣна грибамъ зависитъ отъ ихъ урожая и отъ того, въ какое время года являются покупатели. Въ самую грибную пору, фунтъ свѣжихъ бѣлыхъ грибовъ стоитъ въ Парфентьевѣ 6 и 7 коп. сер., а сухіе грибы покупаются скупщиками, изъ первыхъ рукъ, отъ 13 к. до 25 к. с. за фунтъ. Парфентьевскіе грибы отправляются преимущественно въ Казань, Петербургъ и Нижній; въ Москву требуются въ небольшомъ количествѣ только бѣлые грибы и рыжики. Нѣкоторые здѣшніе торгаши, скупая грибы у крестьянъ, продаютъ ихъ въ своемъ посадѣ пріѣзжимъ купцамъ. Одинъ мѣщанинъ вздумалъ попытать счастія и самъ повезъ грибы въ Петербургъ на продажу; но онъ проторговался, и съ тѣхъ поръ никто изъ здѣшнихъ боязливыхъ, мелочныхъ торговцевъ не рѣшается повторить эту попытку.

Кологривскій волокъ, по качеству лѣса, хуже Парфентьевскаго. Хотя и онъ боровой, но перемѣшанъ мѣстами съ ельникомъ; притомъ кологривская сосна ростетъ не на сухой и песчаной почвѣ, а на мшарняхъ. Почва и порода лѣса имѣютъ, безъ сомнѣнія, вліяніе на качество и породу грибовъ. Въ сухихъ боровыхъ лѣсахъ ростутъ лучшіе бѣлые грибы, рыжики и черные грибы или боровики; тѣже самые грибы, ростущіе въ сырыхъ борахъ и въ ельникѣ, гораздо хуже и слабѣе; такъ напр. еловый рыжикъ бываетъ всегда дряблый и тонконогій, а боровой, напротивъ, твердый и на плотномъ, короткомъ корешкѣ. По этому то свойству лѣса и почвы, Парфентьевскіе грибы несравненно лучше Кологривскихъ. Отличнѣйшіе бѣлые грибы собираются около самаго Парфентьева, верстъ на 10 къ Галичу и на 5 къ Кологриву, именно тамъ, гдѣ на сухомъ пескѣ ростетъ самая чистая и не кривоствольная сосна; но лучшее урожайное мѣсто и гдѣ грибы превосходны,—возлѣ села Матвѣева. Въ Кологривскомъ волокѣ вовсе нѣтъ масляниковъ; за то, по березникамъ, есть грузди, а въ осинникѣ—цѣликъ и волнушка, называемые сѣрыми грибами (*). Въ Парфентьевскихъ лѣсахъ, на оборотъ, много масляниковъ, но вовсе нѣтъ груздей и сѣрыхъ грибовъ. Вообще, въ ельникѣ и бе-

(*) Замѣтимъ кстати, что осина, подобно липѣ, ростетъ обыкновенно на сырой, слабой почвѣ.

резникѣ водится бѣлый грибъ; въ соснякѣ—боровикъ, боровой масляникъ и рыжикъ; по березнику собираютъ цѣликъ, масляникъ и волнушку; въ осинникѣ и липѣ (липы вовсе нѣтъ въ Кологривскихъ лѣсахъ; она показывается южнѣе, именно въ Ветлужскомъ уѣздѣ)—грузди. Здѣшніе крестьяне, постоянно занимающіеся грибнымъ промысломъ, знаютъ подробно въ какихъ мѣстахъ и въ какое время года собираются грибы; словомъ, они могутъ сообщить много свѣдѣній для естественной исторіи грибовъ; къ сожалѣнію, я не имѣлъ случая говорить съ грибопромышленниками и сообщаемыя мною весьма поверхностныя, а можетъ быть и не совсѣмъ точныя замѣтки получены отъ ямщиковъ. Въ послѣдніе два года, именно въ 1855 и 1856 годахъ, были вообще неурожаи на грибы, а потому и цѣны на этотъ товаръ поднялись. Самые цѣнные въ торговлѣ грибы—бѣлый, потомъ рыжикъ и груздь; за ними слѣдуютъ боровики или черные грибы; сѣрые грибы далеко не имѣютъ той цѣны, а масляники—еще дешевле.

До учрежденія въ 1778 году Костромскаго намѣстничества, Парфентьевъ былъ уѣзднымъ городомъ. Онъ стоитъ на лѣвомъ берегу р. Неи, въ самой глуши дремучаго бора. Этотъ бѣднѣйшій посадъ состоитъ изъ 80 или 90 почернѣвшихъ отъ старости деревянныхъ домовъ и лачугъ съ двумя каменными и одною деревянною церквами. Жителей мужескаго пола менѣе 300 д. Мѣщане и купчишки (такъ величаютъ ямщики 5 или 6 здѣшнихъ купеческихъ домовъ 3-й гильдіи) только тѣмъ и перебиваются, что перепторговываютъ на посадѣ съѣстнымъ и кое какою мелочью, скупаютъ у мужиковъ всякую всячину на еженедѣльныхъ торжкахъ по четвергамъ и продаютъ потомъ то, что ими пріобрѣтено, заѣзжимъ купцамъ. Крестьяне привозятъ лисьи и бѣличьи шкуры, сало, скотину, медъ, ленъ, грибы, хлѣбъ, шерсть, холсты, 8-мивершковыя крестьянскія сукна, деревянную посуду и другія деревянныя издѣлія. Парфентьевскіе торговцы, обыкновенно, сами возятъ звѣриныя шкурки, скотскія сырыя кожи и корье на кожевенные и скорняжные заводы въ Галичъ и Шокшу; другіе товары возятъ, частію, въ Галичъ и Чухлому, а частію сбываютъ въ самомъ посадѣ на ярмонкахъ: Макарьевской, 25 іюля, и девятой—въ 9-ю пятницу послѣ пасхи. Стеченіе народа въ ярмарочные дни бываетъ, говорятъ, до 5000. До 1857 года, мясо продавалось здѣсь

по 70 и по 80 к. сер. за пудъ; сажень сосновыхъ дровъ стоила 70 к. сер.; замѣтимъ для сравненія, что въ тоже самое время, въ Костромѣ, обыкновенное мясо покупалось, осенью, по 70 к. с. за пудъ, а пудъ лучшей черкасской говядины стоилъ отъ 1 р. 60 к. до 2 р. 40 к. сер.; теперь, постоянная цѣна простаго мяса въ Костромѣ отъ 3 р. 50 к. до 4 р. с. за пудъ, т. е. въ пятеро дороже прежняго. При началѣ крымской войны, когда потребовались въ Петербургъ, для продовольствія войскъ, въ большомъ количествѣ, съѣстные припасы, по здѣшнему тракту потянулись изъ Вятской губерніи, зимнимъ путемъ, безчисленные обозы съ мерзлымъ мясомъ, которое купцы или капитальные крестьяне скупали на мѣстахъ по 2 р. ас. за пудъ, а продавали въ Петербургѣ по 2 р. сер. Многіе, даже небогатые мужики, били въ то время свою скотину на мясо и сами возили его въ Петербургъ.

Здѣшній народъ, какъ въ посадѣ, такъ и по деревнямъ—смирный, простой и охотникъ праздничать. Всю масляную, первые три дня пасхи и храмовые праздники, словомъ, дней пятнадцать въ году, мужики ѣздятъ гурьбой изъ деревни въ деревню на хмельное пиво. Пріѣдетъ напр. мужикъ изъ деревни въ другую, къ знакомому, да навезетъ съ собою не только родныхъ и свойственниковъ, но и гостей, часто вовсе незнакомыхъ хозяину; хозяинъ съ хозяйкою встрѣчаютъ пріѣзжихъ съ поклонами и всѣхъ угощаютъ, никого не обносятъ: таковъ обычай. Наберется напр. въ избу человѣкъ сорокъ, надо на нихъ ведеръ 10 пива, вина ½ ведра или ведро, да всякаго угощенья: лапши, киселя, рыбы, мяса, пироговъ. Поѣдятъ, попьютъ пріѣзжіе гости, потомъ, вмѣстѣ съ хозяевами, сядутъ въ сани или телѣги, да и поскачутъ во всю лошадиную прыть, съ пѣснями, колокольчиками и бубенчиками, въ другую деревню или село, гдѣ одновременно празднуется престолъ. Они привязываютъ къ лошаденкамъ своимъ, для украшенія, гривы и челки изъ конскаго бѣлаго волоса. На храмовые праздники сбираются обыкновенно со всѣхъ окрестныхъ селеній попраздничать не только у крестьянъ, живущихъ въ томъ селѣ, гдѣ престолъ, но и у батюшки (приходскаго священника) и у всего причта.

Какъ ни бѣденъ Парфентьевъ, а въ немъ двѣ черныя съѣстныя харчевни и два кабака, что, надѣюсь, весьма довольно на 812 го-

родскихъ жителей обоего пола (*), для образованія которыхъ, кажется, вовсе нѣтъ школы. Деревенскіе старосты часто ѣздятъ въ Парфентьевъ, какъ будто по дѣламъ, а на самомъ дѣлѣ—чтобъ покутить. Бывали случаи, что старосты пропивали господскій оброкъ, а иногда и часть подушныхъ.

Парфентьевскіе крестьяне вообще смирнѣе и уступчивѣе Галицкихъ. Проѣзжій мужичокъ только завидитъ кибитку или заслышитъ колокольчикъ,—самъ своротиваетъ съ торной дороги въ рыхлый снѣгъ. Если ямщикъ, по желанію сѣдока, возьметъ немного въ сторону, чтобъ облегчить бѣдняку проѣздъ, то мужикъ непремѣнно сниметъ шапку, низко поклонится и скажетъ: «спасибо, кормилецъ». Здѣшніе мужики, при встрѣчахъ, всегда кланяются, снимая шапки.

Отъ Парфентьева до Задоринской станціи 21½ версты. Отъ посада дорога идетъ сначала, на 10 верстъ, Парфентьевскимъ волокомъ; потомъ, на 5½ верстъ, открытое, ровное мѣсто, съ тремя придорожными деревнями; въ отдаленіи виднѣются еще деревни, село и усадьба; на 16-й верстѣ начинается другой волокъ—Задоринской, который тянется по сю сторону станціи на 6-ть верстъ и по ту сторону на 10-ть верстъ. Послѣдняя часть волока называется Костылихой. Деревня Задоринская стоитъ въ дремучемъ лѣсу.

Отъ Парфентьева вплоть до Задоринскаго волока почва для хлѣба плохая: песокъ да камень. Хлѣбъ сѣютъ на горѣли или огнищѣ года два сряду; потомъ это мѣсто оставляютъ въ залежъ лѣтъ на десять, и когда древесныя коренья сгніютъ, тогда на старой горѣли сѣютъ хлѣбъ еще раза два безъ назема, затѣмъ надо постоянно унаваживать поле, если не хотятъ его запустить подъ лѣсъ. У здѣшнихъ крестьянъ приходится на тягло отъ 3-хъ до 5-ти коровъ и одна или двѣ лошади. Овецъ мало, потому что сѣномъ не богаты, луга плохіе; да и какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть трава на пескѣ; только и есть порядочные покосы, что около рѣчекъ. Въ 1857-мъ году покосы были вездѣ плохи.

Между Парфентьевымъ и Кологривомъ крестьянскія строенія очень хорошія и большихъ размѣровъ; часто попадаются черныя

(*) 266 мужскаго и 316 женскаго пола. См. Статистическія таблицы Россійской Имперіи за 1856 годъ.

избы, которыя многими крестьянами предпочитаются бѣлымъ, потому что лучше, будто бы, держатъ тепло. Жители имѣютъ склонность къ грамотѣ; нѣкоторыя грамотныя женщины промышляютъ тѣмъ, что обучаютъ по деревнямъ чтенію и письму. За выучку читать имъ платятъ по 1 р. и по 1½ р. с., а за обученіе чтенію и письму по 2 р. и по 2 р. 50 к. сер. за каждаго ученика. Дѣтей обучаютъ также и станціонные смотрители. Я видѣлъ у Задоринскаго смотрителя 6-ть мальчиковъ, чинно сидѣвшихъ за длиннымъ столомъ и старательно писавшихъ съ прописей, между тѣмъ какъ смотритель занимался своимъ дѣломъ въ сосѣдней комнатѣ.

Деревня Задоринская и большая часть Задоринскаго волока принадлежатъ г. Граве. Другою частію волока владѣетъ кн. Вяземскій. Оба владѣльца продали лѣсъ на срубъ Макарьевскимъ крестьянамъ и получаютъ по 1 р. 25 к. ассиг. съ каждаго дерева 5-ти и 7-ми саженной длины. Крестьяне вырубили уже болѣе 10,000 деревъ, которыя сплавляются по р. Вохтубѣ въ Нею, потомъ въ Унжу и Волгу до Нижняго Новгорода. По условію, крестьяне платятъ за вырубку лѣса изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи въ Нижнемъ.

Въ д. Задоринской, также по Костылихѣ мѣста песчаныя, земли неудобной очень много и народу нельзя кормиться однимъ хлѣбопашествомъ, а потому, съ великаго поста, жители уходятъ обыкновенно на заработки, въ Нижній, Питеръ или занимаются рубкою лѣса.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ, по рѣдкости населенія, очень мало селъ и приходы такъ обширны, что одному священнику не управиться; въ слѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ, особенно обширныхъ приходахъ есть по два и по три священника; церкви вездѣ каменныя, хорошей постройки и содержатся въ порядкѣ.

Отъ Задоринской до Ивановской станціи 21 верста. Первыя десять верстъ—Костылиха, и на этомъ разстояніи, по дорогѣ, вовсе нѣтъ деревень. Иногда отъ почтоваго тракта отдѣляется торная узкая дорожка, смѣло врѣзывающаяся въ густой лѣсъ и ведущая прямо въ деревню, скрывающуюся за лѣсомъ не въ дальнемъ разстояніи отъ дороги. Въ Костылихѣ есть болото, верстъ на семь въ окружности; на этомъ болотѣ много оленей, которые

охотно ѣдятъ на мшарняхъ *жировиху*, т. е. клюкву. Въ здѣшнихъ мѣстахъ бездна ягодъ: въ березникахъ черница и костеница, а по горушкамъ, въ соснякѣ—брусница. Поломы и огнища зарастаютъ обыкновенно малинникомъ: тутъ самое любимое мѣсто для медвѣдей. Какъ ни обильна Костылиха оленями и медвѣдями, но здѣшніе крестьяне вовсе не стрѣлки и не бьютъ этихъ звѣрей. Костылицкій волокъ прекращается на 11-й верстѣ и за нимъ до самой Ивановской станціи безлѣсное и ровное мѣсто, усѣянное по самой дорогѣ деревнями. На 11-ти верстномъ разстояніи 6-ть деревень, отъ трехъ до десяти дворовъ въ каждой. Подъ деревнями земля глинистая и мягкая и есть хорошіе луга; всѣ крестьяне живутъ хлѣбопашествомъ и гораздо зажиточнѣе Задоринскихъ; на тягло приходится по 10-ти и болѣе коровъ и довольно лошадей и овецъ; нѣкоторые крестьяне высѣваютъ хлѣба до 300 четвериковъ. На огнищахъ хлѣбъ сѣется безъ удобренія до 10-ти лѣтъ сряду. Зерновой хлѣбъ продавался въ 1857-мъ году по 25 к. с., а мука около 33 к. сер. за пудъ. Крестьяне возятъ на продажу хлѣбъ въ Парфентьевъ и Кологривъ. Всѣ деревни здѣшней округи господскія розныхъ помѣщиковъ; есть напр. вотчина, душъ въ 600, г. Купріянова. Приходское ихъ село, съ двумя церквами и будто бы съ шестью священниками, находится въ верстѣ отъ Ивановской станціи; нѣкоторыя деревни, приписанныя къ этому приходу, отстоятъ на 23 версты отъ села.

Я засталъ на Ивановской станціи двухъ крестьянъ купріяновской вотчины, состоящей, по ихъ словамъ, слишкомъ изъ 20-ти деревень, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ. «Господа наши хорошіе, добрые, говорили мужики; мы безъ запрету владѣемъ и лѣсомъ и всякими угодьями, сколько силы хватитъ, и повинности платимъ небольшія. Мужикъ рубитъ себѣ лѣсъ, имъ и оброкъ платитъ и подушныя, а угодья приходятся даромъ. Сплавляемъ мы лѣсные плоты по Нелшѣ и Унжѣ въ Нижній. Въ прошломъ году сплавили тысячи двѣ деревъ и взяли въ Нижнемъ по 1 р. с. за дерево. Деремъ и бересту и возимъ ее въ Кологривъ на деготь. Сажень (кубическая) бересты продается въ Кологривѣ рублей за сорокъ, а сажень еловыхъ дровъ копѣекъ за 70 серебр. слишкомъ. Хлѣба сѣемъ на тягло примѣрно 70—80 мѣръ, а иной разъ и побольше. Вотъ я, примѣромъ сказать, посѣялъ 70 мѣръ, а намоло-

тилъ 500. Сѣемъ мы и пшеницу; у насъ она хорошо удается на огнищахъ. У заправнаго хозяина скотины въ волю: хоть бы у меня, 5 лошадей, 15 коровъ, 20 овецъ; платимъ съ тягла оброка 100 руб. и 130 руб. ассиги. Кто платитъ 130 р., тотъ не знаетъ никакой другой господской работы; а кто вноситъ 100 руб., тотъ работаетъ нѣсколько дней въ году на господской запашкѣ. Въ нашей вотчинѣ, на 600 душъ, 300 тяголъ: одни на чистомъ оброкѣ, другіе на полуоброкѣ. Полуоброчники высѣваютъ барину 100 четв. Въ вотчинѣ есть тяголъ пятокъ медвѣжниковъ; тѣмъ они больше и живутъ, что медвѣдей промышляютъ. Ходятъ они на *черпаго звѣря* (медвѣдя) артелью, человѣка по три, а случается и одному идти на медвѣдя. Въ прошломъ году одинъ медвѣжникъ убилъ десять звѣрей; за каждую шкуру выручилъ по 20 р. да за каждый пудъ сала по 10-ти руб. ас. Живемъ, не чего Бога гнѣвить, безъ притѣсненія, только тѣмъ у насъ не ладно, что управляющихъ часто смѣняютъ. Вотчиной нашей управляетъ теперь нѣмецъ, человѣкъ хорошій. Коли на міру какой споръ или несогласіе,—тотчасъ къ нѣмцу: онъ разсудитъ, пожалуй, лучше своего брата и справедливость всю, какъ надо, соблюдетъ. Вина пьютъ по нашей вотчинѣ немного: этимъ баловствомъ не занимаются; баринъ не позволяетъ. На масляной выйдетъ на тягло, пожалуй, съ четверть ведра, и полно. Въ первые три дня масляной самое большое гулянье, въ четвергъ и пятницу хоть и пьютъ, да ужъ поменьше, а въ субботу нельзя: батюшка попъ не велитъ да и старики начинаютъ молиться. Въ году выйдетъ много ведро вина на тягло, значитъ 3 р. сер. съ тягла на вино, да пива выйдетъ ведеръ 20-ть; изъ двухъ мѣръ хлѣба мы варимъ пять ведеръ пива. Въ вотчинѣ нашей жить можно: оброки небольшіе и порядокъ есть. Нѣтъ у насъ тяжелѣе времени, какъ отдача въ солдаты. Какъ придется ставить рекрута, тутъ плачь по всей деревнѣ. Знаемое дѣло: кому не будетъ тяжело, какъ скажутъ: довольно молъ сидѣлъ на печи: слѣзай, братъ, съ полатей да прощайся, можетъ, на вѣки, съ отцемъ съ матерью».

Отъ Ивановской станціи до Кологрива 29 верстъ. Верстахъ въ двухъ отъ станціи начинается волокъ, идущій 13 верстъ непрерывною сплошною стѣною старыхъ соснъ, елей и березъ до дер. Суховерковой, отъ которой до Кологрива не болѣе 4-хъ верстъ.

Первая половина волока, на 12-ть верстъ, принадлежитъ г. Купріянову, а другою половиною, примыкающею къ Кологриву и р. Унжѣ, владѣютъ г-жи Корнилова и Кожина.

На Ивановской станціи писарь молодой, но больной.

«Здѣсь бѣда заболѣть, проговорилъ онъ стоная, кто здѣсь поможетъ, лекарей нѣтъ. Кто заболѣлъ, такъ терпи или ложись и умирай». Грустно слушать эти стоны. А мало ли у насъ такихъ страдальцевъ, при отсутствіи медицинскихъ пособій. Боже мой! сколько еще дѣла, чтобъ доставить обществу довольство. Школы и больницы—однѣ изъ первыхъ потребностей, а ихъ то у насъ и недостаетъ. . . . .

По пріѣздѣ на Ивановскую станцію, погода испортилась; поднялась мятель; снѣгъ повалилъ хлопьями и сталъ заметать дорогу; наступили сумерки. Въ комнату вошелъ староста за прогонами: «лошади, сказалъ онъ, готовы, да не лучше ли обождать, пока не уймется мятель; вишь, какъ наметало сугробовъ; передовая лошадь хоть и надежная, а чего добраго, какъ разъ собьется съ торной дороги и увязитъ въ снѣгу запряжку, а пожалуй и опрокинетъ кибитку. Дѣло-то, батюшка, ночное; до самаго Суховеркова, на 25 верстъ, все лѣсъ да лѣсъ и ни одного жила на дорогѣ, а какія и есть деревни, тѣ за лѣсомъ, въ глуши, верстахъ въ трехъ отъ дороги,—до нихъ и не доѣдешь, заплутаешься».

Привыкнувъ ѣздить день и ночь безостановочно и притомъ поспѣшая въ Кологривъ, я не послушался старосты. Ямщикъ хлестнулъ передовую лошадь длиннымъ бичемъ, колокольчикъ забренчалъ и мы поѣхали *чистью*, а тамъ, чрезъ двѣ версты, потянулся волокъ. Въ глухомъ дремучемъ лѣсу стало вдругъ темнѣе, лошади пошли тише: мы ѣхали на угадъ, потому что невозможно было разглядѣть проторенпаго слѣда, занесеннаго снѣгомъ. Отъѣхавъ не болѣе трехъ верстъ отъ станціи, мы попали въ какую то выбоину, кибитка повернулась на бокъ и оглобля затрещала. У насъ не было ни топора, ни запасной оглобли, а погода злилась, темнота усиливалась, и я рѣшился возвратиться въ Ивановское, чтобы ѣхать въ городъ на разсвѣтѣ.

На станціи я засталъ моихъ разсказчиковъ, мужичковъ Купріяновской вотчины, угостилъ ихъ чаемъ и завелъ прежній разговоръ о здѣшнемъ краѣ.

«Что въ Ивановскомъ, что въ Суховерковѣ и подъ Кологривомъ—земля все одна, пловка. Только Суховерковская пловка совсѣмъ бѣлая, и безъ назему не родитъ; ею у насъ бѣлятъ печи и трава на ней родится самая негодная, свупъ, ее и скотина не ѣстъ. Въ Суховерковѣ для пашни тѣмъ еще не ладно, что мѣста угористыя, въ сильные дожди вода смываетъ съ угоровъ, вмѣстѣ съ распаханою землею, навозъ и посѣянныя зерна: отъ этого на поляхъ часто попадаются лысины».

«Здѣшняя пловка все получше Суховерковской и пригоднѣе подъ посѣвъ. Нижній слой такой же бѣлый и холодный, какъ въ Суховерковѣ, за то сверху есть сѣрая земля. На горушкахъ здѣсь бываетъ сѣропесчаникъ съ камнями, а мѣстами песокъ».

«Кромѣ пловки, въ Суховерковѣ и въ Ивановскомъ есть хорошая глина: идетъ на смазку печей. На ней растетъ полипа, т. е. польная трава; она спорѣе листюга и лучше для корма. Листюгъ растетъ по рѣчкамъ. Какъ ни плоха земля въ Суховерковѣ, а тамошнимъ мужичкамъ привольнѣе, чѣмъ здѣшнимъ, потому что тамъ мѣсто бойкое, на большой судоходной рѣкѣ и подъ самымъ городомъ. У Кологривскихъ мѣщанъ земли мало; они очень этимъ обижены; куда ни обернись,—кругомъ облегли городъ чужія Суховерковскія поля; по неволѣ горожанамъ надо нанимать землю у мужиковъ».

«Суховерковскіе крестьяне, правду сказать, живутъ хорошо и строенія у нихъ изрядныя, а могли бы жить еще лучше. Кому и быть богатымъ какъ не имъ? Да бѣда въ томъ, что народъ лѣнивый да любитъ попивать. Глупый они народъ, своей пользы не разумѣютъ, главное потому, что спятъ».

Отъ чего же спятъ, что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ я.

«Да такъ: лѣнятся да пьянствуютъ, потому и спятъ. Подгородные крестьяне всегда больше пьянствуютъ, чѣмъ нашъ братъ, сѣрый мужикъ, потому что подъ городомъ кабакъ близко. У Суховерковскихъ мужиковъ полевая земля хоть похуже нашей, за то у нихъ поемные луга по Унжѣ: какъ имъ не жить хорошо. Вся ихъ бѣда, что порядку у нихъ мало, даромъ что господскіе. Помѣщикъ-то самъ только разъ и былъ въ вотчинѣ, а вотчиною заправляетъ бурмистръ, изъ своихъ же, тутошныхъ мужиковъ. Старый-то бурмистръ былъ богатъ, водилъ знакомство съ купечествомъ и чиновниками, строилъ гусянки и каждый годъ гонялъ

ихъ съ дровами въ Нижній. Сначала все шло хорошо, да потомъ какъ-то свихнулся, дѣла видно не удались; вотъ онъ вздумалъ поправиться на господскія да на мірскія деньги. Хорошо еще, что дѣло скоро открылось; его смѣнили съ бурмистровъ, а деньги-то говорятъ, за тысячу цѣлковыхъ, пропали: что съ него взять? Суховерковцы занимаются стройкою гусянокъ, унженокъ и формсенокъ: кто побогаче, тотъ строитъ суда на свой счетъ, а кто победнѣе, тотъ нанимается въ работники».

«Корниловы и Кожина берегутъ свой строевой лѣсъ: у нихъ онъ заповѣдной и крестьянамъ рубить запрещено, такъ мужички то ихъ, все равно что и мѣщане кологривскіе, покупаютъ на стройку судовъ нашу елку (въ нашемъ волокѣ больше все елка да береза; ну, конечно, есть и сосна и пихта, только гораздо поменьше); берутъ они также вырубочные билеты для рубки въ казенныхъ лѣсахъ: Кологривскій лѣсничій, только подари ему, позволяетъ рубить въ волю и безъ билета: онъ за этимъ не гонится. Вотъ Парфеньевскій лѣсничій на дѣло строгъ: онъ наказалъ крестьянъ Римскаго-Корсакова за лишнюю порубку на 10.000 р. ас.—5-ти саженное дерево казна продаетъ на срубъ за 75 коп., а 3-хъ саженное за 25 коп. Кологривскіе промышленники въ прошломъ году поубыточились: платили за дерево по 25 коп., а продавали по 20 коп. Суховерковцы понесли убытокъ и на гусянкахъ; оттого они нонче осенью и не брали вырубочныхъ билетовъ».

По разсказамъ Кологривскихъ жителей во всемъ уѣздѣ только четыре большія лѣсныя дачи не тронуты, между прочимъ Корниловой, Кожиной и князя Вяземскаго. Прочія дачи сильно повырублены и попорчены крестьянами, которые безъ всякаго расчета жгутъ лѣсъ и на огнищахъ сѣютъ хлѣбъ; имъ это привольно, потому что на огнищахъ не надо удобренія, и слѣдоват. гораздо менѣе, чѣмъ на обыкновенныхъ поляхъ, требуется труда и работы.

Не доѣзжая Кологрива, на противоположномъ берегу рѣки Унжи, расположена большая деревня Суховеркова. По широкой улицѣ лежатъ во множествѣ бревна и доски, на берегу строятся суда. Избы у крестьянъ большія и каждый дворъ или усадьба занимаетъ большое пространство, обнесенное загородью. Здѣшніе крестьяне имѣютъ прекрасный обычай жить большими семьями; два, три женатыхъ и семейныхъ брата живутъ нераздѣльно въ одной

усадьбѣ; если они не могутъ помѣститься въ одной избѣ, то строятъ въ тойже загороди другую отдѣльную избу. Съ высокаго берега, на которомъ стоитъ деревня, видѣнъ городъ и скромные деревянные домики Кологривскихъ мѣщанъ, которыхъ крестьяне называютъ *галками*. Этотъ маленькій и невзрачный городокъ находился прежде на правомъ берегу Унжи, въ 35 верстахъ выше нынѣшняго мѣста. Въ 1798 году, при открытіи Костромскаго намѣстничества, городъ перенесенъ на настоящее мѣсто, гдѣ до того времени было село Ичнино. Въ старомъ Кологривѣ остались, кажется, только ветхая церковь да нѣсколько избъ.

Въ 1798 году въ городѣ было 2 церкви, 65 домовъ, и жителей 138 ч. мужескаго и 182 женскаго пола, въ томъ числѣ 6-ть купцовъ и 22 мѣщанина. Въ 1856 считалось: церквей деревянныхъ 3, домовъ 198, купцовъ 3-й гильдіи 35, мѣщанъ около 300, а всего жителей 655 мужскаго и 614 женскаго пола. Городъ расположенъ на лѣвомъ или луговомъ берегу Унжи, при впаденіи въ нее судоходной рѣчки Кичеики, протекающей чрезъ самый городъ.

По суровому климату, Кологривъ можетъ быть названъ Сибирью Костромской губерніи; въ здѣшнихъ огородахъ не созрѣваютъ ни огурцы, ни ягоды.

Я въѣхалъ въ городъ въ то время, когда народъ выходилъ изъ церкви. Всѣ были скромно одѣты: здѣсь не щеголяютъ нарядами. День былъ воскресный, базарный. На церковной площади расположены были въ безпорядкѣ возы съ крестьянскими товарами; выпряженныя лошаденки, малорослыя и довольно тощія, стояли между оглоблями и подбирали на снѣгу охабки сѣна.

Я остановился въ домѣ знакомаго мнѣ купца, гостепріимно меня пріютившаго. Дорожа каждою минутою, чтобы кончить свои дѣла, я воспользовался, однако, случаемъ, чтобы собрать отъ хозяевъ и судорабочихъ подробныя свѣдѣнія о способѣ строенія судовъ. Эти свѣдѣнія могутъ служить матеріяломъ для обстоятельной, но разумѣется, весьма скучной, по своей спеціальности, монографіи, которую по этому случаю я здѣсь и не помѣщаю.

Комната моя, съ маленькими окнами, съ покатымъ къ наружной стѣнѣ поломъ, съ выбѣленными печью и стѣнами, на которыхъ висѣли въ рамкахъ нѣсколько картинъ и портретовъ московскаго издѣлія, примыкала къ хозяйской горницѣ, въ которой, по

случаю воскреснаго дня, жена хозяина принимала гостей и угощала ихъ чаемъ. Эта женщина, набожная и добрая, по страсти къ чистотѣ, порядку и по своей заботливости, не уступитъ любой ревельской нѣмкѣ. Въ то время, какъ она мнѣ жаловалась на то, что въ Кологривѣ, по случаю раннихъ заморозковъ, не вызрѣваютъ на грядахъ огурцы и что ихъ сюда привозятъ изъ Галича и продаютъ дорогой цѣной,—дверь изъ сѣней отворилась, вошли два нищихъ крестьянина, перекрестились на образа, отвѣсили поклонъ хозяйкѣ и стали, не говоря ни слова, у самыхъ дверей.

«Здравствуйте, батюшка Петръ Ивановичь, какъ ваше здоровье?» привѣтствовала нищихъ хозяйка.

—«Плохо вижу, матушка: совсѣмъ почти ослѣпъ, да и ноги худо служатъ: вотъ еслибъ не Дмитрій Егоровъ, такъ и ходить бы мнѣ нельзя по добрымъ людямъ».

Петръ Ивановичъ мелкопомѣстный дворянинъ, владѣлецъ одной крестьянской семьи, человѣкъ старый, вдовый и, къ счастію, бездѣтный,—былъ въ Крымской компаніи въ ополченіи, возратился оттуда съ лихорадкою и глазною болью и поселился на житье къ своему крестьянину. Тяжело было Дмитрію Егорову и свою семью кормить и Петру Ивановичу служить, а Петръ Ивановичъ, когда здоровъ былъ, и тогда къ крестьянской работѣ не былъ склоненъ и любилъ сваливать работу на единственнаго своего подданнаго. Держался кое какъ Дмитрій Егоровъ, да наконецъ мочи не хватило и пошли они вдвоемъ, мужикъ съ бариномъ, побираться Христа ради. Добродушная хозяйка простилась съ ними, давъ имъ ломоть хлѣба да копѣечку; они вышли съ смиреннымъ поклономъ, и видно было изъ окна, какъ они направились къ торговой площади, пошатываясь на истощенныхъ старческихъ ногахъ, какъ будто съ похмелья, и мотая своими высокими, набитыми паклей шапками, которыхъ тульи свѣсились на сторону.

Пробывъ въ Кологривѣ двое сутокъ, я поѣхалъ въ Чухлому и Соль-Галичь. Почтовый трактъ изъ Кологрива въ эти города идетъ чрезъ Галичъ, но отъ Сидоровской станціи есть проселокъ, который, минуя Галичъ, ведетъ прямо въ Чухлому и значительно сокращаетъ разстояніе. Отъ Сидорова въ Чухлому, проселкомъ, только 41 верста, между тѣмъ какъ чрезъ Галичъ, по почтовому тракту, 106 верстъ. Разумѣется, я воспользовался этимъ про-

селкомъ, который сворачиваетъ съ большой дороги отъ села Бушнева, и по которому ѣздятъ всѣ обозы и проѣзжающіе.

Проселокъ идетъ извилинами: то пробирается онъ боровыми и еловыми, довольно уже вырубленными волочками, то идетъ по открытымъ мѣстамъ мимо деревень, которыхъ по дорогѣ 9-ть. Въ этихъ деревняхъ нѣтъ той правильности улицъ и строеній, какія наблюдаются въ деревняхъ на большихъ трактахъ. Вообще крестьянскія усадебныя строенія очень хороши, но размѣрами своими менѣе Кологривскихъ и строены изъ менѣе крупнаго лѣса: по избамъ видно, что здѣсь уже повывелись дремучіе и старые лѣса.

«Въ веселый уѣздъ ѣдемъ, заговорилъ мой Сидоровскій ямщикъ; отъ Сидорова къ Чухломѣ пошелъ народъ хорошъ и чѣмъ ближе къ Чухломѣ, тѣмъ бойчѣе,—здѣшній край потому и называется «Чухлома зеленая,» что весело живутъ. Здѣшній народъ самый что ни есть форсистый, протестованный, ученъ Москвòю, да Питеромъ, не то что вино кабацкое—ему подавай чаю; хоть и въ деревнѣ живетъ, а всякое ученье и городскіе обычаи знаетъ, словомъ сказать, народъ образованный, обеpъ-воръ; свои рукавицы за пазухой—чужихъ ищетъ».

«Въ нашихъ мѣстахъ только Чухлома и свѣтится, а то и шабашъ, кругомъ ужъ и не смотри,—вездѣ народъ простой, сѣрый. Къ Соли (Соль-Галичу), на прим., пойдутъ Усольцы; называемъ ихъ галками синепузыми. За Солью волость есть Толшмя, народъ зовется Толшмяками: настоящій лѣсной, самый, какъ есть, сѣрый, по городамъ не живетъ, промышляетъ только извозомъ въ Галичъ и Кострому, да сидитъ деготь, а хлѣба сѣетъ немного, только про себя. Отъ насъ къ Парфентьеву да къ Кологриву народъ также не Чухломятамъ чета, гораздо посѣрѣе: иной мужикъ, на самомъ дѣлѣ, куда богаче здѣшняго, да виду такого не задаетъ. А здѣшній народъ,—что про него и говорить,—гораздо повористѣе: здѣсь такъ бываетъ, что въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, въ другомъ блоха на цѣпи, а самъ при людяхъ фу, какимъ гоголемъ? Жену нарядитъ въ городское платье и поѣдетъ въ гости ли, въ городъ ли на ярмонку,—да вотъ ужо увидите, нонче вѣдь въ Чухломѣ ярмонка,—такъ что твой купецъ, сбруя-то на клячѣ серебряная, дуга золотомъ писаная, сидитъ въ пошевенькахъ на коврѣ, въ енотовой

шубѣ, такъ и подумаешь: купецъ; а онъ просто нашъ братъ мужикъ сиволапый, живетъ на фабрикѣ, али гдѣ на мѣстѣ въ Питерѣ и пріѣхалъ оттуда въ зимнее время на побывку. Въ Питерѣ-то онъ, можетъ быть, гдѣ нибудь въ кузнецахъ, съ немытой рожей, а здѣсь туда же щеголяетъ; платья одного на немъ рублей на сто. Ему бы привезти изъ Питера домой какой ни есть заработокъ деньгами, а онъ навезетъ нарядовъ; коли своей нѣтъ, такъ взаймы достанетъ шубу: дай, дескать, поносить только въ деревнѣ. У Чухломятъ ужъ такъ водится, что бѣдный отъ богатаго отставать не хочетъ; бѣдному и натужно. А когда придетъ пора возвращаться изъ деревни въ Питеръ,—денегъ то у молодца и нѣтъ, а должишки есть; что дѣлать? вотъ онъ свое нарядное-то платье да енотовую шубу и заложитъ, а потомъ или выкупитъ, какъ опять вернется въ деревню, или вышлетъ деньги изъ города».

«Каковы мужики, таковы и бабы. Мужья живутъ больше по городамъ, а бабы однѣ всѣмъ хозяйствомъ заправляютъ, да и какъ еще заправляютъ. Иная баба нашего же сѣраго мужика научитъ на дурное и на хорошее. Да и какъ имъ не быть такими: мужья-то, какъ придутъ на побывку, такъ имъ все настрочатъ: такъ и такъ, дескать, дѣлайте. Для полевыхъ работъ нанимаются къ нимъ обыкновенно батраки съ условіемъ за такую-то плату столько-то обработать пашни и выкосить луговъ».

«Отъ Дора къ Соль-Галичу народъ пойдетъ сѣрѣе. Есть очень зажиточные; есть такіе что и фарсятъ, а далеко не такъ какъ Чухломцы. Бойкій народъ Чухломята, нечего сказать: я и самъ, не то, чтобы галка или Толшмякъ; я изъ Лопасны, всего 60 верстъ отъ Москвы; а поди ты, что здѣсь за народъ: они смѣются и надъ моимъ разговоромъ. Ну, какъ сравнить Москву съ Чухломой? разумѣется ихъ языкъ пониже нашего, а они хвалятся своею рѣчью и прямо говорятъ, что ихняя рѣчь чище Московской. Они такой народецъ, что Московскихъ за дураковъ почитаютъ. Въ Москвѣ какого нарѣчія не услышишь на постоялыхъ дворахъ: и Воронежское и Новгородское; всякой говори какъ хочешь, никто другъ надъ другомъ не смѣется. А здѣсь чужаго человѣка какъ разъ охаютъ».

Мы выѣхали изъ мелкаго ельника на совершенно открытое и ровное мѣсто. Гладкая снѣжная равнина разстилалась скатертью и

блестѣла алмазными искрами, отражая лучи восходящаго солнца; лошади, ни мало не утомленныя длиннымъ путемъ, бѣжали веселой рысью, подъ ладъ звонкимъ, яснымъ звукамъ колокольчика. На краю горизонта, на чистой синевѣ, показался, надъ снѣжною равниной, въ блескѣ утреннихъ лучей солнца,—золотой крестъ, потомъ церковный куполъ, а вскорѣ зачернѣли множество крышъ, заборы и деревянные дома Чухломскихъ мѣщанъ. Синій дымокъ вился изъ трубъ и скоро изчезалъ въ необыкновенно прозрачномъ воздухѣ. Изъ деревень, разными проселками и съ разныхъ сторонъ, направлялись къ городу, звеня колокольчиками и бубенчиками, блестя расписанными дугами и сбруей, покрытой бляхами,—сани и пошевни, запряженныя въ одиночку или гуськомъ въ двѣ лошади. На пошевняхъ, устланныхъ коврами, сидѣли мужики въ енотовыхъ, волчьихъ и лисьихъ городскихъ шубахъ или тулупахъ, крытыхъ сукномъ, и рядомъ съ ними бабы и дѣвки въ красныхъ и желтыхъ шелковыхъ шубкахъ.

Въ Чухломѣ бываютъ по вторникамъ торги, а во вторникъ на масляной самый значительный торгъ, который не уступитъ любой ярмонкѣ; на этотъ день съѣзжаются изъ деревень Чухломята пофарсить и угощаться чаемъ въ трактирахъ и являются, по заведенному обычаю, новобрачные, чтобъ весело погулять.

Улицы маленькаго городка, который съ виду немного лучше Кологрива и въ которомъ не болѣе 320-ти домовъ, были необыкновенно оживлены; безпрестанно попадались ѣхавшіе на торговую площадь крестьянскіе возы съ товаромъ и пошевни съ важными бородатыми сѣдоками въ купеческихъ шубахъ.

Изъ станціоннаго дома, возлѣ самой торговой площади, я отправился на ярмонку. Площадь была заставлена возами, на которыхъ красовались грудами: деревянная крашеная посуда, привозимая съ Макарья, снѣтки съ Бѣло-озера, лапти, Чухломскіе озерные ерши 6-ти-вершковой длины и караси, извѣстные также своею величиною. Есть караси длиною почти въ ¾ аршина и въ 6-ть фунтовъ вѣса; ихъ возятъ на продажу въ Москву и Петербургъ; фунтъ мороженыхъ карасей стоитъ около 10 к. сер. Среди площади деревянные наскоро, изъ досокъ, сколоченные и вытянутые въ прямую улицу балаганы съ галантерейными вещами и всякими матеріями самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ, съ стеклянною и фарфоровою

посудою, иконами, картинами, книгами и пр., привлекали къ себѣ особенно много гуляющихъ и покупателей въ шубахъ; нѣкоторыя шубы отличались величавостію и преважно, будто капиталисты-аристократы, расхаживали подъ руку съ своими сожительницами въ шугаяхъ, а иногда въ салопахъ и шляпкахъ. Нѣсколько енотовыхъ шубъ стояли въ кружкѣ и разговаривали въ полголоса; двѣ изъ нихъ съ размахомъ подали другъ другу правыя руки: видно, поладили какое нибудь торговое дѣло, вѣроятно очень незначительное; но нельзя же не задать тону.

Съ замѣчательною пристойностію и важностію вела себя эта разряженная толпа, напоминавшая маскерадъ.

«Надѣньте-ко на сѣраго мужика, хоть бы на Усольца, енотовую шубу, сказалъ мнѣ купецъ, у котораго я купилъ какую-то мелочь, такъ онъ и съ шубой заберется въ кабакъ, а потомъ, какъ зашибетъ, такъ загорланитъ дуракомъ на площади и растянется всѣмъ тѣломъ на снѣгу. А про здѣшнихъ мужиковъ этого нельзя не сказать: умѣютъ поважничать, умѣютъ себя держать, а ужъ и порядкомъ покутить они мастера, нечего грѣха таить. Вотъ видать дома съ ренскими погребками и трактирами; тутъ они также первые; какъ въ хорошемъ, такъ и въ худомъ никому не уступятъ.

Городъ стоитъ на юговосточномъ, довольно низменномъ и даже болотномъ берегу Чухломскаго озера, знаменитаго своими крупными ершами и карасями, отзывающимися, впрочемъ, нѣсколько тиною, потому что самое озеро тинистое и берега его поросли травою. Это озеро въ длину 7 верстъ, въ ширину 6 верстъ, и площадь его, на которой нѣтъ ни одного острова, равняется 37 квадратнымъ верстамъ. Ключи Санеба и Макеровка, выбиваясь изъ земли въ самомъ городѣ, бѣгутъ въ озеро. На Санебѣ были недавно слѣды земляного вала и рва, имѣвшаго въ окружности около 3½ верстъ. Въ народѣ ходитъ молва, будто это укрѣпленіе возведено самими жителями, которые, подъ его защитою, отразили Поляковъ и шайки измѣнниковъ, бродившихъ здѣсь во времена самозванцевъ. Внутри этого укрѣпленія, на возвышеніи, и отдѣльно отъ домовъ стоитъ древній соборъ Преображенія Господня. Кромѣ собора, есть еще церковь близъ торговой площади и третья церковь кладбищенская. Въ 1792 году считалось въ городѣ жителей: 388 муж. и 453 ж. п., а въ 1856 году 832 муж. и 1193 жен.

При Императрицѣ Екатеринѣ II, въ Чухломѣ былъ знаменитый торговый домъ братьевъ Юдиныхъ, производившій большую оптовую заграничную торговлю при Архангельскомъ портѣ. Юдины отправляли на своихъ корабляхъ за море: льняное сѣмя, сало и кожи, закупавшіяся въ Костромскомъ и Вологодскомъ намѣстничествахъ. Изъ за моря они вымѣнивали вино и напитки, сахаръ, сухіе фрукты и пр.; заграничный товаръ тянулся бичевой изъ Архангельска, по рѣкамъ Двинѣ и Сухонѣ, къ пристанямъ, отстоящимъ отъ Чухломы на 200 верстъ, откуда, до Чухломы, доходили обозы сухимъ путемъ. Въ самой Чухломѣ Юдины торговали въ разницу, а оптовую торговлю вели съ Москвою, Ярославлемъ, Костромою и другими городами. Прочіе Чухломскіе купцы, мало-капитальные, забирали у Юдиныхъ товаръ и торговали имъ въ разницу, а также вели торговлю свѣжею и мерзлою озерною рыбою, хлѣбомъ, мясомъ, краснымъ товаромъ и проч.

Съ тѣхъ поръ, какъ стала упадать Архангельская заграничная торговля, вмѣстѣ съ нею упала и торговая дѣятельность Чухломы и число купцовъ уменьшилось.

Въ городѣ, по суровости климата, нѣтъ фруктовыхъ садовъ, но есть огороды со всякими овощами; въ деревняхъ крестьяне разводятъ хмельники и пчельники.

Городскіе и сельскіе жители Чухломскаго уѣзда особенно склонны къ мастерствамъ; нѣкоторые занимаются иконописаніемъ; есть каретники, маляры, столяры, рѣщики и пр., многіе живутъ въ прикащикахъ у купцовъ или сами торгуютъ по городамъ и въ столицахъ, а жены ихъ, оставаясь въ деревняхъ, совершенно полновластно распоряжаются хозяйствомъ, такъ что мужья, пріѣзжающіе иногда домой по зимамъ, вовсе не вмѣшиваются въ домашнія дѣла, а отдыхаютъ и живутъ дома какъ въ гостяхъ, или, отъ нечего дѣлать, занимаются своимъ мастерствомъ, наприм. столяры работаютъ всякую мебель и продаютъ ее очень дешево помѣщикамъ.

На противоположномъ берегу озера, въ 10-ти верстахъ отъ города, возвышается скромный Городецкій монастырь, основанный ученикомъ св. Сергія Радонежскаго, Аврааміемъ, просвѣтителемъ Галицкаго края. Монастырь владѣетъ хорошими рыбными ловлями, составляющими его главнѣйшій доходъ. Авраамій, пишетъ г. Вась-

ковъ въ описаніи Костромскаго намѣстничества,—избравъ Галицкій край для своего подвижничества, построилъ сначала на Галицкомъ озерѣ (между Галицкимъ и Чухломскимъ озерами разстоянія 38 верстъ) монастырь Новозаозерскій; скоро эта мѣстность стала населяться, и Авраамій, ища безмолвія и уединенія, направился къ Чухломскому озеру и на томъ мѣстѣ, гдѣ обрѣлъ икону Пресвятыя Богородицы, соорудилъ келью и поселился въ ней. Но недолго пользовался онъ своимъ уединеніемъ. Къ святому старцу стали, мало по малу, сходиться его ученики и почитатели и вскорѣ, склонясь на ихъ настоянія, онъ поставилъ и здѣсь обитель, названную Городецкою, въ которой и погребенъ въ 1375 году.

Въ Чухломскомъ и Галицкомъ уѣздахъ вовсе нѣтъ, какъ увѣряютъ жители, ядовитыхъ гадовъ. Народъ относитъ это къ молитвамъ преподобнаго Авраамія Чухломскаго, покровителя этихъ двухъ уѣздовъ.

Походивъ по торговой площади, поглядѣвъ на Чухломскихъ франтовъ и убѣдившись, что разсказы Сидоровскаго ямщика ни мало не преувеличены,—я простился съ городомъ и направился въ Соль-Галичь.

Отъ Чухломы до Соль-Галича 45 верстъ и на половинѣ этого разстоянія станція Доръ.

На пути къ Дору, почва состоитъ изъ иловки, которая въ засуху твердѣетъ, какъ камень. Лѣтняя дорога къ Дору идетъ берегомъ озера, а зимою ѣздятъ по льду, прямо къ Городецкому монастырю, стоящему на самомъ почтовомъ трактѣ. Озеромъ до монастыря не болѣе 7-ми верстъ.

Подъ самымъ монастыремъ и также на берегу озера—деревня Пожки, а немного подалѣе—деревня Андреева. Почва по берегу озера легкая, рыхловатая; поля обработываются мужиками и бабами. Строенія въ Андреевой прекрасныя; избы украшены затѣйливо фигурными крытыми крыльцами. Крестьяне, видимо, въ довольствѣ; они занимаются ловлею рыбы въ озерѣ. Въ зимнюю пору рыбѣ становится подо льдомъ душно и она выплываетъ къ нарочно вырубаемымъ прорубямъ или къ промоинамъ, образующимся около рѣчекъ и ключей. Чѣмъ ненастнѣе погода, тѣмъ удачнѣе зимній ловъ и потому, какъ только затуманитъ и сдѣлается нас-

мурно, мужики съѣзжаются на проруби и промоины, въ которыхъ рыба толпится густыми стаями, черпаютъ ее оттуда сѣтками и бросаютъ въ кучи на ледъ или складываютъ прямо на возы, стоящіе возлѣ на готовѣ, въ ожиданіи поклажи. Рыбы начерпаютъ въ иной день такъ много, что на каждаго ловца приходится по цѣлому возу. Въ деревнѣ Пожки есть мужикъ, выручающій ежегодно, отъ продажи рыбы, по крайней мѣрѣ 300 р. сер. Правда, у него три сына, которые ему помогаютъ.

«Здѣсь мужикамъ прямое раздолье, заговорилъ мой ямщикъ, урожонецъ Соль-Галицкаго уѣзда. Живутъ они подъ самымъ городомъ; угодьевъ у нихъ вдоволь: и луга хорошіе и рыбныя ловли— все подъ руками; да еще къ тому же, противъ нашего брата и подводами ихъ меньше обижаютъ. А у насъ и луговъ мало: покупай сѣно гдѣ хочешь; да и рыбу ловить негдѣ; нашъ братъ и рыбу доставай за деньги. Ужъ видно имъ такая благодать, что и рыбы и сѣна у нихъ вдоволь. Коли рыбой могутъ прожить мужики, такъ, кажись, на что бы имъ сѣно; а намъ оно было бы кстати. Такъ нѣтъ же; у нихъ всего въ волю, а намъ какъ будто на роду написано кряхтѣть. Здѣшнему крестьянину житье масленица, а намъ—великій постъ. Эво у нихъ какое озеро; а въ нашемъ во всемъ уѣздѣ, не только что рыбнаго, да и никакого озера нѣтъ. Нашъ мужикъ, противъ здѣшняго, хотя победнѣе и на наряды скупѣе, за то проще, къ церкви усерднѣе и всякаго гостя радъ принять и накормить. А здѣсь ужъ этого не жди. Здѣсь напр., хоть бы въ Андреевѣ, мужики богатые, а хлѣбъ ѣдятъ съ мякиной, вѣрьте не вѣрьте, честное слово. Случится когда сюда пріѣхать,—въ Андреевѣ у меня родная тетка,—такъ на силу выпросишь, куда пирога, краюху хлѣба. Хоть теперь въ масленицу, не жди отъ нихъ пива; скажи спасибо и за квасъ; а чужими пирогами и они рады полакомиться: не бойся, не откажутся. Народъ-то здѣшній по Петербургу да по Москвѣ шляется, такъ тамъ должно быть у Нѣмцевъ обычаи перенялъ. Не уровняешъ деревни съ деревней и рядомъ кажется, а розно живемъ. Вотъ напр. хоть бы станція Доръ, гдѣ будете смѣнять лошадей; деревня сама въ Соль-Галичскомъ уѣздѣ; Чухломскій уѣздъ отъ нея всего только въ 2-хъ верстахъ, и близко, а ужъ не то. Чухломецъ всегда нашего брата повористѣе. Тамъ во всемъ уѣздѣ росписныя золотомъ

дуги, сбруя въ серебрѣ; хоть въ запряжкѣ и кляча, за то сбруя на ней богатая. А нашъ братъ галка: у насъ сбруя по коню; какова лошадь, такова и сбруя, а не то, чтобы дрянную лошадь только сбруя красила; ну, да и жизнь другая: наши не фарсятъ. У насъ что въ городѣ, то и по деревнямъ: народъ гораздо степеннѣе и проще противъ Чухломцевъ: въ Чухломѣ бабы зачастую сидятъ въ кабакахъ да въ трактирахъ; а въ Соль-Галичѣ до этого срама пока еще не дошли».

Въ Дорѣ, также какъ и въ Чухломѣ, земля легкая, ее пашутъ косулею на одной лошади и въ другой разъ не перепахиваютъ. Хлѣбъ родится хорошо.

Отъ Дора къ Соли (Соль-Галичу), на разстояніи 23 верстъ, три селенія, въ томъ числѣ, на 12-й верстѣ, большое казенное село Коровно. Крестьянскія строенія въ этомъ уѣздѣ вообще лучше, чѣмъ въ Чухломскихъ деревняхъ. На Коровнинскихъ поляхъ почва твердая, супесокъ, сильно уростаетъ, дернится, а потому мужику съ одною лошадью не управиться. Здѣсь пашутъ на парѣ лошадей и подъ рожь подпаривають, т. е. пашутъ два раза.

Крестьяне около Соли занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ.

Скромный уѣздный городокъ Соль-Галичь расположенъ на обоихъ берегахъ рѣки Костромы. На правомъ берегу, возлѣ торговой площади, у ручья Шишкова, близъ церкви Преображенія Господня, по простонародью Никольской, есть соляные родники. Въ 1857 году на этихъ ключахъ держалась довольно прямо, не смотря на свою хилость, почернѣвшая отъ времени и полуизгнившая изба, въ которой нѣкогда былъ насосъ для накачиванія разсола изъ колодцевъ. Сверхъ того, уцѣлѣла одна варница и домъ, гдѣ находились ванны для больныхъ. Разсолъ въ этихъ родникахъ никогда не замерзаетъ и по дну неглубокой рытвины струится въ рѣку Кострому.

Говорятъ, что около 1845 года здѣсь было шесть варницъ и соли вываривалось еженедѣльно до тысячи пудовъ. Вскорѣ потомъ солевареніе прекратилось, но, въ замѣнъ того, уроженецъ Соль-Галича, откупщикъ В. А. Кокоревъ устроилъ на свой счетъ ванны при самыхъ соляныхъ источникахъ. Жители, разумѣется, были

очень этимъ довольны, потому что ванны стали привлекать отвсюду больныхъ и тѣмъ способствовали оживленію города. Впослѣдствіи, заведеніе цѣлебныхъ ваннъ было закрыто; но въ недавнее время, если не ошибаюсь, въ 1858 году, оно возобновлено тѣмъ же капиталистомъ, который сдѣлалъ этимъ истинную услугу своему родному городу. По описанію г. Васькова, разсольныхъ колодцевъ было въ его время 18-ть, и изъ нихъ выгодныхъ для варки соли 7; глубина колодцевъ была отъ 12 до 18 саженъ. Съ 1784-го по 1791-й годъ выварка соли производилась изъ трехъ колодцевъ. До бывшаго въ 1752 году пожара, соли добывалось ежегодно около 24000 пудовъ. Потомъ, добыча стала постепенно уменьшаться; въ 1791 году, на торги никто уже не явился и промыселъ былъ совершенно оставленъ. Прекращеніе промысла, замѣчаетъ г. Васьковъ, произошло отъ слабости разсола; но главное, отъ дороговизны дровъ, вслѣдствіе которой солевареніе стало невыгодно.

Въ той же части города, гдѣ соляные ключи, есть два замѣчательныхъ храма: приходская церковь Воскресенія Христова и большой двухъ-ярусный соборъ Рождества Христова. Соборъ былъ, въ началѣ, женскимъ монастыремъ и построенъ въ 1664 году, по повелѣнію царицы Марьи Ильиничны. О времени построенія храма есть надпись на серебряномъ съ святыми мощами крестѣ, присланномъ въ даръ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Въ огромномъ зданіи собора, поражающемъ своею неуклюжею массивностію и толщиною стѣнъ, кромѣ главнаго, холоднаго храма Рождества Христова, есть три придѣла: одинъ придѣлъ внизу, въ сводахъ, подъ главнымъ храмомъ, въ бывшей общей трапезной женскаго монастыря. Иконы въ этой церкви старинныя, безъ окладовъ, пожалованы, говорятъ, царями. Значительное мѣсто въ этомъ придѣлѣ занимаютъ двѣ громадныя толстостѣнныя печи, могущія, каждая, свободно вмѣстить по крестьянскому возу дровъ. Этихъ уродливыхъ печей нельзя топить въ одно время, потому что тепло, въ такомъ случаѣ, уносится вверхъ и вовсе не согрѣваетъ церкви. Вообще зимою здѣсь тепло, а лѣтомъ настоящій погребъ. Другой придѣлъ, также внизу, въ сводахъ, низенькій и теплый, Рождества Богородицы; наконецъ, третій придѣлъ устроенъ на лѣстницѣ, ведущей на колокольню. Въ ризницѣ собора хранятся: крестъ съ мощами, вре-

менъ Іоанна Грознаго, Евангеліе и Апостолъ времени Петра Могилы и патріарха Никона.

Приходская церковь Воскресенія Христова была нѣкогда мужескимъ монастыремъ. Есть рукописное сказаніе, что этотъ монастырь основанъ княземъ Ѳедоромъ Галицкимъ въ 1335 году. По тому же сказанію, 18 августа 1372 года, лѣсами отъ Ветлуги, пришли сюда нагайскіе татары и луговые черемисы, раззорили поселеніе и монастырь до основанія, а жителей увели въ плѣнъ. Послѣ этого нашествія, въ 1389 году, городъ былъ возобновленъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ монастырь, построена церковь Воскресенія Христова.

Въ другой части города, на противоположномъ, лѣвомъ берегу рѣки Костромы, находится древнѣйшая церковь Успенія Богородицы. По преданію, существующему въ городѣ, во времена самозванцевъ, жители возвели близь этой церкви земляное укрѣпленіе, подъ защитою котораго оборонялись отъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ и успѣли отразить злодѣевъ. Слѣды укрѣпленія видны и теперь; въ церкви сохраняются два желѣзныхъ котла, ведеръ во сто каждый, изъ которыхъ осажденные, говорятъ, лили кипятокъ на нападавшихъ.

Въ 1792-мъ году въ Соль-Галичѣ было семь церквей (теперь считаютъ шесть церквей, потому что двѣ церкви, обѣ Николы, рядомъ стоящія у соляныхъ ключей и принадлежащія одному приходу, считаются за одну церковь); домовъ: каменный 1 и деревянныхъ 559; жителей мужескаго пола: купцовъ 123, мѣщанъ 918, дворянъ и разночинцевъ 181, и того 1221, а всѣхъ жителей обоего пола 2747.

Главная отпускная городская торговля, по свидѣтельству г. Васькова, состояла въ томъ, что купцы получали изъ Толшмы и Тотемской округи отъ 25000 до 30000 пуда дегтя, да подъ самымъ городомъ, на берегу рѣки Костромы, ломали отъ 40000 до 45000 четвертей извести и сплавляли деготь и известь, по рѣкамъ Костромѣ и Волгѣ, нагружая дегтемъ отъ 13 до 16 судовъ, а известью отъ 16 до 18 судовъ ежегодно, па сумму около 26000 руб., по тогдашнему курсу.

Статьи отпускной торговли и теперь тѣже, какія были при г. Васьковѣ, только размѣръ вывоза уменьшился. Такъ, наприм., въ

1855 году отправлено извести въ г. Кострому не болѣе 10,000 четвертей на пяти судахъ. Эти суда имѣютъ въ длину отъ 10 до 16-ти саженъ, работы весьма грубой и непрочной и сколачиваются деревянными гвоздями. Самыя большія суда, т. е. 16-ти-саженныя, поднимаютъ немногіе болѣе 2000 восьми-пудовыхъ четвертей. Известь добывается верстахъ въ 6-ти выше города, на самомъ берегу рѣки Костромы. Замѣтимъ мимоходомъ, что подъ Соль-Галичемъ, въ рѣкѣ Костромѣ вовсе нѣтъ рыбы: думаютъ, не происходитъ ли это отъ обилія извести въ береговой почвѣ. Известковый слой, имѣющій въ толщину до пяти саженъ, лежитъ на глинѣ и показывается на глубинѣ одной сажени отъ поверхности земли. Для добыванія извести, снимаютъ сначала верхній слой простой земли и добравшись до известковаго пласта, спускаются колодцемъ на его дно, до самой глины, и потомъ изъ колодца ведутъ по усмотрѣнію, гдѣ удобнѣе, отнорки или подземные ходы, врываясь горизонтально въ пластъ, саженъ на 5-ть и болѣе. Стѣнки этихъ ходовъ, для предохраненія отъ обваловъ, поддерживаются деревянными рамами.

5-го января и 24 декабря бываютъ въ городѣ однодневныя ярмарки, а еженедѣльно, по средамъ и субботамъ,—торги. Субботніе базары всегда особенно оживлены: при г. Васьковѣ, на ярмонки сбиралось до 3000 народа; крестьяне Галицкіе, Соль-Галицкіе, Кологривскіе, Буевскіе и Тотемскіе привозили сюда дикихъ птицъ, мясо, скотскія кожи, шкуры медвѣжьи, волчьи, лисьи, заячьи, рысьи, бѣличьи и пр.

Въ 1857 году, цѣны въ самомъ городѣ на нѣкоторые предметы были слѣдующія: 3-хъ-полѣнныя березовыя дрова стояли 1 р. 50 коп.; пудъ мяса 60 коп. и дороже; пудъ овса стоилъ зимою 28 коп. сер.

Климатъ въ Соль-Галичѣ суровый; по краткости лѣта и раннимъ заморозкамъ, огурцы созрѣваютъ чрезвычайно рѣдко: можетъ быть одинъ разъ въ 10-ть лѣтъ. Въ садахъ есть яблоки, но маленькія, осиновыя, совсѣмъ бѣлыя. 19 августа, въ день Фрола и Лавра, незрѣлыя яблоки непремѣнно снимаются для предохраненія отъ утренниковъ.

Городскіе жители держатъ довольно много скота; по деревнямъ крестьяне держатъ скотины болѣе или менѣе, смотря по простран-

ству и качеству луговъ; въ иной деревнѣ приходится на тягло по двѣ коровы, а въ другой—по двѣнадцати. Вообще, крестьяне Соль-Галичскаго уѣзда держатъ болѣе скотины, чѣмъ живущіе между гг. Галичемъ и Костромою. Въ лѣтнюю пору холостая скотина и по ночамъ остается на пастбищахъ, а на ночь загоняютъ на дворы только рабочую или дойную. Какъ въ городѣ, такъ и во всемъ уѣздѣ, скотина пасется безъ пастуховъ; коровы и лошади свободно разгуливаютъ лѣтомъ по городскимъ улицамъ и, собираясь около соляныхъ ключей, охотно лакомятся разсоломъ. Не въ одномъ Соль-Галицкомъ уѣздѣ, но и въ другихъ лѣсныхъ уѣздахъ: Галицкомъ, Чухломскомъ, Кологривскомъ и Буевскомъ, пастуховъ нѣтъ, а для огражденія отъ потравы,—засѣянныя поля непремѣнно огораживаются. Южнѣе Галича, именно отъ Судиславля къ Костромѣ, и отъ Костромы къ Нижнему, мѣста противъ здѣшнихъ гораздо менѣе лѣсисты и болѣе открыты; тамошніе крестьяне, по недостатку въ лѣсѣ, не загораживаютъ полей своихъ, но, взамѣнъ того, каждая деревня имѣетъ своего пастуха, который смотритъ за тѣмъ, чтобы скотина не травила засѣянныхъ полей; впрочемъ, сосѣднія деревни, изъ хозяйственныхъ расчетовъ, чтобы не нанимать отдѣльныхъ пастуховъ, сгоняютъ скотину въ одну пастушную. Гдѣ скотина, какъ въ Соль-Галицкомъ уѣздѣ, пасется одна, безъ надзора, тамъ, разумѣется, съ нею бываютъ всякаго рода приключенія. Корова никогда сама собою не отстанетъ отъ стада, но если ее напугаетъ звѣрь, то забредетъ иногда верстъ за 50; лошади убѣгаютъ еще далѣе. Здѣсь повсемѣстный обычай извѣщать другъ друга о пропавшей и найденной или приставшей къ другому стаду скотинѣ: «вотъ, дескать, туда пристала такая то скотина такой то масти: у лошади наприм. оборванъ ротъ или ухо надрѣзано»; по явкѣ, хозяинъ и отправляется за пропавшей своей животиной.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ очень много волковъ; въ зимнюю пору они смѣло вбѣгаютъ въ городъ стаями, штукъ по семи, гоняясь за собаками.

Жители Демьяновскихъ селъ, до 4000 мужскаго пола душъ, занимаются земледѣліемъ и лѣсопромышленностію; они возятъ лѣсъ на рѣку Кострому. Промыселъ ихъ тяжелый. Толшмяки сидятъ деготь, который сплавляется въ г. Кострому. Какъ въ Чухломскомъ

уѣздѣ, такъ и здѣсь, крестьяне платятъ чистаго оброка съ тягла отъ 20 р. до 35 р. сер.

Толшмяки и Демьяновскіе крестьяне, по роду своихъ промысловъ, не уходятъ далеко отъ своихъ деревень. Крестьяне прочихъ волостей живутъ во множествѣ въ Москвѣ и Петербургѣ въ печникахъ, въ штукатурахъ и каменьщикахъ. Въ деревняхъ остаются однѣ бабы; въ отсутствіи мужей, онѣ не только справляютъ все домашнее и полевое хозяйство, но еще плотничаютъ сами, рубятъ углы избъ: славно владѣютъ топоромъ; только щепы летятъ.

Крестьяне сѣятъ ленъ для себя, а не на продажу. На огнищахъ засѣваютъ яровую пшеницу, которая родится иногда самъ-12. Есть пчеловодство: у инаго крестьянина отъ 50 до 100 ульевъ; бортныхъ ульевъ вовсе нѣтъ. По временамъ въ ульяхъ заводится такъ называемая сырь, гибельно дѣйствующая на пчелъ, такъ что отъ 50 ульевъ останется иногда не болѣе двухъ.

Хлѣбъ сплавляется по р. Костромѣ, а иногда его перевозятъ сухопутно на прекрасную всегда глубокую и удобную для судоходства р. Сухону, откуда онъ слѣдуетъ въ Архангельскъ. Еслибъ желѣзной дорогой или каналомъ на разстояніи 60 или 70 верстъ соединить р. Кострому съ Сухоной, то открылось бы удобное сообщеніе съ Архангельскомъ, Петербургомъ и Астраханью. Для судовъ, строящихся на Волгѣ, было бы можетъ быть выгодно заготовлять здѣсь, по лекаламъ, или размѣрамъ, составныя части и, уложивъ ихъ на плоты, отправлять прямо на тѣ Волжскія пристани, гдѣ обыкновенно строятся суда и гдѣ эти части собирались бы, все равно, какъ это дѣлаютъ здѣсь съ домами: срубятъ на берегу всѣ части дома, съ полами, крышей и даже всей столярной работой; потомъ разберутъ или цѣликомъ поставятъ на плотъ и сгоняютъ, по рѣкѣ Костромѣ, въ губернскій городъ, на продажу. Сами покупатели собираютъ части домовъ, гдѣ имъ угодно. Лѣтъ двадцать тому назадъ, рублей за 90 ассигнаціями, можно было купить сплавной домикъ, да взять еще въ придачу саженъ 13 дровъ. Эти домики покупаются въ Костромѣ бѣдными мѣщанами для жилья, нерѣдко и достаточные люди покупаютъ ихъ для флигелька или для баньки. Подобнымъ образомъ можно бы было заготовлять на различныхъ сплавныхъ нашихъ рѣкахъ составныя части и для морскихъ судовъ.

Верстахъ въ 30 на сѣверъ отъ Соли-Галича, къ Вологодской губерніи, начинаются огромные лѣса, называемые верстовыми. Въ народѣ увѣряютъ, что эти лѣса тянутся непрерывно до Архангельска. Ѣдешь такимъ лѣсомъ: дорога узенькая, древесныя вѣтви бьютъ въ лицо, небо кажется длинною свѣтлою щелью, а по сторонамъ темный боръ, точно ночь.

Пробывъ въ Соль-Галичѣ менѣе сутокъ, я возвратился въ Кострому; вся поѣздка продолжась не болѣе 8 дней.

И. КОРНИЛОВЪ.

ЗАМѢТКИ О БЫТѢ ЯКУТОВЪ КОЛЫМСКАГО ОКРУГА.

Въ Колымскомъ округѣ находится одинъ улусъ Якутовъ подъ названіемъ Колымскаго. Въ немъ 10 наслеговъ: 1, 2, 3 и 4 Мятожскіе, 1 и 2 Бойдунскіе, 1 и 2 Кангалскіе, Борогонскій и Эгинскій. Число душъ во всемъ улусѣ по послѣдней ревизіи было мужскаго пола 1481 и женскаго 1485. Они кочуютъ по лѣвой (луговой) сторонѣ рѣки Колымы, на пространствѣ отъ Верхнеколымска до Нижнеколымска.

Занятія, или работы по хозяйству и промышленость.

Якуты верхнеколымскіе и среднеколымскіе въ исходѣ октября отправляются на промыселъ звѣрей вверхъ по рѣчкѣ Березовкѣ, впадающей въ Колыму съ правой стороны, ниже Среднеколымска въ 75 вертахъ, на лошадяхъ, а иногда по глубокому снѣгу и на оленяхъ. Промышляютъ тамъ до января соболей, лисицъ, бѣлку, волковъ, сохатыхъ и дикихъ оленей; а въ началѣ января окончательно всѣ возвращаются въ свои зимники. Во все время промысла по Березовкѣ Якуты пропитываются рыбою, которую ловятъ сѣтями въ рѣчкѣ Березовкѣ, и мясомъ добытыхъ звѣрей. Въ это же время Якуты нижнеколымскіе выходятъ на промыселъ звѣрей на собакахъ на правую же сторону Колымы по рѣчкамъ, въ нее впадающимъ, а возвращаются съ промысла въ январѣ и въ исходѣ декабря, а иногда и въ исходѣ ноября. Зайцевъ ловятъ Якуты въ октябрѣ и съ половины февраля до исхода апрѣля, потому что въ это время зайцы лучше ѣдятъ оттаявшій тальникъ и ярникъ и бываютъ тѣльнѣе.

Рыбу ловятъ они во весь годъ: въ рѣкѣ, когда она очистится ото льда, сначала ловятъ стерлядь и налимовъ крюками и перемѣтами; потомъ неводами, въ іюлѣ и до половины августа, чировъ, тайменей, щукъ, сиговъ, харгузовъ, нельму, ѣльцовъ, омулей и моксуновъ; съ половины августа до половины сентября ловятъ такъ называемыхъ сельдей. Послѣдняя рыба похожа на омуль, но нѣсколько мельче и на вкусъ нѣжнѣе; она идетъ изъ моря только одну версту въ сутки и до Среднеколымска не доходитъ. Въ рѣчкѣ

Ошкудинѣ, впадающей въ Колыму съ лѣвой стороны, въ одной версте выше Верхнеколымска, водится рыба, называемая чукучанъ, похожая видомъ на стерлядь, но костливая и невкусная, у которой ѣдятъ только одну головку. Въ прочихъ же побочныхъ каменныхъ рѣчкахъ водятся вальки и харгузы. Въ озерахъ водится рыба: чиры, щуки, окуни, пелядки, называемыя въ другихъ мѣстахъ брагатта и мундушки, которыхъ лѣтомъ и зимою ловятъ сѣтьми.— Лѣтомъ, рыбу сушатъ на солнцѣ, квасятъ въ ямахъ, а добытую осенью складываютъ въ такъ называемыя сайбы или анбары безъ оконъ и дверей, въ которые кладутъ рыбу верхомъ. При хорошемъ уловѣ, эти сайбы скоро наполняются рыбою и верхніе слои ея скоро подмерзаютъ, а нижніе надолго бываютъ талыми, то для того, по мѣрѣ подмерзанія, сбираютъ сверху подмерзшую рыбу до талыхъ слоевъ.

Заготовленіе птицы на зиму бываетъ здѣсь различное по мѣстнымъ обстоятельствамъ, а именно: Якуты верхнеколымскіе и среднеколымскіе ловятъ всякую птицу большею частію петлями, сушатъ на солнцѣ, коптятъ и закапываютъ въ ямы, гдѣ она замерзаетъ и не портится. Нижнеколымскіе Якуты за уловомъ птицы уходятъ на безлѣсныя тундры, гдѣ птица кладетъ яица, выводитъ птенцовъ и линяетъ. Тутъ они, начиная съ половины іюня до августа, ловятъ птицу всѣми возможными простыми способами. Добытую днемъ птицу къ вечеру очищаютъ отъ перьевъ, складываютъ въ приготовленныя заранѣе ямы и закладываютъ мохомъ, оставивъ надъ такими ямами замѣтки для того, чтобы зимою въ безлѣсномъ снѣжномъ морѣ можно было отыскать эти ямы. Въ это время, вмѣстѣ съ птицею, приходятъ на тундры (убѣгая отъ комаровъ, которыхъ на тундрахъ нѣтъ) почти и всѣ звѣри: медвѣди, волки, лисицы, олени, сохатые и прочіе, а за добычею звѣрей собираются сюда почти со всего округа и люди, и эта мертвая безплодная полоса земли, покрытая озерами и болотами, вдругъ оживляется и становится какъ бы населенною какъ людьми, такъ и всѣхъ родовъ животными. Впрочемъ въ этой безпредѣльной тундрѣ люди, хотя и приходятъ сюда почти со всего округа, по ихъ малочисленности, все таки почти незамѣтны: промышленныя артели одна отъ другой раздѣляются огромными пространствами. Болѣе всего замѣтны здѣсь собаки, которыя, по ихъ не-

усыпной дѣятельности всегда въ движеніи и лаютъ, гоняясь за звѣрями и дичью днемъ и ночью (ночи здѣсь въ это время бываютъ свѣтлыя и короткія). Мясо упромышленныхъ звѣрей складываютъ до зимы также въ ямы. Въ исходѣ іюля и въ началѣ августа, когда въ мѣстахъ лѣсистыхъ пропадаютъ комары, звѣри уходятъ съ тундры на югъ въ лѣса, а за ними по слѣдамъ подвигаются и люди къ своимъ жильямъ.

Травы здѣсь по рѣчкамъ и при озерахъ растутъ хорошо; около 8-го числа іюля они достигаютъ полнаго возраста, и потому въ это время начинается здѣсь покосъ. По кочковатому и мокрому свойству сѣнокосныхъ мѣстъ, трава на нихъ выростаетъ на два аршина; ее косятъ не нагибаясь, а стоя въ водѣ, и не подъ самый корень, а въ половину травы: подкошенная трава падаетъ не прямо въ воду, а на свою стоячую половину, чѣмъ и предохраняется отъ подмочки; полежавъ такъ день или два, она вянетъ на солнцѣ, потомъ собирается руками, выносится на сухое мѣсто, кладется въ копны, но не прямо на землю, а на подставленные три и четыре колышка. Изъ копенъ сѣно мечутъ въ стога тоже не прямо на землю, а на устроенныя подмостки, такъ называемыя лабазы, чтобъ сѣно снизу не отсырѣло и не подмокло. Стога здѣсь дѣлаютъ не круглые, какъ у Якутовъ въ другихъ округахъ, а мечутъ продолговатые.

Рогатый скотъ питается здѣсь подножнымъ кормомъ до 29 октября, ходя по травянымъ рѣчкамъ и озерамъ, и въ это время его сѣномъ не кормятъ. Съ 29 октября до стаянія снѣга кормятъ рогатый скотъ сѣномъ, держа въ теплыхъ хотонахъ (клѣвахъ). Конный же скотъ питается во весь годъ подножнымъ кормомъ и сѣномъ его не кормятъ. Только иногда случается, что у лошадей, зимою долго ходящихъ въ снѣгу по рѣчкамъ, на ногахъ около копытъ накопляется снѣго-ледяная кора, мѣшающая свободно ходить: тогда пригоняютъ такихъ только лошадей къ юрты, оттаиваютъ у нихъ ледяную кору и обсушиваютъ и въ это время кормятъ ихъ сѣномъ и потомъ опять угоняютъ на подножье. У здѣшнихъ Якутовъ, смотря по числу душъ, скотоводство достаточное; однако у нихъ коннаго скота болѣе чѣмъ рогатаго: у зажиточныхъ бываетъ по два и по три табуна лошадей, а рогатаго только штукъ около 60. Изъ кобыльяго молока приго-

товляютъ они кумысъ, а изъ коровьяго дѣлаютъ только одинъ хаяхъ или бѣлое якутское масло.

Жилища, пища, одежда и домашній скарбъ.

Зимнія юрты у Якутовъ Колымскаго округа точно такія же, какъ и въ Якутскомъ округѣ, а лѣтомъ они живутъ въ шалашахъ, которые дѣлаютъ изъ жердей, сводя ихъ въ верхъ въ одинъ центръ, перевязываютъ или рѣшетятъ поперегъ таловыми прутьями, потомъ обкладываютъ дерномъ, а для свѣта и прохода дыма дѣлаютъ вверху отверзтіе; внутри шалаша выкапываютъ небольшой погребокъ, куда кладутъ птицу и рыбу и ставятъ молоко; посрединѣ шалаша устраиваютъ очагъ, на которомъ всегда понемногу топится огня. Ихъ пища состоитъ въ птицѣ, мясѣ, скотскомъ и звѣриномъ, рыбѣ и молокѣ. Мясо и рыбу варятъ они запросто въ водѣ безъ всякихъ приправъ и безъ соли, которую употребляютъ только одни Якуты, живущіе вблизи отъ Среднеколымска. Въ соли здѣсь большой недостатокъ: отдаленныя края округа ею вовсе не довольствуются. Квашеною рыбою кормятъ только собакъ, а люди употребляютъ ее только въ случаѣ недостатка хорошей пищи. Одежду носятъ они такого же покроя, какъ и Якуты въ другихъ округахъ, и сверхъ того носятъ камлеи ровдужныя изъ оленей кожи. Лѣтняя одежда шьется у нихъ изъ сукна, нанки и китайки, а бѣдные носятъ лѣтомъ и зимою одежду изъ коровьей кожи. Зимняя одежда бываетъ у нихъ того же покроя, только на мѣху заячьемъ, пыжечьемъ или оленьемъ. Домашняя утварь и посуда у нихъ тѣ же самыя, какъ и у другихъ Якутовъ.

Вѣра и языкъ.

Всѣ Якуты Колымскаго округа христіане православнаго исповѣданія. Языкъ тотъ же, какой и у Якутовъ прочихъ округовъ, только имѣетъ особое нарѣчіе, такъ что колымскій Якутъ безъ труда понимаетъ языкъ Якута Якутскаго округа. Живущіе же около Нижнеколымска Якуты всегда и вездѣ говорятъ по русски.

Желѣзныя вещи: топоры, ножи, косы, огнива, также котлы, мѣдные и желѣзные, получаютъ они изъ Якутска чрезъ торгую-

щихъ у нихъ якутскихъ купцовъ. Между ими нѣтъ ни кузнецовъ, ни мѣдниковъ, ни плотниковъ.

Нравы и обычаи.

Якуты колымскіе добронравны, честны и гостепріимны. Изъ нихъ нѣтъ ни пьяницъ, ни картежниковъ, да и мелкихъ торговцевъ тоже нѣтъ. Все просвѣщеніе у нихъ состоитъ въ обрядахъ религіи, а грамотныхъ между ими почти нѣтъ; не смотря на то они вовсе не грубы и тоже имѣютъ свои обряды вѣжливости. Гостепріимство почитается у нихъ первою обязанностію: знакомые и незнакомые одинаково принимаются у нихъ въ домахъ. Они большіе охотники до чаю, который употребляютъ всѣ вообще, зажиточные и бѣдные. Обычаи при бракосочетаніи, рожденіи, крещеніи и похоронахъ тѣ же, что и у Якутовъ Якутскаго округа. Шаманства между ими не замѣтно. Мелкихъ предразсудковъ много, напримѣръ: когда идутъ на какой бы то ни было промыселъ, то, выходя изъ юрты, не оглядываются назадъ и не испражняются до того времени, пока не осмотрятъ поставленныхъ прежде ловушекъ, или вновь такихъ не откроютъ. Когда отстроятъ новую юрту или шалашъ, то верхъ и перекладины намазываютъ смѣтаною и поливаютъ кумысомъ. Если кто нибудь умретъ въ юртѣ, то изъ нея переходятъ въ другую, оставляя ее пустою.

До послѣдняго времени обмовеніе мертвыхъ и вообще прикосновеніе къ нимъ считались за грѣхъ. Срубать деревья, растущія подлѣ юртъ и нынѣ считаютъ за грѣхъ. За отсутствіемъ средствъ къ пріобрѣтенію теоретическихъ познаній, они, — должно отдать имъ честь—практически не мало свѣдущи въ метеорологіи: по всѣмъ явленіямъ на небѣ они безъошибочно предузнаютъ погоду, растворевіе воздуха и самые вѣтры, съ которой стороны подуютъ; зимою безъ малѣйшихъ признаковъ какой либо дороги, въ обширномъ снѣжномъ морѣ по тундрамъ, на дальныхъ отъ жилыхъ мѣстъ разстояніяхъ, впопадъ доѣзжаютъ на собакахъ къ запаснымъ кладовымъ ямамъ, направляя путь свой только по положенію звѣздъ на небѣ, которыя зимою во всякое время тамъ видимы, да и самый день по темнотѣ и краткости его мало отличается отъ ночи. Если же застигнетъ кого въ такомъ пути пурга, то гибель неизбѣжна, потому

что въ густыхъ хлопьяхъ снѣга не видно ни неба, ни земли: путникъ теряетъ все счисленіе и робѣетъ; тогда хорошія передовыя собаки сами держатъ путь и привозятъ хозяина или къ его или къ другой какой либо жилой юртѣ. Лунныя фазы или видоизмѣненія, то есть рожденіе, полнолуніе, ущербъ и четверти они хорошо высчитываютъ. У нихъ есть своя ариѳметика—рубежи на палочкахъ: эти рубежи, со значками, могутъ восходить и нисходить числами до безконечности.

Здѣшній народъ хотя и неграмотенъ, но и у него есть свои произведенія творческой фантазіи—пѣсни и сказки. Приведемъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ.

Сказка о самолетѣ богатырѣ.

Когда-то давно, жили старикъ со старухой. Дѣтей у нихъ не было, питались же они тѣмъ, что старикъ съ поля или изъ лѣсу принесетъ. Такъ прошло не мало годовъ: старикъ со старухой не молодѣли, а становились съ каждымъ годомъ все старѣе. Однажды старикъ противъ обыкновеннаго долго запоздался въ полѣ; старуха давно уже затопила печь и поставила котелъ съ водою, ожидая старика, чтобы сварить то, что онъ принесетъ; уже нѣсколько разъ она подбавляла въ печь дровъ и въ котелъ подливала воды, а старика все таки нѣтъ да нѣтъ. Старуха хотѣла ужъ пойти искать его, да на дворѣ было темно, такъ ужъ нечего было дѣлать какъ только сидѣть да ждать. Около полуночи старикъ пришелъ, съ устали едва передвигая ноги и повалился на кроват отдыхать; а старуха между тѣмъ принялась ощипывать принесеннаго имъ глухаря; она дошла до шеи, стала ощипывать ее, но только дотронулась до одного длиннаго перушка, какъ вдругъ глухарь полетѣлъ по юртѣ, упалъ на землю, сталъ молодцомъ и сѣлъ въ переднемъ углу. Старуха онѣмѣла и повалилась на земь, а старикъ вскочилъ съ кровати, забывъ и усталь. Тогда незнакомецъ сталъ говорить: «спасибо вамъ, старикъ и старуха, тебѣ старикъ за то, что потрудился—во весь день бѣгая за мною поймалъ меня мнимаго глухаря, а старухѣ за то, что ощипала покрывавшія меня перья: то длинное перушко на шеѣ глухаря, за которое она было взялась, есть тайный ключь моего человѣческаго существованія. Я разскажу вамъ свою судьбу, хотя люблю говорить безъ разсужденій: имя мнѣ Самолетъ

Богатырь, родился я въ Китайской землѣ, въ южной сторонѣ, при Желтой рѣкѣ. По рожденіи чрезъ два дня я уже прогуливался по полямъ и леталъ по облакамъ. Вотъ такъ жилъ я много годовъ и побывалъ во всѣхъ сторонахъ на землѣ; однажды отецъ мой вышелъ въ поле и видитъ: сидитъ воронъ на дубу, согнувъ шею дугой,—то есть спитъ; вотъ отцу вздумалось пошутить надъ нимъ: онъ сдѣлалъ на веревочкѣ петлю и накинулъ ее тихонько ворону на хвостъ, а другой конецъ веревки подвязалъ къ себѣ за поясъ да и сѣлъ на землю. Проснувшись, воронъ, тряхнувъ перьями, вспорхнулъ къ небу и поволокъ за собой отца моего по горамъ и доламъ; шутка вышла плохая, отецъ принялся кричать во всю силу, только было не кому помочь: не шутить бы надъ ворономъ, такъ не быть бы и коробомъ,—это старая наша пословица. Воронъ былъ не простой, а богатырь-соболиная-охота, и искалъ онъ соболей. Долго ли коротко ли, однако отецъ мой вышелъ изъ мочи, пересталъ кричать. Меня-то не было дома, гулялъ я подъ солнцемъ. Наконецъ, воронъ, какъ бы сжалившись надъ отцемъ, сѣлъ на землѣ у куста и говоритъ отцу: не тебѣ было, теленокъ, смѣяться надо мной, не простою головой, вотъ тебѣ наука, и впередъ помни. Отецъ опомнился, сѣлъ кое какъ на землю и былъ радъ, что пришелъ конецъ его мученью. Въ это то время нелегкой или какая то черная сова занесла и меня туда: еслибъ знать, такъ лучшебъ было мнѣ убрести къ лунѣ,—такъ нѣтъ,—судьба, у которой иногда бываютъ желѣзные рога, схватила меня и посадила прямо на нихъ острые концы. Увидѣвъ отца въ такомъ положеньи, я схватилъ ворона за гривокъ, чтобы свернуть ему шею, да не тутъ то было,—мошенникъ схватилъ меня самаго за ошейникъ и ну волочить во всѣ концы. Не правилось мнѣ это: я разгорячился, уперся ногами за кочку и началъ грызть ворона зубами: перья словно желѣзныя, зубъ скользитъ, о поживѣ и думать было нечего. Попробовалъ я обхватить ворона руками, но стало жутко, однако все таки продолжалъ съ нимъ барахтаться; между тѣмъ день прошелъ и наступилъ другой, на небѣ показалась радуга, вотъ обрадовался я тому, что быть дождю, къ счастію и воронъ чего то испугался, бросилъ меня и полетѣлъ. Тутъ я вздохнулъ полегче, посидѣлъ и отдохнулъ. Чрезъ нѣсколько времени пришло мнѣ на мысль провѣдать, гдѣ живетъ тотъ воронъ. Передъ луной, съ краю,

въ тридесятой звѣздѣ живетъ Чуванча старикъ; у него вздумалъ я кое что о немъ пораспросить. Вздумано и сдѣлано. Чуванча старикъ сидитъ дома да ловитъ рыбу изъ горшка, а подлѣ него въ углу сидитъ филинъ на полу: поразговорившись о томъ о семъ, завелъ я рѣчь про ворона-соболиную-охоту; въ отвѣтъ старикъ сказалъ: знаю, что съ тобою случилось, знаю и то, что передъ солнцемъ съ краю на третьей звѣздѣ живетъ онъ въ гнѣздѣ, впрочемъ бываетъ онъ и вездѣ и дома мало сидитъ. Надо заставать его одинъ разъ въ году утромъ рано на зарѣ, когда коршунъ плаваетъ въ водѣ. А чтобъ не просто къ нему идти, для того надо что нибудь придумать: надо одѣться въ кожу глухаря, иначе не добыть его; да смотри, когда будешь подходить къ воронову гнѣзду, то недалеко отъ него сидитъ его караульный медвѣдь, старайся обойти его влѣво, а вправо не ходи, добру не бывать. Вотъ одѣлъ меня Чуванча въ кожу съ перьями глухаря и отправился я въ путь къ солнышку, шелъ, шелъ, то по воздуху, то по облакамъ, перешелъ множество звѣздъ, наконецъ подхожу съ краю къ третьей звѣздѣ, вижу-стоитъ большое дерево и на немъ виситъ, какъ мѣшокъ, преогромное гнѣздо, и передъ нимъ, лицомъ ко мнѣ, стоитъ на заднихъ ногахъ медвѣдь, а тамъ изъ подъ березы сверкаютъ ясны очи сокола. Вотъ я смаху, позабывъ о совѣтѣ старика обходить влѣво, бросился вправо, и вдругъ медвѣдь, обернувшись ко мнѣ, брызнулъ мнѣ слюною въ глаза и я ослѣпъ; тутъ же почувствовалъ я въ бокахъ острыя когти сокола. Сдура не подумавъ о своей слѣпотѣ, я лезъ впередъ ко гнѣзду, но вмѣсто гнѣзда лечу не вѣсть куда, лечу, лечу и все задѣваю крыльями то за деревья, то за камни, и наконецъ попалъ сюда, и ты старикъ поймалъ меня. Вотъ и всѣ мои похожденья.» Этимъ кончилъ оборотень-глухарь свой разсказъ, потомъ наловилъ въ лѣсу старикамъ разной дичи, распростился и ушелъ.

Пѣсня осенняя.

Дуетъ вѣтерокъ съ нижней стороны, поднялся густой туманъ, скопляются густыя снѣговыя тучи: знать быть зимѣ.

Люди всѣ сбираются въ кучи и толкуютъ про зимнія добычи, а собаки завываютъ и уши къ верху поднимаютъ: знать будетъ промыселъ хорошъ.

Вотъ Миронъ разбираетъ свои петли и капканы, а Семенъ ладитъ свои самопалы и ребятишки точатъ стрѣлы.

Какъ снѣжокъ выпадетъ, будемъ сначала подбирать зайчиковъ, а съ ними глухарей и рябчиковъ; а потомъ, оставивъ ихъ въ покоѣ до весны, доберемся до лисицъ и волковъ, и все прочее не уйдетъ у насъ изъ рукъ чрезъ нашихъ гончихъ псовъ.—Вотъ подождемъ да посидимъ и скоро на промыселъ пойдемъ.

Пѣсня весенняя.

Стали дни подольше и посвѣтлѣе, солнышко ходитъ выше и смотритъ яснѣе: скоро быть лѣту.

Коршунъ въ воздухѣ летаетъ и поживы ожидаетъ; мыши вылезли изъ норъ и ворона караулитъ ихъ какъ воръ; изъ подъ снѣга цвѣты прострѣлы торчатъ, а въ небѣ журавли кричатъ. Быть лѣту.

Въ рѣчкахъ поточная вода шумитъ и въ рѣку глядитъ; въ озерахъ ледъ продырявился и по мѣстамъ снѣгъ сошолъ: знать лѣтній промыселъ пришолъ.

Скоро наступятъ дни, въ которые солнце не заходитъ и мужикъ съ поля не сходитъ и изъ лѣсу не выходитъ.

А какъ подрастутъ комарики долгоносы, тогда пора будетъ намъ приниматься и за косы, а когда они притупятъ свои носы, тогда мы уже выкосимъ покосы.

Вотъ всякая свѣжая рыба, гуси, утки и всякая дичь глядятъ намъ въ глаза и въ день обѣдъ варится три раза.

Преданіе.

Въ нынѣшнее время почти никакихъ преданій и повѣрій не существуетъ. Весьма рѣдкіе изъ стариковъ помнятъ, что въ старину было только одно преданіе: когда то въ древнія времена на югѣ, очень далеко отсюда, жили ихъ предки. Жили бы и доселѣ, еслибъ судьба не послала къ нимъ какого то старика Жигалу съ желѣзною тростью, котораго тамъ всѣ трепетали: онъ выгонялъ ихъ каждое лѣто на тяжкія работы и требовалъ отъ нихъ во всемъ безусловной покорности. Это пришлось имъ очень не по сердцу,—задумали многіе бѣжать. Удачно сговорившись въ одну темную ночь, скры-

лись они отъ него, искусно загладивъ слѣды, да и слѣдить то было некому, всякому было тогда только до себя, притомъ старикъ, по своимъ дѣламъ, былъ тогда гдѣ то отъ нихъ далеко, а приставленные для надзора за ними были ихъ начальниками въ побѣгѣ, ибо всѣ они любили старика за его тиранство столько, сколько собака любитъ рѣдьку (по ихъ выраженію). Однако, изъ страха погони, они ѣхали три дня безъ отдыха, а скотъ и пожитки шли позади; въ седьмой день всѣ они соединились и ріотдохнули и потомъ пошли далѣе уже не такъ спѣшно. Въ мѣстности нынѣшняго Якутска пришли они кажется въ теченіи двухъ лѣтъ. Одни остались тутъ, а другіе ушли далѣе и дошли сюда на Колыму. Нѣкоторые же изъ ихъ собратій пришли сюда со стороны Якутска гораздо послѣ, въ разныя времена. Также сказываютъ, что, кромѣ Якутовъ, пришелъ сюда и другой какой-то многочисленный народъ, но впослѣдствіи весь исчезъ отъ мороваго повѣтрія. Но справедливо ли это преданіе, повѣрить нечѣмъ.

Повѣрье.

Въ тѣ времена, когда люди были еще не всѣ крещены, Камчатка, съ Гижигою и Колымою, были областью духа Пилячуча, который постоянно посѣщалъ всѣ эти страны. Ему служили здѣсь приношеніями, состоявшими изъ звѣриныхъ шкуръ и костей. Онъ зимою разъѣзжалъ на нартахъ, впряженныхъ лисицами и волками, а иногда и куропатками, а лѣтомъ лежалъ на крыльяхъ. Хотя жители и чтили его, однакожь между ими были и такіе плуты, которые подстерегали его: высмотрѣвъ слѣдъ, гдѣ проѣхалъ Пилячучь, не стыдились ударять плѣтью по слѣду поперегъ, отъ чего у него ломалась нарта (сани) и онъ останавливался въ пути; тутъ его настигали, изъявляли передъ нимъ свою покорность и преданность, а тотъ въ свою очередь просилъ ихъ исправить нарту, которую тотчасъ исправляли и получали въ награду лисицъ, соболей, куропатокъ и прочее, что все собиралось Пилячучемъ въ одномъ какомъ либо лѣсу, на который онъ и указывалъ тому, кому давалъ награду. Этотъ Пилячучь охотникъ былъ въ лѣтнее время купаться: вотъ если какой счастливецъ провѣдаетъ, что онъ купается, то тотчасъ бѣжитъ туда, отыскиваетъ его камлею (верхнее платье) и прячетъ

се. Пиличучь, вышедя изъ воды, не находитъ своей камлеи, а тотъ, кто ее спряталъ, какъ будто ненарочно является тутъ и предлагаетъ свои услуги отыскать ее. Пиличучь съ радостію принимаетъ его вызовъ и щедро награждаетъ рыбою и птицею. Онъ также любилъ курить табакъ и пить вино (къ послѣднему навыкъ онъ, какъ полагаютъ, около Русскихъ); за листокъ табаку давалъ онъ по двѣ лисицы, а иногда и медвѣжью кожу, а за чарку вина не жалѣлъ даже соболей. А когда всѣ жители окрестились, то онъ уже къ нимъ не показывался.

Степановъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ РОЗЫСКАНІЯ О СУДЬБѢ КНИГИ

«LETTRES MOSCOVITES».

Въ Библіографическихъ Запискахъ, въ № 18, была напечатана мною статья о графѣ Локателли, авторѣ книги «Lettres Moscovites», явившейся въ концѣ 1735 года въ Парижѣ (*). Статья эта, основанная на оффиціальной перепискѣ князя Антіоха Кантемира, хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, обратила на себя просвѣщенное вниманіе барона М. А. Корфа, который поспѣшилъ сообщить мнѣ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній, касающихся поднятаго мною вопроса. Съ другой стороны, продолжая дальнѣйшій разборъ посольскаго архива князя Кантемира, я былъ наведенъ на нѣкоторыя новыя данныя, разъясняющія вопросъ о составителѣ и переводчикѣ возраженій на книгу графа Локателли. Желая прежде сообщенныя мною свѣдѣнія дополнить этими вновь собранными и чрезъ посредство печати сдѣлать ихъ общедоступными, я обратился съ покорнѣйшею просьбою къ барону М. А. Корфу—дозволить мнѣ напечатать его письмо, которое хотя и не было назначаемо имъ для публики и состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ и указаній, но и въ этой простой формѣ, чуждой всякихъ литературныхъ притязаній, весьма обильно интересными библіографическими подробностями. Баронъ М. А. Корфъ охотно согласился на мою просьбу, и я съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы заявить ему искреннюю душевную благодарность за то живое, благосклонное содѣйствіе, какое онъ постоянно мнѣ оказываетъ при моихъ розысканіяхъ по различнымъ вопросамъ касательно иностранныхъ сочиненій о Россіи.

Письмо барона М. А. Корфа отъ 10 ноября 1859 года.

Извѣстная Вамъ, многоуважаемый князь Михаилъ Андреевичъ, любовь моя къ историческимъ и библіографическимъ розысканіямъ, должна служить Вамъ порукой того интереса, съ какимъ я прочелъ помѣщенныя въ № 18 Библіографическихъ Записокъ «свѣдѣнія

(*) Отдѣльный ея оттискъ состоитъ изъ 14 страницъ, in 8°.

объ авторѣ «Lettres Moscovites». Если имя и, отчасти, судьбы этого автора уже были извѣстны (*), то тѣмъ не менѣе сообщенная Вами публикѣ переписка Кантемира съ Остерманомъ и извлеченія изъ подлинныхъ актовъ составляютъ драгоцѣнный вкладъ для исторіи иноязычныхъ писателей о Россіи.

Между тѣмъ и Императорская Публичная Библіотека можетъ представить Вамъ, на обмѣнъ, нѣсколько другихъ подробностей, также не совсѣмъ лишенныхъ интереса. Вотъ онѣ:

1) Книга Локателли во французскомъ подлинникѣ находится въ Публичной Библіотекѣ не въ одномъ только Вами приводимомъ Гюаровскомъ изданіи, но и въ другомъ еще, выпущенномъ также въ Парижѣ и въ 1736 году, въ томъ же форматѣ и подъ тѣмъ же заглавіемъ, но «au (sic) depens de la compagnie». Замѣчательно, что хотя это изданіе точно другое, чѣмъ Гюаровское—(такъ, напримѣръ, опечатки послѣдняго на 14-й строкѣ снизу 5-й стр. «comi» вмѣсто «comique», въ немъ не находится), однако число страницъ въ обоихъ точь въ точь тоже самое.

2) Кантемиръ, донося, что «печатаніе книги Lettres Moscovites на аглицкомъ языкѣ удержано», или самъ былъ обманутъ, или хотѣлъ обмануть наше правительство. Лучшее тому доказательство есть существованіе въ Публичной Библіотекѣ экземпляра англійскаго перевода. Послѣдній изданъ въ Лондонѣ, тоже въ 1736 году, подъ заглавіемъ: «Lettres Moscovites: or Muscovian Letters containing an Account of the form of government, customs, and manners of that great Empire. Written by an Italian Officer of Distinction». In 8º, XII и 190 стр. На заглавномъ листѣ названъ и переводчикъ: William Musgrave, Esq. Разность противъ подлинника состоитъ только въ томъ, что все помѣщенное тамъ въ «Postface»(стр. 344—363), т. е. исторія этихъ писемъ, въ переводѣ вошло въ посвященіе его переводчикомъ Герцогу Ричмондскому и занимаетъ собою двѣнадцать страницъ, помѣченныхъ римскими цифрами.

3) Замѣчаніе, выведенное Вами изъ писемъ Кантемира (выноска на 1-й стр.), что «хотя на самой книгѣ означенъ 1736 годъ, но собственно отпечатана она и появилась въ продажѣ въ послѣднихъ

(*) «Отъ Васъ, конечно, не укрылось сказанное о «Lettres Moscovites» у Barbier, «Dictionnaire des anonymes» и проч. подъ N 10.316-мъ» (См. приложеніе № 1).

мѣсяцахъ 1735-го», вполнѣ подтверждается отмѣткою, напечатанною въ заглавіи англійскаго перевода: «Translated from the french original, *Printed at Paris 1735*».

4) На принадлежащемъ Публичной Библіотекѣ экземплярѣ нѣмецкаго перевода этой книги мною, въ прежнее время, отмѣчено, что и самъ переводъ и возраженія принадлежатъ нѣкоему Гроссу (Gross). Откуда я взялъ это свѣдѣніе, теперь никакъ припомнить не могу; но Гроссовъ извѣстно у насъ два: одинъ, по Іохерову лексикону (II, 1198) и по Гавена Nye og forleidre Exterraetninger om det Russiske Rige, Kiöbenhagen, 1747 (I, 105), родомъ изъ Либенштейна, который, съ степенью магистра, пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1725 г., былъ профессоромъ при Академіи Наукъ и *въ 1731-мъ г. выбылъ* (въ комментаріяхъ Академіи о немъ нѣтъ ничего); другой, который по Бюшинговымъ «Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen» (II, 180 и IV, 99), является въ 1741 году секретаремъ русскаго посольства въ Парижѣ, а въ 1749-мъ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что переводчика и критика «Lettres Moscovites» должно искать въ послѣднемъ изъ этихъ двухъ лицъ. Быть можетъ, что Вы найдете о немъ что-нибудь въ Вашемъ Архивѣ.

Указаніе барона М. А. Корфа, что переводчикомъ этой книги «Lettres Moscovites» на нѣмецкій языкъ былъ Гроссъ, состоявшій въ 1749 году русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, заставило меня снова порыться въ дипломатическихъ дѣлахъ, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ. При этихъ розысканіяхъ я убѣдился, что изъ двухъ названныхъ лицъ, носившихъ фамилію Гроссъ, переводчикомъ «Московскихъ писемъ» на нѣмецкій языкъ должно почитать Генриха Гросса, состоявшаго въ русской службѣ на дипломатическомъ поприщѣ. Изъ архивскихъ дѣлъ видно, что еще въ октябрѣ 1736 года онъ былъ опредѣленъ въ Канцелярію Кантемира, въ послѣдствіи ѣздилъ въ Парижъ, а въ августѣ 1739 года, какъ это можно усмотрѣть изъ письма его, на нѣмецкомъ языкѣ, къ Бреверну, просился въ секретари посольства при князѣ Кантемирѣ. По свидѣтельству же матеріаловъ, собранныхъ Миллеромъ,

Генрихъ Гроссъ дѣйствительно состоялъ при немъ въ качествѣ секретаря (*). Изъ сообщенныхъ въ прежней моей статьѣ свѣдѣній видно, что мысль о составленіи возраженій на книгу графа Локателли и о напечатаніи ихъ на иностранномъ языкѣ за границею принадлежала Кантемиру. Нынѣ, изъ вновь найденнаго письма Кантемира отъ 6-го января 1736 года, открывается даже, что онъ взялъ на себя трудъ самъ составить эти возраженія, и дѣйствительно ихъ составилъ, какъ упоминаетъ о томъ въ другихъ своихъ донесеніяхъ (**). Поэтому очень можетъ быть, что онъ поручилъ перевести и самую книгу и свои возраженія Гроссу, какъ человѣку, состоявшему при немъ на службѣ, и хорошо знающему по-нѣмецки. Переводъ нѣмецкій вышелъ именно около того времени (въ 1738 году), когда Гроссъ находился при Кантемирѣ и когда этимъ последнимъ были написаны упомянутыя возраженія.

Книга «Lettres Moscovites» хотя вообще по содержанію своему и не представляетъ особенной исторической важности, но любопытна уже потому, что въ ней находится указаніе о существованіи въ то время при Русскомъ Дворѣ двухъ партій, русской и нѣмецкой, и что послѣдняя недовѣрчиво и враждебно смотрѣла на царевну Елисавету Петровну, на которую русская сторона возлагала большія надежды. За этимъ слѣдуетъ замѣчательное по времени предсказаніе, что настанетъ же время, когда, наконецъ, воспользуется Царевна своимъ законнымъ правомъ престолонаслѣдія, и когда дорого поплатится за свои казни нѣмецкая партія. Предсказаніе это, вполнѣ оправданное послѣдующими событіями, въ 1736 году представлялось особенно щекотливымъ въ книгѣ графа Локателли и даже затруднило Кантемира, какъ долженъ онъ возражать противъ такого намека, прямо касающагося правъ престолонаслѣдія, и онъ долженъ былъ испрашивать по этому предмету наставленій отъ вице-канцлера Остермана. Эта любопытная страница «Московскихъ писемъ», вмѣстѣ съ возраженіемъ на нее, сообщается нами въ числѣ другихъ приложеній (***) въ русскомъ переводѣ.

К. М. Оболенскій.

(*) Приложенія №№ II и III.—(**) См. NN IV—XI.—(***) См. № XII.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Lettres Moscovites. Koenigsberg ou Paris, Huart l'ainé 1736, in 8. Je lis ces mots en tête de l'éxemplaire que possedait l'abbé Sépher: *par le Comte Locatelli ou le Comte d'Asti.* Un autre éxemplaire que je me suis procuré en 1816, renferme une note ainsi conçue:« L'auteur de ces Lettres, qui s'appelle Bondanelli, arriva à Pétersbourg en 1733, avec une troupe de comediens italiens; il se disait gentilhomme, et avoir servi dans les régimens d'Albergotti et Magalotte. Il avait quitté la France, à ce qu'il disait, parce qu'on voulait le contraindre d'épouser une demoiselle qui ne lui convenait pas; mais d'autres disaient qu'il l'avait assassinée et volée. Il fit connaissance, en arrivant à Petersbourg, avec des academiciens astronomes que l'on envoyait à Casan: mais il eut querelle avec eux; ce qui fut cause de sa detention. Il parait fort mal instruit des faits dont il rend compte». Ses relations sont en effet fort défavorables à la Russie.

Barbier. Dictionnaire des ouvrages anonymes. № 10.316. T. II, p. 293.

II.

Christian Friedrich Gross (*) war Repetent in dem Stipendio zu Tübingen gewesen. . . . Er hatte kurz vorher des Bischofs *Huet* Buch übersetzt. . . . Er wurde zu Petersburg Professor der Sittenlehre, blieb aber nicht lange bey der Academie, weil der Braunschweig-Wolfenbüttel-Blankenburgsche Abgesandte an den Hof des Kaisers Peter II Herr Baron von Cramm ihm vortheilhafte Bedingungen versprach, wenn er als Gesandtschafts-Secretaire in braunschweigsche Dienste treten wollte. Da dieses nicht füglich ohne Vorwissen und Genehmhaltung des Russischen Stats Ministers geschehen konnte, so wurde Gross dadurch dem Grafen von Ostermann bekannt, der solches nicht nur erlaubte, sondern ihm auch die

---

(*) Родной братъ Генриха Гросса.

Aufsicht über die Erziehung und den Unterricht seiner Söhne auftrug, und damit er diese desto besser führen könnte, ihn zu sich in's Haus nahm. Gross wurde hernach Chargé d'affaires vom Braunschweigschen Hofe und eine Art von Minister, blieb aber immer in des Grafen v. Ostermanns Hause in der vorigen Function, zur Aufsicht über den Unterricht der jungen Grafen, des jetzigen General-Lieutenants und Gouverneurs von Moscau und des Vice-Kanzlers, die unter seiner Anführung in Sprachen und Wissenschaften grosse Schritte thaten. Es haben zwar einige vermuthen wollen, der grosse Minister habe den H. Gross auch zu Staatsgeschäften gebraucht. Darin aber hat man sich geirrt. Der Graf v. Ostermann that alles selbst und brauchte nur Copisten; dennoch hat H. Gross, als sein grosser Gönner fiel, dem Verdacht der Commission, die den Minister richten sollte, nicht entgehn können. Er wurde vorgefordert, befraget, bedrohet, ging nach Hause und erschoss sich. . . . Wie er im J. 1726 den Fürsten *Antioch Kantemir* in der Philosophie unterrichtet hatte, so war der Fürst dagegen, als er Ambassadeur am franzoesischen Hofe war, gegen seinen Lehrer so dankbar, dass er desselben Bruder bey sich zum Secretaire in Dienste nahm, ihm Anleitung gab die Russische Sprache zu lernen und dadurch zu seinem folgenden Glücke den Grund legte.

(Aus des bekannten Akademikers *Gerh. Fr. Müller handschriftlicher* Geschichte der Academie der Wissenschaften).

III.

Къ свѣдѣніямъ о ГенрихѣГроссѣ, не излишне будетъ прибавить, что въ портфелѣ Миллера, № 240, находится (№ 19) списокъ рукописей, ему принадлежавшихъ. Тамъ въ статьѣ подъ № 1: «Verzeichniß von Manuscripten aus der Verlaßneschaft des H. C. Legations Rath Grossen», лит. д. означено: «Des General Gordon's Journal und correspondence in englischer Sprache von denen Jahren 1690 und 1691. 10 Hefte»,—изъ чего видно, что часть разрозненнаго дневника Гордона принадлежала Гроссу.

IV.

Сіятельнѣйшій граѳъ,

Премилостивый государь мой!

По полученіи вашего Сіятельства милостивого писма отъ 9-го декабря (*), я на другой день нарочно былъ у ѳранцускаго министра господина Шавиньи, и сколько могъ прилѣжнѣе ему изъяснилъ о извѣстной книге «Lettres Moscovites» сколь она предосудителна такъ министерству, какъ и всему народу Россійскому, и что онъ, Шавиньи, попремногу меня обяжетъ, естли изволитъ отписать къ двору своему, чтобъ печатникъ той книги былъ сысканъ и наказанъ, также книги конѳискованы и чрезъ палача сожжены были, и буде авторъ оѣ во Ѳранціи, то и съ нимъ такъ какъ и съ книжникомъ поступить, которымъ поступкомъ угодность покажетъ двору нашему, и взаимное оказательство дружбы его ѳранцуское величество ожидать имѣетъ, наипаче же министры ѳранцускія партикулярно въ томъ ваше сіятельство обяжутъ, понеже болшая часть поношеній въ той книге васъ и другихъ чюжестранныхъ касаются, какъ онъ Шавиньи усмотрѣть могъ изъ книги, которую я притомъ ему далъ.

На то онъ съ обыкновеннымъ ему учтивствомъ меня наикрѣпчайше обнадежилъ, что естли печатниково имя не подложное, и та книга печатана въ Парижѣ, то онъ заранѣе можетъ меня удостовѣрить, что у его двора по моему требованію точно поступлено будетъ, какъ съ книгою, такъ и съ издателемъ; понеже де его государь никогда не позволитъ, чтобъ такія пасквили печатаны были противъ столь знатнаго народа и двора, естли бы и продолжалось еще прежнее несогласіе, а теперь при наступленіи мира еще менше тому поводъ подать причину имѣетъ. Ктому онъ прибавилъ, что ваше сіятелство заслужилъ себѣ во всемъ свѣте такую высокую репутацію, что такія и подобныя плуты, каковъ есть авторъ книги, хотя не могутъ оѣ опорочить, однакожь господинъ кардиналъ особливо за тѣмъ сатисѳакцію должную дать не приминетъ, и онъ Шавиньи щасливымъ бы себя почелъ бы естлибы своимъ старателствомъ о семъ дѣле могъ удостовѣрить ваше сіятельство о особливомъ своемъ къ вамъ почтеніи.

Разговоръ нашъ съ нимъ продолжился потомъ чрезъ долгое вре-

(*) Оно напечатано въ прежней статьѣ моей, на стр. 9—10.

мя, въ которомъ я ему далъ знать о освобожденіи господина Монтіа и въ немъ усмотрѣлъ немалую склонность видѣть два наши двора приведены въ прежнее доброе согласие, но понеже о семъ пространнѣе въ моей покорнѣйшей реляціи доношу, при семъ о томъ повторнымъ описанием трудить ваше сіятелство оставляю. По семъ первомъ поступкѣ съ господиномъ Шавиньемъ я не оставилъ чрезъ здѣшнихъ книжниковъ увѣдомитца о прямомъ мѣстѣ изданія вышепомянутой книги и сколко они мнѣ могли дать знать, книга эта ко всѣмъ сюды пришла изъ Голандіи отъ книжника, называемаго Дебордъ, котораго чаютъ они быть издателемъ еѣ. Я уже пріискалъ способъ, чтобъ о томъ основателнѣе удостовѣритца, а между тѣмъ не оставлю о томъ просить и его сіятелство Графа Александра Гавриловича, которому кажется потребно бы было, чтобъ ваше сіятельство своимъ письмомъ о томъ подтвердили, что ко мнѣ писать изволили, впротчемъ опровержение на оную книгу я уже писать началъ, ползуясь приложеннымъ при вашего сіятелства писмѣ експрактомъ, и могу ваше сіятелство покорно удостовѣрить, что николи охотнѣе за перо не принимался, какъ при семъ случае, имѣя защищать отечество и вашего сіятельства изрядное поведение, отъ которого дворъ нашъ при всемъ свѣте заслужилъ себѣ крайнюю репутацію. Будучи всема легко опровергать такия несостоятельныя лжи, которыми книга та наполнена, и имѣя всю правость съ своей стороны, надѣюсь, что мой трудъ не будетъ безплоденъ, въ чемъ ваше сіятелство лутчей будетъ судья, когда оное опровержение изволите увидѣть. Сочинено оно будетъ подъ образомъ писемъ и составитъ хорошую книжку, чего ради не скоро можетъ быть издана, наипаче что глаза мои много прилѣжанія не позволютъ. Одинъ только пунктъ для меня столько деликатенъ, что я безъ указу ничего объ немъ говорить не смѣю, а касается онъ наслѣдства къ россійскому престолу, чего ради на оное требую отъ вашего сіятелства милостивого изъяснения, и для того прилагая при семъ ту часть книги, въ которой объ немъ упоминается и за симъ препоручая себя вашего сіятелства милости, съ крайнимъ почтениемъ пребываю

вашего сіятелства

Изъ Лондона всепокорно-послушной слуга

Генваря 6-го 1736 г. К. Антіохъ Кантемиръ.

V.

Впротчемъ Вашего Імператорского Величества милостивѣйшiй рескрыптъ подъ № 20-мъ отъ 13 декабря я чрезъ послѣднюю почту получилъ исправно, на которой всеподданнѣйше доношу, что сколко касается французского министра господина Шавиньи я еще прежде полученiя того указу содержанiе оного исполнилъ, и оный министръ меня обнадежилъ, что при его дворѣ безсумнително такъ съ книгою *Летръ Московитъ*, какъ и съ еѣ издателемъ и авторомъ такимъ образомъ поступлено будетъ, какъ я отъ него требовалъ, естли оной авторъ во Францiи и книга печатана въ Парижѣ (о чемъ онъ сумнѣваетца); и уже о томъ дѣле онъ къ двору своему въ прошлую суботу писалъ. Что же принадлежитъ до конфискацiи книгъ, здѣсь обрѣтаемыхъ, того учинить никакимъ образомъ невозможно; понеже волность аглицкая не позволяетъ, чтобъ посланныя отъ двора могли розбивать товары въ лавкахъ и оные отымать, когда тѣ товары не запрещены актомъ парламентскимъ; ниже можно наказать продавцовъ такой книги, которая не противна уставамъ королевства и не здѣсь печатана, а отнявъ у нихъ тѣ книги безъ заплаты, тѣмъ самимъ бываютъ наказаны. Сiи трудности я подлинно вѣдая, пристойнѣе быть чаялъ министромъ здѣшнимъ о томъ собою не говорить, которымъ и то паче чаяния удалось, чтобъ запретить той книги печатанiе на аглицкомъ языкѣ, по чрезъ прiятелей прежде увѣдать ихъ намѣренiе. Къ тому жъ французскихъ екземпляровъ здѣсь невеликое число, и потому немного разгласилась; для чего хотя опроверженiе той книги нужно, однакожь имѣетъ напечатана быть также по французски. Я уже оное опровержение писать началъ, только нужно имѣть многия изъясненiя, которые я точно указать не могу, понеже вся книга наполнена злобными поречениями противъ Вашего Імператорского Величества, министерства и всего народа, такъ что должно бы Вашему Імператорскому Величеству имѣть всю книгу. И для того я просилъ полномочного и чрезвычайного посла графа Александра Гавриловича Головкина, чтобъ оную къ Вашему Величеству отправилъ чрезъ телѣжную почту. Къ тому жь я увѣдомленъ будучи отъ здѣшнихъ книжниковъ, что оные Летръ Московитъ получены изъ Голандiи отъ тамошняго книжника Деборда, котораго, чаютъ, еѣ

быть издателемъ, сообщаю ему, господину послу, екстрактъ съ Вашего Імператорского Величества рескрипту, дабы онъ при своей резиденціи могъ исполнить содержаніе оного, наипаче, что небезсумнительно, что и самой авторъ тамо обрѣтается. Что же впредь я о семъ дѣлѣ учиню, не оставлю Вашему Імператорскому Величеству всеподданнѣйше доносить.

Изъ Лондона.
Генваря 9, 1736.
Получена съ почты генваря въ 29 д. 1736.

VI.

Сколко касается книги Летръ Московитъ, я отъ друзей своихъ старался увѣдать, можно ли здѣсь её конфисковать; и всѣ согласно признаютъ, что того чинить законы здѣшния не позволяютъ, такъ что, естли я о томъ министрамъ здѣшнимъ говорить стану, принужу ихъ противно ихъ воли въ томъ мнѣ отказать: и для того я имъ о томъ представлять удержался, доволствуяся продолжать сочиненіе опровержения, и ожидать какое извѣстіе получитъ господинъ Шавиньи отъ своего двора. Вашего Імператорского Величества полномочной посолъ графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ мнѣ далъ знать, что онъ при своей резиденціи потребные о той книгѣ поступки чинить не оставляетъ, и что какъ скоро одинъ той книги екземпляръ сыщетъ, не оставитъ къ вашему двору отправить. Изъ того жь писма я усмотрѣлъ, что тамошней книжникъ Дебордъ говоритъ, что такой книги у него нѣтъ, но здѣшния книжники подтверждаютъ, что отъ него прислана, такъ что трудно еще вѣдать, гдѣ оная книга напечатана.

Изъ Лондона.
Генваря 23, 1736.

VII.

P. S. По заключеніи сей моей покорнѣйшей реляціи, былъ у меня француской министръ господинъ Шавиньи, которой мнѣ далъ знать, что въ отвѣтѣ на писмо его о извѣстной книге Летръ Московитъ господинъ Шовеленъ велѣлъ ему мнѣ сказать, что онъ

о печатаніи той книги и о авторѣ прилѣжно развѣдывалъ; но оная книга не толко въ Парижѣ не печатана, но объ ней тамъ и не слыхали; менше же извѣстно кто таковъ еѣ авторъ и гдѣ теперь находится, что еще впредь о томъ новыя прилѣжанія учинитъ, и что есть ли или авторъ или издатель еѣ во Франціи найдется, то охотно учинена будетъ требуемая сатисфакція.

Изъ Лондона.
Февраля 3, 1736.
Получена съ почты Февраля 28, 1736.

VIII.

Понеже сего дня другой здѣшней книжникъ Корлъ въ аглицкихъ печатныхъ вѣдомостяхъ далъ знать, что въ предбудущемъ мѣсяцѣ имѣетъ издать на аглицкомъ языкѣ извѣстную книгу Летръ Московитъ, я не оставилъ милорда просить, чтобъ его старательствомъ то печатаніе остановить. И онъ, Милордъ, обѣщался все возможное для удовольства Вашего Императорского Величества учинить, употребляя прежней способъ, которой одинъ толко противъ здѣшней чрезъмѣрной волности имѣется. Помянутой книжникъ Корлъ есть тотъ самой, которой всѣ противнѣйшія и открытыя противъ короля и министерства листы и книги выдаетъ, за что уже дважды въ пилерахъ (sic) стоялъ, однакожъ опасаются, что отъ печатанія Летръ Московитъ унять его противу его воли дворъ силенъ не будетъ, понеже акту парламенского нѣтъ, которымъ бы такихъ книгъ печатанье было запрещено, хотя я все возможное старательство о томъ прилагать, и что въ томъ произойдетъ Вашему Императорскому Величеству доносить не премину.

Изъ Лондона.
Февраля 17, 1736.

IX.

. . . . Впротчемъ со всѣмъ безспокойствомъ болѣзни я не забывалъ должность свою въ исполненіи Высочайшаго В-го I-го В-а указа, касающагося книги Lettres Moscovites и ея издателя: и при

чинимыхъ мнѣ частыхъ посѣщеніяхъ отъ господина Шавиньи, королевского министра при Аглицкомъ дворѣ, столько въ свой интересъ его привелъ, что онъ на себя взялъ человѣка сыскать и мнѣ надъ нимъ и его книгою исходатайствовать полную сатисфакцію, твердо меня обнадеживая, что министерство здешнее съ Локателіемъ, естли въ руки попадется, такимъ образомъ поступитъ, какъ бы онъ противъ здѣшняго государства и короля поносительной либелъ издалъ. Я хотя вѣдаю честность характера господина Шавинья, нимало о истинѣ его обнадеживаній не сумнѣваюся; однакожъ не оставилъ другихъ друзей просить, чтобы проискивали,—помянутой Локатели здѣсь ли, и продаются ли въ Париже его книги, и сколько оные до сѣхъ поръ вывѣдать могли,—его Локателлія здѣсь нѣтъ, и книгъ его нигдѣ въ лавкахъ не продаютъ, но малое число подъ рукою газсѣяны. Что же впредь въ семъ дѣлѣ учинено будетъ, не оставлю всеподданнѣйше Вашему І-му В-у донесть.

Изъ Парижа. 1736.
Августа 24/13

X.

Что принадлежитъ до вышепомянутого издателя Lettres Moscovites и самой книги, я чрезъ разныхъ пріятелей, будучи въ Париже увѣдомленъ, что Локатели въ томъ городѣ за плута давно былъ знакомъ, и какъ онъ въ Санктъ Петербургѣ въ своихъ скаскахъ показалъ, подлинно имѣлъ полюбовныя інтриги съ одною госпожею; но оную не за свадбою, но за своими долгами оставя, бѣжалъ изъ Парижа въ 1733-мъ году, опасаяся тюрмы, понеже должники ево имѣли указъ ево арестовать. Тотъ указъ и теперь въ силѣ; почему ему Локателію никакимъ образомъ въ Парижъ пріѣхать не можно. Тѣжъ мои пріятели думаютъ, что естли онъ во Ѳранцію возвратился, то не можетъ быть въ другомъ мѣстѣ, развѣ въ деревнѣ помянутой госпожи своей полюбовницы, которая по ево побѣгѣ съ печали въ деревню ретировалась, которое мнѣніе я господину Шавинью сообщилъ, прося ево, чтобъ старался оного оттуда достать, естли подлинно тамъ скрывается; и онъ Шавиньи обѣщался старатца, чтобъ по отъѣздѣ моемъ во всемъ Вашему

Императорскому Величеству учинена была сатисфакція. Но я опасаюсь, разсуждая вышеписанное, что не въ его силѣ будетъ исполнить свое обѣщаніе, понеже министровъ Французскихъ настоящая диспозиція къ вашего величества двору тому мѣшаетъ, и въ домъ знатной госпожи для арестованія какой ни есть персоны, не будучи подлинно извѣстно о его томъ присутствіи, Господа министры послать не отважутся.

Изъ Лондона.
Сентября 7, 1736.
Получено съ почты сентября 30, 1736.

XI.

Выписка изъ донесенія на высочайшее имя, изъ Лондона, отъ 1-го марта 1737 года, N 13:

«По полученному изъ Парижа извѣстію, госпожа, у которой чаятельно, что авторъ Московскихъ писемъ Локателли скрывался, называетца Pleneuf, а деревня ея Bail».

XII.

Изъ Moscowit. Briefe стр. 793 и слѣд. (въ послѣсловіи).

Хотя поведеніе этихъ (т. е. иностранцевъ) министровъ мнѣ отчасти было извѣстно, однакожъ я никогда не воображалъ, что преступленія ихъ могутъ заходить такъ далеко. Я зналъ уже изъ вѣрнаго источника, что они только того и ищутъ, чтобъ наполнить свои сундуки и потомъ удалиться куда нибудь, гдѣ бы имъ можно было жить въ спокойствіи и безопасности. Можетъ быть они и правы, поступая такъ, но не нужно быть большимъ пророкомъ, чтобъ предсказать имъ то, что ихъ ожидаетъ, когда скончается Императрица, нынѣ имъ покровительствующая. Какъ бы они ни старались огораживать себя—я не сомнѣваюсь, что ожидающая ихъ гроза разразится надъ ними, когда та пресвѣтлѣйшая принцесса, которая имѣетъ столь неоспоримое право на корону, когда либо вступитъ на престолъ.

Эти министры обращаются съ нею самымъ вопіющимъ образомъ; вмѣсто того, чтобы смотрѣть на нее какъ на предполагаемую наслѣдницу обширнаго государства, они довели ее до такой край-

ности, что она не можетъ ни вести себя сообразно своему званію, ни содержать своихъ прежнихъ служителей, которые однакожъ готовы лучше переносить вмѣстѣ съ нею всѣ бѣдствія, чѣмъ оставить ее. Жестокость съ нею простираютъ даже до того, что ее держатъ какъ бы въ заключеніи, почему никто не смѣетъ посѣщать ее, и она видитъ себя всѣми оставленною. Всѣ пріѣзжающіе въ Московію знаютъ какъ все это дѣлается, и когда опять уѣзжаютъ оттуда, не могутъ не говорить о томъ безъ величайшаго негодованія. Превосходныя качества и необыкновенная доброта царствующей Императрицы слишкомъ хорошо извѣстны, чтобъ считать ее виновницей столь строгаго обращенія.

Господа министры иностранцы одни во всемъ этомъ виновны, и такъ какъ они знаютъ, что совѣсть ихъ въ отношеніи къ этой принцессѣ не совсѣмъ чиста, то вѣроятно употребятъ всѣ силы, чтобъ удалить ее отъ престола. Но весьма сомнительно удастся ли имъ это. Правда теперь власть въ ихъ рукахъ и они могутъ во всемъ показывать свой произволъ; но вѣдь легко можетъ случиться, что они когда нибудь и утратятъ эту власть, которую въ настоящее время безнаказанно употребляютъ во зло, особенно если дѣло дойдетъ до разъясненія вопроса, въ которомъ должны принять участіе всѣ европейскія державы.

Тѣ же самыя причины, по которымъ министры иностранцы думаютъ удалять эту принцессу отъ престола, непремѣнно послужатъ Москвитянамъ для возведенія ея на престолъ, и если послѣдніе возьмутъ верхъ, то я не сомнѣваюсь, что первые понесутъ заслуженное ими наказаніе (*).

(*) *Возраженіе*: Не трудно угадать, о какой принцессѣ здѣсь идетъ рѣчь Авторъ писемъ коварно хочетъ показать, что заботится о ней, а между тѣмъ въ мысляхъ у него ничто иное, какъ желаніе посѣять возмущеніе и бунтъ и только скрыть свою злобу подъ личиною мнимаго состраданія къ этой добродѣтельной принцессѣ. Но она слишкомъ благородна, чтобъ обращать вниманіе на подобныя гнусныя слова, и потому, конечно, поступила бы съ этимъ злобнымъ Италіанцемъ точно также, какъ поступилъ Петръ II съ недостойнымъ графомъ Девьеромъ, который въ царствованіе Екатерины подобнымъ же образомъ старался войдти у него въ милость (см. стр. 31).

ПРИКАЗЪ ПОМѢЩИКА А. М. ЧЕРЕМИСИНОВА *.

Ковровской вотчины деревни Елохова старостѣ Егору Васильеву и всему міру.

ПРИКАЗЪ.

1) Какъ долгъ помѣщика есть за крестьянами своими наблюдать въ исполненіи ими закона христіанскаго и за хорошимъ поведеніемъ,—онъ отвѣчаетъ за нихъ предъ Богомъ,—то и предписывается, чтобъ крестьяне, мущины и женщины, начиная съ семи лѣтъ, взрослые и старые, не отговариваясь работами, исполняли въ четыредесятницу, т. е. въ великій постъ ходили на исповѣдь, и какъ мнѣ извѣстно, что они не слѣдуютъ расколу, то, когда священникъ дозволитъ не по грѣхамъ, пріобщались бы Святыхъ Таинъ каждогодно. Кто же не можетъ священнаго долгу въ сей постъ исполнить по отлучкамъ, то обязанъ въ постъ Пресвятыя Богородицы, бываемый съ 1-го до 15-го августа, сіе исполнить; а въ противномъ случаѣ, кто отъ лѣности этого не сдѣлаетъ, то за первый годъ штрафуется въ пользу церкви каждый по 5 р. и доносить мнѣ о такихъ; на второй же годъ, когда, забывъ долгъ христіанскій, также за лѣностью не будетъ исполнять, то вынужденъ я буду представить того духовному начальству, которое уже отдастъ на покаяніе. Ибо всякому христіанину должно очищать свою душу каждогодно покаяніемъ—мы не знаемъ ни дня ни часа когда постигнетъ смерть. И какъ мы можемъ безпокаянные явиться къ Всевышнему Судіи!

Земли.

2) Съ принятіемъ въ будущемъ году въ пашенину новыми тягла-

(*) Приказъ этотъ былъ написанъ въ 1834 году 11 сентября; тѣмъ не менѣе, какъ памятникъ уже отживших вотчинныхъ правъ на крѣпостномъ началѣ, онъ представляетъ интересный матеріалъ, какихъ было бы желательно видѣть болѣе въ печати. *Редакторъ.*

ми, которыя ниже будутъ означены, кто долженъ принять и кто долженъ сложить,—Елоховскіе должны въ пустошахъ Голиковкѣ и Колесницѣ раздѣлить всю пахотную землю по тягламъ, на каждое тягло разровнявъ поровну хорошія мѣста, равно и худыя также поровну. Но только взять въ соображеніе: если кто внедавне распахалъ,—оставить ему что на тягло придется, а остальную отрѣзать въ пользу другихъ; кто же не расчищалъ,—естьли есть нерасчищеныя хорошія мѣста,—тѣмъ изъ тѣхъ намѣрять, но ежели нѣтъ, то изъ старой пашни. На этотъ раздѣлъ нарядить и деревни Михеевской крестьянъ всѣхъ безотговорочно; они могутъ быть посредники, а сами они не раздѣлятъ безъ ссоры. Это исполнить непремѣнно и не представляя, что я де росчищалъ, а другой нѣтъ. Въ здѣшнемъ краю мнѣ извѣстно, что кто беретъ въ наймы палы для распашки, то не болѣе на 5 лѣтъ, а потомъ отбирается обратно или отдаетъ въ кортому, а вы много лѣтъ владѣете. Теперь новая ревизія, то безгрѣшно должно раздѣлить поровну; а хорошо когда бы сдѣлать три поля какъ въ деревняхъ.—*Михеевскимъ*, если есть въ пустоши Яблоновѣ раздѣленный лѣсъ, или просить опекуновъ господина Пасынкова, какъ прежде уже раздѣлена пахатная земля, чтобъ раздѣлить такимъ образомъ, тогда по раздѣлу растущій на немъ лѣсъ вырубить дозволяется всѣхъ деревень крестьянамъ. Но какъ у нихъ въ обыкновеніи выжигать и тѣ мѣста, то должны прежде Михеевскіе крестьяне объявить объ ономъ старостѣ, а староста обязанъ собрать весь міръ и быть тамъ для осторожности, чтобъ не могъ огонь причинить вреда своему и постороннимъ лѣсамъ. И отнюдь пожоги безъ дозволенія и осторожности сей не дѣлать, да и сосѣднимъ крестьянамъ не дозволять жечь, если они не возмутъ также предосторожности.—Усмотрѣно мною въ Михеевскомъ: въ пашнѣ нашего владѣнія, въ серединѣ полосъ и въ концахъ, растетъ негодной лѣсъ и онъ причиняетъ вредъ—наноситъ зимою снѣгу много, отъ того и ржаной хлѣбъ на нѣсколько саженъ не годится, то сею осенью или будущею весной весь вычистить. Земли, по обозрѣнію моему, пахатной у Елоховскихъ довольно, а у Михеевскихъ мало: когда вычистятъ Яблоново и распашутъ, и поровняются безобидно.

Сѣнокосъ.

3) Елоховскимъ косить въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и прежде ко-

сили. У нихъ сѣнокосъ лучше Михѣевскихъ. Но въ селѣ Петровскомъ имѣется пожня Медвѣдево, въ которой косятъ Михѣевскихъ тягла по очереди, то косить впредь оную Елоховскимъ: у Михѣевскихъ сѣнокосу и безъ этого есть. И раздѣлить сѣнокосъ поровну съ принятіемъ тяголъ. Михѣевскимъ же,—у нихъ сѣнокосъ владѣется по чищобамъ издревле,—гдѣ кто расчистилъ, тамъ и владѣетъ, другой, сложивши съ себя тягло, а владѣетъ сколько было, то съ принятіемъ въ будущемъ году тяголъ, какъ удобнѣе раздѣлить весь, сколько у нихъ будетъ тяголъ; дѣлежъ производить, какъ они считаютъ удобнѣе, не запрещать: во всѣхъ ли пустошахъ всѣмъ вмѣстѣ, или по третямъ, или по согласію каждому опредѣлять, или перемѣнять погодно. Въ Колесницѣ же и Голиковкѣ полагаю косить всей лучше деревнѣ Михѣевской; старый сѣнокосъ непремѣнно весь раздѣлить. Никифору Наумову не косить въ Еремихѣ, а косить Михѣевскимъ. Въ будущее же время въ Поверстномъ лѣсу, или, какъ они называютъ, Черполѣсьѣ и пустоши Качалихѣ, какъ наше владѣніе есть, но, къ несчастію нашему, погорѣло много лѣсу, то не воспрещается трудолюбивому крестьянину, который хочетъ имѣть прибыль: по пожогѣ, уже случившейся, каждый крестьянинъ можетъ расчищать лѣсъ для пашни или сѣнокосу сколько хочетъ и отъ него не отымется, хотя бы и болѣе другаго начистилъ, до будущей ревизіи, которая можетъ быть черезъ 20 лѣтъ, но новыхъ пожогъ отнюдь не дѣлать,—строго взыщу.

Лѣса.

4) Крестьянамъ села и деревень всѣмъ дозволяется рубить для своихъ нуждъ: для стройки, отопленія, въ своихъ поляхъ, болотахъ, въ Поверстномъ лѣсу, въ пустошахъ Качалихѣ, Яблоновѣ, Колесницѣ, Голиковкѣ; но пожогъ на нихъ не дѣлать новыхъ, окромѣ, какъ сказано, подъ пашню въ Яблоновѣ. Воспрещается рубить подъ строгимъ взысканіемъ

Пустоши: Жебриково, Щекинская, Черноха.

5) Какъ въ этихъ трехъ есть заказной лѣсъ, равно также въ одномъ планѣ съ ними состоитъ пустошь Городнино, въ которой,

не знаю почему и кѣмъ, раздѣленъ между Шубинымъ и нами, безъ дозволенія, пополамъ лѣсъ, а есть такой уголъ, который и не раздѣленъ, весь не рубить, потому что Шубина староста, полагать должно, на своей части сдѣлалъ пожогу, отъ чего и нашего лѣсу часть погорѣла и, къ несчастію, отъ такого самовольнаго поступка могло бы легко случиться и весь заказной лѣсъ сгорѣть, а Михѣевскіе не доносили, а староста со всѣмъ міромъ не розыскалъ, то чтобъ на будущее время избѣжать сего несчастія, отъ того и запрещается всякая рубка въ ней, которыя же мѣста пожжены уже, то горѣлый лѣсъ, на которой части есть, нынѣ срубить и вывезти, а не дозволяя впредь, когда выростетъ и на погорѣломъ мѣстѣ лѣсъ, рубить никому.

Пустошь Еремиху отнюдь не рубить, пожогъ и чищобъ не дѣлать, а запретить ее,—была бы заказникомъ, а сѣнокосъ какой есть, тѣмъ и владѣть.

Пустошь Стулиху также отнюдь не рубить, пожогъ и чищобъ не дѣлать, а довольствоваться сѣнокосомъ, какъ онъ есть.

По всѣмъ рѣкамъ, ручьямъ, оврагамъ и болотамъ, гдѣ заказываются лѣса, гдѣ нынѣ есть сѣнокосъ, могутъ ивнякъ, липнякъ и мелкіе кусты вычищать, чтобъ не заростало; но отнюдь не подрубать лѣсу еловаго, сосноваго и березоваго во всѣхъ заказныхъ лѣсахъ и въ пустошахъ, гдѣ не позволено лѣсъ рубить; также пожогъ, росчищей не дѣлать; лубовъ, лубковъ не драть; сѣнокосы, гдѣ есть, стороннимъ людямъ въ наемъ не отдавать, потому что они наемщики, подъ видомъ сѣнокосу, рубятъ лѣсъ и воруютъ; также и за наслеги, которые ѣздятъ для продажи въ Суздаль, не давать лѣсу и дровъ,—когда узнано будетъ, взыщется строго.

6) Въ *Поверстномъ лѣсу* и *Качалихѣ*, гдѣ дозволено рубить, отнюдь, хотя гдѣ и погорѣлой лѣсъ есть, не приглашать, подъ видомъ помощи, стороннихъ; отъ того происходитъ, что пользуются сторонніе воровствомъ лѣсовъ, какъ вы и сами видѣли, при обозрѣніи моемъ, мною найденъ крестьянинъ Рыкунова, дозволилъ стороннему, который увезъ бы къ себѣ лѣсъ; отъ того и воспрещается это дѣлать, и то взыщется строго.

Караулъ лѣсовъ.

7) Заказной нашъ лѣсъ въ пустошахъ: Жебриковѣ, Чернохѣ,

Щекинской и къ нему присоединено и Городищо—караулить каждодневно; въ пустошахъ: Еремихѣ и Стулихѣ караулить и осматривать въ недѣлю разъ, приглашая и помѣщика Шубина крестьянъ. Старостѣ же съ выборнымъ осматривать въ мѣсяцъ два раза. Караульщикъ обязанъ обойти весь лѣсъ, а болѣе по дорогамъ, еслижъ усмотритъ порубку—объявляетъ въ тотъ же день старостѣ, а староста дѣлаетъ поискъ, если же не объявитъ—отвѣчаетъ самъ. Когда же староста съ выборнымъ, при осмотрѣ лѣсу, найдетъ порубку, то отвѣчаетъ того дня сторожъ, почему онъ сиялъ съ порубкой отъ другого. За всякой порубленой корень, сверхъ наказанья при всемъ мірѣ, платить: толщиною свыше 4-хъ вершковъ по 2 руб., а ниже по 1 руб. за корень, за толстыя жъ березы такія, какія срубилъ Петръ Терентьевъ, по 4 руб., также и за дранье лубковъ по той же цѣнѣ. Все оное исполнить непремѣнно. Ежели жъ староста или караульщики не будутъ надзирать и не исполнятъ моего приказанія въ точности, то годный отданъ будетъ безъ очереди въ рекруты, а негодный отошлется на поселеніе за ослушаніе. Кто же сдѣлаетъ въ сихъ лѣсахъ пожогу, то съ первою же почтою доносить мнѣ, чтобъ я могъ при объявленіи представить въ Земскій Судъ, для поступленія съ нимъ по законамъ, къ отсылкѣ въ Сибирь. Когда же староста покроетъ, то съ нимъ также поступлено будетъ, что и съ ними, а со всего міру взыщется за весь погорѣлый лѣсъ или рубленый. Во всѣхъ лѣсахъ по межамъ отъ другихъ владѣльцевъ были бъ сдѣланы просѣки, а особливо въ пустошѣ Стулихѣ, въ которой нѣтъ,—сдѣлать непремѣнно сею осенью.

Принять тягла.

8) Будущаго 1835 году, давъ имъ землю подъ ржаной хлѣбъ, раздѣля по тягламъ, и сѣнокосъ, въ то время же, какъ сказано выше, роздѣлить и пашню въ Голиковкѣ и Колесницахъ и сѣнокосъ. По ревизіи, а нѣкоторымъ по метрикамъ значатся лѣта въ семъ 1834 году,

а именно:

1 Емельяна Сидорова сынъ Андрей—1 тягло—17 лѣтъ.

2. Михайла Яковлева сынъ Фока—1 тягло—18 лѣтъ.

3. Ивана Гаврилова сынъ Герасимъ—1 тягло—18 лѣтъ.

4. Григорья Петрова сынъ Илья—полтягла—18 лѣтъ.

5. Устина Дмитріева сынъ Андрей—полтягла—19 лѣтъ.

6. Ивана Яковлева братъ Михайло—полтягла—20 лѣтъ.

7. Андрея Филипова братъ Василей—полтягла—23 л.

8. Никифора Сидорова сынъ Степанъ—1 тягло—18 лѣтъ.

9. У Филипа Агафонова тягло старое есть—21 л.,—которыхъ и женить, какъ они пожелаютъ, сею зимою или въ будущій годъ зимою: невѣсты же имъ назначаются по согласію въ особомъ регистрѣ и будетъ предписано; имъ въ семъ году исполнились законныя лѣта, только Емельяна Сидорова сынъ Андрей 17 лѣтъ, а будущаго года въ септябрѣ будетъ и ему 18 лѣтъ.

Сложить тягла въ будущемъ году, при наряднике, когда тѣ тягла примутъ:

1. Ивана Савельева—полтягла.

2. Григорья Петрова—полтягла. Когда сынъ женится, то и принимаетъ его тягло и будетъ на немъ два тягла.

3. Ивана Захарова—полтягла, но съ тѣмъ, чтобы онъ обязался при всемъ мірѣ платить недоимку, какъ прежде бывшую и нынѣ на немъ оставшуюся, а безъ того не слагать и взять росписку въ ономъ.

4. Семена Малаеева—полтягла.

5. Ивана Егорова—полтягла, но чтобъ заплатилъ числящуюся недоимку на немъ—прежней 8 р. 60 к.

9) Старостѣ быть на сей годъ тому же, а по усмотрѣнію моему, при второй половинѣ привозу оброка, могу назначить и другаго.

10) Выборнымъ быть погодно. Обязанность его есть: въ случаѣ болѣзни старосты и отлучки—исправлять его должность, а когда онъ налицо, то исправляетъ должность нарядчика на сходъ, осматриваніе лѣсовъ вмѣстѣ съ старостой и что прежде ими исполнялось.

11) Оброкъ полагается: съ Елоховскихъ за прошлой годъ, въ уваженіе, что хлѣбъ побитъ градомъ оржаной и яровой, по 60 р. монетою; а Михѣевскимъ—у нихъ градомъ не побило—платить съ тягла по 60 р. ассигнаціями, которыя бездоимочно по 30 р. съ тягла привезти за 1-ю половину непремѣнно 1-го декабря, а то я около 9 числа может поѣду въ Москву,—не застанетъ меня.

12) По обозрѣнію моему у васъ хлѣбъ родился не такъ хорошъ, то положенной оброкъ—ассигнаціями, ибо вы за прошедшій годъ 1833-й заплатили монетою, прощено вамъ слѣдующіе по 14 к. на рубль промѣну, но впередъ бездоимочно вы обязаны платить всегда положенной оброкъ ассигнаціями, и у всѣхъ такъ платится, тѣмъ болѣе, какъ мною уже нѣсколько разъ было писано и въ послѣднемъ приказѣ 1833 г. декабря 24 дня объяснены всѣ резоны справедливые. Вы всѣ для меня крестьяне равны: за что же другіе платятъ болѣе,—гдѣ я живу, по 70 р. ассигнаціями съ тягла, имѣя менѣе вашихъ выгодъ, лѣсу нѣтъ, за 30 верстъ дрова, земли не болѣе вашего, и сверхъ того ходятъ на работу—съ тягла два дни пашутъ, жены ихъ жнутъ въ ржаномъ и яровомъ по 4 дни, дровъ трехаршинныхъ вывозятъ, разстояніе отъ меня въ 30 верстахъ, по полусажени, и уже оброкъ за нынѣшній годъ и заплаченъ весь, который считается у насъ съ 1-го генваря; а вы будете платить за прошлой годъ. У насъ если два тягла на оброкѣ,—одинъ отходитъ въ Петербургъ или въ работники, другой остается дома и всѣ исправляетъ работы свои и барскія и во время убирается, не имѣя лишняго въ домѣ. А вы лѣтнее все время все семейство остаетесь дома, отзываетесь вы, что во время лѣта валяете валенки—вздоръ, я какъ въ пріѣздъ мой узналъ, немногіе домы въ запасъ имѣютъ шерсти; на это надобно деньги зимою купить шерсти на лѣто. Итакъ, за лучшее вамъ скажу, чѣмъ лѣто лежать всѣмъ дома, да и самая выгода ничтожная отъ продажи лѣсу и слишкомъ трудна, не лучше ли вамъ, хотя и кажется по глупости вашей, медвѣдямъ, отойтить, гдѣ есть семейные, въ дальную работу; на первый годъ точно можетъ вы не получите большихъ денегъ, но зато сыскавши работу и привыкнувши къ ней, тогда хорошій человѣкъ, а не лѣнтяй можетъ получать деньги большія, изъ которыхъ не только заплатите барину оброкъ бездоимочно, и себѣ останется довольно; остальной же въ домѣ съ бабами можетъ легко управиться. Я знаю, что у васъ бабы лѣтнюю работу и зимой кормленіе и хожденіе за скотомъ все онѣ однѣ исправляютъ, а не мужики, то рубка лѣсу и валяніе валенковъ, а особливо кто лѣнивъ и не мастеръ онаго дѣла, мало можетъ дать прибыли. Если вы ручаетесь платить оброкъ, лежавши на печи по привычкѣ, исправно, то не перемѣняю вашего обычая, но ежели запущеніе будетъ оброка, то я обязанъ взять свои мѣры

и поступить съ вами, какъ съ тунеядцами,—на которыхъ много останется оброку не доплачено, будутъ перевезены на издѣлье ко мнѣ, потому что у меня есть въ деревнѣ Ѳедорковѣ, въ Иванищевѣ и въ Сорокинѣ впустѣ на 14 тяголъ земли, еще отъ меня въ 30 верстахъ въ сельцѣ Когахъ на 6 тяголъ; а когда расчистить тамъ, то и болѣе найдется, то я и не потеряю ничего, всякое тягло, перевезенное сюда на издѣлье, дастъ 250 р. доходу въ годъ мнѣ. А съ вывезеныхъ тяголъ останется земля и сѣнокосы въ пользу вамъ, то на остальныхъ и разложится ихъ оброкъ и вы будете болѣе платить. Обстройка же ихъ, хотя мнѣ будетъ и недешева, то выручу продажею здѣшнихъ домовъ, а достальное велю изъ лѣсу нарубить всѣмъ міромъ, срубы продать, сколько тамъ издержу. Вы не работаете на барское, какъ мои тамъ. Здѣсь же по околотку, какъ мнѣ извѣстно, экономическіе крестьяне есть нужняки и безъ лѣсу, то они и купятъ. Я отъ того вамъ предписываю, чтобы вы другъ за дружкой смотрѣли за нерадивыми: если который отобьется отъ рукъ—доносили всѣмъ міромъ мнѣ. А вы другъ дружку покрываете только и все отзываетесь незнаніемъ, какъ я отъ васъ слышу. Вы слишкомъ скрытны.

13) Недоимки на Елоховскихъ крестьянахъ, оставшейся за прошедшій годъ по 5 р. съ тягла, а на нѣкоторыхъ больше, какъ по реестру значится, собрать съ нихъ по половинѣ въ первую, а остальныя во вторую половину бездоимочно и непремѣнно. Прежнихъ же лѣтъ недоимка, что значится по книгѣ, у васъ имѣющейся, какъ у васъ неурожай хлѣба, взыскивать каждый годъ по 10 р. со всякаго недоимщика монетою. А когда Богъ благословитъ урожай хлѣба и хорошія работы, то они должны будутъ и болѣе поплачиваться, чтобъ непремѣнно взносили безотговорочно, а то также будетъ поступлено, какъ и выше сказано съ неплательщиками оброковъ.

14) За тальки за прошлой годъ многія внесли, какъ по реестру значится, и кто не внесъ, то, по привозѣ ко мнѣ въ семъ мѣсяцѣ вишенъ, пришлется ленъ и должны напрясть тальки, сколько положено. Это за прошедшій годъ, а за нынѣшній годъ, которая не заплатитъ при привозѣ оброка за первую половину въ декабрѣ сего года, то пришлется ленъ и талька образцовая и онѣ должны будутъ выпрясть безотговорочно. Прежъ сего за тальки привозились

деньги при второй половинѣ оброка, но какъ вы не выполнили за прошедшій годъ, то чтобы не оставить до будущаго года, то и назначается срокъ при первой половинѣ, чтобъ я могъ съ кѣмъ прислать ленъ и вы бы выпряли тальки до второй половины оброка. У васъ точно не родился ленъ, но Богъ не отнялъ руки, то не лучшели взять вамъ хорошій ленъ и выпрясть по 5 талекъ, на которыя потребно не болѣе трехъ недѣль зимнихъ. У насъ бабы даютъ новину 20 аршинъ и, сверхъ того, прядутъ по 5 талекъ, а старыя окромѣ новинъ по 4 тальки, издѣльныя, и ходятъ на работу; также и оброчныя жнутъ. А вы не дѣлаете для барина ничего.

15) За третье тягло Сидора Григорьева былъ приказъ 14 мая 1831 года и 1832 года декабря, 1833 года 18 октября съ него взыскать, но староста не взыскалъ, то предписывается наравнѣ съ прочими—съ недоимщиками—взыскивать по 10 р. въ годъ, какъ положено, безотговорочно.

16) Николая Никифорова сестра Анна не доплатила за себя 80 р., а братъ за нее отказывается платить, потому что съ нимъ она не живетъ, а живетъ особо, и обязалась она сама выплачивать, когда будутъ урожайные годы, то и объявить ей, что въ пользу мальчика, для прокормленія, я уступаю 40 р., а остальныя, когда она все выплатитъ, тогда и дастся ей отпускная.

17) Вамъ было нѣсколько разъ предписано, чтобы вы внесли за старосту 20 р. оброку. Мнѣ они недороги, но ваше ослушаніе велико и ослушались—не хотѣли онаго исполнить, такую бездѣлицу—42 к. съ денежкою съ тягла, и въ наказанье еще собрать при первой половинѣ по 42 к. съ денежкою и отдать въ церковь на мѣстныя свѣчи: я посмотрю, какъ вы еще ослушаетесь. Опять пріѣду къ вамъ и накажу и на вашъ счетъ. Въ будущіе же годы я васъ не заставлю платить за него. Исполнить непремѣнно!

18) Въ приказѣ 10 марта 1829 года и послѣ того въ приказахъ подтверждено было, чтобъ Семіонъ Ларіоновъ заплатилъ бы недоимку за вдову; еще подтверждено 1830 году 11 февраля, чтобы онъ прежде заплатилъ деньги, а потомъ и женилъ сына. Онъ не заплатилъ, а староста приказанія моего не исполнилъ, а сына женилъ. И внушить Логину Семеному, чтобъ поплачивался бы по немногу; у него она жила вмѣсто работницы; также и ей приказа-

но было, когда бы она выплатила остальное, и далъ бы ей отпускную.

19) Никифоръ Наумовъ и Өедоръ Өедоровъ брали землю, а денегъ не заплатили,—включить въ недоимку, чтобы они платили, какъ и прочіе: и она включена въ книгу. А что Өедоръ Өедоровъ запахалъ самовольно землю, то нынѣ же ее отрѣзать, впередъ не позволять. Это есть несмотрѣніе старосты; онъ обязанъ былъ, какъ только запахалъ бы, осмотрѣть не припахано ли. Даже онъ и видѣлъ, но ничего не сдѣлалъ, а надобно бы тотчасъ при сходѣ его наказать, землю отрѣзать, мнѣ донести. Впередъ поступать такъ, а землю отдавать въ наемъ, что дадутъ.

20) Отнынѣ впередъ кто не заплатитъ оброкъ или недоимку, разсроченную погодно, то и наряжать въ подводы ко мнѣ при привозѣ оброка или присылкѣ какой, безъ очереди. А кто чисто заплатилъ—тѣхъ не наряжать.

21) Въ Елоховѣ дворы, который посадъ по лѣвой сторонѣ улицы отъ села Петровскаго, когда избы придутъ въ ветхость и должно перестраивать ихъ, то, начиная отъ Семена Прокофьева до самаго двора Дмитрія Михайлова, который хорошо стоитъ, непремѣнно подать все назадъ, не смотря на Пасынковы домы, что останутся они впереди; когда мы подадимъ назадъ, и ихъ заставимъ. И при всякой перестройкѣ, когда съ оброкомъ пріѣзжаешь—доносить мнѣ, испрашивая позволеніе на перестройку непремѣнно. Которые живутъ на лѣвой же сторонѣ, начиная съ Ивана Игнатьева и далѣе и противъ ихъ есть домы на правой сторонѣ, то перенести овины, когда должно ихъ перестраивать, сзади своихъ дворовъ на тѣ мѣста, гдѣ мною поставлены столбы, разстояніемъ отъ дворовъ 50 саженъ. А хотя овины и снесутся, но гуменникамъ оставаться за ними по прежнему. Они могутъ тутъ ставить житницы и сараи, но не близко къ другимъ домамъ, и огороды—разровнять тогда всѣ гумна по перестройкѣ овиновъ всѣхъ по тягламъ поровну.

Когда бобылки, живущія по улицѣ, выбудутъ и домы ихъ останутся впустѣ и послѣ Гаврила Лукьянова останется изба впустѣ, то и мѣста не застраивать, а оставить проулки или прогоны. Бобылкамъ же впередъ въ Елоховѣ и Михѣевскомъ не позволять строиться на улицѣ, а сзади дворовъ, гдѣ мѣсто пусто и кто пуститъ по согласію за свой дворъ.

Михѣевскимъ житницы и сараи не позволять строить близко къ дворамъ, а кто будетъ строить, то на томъ самомъ мѣстѣ въ линію, гдѣ я врылъ столбы, 40 саженъ отъ дворовъ, а впереди могутъ быть огороды. А кто захочетъ далѣе за линію построить—не воспрещать.

Въ гумнахъ во всѣхъ деревняхъ всякой хлѣбъ не ставить, а былъ бы непремѣнно въ полѣ—это избавитъ васъ отъ несчастія.

Кто будетъ ослушенъ противъ онаго наставленія, доносить мнѣ; я прикажу, если онъ самовольно построится, строеніе сломать, а кто поставитъ въ гумнахъ хлѣбъ, приказываю до донесенія тотчасъ раскидать по снопу и, сверхъ того, при мірѣ наказать за ослушаніе. А могутъ ставить хлѣбъ тотъ только, который надобно будетъ для сѣмянъ обмолотить или сырымъ околотить, а болѣе не позволять.

22) Когда понадобится земля подъ строеніе, а она чужая, или чужимъ понадобится, можете промѣнивать—не запрещается. Безъ дозволенія моего нигдѣ болѣе не дѣлить землю съ другими владѣльцами, а особливо въ пустошахъ, и доносить прежде мнѣ; а то вы слишкомъ милостивы и просты, лишнюю барскую землю другому уступите и васъ обманутъ.

23) Поставить правиломъ, чтобы во время сбору подушныхъ и повинностей мальчики отъ 15 до 18 лѣтъ платили за полдуши, а 18 лѣтъ, если онъ не принялъ тягло, то за душу во всѣ сборы; старикамъ же, которые сошли съ тяголъ и еще, по усмотрѣнію мірскому, въ силахъ и работаютъ, принося добычу въ домъ, платить за полдушу только въ однѣ казенныя повинности, а не прочіе сборы мірскіе. Если оное не будетъ исполняться, то я съ холостыхъ буду брать себѣ по 10 р., какъ при покойномъ батюшкѣ моемъ было; вы это знаете.

24) Когда съ міру бываетъ сборъ—подушные или какія-нибудь повинности разнаго рода, то подушные платить поочереди крестьянину и по отдачѣ имъ тотчасъ и сосчитать. Когда же другія повинности будутъ плачены старостой, хотя бы она была и малая сумма, также сосчитывать при каждомъ разѣ, а не такъ какъ у васъ дѣлается, за цѣлой годъ и упомнить не можно ни старостѣ ни міру; при всякомъ сборѣ и платежѣ дѣлать счетъ и въ отданныхъ деньгахъ имъ брать росписки, въ которыхъ чтобы было означено, кто бралъ и по скольку съ души, а то у васъ есть глупыя росписс-

ки, въ которыхъ не означено, сколько получатель денегъ взялъ, а просто сказано—получилъ Григорей дежурной за нынѣшній годъ, а число денегъ не извѣстно и вмѣсто его никто руки не приложилъ, то впредь быть осторожнымъ. А для записки сбору и расходу прилагается книга, въ которую каждогодно вписывать и привозить мнѣ при второй половинѣ съ оброкомъ, съ засвидѣтельствованіемъ всего міра.

25) Получаемыя недоимки старыя въ книгу, оставленную у васъ, вписывать при полученіи; а кто пожелаетъ, то давать въ полученіи и записку и мнѣ привозить книгу съ собою съ оброкомъ каждый разъ.

26) Объ рекрутскомъ наборѣ вамъ нечего справляться, потому что всякому помѣщику извѣстно, когда съ душъ его будетъ рекрутъ назначенъ, а только увѣдомлять, что рекрутской наборъ объявленъ, черезъ почту. Списокъ же, кто ставилъ рекрутъ или платилъ деньгами, сдѣланъ и оставленъ у васъ на разборъ. Я самъ сдѣлаю и предпишу на міръ; потому что въ немъ написаны семейства по большинству душъ, а не по очереди.

27) Крестьянамъ ко мнѣ съ просьбами попусту не ходить, а писать по почтѣ или съ оброкомъ — пускай ѣдетъ самъ вмѣсто подводы. На всякой просьбѣ его міръ долженъ утверждать: справедливо ли онъ проситъ, развѣ онъ будетъ просить о притѣсненіи его міромъ, то можете и безъ міру писать особо.

28) Всякія ссоры между крестьянами воспрещаются, но когда случатся, то разбирать. Но если міръ не рѣшитъ самъ, тогда уже доносить мнѣ подробно, какъ оное случилось. Равно и вдовъ, живущихъ особо въ избушкахъ, не обижать,—отвѣчаетъ староста. Онъ ихъ долженъ охранять, а кто обидитъ—разобрать и доносить мнѣ.

29) На сходъ ходить всѣмъ съ каждаго двора по человѣку, не отговариваясь работами. А если случится въ дѣльной отлучкѣ или въ тяжкой болѣзни, то можетъ за него придти кто у него въ домѣ еще есть; а отъ одинокихъ должна быть жена. Кто же не пойдетъ на сходъ за пустыми отговорками, то взыскивать штрафу по 2 р. въ міръ за каждый разъ, когда не придетъ. Мною самимъ усмотрѣно, что и при мнѣ лѣниво ходятъ, не скоро соберешь, а пришедши дремлютъ; надобно всѣмъ подавать голосъ

въ совѣщаніи мірскомъ, а не быть ротозѣями. Всякой крестьянинъ богатый и убогій равно за свой домъ можетъ говорить.

30) Къ барину писать донесенія не такія глупыя, какія вы ежегодно пишете, помѣщая только одно, что вы слишкомъ бѣдны и раззорены—не имѣете ни лошадей, ни коровъ, все продали. Вотъ за то васъ Богъ и наказалъ градомъ, а не по суевѣрію вашему, что маковки не выстрижены. Да и мною усмотрѣно, у васъ есть лошади и коровы, а только лѣность велика. Къ тому же жалуетесь, что мостъ вамъ сдѣлалъ общее отягощеніе; точно правда, тяжело, но вы сами виною, четыре года уже мосты приказано было дѣлать, а вы глупы—отказались и меня даже не увѣдомили. Вы могли бы исподволь, изъ Поверстнаго лѣсу или изъ Качалихи, заготовить бревна, вывозя въ деревню. Если бы мостъ не состоялся и по просьбѣ вашей отмѣнили, а другой дали или приписали душъ, но все бы должно мостить—повинность должны бы наровнѣ съ прочими исполнить, все мостъ бы достался. Лишнія бревна могли бы продать, а то за лѣность съ васъ и сошло много. При томъ же въ донесеніи томъ пишете, прошлаго года декабря 18-го числа, что вы за оба моста заплатили 471 р. и 70 к., а вы только заплатили за лѣсъ и мостъ 334: зачѣмъ же вы врете? а за малый мостъ 45 р. и совсѣмъ не заплатили, а въ донесеніи поставили, безстыдные лгуны. Въ томъ же донесеніи помѣщаете, прочіе помѣщики свой лѣсъ давали,—и то врёте. Всѣ купили лѣсъ, если не словый лѣсъ привозили, то и вамъ бы можно привезти изъ Поверстнаго лѣсу. А если Пасынковы купили лѣсъ, а свой продали, то тамъ опекуны, а не помѣщикъ самъ. И какъ же можно писать донесеніе лживое? Впредь приказываю донесеніе писать безъ обману и не помѣщать въ каждомъ письмѣ, что по міру всѣ вы ходите, лошадей и коровъ всѣхъ продали. И все оное пишется ежегодно съ 1821 года по сей годъ, когда и урожаи хлѣба были. Только одно видно ослушаніе и лѣность. Вы можете писать помѣщику и просить милости, а не притворяться нищими. Болѣе Богъ васъ накажетъ за неправду. Впередъ, я, какъ получу такое донесеніе, пріѣду самъ тотчасъ и попрошу исправника васъ наказать за глупость и ложь—грѣхъ лгать! Когда донесеніе вы пишете, то внизу означать—кто не былъ на сходѣ и кто настаивалъ, если будутъ помѣщены глупости. А дозволяю писать всякому, кто по какимъ-нибудь

несчастіямъ постигшимъ проситъ милости, а то у васъ у одного лошадь украли—пишутъ, что всѣ раззорились, а въ Еloховѣ градомъ выбило, а Михѣевскіе пишутъ, что они не въ состояніи платить. Всякой пиши о себѣ, а не весь міръ. Впредь будете лгать, я не буду вѣрить, хотя бы и правду написали.

31) Кто умеръ и кто родился-вписывать въ оставленную тетрадь и привозить каждый разъ съ оброкомъ, чтобъ я могъ въ черновыхъ сказкахъ отмѣтить для будущей ревизіи; тогда и не выйдетъ путаница. Исполнять оное непремѣнно.

32) Прежде было нѣсколько разъ приказано и нынѣ строго подтверждаю, чтобы вольныхъ дѣвокъ не брать ни подъ какимъ видомъ, за что будетъ староста наказанъ. А кто женитъ безъ дозволенья, будетъ безъ очереди онъ отданъ въ рекруты. Запрещается это дѣлать безъ моего разрѣшенія. Иванъ Гавриловъ женилъ сына на господской Рыкунова дѣвкѣ. Какъ было всегда приказано, вы забыли, помѣщичью брать съ купчими, но онъ взялъ безъ нея, то чтобъ онъ денегъ старостѣ Рыкунову не отдавалъ, что онъ оставилъ; а когда пришлется купчая отъ Рыкунова, то и дочери его Евгеньѣ дамъ отпускную, а безъ того не дамъ.

33) Семена Малафѣева дочь Анна получила отпускную, то зятя его Мартьяна, ежели она захочетъ въ домѣ жить, онъ бы не выгонялъ, а жила бы вмѣстѣ и мальчика Алексѣя берегли, ибо онъ мой. Да и былъ бы Мартьянъ у тестя въ послушаньи.

34) По принесенной мнѣ жалобѣ отъ вдовы Натальи, что покойной Устинъ взялъ у нея лошадь кобылу за 100 р. для приплоду, обѣщался ей послѣ отдать молодую лошадь, но она у него пала и денегъ ей не заплатилъ, и по спросу моему міру всѣмъ извѣстно и подтвердили, по справедливости, грѣхъ пополамъ, и приказываю Нестеру, брату покойнаго, половину денегъ, т. е. 50 р., хотя не все вдругъ, разложа погодно, чтобъ выплачивалъ, потому что она не виновата, а послѣ Устина остались дѣти взрослыя, четыре, и уже ходятъ въ работу, то чтобъ не погубить души отца—платить не грѣхъ, то за ослушаніе, когда не будутъ платить, безъ очереди одного изъ нихъ отдамъ въ рекруты, а міръ ей заплатитъ.

35) Крестьяне, когда отвозятъ лѣсъ въ костры нарубленой для продажи, то старостѣ съ выборнымъ осмотрѣть и сосчитать—сколько у каждаго, чтобы могъ я знать, кто у нихъ лѣнивъ и кто ретивъ

и донести мнѣ, но не запрещать имъ продавать—пускай довольствуются.

36) Въ закончаніе приказываю строго старостѣ, чтобы онъ и міръ, по даннымъ мною приказамъ, исполняли все въ точности, безъ ослушанія, а не такъ какъ прежде было, пишешъ приказы, повторяешъ, но худо исполняли. Я прежде писалъ, Семена Никифорова житницу продать—не исполнили; Ивану Захарову и Агаѳону Наумову не приказано было по полутяглу слагать, доколѣ они не заплатятъ недоимку—міръ доноситъ, что имъ надобно землю дѣлить —ничего не бывало, міръ солгалъ, а тягла сложили. А много есть такихъ приказовъ, по которымъ худо исполнено, все забываете, старосты нерадѣніе большое, а міра ослушаніе. Впредь всѣмъ предписываю вамъ исполнять въ точности, что въ семъ приказѣ въ каждомъ пунктѣ означено. Если же противъ какого пункта не выполнится, то староста отвѣчаетъ, что не заставилъ исполнить или просмотрѣлъ, а съ неисполнителемъ, хотя бы весь міръ былъ, поступлено будетъ какъ съ ослушниками; и самъ пріѣду, чтобы заставить васъ исполнять безъ отговорокъ. И надѣюсь, вы будете столь хороши и послушливы, тогда и я васъ не оставлю, въ чемъ будетъ нужда вамъ. Кому же не беречь васъ, какъ не мнѣ; но только будьте послушны, не лгите и пустяковъ не пишите, а исполните безотговорочно.

37) Сказано выше: съ принятіемъ тяголъ женить сею зимою или будущею зимою же: въ семъ приказѣ означается роспись женихамъ и невѣстамъ, лѣта ихъ по ревизіи и выписаны у священника, то и разобраться непремѣнно до декабря мѣсяца нынѣшняго году. А когда оброкъ привезутъ и кто не изберетъ себѣ, я назначу самъ.

38) Въ семъ приказѣ сдѣланы всѣ наставленія о земляхъ, сѣнокосахъ, лѣсахъ, объ оброкѣ, о недоимкѣ, о тяглахъ и о прочемъ: то при каждомъ сходѣ, если будетъ нужно о чемъ обсудить, вы тутъ все найдете, и прочитайте, который пунктъ нуженъ, онъ вамъ ясно покажетъ, какъ исполнить, а когда вы положите въ коробку это наставленіе, то за неволю позабудете; передъ отъѣздомъ же ко мнѣ старосты прочитывать весь на сходѣ, исполнено ли все, а не будете сего дѣлать, взыщу съ васъ.

39) Еще вамъ старостѣ и міру подтверждаю, чтобъ земель съ

другими владѣльцами, безъ приказанія моего, хотя бы и судомъ принуждали, не ходить на раздѣлъ никому, а дать старостѣ подписку, что безъ приказанія господина да и не имѣемъ отъ него довѣренности, не могу, а увѣдомлю господина о семъ, и меня тотчасъ увѣдомить аккуратно, какой владѣлецъ желаетъ дѣлиться, а въ Яблоновѣ можете только раздѣлить, какъ выше есть въ семъ приказѣ.

40) Прилагается особый приказъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ по судамъ и что если сами рѣшить не можете, относитесь къ г. Ковровскому Уѣздному Судьѣ Павлу Степановичу Раскову,—онъ васъ защититъ.

41) Собрать какъ прежде предписано было за золотые: онъ получалъ по 21 р. 50 к., а тамъ ходили 21 р., да за червонецъ 50, всѣхъ денегъ 9 р. 50 к.

Сему вѣрьте, помѣщикъ вашъ

Александръ Черемисиновъ.

По несчастію постигшему, что въ деревнѣ Елоховѣ побило градомъ хлѣбъ симъ лѣтомъ и по пріѣздѣ моемъ я увидѣлъ, что крестьяне послушны и па сдѣланномъ мною приказаніи имъ исполняли въ точности, даже изъ оставшей на нихъ недоимки по 10 р. на тягло взнесли половину по 5 р. съ тягла, то, желая оказать и съ своей стороны пособіе имъ, остальные по 5 р. съ тягла прощаю, но на комъ есть болѣе, то считаться въ недоимкѣ. Въ 13 пунктѣ сказано: взыскать—отмѣняю, но на комъ болѣе осталось 5 р., то достальные взыскать.

Помѣщикъ вашъ

А. Черемисиновъ.

Запись, данная новгородскимъ княземъ Симеономъ Ольгердовичемъ Лугвеніемъ королю польскому Владиславу (1389) (*).

Nos dux Semon, alias Lingwenis, Notificamus tenore presencium quibus expedit universis, ex dum per Serenissimum Principem Dominum Wladislaum Regem Polonie Lithuaniarumque Principem Supremum et heredem Russie etc., fratrem nostrum carissimum, hominibus et populo de Magno Novogrod, in tütorem et gubernatorem eorundem hominium et populi fuissemus instituti et prefecti, eidem domino Regi, et Preclave Principi Domine Heduigi consorti sue carissime Regine ipsorumque liberis et heredibus ac successoribus legithimis, ac Corone Regni Polonie, cum eodem populo de Magno Novogrod quamdiu ipsum, in tenucione, et gubernacione habuerimus, promisimus et tenore presencium firmiter promithimus pollicentes quod ipsis et Corone Regni Polonie, auxiliis, consiliis, premunicionibus seu avisacionibus, dolo et fraude, quibuslibet procul motis, adherere volumus, iuxta totum posse rostrum ipsos aut Coronam Regni Polonie predicti, nunquam ullis temporibus deserentes, nec ipsis unquam aliquibus temporibus Nos opponere volumus aut quomodolibet adversari. Harum quibus sigillum nostrum appensum est testimonio litterarum. Datum Sandomirie, die dominico (*sic*) Conductus Pasche, anno Domini millesimo trecentesimo octuagesimo nono.

Подлинникъ писанъ на пергаминѣ. Въ концѣ имѣетъ печать, съ изображеніемъ всадника и словами вокругъ: Княз. . . Сем. . . *Списанъ въ архивѣ Сенатора Стороженко В. А. Мацѣевскимъ.*

Сообщ. **А. Зернинъ.**

(*) Годъ, въ который составлена эта запись, тотъ самый, когда, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, «пріѣха въ Новгородъ кн. Симеонъ Олгердовичь Лугвеній на пригороды».

ЧЕЛОБИТНАЯ ВОЛОГЖАНЪ АРХІЕПИСКОПУ МАРКЕЛУ (1653 г. сентября 26).

Государю преосвященному Маркелу, архіепископу Вологодскому и Великопермьскому, бьютъ челомъ и являютъ сироты Вологжаня посадцкіе люди: Куска Анфимовъ, Афонка Кривошея, Артюшка Бобровъ, Гаврилко Дьяконовъ, Стахѣйка Ермолаевъ, Максимко Автамоновъ, Ермолка Карповъ, Оска Тарасовъ, Денисko Воробьевъ дьяконъ Галахтіонище на Вологжанъ же посадцкихъ людей, на земского старосту на Пероирья Феодорова сына Горохова съ товарыщи, въ томъ: въ нынѣшнемъ, государь, во 162 году сентября въ 19 день, били челомъ тебѣ государю, а на Вологдѣ въ съѣзжей избѣ государеву столнику и воеводѣ Ларіону Семеновичю Милославскому подали челобитную на насъ сиротъ твоихъ, поклепавъ напрасно, бутто мы сироты приходили къ земской избѣ *гилемъ* и хотѣли его Пероирья убить, а мы сироты къ земской избѣ *гилемъ* не прихажывали и убить его не хачивали: тѣмъ онѣ насъ сиротъ твоихъ поклепали напрасно, и по ихъ ложному поклепному челобитью посажены мы были въ съѣзжую избу и сидя промыслишковъ своихъ и торжышковъ отбыли, и въ томъ ихъ поклепномъ ложномъ челобитьѣ намъ сиротамъ твоимъ въ просѣдкѣ и въ волокитѣ чинятся убытки великіе и отъ ихъ ложнаго поклепнаго челобитья въ конецъ погибли. Умилостивися, государь преосвященный Маркелъ, архіепископъ Вологодцкій и Великопермьскій, пожалуй насъ сиротъ, вели, государь, челобитье нашу и явку записать. Государь, святитель, смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ написано: 162 г. сентября въ 26 день подалъ явку Кузма Анфимовъ.

СООБЩ. Н. СУВОРОВЪ.

РУССКІЕ ЗАКОНЫ О СОЮЗѢ СЕМЕЙСТВЕННОМЪ.

(По поводу статьи г. Филиппова: «Взглядъ на русскіе гражданскіе законы (*)).

Г. Филиповъ избралъ эпиграфомъ къ своему труду слова Карамзина: «мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы». И вотъ, исходя изъ этой-то любви, онъ рѣшился критически разобрать наши гражданскіе законы.

Во «введеніи» авторъ съ грустью, желчью отзывается о нашихъ юристахъ, совершенно упустившихъ будто-бы изъ виду самое главное—разработку дѣйствующаго законодательства. «Для того, говоритъ онъ, чтобы двигать общество впередъ, нужно не только затрогивать его вопросы, а разработывать науку законовѣдѣнія; потребно уяснить интересы и нужды народа; провести все это (?) въ систему и высказать свой крайній выводъ. И въ самомъ дѣлѣ: у насъ есть юристы, пишущіе о всѣхъ возможныхъ законодательствахъ и всевозможныхъ вопросахъ по исторіи, начиная съ рюриковскаго законодательства (котораго, по всей вѣроятности, и не было). Но того мало; при всей нашей учености и глубокомъ знаніи историческаго развитія нашего законодательства, мы не позаботились даже до настоящаго времени анализировать наши законодательные своды». На сколько такой приговоръ, приговоръ суровый, произнесенный авторомъ надъ нашими учеными юристами, справедливъ, кажется, нѣтъ необходимости доказывать. Замѣтимъ только, что авторъ положительно забылъ все, что было сдѣлано нашими юристами, начиная съ прошлаго столѣтія, для разработки русскаго положительнаго законодательства. Положимъ, что было сдѣлано юристами и немного, но все же нельзя утверждать прямо, что они все спали и ровно ничего не дѣлали. Авторъ забылъ также и все то, что дѣлается нашими юристами въ послѣднее время: неужели всѣ ихъ труды, всѣ ихъ сочиненія и статьи, въ совокупности взятыя, ничего не значатъ, ничего не стоятъ, не принесли

(*) Современникъ 1861 февраль, и мартъ.

и не приносятъ для отечественнаго законодательства ни малѣйшей пользы? Да простятъ наши юристы автору эту кровную обиду!

Какъ бы то ни было, авторъ первый—какъ видно изъ его же словъ—рѣшилъ, что и безъ изученія историческаго развитія права и безъ сравнительнаго изученія иностранныхъ законодательствъ, съ полнымъ успѣхомъ возможно произносить безапелляціонный судъ надъ дѣйствующими законами: стоитъ лишь взять въ руки какой-либо томъ Свода Законовъ и,—не справляясь съ другими томами, не заботясь о сличеніи постановленій, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ,—говорить, что это такъ, а не такъ, тутъ пропускъ, тамъ промахъ, здѣсь недомолвка, а то-то совершенно лишнее, неумѣстное, и т. под. Какъ увидимъ, авторъ такъ и сдѣлалъ. И что важно, что онъ *первый* и *одинъ* взялъ на себя эту трудную задачу. «Мы рѣшительно не можемъ объяснить себѣ этого равнодушія *нашего* (?)—продолжаетъ онъ—къ общему дѣлу, къ дѣлу святому, за которое ожидаетъ насъ, какъ награда, благословеніе и благополучіе народа. . . *Но я надежды не теряю; я уповаю, что настоящимъ моимъ, немного рѣзкимъ, но правдивымъ и искреннимъ словомъ, я выведу нашихъ ученыхъ юристовъ изъ летаргіи*...». И далѣе, сдѣлавъ приличное наставленіе нашимъ юристамъ, спящимъ въ летаргическомъ снѣ, что время уходитъ безвозвратно, что нужно трудиться теперь не такъ какъ прежде, а напротивъ, серьезно и добросовѣстно работать на открытомъ передъ нами пути, авторъ предлагаетъ забыть *нашу вражду* (къ кому? откуда возникшую? за что?) и высказать яснѣе наши убѣжденія. «Вѣруя не столько въ свои силы, какъ въ то, что я *начинаю* доброе дѣло, я приступаю къ *систематической критикѣ* нашихъ гражданскихъ законовъ».

Никто, конечно, не будетъ сомнѣваться, что авторъ принялся за благое дѣло и, если ему угодно, пусть ему принадлежитъ и пальма первенства за мысль систематической критики нашихъ гражданскихъ законовъ, мысль благодатная. Пусть ему принадлежитъ пальма первенства и за то, что онъ задумалъ вывести изъ летаргіи нашихъ юристовъ, онъ, одинъ, къ счастію нашему, оставшійся неуснувшимъ, при всеобщемъ расположеніи ко сну.

Пробужденные трубнымъ гласомъ г. Филиппова, и мы принялись за чтеніе его сочиненія и благополучно докончили это чтеніе, но

заснули вновь летаргическимъ сномъ, но, помня его наставленіе и его призывъ къ труду, рѣшились даже написать настоящую статью, въ томъ предположеніи, что и она пригодится нашимъ читателямъ; думаемъ даже, что въ особенности она будетъ полезна самому неусыпаемому нашему учителю и наставнику. Изъ настоящихъ замѣтокъ, надѣемся, читатели увидятъ, на сколько «немного рѣзкое» слово автора «правдиво и искренне», на сколько онъ безпристрастенъ въ своихъ отзывахъ о нашихъ гражданскихъ законахъ и на сколько добросовѣстно исполнена имъ добровольно возложенная на себя обязанность критика. Напередъ заявляемъ, что и мы будемъ строги и безпристрастны къ автору и рѣзки тамъ, гдѣ онъ взводитъ напраслину на законодательство; съ другой стороны, напередъ благодаримъ его за всѣ тѣ полезныя указанія, какія находимъ въ его статьѣ. Считаемъ однако нужнымъ напередъ оговориться, что, имѣя въ виду прежде всего разсмотрѣть въ подробности трудъ г. Филиппова, написанный, какъ видно, скорѣе для публики, чѣмъ для юристовъ, мы въ то же время рѣшились указать на тѣ предметы, о которыхъ или слишкомъ кратко, или вовсе не говоритъ авторъ. Вслѣдствіе этого мы не стѣснялись тѣмъ, что наша статья должна была принять болѣе обширные размѣры, нежели сколько требуется отъ статьи критическаго содержанія. Съ другой стороны, мы, подобно г. Филиппову, многія постановленія оставили безъ разсмотрѣнія, такъ какъ вовсе не имѣли въ виду представить изложеніе всей системы нашихъ законовъ о союзѣ семейственномъ и проистекающихъ изъ него правъ и обязанностей. Такое изложеніе должно составить предметъ особаго самостоятельнаго и, конечно, довольно обширнаго сочиненія. Пусть наша статья, и съ ней вмѣстѣ статья г. Филиппова, будутъ служить матеріаломъ для такого сочиненія.

«По этой программѣ (о которой авторъ ранѣе не говоритъ впрочемъ ни слова), разсматривая наши гражданскіе законы, я нашелъ въ нихъ много добрыхъ установленій; но, къ сожалѣнію, въ Сводъ Законовъ вошли многія устарѣлыя учрежденія: въ настоящее время, не принося никакой существенной пользы нашему отечеству и составляя мѣры временныя, они потеряли свое юридическое значеніе. Кромѣ этого, въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ многіе предметы не разъяснены и требуютъ дополненія

и толкованій». Этотъ общій взглядъ автора совершенно справедливъ, тѣмъ болѣе онъ справедливъ, что его можно примѣнить къ какой-угодно части какого-угодно законодательства, потому что всякое законодательство, существуя подъ духомъ времени и потребностей, развивается, измѣняется, дополняется, совершенствуется, и при этомъ одно старѣется, требуетъ замѣны, а при замѣнѣ являются или пробѣлы, требующіе вновь дополненій, или неясности, требующія толкованій.

Авторъ въ изложеніи своихъ мыслей рѣшился строго держаться системы, принятой Сводомъ Законовъ; и потому все свое сочиненіе онъ раздѣляетъ на три части: 1) права и обязанности, вытекающія изъ союза семейственнаго; 2) порядокъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества, и 3) обязательства и договоры. Настоящая, разсматриваемая нами, статья обнимаетъ собою только первый отдѣлъ всего цѣлаго. Авторъ, въ заключеніи къ статьѣ, заявилъ, что этотъ отдѣлъ составляетъ особое, самостоятельное сочиненіе: потому-то мы и рѣшились приступить къ его разсмотрѣнію, не дожидаясь напечатанія остальныхъ частей «Взгляда на гражданскіе законы», частей, которыя авторъ обѣщалъ въ непродолжительномъ времени представить на судъ читающей публики.

Первая глава труда г. Филиппова говоритъ о *бракѣ*. Здѣсь прежде всего идетъ рѣчь объ установленіи брака и потомъ о порядкѣ его расторженія и послѣдствіяхъ развода.

I.

Установленіе брака.

Законодательства различно смотрятъ на бракъ. Одни признаютъ его союзомъ чисто религіознымъ, могущимъ имѣть гражданскія послѣдствія, какъ въ Сардиніи, Тосканѣ и кантонѣ Люцернѣ; другія признаютъ его чисто гражданскимъ договоромъ, какъ во Франціи, Бельгіи, Гаити и Луизіанѣ; наконецъ, въ большей части странъ смотрятъ на бракъ какъ на договоръ вмѣстѣ и гражданскій и религіозный: въ Баваріи, Австріи, Пруссіи, Баденѣ, Боливіи, Даніи, Норвегіи, Пармѣ, Моденѣ, Сербіи, Швеціи, Польшѣ, Венеціи, королевствѣ Обѣихъ Сицилій и въ кантонахъ Ватландѣ, Аргавіи, Апенцелѣ, Базелѣ, Бернѣ, Сентъ-Галлѣ, Солотурнѣ, Тессинѣ и Цюрихѣ.

Къ этой категоріи принадлежитъ и Россія. Въ Соединенныхъ Штатахъ бракъ есть не болѣе, какъ простой договоръ, установляемый по согласію двухъ сторонъ, безъ всякихъ формальностей.

«Наши законы—говоритъ г. Филиповъ—признавая бракъ духовнымъ союзомъ и таинствомъ, имѣющимъ цѣлью взаимное вспомоществованіе супруговъ, рожденіе и воспитаніе дѣтей, постановили слѣдующія правила и условія для этого союза: 1) непринужденность воли; 2) запрещеніе вступать въ бракъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства; 3) запрещеніе иновѣрцамъ иностранцамъ вступать въ бракъ съ православными безъ высочайшаго разрѣшенія; 4) запрещеніе всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, за исключеніемъ лютеранско-евангелическаго, вступать въ бракъ съ евреями, магометанами; 5) опредѣленный возрастъ для брачащихся; 6) условія для супруговъ, когда одинъ изъ нихъ еврей или магометанинъ, или язычникъ, а другой христіанинъ; 7) условія для военноплѣнныхъ; 8) къ какой религіи должны принадлежать дѣти родителей разныхъ исповѣданій». Авторъ разсматриваетъ всѣ эти узаконенія въ отдѣльности и вникаетъ «въ ихъ философскія основанія, для того чтобы опредѣлить, въ какой степени они соотвѣтствуютъ наукѣ и нашей общественной жизни». Потому и мы находимъ нужнымъ держаться того же порядка, чтобы намъ удобнѣе было слѣдовать за изложеніемъ автора и дѣлать при этомъ свои замѣчанія, какъ относительно хорошихъ сторонъ этого изложенія, такъ, равнымъ образомъ, и относительно тѣхъ погрѣшностей, какія допущены г. Филиповымъ.

И такъ, прежде всего мы должны говорить

1) *О непринужденности воли.* Такъ какъ бракъ не можетъ быть законно совершенъ безъ взаимнаго и непринужденнаго согласія, потому законъ положительно запрещаетъ: 1) родителямъ своихъ дѣтей, опекунамъ лица ввѣренныя ихъ опекѣ, а помѣщикамъ крѣпостныхъ своихъ людей (*) принуждать ко вступленію въ бракъ противъ ихъ желанія (**); 2) вступать въ бракъ съ безумными и сума-

(*) Высочайше утвержденнымъ положеніемъ о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. (ст. 21) отмѣнено уже запрещеніе ст. 14 Св. Зак. т. X помѣщичьимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ вступать въ бракъ безъ дозволенія ихъ владѣльца, и потому объ этомъ предметѣ не можетъ быть болѣе рѣчи.

(**) Св. Зак. Гражд., т. X. ч. 1-й, ст. 12.—Въ уголовныхъ законахъ нашихъ

сшедшими (*). Вслѣдствіе этого, не признаются законными и дѣйствительными брачныя сопряженія, совершившіяся *по насилію* или *въ сумасшествіи* одного или обоихъ брачившихся (**). Необходимо замѣтить здѣсь, что хотя въ настоящемъ случаѣ законодательство наше говоритъ только о недѣйствительности браковъ, заключенныхъ въ сумасшествіи обоихъ или одного ихъ супруговъ, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что здѣсь, подъ словомъ «сумасшедшій» слѣдуетъ понимать и безумныхъ, т. е. умалишенныхъ отъ рожденія (какъ ясно видно и изъ 6 статьи Зак. Гражд.). При неустановившейся еще у насъ юридической терминологіи, въ Сводѣ Законовъ нѣкоторыя слова не употребляются съ достаточною точностью. Такимъ образомъ и слова: безумный, сумасшедшій, помѣшанный, умалишенный—помѣщены въ немъ, и очень часто, безъ тщательнаго разбора ихъ истиннаго смысла. Указанныя нами статьи Законовъ Гражданскихъ (ст. 6 и 37) служатъ довольно

постановлены и наказанія за такое злоупотребленіе родительской власти. А именно, родители, изобличенные въ принужденіи дѣтей своихъ къ браку, если они православнаго вѣроисповѣданія, подвергаются за это *наказаніямъ или взысканіямъ, опредѣленнымъ правилами, Восточною Каѳолическою Церковію на сіи случаи постановленными, по опредѣленію суда духовнаго.* Лица всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій за принужденіе дѣтей ко вступленію въ бракъ приговариваются, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ сію вину ихъ, къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ, и, буде они христіане, предаются церковному покаянію по распоряженію ихъ духовнаго начальства (Улож. о наказ. ст. 2157).—Лица, по злоупотребленію помѣщичьей власти принудившія крѣпостныхъ людей своихъ ко вступленію въ бракъ противъ воли, подвергались за это наказаніямъ по опредѣленію духовнаго начальства своего исповѣданія. Если же однако ими были для сего употреблены побои или другія истязанія какія-либо, то они приговаривались, сверхъ взысканія по уставамъ церкви, къ одному изъ наказаній, опредѣленныхъ за жестокое обращеніе съ своими крѣпостными людьми (тамъ же, ст. 1979 и 1977).—Опекунъ, изобличенный въ принужденіи какимъ бы то ни было образомъ лица, ввѣреннаго опекѣ его, ко вступленію въ бракъ, подвергается за это высшей мѣрѣ наказаній, опредѣленныхъ въ статьѣ 2187 Уголовнаго Уложенія виновнымъ въ семъ злоупотребленіи власти родителямъ, *кромѣ лишь церковнаго покаянія* (тамъ же, ст. 2171).

(*) Св. Зак. Гражд. ст. 6.

(**) Тамъ же, ст. 37.

убѣдительнымъ тому доказательствомъ (*). Это, безъ всякаго сомнѣнія, объясняется тѣмъ, что Сводъ Законовъ сложился изъ разнородныхъ и разнообразныхъ постановленій, какъ по времени ихъ изданія, такъ равнымъ образомъ и по специальной ихъ цѣли, съ какою первоначально были издаваемы эти постановленія. Потому-то законъ въ одномъ случаѣ (ст. 6) говоритъ вмѣстѣ о безумныхъ и сумасшедшихъ, хотя, конечно безумные должны бы стоять на первомъ планѣ. Нельзя не обратить тутъ вниманія на то обстоятельство, что безумный уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ состоять въ бракѣ, какъ никогда не обладающій самоопредѣленіемъ воли, чего нельзя безусловно сказать о сумасшедшихъ. Сумасшедшіе нерѣдко имѣютъ такъ называемые свѣтлые промежутки (lucida momenta, lucida intervalla), болѣе или менѣе продолжительные. И потому возникаетъ вопросъ, не лишенный и практическаго интереса: если бракъ совершенъ въ такое время, когда одинъ изъ супруговъ, хотя бы и сумасшедшій, не страдалъ временно умственнымъ разстройствомъ, т. е. въ теченіи свѣтлаго промежутка, то будетъ-ли такой бракъ признанъ, на основаніи обще выраженнаго закона, недѣйствительнымъ, или же онъ долженъ остаться въ своей силѣ? Намъ кажется, что если признать это послѣднее толкованіе, то не иначе, какъ подъ условіемъ согласія на то другаго или обоихъ супруговъ. Конечно, справедливо то, что сумасшествіе, какъ болѣзнь, съ теченіемъ времени можетъ пройти. И потому зачѣмъ же бракъ, совершенный при существованіи свободной воли обоихъ супруговъ, признавать, безъ побудительной причины, недѣйствительнымъ? Это, повидимому, не противорѣчитъ и духу нашего законодательства: оно допускаетъ свѣтлые промежутки во время умопомѣшательства, и дѣянія, совершенныя въ теченіе ихъ, признаетъ свободными и потому вмѣняемыми. Въ Уложеніи о наказані-

(*) Говоря объ опекѣ надъ безумными и сумасшедшими, законодательство такъ опредѣляетъ эти термины: *Безумными* признаются не имѣющіе здраваго разсудка съ самаго ихъ младенчества. *Сумасшедшими* почитаются тѣ, коихъ безуміе происходитъ отъ случайныхъ причинъ, и составляя болѣзнь, доводящую иногда до бѣшенства, можетъ наносить обоюдный вредъ обществу и имъ самимъ, и потому требуетъ особеннаго надъ ними надзора (ст. 365 и 366, т. X, ч. 1). Отъ сумасшедшихъ оно отличаетъ *слабоумныхъ* (Улож., ст. 2120).

яхъ (ст. 107) за преступленія, совершенныя лицами въ такомъ состояніи, наказаніе не отмѣняется, а напротивъ, содѣянное вмѣняется въ вину. Какая же можетъ быть разница, въ отношеніи къ свободѣ воли, въ правѣ уголовномъ и въ правѣ гражданскомъ? Конечно, по логической послѣдовательности, такой разницы не должно бы быть. Законъ далъ только общее опредѣленіе объ умалишенныхъ, не дѣлая никакихъ исключеній: онъ или не предвидѣлъ такихъ исключительныхъ случаевъ, или же, напротивъ, вовсе не хотѣлъ давать о нихъ отдѣльныхъ опредѣленій, которыя должны сами собою вытекать изъ общаго духа законодательства. И потому, въ подобныхъ случаяхъ, не упомянутыхъ прямо закономъ, дѣло суда рѣшить—долженъ ли бракъ быть признанъ дѣйствительнымъ или недѣйствительнымъ. И такое рѣшеніе весьма важно не въ отношеніи только самыхъ лицъ, вступившихъ въ бракъ, но и въ отношеніи могущихъ быть отъ такого брака дѣтей, а равно и въ отношеніи лицъ постороннихъ.

По нашимъ законамъ бракъ признается положительно недѣйствительнымъ, какъ скоро онъ заключенъ съ безумнымъ или сумасшедшимъ. Но если бракъ заключенъ въ теченіи свѣтлаго промежутка, то признавать ли его недѣйствительнымъ, когда другой супругъ о томъ не проситъ? Безъ сомнѣнія, этому другому супругу слѣдуетъ предоставить право просить развода, какъ скоро онъ не зналъ, что супругъ подверженъ умопомѣшательству. Тоже самое слѣдуетъ сказать объ одностороннемъ помѣшательствѣ. Но, смотря на предметъ не съ юридической, а медицинской точки, многіе требуютъ, чтобы правительство запрещало браки, какъ скоро одинъ изъ супруговъ одержимъ періодическимъ умопомѣшательствомъ; это требованіе справедливо въ особенности относительно женщинъ: подверженная періодическому умопомѣшательству, женщина не въ состояніи надлежащимъ образомъ заботиться о своихъ дѣтяхъ.

Относительно вопроса о бракахъ сумасшедшихъ, заключенныхъ въ теченіи свѣтлыхъ промежутокъ, въ положительныхъ законодательствахъ вообще нѣтъ постановленій; большею частію законы запрещаютъ вступленіе въ бракъ только помѣшаннымъ и idіотамъ; но такіе браки признаются дѣйствительными въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Польшѣ; напротивъ того, въ Боливіи они

считаются недѣйствительными. Основаніемъ же предоставленія другому супругу права просить о расторженіи брака, главнымъ образомъ, может служить невѣдѣніе этого супруга о сумасшествіи другаго, а обманъ или ошибка законодательствами вообще признаются причинами къ расторженію брака. На основаніи кодекса Наполеона (ст. 146 и 180), бракъ, заключенный безъ свободнаго согласія супруговъ, или одного изъ нихъ, можетъ быть всегда расторгнутъ супругами, или тѣмъ изъ нихъ, который не давалъ на то свободнаго согласія. По мнѣнію юристовъ Merlin и Toullier, если заключенъ бракъ и никто не требовалъ запрещенія и не воспротивился ему, то онъ считается дѣйствительнымъ; однако, если достовѣрно, что безуміе существовало уже до вступленія въ бракъ, то лица, утверждающія, что у больнаго бывали свѣтлые промежутки, должны представить на то доказательства.

Изъ предъидущаго изложенія видно, что относительно 6 и 37 статей Законовъ Гражд. мы считаемъ нужнымъ допустить репрессивное толкованіе. Но, съ другой стороны, тѣ же самыя статьи допускаютъ и толкованіе экстенсивное, распространительное. Гражданскій законъ говоритъ только о безуміи и сумасшествіи, какъ причинахъ недѣйствительности заключенныхъ при такомъ состояніи браковъ. Но онъ упускаетъ изъ виду, что, кромѣ безумія и сумасшествія, могутъ быть и другія болѣзни, при которыхъ нѣтъ самоопредѣляющей воли. Безъ всякаго сомнѣнія, всѣ эти болѣзненныя состоянія должны естественно слѣдовать тѣмъ же самымъ правиламъ, какія постановляетъ законодательство о безуміи и сумасшествіи, такъ-что вообще всякое состояніе, при которомъ предполагается отсутствіе самоопредѣленія воли (безпамятство, опьяненіе и т. п.), должно служить причиною недѣйствительности брака, какъ скоро бракъ совершенъ именно въ такомъ состояніи.

Въ этомъ отношеніи мы основываемся на 2120 статьѣ Уложенія о наказаніяхъ. «Кто, для склоненія кого либо на противное желанію его супружество, приведетъ сіе лицо, посредствомъ какихъ либо напитковъ или инымъ образомъ, въ состояніе *совершеннаго безпамятства* или *кратковременнаго умоизступленія*...., тотъ, по жалобѣ на сіе обманутаго или обманутой, или же родителей ихъ, подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, а буде онъ по за-

кону не изъятъ отъ наказаній тѣлесныхъ, и наказанію плетьми чрезъ палачей въ мѣрѣ, опредѣленной статьею 22 сего Уложенія для первой степени наказаній сего рода», т. е. отъ 20 до 30 ударовъ. Но тотъ, кто воспользуется *сумасшествіемъ* или признаннымъ, по установленному порядку, *слабоуміемъ* какого либо лица, для склоненія его ко вступленію въ бракъ, подвергается за сіе къ наказанію одною степенью ниже противъ опредѣленнаго въ сей статьѣ.

Окончивъ изложеніе вопроса о необходимости для вступающихъ въ бракъ свободнаго изъявленія воли, мы нелишнимъ считаемъ упомянуть здѣсь о глухонѣмыхъ. По римскимъ законамъ (и древнему французскому праву) глухонѣмымъ не дозволялось вступать въ бракъ: такое запрещеніе, безъ всякаго сомнѣнія, основано на томъ, что въ древности такія лица не получали воспитанія и потому не могли выражать своей воли такъ ясно, какъ этого требуютъ гражданскіе законы отъ вступающихъ въ бракъ. Въ настоящее время такого запрещенія нѣтъ. Такимъ образомъ французскіе законы считаютъ бракъ дѣйствительнымъ во всѣхъ случаяхъ, когда глухонѣмой, вступающій въ супружество, какимъ бы то ни было образомъ *ясно выразилъ* свое *согласіе* на бракъ. Изъ одного указа апелляціоннаго суда отъ 30 января 1844 г., подтвердившаго рѣшеніе тулузскаго суда отъ 18 августа 1842 г., ясно видно, что глухонѣмой, не умѣющій ни читать, ни писать, можетъ вступить въ бракъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ способенъ ясно выразить свою волю, и что разгадка знаковъ, которыми онъ ее выражаетъ, представляется на рѣшеніе суда. Тоже выражено и въ рѣшеніи парижскаго суда 3 августа 1855 г. Наши законы (какъ прежніе, такъ и) дѣйствующіе также умалчиваютъ о неспособности или способности глухонѣмыхъ вступать въ бракъ. Наше гражданское законодательство на глухонѣмыхъ обратило вниманіе только въ 381 ст. X т. ч. 1-й, по поводу назначенія надъ ними опеки. Здѣсь постановлено, что глухонѣмые состоятъ подъ опекою до двадцати лѣтъ съ годомъ и потомъ подвергаются освидѣтельствованію. Когда окажется, что свидѣтельствуемый можетъ *свободно изъяснять свои мысли* и *изъявлять свою волю*, то предоставляется ему право управлять и распоряжаться своимъ имуществомъ наравнѣ съ прочими совершеннолѣтними. Надъ глухонѣмыми, не обученными гра-

мотѣ и лишенным всякаго средства пріобрѣтать понятія и выражать свою волю, Правительствующій Сенатъ, вслѣдствіе представленія лицъ, производившихъ освидѣтельствованіе, предписываетъ учредить опеку. Это постановленіе распространяется и на нѣмыхъ. Намъ кажется, что если законодательство способность глухонѣмаго свободно изъяснять мысли и изъявлять свою волю считаетъ необходимымъ условіемъ гражданской правоспособности, то, разумѣется, эта же самая способность должна служить условіемъ для вступленія въ бракъ. Въ этомъ отношеніи наше законодательство согласно будетъ съ взглядомъ французскаго законодательства. И такимъ образомъ, лица, которыя, послѣ достиженія ими совершеннолѣтія и послѣ освидѣтельствованія, будутъ признаны подлежащими опекѣ, должны бы лишиться права на вступленіе въ бракъ, какъ, по словамъ закона, «лишенныя всякаго средства пріобрѣтать понятія и выражать свою волю». Здѣсь можетъ быть вопросъ еще о томъ, какимъ образомъ уравнять сроки: для освидѣтельствованія глухонѣмаго назначенъ 21 годъ, а брачное совершеннолѣтіе наступаетъ съ 18 лѣтъ для лицъ мужескаго пола и 16—для лицъ женскаго. Но какъ скоро глухонѣмой можетъ ясно выразить свою волю на вступленіе въ бракъ, какъ скоро онъ признается способнымъ къ браку родителями или опекунами, то, конечно, какъ этимъ лицамъ, такъ и самому глухонѣмому можетъ быть предоставлено право просить о назначеніи освидѣтельствованія ранѣе срока, опредѣленнаго 381 статьею, освидѣтельствованія особаго, независимо отъ того, какое назначается для признанія лица способнымъ къ самостоятельной гражданской дѣятельности. Такое освидѣтельствованіе будетъ служить достаточнымъ ручательствомъ способности лица къ браку и, съ другой стороны, достаточнымъ средствомъ для устраненія могущихъ быть при этомъ злоупотребленій со стороны родителей, опекуновъ и другихъ лицъ.

Теперь будемъ говорить о насиліи, какъ причинѣ недѣйствительности брака.

Не подлежитъ сомнѣнію, что подъ насиліемъ (ст. 37) законодательство понимаетъ не одно только физическое насиліе, но всякое физическое принужденіе, предшествующее самому вѣнчанію, а равнымъ образомъ и психическое принужденіе. И потому едва ли справедливъ г. Филиповъ, обвиняющій въ этомъ случаѣ наше за-

конодательство. Онъ говоритъ, что «слово насиліе—значитъ взять кого нибудь съ силою, повести въ церковь и обвѣнчать: такъ понимается на практикѣ этотъ законъ». Но если даже и правда, что дѣйствительно большинство такъ понимаетъ у насъ этотъ законъ, то въ этомъ виноватъ уже не законъ, а самая жизнь народа, люди, такъ понимающіе законъ и на основаніи такого пониманія дѣйствующіе. Все, сказанное авторомъ относительно физическаго и психическаго принужденія, совершенно справедливо; и совершенно справедливо его требованіе, что «бракъ долженъ быть признаваемъ недѣйствительнымъ, хотя бы не было насилія, а было доказано впослѣдствіи по суду, что мужчина или женщина были къ нему понуждаемы разными нравственными пытками и тому подобными другими средствами, исключая развѣ тотъ случай, когда сами такіе супруги не захотѣли бы уже расходиться» (стр. 530). Повторяемъ, всего этого не отвергаетъ и нашъ законъ, употребляя общее слово «насиліе». Да и могъ ли даже законъ все это отвергать? Очевидно, нѣтъ. Мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, чтобы законъ былъ такъ близорукъ, такъ неоснователенъ и неразуменъ, чтобы онъ подъ насиліемъ разумѣлъ только одну грубую физическую силу, одно грубое насиліе, одно фактическое вталкиваніе въ церковь, вѣнчаніе связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, силою! И повторяемъ, если на практикѣ законъ и понимается невѣрно и грубо, то тутъ не закона вина, а вина духа жизни народа, вина народныхъ понятій. Тутъ всякій законъ безсиленъ; благодѣтельная мысль его и стремленіе парализуются окончательно дѣйствіями живыхъ людей. Какъ бы ни былъ законъ ясенъ, какъ бы ни былъ точно и подробно выраженъ, онъ не будетъ все-таки въ большей части случаевъ дѣйствительнымъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся народныя убѣжденія и воззрѣнія, пока онъ не въѣстся, такъ сказать, въ плоть и кровь самаго народа, не сростется съ его понятіями. У насъ и теперь еще, въ низшихъ слояхъ общества, существуетъ убѣжденіе, что отецъ и мать имѣютъ право женить сына, выдать дочь замужъ, не въ смыслѣ способствованія къ браку, а въ томъ смыслѣ, что бракъ въ полной мѣрѣ зависитъ отъ родительской власти, т. е. что во власти родителей не только дозволить или не дозволить бракъ, но и принудить даже къ браку. Въ этомъ отношеніи нашъ народъ недалеко еще ушолъ отъ понятій древней Руси о правахъ власти

родительской и о правахъ самихъ дѣтей къ самопроизвольному дѣйствованію. Если сами родители считаютъ себя въ правѣ «женить» и «выдавать замужъ» своихъ сыновей и дочерей, если дѣти съ той же точки смотрятъ на права родителей; то понятно, что тутъ не властенъ никакой законъ, какъ бы онъ ясенъ, подробенъ, справедливъ и строгъ ни былъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право сказать (вопреки г. Филиппову), что непринужденность воли брачащихся ограничивается не закономъ, вовсе не желающимъ и даже преслѣдующимъ такія ограниченія, а именно народною жизнью, народными понятіями.

Можно сослаться на 2119 статью Уложенія о наказаніяхъ, въ подтвержденіе того, какъ смотритъ наше законодательство на насиліе и какому строгому наказанію присуждаетъ виновныхъ въ немъ. Въ этой статьѣ постановлено, что «кто, *чрезъ насиліе или угрозы* такого рода и въ такихъ обстоятельствахъ, что угрожаемый или угрожаемая могли и должны были считать себя въ опасности, принудитъ кого либо къ вступленію съ собою въ бракъ, тотъ, по жалобѣ, принесенной на сіе лицомъ, противъ воли съ нимъ въ супружество вступившимъ, или родителями онаго, или опекунами, подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ четырехъ до шести лѣтъ, а буде онъ по закону не изъятъ отъ наказаній тѣлесныхъ, и наказанію плетьми чрезъ палачей въ мѣрѣ, опредѣленной статьею 21 сего Уложенія для седьмой степени наказаній сего рода (т. е. отъ 30 до 40 ударовъ), съ наложеніемъ клеймъ». Въ слѣдующихъ 2121 и 2122 статьяхъ назначены наказанія для священно-и церковнослужителей и свидѣтелей, участвовавшихъ при совершеніи такого брака.

Въ Сводѣ Гражданскихъ Законовъ ничего не говорится о недѣйствительности браковъ, заключенныхъ по ошибкѣ или вслѣдствіе обмана. Но очевидно, что и у насъ, какъ и вездѣ, если бы представились въ практикѣ случаи судебнаго разбирательства, такіе браки были бы признаны недѣйствительными: ибо при ошибкѣ или обманѣ недостаетъ главнаго условія для дѣйствительности брака— обоюднаго согласія брачащихся. Въ Уголовномъ же Уложеніи постановлено, что тотъ, кто успѣетъ *чрезъ обманъ* совершить бракъ лица не съ тѣмъ, которое было имъ избрано, тотъ подвергается за

это (по жалобѣ обманутаго или обманутой, или же родителей ихъ) лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири (ст. 2120).

Условіемъ для вступленія въ бракъ полагается, далѣе, дозволеніе родителей, опекуновъ и попечителей. У Римлянъ, гдѣ семейная связь была гораздо тѣснѣе, бракъ, заключенный лицомъ, состоящимъ подъ отеческой властью, безъ разрѣшенія этой власти, признавался ничтожнымъ. Конечно, не могло быть вопроса о дозволеніи со стороны матери, такъ-какъ сама она находилась подъ властью мужа; и если церковь, по правиламъ христіанской морали, повелѣвала въ одинаковой степени почитать и отца и мать, тѣмъ не менѣе въ теченіи многихъ вѣковъ гражданскій законъ имѣлъ полную силу. Однако, въ католической церкви, уже въ декреталіяхъ Григорія IX находимъ правило, что бракъ, заключенный безъ дозволенія отца, не есть еще ничтоженъ самъ по себѣ; и если отецъ не протестуетъ, то бракъ остается и получаетъ потомъ полную силу. Это правило было освящено Трентскимъ соборомъ и съ тѣхъ поръ сдѣлалось правиломъ каноническаго права. И до сихъ поръ оно еще примѣняется, такъ-какъ во многихъ странахъ и теперь относительно супружества слѣдуютъ каноническому праву. Послѣдствіемъ нарушенія запрещенія вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей бываетъ или денежный штрафъ (амеида), какъ напр. въ Соединенныхъ Штатахъ, или же лишеніе наслѣдства, что предоставлено власти родителей (въ Луизіанѣ, Польшѣ, Сардиніи, Швеціи, Базелѣ) (*). Но такъ какъ отказъ родителей въ разрѣшеніи на бракъ можетъ быть несправедливымъ или же несогласнымъ съ выгодами дѣтей, то такое разрѣшеніе можетъ быть дано государемъ, какъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, или же дѣти могутъ прямо апеллировать въ судъ, какъ въ Южной Америкѣ, Испаніи, Португаліи, Англіи, Голландіи, Пруссіи, Іоническихъ островахъ, Швеціи, Базелѣ и, наконецъ, у насъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ. Въ Сардиніи супруги, чтобы отстранить отъ себя эксгередитацію, могутъ оправдываться передъ сенатомъ, что отказъ не имѣлъ никакихъ законныхъ поводовъ. Согласіе роди-

(*) По древнему французскому праву родители также имѣли право лишать въ этомъ случаѣ дѣтей наслѣдства (по декларацін 1639 г. ст. 27) и даже требовать возвращенія дара по неблагодарности (эдиктъ 1556).

телей требуется вообще даже и по достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія и до тѣхъ поръ, пока имъ не минетъ отъ 25 до 30 лѣтъ. Но иногда оно необходимо только во время ихъ несовершеннолѣтія (Австрія, Голландія, Данія, Англія, Іоническіе острова, Луизіана, Польша). Даже по общему германскому праву дѣти, объявленныя совершеннолѣтними, не имѣютъ нужды въ дозволеніи родителей на бракъ.

У насъ нѣтъ указаній, чтобы каноническія постановленія относительно дозволенія родителей на вступленіе дѣтей въ бракъ въ древней Руси дѣйствовали съ полною силою; но судя по той практической важности, какую имѣли у насъ каноническія постановленія вообще, можно допустить, что это правило дѣйствовало съ полною силою. Необходимость согласія родителей на вступленіе дѣтей въ бракъ была подтверждена Петромъ Великимъ въ 1722 г. (12 апр., П. С. З. № 3963 п. 16 ст. 14), и это правило вошло и въ настоящее изданіе Свода Законовъ.

Г. Филиповъ говоритъ, что справедливый законъ о непринужденности воли, какъ условіи для брака, ограниченъ нѣкоторыми другими узаконеніями и потому невполнѣ достигаетъ благодѣтельной цѣли въ нашемъ обществѣ. Онъ указываетъ именно на 6 статью: «запрещается вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей, опекуновъ или попечителей». Но этотъ законъ, какъ ясно видно изъ самаго смысла его, вовсе не ограничиваетъ другаго закона, о непринужденности воли при совершеніи брака: эта непринужденность воли при бракѣ остается во всей силѣ, а ограничивается только право дѣтей, по своему усмотрѣнію, вступать въ бракъ, безъ дозволенія родителей, опекуновъ и попечителей. Конечно, такое ограниченіе, безусловно выраженное въ законѣ, весьма стѣснительно, а потому и самый законъ представляется несправедливымъ. Онъ прямо *требуетъ дозволенія* на бракъ родителей, опекуновъ или попечителей; прямо *запрещаетъ* вступать въ бракъ безъ такого дозволенія. Но стѣснительность этого строгаго закона весьма много ослабляется и парализируется въ жизни дѣйствительной. Запрещеніе закона вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей на практикѣ принимаетъ такой характеръ, что вовсе не нужно еще, чтобы непремѣнно было со стороны родителей формальное дозволеніе; бракъ совершается и безъ такого дозволенія, лишь бы родителями

не было положительно заявлено противное, т. е. *запрещеніе* дѣтямъ вступать въ бракъ. Какъ скоро нѣтъ такого положительнаго запрещенія, бракъ безпрепятственно совершается, родители считаются давшими молча свое согласіе (tacito consensu). Но прежде, чѣмъ скажемъ о послѣдствіяхъ для брачащихся безъ дозволенія родителей, посмотримъ, какъ понимаетъ этотъ законъ (ст. 6-ю) г. Филиповъ.

Мы находимъ, что толкованіе г. Филипова на эту статью Свода Законовъ совершенно невѣрное (стр. 528—530). Законъ говоритъ: «запрещается вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей, опекуновъ и попечителей»(¹). Слѣдовательно, законъ говоритъ вообще, какъ о мужчинахъ, такъ и о женщинахъ; сила его въ одинаковой мѣрѣ распространяется какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ. Между тѣмъ, по словамъ г. Филипова выходитъ, что законъ какъ будто касается только лицъ женскаго пола. «Самъ законъ,—говоритъ авторъ,—отдалъ дѣвицу совершенно во власть родителей и опекуновъ: онъ прямо запрещаетъ, безъ разрѣшенія опекуновъ и родителей, вѣнчать кого либо, при чемъ онъ не опредѣляетъ даже возраста, до котораго *мы* должны подчиняться этому постановленію. . . .Такимъ образомъ, дѣвица становится на всю жизнь у своихъ родителей въ самую тѣсную зависимость и безъ ихъ позволенія, она не можетъ избрать себѣ мужа . . . . Положеніе же мужчины въ обществѣ совершенно другое: отъ власти родительской относительно брака онъ отдѣлывается тѣмъ, что *въ законѣ не выговорено, что для вступленія ему въ бракъ*, кромѣ согласія начальства, *требуется еще и согласіе родителей;* потому на практикѣ принято, что съ мужчины, когда онъ на службѣ, требуется согласіе его начальства, а такъ-какъ *не постановлены никакія послѣдствія за обвѣнчаніе*

---

¹ Въ примѣчаніи къ этой статьѣ сказано, что «запрещеніе вступать въ бракъ *безъ согласія* опекуновъ и попечителей надлежитъ считать въ дѣйствіи съ 1 января 1835 года, не присвояя ему обратной силы». Понятно, что это примѣчаніе совершенно излишне было и прежде, а въ настоящее время оно уже физически неприложимо: дозволеніе опекуновъ и попечителей, естественно, требуется только до совершеннолѣтія (21 года), но всѣ, рожденные до 1 января 1835 года, давно уже имѣютъ свыше 25 лѣтъ и не могутъ состоять ни подъ опекой, ни подъ попечительствомъ. Зачѣмъ это примѣчаніе попало въ Сводъ Законовъ изд. 1857 г., когда оно давно уже сдѣлалось совершеннѣйшимъ анахронизмомъ!

его безъ согласія родителей, то оно вовсе и не требуется, хотя бы вѣнчающійся и былъ внѣ службы. . . .». Изъ приведенныхъ нами мѣстъ ясно видно, что авторъ обмолвился: требованія закона совершенно одинаковы для обоихъ половъ, и никакъ нельзя сказать, будто въ законѣ не выговорено, что для брака мужчины не требуется согласіе родителей: въ законѣ прямо сказано, что запрещается вступать (подразумѣвается, конечно, всѣмъ безъ исключенія) безъ дозволенія родителей; стало быть, положительно закономъ выговорено, что и для мужчинъ нужно родительское согласіе (*). И законъ, требующій сверхъ того дозволенія начальства на вступленіе въ бракъ для лицъ, состоящихъ на службѣ, есть только новое, дополнительное условіе для такихъ лицъ, нисколько не отмѣняющее, ни измѣняющее, даже нисколько не ограничивающее первое условіе, т. е. дозволеніе со стороны родителей на вступленіе въ бракъ. И потому, по отношенію къ этому закону, равному для всѣхъ, одинаково требовательному, уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущена мысль, выраженная авторомъ, мысль, что женщины въ правѣ сказать, что «законы писались мужчинами, потому и вся тяжесть ихъ падаетъ на однихъ слабыхъ женщинъ». Если тяжесть этого закона, какъ дѣйствительно и есть въ жизни, падаетъ преимущественно на женщинъ (говоримъ преимущественно, но не исключительно), то тутъ уже вина не самаго закона, а того положенія, той общественной роли, какая выпала на долю женщины. Мужчину освобождаетъ не законъ, а общество, точно также какъ тоже самое общество, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ защитить и женщину отъ требованій того же закона. Какъ скоро мужчина и женщина стоятъ на одной и той же линіи, законъ въ одинаковой мѣрѣ или тяготѣетъ надъ ними, или же устраняется. Сынъ, живущій въ родительскомъ домѣ, подчиняется въ одинаковой мѣрѣ волѣ родительской относительно вступленія въ бракъ, какъ и дочь, живущая при родителяхъ. Равнымъ образомъ и дочь, живущая внѣ родительскаго дома, можетъ не чувствовать тягости закона, какъ и сынъ, находящійся не при родителяхъ. На практикѣ (какъ мы уже замѣтили выше) и

(*) Справедливость нашихъ словъ вполнѣ подтверждается и формою брачнаго обыска (п. 6), и, какъ увидимъ, постановленіями Уголовнаго Уложенія.

сынъ и дочь могутъ вступить въ бракъ и безъ дозволенія родителей: бракъ дѣйствителенъ и не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій, развѣ такое вступленіе явно будетъ вопреки волѣ родительской, или же родители будутъ требовать, жаловаться, что бракъ совершенъ, вопреки закону, безъ ихъ дозволенія. И тутъ, какъ для сына, такъ и для дочери, наступаетъ одинаковая отвѣтственность, наступаютъ одинаковыя послѣдствія. Повторяемъ, авторъ ошибся, обмолвился; такихъ ошибокъ въ его сочиненіи мы встрѣчаемъ достаточно.

Болѣе невыгодное положеніе женщины, какъ мы сказали уже, происходитъ не по винѣ закона, но зависитъ отъ самаго общественнаго ея положенія. Это особое, исключительное положеніе женщины въ обществѣ и объясняетъ существованіе въ законодательствѣ наказанія за похищеніе и увозъ дочерей отъ родителей, для вступленія съ ними въ бракъ (2118 ст. Уложен. о наказан.); въ этомъ положеніи женщины находитъ основаніе и тотъ скандалъ, на который указываетъ авторъ и который влечетъ за собою тайное оставленіе дочерью родительскаго дома для вступленія въ бракъ. Авторъ указываетъ при этомъ, что въ законѣ не выговорено объ отвѣтственности за увозъ женщинъ отъ опекуновъ (прибавимъ—и попечителей). Напротивъ, въ 2118 статьѣ положительно означено наказаніе за это, наказаніе, совершенно одинаковое какъ и за увозъ дочерей отъ родителей. Авторъ спрашиваетъ также, подвергается ли отвѣтственности (въ случаѣ похищенія или увоза дочерей отъ родителей, для вступленія въ бракъ) одинъ лишь женихъ или и невѣста? Но если бы авторъ потрудился справиться съ Уложеніемъ о наказаніяхъ, онъ нашелъ бы тамъ положительный отвѣтъ, не возбуждающій ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ 2118 статьѣ Уложенія прямо сказано, что «когда похищеніе учинено съ согласія похищенной, то *виновные*, по жалобѣ родителей, опекуновъ той или другой стороны, приговариваются: *похититель* къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года, а *согласившаяся на похищеніе* къ заключенію настолько же времени въ монастырѣ, ежели есть и находятся въ предѣлахъ имперіи обители того вѣроисповѣданія, къ коему она принадлежитъ, или же къ уединенной жизни въ домѣ ея родителей или опекуновъ, подъ ихъ строгимъ присмотромъ. По просьбѣ приносив-

шихъ жалобу родителей или опекуновъ, время заключенія виновныхъ можетъ быть сокращено». И понятно, что не справившись съ Уложеніемъ, авторъ заключилъ, что законъ не ясенъ будто бы. Опредѣленіе наказаній—это не дѣло гражданскаго закона; для того существуетъ Уголовное Уложеніе. И того уже много, что гражданскій законъ ссылается на статью Уложенія: авторъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ указаніемъ и не затруднился обвинять законъ будто въ недомолвкахъ. Это уже совершенно непростительно.

Весьма основательно замѣчаніе автора относительно того, что въ законѣ не опредѣлено возраста, до котораго существуетъ обязанность дѣтей испрашивать дозволеніе родителей на вступленіе въ бракъ. По буквальному смыслу, дѣйствительно, выходитъ такъ, что такая обязанность не имѣетъ себѣ никакихъ предѣловъ въ возрастѣ дѣтей, и, слѣдовательно, по тому же буквальному смыслу, шестидесятилѣтній старикъ, вздумавшій на закатѣ дней своихъ вступить въ бракъ, если онъ имѣетъ живыхъ родителей, долженъ бы подчиниться требованію закона, т. е. просить у родителей дозволенія на такой бракъ. Конечно, на практикѣ, вѣроятно, не встрѣчается подобныхъ комическихъ выраженій правъ власти родительской: какъ скоро законъ ведетъ къ смѣшному, онъ устраняется отъ дѣйствія живыми людьми, ихъ здравыми житейскими понятіями и воззрѣніями.

Авторъ замѣчаетъ далѣе, что въ законѣ не выговорено, должны ли вдовы подчиняться относительно новаго брака своимъ родителямъ. Безъ сомнѣнія, по смыслу обще выраженнаго закона, и вдовцы и вдовы должны подчиниться дѣйствію его, какъ скоро за нихъ не заступается практика. И въ этомъ случаѣ убѣдительнымъ подтвержденіемъ могутъ служить уголовныя постановленія. Да и какое разумное основаніе лежитъ въ допущеніи разницы между лицами безбрачными и вдовыми относительно подчиненія ихъ испрашивать дозволеніе родителей на вступленіе въ бракъ?

Но вотъ вопросъ, имѣющій и практическое значеніе, но не разрѣшаемый нашимъ законодательствомъ прямо. Лицо, состоящее подъ опекою, т. е. не имѣющее еще полнаго совершеннолѣтія (двадцати съ годомъ), можетъ, съ согласія опекуна и по достиженіи такъ называемаго церковнаго брачнаго совершеннолѣтія (для

мужчинъ 18, а для женщинъ 16 лѣтъ), вступить въ бракъ, въ непродолжительномъ времени овдовѣть и потомъ вновь пожелать вступить въ бракъ, прежде достиженія полнаго совершеннолѣтія. Какимъ образомъ долженъ примѣняться здѣсь законъ, требующій опекунскаго дозволенія на вступленіе въ бракъ? Относительно лицъ мужескаго пола здѣсь не можетъ быть сомнѣнія: такъ-какъ вступленіе въ бракъ не прекращаетъ для нихъ опеки прежде достиженія полнаго совершеннолѣтія, то естественно, что вдовый, но несовершеннолѣтній, состоящій подъ опекою мужчина, долженъ вполнѣ подчиниться дѣйствію общаго закона, изложеннаго въ 6 ст. Зак. Гражд., т. е. обязанъ на вступленіе въ новый бракъ испрашивать опекунскаго дозволенія. Въ нѣсколько иное положеніе въ этомъ случаѣ становится женщина. Законъ во многихъ случаяхъ (см. ст. 295, п. 4, 9, 323, 325, 362 и др.) выражаетъ ту мысль, что съ выходомъ женщины въ замужество опека надъ нею или вовсе прекращается, или же переходитъ къ мужу. Но если мужъ умретъ прежде достиженія его женою полнаго совершеннолѣтія, то, спрашивается: назначается ли надъ несовершеннолѣтнею вдовою вновь опека, или же не назначается? Законъ объ этомъ ничего не упоминаетъ, между тѣмъ подобные случаи въ практикѣ могутъ встрѣчаться весьма нерѣдко, и намъ не извѣстно, какимъ образомъ въ такихъ обстоятельствахъ поступаетъ практика. Мы думаемъ, что по духу законодательства и въ этихъ случаяхъ опека должна бы имѣть свое мѣсто: вопервыхъ потому, что какъ для мужчины женитьба не измѣняетъ его положенія въ отношеніи къ опекѣ, такъ и для женщины замужество не должно бы измѣнять ея положенія въ отношеніи къ опекѣ, и вовторыхъ, самъ законъ на мужа смотритъ, какъ на законнаго опекуна своей несовершеннолѣтней жены, и потому, какъ скоро такая мужнина опека прекращается его смертью, должна бы быть назначена надъ несовершеннолѣтнею вдовою новая опека на общемъ основаніи. Мы не находимъ разумнаго основанія, почему бы женщина должна стать въ иное положеніе, чѣмъ мужчина, при существованіи одинаковыхъ обстоятельствъ. Если это такъ, то само собою разумѣется, что несовершеннолѣтняя вдова, подпавшая вновь опекѣ, при желаніи ея вступить въ новый бракъ, обязана, на общемъ основаніи, испросить на то дозволеніе опекуна.

Мы необходимымъ считаемъ здѣсь замѣтить, что высказанное г. Филиповымъ желаніе, что бы законъ опредѣлялъ возрастъ, до котораго человѣкъ долженъ подчиняться родителямъ *или опекунамъ* (*) относительно брака, находимъ совершенно основательнымъ. Власть родительская должна же имѣть свои предѣлы, при современныхъ понятіяхъ объ этой власти. Цѣль закона нельзя, по нашему мнѣнію, объяснять иначе, какъ желаніемъ, чтобы лица несовершеннолѣтнія не заключали браковъ необдуманныхъ. Законъ и назначилъ въ этомъ случаѣ контроль родителей и опекуновъ. И какъ скоро лицо, по достиженіи 21 года, признается вполнѣ совершеннолѣтнимъ, вполнѣ гражданиномъ, способнымъ ко всякой самостоятельной общественной дѣятельности, то къ чему же, спрашивается, стѣснять его свободу въ отношеніи вступленія въ бракъ? Несостоятельность закона, ограничивающаго свободу лица относительно вступленія въ бракъ, совершенно очевидна. Для большей разительности мы представимъ примѣръ. Государство, принимая во вниманіе способности, дѣятельность и т. п. качества въ какомъ-нибудь молодомъ человѣкѣ, положимъ лѣтъ 27-ми, успѣвшемъ пріобрѣсть уже извѣстность по своей общественной дѣятельности,—ввѣряетъ ему въ военное время главное начальство надъ цѣлымъ войскомъ или частью войска. Слѣдовательно, государство ввѣряетъ ему участь, самую жизнь цѣлыхъ тысячъ людей, полагаясь совершенно на его благоразуміе и распорядительность. И вотъ, тоже самое лицо, пользующееся такимъ важнымъ довѣріемъ государства, располагая судьбою тысячъ людей и благосостояніемъ цѣлаго края, многихъ областей, это самое лицо, вознамѣрившись вступить въ бракъ, обязано спрашивать на то дозволенія родителей, какъ бы недостаточно развитое, чтобы посту-

(*) Къ чему же говорить объ опекунахъ? Самъ авторъ, нѣсколько выше, замѣтилъ уже прямо, что «этотъ вопросъ разрѣшается только косвенно относительно опекуновъ: опека существуетъ только до совершеннолѣтія опекаемаго; само собою разумѣется, что съ уничтоженіемъ опеки уничтожается и самое подчиненіе даннаго лица опекуну». И вопросъ разрѣшается вовсе уже не косвенно, а положительно; и зачѣмъ требовать отъ законодательства такихъ постановленій, которыя ясно вытекаютъ сами собою, несомнѣнно подразумѣваются? Законодательство не обязано вовсе думать за насъ или предполагать въ насъ дѣтей.

пить въ этомъ важномъ актѣ жизни по собственному усмотрѣнію, руководствуясь собственнымъ благоразуміемъ! Ясно, что такое стѣсненіе его свободы совершенно несправедливо и оскорбительно. Зачѣмъ законъ родителей считаетъ всегда болѣе благоразумными, нежели дѣтей, находящихся въ полномъ цвѣтѣ всѣхъ душевныхъ силъ? Зачѣмъ законъ не предвидитъ могущаго быть со стороны родителей каприза, или, если предвидитъ, то не хочетъ устранить его?

Однако, по многимъ другимъ соображеніямъ, можно заключить, что и нашъ законъ вовсе не хотѣлъ дать такой обширной власти родителямъ относительно браковъ дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ хотѣлъ силу этой власти распространить только на дѣтей, недостигшихъ полнаго совершеннолѣтія. Такое предположеніе прежде всего основывается на сравненіи власти родительской съ властью опекунской. Имѣвшій несчастіе лишиться родителей, по достиженіи совершеннолѣтія, получаетъ полную свободу дѣйствій и устроенія своей участи; имѣющій же родителей отдается имъ въ полную, ничѣмъ неограниченную власть. Справедливо замѣчаетъ г. Филиповъ, что раціоналенъ законъ, данный для губерній черниговской и полтавской, относительно права дѣвицы обращаться въ судъ, когда ей родители или опекуны препятствуютъ вступить въ бракъ, и справедливо требованіе его о расширеніи предѣловъ этого закона для всей имперіи. Но чтобы устранить могущія происходить жалобы дѣтей на родителей и поддержать, до извѣстной степени, значеніе власти родительской, было бы еще справедливѣе назначить 21-лѣтній возрастъ тѣмъ терминомъ, до наступленія котораго существуетъ обязанность испрашивать дозволенія родителей на вступленіе въ бракъ. Отсутствіе такого дозволенія и возникшія на то жалобы родителей и опекуновъ и предъ закономъ не пользуются большимъ значеніемъ: законъ назначаетъ только наказаніе какъ бы за неуваженіе къ власти родителей и опекуновъ; но браки все-таки не признаетъ недѣйствительными. Значитъ, законъ дѣлаетъ только необходимую уступку. Притомъ, независимо отъ назначенія возраста, слѣдовало бы еще назначить срокъ, въ теченіи котораго жалобы родителей и опекуновъ должны быть принимаемы въ уваженіе, а самое наказаніе назначаться не безусловно, но по соображеніи обстоятельствъ, сопровождавшихъ самое заключеніе брачнаго союза. Наконецъ, дѣти должны имѣть право, въ случаѣ

неосновательнаго отказа родителями или опекунами въ дозволеніи на бракъ, обращаться въ судебное мѣсто. Только при такихъ условіяхъ дозволеніе родителей и опекуновъ на бракъ будетъ имѣть вполнѣ раціональное основаніе.

Желаніе наше объ ограниченіи власти родителей, опекуновъ и попечителей относительно изъявленія ими согласія на бракъ дѣтей и питомцевъ было бы въ нѣкоторой мѣрѣ удовлетворено, если бы къ лицамъ, принадлежащимъ къ православному исповѣданію, были примѣнены нѣкоторыя соотвѣтственныя правила, какія постановлены для лицъ евангелическо-лютеранской церкви. Въ Уставѣ этой церкви (Св. Зак. т. XI, ч. 1-й) находимъ, что недостигнувшіе полнаго, законами опредѣленнаго, совершеннолѣтія, то есть двадцать втораго года, не могутъ обручиться и сочетаться бракомъ безъ согласія своихъ родителей. Когда живы отецъ и мать, то нужно согласіе, изъявленное отцомъ; если же отецъ умеръ, или въ безвѣстной отлучкѣ, то испрашивается согласіе матери. Для бракосочетанія несовершеннолѣтнихъ, лишенныхъ родителей, нужно согласіе опекуновъ или попечителей (ст. 201). Родители могутъ даже и совершеннолѣтнимъ дѣтямъ своимъ не дозволять вступленія въ преднамѣреваемый ими бракъ, но не иначе, какъ по законнымъ, достаточнымъ для сего, причинамъ, которыя они обязаны объяснить предъ надлежащимъ присутственнымъ мѣстомъ (ст. 202). Достойныя уваженія причины для отказа въ согласіи родителей на бракъ дѣтей совершеннолѣтнихъ суть слѣдующія: 1) Если то лице, съ коимъ ихъ сынъ или дочь желаютъ вступить въ бракъ, приговорено къ позорному наказанію, или къ лишенію чести. 2) Если доказано, что сіе лице предано пьянству, распутству, безумной расточительности, или инымъ грубымъ порокамъ. 3) Если оно одержимо заразительною или падучею болѣзнію. 4) Если оно своихъ родителей, или прародителей, или же родителей или прародителей другой стороны, грубо и съ намѣреніемъ оскорбило ругательствомъ, или иными обидными для чести ихъ поступками, и не получило въ семъ прощенія ихъ. 5) Если дѣти не испрашивая, или не получивъ дозволенія на бракъ, дали тайное рѣшительное въ томъ обѣщаніе, или же похищеніемъ и иными непозволительными средствами старались вынудить сіе дозволеніе. 6) Если другая сторона была уже разведена и въ разводномъ приговорѣ признана

виновною. 7) Если въ лѣтахъ, воспитаніи и образованіи сторонъ слишкомъ большое неравенство. 8) Если другая сторона исповѣдуетъ не христіанскую вѣру (ст. 203). Что же касается опекуновъ и попечителей, то они и несовершеннолѣтнимъ ихъ питомцамъ могутъ отказывать въ согласіи на вступленіе въ бракъ не иначе, какъ только по исчисленнымъ выше причинамъ (прим. къ 203 ст.).

Мы выше указали уже, какія постановленія относительно этого предмета существуютъ въ иностранныхъ законодательствахъ.

Относительно послѣдствій для вступившихъ въ бракъ безъ дозволенія родителей или опекуновъ, наше законодательство отчасти согласно съ нѣкоторыми иностранными законодательствами, отчасти расходится въ этомъ съ ними. Именно, въ 2135 статьѣ Уложенія о наказаніяхъ постановлено, что за вступленіе въ бракъ *явно или тайно противъ рѣшительнаго запрещенія родителей, или безъ испрошенія согласія ихъ*, виновные, по принесенной на сіе отъ родителей жалобѣ, подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за похищеніе незамужней женщины (ст. 2118 Уложенія), учиненное съ согласія самой похищенной, и, сверхъ того, *лишаются права наслѣдовать по закону въ имѣніи того изъ родителей, котораго они оскорбили своимъ неповиновеніемъ*. Этимъ закономъ положительно опровергается то толкованіе, какое даетъ г. Филиповъ 6-й статьѣ (о чемъ мы уже выше говорили): законъ остается безъ дѣйствія только тогда, когда нѣтъ прямой жалобы со стороны родителей на ихъ дѣтей, вступившихъ безъ ихъ дозволенія въ бракъ. Притомъ, законъ не различаетъ браки какъ явно, такъ и тайно совершенные; не различаетъ также, заключенъ ли бракъ вопреки рѣшительному запрещенію родителей, или же только безъ испрошенія ихъ согласія. И на основаніи этого же закона составлена и форма брачнаго обыска (прилож. къ 26 ст. Закон. Гражд. X т. ч. 1-й), въ 6 п. которой прямо сказано, что въ брачномъ обыскѣ слѣдуетъ означить, что желающіе вступить въ бракъ къ бракосочетанію приступаютъ по своему взаимному согласію и желанію и на то *имѣютъ отъ родителей своихъ, или опекуновъ, или попечителей дозволеніе;* если же родителей нѣтъ въ живыхъ, то это должно быть оговорено.

Законъ эксгередитацію назначаетъ прибавочнымъ наказаніемъ

за вступленіе дѣтей въ бракъ безъ дозволенія родительскаго; но это наказаніе можетъ быть и устранено. «Родителямъ,—прибавляетъ этотъ законъ,—однакожъ, предоставляется впослѣдствіи, по усмотрѣнію своему, въ духовномъ завѣщаніи или другомъ законно составленномъ актѣ, или же въ просьбѣ или иной бумагѣ на имя какого-либо судебнаго или правительственнаго мѣста или лица, объявить, что они прощаютъ виновныхъ и возстановляютъ права ихъ на наслѣдованіе ихъ имѣніемъ вполнѣ или частію».

Относительно же лицъ, вопреки общихъ или особенныхъ по сему предмету постановленій, вступившихъ въ бракъ безъ испрошенія надлежащимъ образомъ дозволенія своихъ опекуновъ, въ законѣ (ст. 2136 Уложенія о наказаніяхъ) сказано, что, по принесенной опекунами жалобѣ, подвергаются они аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ.

Наконецъ, нелишнимъ считаемъ высказать здѣсь наши соображенія еще по одному вопросу, касающемуся закона объ испрошеніи опекунскаго разрѣшенія на бракъ лицъ подопечныхъ. Въ законѣ постановлено (231 ст. X т. ч. 1-й), что когда въ завѣщаніи опекуна не назначено, а оставшійся въ живыхъ отецъ или мать сей обязанности на себя не примутъ, то опекуны избираются и опредѣляются правительствомъ. Положимъ, что дѣйствительно представляется такой случай. Спрашивается: въ случаѣ вступленія въ бракъ лица, состоящаго подъ такою опекою, при существованіи въ живыхъ одного изъ его родителей, достаточно ли одного родительскаго дозволенія, или же нужно совмѣстное дозволеніе и родителя (отца или матери) и назначеннаго правительствомъ опекуна? При молчаніи закона на этотъ случай, намъ кажется, слѣдуетъ принять, что дозволеніе родительское устраняетъ требованіе дозволенія со стороны опекуна. Это мнѣніе, кажется, совершенно достаточно подкрѣпляется исключительнымъ закономъ, дѣйствующимъ для губерній черниговской и полтавской (ст. 264). Тамъ именно, какъ исключеніе, постановлено, что для вступленія въ бракъ состоящихъ подъ опекою дѣвицъ требуется согласіе ихъ опекуновъ, хотя бы онѣ находились при своей матери. Вотъ отсюда мы и выводимъ наше заключеніе. Кстати, прибавимъ здѣсь также и то замѣчаніе, что дозволеніе на бракъ должно принадлежать только роднымъ отцу и матери, но ни въ какомъ случаѣ вотчиму или

мачихѣ. Это прямо вытекаетъ изъ буквальнаго смысла закона, требующаго на бракъ дѣтей родительскаго согласія.

2) Запрещеніе вступать лицамъ въ бракъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства.

Здѣсь авторъ разсматриваетъ 23, 64 и 37 статьи Зак. Гражд. «Коренной нашъ законъ,—говоритъ онъ,—по предмету брака лицъ, находящихся въ родствѣ, есть тотъ, что этотъ вопросъ долженъ разрѣшаться по правиламъ той религіи, къ которой принадлежитъ данное (?) лицо. Относительно же православныхъ *прямо выговорено*, что имъ запрещается вступать въ бракъ съ *родственниками и свойственниками до четвертой степени включительно*». Замѣтимъ, что изъ этихъ словъ видно, что авторъ свое сочиненіе писалъ, такъ сказать, свободно, вольно, не заботясь много о томъ, согласны ли его слова съ закономъ или нѣтъ. Память нерѣдко измѣняетъ, и авторъ, полагаясь слишкомъ на нее, впадаетъ въ ошибки. Такъ и здѣсь. Законъ, во первыхъ, постановляетъ только, что «запрещается вступать въ бракъ въ степеняхъ родства и свойства, церковными законами возбраненныхъ» (ст. 23); что законными и дѣйствительными не признаются «брачныя сопряженія лицъ, состоящихъ въ близкомъ, то есть въ запрещенныхъ церковными правилами степеняхъ, кровномъ или *духовномъ* родствѣ и свойствѣ» (ст. 37 п. 2); и что «во всѣхъ вообще христіанскихъ исповѣданіяхъ запрещается совершать браки въ степеняхъ *родства*, возбраненныхъ правилами той церкви, къ коей принадлежатъ сочетающіяся лица» (ст. 64). На эти же статьи ссылается и самъ авторъ, и другихъ статей, касающихся того же предмета, въ Законахъ Гражданскихъ нѣтъ: Откуда же авторъ взялъ, будто относительно православныхъ *прямо выговорено*, что имъ воспрещается вступать въ бракъ *съ родственниками и свойственниками* (!?) до четвертой степени включительно? Авторъ, какъ видно, вспомнилъ—что-то подобное и гдѣ-то существуетъ у насъ, но что именно и гдѣ,—онъ не потрудился провѣрить свою память. И въ изданіи Свода Зак. 1842 г. не было постановлено, что браки между родственниками воспрещаются въ такихъ то степеняхъ, а было постановлено тоже, что и въ послѣднемъ изданіи Свода. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается Сводъ Зако-

новъ изданія 1842 г. отъ Свода послѣдняго изданія. Въ изданіи 1857 г., какъ и въ изданіи 1842 г., статья закона, не опредѣляя положительно количества степеней, въ которыхъ воспрещаются браки между родственниками и свойственниками, отсылаетъ къ церковнымъ законамъ. Объ одномъ обстоятельствѣ, пожалуй, можно замѣтить здѣсь, что церковныя постановленія, послѣ перваго изданія Свода, нѣсколько измѣнились. Сколько извѣстно, въ 1837 г. 31 декабря состоялся указъ Святѣйшаго Синода, который не былъ распубликованъ, почему и точное содержаніе его неизвѣстно (*). И если память намъ не измѣняетъ (положительно не утверждаемъ), то именно въ этомъ указѣ было дозволено совершать браки ближе седьмой степени родства и четвертой степени свойства. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ ли или же въ другомъ, но по времени близкомъ, синодскимъ указѣ, не распубликованномъ, такое дозволеніе было дано. Вотъ почему на практикѣ мы видимъ постоянныя отступленія отъ общаго правила, хотя и не высказаннаго положительно въ Сводѣ Законовъ ни изданія 1842 г., ни изданія 1857 г., именно разрѣшеніе браковъ въ степеняхъ ближайшихъ, нежели какія назначены въ церковныхъ законахъ. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно обращаются за разрѣшеніемъ къ мѣстнымъ епархіальнымъ архіереямъ; послѣдніе и даютъ такія разрѣшенія, руководствуясь нераспубликованнымъ синодскимъ указомъ. И потому понятнымъ становится, почему въ изданіяхъ Свода ничего не сказано положительно объ этомъ законѣ о запрещенныхъ степеняхъ (**).

(*) См. Ист. Росс. Гражд. Законовъ, Неволина, т. I, стр. 201—203.

(**) Въ Сводѣ Законовъ вообще не говорится о степеняхъ родства и свойства, въ которыхъ запрещаются браки, какъ для православнаго, такъ и другихъ христіанскихъ исповѣданій. Только въ 1-й ч. XI т., въ Уст. духов. дѣлъ иностр. испов., въ 206—207 ст., находимъ постановленія о лицахъ, принадлежащихъ къ евангелическо - лютеранской церкви. Въ первой статьѣ сказано, что браки для нихъ воспрещаются въ слѣдующихъ степеняхъ родства и свойства: 1) между родными въ восходящей и нисходящей линіяхъ; 2) между родными братьями и сестрами, хотя бы и отъ разныхъ отцовъ и матерей; 3) между вотчимомъ и падчерицею, между мачихою и пасынкомъ, между зятемъ и тещею, между невѣсткою и свекромъ, хотя бы отъ брака, положившаго основаніе сему свойству и уже расторгнутаго смертію или судебнымъ приговоромъ, не осталось или и не было дѣтей; 4) между племянникомъ и родною теткою, то есть родною сестрою отца или матери. Во всѣхъ

Г. Филиповъ дѣлаетъ нареканія нашимъ гражданскимъ законамъ за постановленіе о запрещенныхъ степеняхъ родства и свойства для браковъ и предлагаетъ постановить, что «вступать въ бракъ не могутъ восходящіе родственники съ своими нисходящими; братья съ своими родными сестрами, а въ боковыхъ линіяхъ кровные дяди и кровныя тетки съ племянниками и племянницами». Противъ сущности этого требованія мы находимъ нужнымъ возразить, съ точки зрѣнія не религіозной, а медицинской, что браки между близкими родственниками не оправдываются. Извѣстно по опыту, что такого рода браки или же постоянное сочетаніе особъ, принадлежащихъ одному и тому же семейству, располажаютъ потомство слабое въ тѣлесномъ и душевномъ отношеніяхъ, расположенное къ наслѣдственнымъ болѣзнямъ. Наклонность къ падучей болѣзни, слабоумію и глухонѣмотѣ въ такомъ потомствѣ увѣковѣчиваются. Извѣстный ученный Эстерленъ (Oesterlen) прибавляетъ (*), что всего чаще это случается въ семействахъ государей и дворянъ, а также въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр. въ Женевѣ. Многія династіи и породы дворянъ доказываютъ, какія послѣдствія влечетъ женитьба на родныхъ племянницахъ, двоюродныхъ сестрахъ, особенно въ престарѣломъ возрастѣ, послѣ распутной жизни. Наоборотъ, гораздо полезнѣе браки между особами разныхъ племенъ. При смѣшеніи племенъ народонаселеніе увеличивается быстро, какъ замѣчено относительно сочетаній Креоловъ съ Неграми и Испанцевъ съ туземцами въ Южной Америкѣ.

Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что разсуждать и постановлять правила о степеняхъ родства и свойства, запрещенныхъ для вступленія въ бракъ,—вовсе не есть дѣло гражданскихъ законовъ.

сихъ степеняхъ браки воспрещаются равнымъ образомъ между лицами, состоящими въ родствѣ или свойствѣ, по законному ли браку или по незаконной связи. Браки же (ст. 207) съ родною племянницею или со вдовою роднаго дяди, т. е. роднаго отца или матери, дозволяются токмо по особеннымъ причинамъ, съ разрѣшенія Генеральной Консисторіи, которая о всѣхъ случаяхъ сего рода немедленно доноситъ министру внутреннихъ дѣлъ.— Также воспрещаются браки (ст. 208) между усыновленными и усыновившими, пока усыновленіе не уничтожено законнымъ образомъ.

(*) См. Библ. Медиц. Наукъ, изд. Ханомъ, февраль, 1860 г., Гигіена и Мед. Полиц., стр. 202—203.

Притомъ, предлагая свои нововведенія, авторъ слишкомъ легко смотритъ на предметъ. Отмѣнять или измѣнять церковныя постановленія, существовавшія цѣлые вѣка, усвоенные народными понятіями, дѣло не такъ легкое, какъ кажется на первый разъ. Если легко у насъ совершаются измѣненія гражданскихъ постановленій и не влекутъ за собою невыгодныхъ послѣдствій, то это потому собственно, что постановленія эти еще не касаются народныхъ понятій и убѣжденій. Другое дѣло церковныя постановленія: прямо измѣнять ихъ можетъ быть весьма опасно. Въ этомъ отношеніи мы не такъ далеко ушли отъ половины XVII вѣка, когда одно простое исправленіе церковныхъ книгъ дало намъ весьма хорошій урокъ. Вѣдь недаромъ же остался нераспубликованнымъ синодскій указъ объ измѣненіи закона о запрещенныхъ степеняхъ родства для браковъ; нераспубликованіе это мы считаемъ мѣрою, не лишенною вѣрнаго основанія. Фактически законъ этотъ существуетъ и примѣняется на практикѣ, вступающимъ въ бракъ стѣсненій свободы совѣсти и убѣжденій не представляется, а вмѣстѣ съ тѣмъ не представляется и опасности породить какія-нибудь религіозныя сомнѣнія, несогласія, породить нарушеніе спокойствія церкви. Съ теченіемъ времени этотъ нераспубликованный указъ самъ собою, постепенно войдетъ въ народныя убѣжденія, сроднится съ ними, и тогда онъ гласно и безбоязненно можетъ быть признанъ общимъ закономъ, дѣйствующимъ. Повторяемъ, въ такихъ случаяхъ нужно дѣйствовать законодателю весьма осторожно и осмотрительно. На этомъ-то именно основаніи, признавая многія предлагаемыя авторомъ нововведенія совершенно раціональными, тѣмъ не менѣе мы не можемъ согласиться на поспѣшное введеніе ихъ, что, безъ нужды, можетъ легко повлечь за собою въ обществѣ недоразумѣнія (*). Всѣ разсужденія автора (неполнѣ, впрочемъ, идущія къ предмету обозрѣнія нашихъ гражданскихъ законовъ), по поводу запрещенныхъ для брака степеняхъ родства и свойства, едва-ли справедливы. Онъ ратуетъ за свободу совѣсти и убѣжденій, а для доказательства избираетъ частные примѣры, а не общее существующее. Авторъ усиливается доказать, что строгій

(*) Укажемъ въ примѣръ на Англію, гдѣ законодательныя перемѣны дѣлаются неохотно.

законъ о степеняхъ родства служитъ будто-бы источникомъ и основаніемъ разврата. «Съ смягченіемъ закона о степеняхъ родства,—говоритъ онъ, въ заключеніе,—потухло бы пристрастіе наше къ золовкамъ и кузинамъ: этотъ плодъ не былъ бы ужъ запрещеннымъ, а перспектива брака охладила бы многихъ и мы не покушались бы на растленіе своихъ родственницъ». Такое положительное утвержденіе едва-ли справедливо вполнѣ. Авторъ на частныхъ случаяхъ строитъ общія положенія. И многое можно бы сказать по этому поводу, но все это отвлекло бы насъ отъ главнаго предмета—отъ разсмотрѣнія нашихъ гражданскихъ законовъ, и, слѣдовательно, было бы совершенно неумѣстнымъ. Потому оставимъ этотъ предметъ въ сторонѣ и обратимся къ тому, что замѣчаетъ авторъ относительно.

3) *Запрещенія иновѣрцамъ-иностранцамъ вступать въ бракъ съ православными безъ высочайшаго разрѣшенія* (т. X, кн. 1-й ст. 67).

Авторъ разсматриваетъ здѣсь только одинъ пунктъ 67-й статьи Законовъ Гражданскихъ, именно, что «иновѣрцамъ-иностранцамъ разрѣшено вступать въ бракъ съ иновѣрцами-русскоподданными, а съ православными это имъ запрещается безъ высочайшаго разрѣшенія, развѣ они согласятся, вступая въ бракъ, или принять русское подданство, или православіе». Намъ кажется, авторъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что этотъ законъ невполнѣ удовлетворяетъ справедливости и международнымъ нашимъ отношеніямъ. «Если иностранныя государства,—говоритъ онъ,— не запрещаютъ своимъ подданнымъ вступать въ бракъ съ русско-подданными-православными, то и мы могли бы сдѣлать для нихъ тоже самое». Замѣчаніе совершенно справедливое. Но то замѣчаніе, что «законъ не имѣлъ здѣсь въ виду причинъ религіозныхъ: иначе это запрещеніе простиралось бы безразлично на всѣхъ иновѣрцовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ»,— едва-ли вѣрно безусловно. По нашему мнѣнію, въ этомъ законѣ именно ясно проглядываетъ, что законодательство, по видамъ религіознымъ, или, точнѣе, въ видахъ покровительства и распространенія господствующей въ Россіи религіи, устраняетъ то

препятствіе, какое существуетъ для такихъ иностранцевъ, какъ скоро они принимаютъ православіе. Ясно, кажется, что покровительствуя православію, законъ жертвуетъ политическими разсчетами «Если бы законъ *не хотѣлъ сдѣлать русско-подданную иностранкой*, то онъ простирался бы и на иновѣрцевъ русскихъ; мы же напротивъ, находимъ, что иностранцамъ разрѣшено брачиться съ русскими иновѣрцами; кромѣ того, православнымъ иностранцамъ разрѣшено брачиться съ православными». Мы думаемъ, что законъ дѣйствительно не хотѣлъ сдѣлать русскую подданную, и именно православную, иностранкой; и если онъ отступаетъ отъ этого правила, то, какъ мы сказали, въ видахъ покровительства и распространенія господствующей въ нашемъ отечествѣ религіи (*). Если же отвергнуть и религіозный интересъ и политическую цѣль въ этомъ запрещеніи, какъ дѣлаетъ г. Филиповъ, въ такомъ случаѣ самый законъ, разумѣется, теряетъ всякое значеніе: онъ остается формою, лишенною и содержанія и смысла. При такомъ взглядѣ на предметъ, отпадаетъ само собою и третье замѣчаніе автора, касательно того постановленія закона, что «къ повѣнчанію браковъ невѣстъ православнаго исповѣданія съ женихами иновѣрными, не русскими подданными, приступается не иначе, какъ вслѣдствіе особаго на то каждый разъ высочайшаго соизволенія, при испрошеніи коего начальники губерній сносятся непосредственно съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода». «Дозволеніе иностранцамъ испрашивать высочайшаго разрѣшенія на вступленіе въ бракъ (говоритъ авторъ), хотя и открываетъ имъ путь къ женитьбѣ на православныхъ, но 1) законъ не опредѣляетъ основаній, по которымъ можно прибѣгать къ этому разрѣшенію; 2) порядокъ этотъ очень сложенъ и не каждому доступенъ; 3) эти дѣла такъ ничтожны, что только обременяютъ верховную власть». Но законъ и не могъ опредѣлить основаній, по которымъ можно просить верховную власть о дозволеніи отступить отъ закона: перечисленіе этихъ основаній всегда было бы неполно и ужъ, конечно, ни къ чему не

(*) Въ Зак. о Сост. (т. IX Св. Зак.) въ 1514 статьѣ постановлено вообще: «Россійская подданная, вступившая въ законный бракъ съ иностранцемъ, не состоящимъ ни въ службѣ, ни въ подданствѣ Россіи, какого бы она и онъ ни были вѣроисповѣданія, слѣдуетъ состоянію и мѣсту жительства своего мужа».

повело бы. Ясно одно, что основанія должны быть весьма важныя, чтобы допустить исключеніе, отступленіе отъ закона. А кто же можетъ допустить такое отступленіе отъ закона, какъ только не верховная власть? Тутъ отступленіе имѣетъ не иной смыслъ, какъ смыслъ исключительнаго, льготнаго закона, привилегіи; а для этого непремѣнно нужна дѣятельность той высшей власти, отъ которой зависитъ и установленіе, и измѣненіе, и отмѣна законовъ. Далѣе, несомнѣнно, что такой порядокъ испрошенія разрѣшенія очень сложенъ и не каждому доступенъ, но законъ такъ и постановленъ, что самое разрѣшеніе не будетъ дано всякому желающему (иначе исключительный законъ не нуженъ), что для этого нужны особенно-важныя обстоятельства и особое ходатайство предъ монархомъ. И дѣла такого рода вовсе уже не ничтожны, по самой природѣ своей; эти дѣла должны быть, напротивъ, весьма важныя, если требуется на то разрѣшеніе не иной власти какой-либо, а власти верховной. Если бы авторъ серьезнѣе и правильнѣе присмотрѣлся къ этому закону, то, конечно, онъ никогда не рѣшился бы уже на тѣ пошлыя фразы (остроты будто бы), какія онъ дозволилъ себѣ въ томъ же пунктѣ своихъ замѣчаній на счетъ кухарокъ, гувернеровъ, и т. п. И онъ не сталъ бы восклицать такъ: «Боже мой! да мы наберемъ тысячу подобныхъ дѣлъ ежедневно, при настоящемъ сближеніи нашемъ съ Европою». Едва-ли бы ему удалось всего-на-все набрать тысячу дѣлъ не только въ одинъ, а можетъ въ десять лѣтъ. Болѣе справедливо (говоря относительно) четвертое замѣчаніе автора объ этомъ законѣ. «Принятіе подданства или православія иностранцами для того, чтобы имъ былъ открытъ путь къ браку съ православными, невсегда возможно: человѣку съ убѣжденіемъ не легко измѣнить своей религіи; принять же подданство Россіи, значитъ—попасть или въ сословіе купцовъ или мѣщанъ. Но для перваго нужно состояніе; а на второе не каждый польстится; извѣстно, что съ званіемъ мѣщанина у насъ сопряжено тѣлесное наказаніе и рекрутская повинность». При нашемъ взглядѣ на предметъ, и это замѣчаніе отпадетъ: исключительность, чрезвычайность обстоятельствъ убьютъ его. Можно заранѣе сказать, что вѣрно подъ дѣйствіе исключенія подойдутъ такія лица, которыя или принадлежатъ къ разряду иностранныхъ дворянъ, или въ состояніи будутъ записаться въ гильдію и тѣмъ

избавиться отъ тѣлесныхъ наказаній и солдатчины, что эти лица подойдутъ подъ то правило, которое изложено въ приложеніи къ 19 ст. Улож. о наказаніяхъ (п. 15). На основаніи этого приложенія, иностранные дворяне и иностранные гости и купцы первыхъ двухъ гильдій освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній, хотя бы гости и купцы, состоявшіе въ этихъ гильдіяхъ во время совершенія преступленія, впослѣдствіи и перешли въ третью гильдію или мѣщанство (*). Наконецъ, и послѣднее замѣчаніе автора не выдерживаетъ критики, какъ совершенно ничего незначущее. Онъ говоритъ, что «въ законѣ не выговорено, что иностранка-иновѣрка не можетъ выйти замужъ за православнаго; поэтому мы считаемъ вопросъ этотъ только *косвенно разрѣшающимся;* въ законодательствѣ же такихъ пробѣловъ *не должно быть*, во избѣжаніе ложныхъ толкованій и злоупотребленій со стороны исполнителей закона». Совершенно напротивъ! Здѣсь каждое слово автора рѣшительно невѣрно. Изъ его фразъ, что закономъ не выговорено, что вопросъ разрѣшается только косвенно,—можно полагать, что будто законъ этотъ распространяется въ одинаковой мѣрѣ и на лицъ женскаго пола. Но изъ текста закона ясно вытекаетъ противоположное замѣчаніе: тамъ говорится только *объ иновѣрномъ женихѣ*, а не вообще объ лицахъ иновѣрныхъ; слѣд., на женщинъ законъ не распространяется. И ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы былъ тутъ пробѣлъ въ законодательствѣ. Напротивъ, что *не должно быть* въ законодательствѣ, такъ именно такихъ фразъ, которыя сами собою понятны, логически вытекаютъ. Смѣшно было бы, если бы законодательство выражалось такимъ образомъ: сумасшедшимъ не дозволяется вступать въ бракъ, но несумасшедшимъ дозволяется. Такими фразами законодательство доказало бы только, что оно даетъ постановленія не для людей обыкновенныхъ, здоровыхъ, неповрежденныхъ, мыслящихъ, знакомыхъ съ логикой общечеловѣческой, а для какихъ-то тупоумныхъ, идіотовъ.-

(*) Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что въ Зак. о Сост. (ст. 1520) постановлено, что иностранные дворяне, въ числѣ коихъ должны быть, разумѣется, и шляхтичи, подданные другихъ государствъ, когда они докажутъ свое дворянство, не подвергаются, въ случаѣ преступленій, тѣлесному наказанію. Но въ этихъ законахъ вовсе не упомянуто объ иностранныхъ гостяхъ и купцахъ первыхъ двухъ гильдій.

Посему относительно этого пункта не можетъ быть ни ложныхъ толкованій, ни злоупотребленій со стороны исполнителей закона, развѣ эти исполнители будутъ слишкомъ близоруки и тупоумны. Такимъ образомъ, только и можемъ мы согласиться съ авторомъ, что законъ объ иновѣрцахъ—иностранцахъ вполнѣ удовлетворяетъ справедливости и международнымъ нашимъ отношеніямъ.

4) Запрещеніе лицамъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, за исключеніемъ лютеранско-евангелическаго, вступать въ бракъ съ евреями и магометанами (ст. 85—89).

Объ этомъ предметѣ намъ не придется говорить много. Авторъ, какъ онъ самъ выражается во многихъ мѣстахъ, смотритъ на бракъ скорѣе съ философской и политической точки зрѣнія, чѣмъ съ точки зрѣнія религіозной, съ той точки, съ которой бракъ признается у насъ таинствомъ. Принимая именно такое понятіе за исходную точку, понятнымъ становится, что авторъ проводитъ въ своемъ сочиненіи ту мысль, что браки должны быть дозволены между лицами всѣхъ возможныхъ исповѣданій, что браки болѣе всего сближаютъ народы. Не находя этого въ нашемъ законодательствѣ, въ особенности видя въ немъ прямое запрещеніе браковъ христіанъ съ нехристіанами, за исключеніемъ лицъ лютеранско-евангелическаго исповѣданія, которымъ дозволено заключать браки съ магометанами и евреями,—авторъ даетъ свои возраженія противъ нашихъ дѣйствующихъ законовъ. Онъ нападаетъ, во-первыхъ, на то, что наше законодательство постановленія другихъ христіанскихъ исповѣданій обратило въ положительный законъ. Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго и законодательство совершенно послѣдовательно само въ себѣ. Если наши гражданскіе законы говорятъ о бракахъ лицъ православныхъ, если церковныя постановленія внесены въ гражданскій кодексъ, то естественно, что законодательство не могло же пройти молчаніемъ другія вѣроисповѣданія. Конечно, было бы лучше, если бы гражданскіе законы не вмѣшивались въ тѣ дѣла, которыя должны составлять предметъ церковнаго права, и оставили бы за собою только разсмотрѣніе имущественныхъ правъ и обязанностей, проистекающихъ отъ брака;

но если уже допущено было противное, то и должно было обнять предметъ во всемъ его пространствѣ. И потому законодательство, уважая и другія христіанскія исповѣданія, не могло допустить, какъ желаетъ авторъ, полнаго произвола относительно брака и между лицами этихъ исповѣданій, единственно изъ политическихъ цѣлей. «Мнѣ не понятно также постановленіе (продолжаетъ авторъ), по которому евангелическо-лютеранскому исповѣданію (*) разрѣшено брачиться съ евреями и магометанами, а запрещено брачиться съ язычниками. Скорѣе мнѣ кажется, можетъ имѣть вліяніе на христіанина законъ Моисея и чувственная религія магометанина, нежели грубыя, нелѣпыя языческія секты». Съ этой стороны смотря на предметъ, авторъ правъ. Но, безъ сомнѣнія, законодательство руководствовалось въ этомъ случаѣ иными соображеніями, и быть можетъ, главное тѣмъ, что магометанская и еврейская религіи все же ближе къ христіанству, нежели языческія (**). По мнѣнію автора, желаемое имъ разрѣшеніе не противорѣчитъ философскому основанію нашего закона; причемъ онъ ссылается на 79 ст. Зак. Гражд., по которой «съ принятіемъ однимъ изъ супруговъ—магометаниномъ или евреемъ (***) христіанства, бракъ его не расторгается и онъ можетъ остаться съ иновѣрческою своею женою». Но основаніе закона не философское, а чисто религіозное. Законъ, какъ видно изъ источниковъ, основанъ прямо на словахъ 1 посланія апостола Павла къ Коринфянамъ главы 7 ст. 12, 13 и 14 (****). Потому и всѣ дальнѣйшія разсужденія автора объ этомъ предметѣ совершенно расходятся съ основаніями нашего законодательства.

5) Опредѣленный возрастъ для вступленія въ бракъ.

О требованіи закона относительно *опредѣленнаго возраста для вступленія въ бракъ* авторъ нашелся сказать только то, что это

(*) Конечно, ужъ не исповѣданію, а лицамъ этого исповѣданія. У автора много въ его статьѣ подобныхъ неточностей.

(**) Неволинъ, И. Рос. Гражд. Зак., т. I, стр. 299.

(***) Авторъ ошибся: законъ постановленъ не для однихъ только магометанъ или евреевъ, а для всѣхъ вообще не-христіанъ.

(****) Неволинъ, И. Рос. Гражд. Зак., т. I, стр. 289. Положеніе Свят. Синода 18 дек. 1825 г.

требованіе (т. е. чтобъ женихъ имѣлъ не менѣе 18, а невѣста не менѣе 16 лѣтъ) совершенно справедливо. По намъ кажется, что автору, критически и съ философской точки разсматривающему наши гражданскіе законы, слѣдовало бы о возрастѣ сказать нѣсколько подробнѣе и обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства, упущенныя изъ виду законодательствомъ.

Здѣсь, прежде всего, мы можемъ обратить вниманіе нашихъ читателей на исключеніе изъ общаго правила о возрастѣ, съ котораго дозволяется вступленіе въ бракъ. Въ Закавказскомъ краѣ *природнымъ жителямъ* дозволяется вступать въ бракъ по достиженіи женихомъ пятнадцати, а невѣстою тринадцати лѣтъ (ст. 3) (*). Кого законодательство разумѣетъ подъ природными жителями? Тамошнихъ ли только коренныхъ жителей, лицъ, принадлежащихъ къ мѣстнымъ племенамъ, или же это правило можетъ быть распространено и вообще на всѣхъ жителей, рожденныхъ въ Закавказскомъ краѣ, тамъ воспитывавшихся и постоянно пребывающихъ? Безъ сомнѣнія, законодательство, сокращая наименьшій возрастъ для природныхъ жителей Закавказья тремя годами, основывалось въ этомъ случаѣ на климатическихъ условіяхъ страны, на томъ, что въ южныхъ странахъ человѣкъ скорѣе развивается физически, чѣмъ въ странахъ сѣверныхъ. Потому кажется, что законъ этотъ о сокращеніи сроковъ для вступленія въ бракъ долженъ быть распространенъ и на тѣхъ жителей, о которыхъ мы только-что сказали. Съ другой стороны, было бы также справедливо распространить этотъ законъ на кавказскихъ жителей и въ томъ случаѣ, когда они, по достиженіи опредѣленныхъ лѣтъ, оставили Кавказъ, выѣхали въ Россію и тамъ желаютъ вступить въ бракъ въ тѣ годы, какіе назначены для кавказскихъ жителей. Съ физіологической точки также можно бы сдѣлать нѣкоторыя возраженія противъ этого закона; но приводить здѣсь эти возраженія мы не находимъ умѣстнымъ (**).

(*) Постановленіе это повторено въ частности относительно Евреевъ. Ср. 1088 ст. XI т. ч. I-й Уст. иностр. испов.

(**) По правиламъ каноническаго права, срокъ совершеннолѣтія назначенъ 14 лѣтъ для мужчины и 12 лѣтъ для женщины. Это правило дѣйствуетъ и теперь въ Южной Америкѣ, Испаніи, Португаліи, обѣихъ Сициліяхъ, Баваріи, Австріи, Англіи, Тосканѣ и Луизіанѣ. Въ Code Napoléon (art 144) постанов-

Считаемъ нелишнимъ замѣтить здѣсь, что въ нашемъ законодательствѣ существуетъ еще другое, хотя менѣе важное, отступленіе отъ общаго правила (Зак. Гражд. ст. 3). Въ 1-й ч. XI т. (Уст. иностр. испов.), въ примѣчаніи къ 881 ст. сказано, что «всякому изъ нѣмецкихъ колонистовъ (евангелическо-лютеранскаго исповѣданія) Закавказскаго края дается свобода, по достиженіи *семнадцати* или восемнадцати лѣтъ для мужскаго, и *пятнадцати* или шестнадцати лѣтъ для женскаго пола, вступать въ бракъ съ лицами всякаго совершеннолѣтняго возраста». Впрочемъ, въ последнее время (ук. 15 мая 1857 г. № 31.849 и 1 Прод. Свод. Зак. X т. ч. 1-й, ст. 3) и у насъ епархіальнымъ архіереямъ предоставлено въ необходимыхъ случаяхъ разрѣшать браки, по личному своему усмотрѣнію, когда жениху или невѣстѣ недостаетъ не болѣе полугода до узаконеннаго на сей случай совершеннолѣтія.

Далѣе, еще болѣе обращаетъ на себя вниманіе законъ (ст. 4), положительно установляющій наибольшій возрастъ для вступленія въ бракъ. Въ законѣ сказано, что «запрещается вступать въ бракъ лицу, имѣющему болѣе *восьмидесяти* лѣтъ». Собственно, постановленіе это мы находимъ излишнимъ и даже неумѣстнымъ. Законодательство избрало такой крайній предѣлъ, который, при настоящемъ состояніи физической долговѣчности, отзывается чѣмъ-то страннымъ, вызываетъ улыбку при чтеніи его. Этотъ законъ не оправдывается даже ни исторически, ни церковными постановленіями. По каноническимъ правиламъ запрещался бракъ

лено, что не могутъ вступать въ бракъ мужчины ранѣе 18, а женщины ранѣе 15 лѣтъ. Тому же правилу слѣдуютъ въ Боливіи и въ кантонѣ Ватландѣ. Въ Польшѣ, Голландіи, Баденѣ установленъ тотъ же возрастъ, какъ и въ нашемъ законодательствѣ. Въ Пруссіи и кантонѣ Тессинѣ—18 (по исключенію и ранѣе) и 14 лѣтъ; въ Пармѣ—18 и 15 лѣтъ; въ Даніи и кантонѣ Цюрихѣ—20 и 16 лѣтъ; въ Сербіи—17 и 15 лѣтъ; въ Швеціи 21 и 15 лѣтъ; въ Вюртембергѣ 25 лѣтъ назначается срокомъ, до котораго требуется разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ.—Замѣчательно, что, по мнѣнію Эстерлена, въ нашемъ климатѣ (т. е. въ средней Европѣ) не слѣдуетъ вступать въ бракъ мужчинѣ ранѣе 27—30, а дѣвушкѣ 19—20 лѣтъ. Срокъ этотъ особенно важенъ для послѣднихъ, потому что при беременности, родахъ, кормленіи грудью и уходѣ за дѣтьми необходима полная сила организма женщины; для утробнаго плода крѣпость женщины важнѣе крѣпости отца (См. Библ. Мед. Н. февр., 1860 г., гигіена и суд. мед., ст. о бракѣ).

60-ти лѣтнимъ *вдовицамъ*. Это признавалось прежде относительно лицъ женскаго пола; тѣмъ болѣе такое правило справедливо въ настоящее время. Законъ, какъ можно думать, основанъ на рѣшеніи Синода 1744 года, когда былъ расторгнутъ бракъ лица, заключившаго (*) его на 82-мъ году своей жизни. Мы считаемъ гораздо болѣе раціональнымъ (съ религіозной точки) постановленіе Инструкціи патріарха Адріана поповскимъ старостамъ (1697 г.), по которому вообще было запрещено вѣнчать вдовцовъ и вдовъ въ престарѣлыхъ лѣтахъ. Справедливо это, разумѣется, только тогда, когда смотрѣть на бракъ съ канонической точки: бракъ установленъ отъ Бога для умноженія рода человѣческаго, и въ преклонныхъ лѣтахъ должно не плотоугодіемъ заниматься, но о спасеніи души своей заботиться (слова указа 12 дек. 1744 года); бракъ не можетъ заключаться, какъ таинство, по какимъ-либо корыстнымъ или матеріальнымъ разсчетамъ и соображеніямъ. Если на бракъ взглянуть съ медицинской или, правильнѣе, физіологической точки, то разсматриваемый законъ не выдерживаетъ критики уже и потому одному основанію, что онъ назначаетъ одинаковый наибольшій возрастъ для вступленія въ бракъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Наконецъ, законъ не удовлетворяетъ и тогда, когда мы будемъ смотрѣть на бракъ съ политической точки, не обращая вниманія на духовную или медицинскую его сторону.

Есть еще, касающійся возраста, вопросъ, который, при разсмотрѣніи нашего законодательства, не слѣдовало бы упускать изъ виду. Это вопросъ — объ извѣстномъ отношеніи лѣтъ жениха и невѣсты. О чрезмѣрной разности въ лѣтахъ жениха и невѣсты ничего не говорится, какъ о препятствіи ко вступленію въ бракъ; между тѣмъ, по законамъ нашимъ, изданнымъ въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, такая несоразмѣрность въ лѣтахъ признавалась причиною недѣйствительности брака (**). И стѣсненіе закономъ подобныхъ браковъ, и совершенная сво-

---

(*) Ук. 12 дек., П. С. З., № 9.087.

(**) Синод. ук. 5 авг. 1779 г., 31 іюля 1779 г. Инстр. благоч. 1806 г. ст. 23. Ср. Неволина, И. Р. Гр. З., т. I, § 74.

бода заключенія такихъ браковъ представляютъ свои невыгоды. Въ дѣйствительной жизни встрѣчается весьма много печальныхъ примѣровъ неравныхъ браковъ, но есть-ли еще въ этомъ самомъ основаніе для законодательства вмѣшиваться въ такія дѣла, запрещать подобные браки? Если само законодательство наше, не вмѣшиваясь теперь въ такія дѣла, отмѣнило даже дѣйствовавшія прежде постановленія по этому предмету, то странно было бы желать внесенія въ него вновь стѣснительныхъ, запретительныхъ постановленій (*). Пусть бракъ будетъ свободнымъ для всѣхъ и во всѣхъ случаяхъ—вотъ чего можемъ мы желать только; и если жизнь представляетъ уродливыя явленія, печальные примѣры, то и вся тягость ихъ падаетъ на тѣхъ же лицъ, коимъ предоставлена свобода располагать своею судьбою, по собственному ихъ усмотрѣнію. Мы желаемъ полной свободы брачныхъ отношеній, а потому и отмѣны всѣхъ стѣсняющихъ эту свободу постановленій; законодательство непремѣнно и твердо должно держаться того правила, что дѣйствительную жизнь никакъ нельзя уложить въ опредѣленныя и произвольно взятыя рамки, что нельзя заставить живыхъ людей жить по мѣркѣ, по правиламъ, не вытекающимъ изъ самой жизни. Правда, съ этой точки зрѣнія дѣйствующее наше законодательство о бракѣ во многомъ отступаетъ отъ жизни, во многомъ представляется непослѣдовательнымъ. Такъ, напримѣръ, и въ настоящемъ случаѣ. Въ нашей жизни на каждомъ шагу представляются примѣры крайне неравныхъ браковъ, со всѣми печальными ихъ послѣдствіями, и законодательство ничего не постановляетъ относительно такихъ браковъ, предоставляетъ полную свободу брачащимся. Но въ тоже самое время жизнь наша представляетъ столько же примѣровъ браковъ, заключенныхъ по принужденію, подъ вліяніемъ неограниченной власти родительской. Очевидно, какія послѣдствія должны вытекать отъ этихъ противоположныхъ началъ—полновластія родителей и неограниченности браковъ относительно разности лѣтъ жениха и невѣсты: неравные браки по принужденію должны быть болѣе частымъ явленіемъ. И вотъ отсюда есте-

(*) Медики требуютъ обыкновенно, чтобы были запрещаемы браки молодыхъ дѣвушекъ со стариками и молодыхъ людей со старухами. Такое требованіе, съ ихъ точки зрѣнія, представляется совершенно справедливымъ.

ственно вытекаетъ требованіе ограниченія власти родительской относительно ея вліянія на браки дѣтей (*).

6) Условія, требуемыя для супруговъ, когда одинъ изъ нихъ еврей, или магометанинъ, или язычникъ, а другой христіанинъ.

На этотъ предметъ г. Филиповъ обратилъ особенное вниманіе и довольно подробно изложилъ его, несравнено обстоятельнѣе даже, нежели говоритъ онъ о другихъ вопросахъ. Авторъ весьма хорошо обставилъ свои положенія, такъ-что, прочитавъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ, нельзя не согласиться съ его выводами. Потому намъ остается здѣсь только познакомить читателей вкратцѣ съ этими выводами; но при семъ мы не можемъ не предложить и нѣкоторыхъ своихъ замѣчаній, необходимыхъ для полноты и большей ясности дѣла; это считаемъ мы тѣмъ болѣе необходимымъ, что авторъ, разсматривая предметъ исключительно съ теоретической точки, не обращался за разрѣшеніемъ сомнѣній къ исторіи права; наконецъ, въ изложеніи автора вкрались и ошибки.

На основаніи 79 ст. Зак. Гражд. (X т. ч. 1-й) лице нехристіанскаго исповѣданія, по воспріятіи св. крещенія, можетъ пребывать въ единобрачномъ сожительствѣ съ некрещеною женою; бракъ ихъ остается въ своей силѣ и безъ утвержденія его вѣнчаніемъ по правиламъ *православной церкви.* Приводя эту статью, авторъ смущается послѣдними словами и спрашиваетъ: «какъ же

(*) Никакихъ другихъ условій или запрещеній мы не находимъ въ нашемъ законодательствѣ, какъ относительно возраста, такъ и способности къ брачному сожительству. Такъ, напримѣръ, по грекоримскимъ законамъ, оскопленные (castrati) не могли вступать въ бракъ. По Инструкціи благочиннымъ 1806 г. ст. 23 возбраняются отъ брака изувѣченные и неспособные къ сожитію. По дѣйствующимъ законамъ, неспособность одного супруга къ брачному сожитію даетъ другому иногда только право требовать развода. Указывая на это, пр. Неволинъ (Ист. Росс. Гражд. Зак. т. I, § 75, пр. 548) спрашиваетъ: еслибъ оскопленіе послѣдовало прежде совершенія брака, въ такомъ случаѣ не долженъ ли бракъ, въ который бы вступилъ оскопленный, считаться недѣйствительнымъ съ самаго начала? По теоріи, вопросъ этотъ

понимать, слѣдуетъ ли вновь вѣнчать супруговъ, если одинъ изъ нихъ принялъ, положимъ, католицизмъ или другое исповѣданіе, или нѣтъ?» Отвѣтимъ на это, что законодательство потому, во-первыхъ, не дало общаго правила, что приведенное постановленіе основано лишь на двухъ частныхъ указахъ (28 апр. 1729 г. о Калмыкахъ и 18 дек. 1825 г. о Евреяхъ), въ которыхъ рѣчь идетъ объ обращеніи иновѣрцевъ только въ православную вѣру; во-вторыхъ, безъ сомнѣнія, и потому еще, что такъ-какъ православная церковь считается господствующею въ предѣлахъ нашей Имперіи, то законъ и не предоставляетъ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ права на обращеніе въ нихъ иновѣрцевъ; только православная церковь имѣетъ право убѣждать послѣдователей иныхъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцевъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ; духовныя же и свѣтскія лица прочихъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцы строжайше обязаны не прикасаться къ убѣжденіямъ совѣсти непринадлежащихъ къ ихъ религіи (*). Есть даже прямое постановленіе (214 ст. Улож. о наказ.) такого рода, что духовные иностранныхъ христіанскихъ испо-

---

разрѣшается, конечно, утвердительно. Но наше законодательство, требуя для развода просьбы со стороны другаго супруга, тѣмъ самымъ не только не признаетъ такого брака недѣйствительнымъ съ самаго начала, но напротивъ постановляетъ даже (ст. 48), что искъ о расторженіи брака по неспособности одного изъ супруговъ къ брачному сожитію, можетъ быть начатъ только черезъ три года послѣ совершѣнія брака. — Замѣтимъ еще, что медики, смотря на бракъ съ своей точки зрѣнія, признаютъ многія болѣзни препятствующими причинами къ совершенію брака. Такъ Папенгеймъ (см. Библ. Мед. Н., изд. Хановъ, 1860 г. февр., гиг. и мед. пол., стр. 202) замѣчаетъ, что полезно было бы убѣдить правительства въ необходимости не допускать супружествъ во многихъ случаяхъ. Такъ половое сближеніе лицъ до извѣстнаго возраста влечетъ за собою рожденіе слабаго потомства и раннее истощеніе родителей. Наслѣдственныя болѣзни (напр. бугорки) сокращаютъ жизнь. При беременности, жизнь и матери и плода находится иногда въ крайней опасности, когда мать страждетъ падучею болѣзнью или надѣлена отъ природы уродливымъ тазомъ. Другой ученый, Эстерленъ, совѣтуетъ не допускать до супружества пораженныхъ кретинизмомъ, англійскою болѣзнью, бугорками, душевными болѣзнями и даже золотушныхъ, равно какъ представляющихъ наклонность къ этимъ болѣзнямъ.

(*) Учр. и уст. иностр. испов. ст. 1, 4 и 6; Уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 97, 104—109, 111—114.

вѣданій, за принятіе, *безъ особаго на каждый случай разрѣшенія* (*), кого-либо изъ иновѣрныхъ россійскихъ подданныхъ въ свое вѣроисповѣданіе подвергаются наказаніямъ. А какъ поступать въ томъ случаѣ, когда послѣдуетъ такое разрѣшеніе,— законодательство дѣйствительно ничего не постановляетъ. Безъ сомнѣнія, вопросъ долженъ быть разрѣшаемъ по правиламъ каждаго исповѣданія особо. Такой отвѣтъ не нравится автору. Онъ говоритъ, что если настоящій вопросъ о вѣнчаніи долженъ такъ разрѣшаться, то зачѣмъ же наше гражданское законодательство обратило постановленія другихъ исповѣданій въ свой законъ относительно степени родства? (см. стр. 537). Обвиненіе авторомъ нашего законодательства, въ настоящемъ случаѣ, довольно оригинально. Въ 79 статьѣ законодательство упомянуло только о православномъ исповѣданіи, о другихъ же христіанскихъ исповѣданіяхъ умолчало (мы выше показали отчасти причины этого): положимъ, въ этомъ вина законодателя. Нѣтъ, вина не въ этомъ, по мнѣнію автора: здѣсь законодательство молчитъ, а зачѣмъ же оно говоритъ дальше о степеняхъ родства, обращаетъ постановленія другихъ исповѣданій въ свой законъ? Но въ чемъ же состоитъ это обращеніе? Да только въ томъ, что въ 23 общей статьѣ сказано: «запрещается вступать въ бракъ въ степеняхъ родства и свойства церковными законами возбраненныхъ», а въ 46 ст. пояснено, что «во всѣхъ вообще христіанскихъ исповѣданіяхъ запрещается совершать браки въ степеняхъ родства, возбраненныхъ правилами той церкви, къ коей принадлежатъ сочетающіяся лица»—и только. По нашему мнѣнію, обѣ статьи и безъ того сами собой разумѣются и существованіе ихъ въ гражданскомъ кодексѣ ничего ни прибавляетъ, ни убавляетъ. Нѣтъ, авторъ требуетъ, «пусть каждое исповѣданіе считаетъ свои правила частными постановленіями (?), и исполненіе или неисполненіе ихъ пусть остается на совѣсти ихъ членовъ (**); общее же правило должно носить въ себѣ всѣ признаки, подъ которые должны подходить всѣ вѣроисповѣда-

---

(*) Учр. и уст. ин. исп., ст. 6.

(**) Въ такомъ случаѣ оказывается лишнею почти вся 1 ч. XI тома Свода Законовъ.

нія». Сознаемся откровенно, что мы требованія автора не совсѣмъ понимаемъ. Если бы онъ требовалъ исключенія изъ гражданскаго кодекса всѣхъ каноническихъ постановленій, касающихся брака,— такому требованію мы были бы рады. Но если въ Сводѣ помѣщены нѣкоторыя постановленія о бракахъ для лицъ православнаго исповѣданія, то какъ же тотъ же самый Сводъ будетъ проходить молчаніемъ другія исповѣданія? Или Сводъ Законовъ писанъ не для всѣхъ подданныхъ Россіи, а только для тѣхъ, кои суть православнаго исповѣданія? Или какое, наконецъ, значеніе и смыслъ имѣютъ слова автора—«пусть...» и т. д.?—Мы, однако, уклонились отъ главнаго предмета нашего; но мы не могли же пройти молчаніемъ требованій автора отъ нашихъ Гражданскихъ Законовъ и его обвиненій; не защищая эти законы отъ справедливыхъ нападеній, мы не можемъ не защищать ихъ и отъ несправедливыхъ нападковъ.

Далѣе, авторъ выписываетъ 80 статью и потомъ приводитъ на нее свои возраженія. Въ этой статьѣ постановлено: «если жена или одна изъ женъ магометанина или другаго лица нехристіанскаго исповѣданія приметъ св. крещеніе, то бракъ ея *можетъ* оставаться въ своей силѣ, *безъ утвержденія* онаго *вѣнчаніемъ* по правиламъ православной церкви, *но тогда лишь*, когда мужъ, остающійся въ своей вѣрѣ, дастъ обязательство: 1) имѣющихъ родиться отъ нихъ съ того времени дѣтей, которыя должны быть крещены въ православную вѣру, ни прельщеніями, ни угрозами, ниже другими какими-либо способами, не приводить въ свой законъ, и женѣ своей, за содержаніе православной вѣры, поношенія и укоризны не наносить; 2) состоять съ принявшею св. крещеніе во время ея жизни, или доколѣ продолжится бракъ ихъ, въ единобрачномъ сожительствѣ, откинувъ прочихъ женъ, если имѣетъ. Сверхъ того, должно быть извѣстно, что принявшая св. крещеніе не была предъ тѣмъ отлучена мужемъ своимъ отъ брачнаго сожительства. Въ противномъ случаѣ, т. е. когда мужъ не согласится дать вышеизложенныя обязательства, или когда откроется, что принявшая св. крещеніе была имъ отлучена отъ сожительства съ нимъ, бракъ расторгается и женѣ дозволяется вступить въ новый съ лицемъ христіанскаго исповѣданія». Авторъ справедливо замѣчаетъ, что въ законѣ не выговорено, отъ воли кого зависитъ, что бракъ можетъ остаться въ своей силѣ—отъ принявшей ли православіе или же отъ

иновѣрца? И на этотъ вопросъ отвѣчаетъ: судя по тому, что съ оставшагося въ своей вѣрѣ супруга берется подписка въ томъ, что онъ не будетъ склонять ни жену ни дѣтей къ оставленію христіанства,—*должно полагать*, что право это предоставлено мужу, такъ какъ при исполненіи иновѣрческимъ супругомъ условій, требуемыхъ отъ него закономъ,—бракъ его съ женою христіанкою *долженъ* остаться въ своей силѣ. «Намъ кажется,—заключаетъ онъ,—что право это должно быть обоюдно: обоимъ супругамъ должно быть предоставлено право изъявлять согласіе или несогласіе на продолженіе сожительства». Съ теоретической точки, замѣчаніе автора совершенно справедливо и требованіе его совершенно раціонально. Впрочемъ, замѣтимъ съ своей стороны, что читая законъ, выраженный въ 80 статьѣ, можно бы принять и такого рода толкованіе, что 1) употребленное этимъ закономъ выраженіе: «бракъ можетъ оставаться въ своей силѣ..., *но тогда лишь, когда...*» и проч.,—прямо указываетъ какъ бы на то, что съ принятіемъ христіанства женою иновѣрца бракъ *самъ собою* долженъ бы прекратиться; 2) что законъ допускаетъ продолженіе существованія такого брака лишь подъ условіями; 3) что если бы бракъ не прекращался самъ собою, тогда законъ сказалъ бы, что бракъ *долженъ* оставаться въ своей силѣ, когда мужъ исполнитъ требуемыя условія; 4) что на продолженіе брака нужно обоюдное согласіе и 5) что хотя бы было обоюдное согласіе супруговъ на продолженіе брака, но мужъ не далъ бы требуемаго закономъ обязательства, или извѣстно было бы, что жена, принявшая св. крещеніе, была предъ тѣмъ отлучена мужемъ своимъ отъ брачнаго съ нимъ сожительства,—бракъ расторгается (т. е. и противъ воли супруговъ). Но, если мы обратимся къ тому источнику, изъ котораго вышелъ разсматриваемый законъ (80 ст.), то увидимъ, что предполагаемая неопредѣленность закона имѣетъ основаніе именно въ этомъ источникѣ. Законъ основанъ на словахъ 1-го посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ, гл. 7, ст. 12—14 (ср. мнѣніе Госуд. Сов. 1836 г. 14 октяб. № 9.610 и указ. Свят. Синода 18 декаб. 1825): «Аще который братъ жену имать невѣрну, и та *благоволитъ* жити съ нимъ, да не оставляетъ ее; и жена аще имать мужа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его: святится бо мужъ невѣрный о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужѣ вѣрнѣ...

Аще ли невѣрный отлучается, да разлучится: не поработится бо братъ или сестра въ таковыхъ...». Изъ этого мѣста открывается и смыслъ 80-й статьи.—Другое замѣчаніе автора касается неясности выраженнаго закономъ условія для продолженія брака, что принявшая св. крещеніе жена не была предъ тѣмъ отлучена мужемъ своимъ отъ брачнаго сожительства. Намъ кажется, что законъ и не могъ дать объ этомъ точныхъ и подробныхъ опредѣленій, такъ какъ здѣсь все должно обусловливаться и обстоятельствами дѣла, и правилами каждой религіи въ отдѣльности, а въ особенности здѣсь было бы неумѣстно назначеніе *срока* отлучки; дѣло зависитъ не отъ времени, а отъ сущности факта, въ которомъ проявилось намѣреніе мужа отлучить жену отъ брачнаго сожительства съ нимъ.—Далѣе, авторъ замѣчаетъ, что въ законѣ не разъяснено: какія власти должны разсматривать вопросъ о томъ,— долженъ ли остаться въ своей силѣ бракъ христіанскаго супруга съ иновѣрческимъ. По его мнѣнію, нельзя предоставить всю власть однимъ христіанскимъ властямъ: во-первыхъ, нехристіанскій супругъ, въ подобномъ случаѣ, не можетъ положиться на безпристрастное рѣшеніе его дѣла; во-вторыхъ, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, была-ли въ дѣйствительности отлучка *данной* (?) жены отъ сожительства съ ея мужемъ—магометаниномъ или евреемъ (*),— нужно, чтобы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ единовѣрцами мужа, такъ какъ каждая религія по этимъ предметамъ имѣетъ свой взглядъ, свои постановленія. Отвѣтимъ на это, что въ томъ случаѣ, когда мужъ не согласится дать требуемаго первымъ пунктомъ закона обязательства имѣющихъ родиться дѣтей, по принятіи женою крещенія, ни прельщеніями, ни угрозами, ниже другими какими-либо способами не приводить въ свой законъ, а женѣ своей, за содержаніе православной вѣры, не наносить поношенія и укоризны,—въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о томъ, какія власти должны разсматривать вопросъ, можетъ ли бракъ остаться или нѣтъ: онъ неминуемо расторгается и, разумѣется, при участіи христіанскихъ властей. Потомъ, если нехристіанскій супругъ не можетъ положиться на безпристрастное рѣшеніе его дѣла одними христіанскими властями; то почему же авторъ рѣшеніе вопроса о томъ—была или

(*) Законъ касается не однихъ магометанъ или Евреевъ, но вообще всѣхъ лицъ нехристіанскаго исповѣданія.

нѣтъ со стороны мужа отлучка жены отъ брачнаго сожительства— (а объ этомъ только и можетъ быть вопросъ), предоставляетъ единственно единовѣрцамъ мужа нехристіанина? Вѣдь и христіанскій супругъ, равномѣрно, не можетъ положиться на безпристрастное рѣшеніе вопроса. Авторъ, очевидно, самъ себѣ противорѣчитъ. Интересно было бы знать, какимъ образомъ все это дѣлается у насъ въ жизни, какія правила выработались уже на практикѣ, на что до сихъ поръ вообще мало обращается вниманія: люди свѣдущіе въ этомъ молчатъ, а одни теоретическія умствованія и разсужденія наши не могутъ подвинуть дѣла впередъ. Авторъ замѣчаетъ правда (не знаемъ, на сколько это справедливо), что «*на практикѣ* у насъ принято, что христіанскія власти, по полученіи отъ обратившагося въ христіанство супруга прошенія о разрѣшеніи ему вступить въ новый бракъ,—*немедленно* разрѣшаютъ ему это вступленіе, не испросивъ на то согласіе другаго супруга, оставшагося въ своей вѣрѣ». Но наши законы христіанскимъ властямъ на это не даютъ полномочія: какъ изъ 80, такъ и изъ послѣдующей 81 статьи видно положительно, что бракъ расторгается и обратившемуся въ христіанство лицу разрѣшается вступить въ новый бракъ съ лицомъ православнымъ лишь тогда, когда оставшійся въ прежней вѣрѣ супругъ не пожелаетъ жить въ прежнемъ брачномъ союзѣ. Ссылаемся снова на слова посланія, послужившія основаніемъ для разсматриваемыхъ нами законовъ. Если же христіанскія власти поступаютъ, въ этихъ случаяхъ, именно такъ, какъ говоритъ авторъ (*), то здѣсь дѣйствительно, кромѣ отступленія отъ закона, есть и нарушеніе общественныхъ началъ. Повторимъ слова автора, приведенныя имъ по этому случаю. «Еврей имѣетъ жену (**), съ которою онъ жилъ многіе годы и съ которой онъ прижилъ множество дѣтей; вдругъ ему вздумалось принять христіанство: бракъ его расторгается, всѣ отношенія его къ семейству прерываются и онъ вступаетъ въ новый бракъ. Это несправедливо. Законъ (***) не

(*) Весьма желательно было бы получить объ этомъ обстоятельное разъясненіе отъ тѣхъ лицъ, которымъ хорошо знакомо это дѣло.

(**) Этотъ примѣръ не можетъ, конечно, относиться къ 80 статьѣ, въ которой говорится только о томъ случаѣ, когда жена нехристіанина принимаетъ крещеніе, а не тотъ или другой супругъ безразлично.

(***) Законъ, какъ мы сказали, и не допускаетъ такихъ дѣйствій.

позаботился въ этомъ случаѣ ни о женѣ, ни о дѣтяхъ новообращеннаго христіанина, и первый шагъ его въ христіанское общество запечатлѣнъ вопіющею несправедливостію».—Наконецъ, авторъ говоритъ о томъ, въ какой религіи должны быть воспитываемы дѣти двухъ супруговъ, изъ которыхъ одинъ принялъ христіанство. Замѣчанія автора по сему случаю вполнѣ справедливы, и потому не будемъ останавливаться на нихъ. Общаго закона на этотъ случай въ Сводѣ мы не находимъ; но нельзя не указать на одно частное постановленіе, касающееся Евреевъ. Въ Приложеніи къ 76 ст. Уст. духов. дѣлъ иностр. испов. (ч. 1 и XI т.), гдѣ излагаются общія правила о принятіи Евреевъ въ иностранныя христіанскія исповѣданія, въ 6 п. сказано, что «по принятіи Евреями христіанской вѣры, совершать крещеніе и надъ малолѣтними ихъ дѣтьми до семилѣтняго возраста; если принимаетъ христіанскую вѣру *одинъ отецъ или одна мать*, то крестить въ первомъ случаѣ сыновей, а въ послѣднемъ дочерей»...

Слѣдующій законъ (81 ст.) авторъ называетъ закономъ частнымъ, а предыдущій (ст. 80), неизвѣстно на какомъ основаніи, общимъ. Но и этотъ послѣдній также не болѣе, какъ частный законъ: вся разница между ними лишь въ томъ, что въ первомъ говорится исключительно о женахъ иновѣрныхъ, обращающихся въ православіе, а въ послѣднемъ—исключительно о лицахъ еврейскаго закона, какъ мужьяхъ, такъ и женахъ. Авторъ сравниваетъ оба закона, чтобы показать между ними несходство. Но, разсмотрѣвъ его замѣчанія, оказывается только одно различіе: 81 статья требуетъ отъ Евреевъ, чтобы обратившійся въ православіе супругъ далъ подписку, что онъ будетъ имѣть тщательное попеченіе о приведеніи другаго увѣщаніемъ къ воспріятію православной вѣры, чего не требуется 80 статьей (не отъ однихъ обратившихся въ православіе магометанъ, какъ говоритъ авторъ, а вообще отъ женъ иновѣрныхъ исповѣданій, такъ какъ 80 ст. одинаково распространяется на всѣ исповѣданія нехристіанскія). Несходство это объясняется тѣмъ, какимъ путемъ составился нашъ Сводъ Законовъ; странно только то, что редакторы, ни при второмъ, ни третьемъ изданіи Свода, не обратили вниманія на подведеніе къ одному закону двухъ разныхъ постановленій, непосредственно стоящихъ другъ подлѣ друга. Что касается до самаго значенія подписки,

требуемой закономъ отъ обращающихся въ православіе Евреевъ, то такая подписка, какъ и всякая другая подобнаго рода, носитъ на себѣ скорѣе характеръ формальности, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть силы непремѣннаго обязательства. Мы думаемъ, что было бы даже полезнѣе, если бы, вмѣсто такой подписки, брали отъ оставшихся въ прежней вѣрѣ супруговъ другую, что имъ извѣстны или объявлены тѣ законы нашего Уголовнаго Уложенія, въ которыхъ назначаются наказанія за отвлеченіе отъ вѣры (гл. II, отд. 1 Улож. о наказ. угол. и исправ.).

Въ 82 статьѣ постановлено: «буде новокрещеный имѣлъ прежде нѣсколькихъ женъ, то, по воспріятіи св. крещенія, онъ долженъ выбрать изъ нихъ одну, съ коею жить пожелаетъ, преимущественно же обратившуюся равномѣрно къ христіанству, *и тогда бракъ ихъ благословляется по церковному чиноположенію.* Сіе же правило распространяется и на женъ, бывшихъ за нѣсколькими мужьями». «Этотъ частный законъ относительно магометанъ,—говоритъ авторъ,—несходенъ съ общимъ закономъ (т. е. съ 80 ст.); послѣдній не требуетъ новаго вѣнчанія при обращеніи одного изъ супруговъ въ христіанство; а частный законъ ужъ требуетъ этого условія». Намъ кажется, что такого несходства, на самомъ дѣлѣ, не существуетъ; слова закона: «и тогда бракъ ихъ благословляется по церковному чиноположенію»,—относятся лишь къ тому случаю, когда одна изъ женъ новокрещенаго также пожелаетъ обратиться къ христіанству, а не ко всѣмъ вообще случаямъ, которые подходятъ подъ законъ. Это вполнѣ подтверждается указомъ 12 января 1739 г. п. 4, на которомъ основана и самая статья закона (*). Что касается до послѣднихъ словъ 83 статьи: «сіе же правило распространяется и на женъ, *бывшихъ за нѣсколькими мужьями*», то они указываютъ,

(*) Указъ этотъ напечатанъ въ систематич. Сводѣ Законовъ Рос. Имп., изд. Комм. сост. зак. ч. I, т. 2, отд. 1, стр. 96, и приведенъ Неволинымъ въ 1-й ч. его Исторіи Рос. Гражд. Зак. § 130. Здѣсь сказано: «Которые примутъ святое крещеніе, а въ иновѣрстіи имѣли жены по двѣ и по три, и *изъ тѣхъ женъ чьи примутъ святое крещеніе*, то изъ нихъ позволить мужеви ихъ жить съ тою, съ коею онъ пожелаетъ, *и тотъ бракъ ихъ благословить по церковному* чиноположенію. Ежели у котораго изъ женъ крестится едина, а другая или двѣ останутся въ невѣрстіи, то таковымъ мужамъ преподавать наставленіе и совѣтъ, что лучше имъ брачное сожитіе имѣть съ тою женою, которая приметъ

какъ бы, на существованіе многомужества, чего, кажется, нѣтъ между народами, населяющими Россію (**).

Если,—говоритъ законъ,—ни одна изъ женъ креститься не пожелаетъ (ст. 82), и мужъ не изъявитъ согласія жить съ некрещенною: то ему дозволяется вступить въ новый бракъ съ православною (ст. 83). Бракъ остается въ своей силѣ и тогда, когда оба супруга перейдутъ въ христіанство, хотя бы оный совершенъ былъ въ степеняхъ родства, церковію возбраненныхъ (ст. 84). Сдѣланныя г. Филиповымъ замѣчанія на эти статьи Свода мы не признаемъ вполнѣ вѣрными. Вотъ что говоритъ онъ. «Прочитавши этотъ законъ, дѣлаешь себѣ вопросъ: новообращенному супругу законъ совѣтуетъ преимущественно избрать изъ женъ своихъ ту, которая приняла христіанство; но дѣло въ томъ, что, по смыслу послѣдняго правила и общаго закона —что бракъ новообращенныхъ супруговъ считается законнымъ безъ особеннаго утвержденія его церковью—слѣдуетъ и безъ выбора новообращеннаго христіанина признать бракъ его дѣйствительнымъ относительно той жены, которая приняла христіанство». Не знаемъ, откуда это слѣдуетъ, откуда почтенный авторъ выводитъ такое положительное заключеніе. Изъ 84 статьи вытекаетъ только положеніе, что совершенный до принятія христіанства бракъ не расторгается по одной только той причинѣ, что онъ былъ совершонъ въ степеняхъ родства, возбраненныхъ церковію; этотъ частный случай вовсе не отрицаетъ того положенія, которое выражено законодательствомъ въ 82 статьѣ и которымъ предоставляется новообращенному супругу дѣлать выборъ, если у него было до принятія крещенія нѣсколько

святое крещеніе. Буде же по тому совѣту съ крестившеюся быть въ супружествѣ кто не восхощетъ, а пожелаетъ сожительство имѣть съ некрещенною, то таковымъ оставить быть по волѣ ихъ (о вѣнчаніи ничего не говорится уже); только кромѣ единой, по двѣ и по три жены ни подъ какимъ извѣтомъ держать никому не попущать. А если съ некрещеннымъ жить кто не восхощетъ, а крещеной не будетъ, то позволять таковымъ жениться на Русскихъ.

(**) Слова эти взяты изъ инструкціи Синода протопопу и прочимъ священнослужителямъ, находящимся въ Осетіи, 1771 г. апр. 8 (13593), от. IV. «Въ супружествахъ новокрещенныхъ наблюдать, чтобъ оставался мужъ съ одною женою, если прежде многихъ имѣлъ, съ коею онъ пожелаетъ; *тоже разумѣется и о женахъ*».

женъ. Намъ кажется, что оба постановленія могутъ существовать совмѣстно. То правда, что въ одномъ случаѣ продолженіе брака представляется обязательнымъ, а въ другомъ нѣтъ. Говоримъ: представляется, потому что законодательство положительно не даетъ такого постановленія, хотя оно и можетъ быть выведено изъ соображенія разсмотрѣнныхъ нами статей. И конечно, если бы законодательство дало такое правило, разумѣется, тѣмъ самымъ разрѣшились бы многія сомнѣнія, какія возникаютъ теперь. Другой вопросъ, предлагаемый авторомъ: какъ поступать въ томъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ мужемъ и всѣ его жены принимаютъ христіанство?— разрѣшается самъ собою по 82 статьѣ, т. е. что если законъ предоставляетъ уже выборъ мужу между крещеною и некрещеными женами, то тѣмъ болѣе долженъ принадлежать ему этотъ выборъ относительно крещеныхъ женъ. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ по смыслу нашего законодательства. Теоретически же авторъ разрѣшаетъ его тѣмъ, что 1) первое преимущество должно быть отдано той женѣ, у которой есть дѣти отъ обратившагося въ христіанство супруга; 2) если же всѣ жены имѣютъ отъ него дѣтей, то отдать преимущество той, у которой ихъ больше; 3) относительно же другихъ женъ законъ долженъ бы постановить мѣры къ обезпеченію какъ ихъ, такъ и ихъ дѣтей. Вполнѣ признавая справедливыми заявленія автора относительно обезпеченія, нельзя безусловно отказаться отъ предоставленія мужу права выбора.

«Съ заграничными азіатцами, женившимися на россійскихъ подданныхъ евангелическаго исповѣданія, при выѣздѣ ихъ изъ Россіи въ свое отечество, жены ихъ и дѣти не должны быть отпускаемы» (ст. 88). Цѣль запретительнаго закона этого г. Филиповъ предполагаетъ въ томъ, что правительство наше хочетъ избавить этимъ русско-подданную евангелическаго закона женщину отъ того униженія, въ какое поставлены лица женскаго пола въ магометанскихъ государствахъ, гдѣ онѣ не имѣютъ никакого общественнаго значенія и личности. И при этомъ прибавляетъ, что 1) если въ этомъ заключается цѣль закона, то *онъ долженъ бы относиться ко всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ* (??), и не только русско-подданнымъ, но и къ иностранкамъ, вышедшимъ замужъ за мусульманъ (sic), такъ какъ законъ нашъ дѣйствуетъ на нихъ, когда онѣ находятся въ Россіи; 2) законъ долженъ бы былъ выговорить въ

подобномъ случаѣ, что мусульманскій супругъ не иначе можетъ отлучиться на свою родину, какъ прежде обезпечивъ жизнь своихъ дѣтей и своей жены. Противъ этого разсужденія мы находимъ нужнымъ возразить: 1) русскому закону нѣтъ дѣла до иностранокъ, проживающихъ временно въ Россіи,—хотятъ онѣ или нѣтъ отправляться съ своими мужьями азіатцами; 2) этотъ законъ ни въ какомъ уже случаѣ не можетъ относиться ко всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, по той простой и всѣмъ извѣстной причинѣ, что римско-католическая церковь всегда запрещала бракъ съ нехристіанами, это запрещеніе признано и нашими гражданскими законами еще въ 1827 году и даже находится въ самомъ Сводѣ Законовъ (авторъ разсматриваетъ 88 ст., а запрещеніе помѣщено еще раньше, въ 85 ст.); 3) относительно же обезпеченія положительно говорится въ 89 статьѣ. Что касается послѣдующихъ замѣчаній автора, по которымъ онъ считаетъ этотъ законъ не вполнѣ справедливымъ, то они прекрасны и достойны того, чтобы на нихъ было обращено вниманіе. И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, удерживать въ Россіи жену, русскую подданную, въ томъ случаѣ, когда мужъ, уѣзжая за границу, желалъ бы взять ее съ собою, и она, съ своей стороны, согласна на то? Зачѣмъ удерживать и дѣтей ихъ? Развѣ бракъ иностранца съ русскою подданною пріурочиваетъ дѣтей ихъ къ нашему подданству, къ нашей землѣ и кровь матери беретъ перевѣсъ надъ естественнымъ правомъ? И къ чему въ такомъ случаѣ давать позволеніе на совершеніе такихъ браковъ, какъ скоро они легко и по совершенно случайнымъ причинамъ могутъ быть расторгнуты? Всѣ эти вопросы заслуживаютъ въ настоящее время пересмотра и тщательнаго обсужденія; всѣ эти вопросы равномѣрно относятся ко всѣмъ вообще заграничнымъ азіатцамъ, о которыхъ говорится въ 96 статьѣ. Правительство нашло же возможнымъ изъ общаго правила сдѣлать исключеніе въ 1816 году для Бухарцевъ, а въ 1827 г. для турецкихъ и персидскихъ подданныхъ изъ магометанъ въ отношеніи къ Закавказскому краю? Впрочемъ, это предметъ не гражданскаго, а скорѣе предметъ внѣшняго государственнаго права.

---

7) *О военноплѣнныхъ.*

Въ Сводѣ Гражд. Законовъ объ нихъ существуетъ всего одна (78) статья, въ которой говорится, что «при отпускѣ въ отечество военно-плѣнныхъ, вступившихъ въ бракъ, во время нахожденія въ Россіи, съ россійско-подданными *православнаго исповѣданія*, требуется отъ нихъ подписка въ томъ: намѣрены ли они возвратиться къ своимъ женамъ; и если отсутствіе ихъ продолжится болѣе двухъ лѣтъ, то жены получаютъ свободу на вступленіе въ новый бракъ». Существованіе и вмѣстѣ значеніе этой одинокой въ нашемъ Сводѣ статьи объясняется только исторически. Этимъ же путемъ разъясняются и нѣкоторыя сомнѣнія, возбуждаемыя г. Филиповымъ при разсмотрѣніи сего закона.—Г. Филиповъ разсуждаетъ такъ: «Съ иностранцевъ, которые женятся на православныхъ, требуемая этимъ закономъ подписка не берется, и они подлежатъ общему закону о безвѣстно отсутствующихъ; почему же сдѣлано это исключеніе для военно-плѣнныхъ?.. Военно-плѣнные могутъ быть и православные, напримѣръ: Греки, Болгаре, Сербы и т. д.; а для нихъ нѣтъ никакихъ ограниченій, по нашимъ общимъ законамъ (X т. ч. 1-й ст. 1), для вступленія въ бракъ съ русско-подданными. Почему же и на нихъ простирать законъ о военно-плѣнныхъ?..» Если иновѣрный женихъ, не состоящій въ россійскомъ подданствѣ, женится на православной, то отъ него не берется подписка потому, что онъ прежде брака долженъ принять присягу на подданство, и что въ противномъ случаѣ къ повѣнчанію браковъ невѣстъ православнаго исповѣданія съ женихами иновѣрными не русскими подданными, приступается не иначе, какъ вслѣдствіе особаго на то каждый разъ высочайшаго соизволенія. Это автору извѣстно изъ 67 ст. Гражд. Зак. и объ этомъ самъ онъ раньше уже говорилъ въ особомъ параграфѣ (стр. 533—534). Но вотъ вопросъ: подлежатъ-ли этому правилу, выраженному въ 67 ст., военно-плѣнные? Это остается вопросомъ, дѣйствительно не разрѣшаемымъ нашими законами. Если не подлежатъ, то странно—почему; если же подлежатъ, въ такомъ случаѣ необъяснимо существованіе 78-й статьи. Что касается до другаго вопроса—когда военно-плѣнный православнаго исповѣданія женится на православной же, то, какъ видно изъ источниковъ, законъ вовсе не имѣлъ въ

виду этого обстоятельства и потому онъ едва-ли можетъ распространяться на такой случай.

Далѣе авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ по поводу этого закона: 1) что имъ не разъяснено—должна-ли быть отпущена съ военно-плѣннымъ его жена. Самый смыслъ закона уже указываетъ на отрицательное рѣшеніе вопроса. Это подтверждается также источниками, на которыхъ онъ основанъ (*). 2) Если законъ вообще полагаетъ отъѣздъ за границу иностранца вреднымъ для его жены—православной, то онъ не только относительно военно-плѣнныхъ, но и вообще для всѣхъ иностранцевъ могъ бы сдѣлать ограниченіе, означенное въ 78 ст. Изъ предыдущаго изложенія видно, что законъ иновѣрцамъ-иностранцамъ и не дозволяетъ даже вступать въ бракъ съ православными (развѣ по исключенію, съ высочайшаго соизволенія); слѣд., объ ограниченіяхъ для нихъ и рѣчи быть не можетъ. Но, дѣйствительно, почему нѣтъ этого ограниченія для православныхъ иностранцевъ? Мы сказали, впрочемъ, что этого случая законъ вовсе не предвидѣлъ. Да и самъ авторъ, кромѣ того, замѣчаетъ, что русская подданная, выходя замужъ за иностранца, сама становится иностранкою (**) и потому законодательство можетъ и не вмѣшиваться въ ихъ отношенія.—Однако, мы должны сознаться, что какъ бы мы ни старались объяснить смыслъ и значеніе этого исключительнаго закона, онъ, по миновапіи вызвавшихъ его обстоятельствъ, сдѣлался въ настоящее время уже анахронизмомъ и потому требуетъ совершенной его отмѣны и подведенія военно-плѣнныхъ на будущее время подъ общій уровень со всѣми иностранцами. Да и вообще, смотря съ современной точки развитія международныхъ отношеній, нельзя не сказать, что всѣ наши законы о бракахъ русскихъ подданныхъ съ иностранцами, представляющіе какую-то пеструю смѣсь, не проникнутые единствомъ

(*) См. объ этомъ у Неволина, въ его Ист. Росс. Гражд. Зак. ч. I § 128.

(**) Хотя это будто бы не выговорено въ нашемъ законѣ, но само собою подразумѣвается, такъ-какъ мужъ сообщаетъ женѣ своей состояніе, къ которому онъ принадлежитъ. А въ 102 ст. X т. ч. 1-й прямо сказано: «Лица женскаго пола, вступившія въ законный бракъ съ иностранцами, не состоящими въ подданствѣ Россіи (какого бы вѣроисповѣданія, православнаго или иновѣрческаго, ни были супруги), слѣдуютъ состоянію и мѣсту жительства своихъ мужей.»

идеи, подлежатъ совершенному пересмотру и измѣненію. Смотря съ этой точки, возраженія, сдѣланныя противъ этихъ законовъ г. Филиповымъ, имѣютъ цѣль и значеніе.

8) Къ какой религіи должны принадлежать дѣти родителей разныхъ исповѣданій.

Разсматривая статью г. Филипова, мы отдаемъ полное уваженіе его смѣлымъ и здравымъ сужденіямъ относительно нашихъ Гражданскихъ Законовъ, сочувствуемъ его прекраснымъ стремленіямъ и желаніямъ; но, въ тоже самое время, съ сожалѣніемъ замѣчаемъ, что авторъ въ своихъ сужденіяхъ скоръ и опрометчивъ, впадаетъ часто въ весьма непростительныя ошибки (какъ выше мы не разъ уже замѣчали). Тоже самое приходится намъ еще разъ повторить. Авторъ говоритъ, что относительно православныхъ общее правило во всей Имперіи, кромѣ Финляндіи, то, что если одинъ изъ супруговъ православный, а другой иновѣрческій—дѣти ихъ должны принадлежать къ православной религіи (ст. 67 и 68). И при этомъ прибавляетъ: «относительно же супруговъ, принадлежащихъ къ двумъ другимъ исповѣданіямъ, *нѣтъ въ нашемъ законѣ ни одного правила*, и не опредѣлено, къ какому исповѣданію должны принадлежать ихъ дѣти». Странно и больно читать эти слова. Невольно подумаешь, что авторъ, какъ будто, свое сочиненіе писалъ только по выпискамъ нѣкоторыхъ, заранѣе отмѣченныхъ, статей изъ X-го тома Свода Законовъ, или по экземпляру, въ которомъ недостаетъ многихъ листовъ. Законы, которые приводитъ авторъ и о которыхъ разсуждаетъ (67 и 68 ст.) находятся на 13 и 14 страницахъ, а на слѣдующей (15-й) страницѣ, въ 75 статьѣ, положительно говорится: «Браки между лицами иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій (а не православнаго) въ губерніяхъ Виленской, витебской, волынской, гродненской, кіевской, ковенской, минской, могилевской и подольской совершаются священникомъ той вѣры, къ которой принадлежитъ невѣста. Когда же римско - католическій священникъ не согласится благословить такого брака, то вѣнчаніе можетъ быть предоставлено священнику другаго исповѣданія. *Дѣти, рождающіяся въ сихъ бракахъ, должны быть крещены: сыновья въ отцовской*, а

дочери въ той вѣрѣ, которую исповѣдуетъ мать, если о томъ иначе не будетъ постановлено въ брачныхъ договорахъ. Противъ этого закона можно замѣтить только одно, что онъ носитъ на себѣ мѣстный характеръ—въ немъ исчислены губерніи, а не есть общій для всей Россіи (хотя онъ, безъ сомнѣнія, распространяется въ практикѣ на всю Россію). Такимъ образомъ, если бы этотъ законъ былъ извѣстенъ автору, то, вѣроятно, измѣнились бы и его сужденія по этому поводу. Въ Финляндіи, въ бракахъ лицъ разныхъ исповѣданій, дѣти, рождающіяся въ этихъ бракахъ, должны быть воспитываемы въ той вѣрѣ, къ которой принадлежитъ отецъ, *не допуская о семъ особыхъ договоровъ*. Одобряя этотъ законъ вполнѣ (за исключеніемъ условія о недопущеніи особыхъ по сему предмету договоровъ), авторъ продолжаетъ такъ:

«Справедливѣе было бы предоставить родителямъ полную волю воспитывать дѣтей въ той религіи, которую они найдутъ по своему крайнему разумѣнію лучшею; и если женихъ или невѣста захотятъ по этому предмету войти въ особенное соглашеніе, то законъ могъ бы имъ не препятствовать. Впрочемъ, это нисколько не должно мѣшать существованію общаго правила, что дѣти должны слѣдовать религіи своего отца. Законъ этотъ могъ бы имѣть силу въ тѣхъ случаяхъ, когда между женихомъ и невѣстою не будетъ по этому предмету никакихъ особыхъ договоровъ. Неопредѣленіе же закономъ (какъ это мы находимъ у насъ, относительно иновѣрческихъ лицъ) отношеній дѣтей къ родителямъ своимъ—ведетъ за собою несогласіе и раздоръ семейный. Намъ кажется, что если наше законодательство нашло необходимымъ свое вмѣшательство въ другія брачныя отношенія иновѣрцевъ, то не было бы излишнимъ его вмѣшательство и по этимъ предметамъ». Очевидно, какое значеніе имѣютъ эти слова автора послѣ приведеннаго нами закона: нужно желать только, чтобы этотъ частный, мѣстный законъ былъ обращенъ въ законъ общій, дѣйствующій на пространствѣ всей Россійской Имперіи.

Если мы указали здѣсь на важный промахъ, сдѣланный автором, за то съ полнымъ сочувствіемъ принимаемъ его другія замѣчанія, касающіяся того же предмета. Здѣсь онъ проводитъ ту (хотя и не новую) мысль, что, судя по сдѣланному для Финляндцевъ

исключенію, не противно православію, если дѣти православной жены будутъ слѣдовать религіи своего отца, что при существованіи нынѣшняго закона (ст. 67), лица другихъ исповѣданій неохотно женятся на Русскихъ, чрезъ что уничтожается благодѣтельное для человѣчества сближеніе націй и религій; что съ уничтоженіемъ означеннаго закона православіе не только ничего не потеряетъ, но и выиграетъ еще, вслѣдствіе увеличенія числа браковъ иновѣрцевъ съ православными; что національность нисколько не зависитъ отъ религіозныхъ убѣжденій и различіе этихъ убѣжденій не препятствуетъ народу имѣть одну и туже цѣль, заключающуюся въ національномъ единствѣ, а это послѣднее и составляетъ душу государства, и т. д.

Этимъ авторъ оканчиваетъ отдѣлъ своей статьи объ установленіи брака, не касаясь вопроса о совершеніи его, вопроса чисто-религіознаго. Этимъ же закончимъ и мы свои замѣчанія, и приступимъ къ разсмотрѣнію постановленій нашего законодательства и сдѣланныхъ на нихъ замѣчаній автора о расторженіи брака и послѣдствіяхъ этого расторженія.

П. Мулловъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МѢРАХЪ ПРОТИВЪ УКЛОНЕНІЙ ОТЪ СЛѢДСТВІЯ И СУДА.

Наша статья о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, помѣщенная въ пятой книжкѣ Архива за 1859 годъ, вызвала возраженіе г. Мамонтова (*). Онъ счелъ неизлишнимъ предложить на судъ читателей собственное свое мнѣніе о значеніи 133—137 статей кн. 2-й XV тома, какъ имѣющее, по его словамъ, тотъ современный интересъ, что этими статьями въ недавнее время предписано руководствоваться и судебнымъ слѣдователямъ. Въ виду того же самаго интереса и мы рѣшаемся разобрать мнѣніе г. Мамонтова. Цѣль наша не та, чтобы затѣять съ нимъ споръ, но чтобы изобличить несовсѣмъ ясное пониманіе авторомъ того предмета, о которомъ онъ взялся говорить, его несовершенную добросовѣстность при разборѣ нашего мнѣнія, а въ особенности изумительную его рѣшимость опираться въ своихъ доводахъ на уставную книгу Разбойнаго Приказа, о которой, какъ мы покажемъ ниже, г. Мамонтовъ пребываетъ въ полномъ невѣдѣніи.

У г. Мамонтова какое-то своеобразное понятіе объ общемъ и частномъ въ законодательствѣ. Если бы ему предложили написать уставъ о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, и при этомъ вмѣнили бы ему въ обязанность составить предполагаемый уставъ на томъ началѣ, чтобы избраніе въ данномъ случаѣ какой-либо мѣры пресѣченія зависѣло отъ важности преступленія, отъ силы обвиненія, отъ званія подсудимаго и проч., то г. Мамонтовъ, по видимому, никакъ не согласился бы считать предложенную ему программу за общее правило, за главное основаніе устава. Это невѣроятно, но судя по высказанному авторомъ образу мыслей, не представляетъ ничего невозможнаго. Если спросить г. Мамонтова: на какомъ началѣ основаны 134 и 135-я статьи кн. 2-й XV тома?—онъ, безъ сомнѣнія, не затруднится отвѣтить, что при составленіи ихъ была принята въ соображеніе большая или меньшая *важность преступленій*; но не

(*) См. Журн. М. Ю. за декабрь 1860 года.

смотря на то, въ своемъ возраженіи намъ, онъ ни за что не хочетъ признать общимъ правиломъ 132-ю и 133 статьи кн. 2-й XV тома, въ которыхъ именно говорится *о важности преступленій*, какъ объ основаніи, между прочимъ къ избранію той или другой мѣры противъ уклоненій отъ явки къ слѣдствію и суду (*). Но какъ бы ни былъ поразителенъ для насъ такой образъ мышленія, г. Мамонтовъ придаетъ ему весьма большое значеніе: онъ разсуждаетъ серьезно о практическомъ различіи своего взгляда отъ нашего. Какое же это различіе? О, чрезвычайно важное! Если вы примите 132-ю и 133 статьи за общее правило, тѣмъ самымъ, по мнѣнію автора, допустите совершенный произволъ со стороны слѣдователей при выборѣ ими мѣръ противъ уклоненій отъ слѣдствія и суда; если же не станете считать означенныхъ статей общимъ правиломъ, то онѣ отъ этого одного немедленно получатъ нужную точность и опредѣленность, такъ что, руководствуясь ими, слѣдователь долженъ будетъ проститься съ собственнымъ усмотрѣніемъ, а прибѣгать только къ мѣрамъ прямо будтобы указаннымъ въ 132 и 133 статьяхъ на всякій данный случай (**). Такъ, напримѣръ, выраженіе: «*зависитъ отъ силы обвиненія*», употребленное въ 133 статьѣ, если признавать послѣднюю за общее правило, будетъ представляться неопредѣленнымъ; но взгляните на нее иначе, какъ на правило частное, и вы прійдете въ изумленіе, найдя въ этомъ же самомъ выраженіи то, чего прежде, кажись, нельзя было въ немъ и подозрѣвать, именно: прямое указаніе мѣръ противъ уклоненій отъ явки къ суду. Словомъ, если вы посмотрите на 133 статью, непредставляющую никакого сомнѣнія въ своемъ буквальномъ смыслѣ, но только справа, то увидите одно, а если посмотрите на нее слѣва, то увидите будтобы совсѣмъ другое. Удивительный практическій взглядъ г. Мамонтова!

Но все это ничего предъ тѣмъ, о чемъ мы собираемся говорить. Познакомивъ насъ съ своимъ практическимъ взглядомъ на 133 и 134 статьи кн. 2-й XV тома, г. Мамонтовъ приступаетъ, затѣмъ, къ опровержнію нашего мнѣнія о томъ, что не слѣдуетъ по всякому ничтожному дѣлу заключать обвиняемаго въ тюрьму въ случаѣ непредставленія имъ по себѣ поруки. Онъ говоритъ, что та-

(*) См. Жур. М. Ю. за декабрь, стр. 486.

(**) Тамъ же, стр. 487.

кое мнѣніе противорѣчитъ *историческимъ свидѣтельствамъ*. Содержаніе преступника въ тюрьмѣ, продолжаетъ авторъ, по причинѣ неимѣнія поруки есть постановленіе, получившее начало свое *въ древнемъ русскомъ правѣ*. Такъ въ уставной книгѣ Разбойнаго Приказа *встрѣчаемъ* правило: «а не будетъ поруки и его посадить въ тюрьму, докуды по немъ порука будетъ» (Акт. Истор. т. III N 167). Изъ уставной книги правило это перешло въ Уложеніе и новоуказныя статьи и сохранило силу до настоящаго времени» (Сдѣлана ссылка на сочиненіе г. Липовскаго). «Надѣемся, что категоріи и нормы, приводимыя авторомъ, а равно и сличеніе статей Свода Законовъ по разнымъ его изданіямъ не ослабятъ силы историческихъ памятниковъ».—Нельзя не удивляться самоувѣренному и рѣшительному тону, какой проглядываетъ въ выписанныхъ нами строкахъ! Подумаешь, что сказанное въ нихъ не можетъ подать никакого повода къ сомнѣнію, что это всѣми признанная истина, сдѣлавшаяся достояніемъ науки, подумаешь, наконецъ, что г. Мамонтовъ хотя сколько нибудь изучалъ то, о чемъ говоритъ, и что онъ, какъ слѣдуетъ заключать изъ употребленнаго имъ выраженія *встрѣчаемъ*, даже самъ заглядывалъ въ уставную книгу Разбойнаго Приказа. Но мы представимъ доказательства, что онъ ее не читалъ, и что вся его тирада о порукѣ по древнему русскому праву—не имѣетъ ни малѣйшаго основанія.

Приступаемъ къ подтвержденію нашихъ словъ. Прежде всего выпишемъ всѣ мѣста изъ уставной книги Разбойнаго Приказа 1631 года, въ которыхъ говорится о заключеніи въ тюрьму въ случаѣ непредставленія поруки. Вотъ эти мѣста:

1) Ст. 4. «А на котораго человѣка въ роспросѣ и съ пытки языкъ говоритъ въ разбоѣ или въ татьбѣ, и на очной ставкѣ его опознаетъ и учнетъ на него говорити съ очей на очи тожъ, а тотъ человѣкъ будетъ бродящей, а о обыску бити челомъ не учнетъ, а скажетъ, что его нигдѣ не знаютъ, и того человѣка, по язычной молкѣ, пытати: а будетъ на себя, съ пытки, въ разбоѣ начнетъ говорити, и его казнить смертію, а не учнетъ на себя говорить, и его дать на чистую поруку, за записью; а не будетъ поруки, и его посадить въ тюрьму, докуды по немъ порука будетъ».

2) Ст. 32. «А на которыхъ людей учнутъ языки говорить, съ пытокъ, въ поклажѣ, а скажутъ, что у него положили за разбой-

ное и за татиное, и того человѣка поимать, и по язычной молкѣ поклажей на немъ доправить, да на немъ же взять въ исцовы иски выть, да его жъ дать на чистую поруку, съ записью; а не будетъ поруки, и его посадить въ тюрьму, докуды по немъ порука будетъ».

3) Ст. 34. «А на которыхъ людей, съ пытокъ, говорятъ языки въ продажѣ за разбойное или за татиное, и тѣхъ людей имать и, по язычной молкѣ, взять на нихъ въ исцовы иски выть, а купленную рухлядь взять назадъ у нихъ, да ихъ же дати на чистую поруку, что имъ впредь не воровать; а не будетъ поруки, и ихъ кинуть въ тюрьму, докуды по нихъ порука будетъ».

4) Ст. 37. «А приведутъ татя, а доведутъ на него одну татьбу, и того татя бити кнутомъ, да его жъ дать на чистую поруку; а не будетъ поруки и его жъ посадить въ тюрьму, до тѣхъ мѣстъ, до куды по немъ порука будетъ, а животы его отдать въ исцовы иски въ выть (¹)».

Мы выписали изъ уставной книги Разбойнаго Приказа 1631 года всѣ мѣста, гдѣ говорится: «а не будетъ поруки, и его посадить въ тюрьму, докуды по немъ порука будетъ». Но не смотря на это, чувствуетъ ли г. Мамонтовъ, что надежда его на силу приведеннаго имъ историческаго памятника разлетается въ прахъ? Не трудно понять, даже при поверхностномъ чтеніи всѣхъ означенныхъ мѣстъ, что въ нихъ говорится вовсе не о порукѣ, составляющей мѣру пресѣченія противъ уклоненія отъ явки къ слѣдствію и суду, и о которой мы и г. Мамонтовъ писали наши статьи, а *о порукѣ послѣ окончанія суда*, т. е. о такой порукѣ, о коей въ дѣйствующемъ нынѣ Сводѣ Законовъ упоминается не въ 134 и 137 ст. кн. 2-й XV тома, бывшихъ собственно предметомъ нашего разбора, а въ статьяхъ 313 и 314 тойже книги и того же тома. Эти послѣднія статьи, поскольку онѣ касаются поруки послѣ суда, дѣйствительно коренятся въ постановленіяхъ древняго русскаго права, перешедшихъ потомъ въ Уложеніе 1649 года и въ ново-

(¹) См. Акт. Истор т. III, N 267.—Впрочемъ, всѣ эти постановленія встрѣчаются въ нашихъ памятникахъ гораздо ранѣе 1631 года, именно въ уставной книгѣ Разбойнаго Приказа времени царя Ивана Васильевича и въ боярскихъ приговорахъ по тому же Приказу, состоявшихся при царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ. См. Акт. Эксп. т. II, N 225, стр. 386 и 390.

указныя статьи, а отсюда въ Сводъ Законовъ, что доказывается самыми ссылками подъ 313 и 314 статьями. Такимъ образомъ, оказывается, что г. Мамонтовъ мѣтилъ въ одно, а попалъ въ другое, именно говорилъ о порукѣ къ *суду*, а сослался на поруку послѣ *суда*.—Не въ правѣ ли мы послѣ этого утверждать, что онъ вовсе не читалъ того историческаго памятника, въ которомъ будто-бы самъ встрѣтилъ выписанное имъ правило? Не могъ же онъ читать, и не понять весьма яснаго смысла приведенныхъ нами выше статей уставной книги Разбойнаго Приказа?

Пользуясь случаемъ, выскажемъ вкратцѣ и мы наше мнѣніе о порукѣ по древнему русскому праву. Она въ старину имѣла у насъ самое обширное примѣненіе какъ на судѣ, такъ и внѣ суда. Такимъ образомъ древнюю нашу поруку можно подраздѣлить на *судебную и несудебную*. Послѣдняя имѣла мѣсто во многихъ и самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Поручныя записи давались, напримѣръ, въ исправномъ отправленіи должностей, какъ то должностей недѣльщиковъ, стрѣльцевъ, земскихъ и церковныхъ дьячковъ; въ точномъ исполненіи подряда и поставки; въ окончаніи на срокъ той или другой работы, и проч. ([2]) Судебная порука была двухъ видовъ. Эти виды въ Судебникѣ 1550 года различены такъ: *порука до суда* и порука *послѣ суда* ([3]), а въ уставной книгѣ Разбойнаго Приказа 1631 года весьма удачно названы: *порукою къ суду* и *порукою съ суда*. ([4]) Первая называлась еще *статною порукой* отъ употреблявшихся въ поручныхъ записяхъ словъ *стать* или *ставиться къ суду* ([5]).

Порука къ суду, какъ первоначальная, непосредственная мѣра, употреблялась только въ такъ называвшихся *пенныхъ* и исковыхъ дѣлахъ, т. е. въ такихъ, кои оканчивались взысканіемъ съ виновнаго пени или уплатою имъ истцовыхъ исковъ ([6]). Что касается татебныхъ, разбойныхъ и душегубныхъ дѣлъ, то мы не находимъ постановленія, чтобы подсудимые по такимъ дѣламъ прямо по поимкѣ отдавались на поруки или заключались въ тюрьму до окончанія суда. Если въ 43 статьѣ уставной книги Разбойнаго Приказа

([2]) См. Акт. Юрид. N 289—331; Акт. Эксп. т. I N 274.—([3]) Акт. Истор. т. I N 153, стр. 70.—([4]) Тамъ же, т. III N 167, стр. 309 на первомъ столбцѣ.—([5]) Тамъ же, т. III N 167 стр. 308; Акт. Юрид. N 307, I, II, III.—([6]) Акт. Эксп. т. N 115 стр. 88, Акт. Юрид. N 307, II, IV, и друг.

1631 года и упоминается о татяхъ и разбойникахъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ по два и по три года (7), то здѣсь, очевидно, разумѣются тѣ преступники, кои, по рѣшеніи о нихъ дѣлъ, посажены были въ тюрьму вслѣдствіе неимѣнія по себѣ порукъ. Наше предположеніе основывается, съ одной стороны, на томъ, что въ старину у насъ дѣла о воровствѣ, разбоѣ и убійствѣ рѣшались весьма быстро, и ни въ какомъ случаѣ не могли продолжаться два или три года, такъ напрім. дѣло 1677 года о кражѣ меда Богданомъ Мелашевымъ рѣшено въ два дня; дѣло 1693 года объ убійствѣ крестьянина Потапова, по крайней мѣрѣ въ одной части, рѣшено въ 15 дней (8), а съ другой стороны мы убѣждаемся въ томъ еще свидѣтельствомъ Котошихина, что воры и разбойники, несознавшіеся въ противозаконныхъ поступкахъ съ пытокъ и за неимѣніе поруки посаженные, по окончаніи суда, въ тюрьму, дѣйствительно содержались въ ней по два года и больше, и только тогда, если и за тѣмъ не находилось порукъ, ссылались на вѣчное житье въ Сибирь или Астрахань (9) Кромѣ того, въ Судебникѣ 1550 года о тюремномъ заключеніи упоминается только какъ объ одномъ изъ наказаній за преступленія и проступки, и притомъ говорится, что тати сидѣли у *недѣльщиковъ*, и что недѣльщики не должны были взымавъ, отпускать татей и разбойниковъ (10). Изъ сочиненія же Котошихина также усматривается, что до рѣшенія дѣла сажали въ тюрьму только тѣхъ татей и разбойниковъ, которые сознавались послѣ пытки въ своихъ преступленіяхъ (11). Слова Котошихина косвеннымъ образомъ подтверждаются слѣдующимъ мѣстомъ изъ губной грамоты Троицкому Сергіеву монастырю, 1586 года: «а которые тати и разбойники перейманы и *пытаны*, сами на себя и на товарищевъ своихъ въ татьбахъ и разбояхъ *говорили*, и губному старостѣ Измирѣ тѣхъ татей и разбойниковъ въ тюрьмахъ долго не держати, казнити ихъ смертною казнію (12).» Все это заставляетъ насъ предпо-

---

(7) Акт. Истор., т. III, N 167 стр. 300, на второмъ столбцѣ.

(8) Акты, относящіеся до юридич. быта древней Россіи, изд. г. Калачова, т. I, N 100 и 102, столбцы 621 и 627.

(9) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича С.-Пб. 1840 г. стр 91.

(10) Акт. Истор. т. I, N 153, стр. 53 и 54.

(11) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, стр. 91.

(12) Акт. Эксп. т. I, N 330, стр. 398.

ложить, что въ важныхъ дѣлахъ, именно въ татебныхъ, разбойныхъ и душегубныхъ, виновные тотчасъ по поимкѣ содержались у недѣльщиковъ, т. е. *отдавались за пристава*. Отсюда они переходили по рѣшеніи своей участи въ тюрьму, если сознавались въ своей винѣ послѣ пытки, если же не сознавались, то едва ли не оставались за приставомъ до окончанія дѣла; но тати, безъ сомнѣнія, въ этомъ послѣднемъ случаѣ могли быть отъ пристава отдаваемы и на поруки, однакожъ не иначе, какъ съ боярскаго и дьячаго вѣдома ([13]). Такимъ образомъ оказывается, что въ старину у насъ было три разряда мѣръ пресѣченія уклоненій отъ суда: 1) содержаніе въ тюрьмѣ, 2) отдача за пристава; и 3) отдача на поруки, и что послѣдняя мѣра имѣла мѣсто большею частію только въ пенныхъ и исковыхъ дѣлахъ, а иногда и въ дѣлахъ татебныхъ ([14]).

Теперь представляется вопросъ: какъ поступали, если для обвиняемаго въ пенномъ дѣлѣ или для татя въ указанномъ выше случаѣ не находилось порукъ? Выпишемъ постановленія, коими разрѣшается этотъ вопросъ. Въ уставной Двинской грамотѣ 1398 года сказано: «а желѣзнаго четыре бѣлки только человѣка скуютъ, а не будетъ по немъ поруки; а чрезъ поруку не ковати ([15]). Въ 70 статьѣ Судебника 1550 года говорится, что если не было по комъ поруки, то намѣстничи и волостелины люди могли сводить такихъ обвиняемыхъ къ себѣ въ домъ и ковать, предъявивъ ихъ напередъ въ городѣ—городовымъ прикащикамъ, а въ волости—старостѣ и цѣловальникамъ ([16]). Въ уставной грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастырскаго собора 1593 года находится слѣдующее мѣсто: «а пожелѣзнаго доводчику имати съ человѣка по двѣ деньги на день и на ночь, по комъ поруки не будетъ ([17])». Наконецъ, Котошихинъ прямо удостовѣряетъ, что если по отвѣтчикѣ не было поруки, то его держали въ Приказѣ скованнымъ, или отдавали въ бережеціе при-

---

([13]) Акт. Истор т. I, N 153, стр. 54.

([14]) Можно догадываться, что въ болѣе отдалённой древности было только два рода мѣръ противъ уклоненій отъ суда, именно отдача на поруки и отдача за пристава, и что содержаніе съ этой цѣлью въ тюрьмѣ установилось уже впослѣдствіи.

([15]) Акт. Эксп. т. I, N 13, второй столбецъ

([16]) Акт. Истор. т. I, N 153, ст. 70, стр. 239.

([17]) Акт. Эксп. т. I, N 358, стр. 436.

ставамъ на руки ([18]). Выписанныя нами мѣста изъ историческихъ памятниковъ показываютъ, что, при неимѣніи порукъ, обвиняемые сажались не въ тюрьму, а *отдавались* за *пристава*. Содержаніе за приставомъ состояло въ томъ, что этотъ послѣдній сводилъ отвѣтчика къ себѣ въ домъ и заковывалъ его тамъ въ желѣза, получая за то пожелѣзную пошлину. Впрочемъ, вѣроятно отъ усмотрѣнія самого пристава зависѣло держать ли у себя на дому подсудимаго скованнымъ или нѣтъ. Эта то отдача за пристава по нашему древнему праву въ нынѣ дѣйствующемъ Сводѣ, какъ видно изъ 136 статьи кн. 2-й XV тома и примѣчанія къ этой статьѣ, признана соотвѣтствующею *полицейскому надзору*.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ *о порукѣ съ суда*. Ее употребляли какъ въ татебныхъ и разбойныхъ дѣлахъ, такъ и въ дѣлахъ исцовыхъ и исковыхъ. Изъ выписанныхъ выше статей уставной книги Разбойнаго Приказа 1631 года мы видѣли, что отдавались по окончаніи суда на поруки: 1) тати, уличенные въ первой татьбѣ, послѣ наказанія кнутомъ; 2) оговоренные въ разбоѣ, если обыска о нихъ нельзя было сдѣлать, и они не сознавались послѣ пытки въ взводимомъ на нихъ преступленіи; 3) укрыватели татебной и разбойной рухляди; и 4) покупщики завѣдомо воровскихъ вещей и имущества, добытаго разбоемъ. Порука въ дѣлахъ татебныхъ и разбойныхъ состояла въ томъ, что лице, выданное тѣмъ или другимъ лицамъ на поруки, не будетъ впередъ подъ ихъ надзоромъ красть, воровать и никакимъ воровствомъ промышлять ([19]). Порука же въ пенныхъ и исковыхъ дѣлахъ была ручательствомъ въ томъ, что лице, отданное на поруки, не станетъ уклоняться отъ правежа, или что оно заплатитъ истцовъ искъ ([20]). И такъ порука съ суда была двухъ видовъ: 1) порукою о добромъ впредь поведеніи и 2) порукою о правежѣ или объ уплатѣ иска. Но какъ поступали въ томъ случаѣ, когда не находилось для кого-либо поруки по окончаніи надъ нимъ суда? Въ дѣлахъ татебныхъ и разбойныхъ,

---

([18]) О Россіи въ царствов. Алексѣя Михайловича, стр. 91, внизу.

([19]) Акты до юрид. быта относящіеся, изд. г. Калачова, т. I, N 100, столбецъ 625; Акты Юрид. N 301.

([20]) Акты Юрид. N 316; Акты Истор. т. I, N 154, стр. 252, III; Акты Юрид. N 312 и 324.

какъ указано нами выше, ненашедшіе по себѣ поручителей заключались въ тюрьму; но въ менѣе важныхъ дѣлахъ, именно въ дѣлахъ пенныхъ и исковыхъ, такія лица отдавались за пристава, какъ объ этомъ можно заключать изъ 70 ст. Судебника 1550 года ([21]).

Остается намъ упомянуть только объ отвѣтственности поручителей по древнему русскому праву. Въ нынѣ дѣйствующемъ у насъ Сводѣ Законовъ поручители въ дѣлахъ уголовныхъ не подлежатъ никакимъ взысканіямъ или наказаніямъ. Не такъ было въ старину: тогда поручители, какъ при порукахъ къ суду, такъ и при порукахъ съ суда, всегда подвергались отвѣтственности, если не исполняли даннаго ими ручательства. Эта отвѣтственность состояла или въ платежѣ истцовыхъ исковъ, или иногда въ особой пенѣ, опредѣлявшейся въ самой поручной записи ([22]).

Вотъ все, что намъ хотѣлось сказать о порукѣ по древнему русскому праву. Но мы далеки отъ мысли выдавать нашъ личный взглядъ за непреложную истину. Болѣе тщательное изслѣдованіе можетъ быть и откроетъ какую-нибудь неточность или неправильность въ нашихъ выводахъ. Впрочемъ, ошиблись мы или нѣтъ, во всякомъ случаѣ отъ этого не будетъ легче г. Мамонтову. Обстоятельство, что имъ сдѣлана ссылка на уставную книгу Разбойнаго Приказа невпопадъ, безъ всякаго отношенія къ предмету собственной его статьи—составляетъ фактъ неопровержимый.

Отъ историческихъ выводовъ перейдемъ къ разсмотрѣнію взгляда г. Мамонтова о порукѣ съ практической точки зрѣнія. Еслибы непремѣнно, какъ онъ думаетъ, въ случаѣ неимѣнія поручителей, подвергали обвиняемаго по какому бы то ни было дѣлу содержанію въ тюрьмѣ, тогда случалось бы весьма часто, что подсудимые, которые, по окончаніи надъ ними суда, могли бы подвергнуться только непродолжительному аресту или даже денежному взысканію, отсылались бы въ тюрьму и содержались бы въ ней по нѣскольку лѣтъ.—Не говоря уже о томъ, что, при такомъ рекомендуемомъ г. Мамонтовымъ образѣ дѣйствія, число арестантовъ въ нашихъ тюрьмахъ, и теперь весьма значительное, увеличилось бы

([21]) Акты Истор. т. I, N 153, ст. 70.

([22]) Акты Истор. т. III. N 167, ст. 3; Акт. Юрид. N 301, 307, II—VII.

по крайней мѣрѣ втрое,—мы спросимъ только автора, согласно ли съ здравымъ смысломъ держать напримѣръ цѣлый годъ въ тюрьмѣ за неимѣніе поруки того, кто, по сущности упадающаго на него обвиненія, можетъ подлежать не болѣе, какъ аресту на нѣсколько дней? Г. Мамонтовъ, какъ бы предвидя такой вопросъ, говоритъ, что онъ не станетъ вступать въ разсужденіе, правиленъ ли такой взглядъ закона или нѣтъ, но скажетъ только, что такой взглядъ дѣйствительно существуетъ. Да, онъ точно существуетъ, но лишь въ статьѣ г. Мамонтова, на бумагѣ, а не въ практикѣ. Взглядъ же, который онъ называетъ *нашимъ*, вовсе *не нашъ*. Мы старались только мотивировать то, что уже давно понято и разъяснено самою жизнію. Эта же жизнь открыла разумъ и значеніе въ томъ законѣ, который, по кабинетному взгляду г. Мамонтова, лишенъ всякаго смысла и представленъ какою-то громадною нелѣпостію.

Въ заключеніе нашей статьи, объяснимъ, въ какой степени добросовѣстно г. Мамонтовъ разбиралъ наше мнѣніе о содержаніи обвиняемыхъ при полиціи. Для бо́льшей наглядности выпишемъ сначала наши сло́ва, а потомъ отвѣтъ на нихъ г. Мамонтова.

«Полиція у насъ имѣетъ право суда, ея расправѣ подлежатъ маловажные преступленія и проступки, и по дѣламъ такого рода она подвергаетъ обвиняемыхъ содержанію при полиціи. По этому-то и сказано въ законѣ: учинившаго маловажное престу́пленіе полиція беретъ подъ стражу (838 ст. кн. 2-й XV т). Подъ маловажными преступленіями разумѣются: 1) воровство ниже 30 руб. и безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ; 2) преступленія, одинаково наказываемыя съ незначительнымъ воровствомъ; 3) захваты и неправильное пользованіе доходами чужаго имѣнія и 4) всѣ вообще преступленія и проступки, за которые въ законѣ опредѣлены лишь денежныя взысканія не выше 30 рублей, или арестъ отъ одного дня до трехъ мѣсяцевъ, или наказаніе розгами не болѣе 30 ударовъ (842 ст. кн. 2-й XV т.). Само собою разумѣется, что заключеніе при полиціи слѣдуетъ примѣнять къ обвиняемымъ только *въ такихъ маловажныхъ преступленіяхъ, кои влекутъ за собою, какъ напр. воровство, лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ*, и потому-то эта мѣра заключенія и отнесена къ первой категоріи нормы. Было бы *неосновательно думать, что за-*

конъ дозволяетъ подвергать содержанію при полиціи всякаго, сдѣлавшаго какое бы то ни было маловажное преступленіе; иначе тотъ, кто по полицейскому суду подлежалъ бы денежному штрафу въ нѣсколько рублей, могъ бы, въ ожиданіи этого наказанія, просидѣть при полиціи нѣсколько мѣсяцевъ. Вообще, полицейскія власти, по дѣламъ, ввѣреннымъ ихъ суду, не изъяты отъ обязанности, при выборѣ мѣры содержанія или надзора, руководствоваться общею законною нормою и общимъ правиломъ, съ тѣмъ только различіемъ, что когда по общей нормѣ назначается заключеніе въ тюрьмѣ, онѣ назначаютъ содержаніе при полиціи» (*).

На эти наши слова г. Мамонтовъ возражаетъ такимъ образомъ: «Г. Ланге замѣчаетъ, что полиція у насъ имѣетъ право суда, что ея расправѣ подлежатъ маловажныя преступленія и проступки и что по дѣламъ такого рода она и подвергаетъ обвиняемыхъ содержанію при полиціи. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія авторъ приводитъ статью 858-ю, по которой учинившаго маловажное преступлніе полиція беретъ подъ стражу. Но едва ли мнѣніе автора, что при полиціи содержатся виновные въ маловажныхъ преступленіяхъ, вѣрно; отсюда бы слѣдовало: 1) что обвиняемый въ какомъ бы то ни было преступленіи непремѣнно долженъ испытывать на себѣ мѣры противъ уклоненія отъ слѣдствія и суда, что несправедливо, ибо автору, вѣроятно, извѣстно, что по весьма многимъ преступленіямъ, даже и немаловажнымъ, подсудимые остаются на свободѣ, и 2) согласившись съ мнѣніемъ автора, мы пришли бы къ заключенію, что законодательство къ болѣе важнымъ преступленіямъ, влекущимъ за собою содержаніе въ крѣпости, смирительномъ домѣ или тюрьмѣ, прилагаетъ мѣру слабую, домашній арестъ и полицейскій надзоръ, а къ преступленіямъ маловажнымъ, за которыя въ законѣ опредѣлены лишь денежныя взысканія, не свыше 30 рублей, или арестъ отъ одного дня до 3 мѣсяцевъ, или наказаніе розгами не болѣе 30 ударовъ, подвергался бы (?) мѣрѣ гораздо сильнѣйшей и близко подходящей къ содержанію при полиціи» (**)

(*) Архивъ истор. и практ. свѣдѣній, относящихся до Россіи, 1859 года, кн. пятая, стр. 26 и 27-я.

(**) Журн. М. Юстиціи за декабрь 1860 г., стр. 495-я.

Итакъ, согласившись съ нашимъ мнѣніемъ, говоритъ г. Мамонтовъ, онъ пришелъ бы къ заключенію, что по всякому маловажному преступленію, даже по такому, за которое назначается лишь денежное взысканіе, обвиняемые должны содержаться при полиціи. Не постигаемъ, на основаніи какихъ данныхъ возникло бы подобное заключеніе, когда нами ясно и положительно высказана мысль, совершенно ему противоположная. Такой разборъ чужихъ мнѣній едва ли можно назвать добросовѣстнымъ. Впрочемъ, заключеніе, о которомъ мы говоримъ, можетъ статься, для г. Мамонтова представляется дѣломъ совершенно естественнымъ, если принять во вниманіе способность его составлять силлогизмы, непостижимые по крайней мѣрѣ для насъ. Представимъ образчикъ такого силлогизма:

Учинившаго маловажное преступленіе полиція *беретъ подъ стражу* (858 ст. кн. 2-й XV т).

Взявъ подъ стражу, полиція обязана, нимало не медля, разбирать дѣло словесно (859 ст. кн. 2-й XV т.)

Слѣдовательно, умозаключаетъ г. Мамонтовъ, обвиняемый *не подвергается*, собственно говоря, *содержанію* (*)

Оканчивая нашу замѣтку, мы повторяемъ еще разъ, что взялись единственно съ цѣлью изобличенія, а не потому, чтобы считали мнѣнія г. Мамонтова заслуживающими серьезныхъ возраженій.

Н. ЛАНГЕ.

(*) См. Журн. М. Юстиціи, за декабрь 1860 г., стр. 495.

УСТЮЖНА.

Въ VI книгѣ Архива за 1859 г. помѣщено описаніе Устюжны, г. Полвина. Меня, какъ знающаго Устюжну, весьма заинтересовало это оглавленіе. Историческаго очерка г. Устюжны, представленнаго авторомъ, я не берусь опровергать, потому что г. Полвинъ основываетъ его на сотной книгѣ 7075 года, притомъ онъ могъ болѣе меня познакомиться съ исторіей этого города, такъ какъ долгое время служилъ въ немъ и по роду своихъ занятій имѣлъ полную возможность познакомиться съ его памятниками. Но съ мнѣніемъ г. Полвина о настоящей Устюжнѣ я никакъ не согласенъ. Онъ говоритъ: «правда, гостинный рядъ не дѣлаетъ чести и красы городу: и старенекъ и худенекъ; но это безобразіе выкупаетъ и прикрываетъ идущая прямо отъ него застроенная каменными домами улица, называемая гостиподворною. Вообще можно сказать, что Устюжна ничѣмъ не хуже многихъ уѣздныхъ городковъ, а многихъ даже и лучше». Что гостинный рядъ очень плохъ, съ этимъ я согласенъ; но что въ Устюжнѣ есть гостиподворная улица, застроенная каменными домами, то это не такъ. Противъ самаго гостиннаго ряда, съ сѣверной его стороны, есть четыре каменныхъ дома купца Н. Ш., но болѣе ни съ одной стороны нѣтъ каменныхъ домовъ. Отъ него нейдетъ ни одна улица: съ восточной стороны гостинный рядъ упирается въ берегъ р. Ворожи, а остальныя стороны выходятъ на площадь. Съ площади идутъ три улицы: на одной изъ нихъ, идущей къ берегу р. Мологи, есть на обоихъ углахъ каменные дома; но болѣе нигдѣ, ни на площади, ни въ улицахъ, на нее выходящихъ, нѣтъ ни одного каменнаго дома. Всего въ Устюжнѣ 17 каменныхъ домовъ, а остальные деревянные, старые, большею частію нагнувшіеся на одну сторону, и даже не обшитые тесомъ. Что касается до замѣчанія г. Полвина, будто Устюжна *хорошій уѣздный городъ*, то я, напротивъ, скажу, что онъ одинъ изъ худыхъ городовъ Россіи. Въ немъ нѣтъ порядочной мостовой, даже на Большой улицѣ отъ собора къ кладбищенской церкви Казанской Божіей Матери. Осенью и весною грязь непроходимая; панелей для пѣшеходовъ

большею частью нѣтъ, а если гдѣ и есть, то кривыя, полусогнившія, такъ что и въ свѣтлый день можно легко сломать себѣ ногу; улицы не освѣщаются; въ городѣ нѣтъ ни одной гостинницы, гдѣ проѣзжій могъ бы остановиться переночевать; изъ лавокъ только одна, гдѣ можно получать порядочные товары, и то не всегда по умѣреннымъ цѣнамъ. Этого, кажется, достаточно, чтобы городъ не могъ назваться хорошимъ. Можетъ быть, г. Поливинъ не былъ въ другихъ уѣздныхъ городахъ Россіи и потому такъ и судитъ о Устюжнѣ; если же бывалъ, то я думаю согласится со мною, что Устюжна никакъ не можетъ равняться съ своими сосѣдями; Тихвиномъ и Весьегонскомъ, а подобныхъ имъ въ Россіи очень много. Далѣе, г. Поливинъ спрашиваетъ: откуда пришли кузнецы, основавшіе, по его мнѣнію, Устюжну? И потомъ, на томъ основаніи, что теперешніе наши Устюжане похожи на Шведовъ, онъ думаетъ что ихъ справедливо можно назвать потомками иноземныхъ выходцовъ, а не Славянъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, онъ говоритъ, что «начиная отъ Дубровки и на 150 верстъ въ тихвинскомъ уѣздѣ и частью въ петрозаводскомъ и бѣлозерскомъ уѣздахъ есть какое-то особое чухарское племя съ чухарскимъ языкомъ». Мнѣ странно кажется, что г. Поливинъ это племя называетъ чухарскимъ, когда въ народѣ его называютъ Корелами. Приведенныя имъ слова «Ема-те да веняксъ-басима и чимо кортесъ» суть чисто корельскія. Типъ ихъ совершенно похожъ съ типомъ Устюжанъ. А Корелы, какъ всѣмъ извѣстно, принадлежатъ къ финскому племени. Населеніе Кореловъ въ устюжскомъ уѣздѣ начинается отъ Устюжны въ разстояніи 70 верстъ. Въ погостѣ Смердомля есть двѣ деревни, Копорье и Загорье, населенныя одними Корелами; въ погостѣ Миница во всѣхъ деревняхъ есть по нѣскольку семействъ Кореловъ. Сверхъ того въ боровичскомъ уѣздѣ помѣстье князя Суворова Колчинскъ почти все состоитъ изъ Кореловъ. Они сохранили свой языкъ и обычаи. Даже въ Уломѣ, гдѣ все населеніе занимается ковкою гвоздей и шитьемъ сапоговъ, есть очень много корельскихъ семействъ. Странно, что г. Поливинъ, живя долгое время въ Устюжнѣ, не зналъ о существованіи такъ недалеко отъ нея Кореловъ. Настоящая родина Кореловъ въ петрозаводскомъ уѣздѣ олонецкой губерніи; отсюда, по всей вѣроятности, они и перешли въ устюжскій уѣздъ. Г. По-

ливинъ говоритъ еще о жальникѣ близъ погоста Долоска: подобныхъ жальниковъ въ устюжскомъ уѣздѣ очень много; такъ по ярославскому тракту отъ Устюжны къ Тихвину, на 65-й верстѣ, есть жальникъ изъ 6 отдѣльныхъ кургановъ, который называется въ народѣ Мѣднымъ; у погоста Бѣлые Кресты есть жальникъ, носящій названіе Польскій, и почти у каждаго погоста есть жальникъ. Притомъ, говоря о жальникѣ, г. Половинъ не объяснилъ, что это такое, и вѣроятно, кто незнакомъ съ тамошнею мѣстностью, будетъ въ затрудненіи объяснить себѣ это названіе, чисто мѣстное. Жальникъ есть возвышеніе, иногда довольно обширное, поросшее старыми соснами, по всей вѣроятности оставленныя кладбища; ихъ народъ весьма уважаетъ и считаетъ за грѣхъ ихъ уничтоженіе, даже если бы они ему мѣшали. И потому часто можно ихъ видѣть посреди деревни или на обработанномъ полѣ. Между деревнями Вялье и Булдышкинымъ, на 103 верстѣ отъ Устюжны, у самой большой дороги былъ жальникъ, который уничтоженъ по распоряженію мѣстныхъ властей. Онъ имѣлъ, судя по оставшимся слѣдамъ, около десятины пространства и тамошніе старожилы говорили мнѣ, что на немъ была часовня, которой считали болѣе 200 лѣтъ: она была построена съ особенною крѣпостью изъ чрезвычайно твердаго сосноваго толстаго рудоваго лѣса. Объ ней съ сожалѣніемъ вспоминаютъ окрестные жители, какъ объ своей святынѣ.

М. З.

ЗАМѢТКА

по поводу Наказа 5 ноября 1771 г. Императрицы Екатерины II князю М. Н. Волконскому (*).

Когда Еропкинъ предпринялъ усмиреніе мятежа, малочисленность военныхъ силъ была однимъ изъ важныхъ препятствій къ его утушенію; таже причина ободряла неистовую чернь къ усиленію возмущенія: безнаказанность, невозможность ея придавали дерзости толпѣ. Смерть Амвросія заставила наконецъ восначальника признать необходимость рѣшительныхъ мѣръ. Всѣ благомыслящіе жители Москвы раздѣляли съ нимъ это убѣжденіе, въ особенности дворянство. Испуганные необычайными событіями, пораженные жестокостію бунтовавшихъ, многіе домовладѣльцы и помѣщики, находившіеся на жительствѣ въ столицѣ, составили совѣщаніе, на которомъ положили, по мѣрѣ силъ, способствовать Еропкину, давъ ему подмогу людьми: они вооружили своихъ дворовыхъ (а дворни, въ то время, у всѣхъ были большія), и снабдя ихъ на свой счетъ, составили рати, присоединившіяся къ войску. Къ сожалѣнію, изъ всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ благомъ дѣлѣ, я могу назвать только князя Александра Ивановича Шаховскаго и друга его Окулова, отъ которыхъ, въ дѣтствѣ моемъ и юношествѣ, съ любопытствомъ слышалъ про эту отчаянную борьбу ослѣпленныхъ и благоразумныхъ, понимавшихъ всѣ гибельныя послѣдствія мятежа, усилившаго заразу въ городѣ и производившаго неслыханныя запутанности во всѣхъ частяхъ его администраціи.

АЛЕКСАНДРЪ КОНОНОВЪ.

(*) См. 2-ю книгу «Архива» 1860—1861.

НѢЧТО О ДРЕВНЕМЪ СТРОМЫНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Успенскій Стромынскій монастырь находился въ 50 верстахъ отъ Москвы на дорогѣ Стромынкѣ, лежащей между троицкою и владимірскою, и въ 30 верстахъ отъ Троицкой лавры къ юговостоку. Нынѣ близъ того мѣста, гдѣ стоялъ монастырь, находится село Стромынь, или Коровницыно.

Стромынскій монастырь основанъ въ XIV вѣкѣ пр. Сергіемъ, игуменомъ радонежскимъ, чудотворцемъ. Лѣтописецъ говоритъ, что в. князь Димитрій Іоанновичъ, отправляясь въ походъ противъ Мамая, въ 1380 году, когда былъ въ обители пр. Сергія, далъ обѣтъ, въ случаѣ побѣды, построить монастырь въ честь Богоматери и, далѣе, пишетъ: «и возвратися князь великій съ воинствы своими здравъ и умоли святаго Сергія поискати мѣста на составленіе монастыря; онъ же, обрѣтъ мѣсто, и призва великаго князя и основаша церковь и монастырь во имя пречистыя Богородицы Успеніе, и составиша общее житіе, и постави единаго отъ ученикъ своихъ игумена въ томъ монастырѣ, именемъ *Сава*, иже бысть прежъ въ его монастырѣ великомъ духовникъ всему братству, старецъ честенъ и учителенъ зѣло; и прозваста той монастырь, еже есть снце имя ему, монастырь на Дубенкѣ, самъ же преподобный отъиде въ свой монастырь» (1). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о построеніи тогоже монастыря, тотъ же лѣтописецъ упоминаетъ, что церковь въ новомъ монастырѣ освящена была 1 декабря, но при этомъ допускаетъ нѣкоторое разнословіе съ вышеприведеннымъ сказаніемъ, именно: построеніе монастыря относитъ къ 1379 году, и первымъ игуменомъ называетъ не Савву, а *Леонтія*, также ученика пр. Сергія (2). Нѣтъ сомнѣнія, что лѣтописецъ въ томъ и другомъ мѣ-

---

(1) Никон. IV, 235.

(2) Ник. IV, 83, 84: «того же лѣта (6887) повелѣніемъ великаго князя Димитрія Ивановича, преподобный игуменъ Сергій созда монастырь на рѣцѣ на Дубенкѣ на Стромыни, и постави въ немъ церковь Успенія Пречистыя Богородицы и игумена приведе изъ своего монастыря отъ Святыя Троицы, именемъ Леонтія, и священа бысть церковь мѣсяца декабря въ 1 день, и иноки совокупи и монастырь устрои совсѣмъ. Обогати жъ его и удоволи, князь вели

стѣ говоритъ объ одномъ монастырѣ, и въ семъ послѣднемъ повѣствованіи о построеніи монастыря говоритъ отъ себя и кратко, безъ указанія обстоятельствъ, бывшихъ поводомъ къ основанію монастыря, а первый разсказъ беретъ изъ житія пр. Сергія и, согласно съ писателемъ житія, въ подробности повѣствуетъ объ обѣтѣ в. князя, данномъ предъ походомъ на Мамая, и потомъ о посѣщеніи в. княземъ обители пр. Сергія послѣ побѣды. Что касается до разности въ обозначеніи года основанія Стромынскаго монастыря, то должно, во-первыхъ, замѣтить, что порядокъ хронологическихъ указаній не вездѣ точенъ въ лѣтописи никоновской, и выраженіе: *того же лѣта* иногда означаетъ не тотъ годъ, о событіяхъ котораго лѣтописецъ повѣствуетъ въ началѣ разсказа о происшествіяхъ года, но одинъ изъ предыдущихъ, или послѣдующихъ (³). Во-вторыхъ, подробный разсказъ, въ которомъ обстоятельства построенія монастыря передаются въ связи съ предшествующими, и относительно хронологическаго указанія, безъ сомнѣнія, имѣетъ преимущество предъ другимъ краткимъ.

Какъ же объяснить то, что въ одномъ мѣстѣ первымъ игуменомъ Стромынскаго монастыря лѣтописецъ называетъ Савву, въ другомъ Леонтія? Въ древнихъ рукописныхъ экземплярахъ Епифаніева житія пр. Сергія, равно какъ въ старопечатномъ (1647 года), говорится, что пр. Сергій вручилъ игуменство въ Стромынскомъ монастырѣ ученику своему Саввѣ, но въ одномъ рукописномъ экземплярѣ житія пр. Сергія, писанномъ въ XVI вѣкѣ, надъ именемъ Саввы, рукою того же переписчика, написано киноварью: *Леонтію* (⁴). Въ Троицкой лѣтописи первымъ игуменомъ Стромынскаго монастыря поставленъ также Леонтій (⁵). Должно думать, что или Леонтій, по свидѣтельству Троицкой лѣтописи, *«іерей* Троицкаго монастыря», былъ прежде бѣлымъ священникомъ и въ монашествѣ переименованъ въ Савву, или, если это были различныя лица, то Леонтій и Савва оба были игуменами Стромынскаго

кій Димитрій Ивановичь всѣми потребами въ славу Христу Богу и Пречистѣй Богородицѣ матери, на спасеніе души своея и на сохраненіе державы своея».

(³) Никон. лѣтоп. IV, 51, 53. Событія 1377 года записаны подъ 1376 стр., 80. Битва Вожская записана подъ 1377 г. См. еще стр. 85.

(⁴) Рукоп. М. Д. Академіи N 88. Сентябр. четь-минея.

(⁵) Истор. Карамз. V, примѣч. 122.

монастыря, преемственно одинъ послѣ другаго. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ, принадлежащемъ Московской Духовной Академіи, писанномъ около половины XVII вѣка (№ 201), оба они упоминаются, какъ игумены Стромынскаго монастыря. Послѣ заглавія: «пр. Сергія ученицы свидѣтельствовани быша въ житіи его...», слѣдуютъ, между прочимъ, имена преподобныхъ святыхъ отецъ Саввы и Леонтія и объ нихъ замѣчено: «начальницы быша Стромынскаго монастыря благословеніемъ пр. Сергія чудотворца».

Ктожъ этотъ Савва, игуменъ Стромынскаго монастыря? Инокъ Маркеллъ, написавшій житіе пр. Саввы сторожевскаго въ половинѣ XVI вѣка ([6]), говоритъ, что игуменомъ Стромынскаго монастыря былъ Савва сторожевскій ([7]), который послѣ того, какъ пр. Никонъ оставилъ игуменство въ Троицкомъ монастырѣ, по желанію братіи, перешелъ въ Троицкій монастырь въ качествѣ игумена же, а отсюда, чрезъ 6 лѣтъ, пошелъ въ Звенигородъ и близъ него основалъ монастырь Сторожевскій.

Но сказаніе Маркелла въ этомъ мѣстѣ оказывается несостоятельнымъ и не можетъ быть принято, какъ достовѣрное. Маркеллъ допустилъ ошибку ненамѣренно, принявъ для себя за основаніе то, что игуменомъ Стромынскаго монастыря названъ, въ житіи пр. Сергія, ученикъ его Савва. Но Савва стромынскій и Савва сторожевскій— лица совершенно различныя.

Въ житіи пр. Сергія, въ сказаніи объ основаніи Стромынскаго монастыря, разумѣется Савва, скончавшійся и погребенный въ монастырѣ Стромынскомъ, тогда какъ пр. Савва сторожевскій скончался и погребенъ въ своемъ Звенигородскомъ монастырѣ. Въ описи Стромынскаго монастыря, составленной въ 1616 году при архимандритѣ Троицкой лавры Діонисіѣ и келарѣ Авраміѣ Палицынѣ, встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: «въ московскомъ уѣздѣ монастырь Пречистые Богородицы

([6]) Рукоп. Декабрск. четь-минея XVII вѣка, въ библіот. Троицкой лавры № 8.—Сборникъ № 10 тамъ же.

([7]) «Блаженный же Сергій, обходивъ многа мѣста пустынныя, смотряше, идѣже угодно устроити монастырь, и пріиде на рѣку, зовомую Дубенку, обрѣте мѣсто, и зѣло возлюби е, и созда церковь во имя успенія и избра отъ стада ученикъ своихъ сего блаженнаго Савву, о немъ же повѣсть сія предложися». Житіе пр. Саввы сторож. съ службою въ Лаврск. библіот. № 588.

*

на Стромынѣ, на рѣчкѣ на Дубенкѣ; а въ немъ храмъ древянъ во имя Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея успенія, . . да на монастырѣ, на правой сторонѣ храму, стоитъ часовня древяна надъ гробницею преподобнаго отца нашего Савы, ученика чудотворца Сергія» (8). Въ большой описи Троицкой лавры и подвѣдомственныхъ ей монастырей, составленной въ 1642 году, при описаніи Стромынскаго монастыря находится подобное же свидѣтельство: «да въ монастырѣ жъ близь церкви Пречистые Богородицы успенія часовня деревяная, а въ ней почиваетъ преп. Сава. А надъ гробомъ образъ пречистыя Богородицы Одигитрія на празелени. На гробницѣ покровъ крашенинной» (9). Въ Успенскомъ соборѣ Троицкой лавры, въ аркѣ, ведущей отъ жертвенника къ престолу, сохранилось древнее (1684 года) стѣнное изображеніе сего самаго Саввы, съ надписью: *Преподобный Савва Стромынскій*. Изображеніе сего Саввы отличается отъ иконъ, на которыхъ изображенъ преп. Савва сторожевскій или звенигородскій: послѣдній изображается, согласно съ подлинниками, въ которыхъ говорится о немъ: «брада Макарія желтоводскаго, плѣшивъ» (10), между тѣмъ какъ Савва стромынскій пишется съ полными на головѣ волосами. При томъ есть еще особенность въ изображеніяхъ, отличающая одного Савву отъ другаго: Савва стромынскій изображается кривымъ. Наконецъ, въ нашихъ старинныхъ святцахъ тотъ и другой Савва поставлены раздѣльно; сторожевскій подъ 3-мъ декабря, а стромынскій подъ 20 іюля, подъ симъ числомъ въ книгѣ, глаголемой о россійскихъ святыхъ, читаемъ: «іюля въ 20-й день преподобнаго отца Саввы игумена стромынскаго монастыря, иже на рѣцѣ Дубенкѣ» (11). Мѣстное преданіе донынѣ чтитъ память Саввы стромынскаго и указываетъ мѣсто его погребенія въ бывшемъ монастырѣ Стромынскомъ.

Понятно, какъ легко было составителю житія преподобнаго Саввы сторожевскаго, иноку Маркеллу, впасть въ ошибку и смѣ-

---

(8) Рукоп. въ Лаврск. архивѣ № 60.

(9) Опись Троицк. лавр. № 1, въ ризницѣ Лаврской, лист. 680.

(10) Сборный подлинникъ въ библіот. графа С. Г. Строгонова, рукоп. въ 4.

(11) Рукоп. М. Д. Акад. № 86.

шать одного Савву съ другимъ: оба они были ученики пр. Сергія и жили въ одно время, въ его монастырѣ, при его жизни; оба они были жизни праведной, но Савва стромынскій, по преданію, записанному въ лѣтописи, былъ духовникомъ всему братству Троицкаго монастыря и потому могъ предшествовать Саввѣ сторожевскому въ санѣ игумена особаго монастыря, и такого монастыря, который основанъ по повелѣнію государя и его щедротами, на память великаго историческаго событія. Если бы должность духовника въ обители Сергіевой несъ Савва, въ послѣдствіи сторожевскій, объ этомъ не преминулъ бы замѣтить Маркеллъ, написавшій полное житіе пр. Саввы. Изъ маркеллова житія видно, что онъ имѣлъ, между прочимъ, подъ руками житіе пр. Никона, изъ котораго внесъ въ житіе пр. Саввы цѣлыя фразы. Житіе Никона писано ученикомъ Никона и современникомъ ([12]), потому оно, какъ документъ древній, имѣетъ для насъ полную важность. То мѣсто, гдѣ говорится о преемникѣ преп. Никона, когда сей удалился на безмолвіе, Маркеллъ понялъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ надлежитъ, по самому составу рѣчи, и далъ ему свой смыслъ. Сказавъ, что пр. Никонъ оставилъ управленіе Троицкимъ монастыремъ, списатель житія пр. Никона продолжаетъ: «братія же (Троицкаго монастыря) не могуще безъ пастыря быти и *избравше единаго* отъ учениκъ свята мужа, въ добродѣтеляхъ сіяюща, *Саву* именемъ, и того *возведоша* на игуменство» ([13]). Во-первыхъ, если бы Савва сторожевскій былъ игуменомъ на Стромыни и оттуда былъ взятъ на игуменство въ лавру, это, безъ сомнѣнія, было бы замѣчено списателемъ житія пр. Никона; во-вторыхъ, выраженіе: *избравше единаго отъ ученикъ* имѣетъ смыслъ: избрали изъ среды себя, единаго изъ среды многихъ живущихъ въ обители; въ третьихъ и слово: *возведоша* показываетъ, что лице, поставленное игуменомъ, прежде не имѣло этого сана, что оно было возведено въ этотъ санъ. Потому это выраженіе, которое удержалъ у себя Маркеллъ, вовсе нейдетъ къ лицу, бывшему уже игуменомъ на Стромыни и переведенному въ

([12]) Горскаго, Истор. описан. Троицкой лавры, стр. 57 въ 1 примѣч.
([13]) Соборн. Лавр. № 8 л. 9.

лавру въ томъ же санѣ ([14]). Въ лѣтописяхъ и житіяхъ, когда говорится о игуменѣ или архимандритѣ, поступающемъ въ томъ же санѣ въ другой монастырь, вездѣ употребляется выраженіе «преведенъ бысть, преведоша», а не возведенъ или возведоша, что означаетъ поступленіе на высшую должность, сравнительно съ прежней; въ этомъ смыслѣ тоже выраженіе употребляется и о лицахъ, возведенныхъ на епископію ([15]).

Повторимъ, что Маркеллу легко было смѣшать два лица, современныя, носившія одно имя. И при новыхъ успѣхахъ исторической критики такое же смѣшеніе, и именно относительно Саввы, не разъ встрѣчаемъ у писателей нашего времени. Кромѣ Саввы сторожевскаго и Саввы стромынскаго, почти въ тоже время жили еще двое игуменовъ, съ тѣмъ же именемъ: одинъ былъ игуменомъ Троицкаго монастыря по смерти преп. Никона (1429—1432); другой—игуменомъ Сторожевскаго монастыря, послѣ смерти преп. Саввы сторожевскаго. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ составитель Исторіи росс. іерархіи, при описаніи Троицкой лавры, въ спискѣ игуменовъ лавры, на третьемъ мѣстѣ поставляетъ Савву *сторожевскаго* и говоритъ, что онъ игуменствовалъ въ лаврѣ 4 года съ 1429 ([16]). Дѣйствительно, по смерти Никона, игуменомъ лавры былъ Савва, но не сторожевскій, который скончался въ 1407 году. Полевой, въ своей исторіи ([17]), принявъ Савву сторожевскаго за одно лице съ третьимъ игуменомъ Троицкаго монастыря Саввою, годомъ смерти Саввы сторожевскаго полагаетъ 1432 годъ, вопреки яснѣйшимъ показаніямъ древности. Въ этомъ случаѣ ошибка могла произойти отъ того, что пр. Савва сторожевскій точно былъ игуменомъ Троицкаго монастыря послѣ Никона, но былъ игуменомъ при его жизни и только 6 лѣтъ, а потомъ Никонъ опять вступилъ на игуменство, Савва же перешелъ на Сторожу.

О древнемъ состояніи Стромынскаго монастыря мало сохрани-

([14]) Маркеллъ, лист. 33: «братія же не терпяще безъ настоятеля быти, со многимъ моленіемъ *возведоша* на игуменство блаженнаго Савву въ великую лавру».

([15]) 2-я Новгор. лѣтоп. подъ 1421 г.—Симона Азарьина рукоп. о новоявленн. чуд. пр. Сергія, въ библіот. М. Д. Акад., чудо о архим. Андріанѣ.

([116]) Истор. росс. іерарх. II, 175.

([7]) Истор. Р. Нар. том. V, примѣч. 308.

лось свѣдѣній въ историческихъ памятникахъ. Какъ монастырь обѣтный, построенный Донскимъ, онъ считался дворцовымъ: въ межевыхъ книгахъ московскаго уѣзда XVII вѣка о немъ написано: «Изстари тотъ Стромынскій монастырь былъ особнякъ, государево богомолье» (18). Кромѣ храма въ честь Успенія Богоматери, въ древнія времена, былъ при храмѣ придѣлъ во имя св. мучениковъ Флора и Лавра; съ довольною вѣроятностію можно указать и причину, почему именно въ честь сихъ святыхъ построенъ придѣлъ. Дмитрій Донской, предъ походомъ на Мамая, былъ въ монастырѣ у преп. Сергія въ воскресенье 18 августа: это день памяти св. мучениковъ Флора и Лавра. Послѣ литургіи, въ этотъ день преп. Сергій велѣлъ освятить воду «съ мощьми св. мученикъ Флора и Лавра» и потомъ этою святою водою кропилъ великаго князя и спутниковъ его (19). Конечно, въ память посѣщенія в. княземъ обители Сергіевой и былъ въ обѣтномъ велико-княжескомъ монастырѣ устроенъ, послѣ побѣды надъ Мамаемъ, храмъ въ честь мучениковъ, празднуемыхъ 18 августа.

Изъ исторіи монастыря въ XV вѣкѣ извѣстно, что въ 1472 году братъ в. князя Іоанна III, Юрій Васильевичь Дмитровскій, въ своей духовной грамотѣ, отказалъ въ монастырь Стромынскій село Алексино (20). Въ концѣ того же XV вѣка преп. Серапіонъ (въ послѣдствіи архіепископъ новгородскій), происходившій изъ подмосковнаго села Пехорки, бывшій священникомъ, овдовѣвшій и постригшійся въ монашество, пришелъ на жительство въ Стромынскій монастырь и здѣсь, по кончинѣ игумена, возведенъ на его мѣсто. Въ печатномъ прологѣ подъ 16 марта говорится, что преп. Серапіонъ «приходитъ въ монастырь Пресвятыя Богородицы честнаго ея Успенія *на островъ*, иже есть на Дубенкѣ». Но это ошибка: въ рукописномъ житіи преп. Серапіона, писанномъ въ 1677 году архимандритомъ Троицкой лавры Викентіемъ, и въ двухъ рукописныхъ экземплярахъ житія, принадлежащихъ также XVII

(18) Межев. книги московск. уѣзда 7183—7187 въ архив. Троицк. лавры.

(19) Никон. лѣт. IV, 99. См. еще Повѣданіе о побоищѣ в. к. Дмитрія Донск., въ Русск. историч. сборникѣ томъ III, 1838 г., стр. 16, 17.

(20) Собр. гос. гр. и дог. I,232. «А на Стромыню даю свое село Олексино и съ хлѣбомъ, что въ землѣ, опрочь стоячего хлѣба, и съ животиною; а что въ томъ селѣ серебра на людехъ, ино того серебра половина Пречистой, а другая половина тѣмъ хрестьяномъ, на коихъ то серебро».

вѣку, вмѣсто выраженія: *на островъ*, читается: *на Стромыню* (²¹). Издатели пролога или слѣдовали испорченному чтенію, или не разобрали слова: *на Стромыню*, и замѣнили оное созвучнымъ: *на островъ*. А что дѣйствительно Серапіонъ пришелъ въ Стромынскій, а не въ другой монастырь, это видно изъ того, что далѣе въ житіи разсказывается объ обстоятельствахъ, бывшихъ поводомъ къ основанію Стромынскаго монастыря, именно: объ обѣтѣ Донскаго и побѣдѣ его надъ Мамаемъ.

Свѣдѣній о состояніи монастыря въ XVI вѣкѣ не сохранилось; но изъ XVII вѣка уцѣлѣло нѣсколько документовъ, изъ которыхъ видно, что монастырь былъ тогда въ состояніи упадка. Въ 1603 году, при Годуновѣ, монастырь погорѣлъ, и грамоты древнія, хранившіяся въ немъ, сгорѣли. Царь Борисъ и потомъ Василій Іоанновичь Шуйскій, на мѣсто сгорѣвшихъ, дали монастырю новыя грамоты. А царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, передавъ Троицкому монастырю Радонежъ, запустѣвшій послѣ литовскаго раззоренія января 28-го 1616 года, передалъ и Стромынскій монастырь въ управленіе Троицкой обители. Но въ грамотѣ, данной на имя троицкаго архимандрита Діонисія, не было сказано, какъ вѣдать и строить тотъ монастырь впредь, и царь, по второй челобитной Діонисія, въ ноябрѣ того же года, далъ властямъ троицкимъ другую грамоту, писанную на пергаминѣ. Эта любопытная грамота сохранилась, и вотъ что въ ней читаемъ: «Божіею милостію, мы великій государь, царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичь, всеа Русіи самодержецъ, пожаловали есмя Живоначальные Троицы и преподобныхъ отцевъ Сергіа и Никона, радонежскихъ чудотворцевъ, богомольца своего архимарита Діонисія да келаря старца Аврамія Палiцына съ братьею, или кто по нихъ въ томъ монастырѣ иный архимаритъ, и келарь, и братья будутъ, что извѣщали они намъ: Въ лѣта благочестиваго государя великаго князя Дмитрея Ивановича Донскаго, Богу попущающу за грѣхи наша, слышано бысть, ординскій князь Мамай идетъ на русскую землю съ великими силами, и бысть въ людехъ ужасть велія. Князь же великій Дмитрей Ивановичь пріиде ко святому Сергію и вопроси его: аще повелитъ ему противу безбожныхъ изыти. Святый же благослови великаго

(²¹) Рукоп. жит. Серапіона, въ библіот. Троицк. лавр. № 637, 636, 694.

князя Дмитрея Ивановича и молитвою вооруживъ рекъ: изыди противу: Богу помогающу ти, побѣдиши. Князь же великій Дмитрей отходя, рече: аще Богъ поможетъ ми, святыми ти молитвами возвращуся, поставлю церковь пречистые Богородицы монастырь общежитье. И побѣдивъ безбожного Мамая, пріиде на Москву съ великою побѣдою, святому воздая благодать, и молитъ святаго обѣтъ свой исполнити, мѣсто обрѣсти и монастырь устроити. Сергій же, радонежскій чудотворецъ, обрѣте мѣсто верхъ рѣчки Дубенки, зовомо Стромыня, постави храмъ пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія, и обитель общую устроилъ, и *строителя въ ней оставилъ ученика своего Саву*, а на монастырское строеніе и братской покой князь великій Дмитрей Ивановичь къ тому монастырю далъ вотчину: и ныне де тотъ монастырь отъ частыхъ игуменовъ разорился и до конца запустѣлъ, только въ немъ живутъ два старца, и намъ бы пожаловать, велѣть имъ въ тотъ монастырь послать старца добраго, чтобъ тотъ монастырь до основанія не раззорился, и церковь бы Божія безъ пѣнія не была. И по ихъ извѣту дана была имъ архимариту Діонисію, да келарю старцу Аврамію Палицыну съ братьею наша грамота, а велѣно имъ тотъ монастырь Стромынской строить и крестьянъ называть, а такая де имъ наша грамота, почему имъ тотъ монастырь впредь вѣдати, не дана, и намъ бы ихъ пожаловать, велѣти имъ дати нашу жаловальную грамоту, почему имъ впредь тѣмъ монастыремъ и монастырскою вотчиною владѣть. И мы великій государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, для милости пресвятые и живоначальные Троицы и великихъ преподобныхъ отецъ Сергія и Никона радонежскихъ чудотворцевъ, Троицы Сергіева монастыря архимарита Діонисія да келаря старца Аврамія Палицына съ братьею, или кто по нихъ въ томъ монастырѣ иный архимаритъ и келари и братья будутъ, пожаловали, велѣли имъ тотъ Стромынскій монастырь и монастырскую вотчину вѣдати и строити по благословенію преподобнаго чудотворца Сергія по прежнему, *какъ въ чудотворцевѣ Сергіевѣ житьѣ про тотъ монастырь написано*. и сю нашу жаловалную грамоту на тотъ Стромынскій монастырь и на монастырскую вотчину велѣли есмя имъ дати, почему впредь тотъ монастырь строити и монастырскою вотчиною владѣти. Дана ся наша царская жало-

вальная грамота въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7125 года ноября въ 30 день» (22).

Еще до полученія второй грамоты, въ октябрѣ 1616 года, по приказанію властей троицкихъ, составлена была опись Стромынскаго монастыря, изъ которой видно, что въ монастырѣ былъ деревянный храмъ въ честь Успенія Богоматери, «да къ тому жъ храму на полатѣхъ придѣлъ во имя свят. мученикъ Флора и Лавра. А въ дву придѣлахъ образовъ и книгъ и свѣчь и иного никакого церковнаго строенья нѣтъ, и игуменъ Герасимъ да черной священникъ Аврамей Пречистые Богородицы Стромынскаго монастыря сказали, что въ тѣхъ придѣлахъ *снову* (т. е. съ тѣхъ поръ, какъ они вновь построены, послѣ пожара 1603 года) и по ся мѣста никакова церковнаго строенья не бывало, стоятъ не священы». Кромѣ главнаго храма Успенскаго, былъ еще тогда въ монастырѣ «храмъ деревянъ теплой на подклѣтѣ съ трапезою во имя великаго чудотворца Сергія». Къ владѣніямъ монастыря принадлежали въ московскомъ уѣздѣ: село Коровницыно (нынѣ Стромынь), деревни: Ботово, Еремино, Щекавцово, приселокъ Косягино и 33 пустоши; въ переславскомъ уѣздѣ на Шернѣ: деревни Зубцово, Новое, Погостъ, Осочники и Борокково на рѣчкѣ Дубенкѣ. «Да монастырскихъ рыбныхъ ловель въ рѣкѣ Шернѣ отъ устья рѣки Дубны, да въ рѣкѣ Клязьмѣ на 12 верстахъ» (23).

Поступивъ въ управленіе Троицкой обители, Стромынскій монастырь сталъ приходить въ лучшее положеніе; число братіи въ немъ умножилось; придѣлы при храмѣ Успенія, построенные послѣ пожара и остававшіеся безъ всякаго церковнаго устройства, были освящены: одинъ въ честь Рождества Христова, другой во имя св. Аѳанасія Великаго и Кирилла Александрійскихъ. Теплый храмъ во имя пр. Сергія освященъ по благословенію патріарха Филарета Никитича. По описи 1642 года Стромынскій монастырь представляется въ слѣдующемъ состояніи: «Троицкій Сергіевъ Стромынскій монастырь на рѣчкахъ на Дубенкѣ да на Гвозденкѣ, а около монастыря ограда деревянная заборомъ, а у ней двои ворота, одни красные, а другіе задніе на мельницу, а на красныхъ

(22) Грамота въ ризницѣ Троицк. лавры № 26.

(23) Опись въ библіот. Троицк. лавры № 60 глав. 28.

воротѣхъ деисусъ полной на празелени и на краскахъ. А въ монастырѣ церковь во имя Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія съ двѣма придѣлы, деревянная, верхъ шатровый; кресты обиты нѣмецкимъ желѣзомъ. А въ церкви Божія милосердія образовъ:

«Деисусъ стоящей, да двانадесять праздниковъ на одинхъ скахъ, да одиннадцать пророковъ, всѣ на празелени.

«Образъ мѣстной Пречистые Богородицы Успеніе на золотѣ, вѣнцы и цаты серебреные, рѣзные, позолочены, приложены въ прошломъ 148 (1640) году. Предъ мѣстнымъ образомъ Пречистые подсвѣчникъ съ яблокомъ золоченъ. На престолѣ сорочка крашенинная.

«Сосуды церковные: потиръ оловянъ, два блюдца оловянныя, звѣзда мѣдная, покровцы крашенинные.

«При строителѣ старцѣ Тихонѣ Пестриковѣ, въ прибыли ризы вкладные, дороги кашанскіе, бѣлые, оплечье отласъ кизылбашской золотной.

«Ко храмужъ Пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія придѣлъ Рождество Христово. Въ придѣлѣ сосуды церковные древяные. Другой придѣлъ Аѳонасія Великаго и Кирилла Александрійскихъ.

«Вверху надъ трапезою престолъ святыхъ мученикъ Флора и Лавра. На престолѣ сосуды деревянные, звѣзда желѣзная.

«Въ монастырѣ жъ теплый храмъ во имя великаго чудотворца Сергія съ трапезою, древянъ, верхъ шатровой, глава и шея обиты чешуею, крестъ обитъ нѣмецкимъ желѣзомъ.

«Въ Стромынскомъ монастырѣ братьи: священники Ѳеодоритъ новгородецъ, Аврамей стромынецъ. Рядовой братьи десять человѣкъ.

«Въ Стромынскомъ же монастырѣ, въ церкви Успенія Пречистыя Богородицы, благословенная грамота великаго государя святѣйшаго Филарета Никитича патріарха московскаго и всея Русіи на храмъ великаго чудотворца Сергія.

«Денегъ на лицо 10 алтынъ 3 деньги. Въ казенныхъ чулапахъ у старца Никодима три пищали монастырскаго дѣла. А на комъ, что взять (долги, взятые хлѣбомъ) и тому строитель старецъ *Тихонъ Пестриковъ* отдалъ новому строителю старцу *Филарету*

Киржацкому книги за поповыми руками». Между книгами упоминаются «пять книгъ разныхъ житей, вкладу архимандрита Діонисія» (24).

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, послѣ мороваго повѣтрія, бывшаго въ 1654 и 1655 годахъ, весь Стромынскій монастырь истребленъ былъ пожаромъ: обѣ церкви и все монастырское строеніе сгорѣли. Теплая церковь, послѣ пожара, была выстроена, но соборной Успенской церкви не было до 1678 года и въ этомъ году власти Троицкаго монастыря испросили у патріарха Іоакима благословеніе на построеніе соборной церкви. Въ грамотѣ патріаршей пишется слѣдующее: Божіею милостію великій господинъ, святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всея Россіи. Въ нынѣшнемъ въ 187 году писали къ намъ, святѣйшему патріарху, Пресвятыя и Живоначальныя Троицы Сергіева манастыря архимандритъ Викентій, келарь Кипріанъ, казначей Сергій съ братьею: въ прошлыхъ де годѣхъ послѣ морового повѣтрія въ Троицкомъ Стромынскомъ монастырѣ соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, и въ трапезѣ другая теплая церковь преподобнаго отца Сергія радонежскаго чудотворца со всѣмъ строеніемъ изволеніемъ Божіемъ сгорѣли, и теплая де церковь чудотворца Сергія съ трапезою послѣ того построена, а соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы и донынѣ не строена, и чтобъ намъ святѣйшему патріарху пожаловать ихъ, велѣти бъ въ Троицкомъ Стромынскомъ монастырѣ, на старомъ церковномъ мѣстѣ, построить вновь церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, и о томъ дать нашу благословенную грамоту. И азъ великій господинъ Іоакимъ, Божіею милостію патріархъ московскій и всея Россіи, архимандрита Викентія, келаря Кипріана, казначея Сергія съ братьею пожаловалъ, благословилъ, велѣлъ имъ на тое церковь лѣсъ ронить, и въ томъ лѣсу, въ Троицкомъ Стромынскомъ монастырѣ, на старомъ церковномъ мѣстѣ, построить вновь церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, а верхъ бы на той церкви былъ не шатровой, и олтарь велѣть бы сдѣлать круглой тройной, а въ церкви бъ во алтарныхъ стѣнахъ царскія двери были бъ посреди, а по правую ихъ сторону южныя, а по лѣвую сѣверныя, а подлѣ царскихъ дверей, по правую сторону,

(24) Опись Троицк. лавры 1642 г. въ ризницѣ Лавры № 1 л. 680.

межъ южныхъ поставить образъ Всемилостиваго Спаса, а подлѣ Спасова образа поставить образъ настоящаго того святаго храма, а по лѣвую сторону царскихъ дверей, межъ сѣверныхъ, въ началѣ поставить образъ Пречистыя Богородицы и иные образы по чину; а какъ та церковь совсѣмъ совершится и ко освященію изготовлена будетъ, и о освященіи тоя церкви и оантиминсѣ впредь бить челомъ намъ, святѣйшему патріарху. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7187 ноября въ 12 день» (25).

Въ послѣдній годъ жизни царя Феодора Алексѣевича, именно 1682-й, Стромынскій монастырь, вмѣстѣ съ другими монастырями, назначенъ къ содержанію учреждавшейся тогда Славяно-Греко-Латинской Академіи (26).

Въ 1764 году, при составленіи штатовъ, Стромынскій монастырь упраздненъ. Мѣсто его находится въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ села Стромыни, или что тоже Коровницына; оно обозначено часовнею и нѣсколькими уцѣлѣвшими до сихъ поръ надгробными камнями. Древнія иконы Стромынскаго монастыря перенесены въ храмъ села Коровницына, искони бывшаго во владѣніи монастыря. Въ древнія времена при этомъ селѣ былъ еженедѣльный торгъ и монастырь съ торгующихъ собиралъ пошлину. До насъ дошла грамота о семъ царя Василія Іоанновича Шуйскаго, писанная въ 1600 году; въ ней читаемъ: «Божіею милостію, мы великій государь, царь и великій князь Василей Ивановичь, всея Русіи самодержецъ, пожаловали есмя Пречистые Богородицы Стромынскаго монастыря игумена Мисаила съ братьею, что били они намъ челомъ и положили предъ нами жаловальную грамоту на торжекъ, что въ ихъ монастырскомъ селѣ Коровницахъ, а писана та грамота при царѣ Борисѣ противъ (т. е. согласно съ прежнею) прежніе жаловалные грамоты, а та де у нихъ прежняя жаловалная грамота сгорѣла въ тѣ поры, какъ монастырь погорѣлъ въ 111 году. И мы великій государь, царь и великій князь Василей Ивановичь, всея Русіи самодержецъ, Стромынскаго монастыря игумена Мисаила съ братьею, или кто по немъ въ томъ монастырѣ иный игуменъ, или строитель и братья будутъ, пожаловали, велѣли имъ тое жаловалную грамо-

(25) Грамот. въ архив. Троицк. лавр. N 16.
(26) Древн. росс. вивліоѳик. ч. VI, стр. 403, 404.

ту переписать и дать имъ жаловалную грамоту таковужъ, какова у нихъ была прежнихъ царей, что сбирать на торжку всякія пошлины въ монастырь на воскъ, на ладонъ и на осмьинъ, и игумену Мисаилу въ селѣ въ Коровинцахъ таможные пошлины велѣть сбирать по уставной грамотѣ въ монастырь, а торговать въ томъ селѣ на недѣлѣ въ одинъ день во вторникъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7114 августа въ 20 день» (27).

По описи лавры 1642 года въ селѣ Коровинцынѣ былъ «храмъ во имя великаго чудотворца Николы древянъ, клѣцки, ветхъ. На колокольницѣ два колокола, клепало желѣзное».

С. Смирновъ.

(27) Списокъ съ грамоты въ ризницѣ Троицк. лавр. № 24.

О ХЛѢБНОЙ ЧЕТВЕРТИ.

(по Карамзину.)

Значеніе словъ бываетъ перемѣнчиво. И Олегъ Вѣщій бралъ дань *съ сохи*, и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ бралась подать *съ сохи*; но смыслъ этого выраженія измѣнялся нѣсколько разъ. Неизвѣстно, когда именно началъ онъ дѣлаться переноснымъ, т. е. когда податная соха перестала исключительно означать всѣмъ извѣстное земледѣльческое орудіе. Вѣроятно, это сдѣлалось не вдругъ. Правду ли говоритъ Татищевъ, что уже въ 1272 году *за соху полагалось два работника*,—Карамзинъ не рѣшаетъ (Т. IV, пр. 152). Въ Новогородской грамотѣ 1437 года сказано: «се дахомъ черный боръ на сей годъ В. К. Василью Васильевичу всея Руси.... А брати Князь Великого черноборцемъ..... съ сохи по гривнѣ по новой... *А въ соху два коня, а третья припряжь; да чанъ кожевничской за соху; неводъ за соху; лавка за соху; плугъ за двѣ сохи; кузнецъ за соху; четыре пѣшци* (т. е. пѣшихъ работника) *за соху; лодья за двѣ сохи; црѣнъ за двѣ сохи.*» (т. V, пр. 283), (црѣнъ, или цырена, большая желѣзная сковорода, употребляемая при солевареніи). Дѣйствительно ли впрягалось въ соху три лошади? не думаю. Сколько же впрягалось въ плугъ, который кладется за двѣ сохи? «Въ соху два коня, третья припряжь»—не значитъ ли, что тройка ѣздовыхъ, или рабочихъ лошадей клалась за одну соху, какъ неводъ, какъ лавка, и проч?

Въ концѣ XV вѣка податная соха состояла изъ трехъ *обжей*, а «обжею называлось тягло» (Карамз.), или крестьянское полевое хозяйство. Такъ въ книгѣ Помѣстнаго Приказа: «деревень по старому письму 21, а дворовъ въ нихъ сорокъ пять, а людей 48, а обежъ 47, а сохъ шестнадцать безъ трети» (Кар. т. V, пр. 103). Что податная соха состояла изъ обжей въ 1478 году, видно изъ примѣчанія 172 къ VI тому Ист. Г. Р. При Іоаннѣ IV, въ 1579 году, въ податную соху клалось 64 двора, пашенныхъ и *безпашенныхъ* (Т. IX, пр. 816). Только въ концѣ XVI вѣка, въ книгѣ о сошномъ и вытномъ письмѣ, податная соха *впервые* опредѣляется четвертя-

ми: «въ сохѣ добрые земли 800 четвертей, средніе земли 1000, худые 1200 ч.» (тамъ же). Это то послѣднее значеніе податной сохи г. Бѣляевъ относитъ къ «старой Руси» вообще и говоритъ объ немъ, приводя уставную Бѣлозерскую грамоту 1488 года, т. е. ошибаясь на цѣлое столѣтіе (см. Русск. Бесѣду за 1859 г., I, стр. 79). Отсюда видно, какъ важна исторія словъ! И теперь говорятъ «десятина луга, десятина лѣса», и въ XVII вѣкѣ говорили также; но десятина луга означала тогда опредѣленное число копенъ сѣна: по Бѣлевскомъ писцовымъ книгамъ 20, по другимъ только 10. Это послѣднее число и принято въ Сводѣ Законовъ (Зак. Меж., ст. 570). Въ XVII вѣкѣ, на шести прокопныхъ (т. е. лѣсныхъ) десятинахъ помѣщалось *пятнадцать* крестьянскихъ дворовъ со всѣми угодьями (Бѣл. Вивл. т. I, стр. 501). Слѣдовательно, тогдашняя лѣсная десятина была гораздо больше теперешней. Говоря о Бѣлевскихъ писцовыхъ книгахъ въ 11 N Моск. Вѣка, я утверждалъ, что всеобщей единицы для измѣренія земли въ Россіи не было до генеральнаго размежеванія и что старинная земельная четверть никакимъ образомъ не могла равняться 1200 квадр. саженямъ, означая то пространство, на которомъ высѣвалось четверть ржи... Но старинная хлѣбная четверть равнялась ли нынѣшней? и говоря о старинной четверти въ единственномъ числѣ, не впадаемъ ли мы въ ту же самую ошибку, въ какую впалъ г. Бѣляевъ, говоря о сохѣ? Можетъ быть, старинная четверть нѣсколько разъ измѣнялась; можетъ быть, въ XVII вѣкѣ, четверть ржи совсѣмъ не равнялась той четверти, о которой говорится въ XII вѣкѣ... Да и что за слово четверть? Четвертую долю *чего* составляетъ она?

Исторія хлѣбной мѣрки есть предметъ столько же важный, сколько и трудный. Не зная отношенія теперешней мѣры къ старинымъ мѣрамъ, нельзя имѣть никакого понятія о старинныхъ цѣнахъ на хлѣбъ и на трудъ; весь бытовой механизмъ остается во мракѣ.

Опредѣленіемъ старинныхъ хлѣбныхъ мѣръ, кажется, никто еще у насъ не занимался: я не берусь также за удовлетворительное разрѣшеніе этого важнаго вопроса, а представлю только нѣкоторыя соображенія. На безрыбьѣ и ракъ рыба.

Въ 8 прим. къ III тому, Карамзинъ заимствуетъ изъ хронографовъ слѣдующее извѣстіе: «Отъ того времени (т. е. со времени страшнаго голода, бывшаго въ 1602 году) начаша въ Москвѣ и

во всѣхъ городахъ русскихъ всяко жито четвериками покупати. А четверикомъ именуется осьмая доля четверти, а прежнія мѣры, которыя именуемы четверти, то бывало четвертая доля бочки, или кади; тѣже и *оховами* званху: оковаху бо верху тое кади желѣзнымъ обручемъ для того, чтобы нельзя было урѣзати.» Если четверть окова равнялась нашей теперешней четверти, то въ самой оковѣ содержалось слишкомъ 68 ведеръ: 40 ведеръ=2, 34 четвертямъ (см. таблицы и формулы П. И. Липпа, т. I, стр. 261). Съ перваго взгляда это кажется невѣроятнымъ... Странная была мѣрка чуть не въ двѣ сороковыхъ бочки; по неволѣ вспомнишь наши народныя сказки о богатыряхъ.... Но эта странность только кажущаяся; на самомъ же дѣлѣ, оковъ имѣлъ естественное основаніе и былъ очень великъ, хотя и не равнялся теперешнимъ четыремъ четвертямъ. Стоитъ вспомнить о нашей любимой народной единицѣ при куплѣ и продажѣ разныхъ хозяйственныхъ продуктовъ, именно о *возѣ*, и объемъ окова сдѣлается понятенъ по аналогіи. Не говорю о томъ, что солома изъ ометовъ, хоботье и мякина продаются не иначе, какъ возами, но такимъ же образомъ, не смотря на высокую цѣну, до сихъ поръ продаются и дрова на городскихъ рынкахъ; очень часто возъ сѣна покупается безъ вѣсу и возъ угля безъ мѣры; на югѣ Россіи возами продаются арбузы; въ старину возами продавались овощи, даже во время самой страшной дороговизны: въ 1215 году на новогородскихъ рынкахъ, по словамъ лѣтописца «купляхуть рѣпѣ возъ по двѣ гривнѣ» (Кар. т. III, пр. 161). Русскому человѣку слово «возъ» всегда казалось и теперь кажется чѣмъ-то очень опредѣлительнымъ. По всей вѣроятности, первоначальной мѣрой для всякаго хлѣбнаго зерна было то количество, которое можно увезти на одноконной подводѣ. Вѣсъ этого количества зависитъ отъ лошадиной силы, которая имѣетъ свои крайніе предѣлы и свою среднюю величину... A priori приходишь къ той мысли, что *оковъ есть одноконный возъ, переведенный въ мѣру емкости*. Но при нагрузкѣ воза зерномъ соображаются съ силой лошади и имѣютъ въ виду одинъ только вѣсъ, а не объемъ; объемъ же зерноваго груза, при совершенно одинаковомъ вѣсѣ, можетъ быть очень различенъ, глядя по роду нагруженнаго хлѣба: 25 пудовъ овса объемистѣе 25 пудовъ гречи, греча объемистѣе ржи, рожь—пшеницы... Какой же хлѣбъ принять за основаніе для опредѣленія одной общей мѣры

емкости? Разумѣется, рожь, которая всегда была главнымъ хлѣбомъ и составляла основу русскаго хозяйства. Въ книгѣ Помѣстнаго Приказа (Кар. т. VI, пр. 600) величина запашки опредѣляется количествомъ высѣваемой ржи, *одной только ржи*, а не другаго хлѣба, хотя въ той же книгѣ, при исчисленіи дохода съ описываемыхъ деревень, говорится и о пшеницѣ, и объ овсѣ и объ ячменѣ. Въ одной грамотѣ XVI в., о повинностяхъ Никольскихъ крестьянъ Соловецкаго монастыря читаемъ.... «А повозъ везти къ Вологдѣ, съ выти по лошади: *а на лошади везти по четыре четверти ржи*, а овса по шти четвертей; а съ Вологды везти въ село Никольское.... на тѣхъ же коняхъ на выть *по полутретьядцати пудовъ* соли; а пшеница и горохъ и сѣмя и крупа запарная и толокно *класти противу ржи*, а солодъ и гречневая крупа класти на лошадь по пяти четвертей...» (Акты Археогр. Эксп. т. I, N 258). И такъ, на одноконный возъ, въ XVI вѣкѣ, сыпали по четыре четверти ржи. *Четверть*, какъ мѣра емкости, есть четвертая доля окова, а четверть *ржи*, какъ извѣстная тяжесть, есть четвертая доля груза на одноконной подводѣ: очевидно, что обыкновенный объемъ того количества ржи, которое возили на одноконной подводѣ, принятъ за общую мѣру емкости и названъ оковомъ. «На тѣхъ же конехъ везти на выть *по полутретьядцати пудовъ* соли».. Полтридцать значитъ двадцать девять съ половиною (см. Историч. грамматику Буслаева, стр. 131). Если четыре четверти ржи замѣнялись $29\frac{1}{2}$ пудами, то одна четверть замѣнялась *семью* пудами *пятнадцатью* фунтами. Замѣчательно, что теперь, при поставкѣ ржи въ казну, за единицу принимается не торговая обыкновенная четверть въ 9 п. 5 ф., а куль въ 7 пуд. 15 фунтовъ (и въ провіантскомъ вѣдомствѣ есть историческій элементъ). Но тутъ естественно рождается вопросъ: слово «пудъ» выражало ли въ XVI вѣкѣ тоже самое вѣсовое количество, какое выражаетъ теперь? До сихъ поръ цѣлы многіе колокола, отлитые въ XVI-мъ вѣкѣ; вѣроятно, что на нѣкоторыхъ означенъ вѣсъ: если бы одинъ изъ такихъ колоколовъ свѣсить, то отношеніе старинаго московскаго пуда къ нынѣшнему опредѣлилось бы довольно вѣрно. Но дѣло было бы легче, еслибъ нашлись письменные памятники (какіе можно предполагать по причинѣ значительной торговли сначала Новгорода съ Ганзейскими городами, а потомъ Москвы съ Ан-

глісії) о точномъ отношеніи нашихъ старинныхъ вѣсовыхъ единицъ съ германскими; тѣже, которые напечатаны въ примѣчаніяхъ къ Исторіи Гос. Россійск., чрезвычайно неопредѣлительны, даже сбивчивы... Сравнимъ однако указанное въ Соловецкой грамотѣ количество, 29½ пудовъ, съ среднеі силой теперешней крестьянской лошади. Въ настоящее время, на барщинскую однокопную подводу насыпается пять осминъ ржи, т. е. 22 пуда 32½ фунта; съ найма на такой же лошади возится 28 пудовъ. Хорошая извощичья лошадь по простой дорогѣ (не по шоссе) можетъ везти до 35 пудовъ; по такихъ лошадей немного. Очевидно, что пудъ, о которомъ говоритъ соловецкая грамота, не могъ быть въ 1, 22 разъ болѣе нынѣшняго пуда, въ противномъ случаѣ, каждой крестьянской лошади пришлось бы везти 36 пудовъ,—это слишкомъ много; не могъ быть и въ 1, 34 менѣе: иначе возъ былъ бы только въ 22 пуда,—это слишкомъ мало, потому что каждая крестьянская лошаденка возитъ теперь съ барщины 22 пуда 32½ фунта; а порода крестьянскихъ лошадей замѣтно ухудшается съ каждымъ годомъ. И такъ очень можетъ быть, что пудъ, о которомъ говоритъ соловецкая грамота, равнялся теперешнему пуду; но между *можетъ быть* и *должно быть*—разница большая. Въ 298 примѣчаніи къ I тому Исторіи Гос. Россійск. выписанъ расчетъ изъ устава ратныхъ дѣлъ, составленнаго при Шуйскомъ; по этому расчету «ядро Василиска вѣсило 70 гривенокъ, и 240 такихъ ядеръ равнялись 168 контаревъ; а въ контарѣ 2½ пуда.» Отсюда видно, что гривенка есть сороковая часть пуда. Въ посольскихъ же дѣлахъ прусскихъ (1518 г.) сказано: «зовется марка, а у насъ по русски гривенка, а *каяжда гривенка на шестнадцать лотовъ раздѣлитца*» (ibid.) Если гривенка, сороковая часть пуда, равнялась 16 лотамъ, т. е. полуфунту, то и самый пудъ равнялся только половинѣ нынѣшняго пуда. Карамзинъ ссылается на старинныя рукописныя ариѳметики, въ которыхъ упоминается, что гривенка была двоякая—большая и малая, что первая равнялась фунту, а вторая полу-фунту. Но нѣмецкое слово *фунтъ* вошло въ употребленіе только при Петрѣ I, или по крайней мѣрѣ никакъ не раньше конца XVII вѣка. Въ Бѣлевскихъ писцовыхъ книгахъ (1631 г.) вѣсъ означается гривенками: «оброчнаго меду по 16 гривенокъ съ четью гривенки меду на годъ» (Бѣл. Вивл. т. I, станъ погорѣльскій, № 14). Въ замѣчательной рукописи, изданной г. Безсоновымъ и сочинен-

ной не ранѣе 1663 года (см. рукопись, N 1, стр. 59), часто говорится о вѣсовыхъ единицахъ, но вездѣ употребляется слово гривна, а не фунтъ. «Таланъ бо (еврейскій) тяжаша гривенъ 125, или пуды три и гривенъ пять» (*) (№ 1, стр. 10) «Плавари краля дацкаго изъ... Зеленыя земли привезли есуть руду сребрену, изъ коей сто вѣсовныхъ гривенъ... дало 26 полтинъ добраго сребра» (N 1, стр. 61). «Да держитъ (общій градскій мѣрникъ) куски свинечные, куски мѣдные на вѣсъ одного золотника и множихъ и полтинки и цѣлыя гривны» (№ 1, стр. 21). И такъ если въ рукописныхъ ариѳметикахъ, на которыя ссылается Карамзинъ, говорится о *фунтѣ*, то эти ариѳметики не древнѣе XVIII-го вѣка, и положиться на нихъ нельзя. Къ томуже, въ нихъ содержится еще и слѣдующее извѣстіе: «берковецъ равняется десяти пудамъ, четверть вощаная или капь—двѣнадцати пудамъ; ансырь 2½ гривенки и 8 золотниковъ (128 золотниковъ); а нынѣшній ансырь, или фунтъ равняется 96 золотникамъ» (Кар. т. III, пр. 252). Если прежній ансырь соотвѣтствовалъ фунту (который названъ даже нынѣшнимъ ансыремъ), можно подумать, что въ прежнемъ пудѣ было 40 ансырей, т. е. 53⅓ фунта. Но, кажется, въ древнихъ актахъ вовсе не упоминается объ ансырѣ; чтоже касается до гривенки, то, дѣйствительно, изъ нѣкоторыхъ примѣчаній къ Истор. Г. Р. (гдѣ сообщаются лѣтописныя извѣстія о переливѣ денегъ и о цѣнахъ на съѣстные припасы) можно заключить, что гривенка была двоякая: гривенка серебра называется «коловою» (т. VIII, пр. 67), а гривенка, служившая вѣсовой единицей при мелочной продажѣ, называется «рублевою»: «бысть во Псковѣ (1462 г.) темьянъ дорогъ, по 60 денегъ рублевая гривенка» (т. VI, пр. 629). Авторъ рукописи, изданной г. Безсоновымъ, называетъ пол-гривны полтиною. Слово «полтина» Карамзинъ производитъ отъ глагола распластать, располотить.... Прилагательное «коловая» не происходитъ ли отъ глагола расколоть, раздвоить? Въ такомъ случаѣ, коловая гривенка точно бы также означала половину рублевой гривенки, какъ полтина означаетъ половину рубля.... Но коловая гривенка—вѣсъ нѣмецкій: неужели свою домашнюю вѣсовую гривенку русскіе славяне иско-

(*) Если вѣсъ еврейскаго талана опредѣленъ научнымъ образомъ прежде 1663 года, то изъ словъ автора рукописи можно вывести опредѣленіе нашего пуда въ XVII-мъ столѣтіи.

ни и повсемѣстно приравняли двумъ нѣмецкимъ маркамъ? Такая точность совершенно не въ русскомъ духѣ. Серебряная гривенка была монетной единицей, и, какъ орудіе международной мѣны, по неволѣ требовала опредѣленности строгой и общей, да и то въ 1316 году Новгородцы обязались уплатить Михаилу Тверскому 12 тысячъ серебра по *низовскому* вѣсу (т. IV, пр. 221). Своя же домашняя гривенка, разумѣется, подчинялась стародавнимъ мѣстнымъ обычаямъ гораздо болѣе, нежели правительственнымъ регламентаціямъ. Да и бывали ли таковыя до усиленія Московскаго княжества? Въ новгородскихъ грамотахъ до Іоанна III упоминается о низовскомъ вѣсѣ; а въ 1498 году говорится о пудахъ московскихъ (т. VI, пр. 421). Едва-ли кто станетъ утверждать, что вѣсовыя единицы въ Новгородѣ не различались отъ низовскихъ и московскихъ. Когда именно вѣсовая гривенка сдѣлалась равна двумъ нѣмецкимъ маркамъ? вѣсовая гривенка и ансырь были ли когда нибудь словами однозначащими? Это рѣшительно неизвѣстно. Если когда нибудь въ пудѣ содержалось сорокъ ансырей, то конечно *до* написанія соловецкой грамоты, приведенной выше, въ противномъ случаѣ каждой лошади Никольскихъ крестьянъ пришлось бы везти болѣе 39 пудовъ 12 фунтовъ, что совсѣмъ невѣроятно (*). По кажется, что ансырь былъ татарскимъ вѣсомъ и ничего общаго не имѣлъ съ рублевой гривенкой. Странно лишь то, что о величинѣ ансыря сохранилась память во времена Петра I. Авторъ рукописи, изданной г. Безсоновымъ, между многими pia desideria, высказываетъ и слѣдующее: «Полезно есть, аще пѣнязи, вѣсы и мѣры, суконныя, житныя и пивныя будутъ по всемъ кралевствѣ тако устроены, *да не будетъ каковыя отмѣны:* колико есть можно, добро есть и со сусѣдми держать згоду въ мѣрахъ» (№ 1, стр. 20). Изъ этого можно заключить, что отмѣны бывали и «згода» въ вѣсахъ и мѣрахъ не держалась... Что касается до хлѣбной мѣры, то она имѣла естественное основаніе, т. е. среднюю силу рабочей крестьянской

(*) Вологодскій пудъ могъ не равняться московскому; но уже въ 1498 году грузы иностранныхъ товаровъ, получаемые въ Новгородѣ, вѣсились *московскими* пудами: мудрено допустить, чтобы въ половинѣ XVI вѣка офиціальная грамота говорила о пудахъ вологодскихъ, а не московскихъ, тѣмъ болѣе, что никольскимъ крестьянамъ случалось «повозъ возить къ Москвѣ,» какъ говоритъ таже грамота.

лошади и могла измѣняться только въ извѣстныхъ предѣлахъ: оковъ былъ тяжеле 22 пудовъ (нынѣшнихъ) и легче 36. Такъ было въ XVI вѣкѣ, такъ было и въ глубокую старину, когда память о значеніи окова еще не утратилась. Впрочемъ, есть извѣстіе, которое, по видимому, противорѣчитъ нашему опредѣленію окова: «въ лѣто 110 (1602), говоритъ псковскій лѣтописецъ, купили четверть ржи по два рубля, а жита (т. е. ячменя) потомужъ; *а четверть была старая, не велика, противу нынѣшней вдвое меньше*, а овса по рублю по десяти алтынъ» (Кар. Т. XI, пр. 165). Но дѣло въ томъ, что «старой» четверти въ Псковѣ вовсе не было; даже и во второй половинѣ XV вѣка тамъ продовали и покупали зерновой хлѣбъ не оковами и четвертями, а *зобницами;* четверть же вошла у Псковвичей въ употребленіе не прежде Іоанна IV. Карамзинъ полагаетъ, что въ XIV вѣкѣ зобница равнялась осьминѣ, впрочемъ гораздо вѣроятнѣе, что зобница соотвѣтствовала какой нибудь нѣмецкой мѣрѣ. Въ 1458 году, зобница была увеличина: «прибавиша Псковичи зобницы» (Кар. Т. V, пр. 386). Не о старой ли зобницѣ говоритъ лѣтописецъ въ 1602 году? въ этомъ году былъ извѣстный страшный голодъ при Годуновѣ: кажется, что «старая четверть» была только придиркой со стороны продавцовъ для уменьшенія хлѣбной мѣрки? Подобныя вещи дѣлались на нашей памяти въ 1840 году.

Кромѣ псковской зобницы, были и другія мѣстныя названія хлѣбныхъ мѣръ. Въ 1162 году, когда вслѣдствіе засухи и морозовъ сдѣлалась дороговизна, «купляхомъ *кадку малую*», говоритъ новодородскій лѣтописецъ «по семи кунъ». Здѣсь, кажется, «кадкою» названа четверть: ровно столько же (т. е. 7 кунъ) стоила четверть ржи въ 1137 году, когда Новогородцы, лишенные подвозовъ, терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ, и возроптавъ на избраннаго ими князя Святослава Ольговича, изгнали его (Кар. т. II, гл. IX). Въ примѣчаніи 79 ко II тому есть между прочимъ слѣдующая выписка изъ древнихъ рукописей: «а въ селѣ сѣяно ржи на два плуга шестнадцать *кадей ростовскихъ*».... Очевидно, что кадь ростовская не могла равняться окову, или возу: шестнадцати возовъ ржи на два плуга не разсѣешь: это физически невозможно. Вѣроятно, *ростовская кадь* равнялась четверти, а можетъ быть и осьминѣ. Во Псковѣ была *четвертка*, которая гораздо меньше

зобницы: «а ржи *пошла* четверетка» (говоритъ псковскій лѣтописецъ, описывая голодъ 1420 года), «чего кто запросилъ; а еже бы гдѣ зобница купити, таковыхъ мало обрѣтаху» (т. V, пр. 222). Вѣроятно, эта четвертка была четвертою долею зобницы. Въ Новгородѣ была тоже четвертка, но гораздо бо̀льшая; она составляла не менѣе четвертой доли *коробьи*, другой новогородской мѣры: «бысть того лѣта (1535) купили четверетку ржи по *двѣ* деньги, а коробью ржи по *семи* денегъ (Кар. т. VIII, пр. 71). Сама же коробья была немного болѣе теперешнихъ двухъ четвертей: въ книгѣ Помѣстнаго Приказа сказано, что на обжу высѣвалось *три* коробьи ржи; въ настоящее время, въ многоземельныхъ имѣніяхъ, тягло обыкновенно обработываетъ шесть тридцатныхъ десятинъ въ клину (три на себя и три на помѣщика). Полагаю, что безо всякой натяжки, такую же величину клина можно принять и для новогородскихъ крестьянъ XV и XVI вѣка. Круглымъ числомъ на десятину высѣвается 8½ четвериковъ ржи; слѣд. три коробьи приблизительно равнялись 51 четверику, или 6 четвертямъ и 3 мѣркамъ. Думаю, что коробья, какъ хлѣбная мѣра, произошла отъ какой нибудь древней своеобразной телѣжки у новогородскихъ крестьянъ, на которой много зерна помѣститься не могло. Въ Сводѣ Законовъ (Зак. Меж. ст. 573) коробья приравнена двумъ стариннымъ четвертямъ. Въ извѣстной Двинской грамотѣ В. К. Василья Димитріевича упоминается еще о *пузѣ*: «а сотскому и подвойскому пошлинка съ лодьи *по пузу ржи* у гостя». Пузо, или пузъ, было мѣрой соленою (Кар. т. II, пр. 267); но, какъ видно, употреблялось и для зерноваго хлѣба. Объемъ пуза мнѣ неизвѣстенъ.

О хлѣбныхъ четвертяхъ и осьминахъ упоминается уже въ XII вѣкѣ. Желательно было бы удостовѣриться, что и въ XII вѣкѣ величина хлѣбной четверти не выходила изъ тѣхъ предѣловъ, которые я указалъ выше при разборѣ Соловецкой грамоты XVI вѣка? О сравненіи для этого цѣны на зерновой хлѣбъ съ цѣнами на другіе предметы и говорить нечего: взаимное отношеніе цѣнъ двухъ предметовъ въ различныя времена бываетъ далеко не одинаково. Такъ на прим. въ Русской Правдѣ *княжескій* конь не оцѣненъ и въ 15 разъ дороже барана; въ настоящее время баранъ стоитъ 2 руб., а за 30 р. едва купишь порядочную мужичью

лошаденку; киргизы за хорошую лошадь даютъ по нѣскольку сотъ барановъ. Волъ, по Русской Правдѣ, только *втрое* дешевле княжескаго коня; теперь волъ стоитъ рублей 25, а за 75 не купишь и посредственной городской одиночки... Въ самомъ концѣ XVI вѣка лосиная кожа была *дороже* бобра, а волчья *немного* подешевле (волкъ 53, бобръ 90, соболь 71, кожа лося 100) одинъ рубль (Кар. т. X, пр. 309). Вотъ какая можетъ быть разница во взаимномъ отношеніи цѣнъ на одни и тѣже предметы въ разное время!

Поэтому было бы важно опредѣлить по лѣтописямъ для каждаго столѣтія особо: а) сколько четвертей ржи насыпалось на одноконную подводу? в) сколько четвертей ржи могъ ежегодно высѣвать одинъ работникъ? с) сколько четвертей ржи шло на прокормленіе одного человѣка въ годъ? Слѣдуя въ настоящей статьѣ одному Карамзину, я ограничусь слѣдующими соображеніями. На новгородскихъ рынкахъ, въ XII и XIII в., ржаной печеный хлѣбъ продавался не ломтями на вѣсъ, но цѣлыми ковригами, такъ, какъ и теперь продаются бѣлые т. н. французскіе хлѣбы въ городскихъ булочныхъ. Но для бѣлыхъ хлѣбовъ у насъ существуетъ узаконенный вѣсъ, а объ вѣсѣ ржаной ковриги въ XII и XIII в. лѣтописцы не упоминаютъ. На чемъ же основывалась ея величина? Вѣроятно, всякаго, кто живалъ по великорусскимъ деревнямъ, поражала одинаковость объема крестьянской ковриги; повсемѣстно ржаной хлѣбъ словно по одной мѣркѣ печется: вѣсъ домашней крестьянской ковриги не превышаетъ 30 фунтовъ и рѣдко бываетъ менѣе 20, и то на самую малость. Такое однообразіе зависитъ отъ естественныхъ условій: а) при печеніи нашихъ *круглыхъ* ржаныхъ хлѣбовъ удобнѣе раздѣлить все тѣсто на меньшее число ковригъ, то есть каждую ковригу дѣлать больше и толще, тутъ и время при валяньѣ выигрывается и бо̀льшее количество хлѣба печется за разъ; в) но слишкомъ большая коврига дурно пропекается, и сажать ее въ печь и вынимать оттуда очень тяжело. Потому-то повсемѣстно и существуетъ средняя величина домашней круглой ковриги. Въ городахъ и на постоялыхъ дворахъ по большимъ дорогамъ, продажная коврига бываетъ вѣсомъ фунтовъ въ 50: продавцу выгодно печь большія ковриги, потому что хлѣбъ продается ломтями *на вѣсъ*; но въ древнемъ Новгородѣ этого не было,—прода-

валась цѣлая коврига безъ вѣсу.... Какая жъ тутъ могла быть норма, кромѣ обычая, основаннаго на естественныхъ условіяхъ, которыя и теперь существуютъ? Въ Москвѣ и Петербургѣ пекутся на продажу маленькія ржаныя ковриги фунтовъ по 10, но очень высокія, напоминающія форму московской сайки; онѣ сажаются въ печь рядами, съ двухъ сторонъ соединяются другъ съ другомъ слипухами. Такимъ образомъ, при маломъ вѣсѣ ковриги, въ одной печи испекается большое количество хлѣба. Эти ковриги выходятъ четвероугольныя, а не круглыя: крестьяне и мѣщане нигдѣ не пекутъ подобныхъ хлѣбовъ,—это форма не *народная*, и слѣд. не *древняя*. При такой формѣ, вѣсъ ковриги можетъ быть чрезвычайно разнообразенъ, а въ Новгородѣ ковриги продавались безъ вѣсу. Поэтому, кажется, смѣло можно положить, что древняя новогородская коврига была не четвероугольная, а круглая и слѣд. равнялось теперешней домашней крестьянской ковригѣ, т. е. вѣсила отъ 20 до 30 фунтовъ. Посмотримъ же, какъ относилась цѣна новогородской ковриги къ цѣнѣ четверти ржи. Въ 1170 году четверть ржи стоила гривну (кунами, а не серебромъ), а печеный хлѣбъ— двѣ ногаты (т. III, пр. 8), то есть, цѣна *десяти* печеныхъ ковригъ равнялась цѣнѣ четверти ржаного зерна (*). Въ 1188 году четверть стоила полторы гривны, а печеный хлѣбъ двѣ ногаты (т. III, пр. 8), т. е. пятнадцать ковригъ равнялись одной четверти (по цѣнѣ). Въ 1228 году четверть стоила ³/₄ гривны, хлѣбъ—двѣ куны (т. III, пр. 320); въ 1230 году, передъ страшнымъ голодомъ, въ томъ же году бывшемъ, четверть стоила 5 гривенъ, хлѣбъ—8 кунъ (пр. 332). Если мы послѣдуемъ Карамзину и примемъ, что въ гривнѣ было 25 кунъ, а не 30 (**), то выйдетъ, что въ 1228 году цѣна

(*) Въ гривнѣ кунами было двадцать ногатъ.

(**) Доказательство Карамзина основывается на томъ, что ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ, нигдѣ куны не показываются *числомъ кратнымъ отъ 25* (т. е. ни 50, ни 75), между тѣмъ какъ за побои безъ знаковъ, по уставу Ярославову, полагалось пени *шестьдесятъ кунъ*... еслибъ въ гривнѣ было 30 кунъ, то было бы сказано 2 гривны, а не 60 кунъ. Самъ Карамзинъ приводитъ изъ харатейной кормчей книги одно мѣсто, которое какъ будто противорѣчитъ его счету: «сорокоустье *на гривну пятью служити, а на шесть кунъ одиною*» (т. II, пр. 79), но очень справедливо замѣчаетъ на это, что «въ заказанныхъ вдругъ пяти сорокоустьяхъ священники *могли уступать на каждое по кунѣ*».

четверти равнялась цѣнѣ 9, 37 ковригъ, а въ 1230—цѣнѣ 15, 62 ковригъ, то есть, мы получимъ почти такія отношенія, какъ и два предыдущія: четверть ржанаго зерна равнялась по цѣнѣ либо *десяти*, либо *пятнадцати* ковригамъ.

Въ настоящее время цѣна ржанаго печенаго хлѣба почти равняется цѣнѣ зерна при одинаковомъ вѣсѣ, т. е. пудъ хлѣба стоитъ столько же, сколько пудъ ржи (*). Въ XII и XIII в. (не останавливаясь однако при этомъ на вознагражденіи за помолъ и печенье) было тоже. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, возьмемъ для четверти среднее (по цѣнѣ) число ковригъ—12½, а для ковриги средній вѣсъ 25 фунтовъ; мы получимъ отсюда, что четверть ржи въ древнемъ Новгородѣ равнялась *семи* пудамъ *тридцати двумъ* фунтамъ, по нынѣшнему вѣсу,—цифра, близко подходящая къ той, которая показана въ Соловецкой грамотѣ XVI вѣка. Во время страшнаго голода въ 1230 году цѣна четверти равнялась цѣнѣ только *семи* ковригъ (т. III, пр. 335). Дѣло понятное: цѣна печенаго хлѣба, въ голодные года, возвышается болѣе, нежели цѣна зерна и муки: такъ было въ 1840 году, такъ было и въ 1420. Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что въ этомъ году «толми быстъ дорогъ хлѣбъ, яко о единомъ коврзѣ дати полтина, или каково портище» (т. V, пр. 222), между тѣмъ какъ цѣна за четверть ржи доходила тогда только до *полутора* рубля (ibid).

Л. Опухинъ.

(*) Всякому извѣстно, что изъ пуда муки выходитъ пуда полтора хлѣба. Этотъ излишекъ называется *припекомъ*. Когда хлѣбъ сыръ, дурно пропеченъ, припеку бываетъ больше; когда мука слишкомъ мелкаго размолу, припеку бываетъ меньше, но хлѣбъ не вкусенъ, не довольно ноздреватъ—«не восходчивъ»—и тяжелъ для желудка. Хорошая ржаная мука непремѣнно должна быть крупнаго размолу. Это зависитъ, кажется, отъ того, что при мелкомъ размолѣ *обыкновеннымъ, большимъ* жерновомъ, крахмальныя зернинки большею частью разрушаются и теряютъ способность набухать надлежащимъ образомъ. Крупичатая (пшеничная) и пеклеванная (ржаная же) мука—чѣмъ мельче, тѣмъ лучше; но онѣ мелются *малыми, мелкими* жерновами.... Что въ готовомъ, вскиспувшемъ тѣстѣ содержится множество неразрушенныхъ, но разбухшихъ крахмальныхъ зернинокъ, въ этомъ легко удостовѣриться посредствомъ микроскопа; какъ видно, не всѣ онѣ разрушаются при хлѣбномъ броженіи.

О ЗНАЧЕНІИ ПИСЬМЕННЫХЪ ГОЛОВЪ.

Исторія должностныхъ лицъ въ древней Россіи до сихъ поръ еще весьма мало разработана. Не смотря на то, что въ изслѣдованіяхъ касательно древняго законодательства, суда, администраціи, финансовъ и т. под., нельзя было не коснуться значенія разныхъ должностныхъ лицъ, наши изслѣдователи большею частію не давали себѣ труда поискать въ источникахъ и сравнить тѣ мѣста, гдѣ говорится о тѣхъ или другихъ должностныхъ лицахъ, а безъ повѣрки приводили мнѣнія о значеніи должностныхъ лицъ, встрѣчающіяся у старинныхъ писателей (¹). Изъ этихъ послѣднихъ писателей самое видное мѣсто принадлежитъ Татищеву. Но хотя ему и были знакомы нѣкоторые документы, для насъ утраченные, тѣмъ не менѣе мы знаемъ теперь гораздо больше о древнемъ бытѣ изъ множества изданныхъ послѣ того памятниковъ; притомъ Татищевъ излагалъ свои мнѣнія о значеніи должностныхъ лицъ въ видѣ примѣчаній къ Судебнику и спеціально этимъ вопросомъ не занимался, почему неудивительно, что нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній совершенно произвольны. Вопросъ о должностныхъ лицахъ по обнародованнымъ вновь источникамъ былъ разсматриваемъ г. Чичеринымъ въ его сочиненіи: «Областныя учрежденія въ XVII вѣкѣ». Къ сожалѣнію, онъ посвятилъ свое изслѣдованіе только XVII вѣку и поэтому недостаточно ознакомился съ памятниками предшествовавшими: отсюда произошелъ не вполнѣ вѣрный взглядъ его на важнѣйшія явленія древняго быта, каковы напр. кормленіе, древнія общины и пр.

Значеніе «Письменныхъ головъ» объяснено Татищевымъ совершенно произвольно. Онъ ставитъ ихъ въ ряду приказныхъ людей ниже городничихъ и выше земскихъ старостъ и земскихъ дьячковъ (²). Татищевъ принималъ слово письменный въ значеніи—употребляемый для письменныхъ дѣлъ. Мы не удивляемся такому произвольному толкованію древняго слова: и у новѣйшихъ историковъ подобная манера весьма обыкновенна. Приведемъ одинъ

(¹) См. Невол. Ист. Гражд. Зак. т. 2 пр. 458.

(²) Успенскаго, Опытъ о древностяхъ, ч. II стр. 341.

примѣръ. Многіе изъ нашихъ изслѣдователей старались объяснить значеніе «введеныхъ бояръ», но толковали слово «введенный» по новѣйшему его употребленію въ смыслѣ «включенный». Между тѣмъ въ древнихъ актахъ это слово имѣетъ совсѣмъ иное значеніе. Оно употребляется въ смыслѣ «заложенный». Но «заложиться» на древнемъ языкѣ означало «вступить въ обязательную службу» (³), и вотъ почему бояре введеные теряли право перехода.

Казалось бы, новѣйшіе писатели, лучше знакомые съ методами изслѣдованія, должны бы предварительно объяснить себѣ значеніе письменныхъ головъ»; но этого не сдѣлалъ даже и г. Чичеринъ. Въ приведенномъ сочиненіи, на стр. 365, онъ говоритъ».

«Письменные головы встрѣчаются только въ Сибири и въ Астрахани. Первоначально въ Сибири они были товарищами воеводъ и приказныхъ людей. Впослѣдствіи же хотя письменные головы и посылаются въ Сибирь съ воеводами, но уже не въ видѣ товарищей, а какъ подчиненныя лица», и пр.

Г. Чичеринъ принялъ при этомъ во вниманіе только немногія мѣста въ Актахъ Историческихъ и Дополненіяхъ къ нимъ, въ коихъ упоминается о письменныхъ головахъ, между тѣмъ какъ главнѣйшимъ образомъ объ нихъ говорится въ «Разрядныхъ Книгахъ». Въ этихъ книгахъ извѣстія о письменныхъ головахъ столь многочисленны и значеніе ихъ выказано столь ясно, что нельзя предположить инаго, какъ то, что г. Чичеринъ вовсе не читалъ разрядныхъ книгъ.

Здѣсь письменные головы встрѣчаются рядомъ съ воеводами, какъ военные начальники.

Извѣстно, что въ старину наша рать, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалась болѣе многочисленною, была раздѣляема на отряды или «полки», подъ названіемъ: большой полкъ, правая и лѣвая рука, за тѣмъ передовой и сторожевой полки. Каждый изъ этихъ полковъ поручался воеводѣ съ товарищами.

Болѣе дробное подраздѣленіе отрядовъ произошло, по извѣстію Никоновской лѣтописи (т. VII стр. 160), при Іоаннѣ IV. Во время казанскаго похода онъ повелѣлъ «коемужду сту дѣтемъ бояр-

---

(³) А што велъ зять мой въ долгу четыре села. Собр. гр. и дог., I, N 257, стр. 213 Юрид. Сбор. Мейера. Его же статья о залогѣ, стр. 228.

скимъ устроить голову изъ великихъ отцовъ дѣтей». Съ тѣхъ поръ кромѣ воеводъ появились подчиненные имъ начальники небольшихъ отрядовъ, подъ именемъ головъ. Таково было начало нашего военнаго чиноначалія.

Всякій разъ, когда посылалась противъ непріятеля собранная рать, назначались именемъ Государя воеводы каждаго изъ пяти полковъ и ихъ товарищи и это назначеніе записывалось въ разрядныхъ книгахъ. Но нерѣдко мы встрѣчаемъ въ разрядныхъ книгахъ, что вмѣстѣ съ воеводами и ихъ товарищами записаны и назначенные при нихъ головы, называемые письменными головами:

«А головы были съ бояры и воеводы по полкамъ письмянные: у боярина у И. В. Морозова головы: князь Коркодиновъ, Бутурлинъ и Лошакъ-Колычевъ и пр. (4).

Иногда къ воеводѣ назначался одинъ письменный голова, а къ его товарищу другой (5).

Обязанности письменныхъ головъ очень хорошо видны изъ слѣдующаго мѣста:

«Въ 100 г. были бояре и воеводы подъ Выборгомъ, а въ письменныхъ головахъ велѣлъ Государь быть съ бояриномъ со княземъ Трубецкимъ мнѣ, Полеву, а въ переводомъ же полку въ головахъ съ Ник. Плещеевымъ Василію Измайлову. И посылали бояре и воеводы меня Полева, а со мною Измайлова въ ертоулъ (для собранія извѣстій о непріятелѣ) и въ заставы (для охраненія извѣстныхъ мѣстъ) и въ посылки и пр.» (6).

Такое чисто военное значеніе письменныхъ головъ никакъ не согласуется съ кажущимся значеніемъ слова письменный, которое напоминаетъ канцелярію. Но это слово часто встрѣчается въ древнихъ памятникахъ и значеніе его довольно ясно. Такимъ образомъ письменными людьми называются тѣ, которые записаны были писцами и обложены данью (7) Письменными починками назывались вновь разработанныя мѣста, внесенныя въ сошное письмо (8), въ

---

(4) Др. Вивліоѳ. XIII, 133, а также Русск. Ист. Сб. II, 215, 245, 252; Спнб. Сб. разрядная стр. 13 и др.

(5) Р. Ис. Сб. II. 290, 118. Дворцовые разряды I, 382.

(6) Рус. Ист. Сб. II, 169.

(7) Акты, изд. Калачовымъ, № 31, г. 1470.

(8) Ак. Ист. I, № 151.

противоположность новымъ, разработаннымъ послѣ письма. Письменными ѣздоками назывались товарищи пристава, посылавшіеся имъ вмѣсто себя, которыхъ дьяки у себя записывали (⁹). И такъ слово письменный означало записаннаго въ книгахъ.

Мы видѣли, что назначеніе письменныхъ головъ записывалось въ разрядныхъ книгахъ вмѣстѣ съ воеводами и ихъ товарищами; отъ этого и встрѣчается указаніе, что письменные головы назначались по указу Государя. «У меня (у кн. Вяземскаго) былъ въ Иванѣ городѣ по государевѣ грамотѣ голова Ординъ Нащокинъ, а у Бездипина въ головахъ письменныхъ былъ кн. Елецкой. Въ томъ шлюся на Государеву грамоту»(¹⁰). Съ другой стороны воеводы (правители) пограничныхъ городовъ сами отъ себя, своею властью назначали головъ къ сотнямъ и посылали ихъ для тѣхъ же цѣлей, какъ и письменныхъ головъ, какъ то: для собранія вѣстей, въ станицы, въ подъѣзды и во всякія посылки (¹¹). Воеводы выбирали ихъ сами изъ выборныхъ дворянъ и лучшихъ дѣтей боярскихъ (¹²). Отношеніе ихъ къ воеводѣ хорошо видно изъ слѣдующаго мѣста:

«Воевода росписалъ головъ къ сотнямъ и къ подъѣзднымъ станицамъ (сторожевые отряды) и списки сотнямъ имъ далъ . . . . и тѣ дворяне (т. е. головы) приходили къ нему въ съѣзжую избу съ великимъ шумомъ и сотенные и подъѣздные списки передъ нимъ пометали, а сказали, что имъ въ головахъ быть невозможно для товарища его». Въ отвѣтномъ указѣ Государя сказано: «А по нашимъ указамъ дворянамъ выборнымъ велѣно быть съ тобою однимъ, а дѣтямъ боярскимъ дворовымъ и городовымъ съ тобою и товарищемъ твоимъ».

Такимъ образомъ воевода могъ назначить головъ не только изъ высшаго класса городовыхъ чиновъ—дворянъ выборныхъ, но и изъ слѣдующаго затѣмъ класса: дѣтей боярскихъ дворовыхъ и даже изъ низшаго класса дѣтей боярскихъ городовыхъ. Они подчинялись ему какъ и вообще всѣ служилые люди, записанные по списку его города.

(⁹) Акт. Эксп. I. 274.
(¹⁰) Рус. Ист. Сб. II, 120.
(¹¹) Двор. Раз. I, 885. Разрядныя книги I, стр. 286, 498, 1036.
(¹²) Разр. кн. I, 998.

Напротивъ того письменные головы имѣли гораздо высшее значеніе. Они выбирались изъ лучшихъ родовъ, изъ дворянъ, записанныхъ по Московскому списку, и сами нерѣдко затѣмъ назначались воеводами ([13]). Служба въ городовыхъ чинахъ считалась безчестною, напротивъ служба въ письменныхъ головахъ часто выставляется въ мѣстническихъ спорахъ:

«Родъ вашъ ни въ воеводахъ, ни въ головахъ не бывалъ, ни въ какихъ чинахъ ([14]).

«Вельяминовы, Государь, бывали въ городничихъ, осадныхъ головахъ и губныхъ старостахъ, а родители мои были у Государя въ рындахъ, и во дворянехъ въ стану, и въ первыхъ головахъ у Государя были написаны въ походѣ и въ разрядѣхъ полковыхъ.» (Рус. Ист. Сб. II, 43).

Здѣсь вмѣсто названія головъ письменными сказано, что они написаны въ разрядахъ, и въ самомъ дѣлѣ довольно было одной записки въ разрядахъ, чтобы ясно видѣть, что это былъ голова письменный; поэтому слово письменный въ выпискахъ изъ разрядовъ часто опускается ([15]). Напримѣръ, также въ этой выпискѣ:

«А дѣдъ его былъ въ головахъ у Татаръ, да и то случаемъ, что былъ Щелкаловымъ свой» ([16]) (т. е. голова этотъ посланъ былъ изъ Москвы по случаю вѣстей о Татарахъ).

Записка въ разрядахъ сдѣлалась мало по малу единственнымъ источникомъ для доказательства старшинства въ мѣстническихъ спорахъ. Отсюда понятно, какъ важно было, особенно для людей неродословныхъ, попасть въ полковые головы или, что тоже, письменные.

Городовыя должности вообще считались безчестными, но встрѣчается примѣръ, что назначеніе даже въ эти должности по указу Государя (а не по избранію воеводы) возвышало значеніе должности ([17]).

([13]) Дворц. раз. I, 219. Рус. Ист. Сб. II, 371. Ibid. стр. 246 и 253 кн. Трубецкой упоминается между головами, а на стр. 347 воеводою.

([14]) Дворц. Раз. I, 318.

([15]) Дворц. Раз. I 141; Вивліоѳ. XIV, 373; Спб. Сб. разрядная стр. 27 и 50.

([16]) Дворц. Раз. I, 111.

([17]) Рус. Ист. Сб. II, 307.

При назначеніи воеводъ правителями въ новопостроенные города назначались обыкновенно вмѣстѣ съ ними и письменные головы. Такъ встрѣчаемъ назначеніе вмѣстѣ съ воеводами и письменныхъ головъ въ слѣдующія мѣста: на Яикъ, въ Новый городъ на Донцѣ, въ Ямъ городъ, въ Корелу и во многіе Сибирскіе города. Здѣсь они теряютъ свой военный характеръ и получаютъ значеніе приказныхъ людей ([15]).

Письменныхъ головъ не должно смѣшивать съ осадными головами, которые были приказными людьми во многихъ городахъ, гдѣ не было воеводъ и въ этомъ случаѣ часто назывались просто головами. Они выбирались изъ городовыхъ служилыхъ людей.

При Алексѣѣ Михайловичѣ, когда армія получила болѣе сложное устройство, письменныхъ головъ болѣе изъ Москвы не посылали. Но въ Сибири они еще продолжали существовать, замѣняя тамъ, по недостатку городовыхъ служилыхъ людей, осадныхъ головъ.

ДМИТРІЙ ЛИСОВСКІЙ.

([15]) Дворц. Раз. I, 1632. Спиб. Сб. разр. 111, 114, 129. 131, 149, 157. Доп. Акт. III, 6.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

М. И. ПОЛЕТИКИ.

ПЕРЕВОДЪ

А. А. Кононова.

«L'experience et la raison sont les législateurs universels».

ПРЕДИСЛОВІЕ (*).

Я жилъ въ такое время, когда страсти, употребляя во зло правила, разрушили до основанія всѣ постановленія. Разсказъ о жестокихъ, неисчислимыхъ бѣдствіяхъ, произведенныхъ тѣмъ переворотомъ, ужаснетъ отдаленнѣйшее потомство.

Теперь живу я въ такое время, гдѣ, усталые отъ смутъ и войнъ революціонныхъ, думаютъ вообще, что лучшее врачеваніе тѣхъ бѣдствій, какъ и лучшее средство предупредить возвратъ ихъ, есть возстановленіе древнихъ учрежденій, хорошихъ или дурныхъ: хорошихъ, потому что они дѣйствительно хороши, дурныхъ, потому что они, я не скажу произвели, но сопровождали хорошія.

И такъ, переходя отъ тираніи къ необузданности, а отъ необузданности къ тираніи, бѣдный родъ человѣческій поочередно управ-

(*) Сочиненіе, представляемое нами въ переводѣ, существуетъ только въ рукописи и извѣстно очень немногимъ. Авторъ его, Михаилъ Ивановичъ Полетика, очевидецъ событій первой французской революціи, пріобрѣлъ извѣстность своимъ «Опытомъ философскихъ изслѣдованій о человѣкѣ» (Essais philosophiques sur l'homme), изданнымъ въ 1822 г. Къ сожалѣнію, біографическія подробности автора намъ мало знакомы; знаемъ только, что Михаилъ Ивановичъ Полетика былъ коротко друженъ съ М. А. Салтыковымъ и во многомъ совѣтовался съ нимъ при начертаніи «Основныхъ началъ законодательства»; «Опытъ философскихъ изслѣдованій о человѣкѣ» также не обошелся безъ участія М. А. Салтыкова, которому принадлежитъ не одна страница этого сочиненія. По направленію воспитанія прошлаго вѣка, Михаилъ Ивановичъ гораздо свободнѣе владѣлъ французскимъ языкомъ, нежели отечественнымъ, и потому всѣ сочиненія писаны имъ по-французски; онъ желалъ однако видѣть ихъ на русскомъ, и передавая рукопись М. А. Салтыкову, сказалъ: «Отдаю ее въ полное твое распоряженіе; когда придетъ время, что ей можно будетъ явиться въ свѣтъ, отдай ее перевести кому знаешь, и переводъ напечатай». Послѣ него осталось двое сыновей, но теперь ни одного изъ нихъ въ живыхъ не находится. М. А. Салтыковъ скончался еще въ 1845 г., передавъ рукопись своему сыну, а моему другу М. М. Салтыкову, отъ котораго я ее и получилъ вмѣстѣ съ правомъ издать ее въ русскомъ переводѣ. Пользуюсь этимъ правомъ тѣмъ охотнѣе, что предлагаемое сочиненіе не только интересно по своему содержанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ памятникъ юридическаго мышленія, убѣжденій и опытности одного изъ образованнѣйшихъ нашихъ соотечественниковъ конца XVIII и первой четверти XIX столѣтія. *Прим. переводчика.*

ляется безвѣріемъ и ханжествомъ, которыя силятся оправдать свои намѣренія и укрываться злоупотребленіями и тѣми же крайностями, въ которыхъ они другъ друга укоряютъ, съ такой же справедливостью, какъ ожесточеніемъ. Но между этими крайностями нѣтъ ли истинной средины? Нужно ли, чтобъ одни бѣдствія безпрерывно смѣнялись другими, а никакое добро не могло утвердиться? Истина поведетъ ли къ заблужденію, къ преступленію?

При этихъ словахъ сильное негодованіе пробуждается въ душѣ моей противъ тѣхъ, которые, бывъ презрѣннымъ игралищемъ своихъ страстей, невѣрующими хулителями великаго и священнаго имени истины, не страшатся смѣшивать ее съ заблужденіемъ, съ преступленіемъ—какъ будто тьма можетъ исходить изъ свѣта, а порокъ производить добродѣтель.

Заблужденіе, самое нелѣпое заблужденіе, есть удѣлъ того, кто, отказываясь отъ разума, хочетъ поступать какъ человѣкъ разумный; и преступленіе должно быть вмѣняемо лишь тому, кто, самъ будучи свободенъ отъ предразсудковъ, старается вкоренять ихъ въ другихъ, изъ личной своей выгоды, или тому, кто истребляя ихъ насиліемъ и безъ разсмотрѣнія, остается безчувственнымъ зрителемъ страшныхъ потрясеній, имъ произведенныхъ.

Фонтенель сказалъ: «Будь у меня полная горсть истинъ, я бы ни за что не разжалъ ея». Эта мысль, по видимому глубокая, въ сущности поверхностна и даже нелѣпа. Не есть ли она тоже что сказать: «Человѣчество не можетъ обойтись безъ заблужденій и предразсудковъ; безъ нихъ нѣтъ для него счастія: и такъ пусть скрываютъ отъ него истину»! И вотъ человѣкъ униженъ такимъ образомъ до положенія животнаго. Или это значитъ сказать: «Заблужденіе неразрывно соединено съ истиной; для избѣжанія перваго, не надо никогда показывать второй»—и вотъ человѣкъ ввергнутъ въ самое ужасное невѣжество. Или, наконецъ, это значитъ сказать: «Часто истина бываетъ для злыхъ средствомъ вредить другимъ: поэтому не должно имъ никогда обнаруживать ее»—какъ будто зло не употребляетъ также заблужденія и невѣжества въ пользу своихъ нечестивыхъ видовъ!

Конечно, весьма горько для честной и нѣжной души быть *поводомъ* къ какому-нибудь злу. Опасеніе сдѣлаться имъ можетъ помѣшать или устранить изложеніе нѣкоторыхъ истинъ, и я самъ

нахожусь болѣе всѣхъ подъ вліяніемъ такого опасенія. Но вообще, это слабость, которую побѣдить необходимо, и зло должно падать только на того, кто его совершаетъ. Подъ предлогомъ, что *все* можетъ стать поводомъ ко злу, должно ли оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи? Нелѣпость!

Нѣтъ, истина никогда не производила зла; но заблужденія, но порокъ, но постыдныя страсти людскія, примѣшиваясь къ истинѣ, произвели всѣ бѣдствія временъ прошедшихъ и настоящихъ.

Чтобъ защитить себя отъ нихъ въ будущемъ, что надо дѣлать? Отдѣлить отъ истины заблужденіе въ политикѣ и религіи, и такимъ образомъ отнять у порока самыя гибельныя его средства. А чтобы сдѣлать это съ успѣхомъ, надо начать съ освобожденія себя отъ всѣхъ предразсудковъ и отъ всякаго предубѣжденія, искренно касаться самыхъ опасныхъ вопросовъ и разрѣшать ихъ съ той же откровенностью, по правиламъ опыта и разума.

Важную обязанность эту я возложилъ на себя. Счастливъ буду, если мои силы позволятъ мнѣ ее выполнить.

МИХАИЛЪ ПОЛЕТИКА.

Основныя начала законодательства.

ГЛАВА I.

О естественномъ состояніи.

Одно изъ главнѣйшихъ свойствъ человѣческихъ способностей есть *совершенствованіе.* На него можно смотрѣть съ двухъ точекъ— будущаго и прошедшаго. Въ первомъ ходъ его всегда прогрессивенъ, во второмъ всегда отступателенъ.

Слѣдовательно, если мы перенесемся мысленно въ эпоху ранняго дѣтства человѣка, то *необходимо* должны предположить въ немъ болѣе низкое состояніе совершенства, на томъ основаніи, что усовершенствованію свойственно постоянное развитіе. Человѣкъ ничѣмъ не отличался тогда отъ животнаго, ибо для того, чтобъ опредѣлить существенное между ними различіе, слѣдовало бы разсуждать не о томъ, чѣмъ онъ былъ, а о томъ, чѣмъ могъ сдѣлаться. Взгляните на племена дикарей: они подтверждаютъ наше убѣжденіе, которое не гипотеза, но послѣдовательный выводъ изъ существующаго факта. Этотъ фактъ—усовершенствованіе.

Первыя усилія ума человѣческаго были направлены на самого человѣка: ему надо было и защищать себя отъ нападеній другихъ животныхъ, и удовлетворять своимъ нуждамъ. Сначала природный инстинктъ, т. е. едва пробужденное понятіе, научило его отстранять обиды, исполняя свои желанія. Но едва онъ отвращалъ непріязненное дѣйствіе или удовлетворялъ нуждѣ, какъ видѣлъ безпрерывно возрастающія новыя. Въ этомъ состояніи тупоумія опытъ прошедшаго не служилъ къ предвидѣнію будущаго. Однако, видя ежедневное повтореніе тѣхъ же событій, страдая отъ тѣхъ же бѣдствій, испытывая ихъ вредныя слѣдствія, онъ научился предвидѣть нападеніе и нужду, и предпринимать противъ нихъ какія-нибудь простыя и грубыя средства. Родилась собственность, но въ какомъ положеніи слабости и неувѣренности! Однако самое главное препятствіе было этимъ побѣждено.

Замѣтьте, что съ тѣхъ поръ умъ человѣческій описалъ *цѣлый* кругъ своихъ познаній: онъ сдѣлалъ и запечатлѣлъ въ своей памяти опыты, сравнилъ ихъ, перемѣстилъ и обобщилъ законами точности или вѣроятія. Въ будущемъ успѣхи его только прогрессивные круги, описанные около перваго, или, если угодно, тотъ же кругъ, только исподволь расширяемый иными опытами, сравненіями, отношеніями.

ГЛАВА II.

О законѣ естественномъ.

Подвергаясь всякаго рода насиліямъ, раздражаемый ими, человѣкъ долженъ былъ живо почувствовать всю ихъ несправедливость. Въ то же самое время онъ не могъ не сознавать, что, употребляя насиліе противъ другихъ людей, онъ будетъ поступать точно также несправедливо.

Такъ образовался,—пока безъ точныхъ и положительныхъ опредѣленій,—естественный законъ, который есть не что иное, какъ великое начало всеобщей нравственности, одинаковое для всѣхъ разумныхъ существъ: *Поступай сообразно съ твоей природой, не вредя природѣ другихъ, за исключеніемъ, когда придется охранять твою собственную природу или природу другихъ отъ всякаго нападенія и насилія.*

По мѣрѣ успѣховъ въ развитіи человѣка, законъ естественный, уже короче ему знакомый, сталъ удобнѣе примѣняться къ массѣ различныхъ случаевъ. Даже и теперь, при сильномъ развитіи цивилизаціи, этотъ законъ все-еще служитъ правиломъ, коимъ руководствуются отдѣльныя лица и народы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые или не были опредѣлены политическими или общественными учрежденіями, или не должны быть ими опредѣляемы. Поэтому никакъ нельзя отвергать существованія естественнаго закона, или предполагать, будто бы въ естественномъ состояніи человѣку все дозволено.

ГЛАВА III.

Развитіе естественнаго закона.

Коль скоро существуетъ правило для образа дѣйствій, законъ, то всѣ тѣ, къ кому оно относится, властны поддерживать его: от-

сюда *право*. Вмѣстѣ съ тѣмъ они должны съ нимъ сообразоваться: отсюда *обязанность*.

Поэтому законъ, право и обязанность нераздѣльны: невозможно постановить законъ, не установляя въ то же время соотвѣтственныхъ ему—права и обязанности.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О примѣненіи естественнаго закона къ лицамъ.

Всякій человѣкъ имѣетъ никѣмъ не предписанное право дѣйствовать сообразно съ своей природой самымъ неограниченнымъ образомъ, только не въ ущербъ другимъ: и такъ онъ долженъ пользоваться *самой полной независимостью*.

Вслѣдствіе этого, въ естественномъ состояніи, всякій самъ себѣ и законодатель, и судья, и глава; всякій въ себѣ самомъ почерпаетъ законъ, примѣняетъ его и исполняетъ: таковъ отличительный характеръ этого состоянія.

Если есть возможность ограничить эту полную независимость, не унижая однакожъ человѣческой природы, то такого ограниченія ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ доводить до того, чтобъ заставить человѣка отказаться отъ свободнаго и безвреднаго употребленія его способностей умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ: иначе природа человѣческая была бы унижена. Изъ этого начала вытекаютъ *неотъемлемыя права человѣка*.

А такъ какъ это употребленіе способностей можетъ простираться только на лицо или на имущество, то отсюда слѣдуетъ, что *неотъемлемыя права человѣка суть вмѣстѣ съ тѣмъ личныя и имущественныя*.

Обезпеченное пользованіе этими правами составляетъ то, что я назвалъ бы *личной и имущественной безопасностью* или просто *безопасностью*.

Никто не долженъ ни требовать отъ другихъ этихъ неотъемлемыхъ правъ или личной и имущественной безопасности, ни самъ жертвовать ими, такъ какъ никто не въ правѣ унижать ни свою природу, ни природу другихъ людей.

Уже поэтому самому всякое обязательство, всякое обѣщаніе,

основанное на подобной жертвѣ, или влекущее ее за собой рано или поздно, рѣшительно не имѣетъ значенія.

Напротивъ того, всякое обѣщаніе, всякое обязательство, не противное этой безопасности, должно быть свято и ненарушимо: неисполненіе его или принуждаетъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыхъ бы нельзя было совершать безъ предварительнаго согласія, и это будетъ насиліе; или оно возбуждаетъ ожиданіе, чтобъ только человѣкъ обманулся въ немъ, и это будетъ зло.

Незачѣмъ ссылаться на неравенство выгодъ или на употребленіе силы, какъ на достаточныя причины для нарушенія обязательства, не противнаго безопасности. Прежде чѣмъ заключать это обязательство, слѣдовало взвѣсить могущія произойти отъ него выгоды и неудобства: оно есть плодъ свободнаго, добровольнаго опредѣленія, и потому обязательно.

Употребленіе силы законно по своей цѣли, когда оно стремится къ удержанію или упроченію безопасности личной и имущественной. Оно законно по своимъ послѣдствіямъ, когда не уничтожило и не подавило этой безопасности.

До сихъ поръ я говорилъ только о нападеніяхъ на человѣческую природу *положительныхъ*, или такихъ, которыя проистекаютъ изъ враждебнаго дѣянія. Есть еще нападенія *отрицательныя*, проистекающія изъ бездѣйствія, равносильнаго враждебнымъ отношеніямъ. Я могу напр. спасти утопающаго, самъ не подвергаясь опасности утонуть, но я его не спасаю: значитъ причина его смерти—я.

Такимъ образомъ естественный законъ не только защищаетъ отъ нападеній, но и предписываетъ *взаимную помощь*. Если бъ даже непреодолимое влеченіе и не располагало насъ къ благотворительности, то уже одного холоднаго разсудка было бы достаточно, для того чтобъ побудить къ ней человѣка.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О примѣненіи естественнаго закона къ собственности.

Собственность установляется трудомъ. Посредствомъ него мы вносимъ въ предметы свои познанія, свои способности, страданія, заботы, словомъ—часть самихъ себя. Отсюда право собственности и обязанность уважать его.

Вездѣ, гдѣ только есть собственность и пока она существуетъ, она неотъемлемо принадлежитъ ея пріобрѣтателю, занимаетъ ли онъ ее или нѣтъ, потому что она непремѣнно заключаетъ въ себѣ его трудъ, часть его самого.

Отсюда видно, что *давность* (prescription), этотъ способъ пріобрѣтенія вещи въ собственность посредствомъ непрерывнаго владѣнія ею въ теченіе извѣстнаго времени, заимствована не изъ естественнаго закона, а обязана своимъ существованіемъ учрежденіямъ политическимъ или общественнымъ.

Каждый властенъ продать, промѣнять, подарить собственность, наконецъ располагать ею какъ ему угодно, безъ вреда другимъ. Тогда новый владѣлецъ вступаетъ въ тѣ же самыя права, какими пользовался прежній.

Но если случится, что собственность будетъ отчуждена или достанется какому-либо другому лицу вслѣдствіе законнаго перехода, и это лицо сдѣлаетъ въ ней какія-либо измѣненія и улучшенія, словомъ, внесетъ въ нее часть своего труда; если, далѣе, первоначальный владѣлецъ заявитъ на нее свои права—тогда собственность принадлежитъ имъ обоимъ, въ уваженіе труда ихъ, такъ какъ и тотъ и другой изъ нихъ, посредствомъ труда, внесли въ нее часть самихъ себя. Вотъ начало, на которомъ основано право береговое, пользованіе кораблекрушеніемъ, и т. п.

Изъ двухъ пріобрѣтателей собственности тотъ, который внесъ въ нее бо̀льшую долю труда, имѣетъ право удержать ее за собою, съ вознагражденіемъ другаго соразмѣрно съ долей труда, употребленнаго симъ послѣднимъ.

Иное дѣло—простое занятіе: оно даетъ лишь право владѣнія, но не собственности; право это, начинаясь со времени занятія, вмѣстѣ съ нимъ и прекращается: переставая занимать вещь, на которую извѣстное лицо не употребило никакого труда, лицо перестаетъ имѣть на нее какія-либо права̀; права̀ эти переходятъ къ тому, кто послѣдній занимаетъ вещь. Пользованіе и владѣніе рѣками, озерами, морями, необработанными и ненаселенными землями подчиняется этому естественному закону.

Для того, чтобъ обезпечить собственность отъ нападеній, могущихъ произойти со стороны невѣжества, неизвѣстности и всякаго

рода недоразумѣній, необходимо назначить и объявить истинныя границы всякой собственности.

Подъ *истинными границами* я разумѣю прежде всего тѣ, которыя назначаетъ самъ себѣ трудъ своими размѣрами, болѣе или менѣе значительными. На вспаханномъ полѣ эти границы обозначаются самой обработкой его, тѣмъ пространствомъ, которое она занимаетъ.

Далѣе, я разумѣю тѣ границы, которыя только отчасти, а не вполнѣ обнимаетъ собою обработанное пространство, но которыя однакожъ необходимы для безопасности этого обработаннаго участка. Такія-то горы, напримѣръ, такія-то рѣки охраняютъ мою землю или мою страну отъ всякаго насильственнаго вторженія: я въ правѣ постановить ихъ границами, и всякій обязанъ уважать ихъ. На томъ же основаніи моря, омывающія берега, принадлежатъ на извѣстное пространство береговымъ владѣльцамъ.

Но произвольное назначеніе и опредѣленіе границъ, которыя или не отмѣчены трудомъ, или безполезны для его безопасности, ни на кого не налагаютъ обязанности уважать ихъ. Я открываю, вдали отъ своей страны, островъ какой-нибудь или землю; я не обработываю ея, но ставлю на ней столбъ или крестъ, въ знакъ занятія и собственности. Развѣ слѣдуетъ уважать подобный знакъ?

Права собственности, занятія, границъ, столь же священны въ состояніи естественномъ, сколько и въ состояніи гражданскаго общества, хотя въ первомъ они несравненно болѣе, чѣмъ во второмъ, подвержены всякаго рода нападеніямъ и нарушеніямъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

О примѣненіи естественнаго закона къ преступленіямъ и наказаніямъ.

Въ естественномъ состояніи, преступленіе есть нарушеніе естественнаго закона. Стало быть, оно предполагаетъ *знаніе* этого закона, *намѣреніе* нарушить его, и *дѣйствіе*, посредствомъ котораго это намѣреніе осуществляется. Безъ совокупности этихъ трехъ условій преступленіе немыслимо.

Всякое отдѣльное лицо, живущее въ состояніи естественномъ,

имѣетъ само по себѣ право воспрепятствовать или предупредить нарушеніе естественнаго закона, преступленіе.

Средства, предупреждающія или пресѣкающія преступленіе, бываютъ болѣе или менѣе справедливы или же, напротивъ, болѣе или менѣе несправедливы, смотря по тому, достаточны ли они, или недостаточны, или болѣе чѣмъ достаточны для достиженія своей цѣли.

Если я могу удержать за собою свои личныя и имущественныя права не иначе, какъ посредствомъ совершеннаго уничтоженія моего врага, наступающаго на нихъ вооруженною рукою, то, лишая его жизни, я только поступаю по справедливости.

Но если я въ состояніи удержать за собой эти права средствами не столь жестокими, и безъ особенной необходимости употребляю самое жестокое средство—лишеніе жизни, то я совершаю убійство, за которое рано или поздно послѣдуетъ раскаяніе.

Рабство ни подъ какимъ видомъ не допускается естественнымъ закономъ, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ онъ допускаетъ смертоубійство. Причина та, что рабство унижаетъ человѣка, тогда какъ смертью измѣняется только земное существованіе на другое.

Тюремное заключеніе или общественныя работы, предписываемыя закономъ, какъ мѣра охраненія общей безопасности и оправдываемыя опытомъ, конечно влекутъ за собою потерю естественной свободы, величайшее изъ всѣхъ лишеній, но они не унижаютъ человѣческаго достоинства, ибо униженіе заключается въ безусловной, слѣпой покорности чужому произволу, а не въ справедливомъ повиновеніи волѣ законовъ. Тюремное заключеніе и общественныя работы не все равно, что низкая угодливость и рабство (*).

ГЛАВА IV.

О цѣли общества.

Между тѣмъ правонарушенія въ естественномъ состояніи людей становились съ каждымъ днемъ все чаще и чаще, случаевъ къ нимъ представлялось все больше и больше, по мѣрѣ того какъ прелесть ихъ становилась заманчивѣе.

Утомясь неурядицами, люди согласились между собою соединиться въ общество, чтобы пресѣчь эти неурядицы, дѣйствуя общими силами противъ всякаго рода насилія, общественнаго и частнаго.

Цѣль всякаго общества есть слѣдовательно *безопасность*.

(*) Мнѣ остается только сказать о примѣненіи естественнаго закона къ народамъ, или о международномъ правѣ. Но чтобъ не нарушать послѣдовательности въ изложеніи, я скажу объ этомъ въ концѣ сочиненія.

Необходимо съ точностію опредѣлить эту цѣль, потому что ошибка была бы здѣсь не просто теоретической ошибкой, а отозвалась бы на практикѣ: она отразилась бы во всѣхъ отрасляхъ законодательства.

Одни ставили цѣлью общества благосостояніе, другіе пользу. И то и другое мнѣніе одинаково ложно; вдобавокъ, первое еще опаснѣе втораго.

Благосостояніе и польза общества суть благосостояніе и польза всѣхъ лицъ, его составляющихъ. Кто лучше самого лица, принадлежащаго къ обществу, знаетъ, въ чемъ заключается его благосостояніе, его польза? Для достиженія того и другаго оно не нуждается ни въ обществѣ, ни въ законодателѣ. А въ безопасности оно нуждается, потому что безъ нея и благосостояніе и польза были бы только пустыми призраками. Но не въ состояніи будучи само достигнуть этой безопасности, столь для него необходимой, оно ожидаетъ ее отъ законовъ, которые составляютъ необходимое условіе всякаго общества.

Принимая за цѣль общества благосостояніе, вы чрезъ это самое придаете законодателю власть самую неопредѣленную, слѣдовательно самую произвольную. Подъ предлогомъ доставить вамъ благосостояніе, онъ станетъ вамъ предписывать всякаго рода законы, хорошіе для однихъ, стѣснительные для другихъ; тысячью разныхъ способовъ онъ подчинитъ васъ себѣ и причинитъ вамъ несчастіе. Вашъ протестъ противъ его распоряженій не поведетъ ни къ чему: вѣдь не вы, а онъ становится властителемъ и вашего благосостоянія, и общественнаго. Если вы несчастны по милости этихъ законовъ, за то тысячамъ другихъ они доставляютъ благосостояніе, а это только и надо законодателю, который имѣетъ въ виду лишь цѣлый родъ людей, не заботясь объ отдѣльномъ человѣкѣ.

Если за цѣль общества принять пользу, то власть ея, хотя и не столь обширная, все же будетъ неопредѣленною. Польза есть не что иное, какъ особая отрасль благосостоянія: нерѣдко дерево бываетъ въ полномъ ростѣ, въ то время какъ одна изъ вѣтвей его изсыхаетъ; нерѣдко люди пользуются благосостояніемъ, не смотря на то, что польза оставляется въ сторонѣ. Законодатель, не касаясь по крайней мѣрѣ того, что доставляетъ вамъ счастье, будетъ радѣть лишь о вашей пользѣ. Если онъ и впадетъ въ погрѣшности, то все же онѣ не будутъ столь часты и столь чувствительны, какъ въ первомъ случаѣ, потому что онѣ отзовутся не на *цѣломъ*, а только на *части*.

Но коль скоро вы за основу общества принимаете безопасность, то вы тѣмъ самымъ сдерживаете власть законодателя въ ея надле-

жащихъ предѣлахъ, вы поручаете ему такое дѣло, которое онъ можетъ обсудить какъ слѣдуетъ: онъ знаетъ, или можетъ знать, въ чемъ заключается безопасность общественная и частная. Если онъ и не изъятъ отъ погрѣшностей, то все же онѣ будутъ обнаруживаться чрезвычайно рѣдко, потому что коренныя начала безопасности, не такъ сложныя, легче уяснить себѣ, чѣмъ начала пользы, а и того еще больше начала благосостоянія.

ГЛАВА V.

О безопасности.

Она различается смотря по положенію человѣка.

Въ состояніи естественномъ, безопасность есть увѣренность въ возможности дѣлать все, что дозволяется естественнымъ закономъ. Будучи отъ всего отрѣшена, ограничиваясь охраненіемъ отдѣльнаго лица, не имѣя общественнаго значенія, безполезно взывая къ правосудію, отъ котораго не видитъ къ себѣ уваженія, безопасность въ этомъ состояніи существуетъ въ жалкомъ, непрочномъ видѣ.

Въ обществѣ же, безопасность есть вообще твердая, основательная увѣренность въ возможности всегда дѣлать то, что дозволяетъ естественный законъ, ограничиваемый тѣмъ, чего требуетъ общественный порядокъ и во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Поэтому безопасность утверждается на двухъ коренныхъ основаніяхъ: на *справедливости*, заключающейся въ самихъ законахъ, и на *твердости*, которая происходитъ отъ способа ихъ составленія и приведенія въ исполненіе. Въ этомъ заключается высшая степень ея абсолютнаго совершенства.

Въ данной странѣ безопасность, въ строгомъ смыслѣ, есть не что иное, какъ неограниченная возможность дѣлать все, что наиболѣе сообразно съ порядкомъ, тишиной и спокойствіемъ этой страны. Коренная основа ея есть *соотвѣтственность*. Въ этомъ заключается высшая степень ея относительнаго совершенства.

Безопасность можно сравнить съ здоровьемъ. У людей здоровье разнообразно до безконечности, даже у одного и того же человѣка оно бываетъ различно въ различныя эпохи его жизни. Точно также и безопасность разнообразна у народовъ до безконечности, даже у одного и того же народа она бываетъ различна въ различныя эпохи его жизни. Здоровье, слабое въ дѣтствѣ, крѣпнетъ въ возрастѣ, становится вялымъ подъ старость; безопасность также представляетъ состояніе слабости, силы и вялости, смотря по бо́льшему или ме́ньшему своему приближенію къ абсолютному совершенству. Каж-

дый темпераментъ требуетъ особенныхъ условій къ поддержанію жизни: точно также въ каждой странѣ безопасность предписываетъ различныя средства къ ея сохраненію. Кому бы не хотѣлось пользоваться крѣпкимъ, мощнымъ здоровьемъ? А кто захочетъ погубить и остальное здоровье опасными лекарствами? Счастливъ тотъ, кто можетъ поправить свое здоровье!

ГЛАВА VI.

О законахъ общественныхъ.

Законы суть правила, которыя люди обѣщались соблюдать взаимно въ томъ или другомъ случаѣ. Совокупность законовъ въ одно цѣлое образуетъ кодексъ.

Самымъ первымъ закономъ, безъ котораго не могло бы существовать само общество, былъ конечно тотъ, чтобъ лицо не было впредь само себѣ законодателемъ, судьей, главою, чтобы всѣ эти индивидуальныя власти совмѣщались въ общей власти цѣлаго общества.

Общественные законы, первоначально весьма простые, съ теченіемъ времени усложнялись и увеличивались въ числѣ, по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія.

Служа основнымъ началомъ для безопасности, примѣняемой къ извѣстнымъ частнымъ случаямъ, законъ общественный носитъ на себѣ, разумѣется, характеръ этого начала. Если онъ предписываетъ ни больше ни меньше какъ только то, чего требуетъ общественная безопасность вообще, онъ *справедливъ;* если онъ обезпечиваетъ безопасность отъ всякаго рода нападеній настоящихъ и будущихъ, онъ *проченъ;* и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ въ высокой степени обладаетъ какимъ-либо отличительнымъ свойствомъ абсолютнаго совершенства. Если наконецъ онъ повелѣваетъ только то, чего требуетъ безопасность извѣстной страны въ частности, онъ *соотвѣтствуетъ* ей, и въ такомъ случаѣ онъ восходитъ на высшую ступень *относительнаго совершенства.* На законовѣдахъ лежитъ обязанность опредѣлить, въ чемъ состоитъ *справедливость* и *прочность* законовъ; опредѣлить же *соотвѣтственность* ихъ должны государственные люди. Первыми руководитъ теорія, вторыми практика. Если теорія безъ практики безполезна и даже вредна, то и практика безъ теоретическихъ началъ шатка, неувѣрена въ себѣ, не знаетъ, къ чему направить свои усилія. Только посредствомъ совершеннаго согласія между той и другой образуются лучшіе законы.

ГЛАВА VII.

Объ учредительныхъ властяхъ въ обществѣ.

Постановленіе законовъ какъ общественныхъ, такъ и естественныхъ, необходимо предполагаетъ существованіе трехъ различныхъ по своему содержанію властей, именно законодательной, судебной и исполнительной.

Къ этимъ тремъ властямъ я присоединяю еще четвертую, вліяніе которой обнаруживается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ означенныя три власти не въ силахъ произвесть надлежащее дѣйствіе: я говорю о религіи въ связи ея съ нравственностію. Я потому соединяю одну съ другой, что нравственность безъ религіи не оказываетъ достаточнаго вліянія на толпу; религія же безъ нравственности, ограничиваясь однимъ внѣшнимъ поклоненіемъ божеству, совершенно излишня въ законодательствѣ, есть даже порокъ, болѣе или менѣе опасный и гибельный для общества.

ГЛАВА VIII.

О власти законодательной.

Тотъ или тѣ, въ чьихъ рукахъ находится законодательная власть, есть верховная власть государства.

Я сказалъ, что цѣлью всякаго общества должна быть безопасность. Поэтому обязанность государя или законодателя заключается въ постановленіи такихъ законовъ, которые бы во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, прямо или косвенно, относились къ этой цѣли, смотря по различнымъ обстоятельствамъ, въ какихъ находятся различныя страны. На основаніи этого онъ опредѣляетъ:

1) Соотношеніе упомянутыхъ выше властей, т. е. ихъ взаимодѣйствіе. Это составляетъ предметъ государственныхъ законовъ.

2) Права и обязанности членовъ общества или гражданъ, по отношенію къ обществу или къ нимъ самимъ. Это составляетъ предметъ законовъ гражданскихъ (*).

(*) Государственные законы я ограничиваю отношеніемъ между собою властей, установляющихъ общество; подъ законами же гражданскими я разумѣю всѣ права и обязанности гражданъ, независимо отъ этого соотношенія властей, не желая ограничивать гражданскую часть простыми соглашеніями и

3) Наказанія, которымъ слѣдуетъ подвергать нарушителей общественнаго порядка. Это составляетъ предметъ уголовныхъ законовъ.

4) Способъ примѣненія законовъ въ различныхъ предусмотрѣнныхъ ими случаяхъ. Это составляетъ предметъ судебной власти.

5) Способъ исполненія законовъ. Это составляетъ предметъ власти исполнительной.

6) Наконецъ, происхожденіе и существо правъ и обязанностей духовенства, какъ самихъ по себѣ, такъ и по отношенію ихъ къ законамъ. Это составляетъ предметъ власти нравственно-религіозной.

ГЛАВА IX.

О законахъ государственныхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Кто долженъ назначать учредительныя власти общества.

Право вввѣрять эти власти принадлежитъ всѣмъ гражданамъ или членамъ общества въ совокупности, притомъ тѣмъ способомъ, какой они признаютъ лучшимъ.

отношеніями между частными лицами. Двѣ причины заставили меня принять такое дѣленіе: оно, во-первыхъ, какъ мнѣ кажется, естественно и вытекаетъ изъ сущности самаго предмета; а во-вторыхъ, одна изъ важныхъ истинъ, которую я надѣюсь доказать въ этомъ сочиненіи, есть та, что гражданскіе законы могутъ быть одни и тѣ же при весьма различныхъ образахъ правленія, и что для послѣднихъ, каковы бы ни были ихъ существо и власть, очень важно—уважать гражданскую свободу и поддерживать ее во всей ея цѣлости. Гражданскимъ же законамъ необходимо придать постоянство и твердость, совершенно независимыя отъ государственныхъ соображеній. Такъ напр., въ силу государственнаго закона законодательное собраніе, или глава правленія имѣютъ право установлять и отмѣнять подати; законъ же гражданскій опредѣляетъ, на кого именно слѣдуетъ наложить эти подати и въ какой мѣрѣ—опредѣленіе, которое во всякомъ случаѣ должно быть уважено какъ законодательнымъ собраніемъ, такъ и главою правленія. Государственный законъ можетъ сообщать право налагать подати то тому лицу, то другому; но законъ гражданскій долженъ оставаться неизмѣннымъ, даже по отношенію къ началамъ наложенія податей.

Единодушіе гражданъ выражается двоякимъ образомъ: формально или безмолвно: *формально*, когда всѣ вообще и каждый въ особенности, въ особомъ собраніи, изъявляютъ положительное согласіе на то или другое учрежденіе прежнее или новое, или же отвергаютъ его; *безмолвно*, когда по обстоятельствамъ такое собраніе невозможно, и всякій выражаетъ свое несогласіе или согласіе своимъ удаленіемъ изъ страны или долговременнымъ въ ней пребываніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно удалиться изъ страны, чтобъ не находиться въ подчиненіи ея законамъ; достаточно въ ней остаться, чтобъ быть обязану не нарушать устройства ея и спокойствія. Такое требованіе получаетъ еще бо́льшее основаніе, когда сверхъ общей обязанности, существуютъ частныя, относящіяся къ тому же предмету.

Опытъ всѣхъ вѣковъ доказалъ, что первый способъ изъявленія народной воли удобопримѣнимъ только въ небольшихъ государствахъ, гдѣ нравы столь же просты, сколько богатства ограничены.

Тотъ же опытъ подтвердилъ, что одинъ лишь второй способъ и примѣнимъ на дѣлѣ въ государствахъ обширныхъ, многолюдныхъ, богатыхъ и достигшихъ высокой степени цивилизаціи.

Скажу болѣе: безмолвное изъявленіе согласія есть почти единственно возможное средство даже въ такихъ странахъ, гдѣ народъ могъ бы дѣйствовать массой, для того чтобы установить для себя законы; оно, говорю я, единственно возможно 1) въ промежутки между народными собраніями, болѣе или менѣе продолжительные, потому что смѣшно было бы предполагать, чтобъ въ эти промежутки всѣ граждане отказались единогласно отъ употребленія самыхъ дорогихъ своихъ способностей—разума и воли, или чтобъ употребленіе это дозволялось имъ только на очень короткое время народныхъ собраній; говорю—очень короткое, потому что граждане не могутъ же постоянно разсуждать о своихъ дѣлахъ, имѣя тысячу другихъ важныхъ занятій; 2) когда воля всѣхъ не согласуется съ волей одного, то послѣдній не иначе можетъ обнаружить ее, какъ своимъ удаленіемъ или пребываніемъ въ томъ же мѣстѣ.

Я не говорю о третьемъ способѣ выраженія народной воли—посредствомъ представителей, потому что этотъ способъ, въ отношеніи къ свободной, единодушной, непрерывной подачѣ голосовъ,

весьма неудовлетворителенъ. Воля, которую станутъ объявлять, не моя: это воля представителя, избраніе котораго, одобренное всѣми или значительнымъ большинствомъ, быть-можетъ, не было бы одобрено мною; представителя, мнѣнія котораго, истинныя или ложныя, прекрасныя или дурныя, могутъ не согласоваться ни съ моими, ни съ мнѣніями другихъ гражданъ. Стало-быть, здѣсь, какъ и во всѣхъ вышеозначенныхъ случаяхъ, мнѣ ничего больше не остается дѣлать, какъ или не признать постановленій этихъ представителей, или подчиниться имъ—посредствомъ удаленія изъ страны, или продолжительнаго въ ней пребыванія.

Во всякомъ случаѣ представительный образъ правленія, въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ существуетъ, чрезвычайно выгоденъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ изъявленія народной воли; она-то и поддерживаетъ равновѣсіе учредительныхъ властей въ государствѣ.

Когда эти власти разъ установлены съ формальнаго или безмолвнаго согласія народа, тогда уже никто не въ правѣ прекратить или пріостановить ихъ дѣятельность, потому что въ такомъ случаѣ общество подвергалось бы полному неустройству, величайшему изъ всѣхъ бѣдствій.

Такимъ образомъ, сопротивленіе учредительнымъ властямъ инымъ способомъ, кромѣ отказа, формальнаго или безмолвнаго, есть насиліе, заслуживающее строжайшаго наказанія, потому что оно ведетъ къ величайшему злу.

На томъ же основаніи, однѣ лишь эти власти могутъ и должны поддерживать себя силою, такъ какъ *однѣ лишь онѣ* могутъ и должны предупреждать это, столь гибельное, неустройство.

Кто не знаетъ, впрочемъ, что большая часть правительствъ основывались и ниспровергались силою? Но это нисколько не оправдываетъ захвата власти, ни неповиновенія. Коль скоро правительство, даже основанное на насиліи, получило, такъ-сказать, печать законности, посредствомъ формальнаго или безмолвнаго изъявленія согласія народомъ, то послѣ этого стараться ниспровергнуть его—значитъ совершать актъ настоящаго бунта. Но такого рода законность не мѣшаетъ однакожъ правительству въ основаніи своемъ быть порочнымъ, хотя бы впослѣдствіи оно и перестало быть таковымъ, а захвату власти, какъ возмущенію, быть наказуемымъ, хотя первое можетъ быть освящено, а второе прощено.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О необходимости равновѣсія учредительныхъ властей въ обществѣ.

Эти власти отправляются людьми, подверженными страстямъ, которыя не всегда могутъ быть подавлены добродѣтелью, и заблужденіямъ, которыя не всегда могутъ быть разсѣяны разумомъ. И потому, сверхъ этого естественнаго противодѣйствія, часто недостаточнаго, имъ надобно поставить еще искусственное, которое способствовало бы достиженію желаемой цѣли.

Но и это второе противодѣйствіе точно также можетъ происходить лишь со стороны людей, точно также подверженныхъ заблужденіямъ и страстямъ, которыя тоже надобно разсѣевать и подавлять.

Отъ этого столкновенія мнѣній и страстей должны рождаться и благіе и неблагопріятные результаты, смотря по ихъ случайному соединенію. Въ конституціонной монархіи, напр., государь можетъ предложить хорошіе законы, а представители народа отвергнуть ихъ, и наоборотъ.

До сихъ поръ шансы блага уравниваютъ шансы зла, но отъ такого рода взаимодѣйствія пока еще не видать никакой опредѣленной выгоды.

Равновѣсіе учредительныхъ властей отнюдь не заключается въ ихъ полномъ раздѣленіи. Разъединенныя власти, совершенно независимыя одна отъ другой, представляютъ столь же мало пособія противъ злоупотребленій, какъ и власти соединенныя, находящіяся въ безусловной, полной зависимости отъ одного лица физическаго или нравственнаго.

Точно также равновѣсіе отнюдь не заключается въ излишествѣ правъ, потому что физическое или нравственное лицо, которымъ такія права были бы предоставлены, могло бы вслѣдствіе этого захватить и всѣ остальныя власти, и государство подпало бы опять подъ владычество произвола: примѣръ—революціонная Франція.

Слѣдовательно, равновѣсіе заключается въ срединѣ между раздѣленіемъ и соединеніемъ учредительныхъ властей, въ такомъ взаимодѣйствіи ихъ, которое, уравновѣшивая ихъ вліяніе другъ на друга, не ведетъ однако къ ихъ уничтоженію.

Ничто столько не придаетъ правильности учредительнымъ влас-

тямъ, а слѣдовательно и ихъ равновѣсію, какъ успѣхи просвѣщенія, которые суть скорѣе дѣло времени, чѣмъ законодателя. Правда, послѣдній можетъ иногда ввести свою собственную систему управленія; ему удается даже, придавая себѣ сверхъестественное значеніе, быть основателемъ новой религіи, новой нравственности. Но какъ бы обширна ни была его власть, все же на системѣ его управленія, на религіи его и ученіи о нравственности не можетъ не отразиться вліяніе его вѣка: оно не подчиняетъ ему того состоянія образованности, въ которомъ находится нація; онъ можетъ воспользоваться этимъ состояніемъ, но создать его онъ бы не съумѣлъ. Такимъ образомъ, просвѣщеніе, само не производя равновѣсія, могущественно содѣйствуетъ его правильности.

Вездѣ равновѣсіе подвержено колебаніямъ болѣе или менѣе значительнымъ, болѣе или менѣе частымъ, потому что вездѣ эти власти постоянно силятся выйти изъ надлежащихъ своихъ предѣловъ. Но когда оно поддерживается и государственнымъ устройствомъ, и религіей, и нравственностью, тогда оно имѣетъ большую прочность, нежели когда поддерживается не всѣми ими вмѣстѣ.

Впрочемъ, если бы равновѣсіе было произведено не силою учредительныхъ законовъ, какъ въ Англіи, но религіозными и нравственными причинами, какъ въ большей части другихъ странъ Европы, то законодатель могъ бы его разстроить очень некстати, стараясь укрѣпить его посредствомъ законовъ, тогда какъ оно уже укрѣплено подобными причинами. Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ принципа относительной безопасности.

Въ самомъ дѣлѣ, религіозно - нравственная власть оказываетъ иной разъ такое вліяніе, что исправляетъ громадныя злоупотребленія, проистекающія изъ несообразнаго соединенія прочихъ властей. Въ Даніи, какъ въ Турціи, правленіе деспотическое; но въ Даніи благодѣтельная религія дозволяетъ заниматься науками и искусствами, нравственность самая чистая проповѣдуется и въ церквахъ, и въ училищахъ — и Данія *de facto* есть умѣренная монархія, между тѣмъ какъ въ Турціи религія возбраняетъ всякое образованіе: оттого деспотизмъ въ этой странѣ обуздывается только суевѣріемъ, а такъ какъ послѣднее имѣетъ вліяніе только на смѣшныя, мелочныя дѣйствія, то изъ этого слѣдуетъ, что деспотизмъ въ Турціи самый необузданный.

Съ другой стороны, безсиліе и недостатокъ религіозно-нравственной власти обращаютъ *de facto* въ ничто, по крайней мѣрѣ на время, всякую, даже наилучшимъ образомъ составленную, конституцію, когда напр. испорченность представителей націи доходитъ до продажи ими голосовъ главѣ исполнительной власти. Говорю *на время*, потому что хорошо составленная конституція сама въ себѣ заключаетъ средства къ пресѣченію могущихъ произойти отъ нея злоупотребленій.

Изо всего сказаннаго видно, что равновѣсіе учредительныхъ властей установляетъ одну изъ основъ безопасности безусловной или относительной, именно *прочность*, но что другая основа, *справедливость*, отъ этого равновѣсія не зависитъ, потому что она заключается въ самихъ законахъ. Въ Англіи, не смотря на ея превосходное государственное устройство, встрѣчаются нелѣпые, даже жестокіе законы.

Вслѣдствіе этого, для того чтобъ составить себѣ правильное и точное понятіе о государственномъ устройствѣ какого-либо народа и о степени благосостоянія, которымъ онъ пользуется, для этого необходимо разсмотрѣть, на чемъ утверждены и чѣмъ поддерживаются эти двѣ коренныя основы гражданской безопасности.

Ни одна страна никогда еще не представляла, да можетъ быть никогда и не представитъ высокаго зрѣлища совершеннаго согласія справедливости, прочности и благоустройства, или, выражаясь иначе, зрѣлища безопасности, достигшей до высшей степени совершенства безусловнаго и относительнаго.

Тѣмъ не менѣе однакожъ, благородные и великодушные умы должны стремиться къ этому апогею законодательства.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Примѣръ равновѣсія учредительныхъ властей въ обществѣ.

Прежде всего *законодательная власть*, кто бы ни отправлялъ ее—физическое ли лицо или нравственное, ограничивается цѣлью всякаго общества, безопасностью. Поэтому она не въ правѣ стѣснять гражданъ законами касательно ихъ благосостоянія, ихъ пользы, и проч. Далѣе, она должна быть раздѣлена на двѣ или на три особыя части, изъ которыхъ одна предлагаетъ, другая отвер-

гаетъ, и единодушное согласіе которыхъ должно служить необходимымъ условіемъ всякаго новаго закона. Кромѣ того, законодательная власть можетъ быть ограничена властью судебной, на которую она обратнаго дѣйствія не имѣетъ; властью исполнительною, которая должна имѣть право созывать и распускать законодательное собраніе, равно какъ и право останавливать дѣйствіе постановленныхъ этимъ собраніемъ новыхъ законовъ; наконецъ, властью религіозно-нравственною, дѣйствующею всегда путемъ прямымъ или косвеннымъ: *прямымъ*, когда самому законодателю она внушаетъ чувство справедливости; *косвеннымъ*, когда она принуждаетъ его уважать это чувство въ народѣ.

Власть судебная, заключающаяся въ простомъ примѣненіи законовъ къ фактамъ, ими предусмотрѣннымъ и опредѣленнымъ, не получаетъ, въ этомъ отношеніи, никакого формальнаго предписанія со стороны законодателя, верховнаго правителя или первосвященника. Но право помилованія, которымъ облеченъ первый или второй, умѣряетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, строгость этой власти, которая, впрочемъ, болѣе или менѣе подчиняется вліянію власти религіозной и нравственной.

Власть исполнительная удерживается въ предѣлахъ справедливости и разумности правомъ законодательной власти налагать новыя подати; но верховный правитель становится въ такомъ случаѣ подъ защиту судей, такъ какъ съ него снимается отвѣтственность, лежащая на этихъ органахъ власти; подъ защиту законодателей— посредствомъ права созывать собранія, изъявлять согласіе или несогласіе, о чемъ было говорено выше; подъ защиту соперниковъ— посредствомъ престолонаслѣдія, установленнаго въ его семействѣ. Религіозно-нравственная власть оказываетъ на него, какъ и вообще на всѣ власти, могущественное и благодѣтельное вліяніе; но и онъ въ свою очередь оказывалъ бы такое же вліяніе на эту власть, если бъ онъ въ то же время былъ и главою церкви.

Наконецъ, *власть религіозно-нравственная*, дѣйствіе которой неопредѣленно, которая господствуетъ надъ самыми сокровенными мыслями и которой знакомы всѣ изгибы человѣческаго сердца, въ непродолжительное время совмѣстила бы въ себѣ одной всѣ прочія власти, если бъ не была отдѣлена отъ нихъ совершенно, если бъ, обнимая собою все, она имѣла бы свою долю и во временномъ,

преходящемъ, если бъ на прочія власти она оказывала *прямое* вліяніе, а не *косвенное*, какое она должна оказывать.

Религіозно-нравственная власть можетъ еще имѣть вліяніе и на другую власть, соединяемую или съ государемъ, или съ главою правленія, или съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ: я говорю о власти военной. Коль скоро религія и нравственность приходятъ въ упадокъ, коль скоро гражданинъ перестаетъ быть гражданиномъ и дѣлается только воиномъ, коль скоро власть полководца становится высшимъ закономъ, тогда уже не можетъ быть и рѣчи о равновѣсіи властей: эта страшная власть поглощаетъ ихъ совершенно, все ниспровергается, всѣмъ заправляетъ одинъ деспотизмъ.

Англія при Кромвелѣ представляла примѣръ подобнаго насильственнаго захвата законной власти. Въ настоящее же время она представляетъ примѣръ истиннаго равновѣсія, хотя и съ тѣмъ важнымъ различіемъ, что парламентъ не ограничивается въ своихъ дѣйствіяхъ цѣлью всякаго общества, т. е. безопасностью, и что переступая за ея предѣлы, онъ совершаетъ иногда настоящія насильства. Впрочемъ, я очень далекъ отъ сомнѣнія въ возможности установить равновѣсіе съ такимъ же и даже еще большимъ умѣньемъ, но только этому равновѣсію слѣдовало бы стать на иную ногу, чѣмъ въ Англіи.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О различныхъ образахъ правленія.

Образъ правленія есть *деспотическій*, когда верховная власть находится въ рукахъ одного лица, безъ всякаго ограниченія; *монархическій*, когда власть эта ограничена; *аристократическій*, когда она ввѣрена нѣсколькимъ лицамъ; *чисто-демократическій*, когда верховная власть находится въ рукахъ цѣлаго народа и, наконецъ, *представительный*, когда онъ осуществляетъ ее посредствомъ своихъ депутатовъ, выборныхъ.

Всѣ эти образы правленія имѣютъ своего рода и выгоды и неудобства. Рѣзче всего проявляется это въ деспотизмѣ и демократіи, двухъ діаметрально противоположныхъ крайностяхъ.

Сила, энергія, легкость, съ какою предпринимаются и приводятся въ исполненіе самые великіе замыслы; угнетеніе общественное

и частное, развѣтвленное до безконечности; низведеніе человѣческаго достоинства на самую низкую ступень посредствомъ рабскаго подчиненія чужой волѣ; сильный недостатокъ увѣренности и твердости въ произвольной власти, которая все измѣняетъ по своей прихоти, предубѣжденіямъ и предразсудкамъ: таковъ характеръ деспотизма.

Широкій просторъ, предоставленный нравственнымъ силамъ, духъ общественности, развитой въ высшей степени, но огромный недостатокъ единства въ побужденіяхъ и дѣйствіяхъ; свобода, вырождающаяся въ своеволіе; человѣческое достоинство, униженное заблудшеюся волею и предоставленное на произволъ страстей; сильный недостатокъ увѣренности и твердости въ ослѣпленной, буйной толпѣ, которая зачастую не знаетъ, что надобно, что она должна и что хочетъ дѣлать: таковъ характеръ демократіи.

Монархія, аристократія и представительное правленіе, занимая средину между деспотизмомъ и демократіей, отличаются болѣе или менѣе хорошими и дурными свойствами, смотря потому, на сколько видоизмѣненія этихъ послѣднихъ формъ правленія приближаются къ деспотизму или демократіи, или удаляются отъ нихъ.

Мнѣ кажется, однакожъ, что деспотизмъ или демократія сообщаютъ аристократіи скорѣе дурныя свои свойства, нежели хорошія. Въ самомъ дѣлѣ, въ аристократіи произволъ тотъ же, что и въ деспотизмѣ, но нѣтъ той силы энергіи, какая присуща деспотизму; въ ней тѣ же раздоры, что и въ демократіи, но нѣтъ той свободы и того патріотизма, какіе присущи демократіи, и меньше нежели въ деспотизмѣ: *одинъ деспотъ* не будетъ такъ непослѣдователенъ, какъ *тысяча деспотовъ*.

Монархическое правленіе и представительное, вслѣдствіе большаго или меньшаго равновѣсія различныхъ властей, соединяютъ въ себѣ, по-видимому, всего болѣе выгодъ и представляютъ всего менѣе неудобствъ; энергія деспотизма соединена въ нихъ съ свободой демократіи, и нѣтъ въ нихъ ни произвола одного, ни своеволія другой. За то при такихъ образахъ правленія всякое измѣненіе въ законахъ крайне трудно, потому что отличительная черта ихъ—постоянство, каторая не допускаетъ перемѣнъ даже спасительныхъ, изъ опасенія, что эти перемѣны будутъ гибельны.

Въ Англіи много нелѣпыхъ законовъ, а она не смѣетъ до нихъ и дотронуться.

Быть-можетъ, меня упрекнутъ въ томъ, что картины, мной набросанныя, невѣрны, что выгоды и неудобства, приписываемыя мной напр. деспотизму, обнаруживаются и въ демократіи, и наоборотъ. Отвѣчаю, что всякаго рода правленіе подвержено измѣненіямъ, то медленнымъ, то быстрымъ. Подъ властью государя просвѣщеннаго, справедливаго и милосердаго, въ средѣ народа, у котораго процвѣтаютъ науки и искусства, промышленность и торговля, деспотизмъ, умѣряемый общественнымъ мнѣніемъ, религіозно-нравственною властью, дѣйствующею какъ на государя, такъ и на подданныхъ, обращается въ монархію. Государь можетъ дѣлать то, что разсудительный народъ исполняетъ въ цѣлой своей массѣ: онъ самъ установляетъ благотворное раздѣленіе властей, и впослѣдствіи стремится къ поддержанію ихъ равновѣсія. Подъ властью ловкаго и предпріимчиваго министра, представительное правленіе переходитъ иногда въ монархію, а иногда и въ десnотизмъ. Скончается ли государь, будетъ ли смѣненъ министръ, но если преемники ихъ лишены такихъ же способностей, то первая страна пойдетъ по пути къ рабству, вторая къ свободѣ. Но это еще не значитъ, что страна можетъ измѣнить правленіе *по сущности* не иначе, какъ измѣнивъ его *по формѣ*: не страны хотѣлъ я охарактеризовать, а виды правленія.

Въ государствахъ деспотическихъ и монархическихъ верховная власть дѣйствуетъ на основаніи нѣсколькихъ простыхъ, однообразныхъ правилъ. Не то въ государствахъ аристократическихъ, демократическихъ и представительныхъ. Здѣсь эти правила усложняются: надобно въ нихъ опредѣлить и условія права избирать и быть избраннымъ, и способъ созванія и разсужденія законодательнаго собранія, и продолжительность и распущеніе его, и пр. Цѣль этого сочиненія не позволяетъ мнѣ, однакожъ, входить въ эти подробности, слишкомъ извѣстныя впрочемъ; здѣсь рѣчь идетъ не о самыхъ законахъ, а объ ихъ основныхъ началахъ.

Замѣчу еще, что депутаты въ законодательномъ собраніи должны избираться изъ среды владѣльцевъ, для того чтобъ они лично были заинтересованы въ поддержаніи порядка, тишины и спокойствія. Къ тому же, собственность заставляетъ предполагать болѣе

или менѣе тщательное воспитаніе, а образованіе для представителей народа необходимо. Пренебрегши именно этой мѣрой безопасности, нѣкоторыя страны подверглись неисчислимымъ бѣдствіямъ.

Государственные законы болѣе всѣхъ прочихъ подвержены условіямъ относительной безопасности. Нѣтъ никакой возможности обобщить ихъ, сдѣлать ихъ удобопримѣнимыми ко всѣмъ странамъ, даже къ одной и той же странѣ, но въ различныя эпохи, тогда какъ законы гражданскіе можно обобщить, примѣняя ихъ ко всѣмъ странамъ и во всякую эпоху. Будучи разъ введены и основываясь на справедливости, они будутъ все болѣе и болѣе упрочивать правленіе, каковы бы ни были его форма и содержаніе.

ГЛАВА X.

О законахъ гражданскихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О правахъ и обязанностяхъ всѣхъ гражданъ безъ различія.

Общія права вытекаютъ изъ того права, которое удерживаетъ за собою всякій человѣкъ, дѣлаясь гражданиномъ,—изъ права пользоваться всѣми своими способностями въ такой мѣрѣ, чтобъ это употребленіе способностей не вредило общественной и частной безопасности; или лучше, это тотъ же естественный законъ, только ограниченный этой безопасностью:

I. Свободный выходъ изъ страны и возвращеніе въ нее.

II. Недопущеніе ареста безъ предварительнаго суда.

III. Свобода выраженія мыслей, а слѣдовательно и

IV. Свобода вѣроисповѣданія.

V. Свобода пріобрѣтенія, пользованія и распоряженія всякой собственностью.

Общія обязанности вытекаютъ изъ того употребленія, которое всякій человѣкъ, сдѣлавшись гражданиномъ, долженъ дѣлать изъ своихъ способностей, въ видахъ содѣйствія, съ своей стороны, къ поддержанію общественной и частной безопасности; или лучше, это тотъ же естественный законъ, только ограниченный обязанностями, которыя долженъ исполнять всякій гражданинъ:

I. Повиновеніе законамъ страны и верховному правительству, которое приводитъ ихъ въ исполненіе.

II. Личная служба государству и денежныя подати и повинности.

III. Уваженіе къ постороннему лицу и чужой собственности.

IV. Вѣрное соблюденіе особаго рода обязательствъ, заключенныхъ по отношенію къ государству и частнымъ лицамъ.

Эти права и обязанности, вытекая изъ означенныхъ двухъ началъ, ограничиваютъ себя взаимно.

А. *Нѣкоторыя подробности касательно общихъ правъ.*

I. Безъ *свободы выходить изъ своей страны и возвращаться въ нее когда угодно*, если нѣтъ никакого частнаго обязательства, человѣкъ не былъ бы членомъ общества или гражданиномъ: онъ былъ бы или рабомъ, или ссыльнымъ. Во многихъ государствахъ наибольшая часть жителей лишены однакожъ этого права: но несчастнѣе отъ этого не бываютъ. Столькими узами они связаны съ родной почвой, съ своими семействами, друзьями, имуществомъ, со всякаго рода удовольствіями и привычками, что они и не подумали бы воспользоваться этимъ правомъ, еслибъ даже и могли имъ воспользоваться, если только положеніе ихъ хоть сколько-нибудь сносно. Если любознательность или дѣла заставляютъ иногда человѣка покинуть родину, то онъ обыкновенно опять возвращается въ нее, или безпрестанно по ней тоскуетъ. Часто даже, находясь подъ лучшимъ небомъ, чѣмъ небо его родины, при лучшей обстановкѣ, онъ умираетъ съ тоски и скуки, какъ только у него утрачена надежда воротиться въ суровый край, гдѣ онъ родился. Вотъ гдѣ торжество твое, святая любовь къ отчизнѣ! Ты заставляешь забывать всю тяжесть рабства и суровость природы!

II. Касательно *права не подвергаться заключенію безъ предварительнаго суда* мнѣ возразятъ, пожалуй, что мой собственный принципъ—безопасность, требуетъ иногда немедленнаго взятія подъ стражу, не дожидаясь судебнаго рѣшенія, и что это лишеніе личной свободы допускается даже въ такихъ странахъ, которыя слывутъ наиболѣе свободными и наилучшимъ образомъ устроенными.

Отвѣчаю, что страны, наиболѣе свободныя и наилучшимъ образомъ устроенныя въ настоящую пору, въ будущемъ могутъ вести

свободу еще далѣе и еще болѣе усовершенствовать свое устройство; что дѣйствительное состояніе этого устройства еще не можетъ служить достаточной причиной къ тому, чтобъ остановиться на этой точкѣ и ужъ дальше нея не идти; что правительство, имѣя довольно ловкости для открытія слѣдовъ какого-нибудь заговора, и будучи притомъ надѣлено огромными средствами, можетъ слѣдить за этимъ заговоромъ во всѣхъ его изворотахъ, изгибахъ; что для самаго же правительства будетъ выгодно, если оно дастъ заговору сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, чтобъ потомъ убѣдить публику въ его существованіи и поразить его съ бо̀льшимъ блескомъ и успѣхомъ; что если бъ въ теченіи этого промежутка времени заговорщики, изъ страха, что умыселъ ихъ вполовину уже открытъ, обратились въ бѣгство, не совершивъ зла и не въ состояніи будучи совершить его, вслѣдствіе ихъ удаленія, то общей безопасности нечего было бы страшиться, а правительству некого наказывать; что если, напротивъ, виновные скрылись бы въ самой странѣ, то уже одно ихъ удаленіе изъ страны служило бы вѣрнымъ признакомъ ихъ заговора, побудительной для всякаго истиннаго гражданина причиной не давать имъ убѣжища и обязанностью для полиціи употребить всю свою дѣятельность, чтобы открыть ихъ; что человѣка, подозрѣваемаго въ участіи въ заговорѣ, можно принудить, посредствомъ судебнаго чиновника, явиться къ суду; что послѣ перваго допроса суды должны рѣшить, слѣдуетъ ли арестовать его (не говорю посадить въ тюрьму), или отдать подъ ближайшій надзоръ, или обязать его представить поруки въ томъ, что онъ пробудетъ въ странѣ до постановленія окончательнаго приговора по его дѣлу, или принять иную какую-либо мѣру, не теряя при этомъ изъ виду общественной и частной безопасности.

Правительства самыя неограниченныя, уважая эту безопасность, внушаютъ уваженіе и къ своему могуществу; въ этомъ заключается и лучшее средство упрочить его. Поэтому я полагаю, что произвольное взятіе подъ стражу безполезно какъ для государства вообще, такъ и для правительства въ особенности.

III. Отнимать безъ разбора свободу говорить и писать, значитъ употреблять величайшее насиліе; это значитъ мѣшать осуществленію способностей самыхъ дорогихъ для насъ, наиболѣе содѣйствующихъ нашему достоинству—разума и воли.

Но такъ какъ часто эта свобода влечетъ за собою злоупотребленія, которыя приводятъ къ величайшимъ бѣдствіямъ, то *употребленіе ея во зло* надобно пресѣчь, не нанося ущерба *праву*; надобно провести между тѣмъ и другимъ порубежную черту такимъ образомъ, чтобъ справедливость отъ того не пострадала, а порокъ не восторжествовалъ.

До тѣхъ поръ, пока высказываются только мнѣнія спекулятивныя, политическія или нравственныя—какого бы свойства они ни были, но, во-первыхъ, безъ намѣренія измѣнить установленный порядокъ не инымъ какимъ-либо путемъ, какъ чрезъ правительство, убѣжденное въ основательности предлагаемыхъ реформъ, во-вторыхъ, безъ личностей какъ противъ верховной главы, такъ и противъ частныхъ лицъ, и въ-третьихъ, безъ вреда физическимъ или нравственнымъ силамъ другихъ людей, какъ это дѣлается напр. посредствомъ соблазнительныхъ рисунковъ, посредствомъ доводовъ, подрывающихъ догматы о существованіи Бога, о безсмертіи души (*), и проч. и

(*) Вотъ единственное ограниченіе, какое только я допускаю въ выраженіи спекулятивныхъ мнѣній. Полагаю, что атеизмъ и матеріализмъ необходимо ослабляютъ нравственную силу, а ханжество и суевѣріе придаютъ ей энергію, нерѣдко гибельную. Мнѣ сдѣлаютъ, конечно, слѣдующія возраженія:

1) Атеизмъ—заблужденіе; его нетрудно уничтожить тѣмъ же путемъ безграничной свободы тисненія (прессы).

2) Ни въ какомъ случаѣ атеизмъ и матеріализмъ не въ состояніи проникнуть въ массу народа: они слишкомъ противорѣчатъ здравому смыслу.

3) Запрещать выраженіе этихъ ложныхъ мнѣній, значитъ придавать имъ нѣкоторую важность, давать слабымъ или превратно направленнымъ умамъ поводъ думать, что мнѣнія эти на столько имѣютъ силы, что могутъ противостоять всякаго рода доводамъ.

4) Доказывая существованіе Бога и безсмертіе души, надобно непремѣнно приводить возраженія и потомъ ихъ опровергать: иначе доказательства будутъ неполны. Но на иные умы возраженія могутъ подѣйствовать сильнѣе, чѣмъ опроверженія, и доказательства, оставленныя безъ возраженій, порождаютъ сомнѣніе. Развѣ атеизмъ и матеріализмъ родились не въ школахъ, которыя наиболѣе имъ противодѣйствовали? Точно такимъ же образомъ словесныя и письменныя мнѣнія, обходя даже печать, быстро вносятся и распространяются въ обществѣ: доказательства тому мы видимъ и въ древности, и въ новѣйшее время. Къ тому же, еслибъ въ какомъ-либо государствѣ и успѣли пресѣчь эти ученія, то чтобъ пресѣченіе это было полное, для этого слѣдовало бы пресѣчь ихъ и во всѣхъ другихъ государствахъ: а такое согласное дѣйствованіе невозможно, какъ доказываетъ опытъ.

проч.,—пока, говорю я, не дѣлается нападокъ на эти предметы, столь существенно и прямо связанные съ началомъ общей безопасности, то я не вижу, гдѣ бы тогда было право защищать выраженіе мнѣній, истинныхъ или ложныхъ—все равно, но во всякомъ случаѣ безвредныхъ самихъ по себѣ.

---

5) Страны, въ которыхъ господствуетъ самая неограниченная свобода печати, отличаются и самой большой чистотой нравовъ; такъ и должно быть, потому что выгодъ отъ этой свободы гораздо больше, чѣмъ неудобствъ: благодаря ей, въ сужденіяхъ обо всякомъ предметѣ является бо́льшая правильность, начальники и подчиненные одинаково страшатся суда общественнаго мнѣнія, общественные и частные интересы, глубже обсужденные, глубже и запечатлѣваются въ умахъ: отсюда бо́льшее развитіе и разума, и нравственности.

Представляя эти возраженія на судъ законодателямъ, я тѣмъ не менѣе нахожу свои ограниченія справедливыми; соблюдая ихъ, люди пользовались бы наиболѣе *разумной* свободой печати; государство, верховная власть, частныя лица, добрые нравы, общественная нравственность находились бы въ безопасности, въ то время какъ умозрительная философія имѣла бы для своего развитія обширнѣйшее поле, потому что, какъ сказано выше, вмѣстѣ съ доказательствомъ догматовъ о Богѣ и о безсмертіи души, *непремѣнно* слѣдуетъ представлять и въ то же время опровергать возраженія: а это опять ведетъ къ разумной свободѣ какъ въ этомъ отношеніи, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Если въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ безграничная свобода печати, нравственность развита лучше, чѣмъ гдѣ-либо (мнѣніе, которое я считаю весьма основательнымъ), то это происходитъ вовсе не *въ силу* права или возможности издавать пасквили или возмутительныя, грязныя, безнравственныя и антирелигіозныя въ упомянутомъ смыслѣ брошюры, а *въ ущербъ* этому праву и этой возможности. Поэтому, защита, направленная противъ уклоненія отъ истиннаго пути, хотя бы и не имѣла полнаго успѣха, все-таки имѣла бы какое-нибудь послѣдствіе,—а послѣдствіе это всегда оказывается благимъ.

Касательно политическихъ мнѣній меня, быть-можетъ, спросятъ: если предлагаются разумныя реформы, а правительство ихъ не допускаетъ, тогда что дѣлать? Въ правѣ ли предлагающіе достигнуть силою того, чего не могутъ достигнуть разумными доводами? Отвѣчаю: *нѣтъ*, потому что этотъ отказъ со стороны правительства есть зло гораздо меньшее, чѣмъ то, которое произошло бы изъ такого порядка вещей, когда бы всѣ хотѣли предлагать законы и требовать ихъ исполненія, именно: безпорядки, насилія, безначаліе, политическая казнь. Надобно умѣть переносить нѣкоторыя бѣдствія, чтобъ на будущее время избѣжать сильнѣйшихъ. Правило избитое, пошлое пожалуй, но тѣмъ не менѣе мудрое. Просвѣщеніе, стремясь постоянно впередъ, рано или поздно оцѣниваетъ дурныя начала правительства, и при этомъ нѣтъ ни малѣйшей нужды прибѣгать къ мѣрамъ разрушительнымъ для общества.

Но если кто издаетъ сочиненія, вредныя въ томъ или другомъ изъ означенныхъ трехъ отношеній, въ такомъ случаѣ тотъ дѣйствительно виновенъ и заслуживаетъ наказанія.

Заключенная въ подобныя границы, свобода тисненія оказывала бы дѣйствія сами по себѣ благотворныя, или по крайней мѣрѣ безвредныя; она превосходно содѣйствовала бы развитію человѣческаго ума, не дозволяя ему никакой вольности, вредной для общества; она бы способствовала улучшенію всѣхъ отраслей управленія, подавила бы фанатизмъ, суевѣріе и религіозную нетерпимость; чрезъ это она доставила бы государю возможность самому приводить въ исполненіе вещи не только полезныя, но даже необходимыя для государственнаго благосостоянія (*); она внушила бы гражданамъ возвышенныя чувства и живѣйшую любовь къ установленному порядку, ежеминутно давая имъ чувствовать, что они пользуются всѣми человѣческими правами, и что вслѣдствіе этого они должны любить правительство, уважающее эти права. Правда, она бы породила множество ошибочныхъ мнѣній, но развѣ была бы отъ нихъ какая опасность, когда бы они относились болѣе къ умозрѣнію, чѣмъ къ нравственности? Ихъ бы нетрудно было исправить, высказывая иныя, болѣе справедливыя мнѣнія, или же, коль скоро не стоило бы труда возражать на нихъ, сама бы публика ихъ осмѣяла, опозорила. Нерѣдко это бываетъ лучшимъ средствомъ противъ сочиненій, имѣющихъ только ту важность, которая придается имъ пустою защитою.

Но посмотрите, скажутъ мнѣ, что надѣлали философы во Франціи, взгляните на бѣдствія, произведенныя ихъ ученіями. Помѣшать распространенію ихъ врядъ ли бы кто съумѣлъ.

Такой доводъ кажется неопровержимымъ для толпы министровъ, придворныхъ, образованныхъ людей и даже ученыхъ. Я не говорю ни о людяхъ, лично заинтересованныхъ въ поддержаніи подобнаго рода мнѣній, ни о народѣ, который въ нихъ ровно ничего не смыслитъ: здѣсь заблужденіе притворное, добровольное, или лучше,

---

(*) Регулярное войско спасло бы Турцію; но гдѣ средства сформировать его? Усилія турецкаго правительства до сихъ поръ остаются безуспѣшными: предразсудокъ торжествуетъ по прежнему, и правильно устроенныхъ войскъ нѣтъ вовсе.

непреодолимое. Но я говорю о лицахъ, которыя приняли этотъ доводъ на добрую вѣру и по причинамъ, дѣлающимъ честь если не головѣ ихъ, то сердцу.

Однако если кто потрудится хотя немного подумать, то ему тотчасъ представится множество возраженій, такъ что выборъ между ними очень нелегокъ.

a) Для того чтобъ Франція могла служить образцомъ для другихъ странъ, необходимо, чтобы между нею и этими странами существовало сходство въ обстоятельствахъ, которыя, порождая тѣ же самыя причины, давали бы поводъ заключать и о тѣхъ же самыхъ послѣдствіяхъ. Но такъ какъ этого сходства существовать не можетъ, вслѣдствіе разнообразія человѣческихъ стремленій, то отсюда еще нельзя вывести заключенія, будто бы та же самая причина влечетъ за собою то же самое послѣдствіе въ различныхъ странахъ.

b) Въ подтвержденіе этой истины, я могъ бы сослаться на другія страны, какъ напр. на Англію, американскіе Соединенные-Штаты и др., гдѣ свобода тисненія существовала и раньше и послѣ французской революціи, безъ всякаго ущерба для ихъ безопасности и благосостоянія.

c) Скажу болѣе: этой свободы тисненія никогда и не было во Франціи, ни прежде, ни послѣ революціи. Правда, тамъ во множествѣ читались запрещенныя книги, но книги, напечатанныя за границей: доказательство безполезности запрещенія. До революціи сожигали чрезъ палача философскія сочиненія, даже самыя благотворныя въ отношеніи къ нравственности, хотя отъ сочиненій богословскихъ они и разнились въ отношеніи къ догматамъ. Для пущаго эфекта, вмѣсто того чтобъ опровергать эти сочиненія другими, и краснорѣчивѣе и глубже написанными, пускали въ народъ епископскія окружныя грамоты, преисполненныя нелѣпостями и поносными словами: примѣромъ можетъ служить пастырское посланіе Бомона (Beaumont), направленное противъ Ж. Ж. Руссо; а между тѣмъ очень нетрудно было бы доказать ошибочность и неосновательность сужденій этого знаменитаго писателя о воспитаніи и политикѣ. Послѣ революціи, сочиненій больше ужъ не жгли, а отрубали на эшафотѣ головы писателямъ, враждебнымъ принятой революціонерами системѣ крови и разрушенія.

d) Употребленіе какой-либо вещи во зло еще не доказываетъ ея

негодности. Ужасы революціи не слѣдуетъ ставить въ вину истинной философіи, точно также какъ ужасы изувѣрства нельзя ставить въ вину истинной религіи.

e) Этихъ злоупотребленій, этихъ ужасовъ не было бы, если бъ французское правительство слѣдовало тремъ началамъ, предложеннымъ нами касательно свободы тисненія. Какъ только мятежные изверги-философы, невѣрные повѣренные и своихъ вѣрителей, и своего государя, дерзнули во имя возстанія и свободы всенародно проповѣдывать возмущеніе и мятежъ, правительству тотчасъ же слѣдовало бы взять ихъ подъ стражу, нарядить надъ ними слѣдствіе и подвергнуть наказанію. Но оно этого не сдѣлало, оно само не признало этихъ началъ или пренебрегло ими. Справедливо ли было бы приписывать соблюденію ихъ то, что слѣдуетъ приписать именно ихъ забвенію?

f) Со времени французской революціи, философскія мнѣнія стали безвреднѣе чѣмъ когда-либо. Горькій опытъ убѣдилъ народы, что самое плохое правительство все же лучше, чѣмъ разрушеніе и анархія, которыя могутъ быть произведены реформами, превосходными по себѣ, но легкомысленно приводимыми въ исполненіе.

g) Наконецъ, свобода тисненія, при трехъ упомянутыхъ условіяхъ (ихъ ни на минуту не должно упускать изъ виду), была бы такъ же не опасна для установленнаго правительства, какъ не опасна вѣротерпимость или свобода богослуженія для господствующей религіи. Правительство смотрѣло бы на появленіе какой-либо философской или политической системы съ такимъ же равнодушіемъ, съ какимъ въ нѣкоторыхъ странахъ церковь христіанская смотритъ на воздвигающіяся подлѣ нея синагоги и мечети. Но коль-скоро философъ, пастырь духовный или какой-нибудь сектантъ забудутъ о своихъ обязанностяхъ къ государю, къ государству, къ своимъ согражданамъ, словомъ—къ общественному порядку и нравственности, правительство должно поступить съ ними по всей строгости законовъ.

IV. Въ силу тѣхъ же самыхъ началъ, если какая-либо религія не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго общественному порядку, въ чемъ можетъ заключаться побудительная причина, а слѣдовательно и право запрещать ея отправленіе? Это несправедливое

запрещеніе было бы вдобавокъ нелѣпо и пагубно, когда религія не только не противорѣчила бы общественному порядку, но еще стремилась бы къ упроченію его. Если бъ существовала какая-нибудь религія, которая бы уже сама по себѣ служила противорѣчіемъ этому порядку, то такую только религію и надлежало бы преслѣдовать. Какое-нибудь общество атеистовъ или матеріалистовъ, которое бы вздумало публично исповѣдывать свое погубное ученіе, дѣйствительно слѣдовало бы закрыть, не какъ противное благочестію, и не какъ ложно направленное, но какъ гибельное для общества, у котораго оно неминуемо должно подорвать коренныя основы.

V. Всевозможные способы пріобрѣтенія собственности, пользованія и распоряженія ею должны быть дозволены всякому гражданину безъ различія, лишь бы эти способы согласовались съ безопасностью.

Если бъ это начало, столь справедливое и простое, обратить въ основной законъ, тогда бы множество отдѣльныхъ случаевъ подошли подъ него сами собою, такъ что законодателю не было бы необходимости опредѣлять ихъ каждый порознь.

За то въ числѣ этихъ случаевъ найдутся и такіе, въ которыхъ безопасность, не такъ сильно высказывающаяся, будетъ подвержена сомнѣніямъ и затрудненіямъ.

Законодателю надлежитъ опредѣлить тоже начало въ этихъ сомнительныхъ случаяхъ. Онъ постановитъ касательно ихъ особые законы, которые будутъ лишь послѣдствіемъ или дальнѣйшимъ развитіемъ упомянутаго основнаго закона. Приведу нѣсколько примѣровъ:

Какой-нибудь гражданинъ имѣетъ земли въ двухъ различныхъ государствахъ, сосѣдственныхъ или отдаленныхъ одно отъ другаго. Такимъ образомъ онъ, по отношенію къ этой собственности, является, по крайней мѣрѣ отчасти, подданнымъ двухъ государей. Пока между этими государями существуютъ мирныя отношенія, до тѣхъ поръ онъ можетъ съ спокойной совѣстью отправлять различныя свои обязанности, и безопасность не можетъ перечить ему ни въ чемъ. Но открывается война, и обязанности его приходятъ въ явное между собою противорѣчіе. Поэтому должно постановить, чтобъ гражданинъ одной страны не имѣлъ поземель-

ной собственности въ другой, развѣ что онъ откажется отъ своего гражданскаго званія въ одной изъ этихъ странъ.

Бѣднякъ, которому ѣсть нечего, у котораго все имущество заключается въ заряженомъ ружьѣ, проходитъ чрезъ чью-нибудь землю, и убиваетъ птицу, которая, принадлежа поочередно нѣсколькимъ владѣльцамъ, собственно не принадлежитъ никому. Онъ убиваетъ птицу, утоляетъ свой голодъ, и дѣлаетъ это не причиняя ни малѣйшаго ущерба землѣ. Гдѣ же тутъ зло? Въ чемъ тутъ нарушено начало безопасности? Разумѣется, оно не нарушено, но оно было бы нарушено, если бъ всѣ граждане имѣли право стрѣлять дичь на чужихъ земляхъ. Владѣлецъ постоянно находился бы въ недоумѣніи, постоянно бы ссорился: онъ не имѣлъ бы безопасности. Поэтому-то и слѣдуетъ запретить охотиться на чужихъ земляхъ.

Правительство хочетъ проложить новую дорогу, провести каналъ на землѣ, принадлежащей какому-нибудь частному лицу. Можетъ ли оно это сдѣлать безъ согласія землевладѣльца и не оказавъ ему за убытки должнаго удовлетворенія? Можетъ съ полнымъ правомъ, когда эти постройки явно необходимы для общественной безопасности (*); не можетъ, если цѣлью ихъ служитъ общая польза. Всякій гражданинъ обязанъ всѣмъ жертвовать безопасности, но ничѣмъ пользѣ. Благоразумное и благодѣтельное правительство даже и не наблюдаетъ этого различія, какъ оно ни справедливо: и въ томъ и въ другомъ случаѣ оно договаривается съ частными лицами и вознаграждаетъ ихъ за убытки.

Сосѣдъ мой строитъ домъ на границѣ своихъ владѣній съ моими. Окна этого дома выходятъ въ мою комнату, ко мнѣ на дворъ, въ мой садъ. И вотъ я уже не одинъ у себя дома, а въ постоянномъ сообществѣ съ моимъ сосѣдомъ и съ его гостями, которые под-

---

(*) Оно можетъ это сдѣлать безъ согласія частнаго лица, но ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ безъ вознагражденія его за убытки, потому что убытки, понесенные этимъ лицомъ, обратились бы въ пользу всѣхъ частныхъ лицъ и потому всѣ должны въ этомъ участвовать по мѣрѣ своихъ средствъ; отсюда-то и вытекаетъ право вознагражденія—право ненарушимое, какъ сама собственность, право не зависящее ни отъ какихъ побужденій, какъ бы благоразумны, благодѣтельны и благородны они ни были. Я очень радъ, что могу исправлять мои мысли, развивая ихъ подробнѣе.

сматриваютъ, что у меня дѣлается. Я не могу свободно располагать ни собой, ни своимъ имуществомъ, я уже не пользуюсь полной безопасностью въ моемъ собственномъ владѣніи. Законъ долженъ обозначить высоту стѣны между двумя домами и на какомъ разстояніи отъ нея можно возводить строеніе.

Нѣкто владѣетъ недвижимымъ имѣніемъ, которое пріобрѣтено имъ законнымъ порядкомъ. По истеченіи многихъ лѣтъ, ему вдругъ доказываютъ, что тотъ, отъ кого онъ получилъ или купилъ это имѣніе, владѣлъ имъ незаконно, и что слѣдовательно располагать имъ по закону не могъ. Чего требуетъ безопасность? Того, чтобъ каждому было воздано должное. Поэтому первоначальный владѣлецъ долженъ быть возстановленъ въ своихъ правахъ, а продавецъ обманщикъ обязанъ вознаградить послѣдняго владѣльца вполнѣ. Но если это справедливо въ одномъ смыслѣ, то вовсе несправедливо въ другомъ. Находился ли бы владѣлецъ въ безопасности, еслибъ онъ постоянно долженъ былъ опасаться основательныхъ или неосновательныхъ притязаній? Какимъ бы образомъ онъ могъ пользоваться, располагать имуществомъ съ полной безопасностью? Не лучше ли въ подобной крайности подвергнуть *одно* лицо лишенію имущества, даже законно пріобрѣтеннаго, нежели ставить *всѣхъ* въ постоянную неувѣренность? Въ первомъ случаѣ безопасность пострадала бы менѣе, чѣмъ во второмъ, потому что тамъ она была бы потрясена мгновенно, тогда какъ здѣсь она постоянно бы колебалась, или лучше, вовсе бы не существовала, такъ какъ увѣренность неразлучная ея спутница. Поэтому законъ съ точностію долженъ опредѣлить срокъ для законнаго отыскиванія частнымъ лицомъ своимъ правъ на другомъ лицѣ, пользующемся имъ добросовѣстно. Таково происхожденіе давности, такова цѣль ея.

А ежели продавецъ-обманщикъ умретъ, не оставя по себѣ наслѣдниковъ, или если онъ не въ состояніи дать приличное вознагражденіе, тогда на кого оно падаетъ? На общество, которое должно служить обезпеченіемъ всѣхъ и каждаго, и которое, вознаграждая за это зло, само потерпѣло бы незначительный и почти нечувствительный убытокъ, такъ какъ вознагражденіе это, будучи разложено по всѣмъ, раздѣлено до безконечности, для него бы ровно ничего не стоило.

«Сколько злоупотребленій, возразятъ мнѣ, сколько плутовства произвела бы подобная мѣра. Достаточно имѣть немного ловкости и стакнуться нѣсколькимъ лицамъ, для того чтобъ получить вознагражденіе, тягостное для общественнаго капитала».

Но эти стачки будутъ гораздо труднѣе, чѣмъ думаютъ, когда вопросъ о вознагражденіи будетъ порученъ тѣмъ самымъ лицамъ, которыя должны нести его тяжесть, и когда обнаруженныя стачки будутъ строго наказываться. Надобно всегда стараться побѣдить трудности, прежде чѣмъ приносить имъ въ жертву основныя начала. Всякій чувствуетъ, сколько подобная мѣра, если развивать ее и примѣнять ко всякаго рода случаямъ, потребовала бы предосторожностей и ограниченій. Всего успѣшнѣе она употребляется въ страховыхъ обществахъ, въ банкахъ, въ нѣкоторыхъ частныхъ компаніяхъ.

Страховыя общества обезпечиваютъ въ извѣстныхъ несчастныхъ случаяхъ стоимость имущества; банки принимаютъ фальшивые билеты, чтобъ поддержать въ публикѣ довѣріе къ настоящимъ билетамъ, которые они выпускаютъ; торговыя компаніи имѣютъ цѣлью распредѣлять между своими членами и барыши и убытки поровну. Во всемъ этомъ является, подъ различными формами, одно и то же начало, по которому зло распредѣляется на части, затѣмъ чтобъ довести его до самой слабой степени.

Во всякомъ случаѣ, для того чтобъ предупредить, по мѣрѣ возможности, эти сомнительные случаи, въ которыхъ безопасность находится какъ-бы сказать въ противорѣчіи сама съ собою, и чтобъ предохранить переходъ имущества отъ одного лица къ другому отъ всякаго рода нападеній, законодатель долженъ опредѣлить:

а) тѣ формальности, которыя надлежитъ соблюдать при производствѣ дѣла, чтобъ обезпечить и въ случаѣ нужды повѣрить распоряженіе какою-либо собственностью, а слѣдовательно и права и обязанности владѣльца. Отсюда договоры купли-продажи, ипотеки, брачные контракты, векселя, дарственныя записи, духовныя завѣщанія, и проч.

Всякое распоряженіе имуществомъ должно производиться посредствомъ особо установленныхъ властей, которыя, имѣя въ виду документы, могутъ разрѣшать вопросъ о дѣйствительности распоряженія, свидѣтельствовать согласіе всѣхъ сторонъ, въ немъ за-

интерессованныхъ, и обезпечивать приведеніе его въ исполненіе. Формальности, необходимыя при этихъ трехъ предметахъ, справедливы въ своемъ основаніи. Тѣ же, которыя не имѣютъ такого свойства, оказываются существенно негодными, становятся безполезными; онѣ способствуютъ лишь притѣсненіямъ, прижимкамъ. Что же касается до самыхъ актовъ, совершаемыхъ договаривающимися сторонами, то, главное, они должны быть ясно изложены. Ясность упрощаетъ, сокращаетъ, устраняетъ такъ называемые техническіе термины, въ сущности варварскіе — выраженія темныя, непонятныя, и потому какъ нельзя болѣе благопріятныя для придирокъ, для корыстныхъ видовъ. Ясность предупреждаетъ множество тяжебныхъ исковъ, вчинаемыхъ по недоразумѣніямъ, происшедшимъ имено изъ- за этихъ терминовъ, которымъ подъячіе и крючки придаютъ такое важное значеніе.

б) Далѣе, законодатель долженъ опредѣлить названіе и цѣнность представительныхъ знаковъ всякой собственности, какого бы свойства они ни были, металлическіе или бумажные.

Здѣсь сами собою представляются два соображенія:

Подмѣнять или тайнымъ образомъ поддѣлывать эти знаки, значитъ подрывать довѣріе къ нимъ общества.

Измѣнять названія и цѣнность знаковъ въ ихъ обращеніи, посредствомъ особыхъ узаконеній, значитъ подрывать безопасность, разрушать цѣлость всякаго рода собственности.

Эти два обстоятельства являются особенно важными въ законахъ о монетѣ. Скажу болѣе: на нихъ только и долженъ законодатель обращать вниманіе.

При каждомъ новомъ выпускѣ знаковъ, металлическихъ или бумажныхъ, онъ долженъ стараться выпускать ихъ не вдругъ, понемногу, и какъ можно менѣе измѣнять ихъ названія и цѣнность, чтобъ не нарушать обычнаго хода промышленности, такъ какъ нарушеніе это произвело бы подрывъ во всѣхъ капиталахъ.

Ничто столько не благопріятствуетъ предпріятіямъ, выгоднымъ для земледѣлія, торговли, промышленности, какъ пониженіе денежнаго курса. Поэтому надобно способствовать этому пониженію, только достигать его слѣдуетъ не помощію законовъ противъ лихоимства. Законы эти, во-первыхъ, несправедливы сами по себѣ, такъ какъ они запрещаютъ употребленіе фондовъ, которое отнюдь

не противно безопасности. Притомъ же они и безполезны, ибо есть большой интересъ обходить ихъ и всегда легко это сдѣлать. Всего удобнѣе произвесть столь благодѣтельное пониженіе курса посредствомъ учрежденія банковъ, которые бы ссужали подъ проценты гораздо меньшіе, нежели какіе берутъ ростовщики. Но учрежденіе такихъ банковъ съ помощію вкладовъ, представленныхъ или правительствомъ, или частными лицами, не должно служить поводомъ къ новому выпуску монеты, металлической или бумажной, выпуска, который, какъ я сейчасъ замѣтилъ, нарушилъ бы обычный ходъ промышленности — самая важная ошибка, какую только можно сдѣлать въ политической экономіи. И такъ, чтобъ приносить дѣйствительную пользу, банки не должны ни увеличивать, ни уменьшать количества представительныхъ знаковъ, уже существующихъ; но они должны способствовать ихъ обращенію, предлагая съ одной стороны вѣрное мѣсто для ихъ пріема, а съ другой—выгодную ссуду.

Когда въ какомъ-либо государствѣ финансы приведены въ разстройство, тогда самое вѣрное средство поправить ихъ—экономія. Если же это средство окажется недостаточнымъ, въ такомъ случаѣ лучше обратиться къ новымъ налогамъ, нежели прибѣгать къ сложной системѣ возвышенія и пониженія государственныхъ кредитныхъ билетовъ, которые основаны на погашеніи долговъ и которые желаютъ извлечь изъ обращенія по дешевой цѣнѣ—системѣ сколько опасной, столько же и принудительной, которая влечетъ за собою постоянныя колебанія въ частныхъ капиталахъ, и въ тысячу разъ тягостнѣе, чѣмъ самый обременительный налогъ (*); системѣ безнравственной, которая потворствуетъ обману, плутовству и праздности; системѣ разрушительной, какъ всѣ азартныя игры, запрещаемыя во всякомъ благоустроенномъ государ-

---

(*) Нельзя не согласиться, что эта система произвела самыя гибельныя послѣдствія во многихъ странахъ, особенно во Франціи. Нѣкоторыя страны составляютъ однакожъ важное исключеніе изъ этого, какъ напр. Англія, гдѣ система займа подъ непрерывные доходы и съ фондами для погашенія долговъ доведена была до высшей степени совершенства. Но для этого необходимы богатство, кредитъ и конституція, коихъ въ большей части государствъ недостаетъ.

ствѣ, потому что, подобно имъ, она пускаетъ въ обращеніе деньги, оставляя въ сторонѣ произведенія.

Но правительство имѣетъ бумажныя деньги у себя, и долги заграницей. Не обязано ли оно напрягать свои усилія къ повышенію курса, которое, придавая монетѣ его страны бо̀льшую стоимость, даетъ ему такимъ образомъ средство уплатить бо̀льшее количество долговъ меньшимъ количествомъ денегъ?

Такое правительство дѣйствуетъ уже не какъ правительство, но какъ частное лицо, которое хлопочетъ о своихъ личныхъ интересахъ. Обязанности его, какъ правительства, очень просты: оно исполняетъ законы, не оказывая ничему покровительства; и если покровительствуетъ какому-либо полезному предпріятію, основанному на какомъ-нибудь новомъ открытіи, то поступаетъ при этомъ какъ богатое частное лицо, давая для этого предпріятія основной капиталъ подъ наибольшіе проценты. Но оно не должно производить повышеній и пониженій въ мѣновомъ курсѣ, ради своихъ собственныхъ дѣлъ или въ пользу нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и въ ущербъ другимъ, потому что во всякой промышленной странѣ найдутся люди, которые получаютъ или выплачиваютъ деньги, вынимаютъ ихъ изъ обращенія или пускаютъ въ оборотъ, и которые, слѣдовательно, стоятъ за или противъ повышенія мѣноваго курса.

Совершенная безопасность—вотъ все, что требуется отъ правительствъ. Остальное не ихъ дѣло.

Впрочемъ, я далекъ отъ мысли, будто бы правительство поступаетъ дурно, способствуя уничтоженію ассигнацій или по крайней мѣрѣ уменьшенію ихъ до такой степени, чтобъ цѣнность ихъ равнялась цѣнности звонкой монеты; и самое простое и наилучшее средство къ достиженію этого заключается, безъ сомнѣнія, въ оплатѣ ихъ и въ сожженіи по мѣрѣ ихъ накопленія. Но я говорю только, что оно не должно этого дѣлать въ видахъ какой-либо частной выгоды; это должно происходить затѣмъ лишь, чтобъ дать народу представительный знакъ, въ одно и то же время и надежный, и мало подверженный измѣненіямъ, и общепринятый,—представительный знакъ, по стеченію всѣхъ этихъ свойствъ, избавляетъ націю отъ необходимости подчиняться иностранному закону, когда ей приходится уплачивать торговый балансъ звонкою монетою. По-

добной финансовой операціей правительство отражаетъ зло, имъ же самимъ причиненное.

В. Нѣкоторыя подробности касательно общихъ обязанностей.

I. Повиновеніе законамъ—условіе до такой степени важное, что безъ него не могло бы и существовать общество. И эта обязанность опирается на весьма могущественное для толпы средство—на страхъ. Хотя и нелѣпо было бы утверждать, что бываетъ такое состояніе цивилизаціи, при которомъ можно обойтись безъ этого насильственнаго и ужаснаго средства, но тѣмъ не менѣе однакожъ извѣстно, что необходимость прибѣгать къ нему замѣтно бы уменьшилась, если бъ захотѣли образовать общественный духъ и направить его къ той любви къ законамъ, какую долженъ имѣть каждый гражданинъ. Но для этого надобно, чтобъ, будучи справедливыми въ своемъ основаніи, эти законы были примѣняемы и исполняемы съ такой же справедливостью и въ такихъ формахъ, которыя бы обнаруживали ихъ безпристрастіе. Тогда къ чувству собственнаго достоинства и самоуваженія, внушаемому человѣку убѣжденіемъ, что судьба его зависитъ отъ одного лишь закона, присоединяются понятія о необходимости, порядкѣ и безопасности, вытекающія изъ повиновенія этому самому закону—и общественный духъ достигаетъ высшей степени совершенства.

II. Личная служба освобождаетъ отъ обязанности служить и своимъ имуществомъ: иначе не всѣ бы члены одинаково несли на себѣ бремя общества.

О службѣ личной.

Для того чтобъ эта служба, ограничиваемая обстоятельствами, въ которыхъ находится государство, не обратилась въ рабство, законодатель долженъ опредѣлить способъ ея отправленія, равно какъ и ея сущности и срока. Отсюда уставы о службѣ гражданской, военной, морской и проч.,—уставы, которые тѣмъ и отличаются отъ законовъ, что распространяются лишь на нѣкоторыхъ гражданъ, и притомъ въ теченіи только того времени, пока они состоятъ на государственной службѣ, между тѣмъ какъ законы

дѣйствуютъ на всѣхъ гражданъ вообще или на одинъ классъ гражданъ въ особенности, во всякое время.

Если служащій государству (это выраженіе я принимаю въ самомъ обширномъ значеніи) изъятъ отъ податей, то это изъятіе касается лишь его личности, но не его имущества. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ есть только гражданинъ, который принадлежитъ извѣстному сословію и обязанъ, съ своей стороны, содѣйствовать общественнымъ нуждамъ. Это различіе между лицемъ и его имуществомъ имѣетъ свое основаніе. Служащій, который получаетъ только жалованье, а собственности никакой не имѣетъ, не платитъ ничего, тогда какъ другіе граждане платятъ во всякомъ случаѣ, хотя бы они даже и не имѣли собственности, потому что она предполагается у нихъ, и очень справедливо, въ ихъ трудѣ.

Налоги.

Хорошее распредѣленіе податей болѣе удобно въ своемъ основаніи, нежели въ практическомъ примѣненіи.

1) Налогъ долженъ падать только на возможно меньшую часть доходовъ—извѣстныхъ или предполагаемыхъ—съ какой-либо собственности или съ какого-либо труда, часть, достаточную для покрытія государственныхъ нуждъ, но отнюдь не на самую собственность или на представляющій ее капиталъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ, стремясь къ уничтоженію собственности или употребленія труда, на которые простирается, налогъ оказался бы дѣйствительно тягостнымъ, стѣснительнымъ, жестокимъ.

2) Онъ долженъ соразмѣряться съ количествомъ доходовъ съ собственности или съ различныхъ употребленій труда, или, выражаясь иначе, онъ долженъ быть распредѣляемъ поровну (*).

(*) Правильность этого распредѣленія основывается не на ариѳметической пропорціи, а на пропорціи нуждъ. Не слѣдуетъ думать, будто бы 5 процентовъ для бѣдняка то же значатъ, что и для капиталиста. По смыслу правильнаго распредѣленія, послѣднему пришлось бы, можетъ быть, платить 10%, а первому всего только 1 и даже еще меньше. Положимъ, лицо имѣетъ всего 10.000 руб. капиталу; съ него онъ получаетъ 1000 руб. ежегоднаго доходу; изъ этихъ 2000 руб. половина уйдетъ на подати. Обремененный многочисленнымъ семействомъ, онъ доходитъ до того, что нерѣдко долженъ отказывать себѣ въ необходимомъ, тогда какъ другой кто-нибудь, у кого положимъ мильонъ рублей, отданныхъ по 10%, платилъ бы налогу 50.000 руб.; но на

3) Способъ взиманія долженъ быть какъ можно болѣе легкимъ для платящаго и какъ можно болѣе выгоднымъ для налагающаго. Съ одной стороны, законъ долженъ устранить поводы къ притѣсненіямъ, а съ другой, переводить налоги изъ прямаго ихъ источника въ общественныя кассы, теряя какъ можно меньше при этомъ переводѣ, всегда болѣе или менѣе сложномъ.

Нѣтъ ни одного такого налога, который бы не погрѣшалъ противъ того или другаго изъ этихъ условій. Подушная подать напр. находится въ явномъ противорѣчіи со второй статьей, потому что, налагаясь на лица, а не на собственность, она никакъ не можетъ быть распредѣляема поровну. Но за то она какъ нельзя лучше выполняетъ условія третьей статьи: она не влечетъ за собою притѣсненій, она въ цѣлости переходитъ изъ прямаго своего источника въ казну. Объ акцизѣ нельзя сказать, чтобъ онъ распредѣлялся не поровну, но какое же множество сборщиковъ, а слѣдовательно и грабителей, требуетъ взиманіе этого рода налога!

Но гдѣ же средство избѣгнуть этого зла? Касательно самаго сбора податей, я не знаю ни одного; но касательно тѣхъ, кто ихъ взимаетъ, знаю одно—преобразованіе нравовъ.

— Плохое же средство, скажутъ мнѣ. Уже по чрезвычайной своей медленности оно не годится.

Если не съумѣютъ употребить его, въ такомъ случаѣ надо страдать и платить, потому что придется страдать еще больше, когда платить не станутъ.

Здѣсь кстати будетъ указать на ложность системы исключительно-поземельнаго налога. Было мнѣніе, что такъ какъ одинъ лишь классъ земледѣльцевъ и производитъ всѣ предметы необходимости, а остальные классы только обработываютъ ихъ или обмѣниваютъ, то наложить на земледѣльцевъ прямой налогъ значитъ въ сущности то же, что наложить косвенный на плотника, фабриканта, купца, словомъ—на потребителя; что такого рода налогъ будетъ налогъ самый простой и самый удобный, въ отношеніи раскладки его и взиманія; что въ то же самое время и распредѣлять его можно какъ нельзя лучше, потому что онъ, какъ-бы сказать, уже по

остальные 50.000 рублей, которые бы находились въ полномъ его распоряженіи, онъ утопалъ бы въ роскоши и изобиліи. Значитъ, налогъ былъ бы распредѣленъ не поровну.

самой сущности своей долженъ падать на всѣ классы гражданъ, вслѣдствіе неизбѣжнаго обращенія между ними предметовъ первой необходимости, и проч.

Но надобно принять во вниманіе, что въ составъ всякой вещи входятъ слѣдующія три обстоятельства: 1) количество труда, на нее потраченнаго; 2) количество того же рода вещей, выставленныхъ на рынкѣ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и 3) количество запроса на эти вещи. Отъ соединенія этихъ трехъ обстоятельствъ зависитъ какъ самая цѣна, такъ и повышеніе ея и пониженіе. Нѣсколько примѣровъ пояснятъ эту истину.

Если вслѣдствіе новаго налога, количество труда остается въ вещи то же самое, что было и прежде, и количество того же рода вещей и запроса на нихъ тоже остается прежнее, или почти такое же какъ прежде, то ясно, что вся тяжесть налога падетъ на-время на покупщика или на потребителя, обязаннаго платить налогъ, даже и на будущее время, если, сдѣлавшись, въ свою очередь, продавцомъ, онъ не находится въ томъ же самомъ положеніи относительно другихъ покупщиковъ или потребителей.

Но если послѣ новаго налога, хотя одно изъ этихъ обстоятельствъ измѣнится, то измѣнится также и цѣна вещи и раскладка налога. Положимъ, хлѣбъ подвергается новому налогу, и количество хлѣба на рынкахъ значительно увеличивается, а спросъ на него значительно уменьшается: въ такомъ случаѣ налогъ оказывается тяжкимъ не для покупщика или потребителя, но для земледѣльца, которому приходится продавать хлѣбъ по прежней цѣнѣ или даже по низшей.

Такимъ образомъ, исключительно-поземельный налогъ не всегда падаетъ на всѣ собственности. Поэтому онъ еще болѣе несправедливъ, чѣмъ всякій другой налогъ, который по сущности своей— какъ напр. подушная подать—раскладывается не поровну. Послѣдняя распространяется хорошо ли, худо ли, но по крайней мѣрѣ на всѣ собственности, тогда какъ первый совсѣмъ до нихъ и не касается, или касается лишь нѣкоторыхъ, да и то только въ извѣстныхъ случаяхъ.

Итакъ, все должно подлежать налогу—поля и дома, товары и трудъ, сообразно съ доходами, какіе они могутъ дать, и съ указан-

ными выше началами, на сколько это может быть допущено при слабости человѣческихъ установленій (*).

Не должно упускать изъ виду цѣль всѣхъ этихъ налоговъ—*государственныя нужды*, принимая ихъ въ самомъ безусловномъ смыслѣ. Забота о бѣдныхъ, которые по очевиднымъ причинамъ не могутъ снискивать себѣ пропитаніе, должна входить въ число этихъ нуждъ. Если всякій гражданинъ обязанъ, въ случаѣ необходимости, жертвовать своей жизнью отечеству, то и отечество, въ свою очередь, должно, въ случаѣ той же необходимости, предохранять всякаго гражданина отъ голода и нищеты.

Но если къ числу нуждъ отнести еще потребность поощрять промышленность уменьшеніемъ извѣстныхъ налоговъ или увеличеніемъ другихъ, то необходимо придется впасть въ ошибки или сдѣлать несправедливости, поощрить нѣкоторыхъ частныхъ лицъ на счетъ другихъ, нѣкоторыя отрасли мануфактуръ на счетъ нѣкоторыхъ отраслей торговли, и т. под.

Нигдѣ это начало такъ часто не нарушается, какъ въ тарифахъ или правахъ ввоза, вывоза и перевозки, которымъ подлежатъ всякаго рода товары. Сегодня пошлина на вина возвышается, завтра уменьшается, смотря потому, какъ такой-то министръ смотритъ на нихъ—какъ на предметъ ли роскоши, или необходимости.

Если употребленіе труда составляетъ его душу и жизнь, если всякій привозный предметъ служитъ пищею для промышленности, если всякое увеличеніе налоговъ имѣетъ цѣлью уменьшить потребленіе и даетъ новый поводъ къ контрабандѣ, то нельзя не согласиться, что налогъ, по сущности своей, есть зло, *весьма необходимое*, безъ сомнѣнія, но противное промышленности и способное содѣйствовать ей не иначе, какъ только охраняя ее отъ всякаго на нее покушенія. Но не нелѣпо ли думать о соглашеніи между со-

---

(*) Если возразятъ, что не смотря на этотъ общій налогъ на всѣ предметы, извѣстные классы лицъ найдутъ средство избавиться отъ него—или полученіемъ барыша при куплѣ или продажѣ, или по естественному ходу промышленности, и что налогъ падалъ бы одинаково всей своей тяжестью на такихъ-то лицъ, не падая на другихъ,—то я отвѣчу, что здѣсь по крайней мѣрѣ шансовъ въ пользу общей раскладки несравненно болѣе, и они вѣроятнѣе, чѣмъ при исключительно- поземельномъ налогѣ. Но достаточно и этой вѣроятности, чтобъ заставить законодателя отвергнуть послѣдній родъ налога.

бою вещей несовмѣстимыхъ, пускаться въ спекуляціи, вѣрныя въ какомъ-нибудь частномъ случаѣ, который можно обсудить, но невѣрныя или по крайней мѣрѣ сомнительныя въ тысячѣ другихъ случаевъ, которыхъ рѣшительно нельзя обнять умомъ!

Хотя бы мнѣ привелось прослыть за систематика, за энтузіаста, за мечтателя—эпитеты, которыми глупцы и невѣжды щедро надѣляютъ тѣхъ, кто высказываетъ новыя или только немногими принятыя мнѣнія, все-таки я скажу, что права ввоза и вывоза должны слѣдовать только такому правилу: *столько-то процентовъ на всѣ товары безъ различія*. Опредѣленіе количества этихъ процентовъ было бы тарифомъ.

Вслѣдствіе этого необходимо: 1) надежное складочное мѣсто для товаровъ, 2) опредѣленный способъ оцѣнки, 3) опредѣленный способъ взиманія пошлинъ. Формальности, необходимыя при этихъ трехъ пунктахъ, справедливы; всѣ же другія стѣснительны.

Вотъ чего требуютъ торговые законы. Они вездѣ должны быть одни и тѣ же, дѣло идетъ не о поощреніи, а просто о налогахъ.

III. Уваженіе къ личности другихъ не ограничивается воздержаніемъ отъ всякаго насилія и обиды; оно распространяется и на обязанности приличія, возлагаемыя нравами и политическими правами, которыми каждый лично пользуется.

Точно также недостаточно уважать собственность другихъ, надобно еще располагать сю при случаѣ, сообразно съ предполагаемой волей владѣльца, когда положительная воля его неизвѣстна. Отсюда разумное различіе между имуществомъ наслѣдственнымъ и благопріобрѣтеннымъ. Свободное, неограниченное распоряженіе послѣднимъ принадлежитъ пріобрѣтателю, такъ какъ оно есть плодъ его собственнаго труда, и такъ какъ онъ долженъ имѣть возможность располагать имъ какъ ему угодно. Другое дѣло имущество наслѣдственное, пріобрѣтенное отъ предковъ: располагать имъ слѣдуетъ сообразно съ ихъ предполагаемою волею, когда они не выразили ея положительно, и въ качествѣ первыхъ пріобрѣтателей.

Замѣчу мимоходомъ, что въ этомъ заключается единственное справедливое ограниченіе права завѣщанія. Во всемъ остальномъ ему слѣдуетъ дать самый широкій просторъ, сообразно съ началомъ безопасности въ отношеніи къ собственности, распоряженіе

которою надобно допустить самое неограниченное, лишь бы оно было не во вредъ другимъ.

IV. Вѣрность особеннымъ обязательствамъ, заключаемымъ съ государствомъ или съ частными лицами, есть обязанность столь тѣсно связанная съ безопасностью, что не нуждается въ поясненіяхъ. Подъ именемъ обязательствъ, заключенныхъ съ государствомъ, я разумѣю здѣсь такія, которыя относятся напр. къ извѣстнаго рода постройкамъ, къ извѣстнаго рода поставкамъ и др., которыми частныя лица обязываются въ отношеніи къ государству. Онѣ—плодъ совершенно свободнаго соглашенія, и самое государство въ этомъ случаѣ есть, какъ-бы сказать, не болѣе какъ частное лицо, обязанное исполнить этотъ договоръ съ самой добросовѣстной точностью, или, въ случаѣ нарушенія, подвергнуться надлежащему наказанію.

Подъ именемъ обязательствъ между частными лицами я разумѣю такія, которыя эти лица заключаютъ между собою не какъ гражданинъ съ гражданиномъ, какъ напр. повѣренный съ своими вѣрителями, начальникъ со своими подчиненными, опекунъ съ опекаемыми и т. п., но какъ отдѣльное лицо съ отдѣльнымъ лицомъ, какъ напр. хозяинъ съ своимъ слугой, мастеръ съ своими учениками, и т. п.

Въ обязательствахъ перваго рода законъ является болѣе или менѣе дѣятельнымъ посредникомъ и постановляетъ главнѣйшія ихъ условія, потому что у государства тутъ прямой интересъ. Въ обязательствахъ же втораго рода, которыя, по сущности своей, должны пользоваться самою безграничною свободою, законъ является не для того, чтобъ постановить условія, но чтобъ дать имъ силу и поручиться за точное ихъ исполненіе.

Поэтому очень основательно созданъ былъ изъ ремесленниковъ отдѣльный классъ, именно цехи (maîtrises), если при этомъ имѣлось въ виду облегчить наложеніе и взиманіе податей, которыя они должны платить, сообразно съ предполагаемой производительностью ихъ труда; но очень неосновательно было бы, еслибъ имѣлось при этомъ въ виду поддержать между ними извѣстный порядокъ, и даже опредѣлить главнѣйшія условія ихъ взаимныхъ обязательствъ, для выгоды ремесленниковъ и для успѣшнѣйшаго хода ремеслъ.

Что касается до поддержанія порядка, то всѣ граждане составляютъ изъ себя одинъ классъ, подчиняющійся этому порядку, а равно и наказаніямъ, которымъ подвергается всякій нарушитель его.

А относительно выгодъ и успѣха въ развитіи промысловъ нельзя не замѣтить, что первыхъ никто такъ хорошо не можетъ понимать, какъ сами договаривающіеся, и ничто столько не обезпечиваетъ послѣдняго, какъ личный интересъ, о которомъ всякій можетъ судить самъ какъ нельзя лучше.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О правахъ и обязанностяхъ каждаго класса гражданъ въ особенности.

Здѣсь цѣль законодателя должна состоять въ томъ, чтобы вѣрнѣе направить къ великому началу безопасности различные способы употребленія человѣческихъ способностей.

Это различіе, обнаруживаясь съ такою силою, необходимо производитъ различіе и въ правахъ и обязанностяхъ, принадлежащихъ каждому классу гражданъ.

Такимъ образомъ, законы, вмѣсто того чтобъ противодѣйствовать этому естественному неравенству, должны еще освящать его и придавать ему большую силу и твердость.

Есть люди, которые, по характеру своему и по направленію ума, стремясь къ серьезнымъ занятіямъ, для того и созданы, чтобъ обдумывать самыя глубокія истины и изъяснять ихъ другимъ. Они даютъ направленіе, господствуютъ, подчиняютъ себѣ другихъ— и строгостью своихъ нравовъ, дѣйствительною или притворною, и своимъ краснорѣчіемъ, увлекательнымъ и страстнымъ; устами ихъ вѣщаетъ самъ Богъ: это духовенство. Употребляя часть своей жизни на занятія, приличныя духовному званію, а другую часть на общественное богослуженіе, оно не можетъ много заботиться о своихъ личныхъ дѣлахъ. Государство, или общество вѣрующихъ, обязано содержать ихъ на собственный счетъ. Нечего бояться предоставлять духовенству права и преимущества чисто почетныя, ибо это возбуждаетъ къ нему уваженіе толпы, но слѣдуетъ устранять всячески вліяніе его въ дѣлахъ общественныхъ и гражданскихъ, чтобъ оно не могло употребить этого уваженія во зло.

Главная его обязанность—во всемъ слѣдовать за правительствомъ, никогда ему не противодѣйствуя и даже не выказывая притязаній на то, чтобъ руководить имъ.

Другіе люди, способные къ военнымъ и гражданскимъ должностямъ, посвящаютъ свои способности, силы, самую жизнь на служеніе государству. Признательное отечество освобождаетъ ихъ отъ всякаго общественнаго налога, жалуетъ ихъ званіями, почестями, наградами; оно увѣковѣчиваетъ эти пожалованія, перенося ихъ и на ихъ потомство, такъ какъ эти люди увѣковѣчили себя своими заслугами и добрыми дѣлами. Отсюда дворянство личное и потомственное. Изо всѣхъ общественныхъ явленій, всего удивительнѣе—съумѣть посредствомъ пустыхъ звуковъ и столь же пустыхъ знаковъ отличія, довести людей до готовности на такія жертвы, съ которыми не могутъ сравняться никакія награды, даже матеріальныя.

Глубокій умъ, проницательность, способная постигать вещи въ ихъ самыхъ запутанныхъ отношеніяхъ, сильное, блестящее воображеніе, крайняя чувствительность, самое щекотливое самолюбіе, честолюбивая мысль выставлять свои дѣла на удивленіе настоящимъ и грядущимъ поколѣніямъ—таковы отличительныя черты, характеризующія ученаго, поэта и художника. Этотъ классъ людей не прямо служитъ отечеству, не защищаетъ его отъ внутреннихъ и внѣшнихъ нападеній, но просвѣщаетъ его науками, украшаетъ искусствами и влечетъ его на высоту величія и благоденствія, тѣсно связанныхъ съ усовершенствованіемъ нашихъ умственныхъ способностей. Нѣкогда восторженная Греція воздвигала алтари въ честь этихъ рѣдкихъ смертныхъ, которые своими талантами и образованіемъ почтили умъ человѣческій. Долгое время варварская Европа презирала ими, и даже просвѣщенная Европа еще не вполнѣ освободилась отъ предубѣжденія къ такимъ людямъ. Отечество обязано всѣми мѣрами поощрять ихъ и не дѣлать между ними различія по званіямъ, чинамъ, знакамъ отличія. Различіе между ними лежитъ въ нихъ самихъ, въ ихъ способностяхъ. Похвалы, получаемыя ими при жизни, и предчувствіе этихъ похвалъ въ потомствѣ—вотъ самая сладкая награда, самое благородное отличіе, къ которому должны стремиться ихъ честолюбивые помыслы. Уже самый родъ ихъ занятій освобождаетъ ихъ отъ общественныхъ должностей и повинностей.

*

Онѣ должны падать на промышленника и торговца, изъ которыхъ одинъ обработываетъ сырые продукты, а другой способствуетъ ихъ обмѣну. Оба они увеличиваютъ первоначальную цѣнность этихъ продуктовъ. Безконечно полезные отечеству, въ которомъ они размножаютъ предметы пользы и удовольствія, они однакожъ не иначе заботятся объ общественныхъ интересахъ, какъ только заботясь о своихъ частныхъ интересахъ, благодаря внутренней нерасторгаемой связи между тѣми и другими по самой сущности занятій промышленника и торговца. Личныхъ пожертвованій они не дѣлаютъ, они не посвящаютъ себя ни службѣ, ни защитѣ отечества; стремясь къ обогащенію себя, они нерѣдко подчиняются духу корысти. Однакожъ, въ замѣнъ переносимыхъ ими трудностей, имъ слѣдуетъ дѣлать всякаго рода облегченія въ ихъ дѣлахъ, но отнюдь не давать почетныхъ правъ и преимуществъ. Во всякомъ случаѣ богатства ихъ, и потомъ образованіе и способности, которыя они должны употреблять для пріобрѣтенія этихъ богатствъ, доставляютъ имъ своего рода отличіе и уваженіе, независимо отъ законовъ, чѣмъ вполнѣ и удовлетворяется ихъ самолюбіе.

Не менѣе промышленника и торговца полезны государству ремесленникъ и простой рабочій, хотя они имѣютъ и менѣе достоинства и образованія. Но они полезны въ томъ же смыслѣ, по естественной связи между ихъ собственной пользой и общественной, и на основаніи того же самаго начала, они точно также должны быть обложены податями.

Но что мнѣ сказать о классѣ земледѣльцевъ, такъ превознесенномъ нѣкоторыми философами? Что онъ самый достойный уваженія? Нѣтъ: служить отечеству, умереть за него—это благороднѣе, выше; просвѣщать его, украшать—важнѣе, лучше, нежели просто удовлетворять необходимымъ, но грубымъ потребностямъ. Что это классъ самый полезный? И опять-таки нѣтъ: всѣ классы точно также полезны по связи вещей, и если другіе классы получаютъ себѣ пищу отъ хлѣбопашца, то послѣдній не могъ бы производить ея безъ ихъ помощи. Но, скажу безъ всякаго пристрастія, безъ увлеченія, что изо всѣхъ классовъ людей, классъ земледѣльцевъ—одинъ изъ тѣхъ, чьи физическіе труды самые тяжелые, а умственныя силы ничтожны или почти ничтожны; что подобно ремесленнику, промышленнику и торговцу, этотъ классъ, занятый исклю-

чительно собственными своими интересами, болѣе или менѣе ограниченными, долженъ помогать нуждамъ государства, которое поощряетъ, покровительствуетъ и защищаетъ его интересы. Прибавлю еще, что такъ какъ этотъ классъ самый многочисленный, то оказывать ему покровительство, значитъ оказывать покровительство самому значительному большинству націи (*).

Таковы различныя состоянія, установляемыя самою природою, потому что во всякомъ мало-мальски пространномъ обществѣ необходимо должны быть разные разряды людей: одни занимаются производствомъ, обработкою, мѣною; другіе просвѣщаютъ, трогаютъ, развлекаютъ; третьи оказываютъ помощь, защищаютъ, проповѣдуютъ: отсюда земледѣлецъ, промышленникъ и купецъ; ученый, поэтъ и художникъ; чиновникъ, воинъ и священникъ—словомъ, слуга государства. Всѣ желаютъ безопасности, всѣ желаютъ способствовать ей; но первые трое хотятъ наибольшаго облегченія для своихъ работъ, слѣдующіе трое—благосостоянія для себя и безсмертія для своихъ твореній, наконецъ, трое послѣднихъ почестей и отличій за свои пожертвованія и добрыя дѣла. Отсюда самыя различныя права и обязанности, отсюда же и народъ, среднее сословіе, дворянство и духовенство. Если бъ законодательство, основываясь не недостижимомъ началѣ равенства, вздумало уничтожить хотя одно изъ этихъ состояній, то оно было бы нелѣпо, потому что безо всякой надобности противодѣйствовало бы самой природѣ. Точно также нелѣпо было бы законодательство, которое, по самолюбивымъ и суетнымъ предубѣжденіямъ, захотѣло бы разорвать всякую связь между этими состояніями, не допуская перехода изъ одного состоянія въ другое, потому что и оно точно также противодѣйствовало бы самой природѣ. Все, что только можетъ сдѣлать законъ для того, чтобъ извлечь какъ можно больше пользы изъ разнообразія человѣческихъ способностей, это—постановить извѣстные предѣлы, раздвигать ихъ при случаѣ и дозволять гражданамъ переходить изъ одного сословія въ другое. Но этотъ

(*) Да не подумаетъ кто-нибудь, что я хочу унизить цѣну какого-либо занятія. Коль скоро занятіе полезно, оно достойно уваженія; да и кто станетъ оспаривать неисчислимыя выгоды отъ земледѣлія? Но съ тѣмъ вмѣстѣ я признаюсь, что мнѣ смѣшно увлеченіе нѣкоторыхъ философовъ, которые хотятъ трудъ хлѣбопашца поставить выше дѣятельности государя.

переходъ долженъ допускаться съ большою осторожностью: надобно постановить извѣстныя къ тому препятствія или предварительныя обязанности, безъ которыхъ самые предѣлы были бы безполезны.

И такъ, каковы бы ни были преимущества, предоставляемыя тому или другому классу гражданъ, во всякомъ случаѣ преимущества эти вещь прекрасная, лишь бы они не были стѣснительны, т. е. не противорѣчили бы правамъ, которыми долженъ пользоваться всякій гражданинъ безъ различія, и лишь бы великое начало поддержанія связи между этими классами не было нарушаемо.

Этого, кажется, будетъ достаточно для того, чтобъ показать истинный духъ законовъ, относящихся къ различнымъ общественнымъ сословіямъ. Подробное изложеніе ихъ было бы излишне; къ тому же, оно должно измѣняться, смотря по странѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О законахъ семейственныхъ.

Здѣсь я ограничусь разсмотрѣніемъ того, чего требуютъ основныя начала *абсолютной безопасности*, въ примѣненіи ихъ къ разумно-свободнымъ существамъ, живущимъ въ семействахъ.

Затѣмъ, дѣло *безопасности относительной*—опредѣлить, до какой степени начала эти согласуются съ состояніемъ цивилизаціи во всякой странѣ въ особенности, и какъ надобно приближаться къ ней, прямыми путями, или косвенными: слѣдуетъ ли напр. допустить или запретить многобрачіе, и т. п.

Съ перваго же взгляда на семейныя отношенія и зависимость, какъ-то мужа и жены, отца и матери, брата и сестры, и другихъ степеней родства, нельзя не признать необходимымъ предоставить отцу благодѣтельную власть, которую онъ долженъ имѣть надъ женой и дѣтьми: онъ долженъ повелѣвать, а другіе повиноваться во всемъ, что касается до внутренняго семейнаго порядка, до хозяйства, до воспитанія дѣтей. Но а) должно опредѣлить возрастъ, когда дѣти, пользующіяся всѣми своими способностями, физическими и нравственными, становятся, въ отношеніи къ отцу, предъ закономъ, такими же гражданами, какъ и въ отношеніи къ другимъ гражданамъ; b) должно постановить условія вступленія въ бракъ,

равно как и случаи, когда может и должен быть допускаем развод; c) должно установить порядок наследования на наследственныя имущества, и наконец d) должны назначаться опекуны над наследниками, неспособными управляться сами собою.

Разсмотрим каждый из этих пунктов.

a) Нельзя оспаривать у отца права налагать легкія наказанія в его семействе: этого требует поддержаніе порядка и спокойствія. Но никогда, ни под каким предлогом и ни под каким видом не следует дозволять ему казнить жену свою или детей (peine capitale), потому что общественная безопасность, принимающая тем большее участіе, чем важнее оскорбленія и чем жесточе наказанія за них, требует, в этих крайних случаях, еще более, нежели при обычном ходе вещей, точнаго и строгаго исполненія этого великаго начала, без котораго и самое общество было бы пустым призраком, именно, что *никто не должен быть судьею в своем собственном деле*. К тому же, дурной отец может потребовать от робкаго сына таких вещей, которыя противны безопасности страны. Послушается ли его сын или нет, во всяком случае последній подвергается казни: какое ужасное противоречіе! А между тем оно существовало у одного из славнейших народов древности, у Римлян, которые предоставляли отцу право жизни и смерти над детьми.

Кроме этой важной предосторожности, надо принять еще другую, не менее важную, именно—определить совершеннолетній возраст, когда отец ни за какую вину не может наказывать детей. Определеніе это должно быть различно, смотря по климату. В жарких странах, где физическое развитіе совершается быстрее, совершеннолетіе должно наступать ранее, в холодных позднее.

b) Вместо того, чтоб служить пріятным убежищем, где успокоивались бы все страсти, семейство служило бы местом, где оне разыгрывались бы со всею силою, а личная безопасность, еще более шаткая, чем в естественном состояніи, была бы выбита из последних своих укрепленій, еслиб брак был дозволен между всеми без различія ближайшими родственниками, как напр. между братом и сестрою, между дядей и племянницей, и т. под. Понятно, как удобны и часты были бы тогда случаи предать-

ся всѣмъ излишествамъ любви, ненависти, ревности, мщенія. Поэтому законъ, запрещающій такіе браки, и справедливъ и благоразуменъ. Но одно это запрещеніе не произвело бы желаемаго дѣйствія, если бъ не подкрѣпляли его религія и общественное мнѣніе, которыя, дѣйствуя на этотъ разъ заодно и вмѣстѣ съ закономъ, положили на такіе браки клеймо безчестія, и успѣхъ въ этомъ отношеніи былъ полный.

Самое большое искусство законодателя заключается въ установленіи подобнаго отношенія, потому что законъ, воплощаясь, такъсказать, въ правахъ націи, получаетъ тогда власть сколько свободную, столько же и безусловную: онъ никогда не нуждается въ понудительныхъ средствахъ для поддержанія себя; напротивъ, такіе средства разрушили бы его, прежде чѣмъ разрушить права, коихъ онъ составляетъ только часть.

Извѣстно также, что сама природа пришла на помощь этому запрещенію, отказавъ вообще дѣтямъ изъ одной и той же семьи, но разнаго пола, выросшимъ, вскормленнымъ, воспитаннымъ вмѣстѣ, въ томъ чувствѣ предпочтенія, въ той исключительной любви, которую мужчина питаетъ къ женщинѣ и обратно. Привычка жить вмѣстѣ съ самой ранней молодости заглушаетъ подобное чувство въ самомъ зародышѣ: обыкновенно оно возникаетъ вслѣдствіе внезапнаго или очень рѣдкаго, но во всякомъ случаѣ болѣе впечатлительнаго свиданія съ тѣмъ лицомъ, которое послѣ того становится предметомъ самой нѣжной привязанности.

Такого рода равнодушіе возрастаетъ до того, что дѣлаетъ любовь почти невозможною, когда къ упомянутымъ обстоятельствамъ присоединяется еще уваженіе, повиновеніе и разница въ лѣтахъ. Еслибъ гражданскіе и религіозные законы даже и не запрещали браковъ между отцомъ и дочерью и т. п., какъ позорныхъ, то и тогда бы эти браки были чрезвычайно рѣдки, потому что они почти всегда обуздываются природою.

Говорю *почти всегда*, такъ какъ бываютъ примѣры и противнаго, но ихъ надобно отнести къ числу тѣхъ излишествъ разврата, которыя не только одобряются природою, но приводятъ ее въ ужасъ.

Такъ какъ тѣхъ же самыхъ причинъ къ запрещенію не существуетъ въ отношеніи къ дальнимъ родственникамъ, воспитывае-

мымъ отдѣльно и въ разныхъ семействахъ, то я не вижу, почему бы запрещать имъ вступать между собою въ бракъ, развѣ-что по какимъ-либо особенным уважительнымъ причинамъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ этого запрещенія не существуетъ, а между тѣмъ семейная безопасность не страдаетъ отъ этого нисколько.

Еще бо́льшую прочность придаетъ этой безопасности законъ, который ограничиваетъ бракъ исключительнымъ обладаніемъ одной жены. Что́ за спокойствіе, что за порядокъ былъ бы въ семьѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ женъ и прижитыхъ съ ними дѣтей? Нѣтъ никакой нужды указывать на зло, которое произошло бы отъ такого чудовищнаго состоянія вещей. Въ нѣкоторыхъ странахъ оно однакожъ существуетъ испоконъ вѣка, и люди преспокойно живутъ-себѣ въ такихъ семьяхъ въ совершенной безопасности. Правда; но такая жизнь есть послѣдствіе самаго безусловнаго рабства, до котораго доведенъ женскій полъ, эта слабѣйшая, и стало-быть, требующая особеннаго участія половина человѣческаго рода. Уже одно это зло не заключаетъ ли въ себѣ тысячу другихъ? Укажите мнѣ на свободную страну, или по крайней мѣрѣ на такую, гдѣ женщины хоть мало-мальски пользуются свободой—и гдѣ бы встрѣчались примѣры полигаміи!

Какъ долго однако бракъ, ограниченный одною женою, можетъ продолжаться? Не тѣсно ли связана безопасность государства съ тѣмъ обязательствомъ, которое привязываетъ человѣка къ его отечеству тысячью различныхъ способовъ, одинъ другаго сильнѣйшихъ? Поэтому, чѣмъ большая сила будетъ придана этому обязательству, тѣмъ болѣе будетъ упрочена общественная безопасность. Стало-быть, бракъ долженъ прекращаться только съ жизнью: ему слѣдуетъ придать тотъ религіозный характеръ, который внушаетъ толпѣ глубочайшее уваженіе къ узамъ, торжественно заключеннымъ предъ алтаремъ, въ присутствіи самого божества.

Но безъ особенной необходимости не слѣдуетъ приносить частную безопасность въ жертву безопасности общей. Для общества нисколько не выгодно, если два супруга гнушаются другъ другомъ, питаютъ одинъ къ другому крайнюю ненависть и отвращеніе. Это будетъ скорѣе зло, и зло непоправимое. Бракъ можно упрочить другими средствами, но никакъ не принужденіемъ, столько же несправедливымъ, въ своемъ основаніи, сколько жестокимъ, по своимъ

послѣдствіямъ. Какое ужасное рабство—на вѣкъ быть прикованнымъ къ тому лицу, къ которому у насъ нѣтъ никакого сочувствія, образъ мыслей и дѣйствій котораго діаметрально противоположенъ нашему! Немного найдется наказаній, которыя бы сравнились съ этимъ! Поэтому разводъ долженъ быть допущенъ. Надобно только опредѣлить условія его.

Предложимъ нѣкоторыя изъ этихъ условій.

1) Разводъ долженъ быть разрѣшаемъ надлежащимъ присутственнымъ мѣстомъ всякій разъ, какъ оба супруга потребуютъ его, по взаимному согласію.

2) Точно также присутственное мѣсто должно безпрекословно дать разводную по требованію даже одного лишь мужа или одной лишь жены, если только необходимость его признана семейнымъ совѣтомъ.

3) Въ случаѣ невозможности собрать этотъ совѣтъ, надлежащее присутственное мѣсто должно удовлетворить необходимости развода на основаніи доказательствъ, предъявленныхъ участвующими въ дѣлѣ сторонами.

4) Дѣти оставляются за тѣмъ изъ супруговъ, у котораго средствъ къ содержанію больше, или же по договору, заключенному между отцемъ и матерью, подтвержденному семейнымъ совѣтомъ и засвидѣтельствованному надлежащимъ присутственнымъ мѣстомъ.

5) Разводъ не допускается ранѣе формальнаго на него разрѣшенія.

6) Точно также онъ не допускается до истеченія одного года или двухъ лѣтъ, даваемыхъ на болѣе зрѣлое обсужденіе.

7) Въ теченіи этого срока мужъ и жена могутъ жить порознь.

Конечно, эти статьи требуютъ подробнаго разсмотрѣнія, котораго не допускаетъ объемъ нашего труда. Но какія бы правила ни были предписаны для развода, во всякомъ случаѣ необходимо, чтобъ они по крайней мѣрѣ одинаково благопріятствовали какъ слабому, такъ и сильному. Если для законодательства большая заслуга—установить равновѣсіе между лицами мужескаго пола, то почему жъ бы не установить его и между мужчиной и женщиной?

Но, скажутъ мнѣ, если въ извѣстномъ случаѣ разводъ долженъ быть допускаемъ несомнѣнно, то слѣдуетъ ли изъ-за этого такъ облегчать пути къ нему? Не значило ли бы это поселять въ общес-

ствѣ безпорядокъ? Только-что бракъ совершился, какъ онъ ужъ и расторгается. Самыя священныя узы сдѣлались бы средствомъ къ распутству.

Извѣстно, что одни только счастливые браки и были бы прочны. Но, съ другой стороны, одни лишь такіе браки и соотвѣтствуютъ порядку, тишинѣ и спокойствію, словомъ—безопасности страны. Нерасторгаемость несчастныхъ браковъ ничего бы не прибавила къ этой безопасности. И къ тому же, о чемъ тутъ рѣчь—о дѣйствительности ли, или только о внѣшности? Невѣрность двухъ супруговъ, неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ, есть уже на самомъ дѣлѣ разводъ, и даже еще болѣе—распутство, и распутство гораздо бо́льшее, нежели какое было бы тогда, когда бы супруги развелись. Одни съ порокомъ разврата невольно должны соединять тысячу другихъ, каковы напр. клятвопреступленіе, обманъ, лицемѣріе, дерзость, притворство, и т. п. Другіе были бы по крайней мѣрѣ только развратны, еслибъ это даже случилось, потому что сколько есть супруговъ, несчастныхъ въ первомъ бракѣ и представляющихъ по расторженіи его, въ новомъ бракѣ, утѣшительное зрѣлище полнаго взаимнаго согласія?

Предоставленіе разводу болѣе простора заставило бы брачащихся быть болѣе осмотрительными въ своемъ выборѣ, а супруговъ въ своихъ дѣйствіяхъ: вслѣдствіе чего браки будутъ и соотвѣтственнѣе, и прочнѣе. Легкость развода послужитъ къ предупрежденію самого развода.

Впрочемъ, не законнымъ же препятствіямъ къ разводу одолжены своимъ существованіемъ счастливые браки, основанные на любви, скрѣпленные дружбой, упроченные привычкою. Нѣжная, добродѣтельная супруга не нуждается въ законахъ, чтобъ любить мужа и предпочитать смерть разлукѣ. Добрый и чувствительный мужъ и безъ содѣйствія закона будетъ обращаться съ своей женой какъ съ равною себѣ, какъ съ своей подругой и спутницей жизни. Слѣдовательно, скорѣе утонченнымъ правамъ, нежели варварскимъ законамъ о женщинахъ и о разводѣ обязаны своимъ существованіемъ эти браки, счастливые и прочные въ то же время.

Для увеличенія числа такихъ браковъ законодательство должно сообразоваться съ нравственностію; оно должно отмѣнить эти тиранскіе законы и замѣнить ихъ другими, болѣе сообразными съ

цѣлью всякаго общества, а нравственность должна неусыпно стараться о поддержаніи чистоты нравовъ.

c) Самый разумный порядокъ наслѣдованія есть кажется тотъ, который основывается на равномъ раздѣлѣ наслѣдственнаго или благопріобрѣтеннаго имущества,- когда воля первоначальнаго владѣльца не обнаружена явно, а предполагается закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ порядокъ *справедливъ*, потому что онъ одинаково благопріятствуетъ всѣмъ дѣтямъ, прижитымъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей (*) и долженствующихъ пользоваться одинаковыми преимуществами. Онъ *общественный*, потому что предупреждаетъ скопленіе слишкомъ большихъ богатствъ въ рукахъ одного частнаго лица, скопленіе, которое было гибельно для правительства и для общественнаго спокойствія страны, гдѣ былъ допущенъ всякій другой порядокъ. Можно сказать даже, что онъ и *полезенъ*, такъ какъ онъ установляетъ раздѣленіе имуществъ, которое, въ свою очередь, производитъ раздѣленіе труда и заботъ, а слѣдственно и приведеніе имуществъ въ лучшее состояніе и увеличеніе доходовъ съ нихъ. По не мнѣ судить о пользѣ закона: довольно того, чтобъ онъ былъ справедливъ и умѣстенъ и его всегда можно будетъ допустить (**).

d) Для обезпеченія личности и имущества наслѣдниковъ, неспособныхъ управляться сами собою, по молодости или по какимъ-либо другимъ причинамъ, законъ назначаетъ опекуновъ. Онъ долженъ въ точности опредѣлить ихъ обязанности и подчинить ихъ контролю присутственныхъ мѣстъ. Обыкновенно личность малолѣтняго поручается матери, какъ лицу, принимающему наибольшее участіе въ его охраненіи, а имущество его—ближайшему родствен-

---

(*) Изъ этого я не исключаю и женщинъ: справедливость требуетъ, чтобъ и онѣ были допускаемы къ раздѣлу наравнѣ съ лицами мужескаго пола, какъ это мы видимъ въ настоящую пору во Франціи. Если, съ одной стороны, онѣ переносятъ наслѣдство за предѣлы семейства, по брачному договору, то съ другой—семейство вознаграждаетъ эту потерю тѣмъ же самымъ путемъ. Слѣдовательно, въ этомъ не только бы не было никакого неудобства, но еще была бы соблюдена справедливость, и справедливость самая точная, а это много значитъ.

(**) Стараніе избѣгнуть тяжбы или покончить ее какъ можно скорѣе требовало бы однакожъ, чтобъ законъ о раздѣлѣ имущества по наслѣдству не былъ выраженъ слишкомъ неопредѣлительно.

нику, какъ лицу, принимающему наибольшее участіе въ сохраненіи этого имущества въ цѣлости.

ГЛАВА XI.

О законахъ уголовныхъ.

Къ чему послужили бы законы государственные и гражданскіе, установляющіе права и обязанности государя и подданныхъ, если бъ они не были соблюдаемы? Поэтому должно или принуждать нарушителей къ ихъ исполненію, или наказывать ихъ, для обузданія тѣхъ, кто бы вздумалъ подражать имъ. Это соображеніе естественно приводитъ меня къ изслѣдованію преступленій и наказаній.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О сущности преступленій.

Въ обществѣ вообще, преступленіе есть нарушеніе общественныхъ законовъ. Въ данной странѣ въ особенности, преступленіе есть нарушеніе закона этой страны.

Вѣдѣніе закона и *намѣреніе* преступить его, выраженное дѣйствіемъ *положительнымъ* или *отрицательнымъ*—таковы, въ общественномъ состояніи или естественномъ, три существенныя условія, которыми опредѣляется понятіе преступленія.

Положительное дѣйствіе есть самый фактъ; отрицательное же есть бездѣйствіе, равносильное факту.

Стеченіе этихъ трехъ условій существуетъ поэтому всякій разъ, когда преступленіе можно предупредить; но когда этого не дѣлается, то отсюда рождается понятіе о соучастіи.

Когда же стеченія не существуетъ, тогда нѣтъ и преступленія. Дѣти, сумасшедшіе и безумные неспособны къ преступленію.

Если оно существуетъ лишь отчасти, то преступленіе будетъ неполное.

Преступленіе можетъ быть исправлено или вполнѣ или только отчасти, или же не можетъ быть вовсе исправлено. Поэтому оно бываетъ или *исправимое*, или *смѣшанное*, или *неисправимое*.

Есть однакожъ одинъ особенный случай, когда преступленіе, по

сущности своей хотя и неправимое, перестаетъ быть такимъ по закону, въ силу общественнаго мнѣнія, которое оспариваетъ у него эту власть. Я говорю о дуэли. Законъ запрещаетъ ее, общественное же мнѣніе считаетъ ее единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ загладить оскорбленіе противъ чести. И такое убѣжденіе до сихъ поръ одерживало верхъ надъ закономъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, потому что для человѣка тяжелѣе подвергнуться безчестію, нежели наказанію, какъ бы жестоко оно ни было. Во избѣжаніе этого опаснаго недоразумѣнія, закону слѣдовало бы уступить часть своихъ правъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обезопасить остальныя, постановивъ, что виновнымъ признается одинъ лишь обидчикъ, а обиженное лицо невинно, если только оскорбленіе будетъ ясно и положительно; въ противномъ случаѣ и тотъ и другой должны считаться одинаково виновными.

Всѣ преступленія сопровождаются различными обстоятельствами, которыя увеличиваютъ или уменьшаютъ ихъ *важность*, дѣлаютъ изъ нихъ или тяжкія преступленія, или легкіе проступки. Поэтому, для опредѣленія особеннаго характера каждаго преступленія, необходимо принимать во вниманіе степень его важности.

Человѣкъ, долгое время обращаясь жестоко съ своимъ врагомъ, предавая его тысячѣ истязаній, наконецъ утоляетъ свою ненависть и мщеніе—убиваетъ его.

Другой заколачиваетъ своего врага батожьемъ.

Третій убиваетъ своего противника въ жару увлеченія.

Четвертый стрѣляетъ на улицѣ въ птицу и убиваетъ человѣка.

Пятый поступаетъ точно также, только на большой дорогѣ.

Наконецъ, шестой дѣлаетъ пожалуй тоже самое, но на проселочной дорогѣ, глухой и малопроходной.

Всѣ совершили *убійство*, но въ какой различной степени важности! Первый виновенъ въ тяжкомъ преступленіи; второй въ немъ же виновенъ, но уже гораздо меньше; третій совершилъ скорѣе очень важный проступокъ, чѣмъ преступленіе; четвертый совершилъ только проступокъ; пятый виновенъ также въ проступкѣ, но гораздо менѣе; наконецъ, шестой почти не совершилъ проступка, или, если и совершилъ, то весьма легкій.

Въ первомъ и второмъ случаяхъ вѣдѣніе закона, намѣреніе преступить его и самый актъ высказываются рѣзко, страшно: преступ-

леніе здѣсь *полное*. Въ третьемъ случаѣ оно уже *неполное*, потому что можно предположить просто намѣреніе повредить, а не то что совершить именно убійство. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, такъ какъ въ нихъ и намѣреніе, и самое дѣйствіе слабы, неясны и сомнительны, преступленія обращаются въ проступки, болѣе или менѣе важные, болѣе или менѣе легкіе.

Не слѣдуетъ однако смѣшивать *обстоятельства съ сущностью* преступленій. Убійство и отцеубійство два преступленія различныя—не по обстоятельствамъ, но по самой сущности. И то и другое въ отдѣльности имѣютъ различныя степени важности.

Разумѣется, что оттѣнковъ, возможныхъ въ одномъ и томъ же преступленіи, бываетъ гораздо больше, нежели сколько я представилъ. Но если включить ихъ какъ можно болѣе въ уголовный кодексъ, то можетъ выдти запутанность,—это неизбѣжное послѣдствіе всякаго анализа, слишкомъ *подробнаго* или слишкомъ *поверхностнаго*.

И потому я полагаю, что законодатель, при опредѣленіи мѣры всякаго преступленія, можетъ ограничиться шестью степенями важности.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О сущности наказаній.

Всякое преступленіе есть зло; всякое наказаніе—другое зло.

Поэтому наказывать значило бы только къ одному злу прибавлять другое, если бъ цѣлью всякаго наказанія не было намѣреніе предупредить еще бо́льшее зло. Такимъ образомъ, всякое наказаніе должно быть средствомъ къ обузданію, оно должно служить примѣромъ.

Слѣдовательно, первое свойство законнаго наказанія есть его *публичность*.

Подвергать виновнаго секретному наказанію, какъ бы впрочемъ оно ни было имъ заслужено, значить причинять зло, не имѣя намѣренія предупредить зло еще бо́льшее, значитъ посягать на безопасность общественную и частную, значитъ совершать настоящее преступленіе.

Соображая цѣль наказаній съ сущностью преступленій, мы находимъ прежде всего, что когда послѣднія могутъ быть исправлены, то и

наказаніе должно быть *исправимо* и не только *полное*, но и *превышающее* преступленіе, потому что наказаніе, несоразмѣрное съ преступленіемъ, было бы непослѣдовательностью со стороны закона, который самъ въ такомъ случаѣ присоединилъ бы невознаградимое зло къ такому злу, которое можно исправить, но которое не исправлено по его винѣ; *полное*, потому что законъ былъ бы несправедливъ и съ тѣмъ вмѣстѣ непослѣдователенъ, если бъ, посредствомъ несовершеннаго исправленія, наказывалъ обиженнаго и поощрялъ обидчика; *превышающимъ* мѣру, потому что дѣло идетъ не о томъ только, чтобъ исправить зло, но и о томъ, чтобъ предупредить новое, еще бо̀льшее.

Когда преступленіе неисправимо, тогда просто надобно наказывать. Если же оно смѣшанное, то надобно исправить то, что можетъ быть исправлено и наказывать то, чего исправить нельзя.

Но каковы бы ни были сущность и публичность наказанія, оно всегда будетъ незаконнымъ, а часто нелѣпымъ и варварскимъ, если окажется недостаточнымъ для отвращенія предвидимаго зла, или будетъ соображаться съ нимъ или превышать его, потому что во всякомъ изъ этихъ случаевъ законъ самъ совершаетъ зло, и зло *всегда тщетное*. Государь, который для усмиренія или наказанія жителей возмутившагося города разрушаетъ наибольшую часть его, совершаетъ зло безконечно бо̀льшее, чѣмъ то, какое повлекла бы за собою непокорность и ея погубныя послѣдствія. Поступокъ его былъ бы поступкомъ дикаго и кровожаднаго тирана. Поэтому наказаніе должно быть *меньшимъ* сравнительно съ предупреждаемымъ зломъ, но *достаточно сильнымъ*, чтобъ ему воспрепятствовать.

Чѣмъ сильнѣе зло, тѣмъ сильнѣе должно быть и средство къ его пресѣченію, чтобъ въ такой же мѣрѣ усилить и опасеніе совершить его. Такимъ образомъ *наказаніе должно соразмѣряться съ преступленіемъ*.

Но, независимо отъ этой соразмѣрности, есть еще другая, проистекающая изъ бо̀льшей или меньшей опасности, коей подвергается общественная безопасность отъ преступленія, которое само по себѣ, при другихъ политическихъ обстоятельствахъ, часто бываетъ незначительно. Ослушаться командира въ виду непріятеля—это само по себѣ не есть еще такое зло или преступле-

2007065961